

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

100,840

8

КНИГА VIII

МОСКВА.

1894.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/84

AP50
R875
v. 15:8
MAIN

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ПОБѢДА. (Повѣсть). <i>Окончаніе.</i> —Н. С. Баранцевича.	1
II. ГОЛУБОЙ ИБИСЬ. Романъ Жака Экара. Переводъ съ французскаго М. Н. Р. <i>Продолженіе.</i>	48
III. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Н. П. Ансанова	110
IV. АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ И НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРЪИНА. (Ихъ переписка). <i>Продолженіе.</i>	112
V. СМЕРТНЫЙ БОЙ. (Повѣсть).—И. Н. Потапенна	135
VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—К. Д. Бальмонта	196
VII. ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАЯ ОЛИГАРХІЯ ПОСЛѢ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. <i>Продолженіе.</i> —А. Н. Филиппова.	1
VIII. РАБОЧІЕ НА ФАБРИКАХЪ И ПРОМЫСЛАХЪ. <i>Окончаніе.</i> —К. И. Тумскаго.	19
IX. СУДЬБА КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ. <i>Окончаніе.</i> —А. А. Корнилова.	45
X. ГЛАВНЫЯ ТЕЧЕНІЯ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVIII И XIX СТОЛѢТІЙ. <i>Продолженіе.</i> —П. Н. Милонова.	77
XI. ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИРИКА ВЪ XIX СТОЛѢТІИ. <i>Продолженіе.</i> —А. Ч.	107
XII. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.—О. Т. В.	125

	<i>Стр.</i>
XIII. ОСНОВНОЙ ВОПРОСЪ ПРОГРЕССА. (<i>A. Fouillée: «La psychologie des idées-forces»</i> . Paris, 1893).—Л. Е. Оболенскаго . . .	130
XIV. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванокова . . .	149
XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Новый уставъ государственнаго банка. — Ссуды мелкимъ промышленникамъ и торговцамъ. — Какое значеніе имѣютъ ссуды чрезъ посредниковъ?—По поводу отчета крестьянскаго банка за 1893 годъ. — Паспортная реформа. — Льготы по образованію при отбываніи воинской повинности	174
XVI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ	193
XVII. БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Философія, психологія, эстетика и педагогика.—Исторія, исторія литературы и біографія. — Путешествія. — Политическая экономія и статистика. — Сельское хозяйство. — Медицина. — Учебники. — Книги для народнаго чтенія.—Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», июль.—«Русское Богатство», июль. — «Міръ Божій», июль. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 июля по 1 августа 1894 г.	383

П О Б Ъ Д А *).

(Повѣсть).

УП.

Утромъ Бѣлавенскій, врадучись какъ воръ, вышелъ изъ дому. Всѣ еще спали; заспанная Степанида заперла дверь за бариномъ, нисколько не удивившись его раннему уходу, такъ какъ онъ привыкъ уже домашнихъ къ нѣкоторымъ изъ своихъ странностей.

Очутившись на улицѣ, Бѣлавенскій не безъ удовольствія вдохнулъ полною грудью. Ему казалось, что вѣстѣ съ бодрящимъ морознымъ воздухомъ въ немъ воскресъ духъ свободы. Теперь-то ужъ онъ былъ совершенно свободенъ; всякія путы дома, обязанности распались легко и внезапно. Ни семейной зависимости, ни тайнаго контроля домашнихъ надъ его поступками не существовало. Тамъ, на квартирѣ, осталась цѣлая куча неразобранной дряни: жалобы и слезы измѣнившей жены, гнѣвъ тещи, изумленіе тестя, — пускай всѣ они разбираются между собою, какъ хотятъ, онъ ото всего отошелъ, «отрясъ прахъ», ему ни до чего нѣтъ дѣла. И совѣсть его спокойна; онъ поступилъ просто и разумно: взялъ и ушелъ.

Бѣлавенскій зашелъ въ кондитерскую, спросилъ чаю и углубился въ газеты. Невольно ему вспомнилось, что газету онъ всегда читалъ за утреннимъ чаемъ дома, а подлѣ, неряшливая, въ разстегнутомъ пеньюарѣ и папильоткахъ, сидѣла жена, дѣлаясь съ нимъ мелкими, пошлыми впечатлѣніями проведеннаго наканунѣ вечера. Тутъ же припомнилось Бѣлавенскому, что она не разъ заговаривала съ нимъ о Мятлинѣ и всегда съ отгѣнкомъ добродушной ироніи. Вспомнился за одно и Мятлинъ, плохенькій врачъ, но человѣкъ съ большимъ практическимъ чутьемъ. Его благообразная

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

впѣшность дѣйствовала обаятельно на всѣхъ, — на женщинъ и на мужчинъ. Онъ быстро знакомился, незамѣтно втирался въ пріятельство, — какъ втерся въ пріятельство съ Бѣлавенскимъ, — и затѣмъ ловко домогался разныхъ услугъ. Такимъ образомъ у него составила довольно порядочная практика. Въ последнее время онъ мѣтилъ въ ассистенты къ одной медицинской знаменитости и, въ минуты откровенности, улыбаясь и свая свои бѣлые зубы, говорилъ Бѣлавенскому, что «дѣло на мази».

Бѣлавенскій вспоминалъ различные эпизоды своей жизни, встрѣчи, знакомство съ Мятлинымъ и ему подобными и чувствовалъ, какъ словно какой-то гнетъ опускался надъ нимъ. Сѣренькая, будничная жизнь безъ цѣли, безъ идеала, даже безъ смысла, вся заключающаяся въ борьбѣ за существованіе, давила, пригибала его до состоянія безнадежнаго отчаянія и апатіи. Никто изъ окружающихъ Бѣлавенскаго не выходилъ изъ уровня посредственности и самодовлѣющей пошлости.

Бѣлавенскій давно уже не читалъ газеты, свернулъ, положилъ ее на столъ и сидѣлъ, глубоко задумавшись, надъ остывавшимъ стаканомъ чая.

«Я уйду! Я непременно долженъ уѣхать, — говорилъ себѣ Бѣлавенскій, — и теперь ничто не удерживаетъ меня... Ну, а если и тамъ будетъ то же? Люди вездѣ одинаковы».

Онъ обвелъ взглядомъ кондитерскую. Кромѣ него, въ ней не было посѣтителей. За вырубкой стоялъ прикащикъ, мужчина серьезнаго вида съ бородою, державшій себя съ большимъ достоинствомъ («точно директоръ департамента», — подумалъ про него Бѣлавенскій). Длинный, рыжій лакей приткнулся къ углу съ салфеткой на ругѣ и дремалъ.

«Прикащикъ продаетъ, лакей служить, Яковъ Степанычъ отдаетъ въ аренду земли и эксплуатируетъ рабочихъ, а я... я долженъ сдѣлать главное — устранить зло. Вотъ моя задача! — думалъ Бѣлавенскій, — и это главное я долженъ всегда помнить и долженъ къ нему стремиться».

Онъ расплатился и, выйдя на улицу, повернулъ по Надеждинской.

«Всякое зло, которое я замѣчу, я обязанъ устранять», — мысленно твердилъ онъ, подходя къ дому, гдѣ жилъ Огневъ, товарищъ по гимназіи, служившій въ одномъ казенномъ учрежденіи.

Позвонивши у дверей квартиры, Бѣлавенскій вдругъ вспомнилъ, что товарищъ долженъ быть уже на службѣ, повернулся уйти, но раздумалъ.

Отворившая ему дверь деревенская баба посмотрѣла на него съ удивленіемъ и даже недоброжелательствомъ.

— Барина дома нѣтъ,—сообщила она.

— А барыня?

— Барыня?—еще больше удивилась баба, какъ бы желая сказать: «и какое тебѣ дѣло до нея?» — Барыня дома.

Бѣлавенскій самъ снялъ пальто, повѣсилъ на вѣшалку и вошелъ въ залу.

Двое мальчиковъ, шести и четырехъ лѣтъ, блѣдные, худенькіе, сидѣли другъ за другомъ на скамейкахъ, и старшій, бывшій впереди, дергалъ лошадь-качалку за веревку.

— Здравствуйте, дѣти!—сказалъ Бѣлавенскій.

Мальчики, не отвѣчая, съ удивленіемъ смотрѣли на него. Наконецъ, старшій дернулъ веревку и крикнулъ младшему:

— Ну, нанимай, что ли!

— Три копѣйки!—крикнулъ тотъ.

— Куда ѣхать-то?

— На Невскій!

— Ахъ, извините, пожалуйста!—сказала вошедшая жена товарища, женщина среднихъ лѣтъ, страшно худая, съ красными пятнами на щекахъ, въ домашнемъ потертомъ капотѣ и накинутомъ на плечи платкѣ.—Я по хозяйству... только что съ рынка... Павелъ Александрычъ ушелъ на службу.

— Ничего, ничего!—пробормоталъ Бѣлавенскій, ловя на лицѣ хозяйки выраженіе недоумѣнія.

— Пожалуйста, войдите въ кабинетъ... Здѣсь шумятъ,—пригласила хозяйка и крикнула въ сторону дѣтей:—Зачѣмъ вы тутъ натаскали? Сколько разъ я вамъ говорила!

— Мы играемъ въ лосяди,—заявилъ младшій.

— Что съ ними будешь дѣлать?—тономъ оправданія сказала хозяйка, присаживаясь на стулъ. — Ну, какъ здоровье Натальи Яковлевны? Мы такъ давно не видались!

— Ничего, здорова,—отвѣчалъ Бѣлавенскій,—а вы какъ?

— Что я!—махнула она рукой,—смерть приближается... чувствую. А умирать, все-таки, не хочется... Ужасно не хочется. Я и то говорю Ивану Александрычу...

Съ кухни донеслось какое-то шипѣнье и у хозяйки на лицѣ изобразилась тревога.

— Извините, я на минутку.

Она вышла и скоро вернулась. Лицо у нея было красное и глаза гнѣвно сверкали.

— Бѣда съ прислугой, — сказала она, — все должна сама, иначе перепортятъ... Да, давненько вы у насъ не были. Я тутъ лежала: бронхитъ обострился.

Дѣти не поладили и подрались. Младшій залился плачемъ, подбѣжалъ къ матери и началъ жаловаться.

— Вотъ вы счастливый, — сказала она, — у васъ нѣтъ дѣтей. Если бы вы знали, сколько съ ними хлопотъ... Ну, что надо?

Въ дверяхъ стояла кухарка.

— Позвольте, барыня, на хлѣбъ.

— Ты всегда не въ-время! — съ досадою воскликнула хозяйка. — Ходила за огурцами, что бы спросить на хлѣбъ! Еще чего не нужно ли? Извините, я сейчасъ.

Она встала и вышла. Бѣлавенскій прошелъ въ кабинетъ, посидѣлъ, посмотрѣлъ на письменный столъ, на счеты, въ проволокахъ которыхъ зачѣмъ то запутался фарфоровый пѣтушокъ, на жесткій, отрепанный, очевидно, дѣтскими ногами диванъ, мѣсто послѣобѣденнаго отдыха хозяина, и снова вышелъ въ залу.

Хозяйка такъ и не явилась. Изъ кухни, подъ аккомпаниментъ шипѣнья, скворчанья и дѣтскаго ноющаго плача, доносились отрывистыя замѣчанія и приказанія хозяйки. Мальчикамъ надоѣло играть въ «лошадки» и они притихли: старшій вырѣзывалъ изъ бумаги уродливыя фигурки людей, а младшій съ восхищеніемъ слѣдилъ за его работой.

Бѣлавенскій отобралъ отъ мальчика ножницы и принялся самъ вырѣзывать. Этотъ процессъ такъ занялъ его, что онъ больше ни о чемъ не думалъ. Вскорѣ, помимо цѣлой коллекціи людей, явились лошади, коровы, овцы.

Дѣти были въ восторгѣ.

— Вотъ этотъ, толстый, будетъ у насъ пастухъ, — говорилъ Бѣлавенскій, — а это его стадо... Тебя какъ зовутъ? — обратился онъ къ младшему.

— Сележа, — серьезно отвѣчалъ тотъ, закладывая за кушакъ большой палецъ руки.

— Ты согласенъ, Сережа, что этотъ будетъ пастухъ?

— Ну, ладно.

— Нужно еще лошадку, — попросилъ старшій.

— А тебѣ мало двухъ? Ну, хорошо, вырѣжемъ еще лошадку, или ужъ пару?

— Палу, — потребовалъ Сережа, — и коловку.

— И коровку? Прекрасно! Но куда же мы загонимъ такое большое стадо? Нужно устроить хлѣвъ и конюшни? Не такъ ли?

Сереза долго, какъ бы изучая, смотрѣлъ въ лицо Бѣлавенскаго и вдругъ спросилъ:

— А тебя какъ зовутъ?

— Меня? Глѣбъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Хлѣбъ? — лукаво улыбаясь, повторилъ Сереза.

— Ну, пожалуй, хоть и хлѣбъ. Миѣ все равно. Э-э! Постой, постой, пріятель! Ты это что же мою работу портишь? — воскликнулъ Бѣлавенскій, увидѣвъ половину стада скомканнымъ въ рукѣ Сереза. — У тебя, я вижу, наклонности-то разрушительныя.

— Ничего не подѣлаешь. — неожиданно выпалилъ Сереза.

— Какъ, какъ? Ничего не подѣлаешь?

— Ничего не подѣлаешь, — повторилъ тотъ.

Бѣлавенскій расхохотался.

— Э, да ты, братъ, философъ на подкладкѣ россійскаго фатализма! А умѣешь пѣсни пѣть?

— Умѣю.

— Ну, спой.

— Какую? Синенькую?

— Что такое: «Синенькую»? Ну, спой хоть синенькую.

Сереза запѣлъ:

«Дѣти, въ школу собиайтесь,
Пѣтушковъ плопѣлъ давно».

— Молодецъ! — похвалилъ Бѣлавенскій. — Ну, спой теперь другую.

— Какую? Лыженькую?

— Спой рыженькую.

— Лыженькая худая. Блугленькую?

— Ну, кругленькую.

Сереза запѣлъ, притопывая и махая въ тактъ рукой:

«Бѣлка тамъ живетъ лучшая,
И затѣйница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да олѣшки все глызетъ,
А олѣшки не плосые,
Все сколупиы золотыя!...»

— Ай да молодецъ! Вотъ спасибо! — воскликнулъ Бѣлавенскій.

Старшій братъ смотрѣлъ на младшаго снисходительно, улыбаясь, какъ бы желая сказать: «Это уже я все прошелъ, это дѣтскія пѣсенки, я знаю кое-что получше!»

Занимаясь и болтая съ дѣтьми, Бѣлавенскій не замѣтилъ, какъ

летѣло время. Иногда мать заглядывала, пріоткрывъ дверь изъ другой комнаты, и съ благодарною улыбкой на блѣдныхъ губахъ говорила:

— Они вамъ надоѣли, Глѣбъ Павловичъ? Такіе озорники! Съ ними только свяжись!

— Напротивъ, они меня забавляютъ. Презанятная молодежь! — отвѣчалъ Бѣлавенскій, съ тоскливымъ чувствомъ участія смотря на изнуренную, тающую отъ чахотки женщину и, въ то же время, чувствуя, какъ отъ общенія съ дѣтьми постепенно замираетъ его собственная внутренняя боль.

Въ пять часовъ въ передней послышался звонокъ.

— Папа, папа! — закричали дѣти и бросились встрѣчать отца.

Старый школьный товарищъ показался Бѣлавенскому постарѣвшимъ, усталымъ, недовольнымъ. Они давно не видались. Съ тѣхъ поръ, какъ Ната завела свой особый кругъ знакомыхъ, Огневъ, чувствуя себя не въ своемъ обществѣ, очень рѣдко бывалъ у Бѣлавенскихъ.

Бѣ объѣду появилась дочь Огневыхъ, Саша, пятнадцатилѣтняя гимназистка. Бѣлавенскій помнилъ ее въ возрастѣ Сережи веселую, умною дѣвочкой, свободно болтавшею съ взрослыми и распѣвавшею пѣсни, — теперь это была худощавая, некрасивая дѣвушка-подростокъ. У ней было хмурое, апатичное лице, усталый видъ; она, видимо, была удручена занятіями, ѣла мало, безъ аппетита, и, пока сидѣла за столомъ, не проронила ни слова.

— Чортъ знаетъ какая гадость! — воскликнулъ Огневъ, кончивъ съ супомъ.

Женѣ показалось, что онъ недоволенъ кушаньемъ.

«Пересолила или недосолила?» — отразилось на ея блѣдномъ, встревоженномъ лицѣ, но она ничего не сказала, только виновато посмотрѣла на мужа.

— Что случилось? — спросилъ Бѣлавенскій, отрываясь отъ своихъ думъ.

— Да какъ же, помилуй! Въ этомъ году опять безъ «остатковъ», значить, и награда улыбнулась.

Лицо хозяйки сдѣлалось совсѣмъ унылымъ.

— Куда же дѣвались остатки? — спросилъ Бѣлавенскій.

— Куда! Пошли на наемъ разной рекомендованной шушеры. Понадобилось, вишь, имъ усиленіе состава для успѣшности дѣла. А какая тамъ успѣшность! Дѣло какъ шло, такъ и идетъ. Попржнему, одни работаютъ, какъ волы, а вотъ эта, рекомендованная раз-

ными высокопоставленными лицами, тля баблужи бьет да жалованье получаетъ.

И онъ долго, уже послѣ обѣда и кофе, когда оба они, и хозяинъ, и гость, сидѣли въ кабинетѣ, просвѣщалъ Бѣлавенскаго относительно подвоховъ и всяческихъ ухищреній начальства, въ свою очередь поставленнаго въ зависимое положеніе передъ рекомендующими, власть имѣющими лицами, жаловался на маленькій окладъ, на тяжесть жизни, на болѣзненное состояніе жены.

— Послушай, ты помнишь Черехина? — спросилъ Бѣлавенскій, — его дядя директоромъ твоего департамента.

— Помню, — вяло отвѣчалъ Огневъ. — Ты хочешь, вѣроятно, посовѣтовать сходить къ нему? Не стоить, ничего не будетъ. Онъ астрономіей занимается, ученымъ сдѣлался, такъ ему не до насъ, грѣшныхъ.

— Ну, это пустяки, положимъ, — пробормоталъ Бѣлавенскій, — главное, не нужно впадать въ апатію.

— Да, попробуй - ка на моемъ мѣстѣ, не впади! — отвѣчалъ Огневъ, поглядывая на диванъ, гдѣ уже приготовлена была кожаная подушка и гдѣ бѣдный чиновникъ, послѣ служебныхъ и семейныхъ дрызгъ, въ тяжеломъ снѣ возобновлялъ силы для мелкой, изсушающей и опошляющей борьбы за существованіе.

Бѣлавенскій смотрѣлъ на облысѣвшую, пришибленную фигуру товарища и думалъ, что какой-нибудь годъ тому назадъ въ этихъ комнатахъ пребывалъ тихій ангелъ, дѣти болтали невинныя рѣчи, а вотъ пришелъ человекъ, заговорилъ о подлостяхъ, о насиліи, о томъ, какъ человекъ ѣсть человека, и внесъ смуту. И дѣти при молгли, слушаютъ. Бѣдныя дѣти, то ли они еще узнаютъ! Скоро у нихъ не станетъ матери, некому будетъ ихъ накормить, ошнить, послать въ школу, и, какъ знать, можетъ быть, милый, умный Сережа превратится въ уличнаго ворюшку, а хмурая Саша, въ головѣ которой и теперь бродятъ невеселыя мысли, съ тоски, съ отчаянія, видя разрушеніе семьи и не будучи въ состояніи помочь, возьметъ, да и наложить на себя руки.

Бѣлавенскій посидѣлъ еще немного, потомъ распростился съ хозяевами и ушелъ мрачный.

VIII.

Около десяти часовъ вечера онъ поднимался по лѣстницѣ большого дома на Васильевскомъ островѣ и, остановившись передъ дверью, на которой была металлическая доска съ надписью: «Михаилъ Семеновичъ Черехинъ», позвонился.

— Дома баринъ?— спросилъ онъ у отворившей дверь горничной.

На лицѣ той изобразилось замѣшательство. Сегодня Бѣлавенскому суждено было всёхъ приводить въ недоумѣніе.

— Они занимаются,—пробормотала горничная.

— Занимается, значить, дома. Скажите: Бѣлавенскій.

Горничная нехотя отправилась съ докладомъ. Бѣлавенскій вошелъ въ гостиную, большую, мрачную комнату съ мягкой мебелью и двумя огромными шкафами, набитыми книгами. На верху одного шкафа помѣщался глобусъ, на другомъ чей-то гипсовый бюстъ.

«Боперника или Галилея,—подумалъ Бѣлавенскій, остановившись передъ бюстомъ,—а, можетъ быть, самого хозяина, отсюда не разберешь. У Михаила вздернутый и короткій носъ, но, лѣпя съ него бюстъ, носъ непременно должны были удлинить. Такова ужъ общая форма».

Изъ кабинета, шаркая туфлями, вышелъ хозяинъ, худощавый, болѣзненнаго вида блондинъ лѣтъ подь 40, въ очкахъ, съ длинными, прямыми волосами и рѣденкою бородкой.

— Ахъ, голубчикъ, здравствуй!—скороговоркой привѣтствовалъ хозяинъ Бѣлавенскаго.—Ты что-то рѣдко, рѣдко заходишь... Да, рѣдко!

— Съ тѣхъ поръ, какъ у тебя завелись доклады,—отвѣчалъ Бѣлавенскій.

— Какіе доклады?—тревожно заморгалъ тотъ вѣгами съ рѣдкими, блѣсоватыми рѣсницами,—у меня никакихъ... Я занимался, но для тебя... Какіе доклады! Я очень радъ, что ты заглянулъ. Ну, какъ поживаешь? Похудѣлъ, похудѣлъ! Что ты, хворалъ, что ли?

Онъ привелъ его въ кабинетъ, небольшую комнату, значительную часть которой занималъ огромный, изнемогавшій подъ бременемъ книгъ, брошюръ и рукописей письменный столъ, посадилъ въ кресло и самъ сѣлъ напротивъ.

— Будемъ пить чай? Ты еще не пилъ, а? Я думаю, пора?—спросилъ Черехинъ.

— Не поздно ли?

— Развѣ? Боторый часъ? Ого, десять! Дуня, Дуня, Дуниша!

— Что прикажете?—спросила появившаяся горничная.

— Дайте намъ чаю,—приказалъ Черехинъ.—Гм... да! Однако, какъ я заработался!

— Ты, можетъ быть, и не обѣдалъ сегодня?—спросилъ Бѣлавенскій.

— Я? Нѣтъ, обѣдалъ. Конечно, обѣдалъ.

— Ишь, бѣдняга, какъ тебя твоя астрономія загрызла! Поди-ка, новую звѣзду открылъ, а?

— Ты все шутишь. Новую звѣзду! Нѣтъ, ужь это не по нашей части. Думаешь, такъ легко открыть новую звѣзду?

— Скажи на милость!—съ дѣланною наивностью воскликнулъ Бѣлавенскій. —Трудно, говоришь? А я и не зналъ! Вотъ образецъ невѣжества!

— Какъ ты, однако, любишь смѣяться надо мной!

— Я? Ничуть. Съ чего ты взялъ?

— Ну, да, ты не вѣришь въ мой трудъ.

— Богъ съ тобой! Въ эпохи общественнаго затишья и неподвижности всегда являлось много ученыхъ, въ особенности въ области отвлеченныхъ, метафизическихъ наукъ. Оно и понятно. Куда же дѣвать силы? Дѣйствительность сѣра и подла, а наука, какова бы она тамъ ни была, такъ заманчива. И оправданіе, главное, всегда найдется.

— Оправданіе?—вскинулъ на него близорукими глазами Черехинъ, рывшійся въ ворохахъ исписанной бумаги и дѣлая вычисленія карандашомъ, который онъ держалъ въ тонкихъ, блѣдныхъ пальцахъ. —Къ чему оправданія? Человѣкъ, отдавшійся наукѣ, не нуждается въ оправданіяхъ, потому что она выше всего, выше всякой дѣйствительности. Она—источникъ будущаго благосостоянія и счастья народовъ.

— Ого! Не думаешь ли ты переселить «народы» на Марсъ?

— Современемъ, можетъ быть, да. Ну, да мы объ этомъ еще поговоримъ. Бстати, я наблюдалъ Юпитера и покажу тебѣ, что это за прелесть. Невозможно оторваться. Вотъ, только кончу... Потерпи.

— Да я не особенно горю желаніемъ видѣть твоего Юпитера, — отвѣчалъ Бѣлавенскій.

— Потому, что ты ни разу не наблюдалъ, очень просто. Я самъ долго ждалъ удобнаго момента... И что за прелесть! На небѣ ни облачка, все, всѣ полосы видны прекрасно- Залюбуешься! Вѣдь, ты же не лишенъ эстетическаго чутья?

Бѣлавенскій досадливо передернулъ плечами и принялся ходить по комнатѣ. Черехинъ погрузился въ вычисленія. Горничная принесла чай, но онъ только посмотрѣлъ на нее и не притронулся.

Бѣлавенскій выпилъ свой стаканъ, походилъ еще немного, сѣлъ на отоманку и задумался.

Въ воображеніи его рисовалась Ната, съ ея внезапною, физическою любовью къ Мятлину, проходили сцены его семейной неурядицы, нелѣпыя, безпричинныя, вспоминалась семья Огневыхъ,

въ которой мужъ и жена, преданные одинъ другому, любившіе другъ друга, тѣмъ не менѣе, изнемогали отъ нужды и подъ давленіемъ ея тяжести, вѣроятно, портили другъ другу жизнь. Вездѣ чего-то не хватало. Быть можетъ, счастья, быть можетъ, ума, такта, денегъ, а, можетъ быть, совершенно ничтожнаго пустяка, отсутствіе котораго, однако, дѣлало всѣхъ несчастными. Одинъ только былъ, повидимому, совершенно спокоенъ и счастливъ — Черехинъ. Но что же онъ дѣлаетъ? Тѣшитъ себя красотой и блескомъ звѣздъ, создаетъ фантастическія теоріи о какихъ-то особенныхъ существахъ, населяющихъ звѣздные міры, и такъ позорно, такъ возмутительно равнодушенъ къ землѣ и человѣку. Призракъ, созданный его фантазіей и обитающій гдѣ-то на лунѣ или на Марсѣ, ему дороже, ближе своего брата, человѣка. Это какой-то маниакъ, а какъ много такихъ! Одинъ носится съ планетами, другой изучаетъ строеніе крыльевъ у какого-нибудь жука, третій пытается открыть четвертое измѣреніе.

— Ну, вотъ, я и кончилъ!

Черехинъ вздохнулъ впалую грудью и откинулся на спинку кресла.

— Скажи, пожалуйста, — началъ Бѣлавенскій, — вотъ ты хорошо знакомъ съ разными планетами, — есть тамъ живыя существа?

— Покуда это, конечно, все гадательно, — отвѣтилъ тотъ, — на нѣкоторыхъ, вѣроятно, есть: на Марсѣ, на Венерѣ, которая, подобно землѣ, окружена атмосферой.

— Ну, и какъ ты думаешь, есть ли тамъ что-нибудь похожее на людей, и такіе ли же они дрянъ, какъ и мы, грѣшныя?

— Я думаю, что тамъ обитаютъ совершенныя существа. Можетъ быть, они живутъ по тысячѣ лѣтъ, обладаютъ крыльями! — съ увлеченіемъ воскликнулъ Черехинъ.

— Гм, — усмѣхнулся Бѣлавенскій, — хорошо бы пригласить къ намъ этихъ совершенныхъ существъ.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Чтобъ они насъ поучили уму-разуму.

— Ну, пѣтъ! Наша атмосфера для нихъ губительна.

— Вотъ какъ! Такъ что же толку созерцать разныя прелести, когда онѣ недостижимы?

— Извини, братъ, я съ тобой не согласенъ. Мало ли что для насъ недостижимо! Когда я смотрю въ телескопъ, я забываю все, весь міръ! — воскликнулъ Черехинъ.

— А не приходитъ тебѣ въ голову, что все, что ты «созерцаешь», можетъ быть, миражъ, оптической фокусъ?

— Нѣтъ, этого мнѣ въ голову не приходитъ и приходитъ не можетъ, потому что...

— Ну, ладно! — махнулъ рукой Бѣлавенскій. — Съ тобою, видно, какъ сказалъ одинъ мой пріятель, маленькій мальчикъ, «ничего не подѣлаешь». Пей чай; онъ остылъ. Да, кстати, твой дядя управляетъ н-скимъ департаментомъ?

— Да, управляетъ.

— Ты съ нимъ какъ... хорошъ?

— Ничего. Недавно обѣдалъ у него.

— Прекрасно! Помнишь нашего товарища по гимназіи, Огнева?

— Огнева? — задумался Черехинъ. — Ахъ, «чижика»? Помню, помню! Что съ нимъ?

— «Чижъ захлопнула злодѣйка западня»... Бѣдняга поступилъ въ департаментъ твоего дядюшки, женился, наплодилъ ребятъ, а теперь мается. Повышенія никакого, жалованье маленькое, вдобавокъ еще наградныхъ не даютъ, въ виду «усиленія состава».

— Гм...

Черехинъ бросилъ взглядъ изподлобья на пріятеля и задумался. Худые, тонкіе пальцы нервно теребили шнурокъ халата. Но вдругъ онъ поднялъ голову, взглянулъ въ окно, въ которое было видно ясное, усѣянное звѣздами небо, и безпокойно зашевелился въ креслѣ.

— Ну, да, такъ ты это къ чему же? — заговорилъ онъ. — Ты что собственно придумалъ? Чего хочешь?

— Дѣло простое: съѣзди къ дядѣ и похлопочи за товарища. Я не знаю, слѣдуетъ ли ему повышение и во власти ли это твоего дяди, ну, а ужъ наградныхъ-то нужно выдать. Бюго же на Руси обходили когда наградными?

— Да, да, это такъ, конечно! — съ дѣланнымъ жаромъ воскликнулъ Черехинъ. — Похлопотать нужно! Не ручаюсь за успѣхъ, но буду стараться. Я и не зналъ, что онъ у дяди. Вообще я потерялъ его изъ виду.

Бѣлавенскій смотрѣлъ на худощавую, согбенную фигуру пріятеля и думалъ, что изъ затѣяннаго имъ, все равно, не будетъ никакого проку. Черехинъ, не теряя изъ виду ни одной звѣздочки на лацкѣ, давно уже растерялъ всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ и чересталъ ими интересоваться. Дядюшка, желая на званомъ обѣдѣ похвастаться ученымъ племянникомъ, вѣроятно, попалъ на Черехина врасплохъ, заставилъ его умыться, одѣться, посадилъ въ каету и повезъ. Безъ этого ученый не двинулся бы съ мѣста. Такіе

люди, какъ онъ, безповоротно обособляются отъ всѣхъ и вся и до высочайшихъ предѣловъ воспитываютъ въ себѣ покой и эгоизмъ.

— Ну, да, съ этимъ кончили! Я пойду, и что могу, конечно... А вотъ пойдемъ-ка на балконъ, я тебѣ покажу кое-что, — предложилъ Черехинъ.

— Какъ на балконъ? Теперь?—удивился Бѣлавенскій.

— Мы надѣнемъ шубы. Пустяки!

— Да что у тебя тамъ, на балконѣ?

— Труба, труба, братъ. Старую по боку, а это новая, мюнхенская, отъ Мерца, съ паралактическою постановкой.

— Полторы тысячи за трубу!—всплеснулъ руками Бѣлавенскій.

— Это еще что! Есть дороже! Ну, надѣвай свою шубу!

Пока Бѣлавенскій ходилъ въ переднюю за пальто, Черехинъ забрался на балконъ и уже возился около телескопа.

— Наблюдения лучше всего дѣлать ночью,—объяснялъ онъ вошедшему Бѣлавенскому,—превращаются ѳзда и всякія сильныя сотрясенія. Ты представить не можешь, что значать малѣйшія сотрясенія для телескопа. Теперь тихо, совсѣмъ тихо, не правда ли? А не ощущаемыя нами сотрясенія, все-таки, есть и планету приходится «ловить» глазами,—такъ она у тебя и шныряетъ.

Согнувшись и разставивъ ноги, онъ приложился глазомъ къ стевлу.

— Ну, вотъ, чтѣ я говорилъ? Пляшетъ, ловить нужно!—бормоталъ онъ.—Постой-ка, вотъ этакъ! Теперь, кажется, хорошо. О, великолѣпно! Смотри скорѣе!

Бѣлавенскій сталъ смотрѣть, но, кромѣ маленькихъ, свѣтлыхъ пятенъ, ничего разобрать не могъ.

— Это оттого, что сотрясенія, колебанія почвы, ихъ никакъ не избѣгнешь,—говорилъ Черехинъ, спѣшно подвигая трубу то вверхъ, то внизъ, то налѣво, то направо.

— Ты ужь, заодно, выстроилъ бы себѣ обсерваторію,—замѣтилъ Бѣлавенскій.

— Шутить, «обсерваторію»! Нѣтъ, братъ, приходится довольствоваться малымъ. Да не бѣда! Нужно присноровиться, какъ я... Не видишь теперь?

Бѣлавенскій не отвѣчалъ.

— Видишь чудный матовый свѣтъ, и въ немъ темныя волнистыя полосы, а посерединѣ видишь темноватыя пятна? Это, по всей вѣроятности, горы.

— Я ничего не вижу и потерялъ всякое желаніе смотрѣть,— отвѣчалъ Бѣлавенскій.— Пойдемъ, холодно.

Онъ вошелъ въ комнату, а Черехинъ еще долго возился съ телескопомъ, присматривался, вертѣлъ и, совершенно иззябшій, появился въ кабинетъ, гдѣ Бѣлавенскій преспокойно сидѣлъ за новымъ стаканомъ чая.

— Да, сегодня что-то плохо видно,— сказалъ Черехинъ,— атмосфера недостаточно чиста, должно быть, собирается туманъ.

— Я у тебя ночую,— неожиданно объявилъ Бѣлавенскій.— Не хочется тащиться ночью домой.

Черехинъ сперва ужасно удивился, потомъ воскликнулъ:

— Отлично, отлично! Нужно сказать Дуняшѣ, чтобы приготовила.

— Ничего не нужно. Я просто лягу тутъ, на диванѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ? Въ спальнѣ у меня двѣ кровати. Дуняша!— крикнулъ Черехинъ и приказалъ появившейся горничной приготовить постель.

— Ты долго намѣренъ сидѣть?— спросилъ Бѣлавенскій.

— Да, я еще посижу,— съ оправдывающею улыбкой отвѣчалъ Черехинъ,— хочется просмотрѣть новую книжку *Nature*,— есть статья о неподвижныхъ звѣздахъ. Кажется, интересная.

Дуня появилась сообщить, что постель готова.

— Покойной ночи,— сказалъ Бѣлавенскій, протягивая хозяину руку,— и знаешь, ты хорошъ въ своемъ халатѣ. Только, на твоемъ мѣстѣ, я бы велѣлъ нашить звѣзды. Было бы форменнѣе.

— Ну, да, шути!— поморщился Черехинъ.

Бѣлавенскій вошелъ въ большую, мрачную спальню, раздѣлся и легъ. «Точно какъ у средневѣкового астролога!— подумалъ онъ, созерцая темные обои и такую же дубовую мебель.— Недостаетъ только пучковъ сухихъ травъ и нетопыря въ углу».

Онъ протянулся подъ стеганымъ шелковымъ одѣяломъ и опять, какъ утромъ, съ удовольствіемъ почувствовалъ себя совершенно свободнымъ. Завтра онъ встанетъ рано, когда хозяинъ еще будетъ спать, и потихоньку уйдетъ одинокій. Одинокій— вотъ въ этомъ вся прелесть! Не будетъ жены, безцѣльныхъ, пошлыхъ разговоровъ съ нею, не будетъ ея напильтокъ, ея плановъ о томъ, какъ «убить» день, не будетъ претенціозной, чванной тещи,— словомъ, всего того, что подрядъ нѣсколько лѣтъ держало его въ унижительномъ плѣну.

Засыпая, Бѣлавенскій смотрѣлъ на огонекъ ночника и думалъ, какъ часто самъ человекъ лѣзетъ въ добровольное рабство, и, став-

ши работъ, по безволю, душевной лѣни, не можетъ освободиться. Нужно было, чтобы жена влюбилась въ Мятлина и сказала ему, а не случись этого и не уйди она сама, все было бы по-старому, слушалъ бы онъ постылые разговоры о нарядахъ, участвовалъ бы въ сплетняхъ про журъ-фиксныхъ знакомыхъ, терпѣлъ бы у себя въ домѣ надутую глупую спѣсью тещу и отуманивался бы минутными вспышками животной страсти къ женѣ.

Теперь все уплыло куда-то, все исчезло и, взамѣнъ образовъ жены и тещи, въ его воображеніи постепенно возникаютъ другіе, то жалкіе, обиженные судьбою и людьми, молящіе о помощи и защитѣ, то свѣтлые, героическіе, зовущіе къ полезной дѣятельности, къ труду на общее благо, къ новой жизни.

«Напишу согласіе на вызовъ въ земство, распродамъ всю обстановку и уѣду», — рѣшилъ Бѣлавенскій, испуская облегченный вздохъ и смыкая отяжелѣвшія вѣки.

Онъ увидѣлъ, что стоитъ въ какомъ-то длинномъ корридорѣ; полъ гладко навощенъ, какъ въ кегель-банѣ. Бѣлавенскій жметъ къ стѣнѣ корридора, потому что нужно очистить мѣсто для упражненія въ какой-то цирковой штукѣ. Онъ заранѣе знаетъ, что въ этой штукѣ долженъ участвовать человѣкъ и что она ужасная, что на нее смотрѣть страшно, но онъ не знаетъ, въ чемъ она заключается, и ждетъ. Около него стоятъ какіе-то люди и тоже ждутъ. И вотъ, боязливо, словно чего-то стыдятся, появляется Федоръ Шиловъ. Бѣлавенскій смотритъ на него и ничего не говоритъ, и тотъ молчитъ тоже, не смотритъ даже на него, но Бѣлавенскій чувствуетъ его добродушное мужицкое лицо и понимаетъ, что Шиловъ пошелъ на «штуку» ради заработка и теперь будетъ репетировать свою роль. «О, зачѣмъ, зачѣмъ?—съ жалостью думаетъ Бѣлавенскій.—Какъ это тяжело, какъ унижительно! Зачѣмъ я не могу это прекратить?» Но прекратить уже поздно. Моментадно происходитъ что-то безобразное и ужасное. Шиловъ—въ шкурѣ какого-то непонятнаго звѣря, вродѣ миеологическаго дракона, голова его втиснута въ уродливую деревянную голову, ротъ взнузданъ желѣзомъ и онъ, на четверенькахъ, бѣжитъ по корридору. Но люди тащатъ его за канатъ назадъ. Руки и ноги Шилова скользятъ по навощеннымъ доскамъ, онъ падаетъ, поднимается, опять падаетъ, царапается когтями за доски и, все-таки, долженъ бѣжать, а люди все тащатъ его назадъ и назадъ. И съ какимъ злорадствомъ, съ какимъ глубокимъ презрѣніемъ къ нанятому мужику дѣлаютъ они это! Шиловъ изнемогъ, упалъ и свернулся въ комочекъ. Какой-то человѣкъ подходитъ къ нему, снимаетъ съ него голову чудовища и, закры-

вая локтями лицо мужика такъ, что оно не видно Бѣлавенскому, рукавомъ начинаетъ съ него что-то стирать.

— «Кровь! — думаетъ Бѣлавенскій и томительный ужасъ охватываетъ его. — Да, это, должно быть, кровь!» У мужика, навѣрное, изрѣзаны языкъ, ротъ, щеки, онъ весь избитъ и изуродованъ, и онъ не издалъ ни звука и люди, мучившіе его, тоже молчали, и все происходило въ страшной тишинѣ. Но что всего ужаснѣе, это — молчаніе и невѣзательство самого Бѣлавенскаго. Онъ молчитъ, не протестуетъ ни словомъ, ни жестомъ, но онъ весь дрожитъ мелкою дрожью, плачетъ безмолвными, внутренними слезами.

И Бѣлавенскій проснулся въ паническомъ страхѣ, дрожь всѣмъ тѣломъ, съ каплями холоднаго пота на лбу. Сердце его быстро и прерывисто билось, голова была какъ въ огнѣ.

Онъ въ ужасѣ оглядѣлъ комнату. Ему все казалось, что въ какомъ-нибудь углу обширной и мрачной спальни ученаго онъ увидитъ изуродованную, окровавленную голову Шилова. Но, вмѣсто нея, на сосѣдней кровати онъ увидѣлъ торчавшую изъ-подъ одеяла обрамленную жидкими прядями бѣловурыхъ волосъ голову Черехина. На лицѣ его было выраженіе безмятежнаго спокойствія человѣка, отрѣшившагося отъ всѣхъ дѣлъ земныхъ.

На столикѣ, рядомъ съ изголовьемъ, лежала раскрытая книга и ровнымъ свѣтомъ теплился ночникъ подъ матовымъ колпачкомъ.

Не будучи въ силахъ отдѣлаться отъ впечатлѣній сна, Бѣлавенскій долго еще лежалъ съ открытыми глазами. Часы въ сосѣдней комнатѣ пробили два, три, Бѣлавенскій все еще не могъ заснуть и думалъ о фразѣ, вырвавшейся у него, когда онъ подходилъ къ дому, гдѣ жилъ Огневъ, и назойливо лѣзшей ему теперь въ голову:

«Я обязанъ устранять зло!»

IX.

Весь слѣдующій день онъ провелъ въ хлопотахъ: зашелъ въ контору газеты и составилъ публикацію о продажѣ имущества, былъ въ канцеляріи больницы, гдѣ написалъ прошеніе объ отставкѣ, телеграфировалъ въ земство, вызывавшее врача, выправлялъ документы, — все это онъ продѣлывалъ торопливо и въ большомъ волненіи и только вечеромъ, усталый, вернулся домой.

Снямая съ него пальто, Степанида сообщила, что «пришелъ старый баринъ и около часу дожидаются въ кабинетѣ».

На вѣшалкѣ, дѣйствительно, висѣла шуба Якова Степаныча;

ни жениной, ни тещиной ротондъ не было, да и вообще вся передняя какъ-то опустѣла: исчезли сундуки, корзины, картонки и прочій хламъ, который загромождалъ тѣсную переднюю и всегда раздражалъ Бѣлавенскаго.

Проходя корридоромъ мимо жениной комнаты, Бѣлавенскій пріоткрылъ дверь и заглянулъ: тутъ тоже было пусто. Стоялъ ободранный скелетъ будуара, столикъ, нѣсколько стульевъ и на нихъ двѣ - три разломанныхъ картонки. «Выѣхала, точно жиличка, — подумалъ Бѣлавенскій, — и совершенно въ духъ конца вѣга! И съ этою женщиной я прожилъ четыре года! Любилъ ее! Да, но развѣ не приходится мнѣ теперь краснѣть за свою любовь?»

Въ полумракѣ кабинета, откинувшись на спинку дивана, сидѣлъ Яковъ Степанычъ. У него былъ какой-то взъерошенный видъ («какъ у нахохлившагося попугая», — сравнилъ Бѣлавенскій), точно онъ только что проснулся.

— Наконецъ-то! — воскликнулъ онъ, поднимаясь на встрѣчу Бѣлавенскому и съ чувствомъ пожимая ему руку. — Битыхъ два часа ожидаю! Тишина, пустота, — просто очумѣлъ. Здравствуй.

— Здравствуй, — холодно отвѣчалъ тотъ.

— Что это у васъ вышло? Что вы надѣлали, сумасшедшіе?

— Какъ что? Надѣюсь, никто никого не убилъ, не зарѣзалъ, — отвѣчалъ Бѣлавенскій, присаживаясь къ столу и начиная разбирать бумаги.

— Не зарѣзалъ! Только этого не доставало. Что у васъ дѣлается, объясни, пожалуйста? Навѣдывался въ больницу — говорить, не приходилъ; туда-сюда — нигдѣ, какъ въ воду канулъ. Спрашиваю Степаниду — говорить, «дома не почевалъ». А Ольга рветъ и мечетъ: «объяснись да объяснись». Чего я буду объясняться?

— Конечно, нечего. Видѣлъ Нату?

— То-то, что нѣтъ. Ну, это совершенная психопатка!

— Жаль, что не видѣлъ. Она бы тебѣ объяснила...

— Это исторію съ этимъ... Метелкинымъ? Ну, это совсѣмъ чортъ знаетъ что такое! Всему должна быть мѣра. Ну, влюбляйся, если ужъ тебѣ такъ не въ моготу пришло, но соблюдай, по крайней мѣрѣ, приличія, то, что французы называютъ: les apparences. Этого я не ожидалъ. Теперь весь городъ будетъ говорить.

— О чемъ? Что жена меня бросила? Послушай, ты не уважаешь Петербурга. Вѣдь, это не какой-нибудь О. Здѣсь такихъ эпизодовъ каждый день не оберешься.

— Глѣбъ Павловичъ, да сядь ты, пожалуйста, рядомъ! — вос-

влянулся Яковъ Степанычъ.—Разскажи ты мнѣ по порядку, какъ это у васъ вышло.

— Знаешь что, Яковъ Степанычъ,—скучно,—отвѣчалъ Бѣлавенскій, задѣлывая письмо въ конвертъ.

— Да, но, все-таки... Я, вѣдь, только ту, бабью сторону слышалъ, такъ, вѣдь, онѣ чортъ знаетъ какую дичь порять. Ты представить не можешь, какъ Ольга зла на тебя. «Я,—говорить,—этого отъ него не ожидала, я его считала мужчиной. Онѣ долженъ былъ,—говорить,—показать характеръ. А это Богъ знаетъ что! Всѣ,—говорить,—разбѣжались: жена въ одну сторону, мужъ—въ другую, а я,—говорить,—осталась съ прислугой и не знаю, что дѣлать. Взяла и тоже сбѣжала, тѣмъ болѣе,—говорить,—что «онѣ поручилъ домъ и все имущество наблюдению Степаниды». Тутъ еще она добавила... (Яковъ Степанычъ лукаво ухмыльнулся). Знаешь, бабы, у нихъ удивительная логика,—задомъ напередъ,—что тебѣ Степанида, можетъ быть, дороже ея, что хотя она и худа, какъ щепка, и желта, какъ лимонъ, но что у мужчинъ... Ха, ха, разные бываютъ вкусы...

— Какая пошлость! — стиснувъ зубы, прошепталъ Бѣлавенскій.

— Она теперь у Сони,—продолжалъ Яковъ Степанычъ,—но я знаю, она не выживетъ и недѣли... Между нами, у тебя она привыкла господствовать, чувствовала себя хозяйкой, ну, а Владиміръ Сергѣевичъ не такой человекъ, чтобы выносить чье-нибудь главенство. Если ужъ онъ самъ, въ собственномъ экипажѣ, ѣздитъ на Сѣвную и покупаетъ завѣдомо старыхъ куръ, чтобы только подешевле, то можешь судить, каково будетъ положеніе Ольги. Чувствую, придется везти ее съ собою. Одна надежда, что перемелется—мука будетъ, ты помирись съ Натой и все пойдетъ по старому.

— Я не ссорился съ нею,—отвѣчалъ Бѣлавенскій.

— Да, да, конечно. Я понимаю. Просто, такъ все запуталось,—голову теряешь. Фу-у! Вели, пожалуйста, дать сельтерской!

Бѣлавенскій позвонилъ.

— Гм... влюбилась,—бормоталъ Яковъ Степанычъ, расхаживая по комнатѣ,—скажите на милость! Влюбилась—и молчи, не нарушай порядка. А то сейчасъ: «фу-фу»! Не хочу жить съ постылыми «и сбѣжала на посмѣшище людей».

— Почему на посмѣшище? Она меня не хотѣла сдѣлать посмѣшищемъ и поступила честно,—возразилъ Бѣлавенскій.

— Ужасно честно!... Нарушила порядокъ, покой, бросила домъ. Гроша стоить такая честность. Черезъ мѣсяцъ, гляди, прибѣжить назадъ. Ты, вѣдь, ее не примешь?

— Что?

Бѣлавенскій поднялъ голову. Вопросъ засталъ его врасплохъ; онъ думалъ о другомъ.

— Не примешь, если вернется?

— Нѣтъ, не приму.

— А мнѣ она на что? То-то и есть. Молчала бы и все бы обошлось.

— Нѣтъ, она не вернется. Я, все-таки, вѣрю въ нее. Впрочемъ, я самъ не знаю, какъ бы поступилъ. Ты правъ, говоря, что все запуталось... Все запуталось и концовъ не найдешь. Какъ знать, можетъ быть, легче быть обманутымъ и не сознавать того. Нѣтъ, я говорю противъ убѣжденій,—нѣтъ, нѣтъ, это все не то! Главное, мы не сошлись во взглядахъ и вкусахъ, мы все время говорили на разныхъ языкахъ. Понимаешь, что я хочу сказать? Я съ нею былъ только тѣломъ, но не духомъ... Такихъ супружествъ масса, вотъ почему и качается нашъ семейный очагъ. А всему виноваты вы, родители!

— Вотъ тебѣ разъ,—воскликнулъ озадаченный Яковъ Степанычъ,—съ больной головы да на здоровую! Я всегда былъ противъ разрывовъ и я же виноватъ?

— Ты былъ противъ? Не думаю. Ты противъ фактическаго нарушенія супружеской вѣрности, тебѣ дороги «аппарансы», но, въ сущности, ты за гетеризмъ. Къ этому сводится и воспитаніе, которое вы даете дочерямъ. Вы въ нихъ воспитываете самокъ. Какое воспитаніе далъ ты своей дочери?

— Какое?—разсердился Яковъ Степанычъ.—Такое же, какъ всѣ: приличное.

Бѣлавенскій посмотрѣлъ на тестя въ упоръ.

— А что ты называешь приличнымъ воспитаніемъ?

— Какъ что? Я тебѣ затрудняюсь сказать. Но, думаю, если мой домъ приличный, то и живущая въ немъ моя дочь получаетъ приличное воспитаніе.

— Вотъ то-то и есть, что всѣ вы, люди извѣстнаго круга, помѣшаны на словѣ «прилично». Если дочь надѣнетъ платье съ вырѣзомъ, это прилично? Читаетъ скабрѣзные романы—тоже прилично? Конечно, что-жъ тутъ такого, вѣдь, это не физиологія! Тонкій ядъ развращенности разлитъ въ умѣренныхъ дозахъ, благоухаетъ. Дѣвочка чуть ли не съ шести лѣтъ начинаетъ кокетничать,

родители восхищены, тычуть всёю ея красотою, говорятъ при ней: «Ахъ, какая красавица!» Къ семнадцати годамъ если она научилась бречать на фортепiano и говорить по-французски, да прошла школу кулинарнаго искусства, это ужъ идеаль приличнаго воспитанiя. Но, вѣдь, это все внѣшнее, — какъ та шуба, которую ты снялъ и повѣсилъ въ передней, — а насколько она развита, какова у ней душа, какъ сложился ея характеръ, какiе выработались взгляды, до этого всёю вамъ дѣла нѣтъ. И появляются на свѣтъ Божiй нравственныя и умственныя ничтожества.

— Гм... Т-э-э-съ! Понимаемъ. Но позволъ, вѣдь, я не одинъ воспитываю дочь. А мать?

— Что же мать? Если она получила такое же воспитанiе, чему же она можетъ научить дочь? Она сама нуждается въ перевоспитанiи.

— Ага, такъ, такъ! Отчего же ты не перевоспиталъ Натю? Что, молчишь? То-то и оно! Разсуждать мы всё мастера. Но я—человѣкъ стараго, довольно безобразнаго воспитанiя, гдѣ ужъ мнѣ учить другихъ? Ну, а вы, проповѣдники новаго слова, моралисты, зачѣмъ вы туда же, за нами? Работайте, перевоспитывайте вашихъ женъ...

— Пробовалъ, не выходитъ, — угасшимъ голосомъ отвѣчалъ Бѣлавенскiй, — всё мои усилю разбивались, какъ о каменную гору. Развѣ не видишь, какъ я страдаю? Я и за нее страдаю, потому что предвижу, чѣмъ все это кончится. Но что дѣлать, что дѣлать?

— Хочешь, я поговорю съ Натой? — ласково заговорилъ Яковъ Степанычъ и даже положилъ тому руку на плечо, но тотчасъ же снялъ. — Нужно же превратить эту глупость.

— Оставь. Ничего не нужно, — рѣзко отвѣчалъ Бѣлавенскiй. — Я не хочу съ нею сходитья; она мнѣ мѣшаетъ. Я уѣду и это будетъ самое лучшее.

— Вотъ какъ! — удивился Яковъ Степанычъ, — ну, да... пожалуй, это будетъ лучше. А покуда что, я бы тебѣ посоветовалъ развлекаться. Нечего улыбаться иронически! Право, я не шучу. Вѣдь, эти стѣны, мебель, вся эта обстановка должны тебѣ напоминать... ну, словомъ, дѣйствовать отвратительно. На твоемъ мѣстѣ, я бы развлекался. Мало ли у васъ тутъ въ Петербургѣ мѣстъ? Ходи въ театры, на концерты, и, если хочешь знать мой личный взглядъ, втунуть иногда не мѣшаетъ, да этакъ хорошенько.

— Не раздѣляю твоего взгляда.

— А по-твоему сидѣть въ четырехъ стѣнахъ и киснуть — лучше? Конечно, у всякаго свой вкусъ. Естати, будешь ужинать?

— Не знаю.

— Да ѣсть-то тебѣ хочется?

— Да, я не прочь чего-нибудь закусить. Сегодня, въ хлопотахъ, забылъ пообѣдать,—такъ, похваталъ кое-чего. Нужно спросить Степаниду, есть ли у насъ что?—Бѣлавенскій всталъ, чтобы позвонить. Яковъ Степанычъ удержалъ его за руку.

— Не трудись. Я уже навелъ справки. Никакого ужина нѣтъ, и обѣда не было. Степанида поѣла, какъ она говорить, «на свой».

— Такъ и есть,—воскликнулъ Бѣлавенскій въ смущеніи,—я забылъ дать на расходы! Ахъ, какая досада! Нужно будетъ послать...

— За сыромъ и прочею дрянью? — перебилъ Яковъ Степанычъ.—Благодарю покорно! Я хочу поужинать какъ слѣдуетъ, а это можно только въ ресторанѣ... Пойдемъ?

— Пожалуй. Все равно,—согласился Бѣлавенскій.

— Но куда, а? Какъ ты думаешь? — Глаза Якова Степаныча замаслились отъ предвкушенія разныхъ тонкихъ блюдъ.—Въ гостиницѣ какъ будто надоѣло. У васъ не то, что въ Москвѣ. Москва любить и умѣетъ поѣсть... Къ Шарлю? Въ «Ярославецъ»?

— Однако, ты успѣлъ узнать всѣ кабаки, — замѣтилъ Бѣлавенскій.

— Какое, подумаешь, открытіе! То-ли еще я узналъ! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, куда бы?

— Ахъ, это все равно!

— Все равно, да не одно.—Яковъ Степанычъ задумчиво сжалъ губы и нахмурилъ лобъ.—Есть тутъ у васъ ресторанъ... Лежень называется. Завтракалъ я какъ - то тамъ, и, знаешь, недурно, очень недурно... Ужинъ намъ дадутъ французскій, оно и хорошо, не обременительно на ночь. Такъ поѣхали, что ли?

— Поѣдемъ.

— Э-эхъ, голубчикъ!

Въ припадкѣ странной веселости, Яковъ Степанычъ подскочилъ къ Бѣлавенскому и крѣпко сжалъ его обѣими руками за талию.

— А что насчетъ воспитанія, такъ это ты вѣрно, совершенно вѣрно! Реформа нужна, словъ нѣтъ, а только кто за нее возьметса? Никому не хочется начинать. Страшно.

Х.

— Человѣкъ, счетъ! Да вотъ что, любезный. Вино это у васъ не того... не важное. А еще французскій ресторанъ! Смотри ты

тамъ, въ счетѣ не набухай! Я безъ дальнихъ разсужденій скашу. Чего вытаращилъ глаза? Маршъ!

Яковъ Степанычъ повелительно махнулъ рукою съ тяжеловѣснымъ перстнемъ, потомъ грузно облокотился на столъ, причемъ уронилъ ножъ, и мутными глазами остановился на фигурѣ Бѣлавенскаго.

Тотъ сидѣлъ нахмурившись. Лицо его было блѣдно, глаза лихорадочно блестя. Онъ уже цѣлый часъ слушалъ нелѣпую, пьяную болтовню тестя и становился все молчаливѣе и мрачнѣе.

На столѣ, между тарелками съ остатками ужина, стояли: ваза изъ-подъ фруктовъ, пустыя полубутылки водки и три бутылки вина, валялась кожа отъ апельсиновъ, недоѣденное яблоко и огурки папирось.

Яковъ Степанычъ съ разочарованнымъ видомъ отвелъ глаза на сосѣдній столъ, за которымъ сидѣли два француза, изящно одѣтые и прилизанные, точно они только что вышли изъ парикмахерской, вопрошающе приподнявъ брови, что-то буркнувъ и снова уставившись на Бѣлавенскаго.

— Г-глубушка,— заговорилъ онъ,— сдѣлаешь, о чемъ попрошу?

— О чемъ это?

— Э-э, нѣ-ѣтъ!—пьянымъ голосомъ протянулъ Яковъ Степанычъ,—ты сперва отвѣтъ, а потомъ я скажу. Да не хмурься ты, Господи помилуй! Терпѣть не могу, когда ты хмуришься! Тебѣ нейдетъ! Посмотри въ зеркало! Посмотри!... Ну, ладно, ладно, не буду! Исполнишь?

— Что?

— Мою просьбу.

— Бакую?

— Опять нахмурился! Ахъ, ты, Господи!... Ладно, ладно, брешите!—бросилъ онъ въ сторону заговорившихъ громко французовъ.—Союзники черти! Республиканцы! Пхи-и!

Яковъ Степанычъ фыркнулъ и закрылъ лицо рукою. Французы повернули головы и съ горделиво-презрительною осанкой смотрѣли на него.

Только одни французы умѣютъ принимать такія осанки,—у вѣмцевъ онѣ не выходятъ.

— Глубушка, ась?—ласково-просительнымъ тономъ заговорилъ Яковъ Степанычъ, раздвигая пальцы и черезъ нихъ смотря на Бѣлавенскаго.

— Да говори ты, чортъ возьми, прямо! Что такое? — озлился тотъ.

— Поѣдемъ въ «Тулонъ», милушка!

— Далекое. Сегодня не доѣдемъ.

— Доѣдемъ, Глѣбушка! Ангелъ души! Ну, для меня! Потѣшь, разубавь!

— Хорошо. Не кричи только. Ты ведешь себя неприлично. Люди смотрять.

— Неприлично? Ха, ха, ха! Подцѣпилъ-таки! У, злой умъ! Кто смотреть? «Вивъ ля Франсъ!» Начхать имъ, пускай смотрять! Значить, ѣдемъ? Вотъ спасибо! Вотъ это называется другъ! Ну, тогда нечего тутъ... Человѣкъ, кельнеръ, валеть!

— Сю минутоу-съ! — бросилъ пробѣгавшій мимо слуга.

— Глѣбушка! Вотъ идея! Отчего бы ихъ не называть валетами?

— Хороши у тебя «идеи».

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ. Ты подумай: valet по-французски — лакей. По случаю франко-русскаго слиянія? А то «человѣкъ». Что такое «человѣкъ»? Обидно и просто непонятно. Онъ человѣкъ, а я? Валеть, и вся недолга. И вѣрно, и понятно.

— Держи себя въ предѣлахъ приличія.

— «Въ предѣлахъ...» Опять? Доймешь ты меня этими приличіями. Знаешь, что я тебѣ скажу? Я хочу быть неприличнымъ. Такое мое желаніе. А-а, счетъ? Пожалуйте сюда, пожалуйста!

Яковъ Степанычъ взялъ поданный ему слугою продолговатый листокъ бумаги, сталъ провѣрять, по ему надобно. Онъ взглянулъ на итогъ, вынулъ двадцатипяти-рублевую бумажку и бросилъ на тарелку.

— Сдачи, живо! — крикнулъ онъ. Въ немъ уже начиналось обычное возбужденіе не въ мѣру выпившаго человѣка. Углы губъ оттянулись вниз, глаза помутнѣли. — Глѣбушка, поѣдешь, не надуешь?

— Поѣду.

— Вотъ молодецъ! Спасибо!

Онъ полѣзъ цѣловаться, оттопыривъ губы, но Бѣлавенскій отодвинулся отъ него.

На извощикѣ онъ крѣпко обхватилъ его сзади и держалъ за пальто, какъ бы опасаясь, что тотъ соскочитъ и уйдетъ.

Въ ресторанъ «Тулонъ» они вошли подъ звуки оркестра. Играли какой-то маршъ и Яковъ Степанычъ старался ступать въ тактъ, но сбивался и наваливался на Бѣлавенскаго. Зала была полна посѣтителями. Большинство удовлетворялось пивомъ и только на

двухъ-трехъ столикахъ что-то ѣли. Было шумно и душно. Бое-гдѣ, пошатываясь, бродили пьяные.

Якову Степанычу, шедшему впереди, какъ-то удалось набрести на только что освободившійся столикъ, онъ съ размаха бросилъ на него шапку, сшибъ пустую бутылку, которая поватилась подъ ноги сосѣдей, и, поощренный ихъ смѣхомъ, громко крикнулъ:

— Валеть!

— Что прикажете?—спросилъ подскочившій слуга.

— А ты уже знаешь?—удивился Яковъ Степанычъ.—Ну, уברי тутъ все и подай карточку винъ. Дѣйствуй!—пустилъ онъ ему въ догонку и повернулся къ Бѣлавенскому:—Чортъ знаетъ, какъ у васъ, въ Петербургѣ! Только что успѣетъ возникнуть идея,—глядь, ужь она всѣмъ извѣстна.

Слуга убралъ со стола и подалъ карточку.

— Звалъ тебя кто-нибудь, какъ я,—валеть?—спросилъ Яковъ Степанычъ.

— Нѣтъ-съ, не приходилось.

— Отчего же ты откликнулся?

— Насъ какъ ни назови, все равно-съ.

— Гм... Вотъ оно что! Ну, ты, я вижу, молодець! Э-э, напитки-то у васъ кусаются! Дай-ка намъ портвейну... вотъ этотъ номеръ. Понялъ?

— Слушаю-съ.

— Глѣбушка,—наклонился Яковъ Степанычъ къ Бѣлавенскому,—дру-у-гъ! Не вѣшать носа! (онъ погрозилъ пальцемъ). А ни-ни! Я тебѣ вотъ что скажу. Смотри на женщину окомя фило-софа. Женщина, голубчикъ, дрянъ. Она тебѣ и измѣнитъ, и предастъ тебя, и забудетъ; въ женщинѣ нѣтъ душевнаго благородства. Еще въ писаніи сказано: «сосудъ скудельный». Именно! А я тебя люблю! Не то, чтобъ я тебя любилъ за твой умъ. Ты человѣкъ не глухой, нѣтъ, но у тебя идеи завиральныя... Бросимъ это! Ты рыцарь духа, у тебя душа благо-родная, прямая и вмѣстѣ младенческая. Наплевать, что ты врачъ и такой же шарлатанъ, какъ всѣ, но душа-то у тебя младенческая, вотъ что дорого, другъ! Что, развѣ не правда? А съ Натушкой мы примемъ мѣры: по правдѣ говоря, она преглупая дѣвчонка... Метелкина? Метелкина этого—вотъ!—онъ показалъ руками, какъ бы согнулъ, скомкалъ какой-то предметъ и бросилъ его на полъ.

— Позволь же и мнѣ тебѣ сказать, Яковъ Степанычъ,—началь Бѣлавенскій, блѣдный и злой,—не говори, пожалуйста, пошлостей и не иллюстрируй. Твое вмѣшательство нежелательно. Вотъ

что. Все, что хочешь, только не иллюстрируй. Пей, шуми, я буду пить, сколько хочешь буду пить... Мы для того пришли... Но только не это... Не это, не это, чортъ возьми!

Бѣлавенскій ударилъ кулакомъ по столу такъ, что зазвенѣли стаканы.

Въ одну минуту, откуда взялся, подскочилъ лакей. У него было встревоженное лицо.

— Еще бутылку!—приказалъ Бѣлавенскій.

— Ну, и отлично, и великолѣпно!—воскликнулъ Яковъ Степанычъ.—Это я по-ни-маю... вполне! Хотя я думалъ... какъ отецъ. Ну, не нужно! А ты даешь мнѣ слово, что исполнишь все, что я захочу, т.-е., понимаешь, въ смыслѣ времяпрево... пре... тьфу! пре-про-вождения?

— Все, что хочешь. Я сказалъ раньше,—отвѣтилъ Бѣлавенскій.

Онъ былъ пьянъ, какъ никогда. По привычкѣ сдерживаться, онъ не качался, говорилъ, не запинаясь, связно, но голова его кружилась страшно, всѣ предметы, всѣ лица плясали въ глазахъ, на языкѣ онъ ощущалъ сухость и терпкость, дымъ отъ папиросы былъ какой-то особенный. Въ головѣ у него быстро-быстро мелькали разныя мысли, то высокія, героическія, мысли о самопожертвованіи, о мученичествѣ, то дикія, недѣльныя, вродѣ того, что ему хотѣлось пустить бутылкой въ голову Якова Степаныча, вскочить на эстраду, закричать всѣмъ, что они подлецы, пьяницы и дураки, оборвать голубую съ желтымъ шелковую драпировку дверей у верхней галлерей, разбить электрическіе фонари,—словомъ, сдѣлать безпримѣрное безобразіе, и онъ сидѣлъ спокойно, испытывалъ собственную волю и, въ глубинѣ души, наслаждался самообладаніемъ.

«Не смѣешь, потому что ты призванъ для другого,—говорилъ онъ себѣ,—и пей, падай глубже, дразни звѣря и держи его на привязи. Пусть это будетъ тебѣ испытаніемъ, и когда ты его выдержишь, тогда ты можешь сдѣлать, что задумалъ. А теперь наблюдай!»

И онъ широко раскрытыми, горящими глазами смотрѣлъ на публику, музыкантовъ, на Якова Степаныча и остановилъ ихъ на появившейся на эстрадѣ пѣвицѣ-француженкѣ.

Она была немолода, некрасива, съ длинною, сморщенной шей и одѣта просто бѣдно, въ полинялое зеленое платье, которое висѣло на ней, какъ на вѣшалкѣ.

«А какъ она его бережетъ, это свое «выходное» платье,—ду-

маль Бѣлавенскій,—и перчатки тоже, хотя онѣ совсѣмъ худыя и десятокъ разъ чищенныя. Навѣрное, у ней есть дѣти,—двое, трое худенькихъ, въ чемъ душа, ребятишекъ. Въ маленькой кастрюлечкѣ она имъ варить какой-нибудь «soupe au chou» и раздастъ микроскопически порціями. «A-tu faim? Mange, mange, mon enfant!»—приговариваетъ она и даетъ изъ ложки супу и суетъ кусочки чернаго хлѣба... Для того, чтобы у дѣтей былъ супъ, она подрядилась за скромное вознагражденіе пѣтъ въ кабацкѣ безсмысленно-скабрѣзныя пѣсенки, вродѣ: «Oh que ça m'touche» или: «Et je frotte, frotte, frotte». Пѣвица запѣла, страшно форсируя, одну изъ такихъ пѣсенокъ, но когда окончила, раздался взрывъ апплодисментовъ.

«Что это,—подумалъ Бѣлавенскій,—неужели пьяницы, хлыщцы, скоты въ человѣческомъ образѣ поняли эту несчастную мать? Неужели имъ стало жаль ее, и они, изъ сожалѣнія, посылаютъ ей эти апплодисменты?»

И у него стало легче на душѣ.

— Вивъ ля Франсъ!—крикнулъ Яковъ Степанычъ.

«Этотъ дуракъ, кромѣ пошлости, ничего иного не могъ придумать»,—подумалъ Бѣлавенскій.

Поощренная хорошими приѣмомъ, пѣвица запѣла извѣстную «Москву»:

«Ахъ Москва, Москва, Москва,
Соляная гальява!»—

пропѣла она, заискивающе улыбаясь компаніи прикащиковъ, сидѣвшей за столикомъ ближе къ ѳстрадѣ.

— Важно!—громко одобрилъ одинъ. —Ишь, небось, научилась по-нашему! Сади, сади, мамзель!

Яковъ Степанычъ исчезъ. Бѣлавенскій посмотрѣлъ по сторонамъ, налилъ себѣ портвейну и снова погрузился въ размышленія. На ѳстрадѣ, приводя въ восторгъ прикащиковъ, пѣла русская пѣвица въ «боярскомъ» костюмѣ, потомъ явилась еврейская группа изъ шести человѣкъ, которая визжала, прыгала и бѣсновалась страшно, затѣмъ показались малороссы, стали пѣтъ и плясать. Загрѣмѣлъ бубенъ. Бѣлавенскій ни на что не обращалъ вниманія; глухой и слѣпой ко всему, онъ сидѣлъ, мрачно потушившись, и стаканъ за стаканомъ пилъ портвейнъ. Вторая бутылка подошла къ концу.

Вдругъ Бѣлавенскій очнулся отъ пригосновенія чьей-то руки, однялъ голову и увидѣлъ пьяное, лоснящееся лицо Якова Степаныча.

— Позвольте васъ познакомиться! — говорилъ тотъ, улыбаясь и щурия посоловѣлые глаза. — Мой другъ Глѣбъ Павловичъ, а это моя знакомая — Лидія Ивановна... Искорка... собственно прозвище, но все равно!

Бѣлавенскій откинулъ голову назадъ и смотрѣлъ на Якова Степаныча, но вдругъ къ нему протянулась женская рука въ длинной перчаткѣ и сильно пахнуло опопонаксомъ. Въ мглистомъ отъ табачнаго дыма воздухѣ мелькнула фигура молодой, недуренькой женщины въ черномъ платьѣ.

— Садитесь, Искорка! Чѣмъ васъ подчивать? — словно изъ подземелья, — такъ глухо онъ воснулъ ушей Бѣлавенскаго, — раздался голосъ Якова Степаныча. — Донского? Конечно! И фруктовъ? Эй, человекъ! Пст! Пст! Пятый номеръ!

Затѣмъ опять все какъ бы исчезло для Бѣлавенскаго. Онъ чувствовалъ, что все еще сидитъ въ «Тулонѣ», что гдѣ-то играетъ музыка и поютъ, кругомъ шумятъ, разговариваютъ, гдѣ-то, совсѣмъ близко отъ него, смѣются, что онъ самъ какъ будто сейчасъ что-то сказалъ или засмѣялся, но все это происходило какъ во снѣ, безъ всякаго участія съ его стороны.

— Что вы все смотрите на меня? На мнѣ узоры не написаны! — послышался ему голосъ женщины въ черномъ.

Дымъ отъ папирсы былъ страшно непріятенъ; только что закуривъ, онъ бросилъ ее. Кто смотритъ? Онъ? Развѣ онъ смотритъ на нее? Неправда! Онъ пилъ этотъ ядъ, который люди называютъ портвейномъ. Онъ пилъ, чтобы забыться, «отойти» отъ исторіи, разыгравшейся съ женой, забыть ее. Ага! Вотъ, значить, причина! Такъ поступаютъ сотни, тысячи людей. Это — безсиліе.

И ему казалось, что онъ ничего, ничего не видитъ, кромѣ того скрытаго процесса, который происходилъ у него въ душѣ и въ который онъ съ такимъ жаднымъ интересомъ былъ теперь погруженъ.

— Влюбленъ въ меня? — послышался голосъ женщины въ отвѣтъ на замѣчаніе Якова Степаныча. — Какія глупости! Ха, ха, ха!... Не вѣрю, не вѣрю!

Рѣзкій, звенящій смѣхъ вывелъ Бѣлавенскаго изъ его гипнотическаго состоянія. Онъ всталъ, медленно обвелъ глазами залу и протянулъ руку за шапкой.

— Куда? — Яковъ Степанычъ дернулъ его за рукавъ. — Куда ты? А наше условіе? Вдемъ всѣ вмѣстѣ!

Бѣлавенскій вдругъ очутился на улицѣ, на послѣдней ступенькѣ лѣстницы Пассажа. Падалъ мокрый снѣгъ и мягкіе хлопья мель-

кали въ широкой полосѣ электрическаго свѣта. Подлѣ стояла та же женщина изъ «Тулона» въ мѣховой ротондѣ и Яковъ Степанычъ. Извозчики на-перебой предлагали «отвезти» и онъ велъ съ ними переговоры.

— Глѣбушка! — Яковъ Степанычъ подошелъ близко къ Бѣла-венскому и пьяными, ласковыми глазами смотрѣлъ ему въ глаза. — Ты съ нею поѣдешь, а я сзади... Да?

— Съ кѣмъ? — спросилъ Бѣлавенскій, совершенно обезпамятѣвъ.

— Да съ нею, Боже мой! Искорка!

— Интересный блондинъ, поѣдемте!

На него свергнули, дѣйствительно подобно искоркамъ, два красивые, темные глаза, снова пахнуло опопонаксомъ и маленькая рука въ перчаткѣ взяла его за руку.

Онъ вырвалъ руку и отшатнулся.

— Нѣтъ, нѣтъ! — прошептала она. — Оставьте... я... одинъ!...

— Да, вѣдь, ты надуешь! Глѣбушка, дорогой, надуешь!... Улизнешь! — заюлилъ между ними Яковъ Степанычъ. — Домой удерешь, вотъ что! Эхъ, право! Какъ быть?

— Поѣзжайте вы съ нимъ. Онъ очень пьянъ, — шепнула женщина.

— А и то правда! Эхъ, я телятина! Глѣбушка, поѣдемъ! Извозчикъ! Ну, садись, садись! Размякъ! Искорка, мы слѣдомъ! Пошелъ сзади! Не отставай! На Литейную, сзади! Ну!...

ХІ.

— Ну, пьянъ! Ну, что же такое? Эка важность! — болталъ Яковъ Степанычъ, сидя на извозникѣ рядомъ съ Бѣлавенскимъ и спѣшивъ его сзади за пальто. — Въ Петербургѣ только и можно. Кто меня знаетъ? Кто знаетъ, что я предсѣдатель управы, членъ училищнаго совѣта? Ха, ха! Номо, просто номо sum, а поэтому могу и напиться... Свободный гражданинъ! Да что ты молчишь? Что ты все молчишь, нытикъ? Къ чорту ныть!... Семейный человекъ, — ка штука! Что это, особенная порода, что ли, семейные люди? Посидѣлъ бы съ Ольгой Герасимовной, она бы тебя заморозила! Потому — этикетъ. Она по этикету спать ложится... Ду-у-ра! Слушай! Прохожу какъ-то по Невскому, впереди идетъ барыня въ мѣхахъ да въ бархатѣ. И вдругъ у ней изъ косы гребенка, шпилька, чортъ ихъ знаетъ, какъ онѣ называются, на тротуаръ «брякъ». Поднялъ, ду, думаю — оглянется. Нѣтъ. Подхожу, приподнимаю шапку и

таково галантно: «Сударыня, изволили обронить гребенку!» А самъ всматриваюсь. Недурна, очень недурна, а, главное, глаза! Банальскіе глазенаны, искорки такъ и сверкають. Иду рядомъ, тары да бары, о погодѣ и прочемъ, встати признался, что провинціалъ, слушаю, ну, и... Да ты не слушаешь? Слышь, что ли, Глѣбушка?

— Слушаю, — отвѣчалъ Бѣлавенскій.

— Ну, такимъ побытомъ дошли до угла, повернули на Литейную, идемъ, болтаемъ. Вдругъ у одного подъѣзда остановилась и говорить, это она-то: «А, вѣдь, вы меня до дому довели!» — «Очень, — говорю, — приятно». Расшаркался. «А я думала, — говорит, — вы зайдете!» — «Къ вамъ?» — «Конечно, — отвѣчаетъ, — не къ сосѣдкѣ, — какой вы странный!» Ну, тутъ, конечно, все разъяснилось, всё эти мѣха, бархаты, хотя живетъ она очень, очень мило, квартирка приличная... да вотъ увидишь. Есть у ней и жилища — Софья... не знаю, какъ по батюшкѣ. Но, главное, чему я радъ, какъ думаешь? Что меня, простого, русскаго человѣка, судьба столкнула съ русской. У васъ нѣмокъ много, вотъ несчастье! А это, Глѣбушка, разница огромная. Русская всегда съ душой. Чтò бы тамъ она ни дѣлала, какимъ бы ремесломъ ни занималась, сколько бы она ни была алчна и подла, а гдѣ-то тамъ у ней, подъ наростами и коростой, теплится простая, человѣческая душа. Эхъ, голубчикъ, пара сердечныхъ, человѣческихъ словъ, и она вся тутъ! Нѣмка... Ты слушаешь, Глѣбушка?

— Слушаю.

— Слушаешь, а молчишь! Какъ же ты слушаешь? Такъ видишь ли, нѣмка, ежели она пошла по такому дѣлу, совсѣмъ стерва, все равно, будь ей 17 или 40 лѣтъ. Вѣдь, они всё страхъ прямолинейны, иностранцы - то эти. Отъ нѣмки никакихъ такихъ чувствъ не жди, шалишь! Она по-разбойничьи, не иначе, смотреть на тебя, какъ бы поскорѣе твой бумажникъ опустошить, а самого тебя къ чорту. Вѣдь, она этимъ сбереженія дѣлаетъ, чтобы потомъ замужъ выйти. Вотъ ты и пойми. А рожи у всѣхъ у нихъ какія наглыя! Всѣ онѣ какія-то огромныя, тѣлесныя, словно туча на тебя... Эй, эй, анаема, куда тебя понесло? Не видишь, тотъ изволицъ остановился!

Яковъ Степанычъ такъ чувствительно толкнулъ въ спину изволица, что тотъ покачнулся. «Искорка» уже вошла въ подъѣздъ и поднималась по лѣстницѣ. Яковъ Степанычъ, пыхтя, отдуваясь и постоянно оглядываясь на Бѣлавенскаго, торопился за своею дамой.

Имъ отворила молоденькая, прилично одѣтая горничная въ ко-

ветливомъ передникѣ съ бантомъ назади. Яковъ Степанычъ обошелся съ нею, какъ съ давнишнею знакомой, игриво уцепивъ за подбородокъ, и тяжелыми, пьяными шагами вошелъ въ залу.

— Садись, садись, Глѣбушка, будь гостемъ, — приглашалъ онъ Бѣлавенскаго. — Сейчасъ Искорка распорядится... Недурно бы, я думаю, чайну съ ромкомъ, а? По случаю сырой погоды?

Бѣлавенскій молча взглянулъ на него и отвернулся.

— Ну, вотъ и я! Здравствуй, папочка! — воскликнула Лидія Ивановна, появляясь изъ другой комнаты и присаживаясь на диванъ, рядомъ съ Яковомъ Степанычемъ.

Она уже успѣла переодѣться, т.-е. сбросить платье, накинуть голубой, отороченный бѣлымъ мѣхомъ пеньюаръ съ широкимъ вырѣзомъ на груди и надѣть бѣлыя атласныя туфли.

— Вотъ что, дружокъ, велика намъ подать чаю съ ромкомъ, — распорядился Яковъ Степанычъ.

— Отлично! А я выпью вина! — и она окинула Бѣлавенскаго ухорскимъ взглядомъ. — Можетъ быть, и интересный блондинъ?... Забыла какъ зовутъ... Ну, да все равно. Я васъ буду звать Ивановомъ... Иванычемъ!... Хотите? Я замѣтила, что всѣ Ивановы — блондины. Сидите же, ждите!

Она вскочила и выпорхнула за дверь.

— Зачѣмъ мы здѣсь? — спросилъ Бѣлавенскій, поднимая на Якова Степаныча тяжелый взглядъ.

— Вотъ чудакъ! А куда же бы ты хотѣлъ?

— Зачѣмъ ты здѣсь? — повторилъ Бѣлавенскій.

— Ну, ужъ это, Глѣбушка, вопросъ нелѣпый! Захотѣлось пріѣхать и пріѣхали. Мораль не нужна. И придирайтесь тоже нечего. Хочется спать — ложись, вонъ, на диванъ и спи съ Богомъ!

— Ахъ ты...

Бѣлавенскій привсталъ и хотѣлъ что-то сказать, но въ эту минуту въ полуотворенную дверь заглянула голова Лидіи Ивановны.

— Папочка, — позвала она, — пойдика сюда! Иванъ Ивановичъ, не думайте чего-нибудь такого... Вопросъ хозяйственный!

— Ну, что тамъ за хозяйственный вопросъ? — проворчалъ Яковъ Степанычъ, но, все-таки, всталъ, крехтя, и вышелъ.

У Бѣлавенскаго хмѣль началъ проходить, но, по мѣрѣ того, какъ свѣжѣла его голова, чувство тоски и озлобленія, начавшагося еще въ «Тулонѣ», разросталось все шире и шире. Хотъ на комъ-нибудь хотѣлось сорвать злобу.

Машинально онъ взялъ со стола альбомъ и началъ рассматри-

вать карточки. Попадались все молодые люди, статскіе и военные, съ фізіономіями, не выражавшими ровно ничего; съ нѣкоторыми изъ нихъ была снята «Искорка» въ костюмахъ испанки, турчанки, цвѣточницы. Вдругъ, отвернувъ одну страницу альбома, Бѣлавенскій увидѣлъ начатое письмо и невольно прочелъ: «Милый Аполлоша, дорогой мой, отчего ты не показываешься вторую недѣлю? Я каждый день думаю о тебѣ, нарочно ходила на уголь Вознесенскаго, думая встрѣтить тебя со службы, и прождала два часа. Морозъ былъ сильный, а тебя не было. Я простудилась, у меня болѣло горло»...

Бѣлавенскій захлопнулъ альбомъ, всталъ и началъ ходить по комнатѣ, потомъ, черезъ отворенную дверь, заглянулъ въ сосѣднее помѣщеніе. Это была маленькая, темная комнатка, повидимому, отведенная для склада какихъ-то сундуковъ, корзины и проч. хлама, среди котораго, на первомъ планѣ, выдѣлялся высокій дѣтскій стулъ, съ привязанною на шнурѣ къ передней перекладнѣ каучуковою погремушкой.

И эта погремушка навела Бѣлавенскаго на тяжелыя размышленія.

«У ней былъ ребенокъ, — думалъ онъ, — можетъ быть, отъ этого «Аполлоши», какого-нибудь альфонса-канцеляриста съ ухорскими манерами и конфетно-красивою фізіономіей. Ребенокъ былъ отданъ на воспитаніе или умеръ, Аполлоша ушелъ къ другой или «выгодно» женился и все рушилось, все покатилося въ пропасть... Она стала «развлекаться», попить и «принимать», можетъ быть, въ этой же самой квартирѣ, гдѣ съ горячею вѣрой въ будущее создавалось ея семейное счастье. Для пріемовъ ей нужна была одна «газовая» комната, вотъ эта зала съ ея безвкусною, рыночною роскошью — коврами, лампами, олеографическими картинами въ золоченыхъ рамахъ, а тамъ все осталось по-старому, тамъ хранятся воспоминанія любящаго женскаго сердца: дѣтскій стуликъ, игрушка, отоптанный, покоробленный дѣтскій сапожокъ. Портретъ «Аполлоши» — это ужъ не то! Это — тщеславіе, потому онъ на виду у всѣхъ: «Посмотрите, дескать, какіе красавцы бывали въ меня влюблены!» Что-то вродѣ медали, полученной какимъ-нибудь сапожникомъ на промышленной выставкѣ. И все это очень просто. Но во всей этой простотѣ и обыденности сколько невысказаннаго горя жизни!...

Вошла Груша и принялась сервировать столъ, съ кокетливыми ужимками заправской субретки посматривая на Бѣлавенскаго.

А онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, продолжая размышлять.

«Если бы «Аполлоша» оказался порядочнымъ человѣкомъ и женился, — думалъ онъ, — можетъ быть, «Искорка» оказалась бы не хуже жены Огнева, въ страхѣ Божиѣмъ ростила и воспитывала бы дѣтей и умерла бы не въ больницѣ, что ее несомнѣнно ожидаетъ, а дома, окруженная любящею семьей, и если бы мы съ Яковомъ Степанычемъ были тоже порядочные люди, мы бы не пошли сюда и никому не нужно было бы ходить сюда, и не стало бы «Искорокъ».

— Извини, Глѣбушка, извини голубчикъ, извини, дорогой! — закричалъ Яковъ Степанычъ, вваливаясь въ залу съ растрепанными бакенбардами. — Заждался? Вотъ свинство, право! А все эта «Искорка»! Захотѣлось ей непремѣнно ужинъ учинить; взяла, да и воспользовалась моими кулинарными познаніями... За то, братецъ, какой матлотъ — пальчики оближешь! Кстати, увидишь жиличку... Очень милая особа... даже гдѣ-то кончила... Фу-у!

Яковъ Степанычъ повалился на диванъ и разстегнулъ на двѣ пуговицы жилетъ.

— Жарко, голубчикъ! — объяснилъ онъ, вытирая платкомъ шею. — Но люблю, чортъ возьми! Кровь полируетъ! Да что ты все молчишь, что ты все молчишь, Глѣбушка? Ты меня, право, сокрушаешь! Выпилъ бы хоть!... Давеча придираться началъ... Брось, плюнь! Право, плюнь! «На свѣтѣ, братецъ, все пустое: богатство, слава и чины; лишь было бы вино простое, да кусочекъ ветчины!» Ну, вотъ и онѣ... наши «дамы»! Искорка, сюда, сюда, ко мнѣ поближе! Бѣ старичку лучше, старички уважительнѣе! А вы, барышня... Софи, вы бѣ сему господину, моему другу Глѣбу Павловичу... поближе... вотъ такъ! Ну, теперь ваши стаканы... и вивъ ля Франсъ! Ур-ра!

Яковъ Степанычъ всталъ во весь ростъ со стаканомъ вина. Старикъ былъ великолѣпенъ. Красное, возбужденное лицо его пылало, «молочные» глаза округлились и сверкали, бакенбарды, вмѣсто того, чтобы лежать: одна — направо, другая — налево, сбились въ одну сторону, какъ сырая мочалка, жилетъ разстегнулся и одна запонка изъ рубашки выпала. При этомъ онъ усиленно жестикулировалъ лѣвою рукой, на которой крахмальная манжетка была смята и облита краснымъ виномъ.

— Папочка, за твое здоровье! Смотри, я пью, — взвизгнула Лидія Ивановна, — до капли, залпомъ! А блондинъ? Иванъ Ивановичъ? Гдѣ вашъ стаканъ? Соня, что же ты? Налей своему кавалеру!

Черезъ часъ въ гостиной все было въ страшномъ беспорядкѣ: стулья отодвинуты куда попало, столъ съ остатками ужина, съ устymi бутылками и перепачканными въ соусъ тарелками отстав-

лень къ стѣнѣ и посерединѣ Яковъ Степанычъ, безъ пиджака, съ обмотаннымъ вокругъ живота полотенцемъ, съ тарелкой въ рукѣ, долженствовавшей изображать гитару, переминался съ ноги на ногу, стараясь подражать запѣвалѣ въ извѣстномъ квинтетѣ неаполитанцевъ, и, подъ аккомпаниментъ піанино, на которомъ играла Соня пѣлъ дуэтъ съ Искоркой:

«Маргарита, пой и веселися,
Маргарита, смѣйся и рѣзвися,
Маргарита, бойся ты любви
И съ ума, съ ума людей ты не своди!»

Бѣлавенскій не принималъ участія въ оргіи и со стаканомъ вина сидѣлъ въ углу на стулѣ. Опять у него страшно кружилась голова, опять мелькали въ ней дикія мысли, но теперь всѣ онѣ сосредоточились около одного Якова Степаныча. Только ему одному хотѣлось сдѣлать что-нибудь очень скверное, «поразить однимъ ударомъ». Съ поблѣднѣвшимъ, злымъ лицомъ Бѣлавенскій ждалъ предлога, момента, когда Яковъ Степанычъ обратится къ нему, а онъ нанесетъ этотъ ударъ.

Моментъ этотъ, наконецъ, наступилъ. Якову Степанычу показалось, что въ хорѣ мало голосовъ. Онъ взглянулъ въ сторону Бѣлавенскаго, увидѣлъ его понижшую фигуру и бросился къ нему съ распростертыми объятіями.

— Глѣбушка, — воскликнулъ онъ, — чего ты нахохлился, чего молчишь, а? Прим-ми у-ча-стіе!

— Прочь! — крикнулъ Бѣлавенскій и съ размаха толкнулъ его въ грудь.

Яковъ Степанычъ покачнулся, потерялъ равновѣсіе и упалъ на диванъ, увлекая за собою стулъ, за который ухватился.

— Дур-ракъ! Чего ты толкаешься? — пробормоталъ Яковъ Степанычъ, поднимая на Бѣлавенскаго пьяные, недоумѣвающіе глаза.

Піанино замолкло. Дамы стали тревожно шептаться.

— Ты — старый дуракъ и развратникъ! Это ты! Слышишь, почтенный, сѣдой человѣкъ? — вѣ себя отъ злости крикнулъ Бѣлавенскій.

— Фу, какой неприятный блондинъ! — воскликнула Лидія Ивановна, присаживаясь къ Якову Степанычу. — Папочка, тебя обижаютъ? Бѣдненькій!

— Я... усталъ, — коснѣющимъ языкомъ забормоталъ Яковъ Степанычъ, — н-ну... его... я... у-жа-а-сно усталъ.

Онъ потянулъ вышитую шелкомъ подушку, положилъ на валикъ дивана и прилегъ на нее лицомъ внизъ.

— Зачѣмъ обижаете старичка? Что онъ вамъ сдѣлалъ? Какъ это неблагородно! — обратилась Лидія Ивановна къ Бѣлавенскому.

Но тотъ ее не слушалъ. Злыми, горящими глазами онъ смотрѣлъ на поверженнаго Якова Степаныча, даже собственно не на него, а на его широкое, красное темя, покрытое рѣдкими сѣдыми волосами, и мускулы щекъ его судорожно подергивались.

— Сѣдой человѣкъ! У него дочь вашихъ лѣтъ! А онъ старый сатиръ! Слышишь? Я тебѣ говорю! Что ты можешь мнѣ отвѣтить, жалкій развратникъ?

Лидія Ивановна сдѣлала негодующій жестъ. Софи сидѣла за пианино молча, склонивъ нѣсколько голову.

— И громы небесные не разразятся надъ тобой?

— Чего вы къ нему привязались? Чего вамъ нужно? — крикнула Лидія Ивановна.

— Искорба... оставь! — послышался съ дивана хриплый голосъ Якова Степаныча.

— Всю свою жизнь такъ провелъ и хорошій примѣръ преподавъ дѣтямъ. На примѣрахъ отцовъ воспитываются дѣти. Слышишь, понимаешь ли ты, какъ я тебя ненавижу?

— Это Богъ знаетъ что такое! — сказала Софи, встала и шумно вышла изъ комнаты.

— Ненавижу, ненавижу! — твердилъ Бѣлавенскій, жестикулируя и не отходя отъ дивана, на которомъ лежалъ тестъ. — Ты источникъ зла, ты единственный! Чему ты научилъ свою дочь? Все, что слѣдовало ей сказать, у тебя только подразумѣвалось. А потомъ, когда она сошлась съ другимъ, твоя лицемерная мораль возмутилась, ты все пропускалъ, съ условіемъ, чтобы соблюдены были приличія. Для тебя это главное и для всѣхъ, какъ ты. Ты не скажешь тамъ, у себя, гдѣ былъ сегодня, ты солжешь и сохранишь видъ почтеннаго отца семейства. Лжецъ и лицемеръ!

— Послушайте, какъ васъ? — крикнула Лидія Ивановна. — Оставьте его въ покоѣ и не ругайтесь! Вы не затѣмъ пришли сюда! Я этого не хочу! Пили на его деньги, а теперь ругаетесь!

— На его деньги? — кричалъ Бѣлавенскій. — На твои деньги? А гдѣ ты ихъ берешь? Мужичкія, рабочія деньги пропиваешь съ этими вотъ. На эти деньги покупаешь ихъ любовь. Любовь! Да, эта женщина любить, я знаю. Да не тебя только! Развѣ можно тебя любить, такого? Завтра она съ омерзѣніемъ будетъ думать о тебѣ. Это бы еще ничего, что ты старъ и противенъ физически, но у тебя души нѣтъ, — понимаешь? — души! Ты ни холоденъ, ни горячъ, ты ко всему равнодушенъ, кромѣ своей ничтожной особы. И такой слиз-

някъ еще издѣвался надо мною! Надо мною, о! Я потому только тебѣ это простилъ, что ты слишкомъ ничтоженъ! Да, если хочешь знать, я рыцарь духа! Ты привелъ меня сюда, думая, что можешь разбудить во мнѣ демона, что я размягну и пойду противъ своихъ убѣжденій? Багъ ты недалновиденъ! Я внутри издѣвался надъ тобою, я сразу разгадалъ твою несложную игру. Грязь не пристанетъ ко мнѣ! Лжешь, тысячу разъ лжешь! Не тебѣ меня совратить, — ты, пресмыкающийся на землѣ, — не тебѣ и никому, никогда... никогда!

Бѣлавенскій ударилъ кулакомъ по столу съ такою силой, что зазвенѣла посуда.

— Послушайте, наконецъ, — воскликнула Лидія Ивановна, пунцовая отъ злости, — я васъ окончательно прошу не безобразничать! Что это такое? Можете ругаться гдѣ угодно, только не у меня. Не угодно ли... потрудитесь удалиться!

— Э, бросьте! — презрительно махнулъ рукой Бѣлавенскій. — О чемъ вы? Вамъ заплатятъ!

— Заплатятъ? — вѣвъ себя крикнула Лидія Ивановна. — Вонъ! С-сію м-минуту!

И она выпрямилась во весь ростъ, указывая на дверь.

Бѣлавенскій взглянулъ на нее. Она была положительно прекрасна въ своемъ искреннемъ негодованіи. Что-то похожее на страсть свернуло въ глазахъ Бѣлавенскаго, онъ порывисто двинулся къ молодой женщинѣ, но вдругъ отшатнулся и закрылъ лицо руками.

— Да... это правда, — прошепталъ онъ, — вы правы... Простите!... Дайте мнѣ... шапку!

— Вотъ ваша шапка! — значительно смягчившись, но все еще со строгимъ лицомъ сказала Лидія Ивановна, подавая шапку. — Сюда... сюда идите! Тамъ другая комната!

Бѣлавенскій стоялъ въ дверяхъ спальни.

— Туда нельзя! Послушайте, рыцарь! Вамъ говорить, нельзя! — уже слегка улыбаясь, говорила Лидія Ивановна.

— Вы смѣтаетесь? — спросилъ Бѣлавенскій, возвращаясь и близко заглядывая ей въ лицо.

— Ну, вотъ еще! Съ чего вы взяли? Я только сказала, что выходъ не тамъ.

— А исходъ?

И, закусивъ до крови губу, не ожидая отвѣта, не глядя на Лидію Ивановну, какъ будто этотъ вопросъ вовсе не былъ обращенъ къ ней, Бѣлавенскій раскрылъ дверь и вышелъ.

— Сюда, налѣво! Осторожнѣе! Груша, Груша, посвѣти! — крикнула вслѣдъ Лидія Ивановна.

Яковъ Степанычъ зашевелился, приподнялъ съ подушки красное, измятое лицо, прищуривъ одинъ глазъ, усмѣхнулся и пробормоталъ:

— Испушеніе Іосифа прекраснаго!

Бѣлавенскій былъ уже въ корридорѣ. Нѣкоторое время тамъ еще слышался стукъ надѣваемыхъ калошъ, нетвердые, тяжелые шаги, загремѣлъ дверной крюкъ и все затихло.

— Какой неприятный блондинъ!—начала Лидія Ивановна, подсаживаясь къ Якову Степанычу и разглаживая его бакенбарды.— Ты вздремнулъ? За что онъ тебя такъ? Я, право, боялась, что онъ тебя поколотитъ.

— Ну, положимъ, — кисло усмѣхнулся Яковъ Степанычъ, — онъ больше на словахъ.

— Что это онъ рыцаремъ какимъ-то себя называлъ?

— Рыцаремъ? Да ужъ такъ... Онъ полусумасшедшій...

— Ну?—Лидія Ивановна вздрогнула и прижалась къ Якову Степанычу.—А что ты скажешь? Я сейчасъ подумала. Онъ самъ съ собою разговариваетъ. Соня слышала.

— А гдѣ она?

— Ушла къ себѣ.

— Ну, это напрасно.

Яковъ Степанычъ потянулся, зѣвнулъ, сбросилъ съ дивана ноги и сѣлъ. Взглядъ его скользнулъ по столу съ остатками пиршества.

— И вина своего не выпила. Зачѣмъ же такъ? Я могу и обидѣться.

— Зачѣмъ приводить скандалистовъ? Хочешь, поди и позови ее самъ,—надулась Лидія Ивановна.

— И позову. Ты думаешь, нѣтъ?

Онъ всталъ и подошелъ къ двери. Въ передней робко звякнулъ звонокъ.

— Это кто еще?—удивился Яковъ Степанычъ и выглянулъ за дверь.

Груша уже отворила, впустивъ какого-то господина. Тотъ стоялъ въ шапкѣ, спиною къ Якову Степанычу, но вдругъ повернувшись, и Яковъ Степанычъ, взглянувъ на него, страшно удивился: это былъ Бѣлавенскій.

Не снимая шапки, блѣдный, съ горящими глазами, онъ стоялъ у двери, смотрѣлъ въ упоръ на Якова Степаныча и бормоталъ что-то горничной.

— Я не знаю... нѣтъ вашей палки, — отвѣчала та.—Не эта ли? Ну, такъ я не знаю. Вы безъ палки пришли.

Бѣлавенскій все смотрѣлъ на Якова Степаныча. Этотъ взглядъ, горящій, упорный, тяготѣлъ надъ нимъ, какъ бы уничтожая его. Словно по какому наитію, Яковъ Степанычъ вдругъ понялъ, чего хотѣлъ Бѣлавенскій, ознобъ пробѣжалъ по его спинѣ, ему стало жутко. Онъ пробовалъ что-то сказать, но способность рѣчи парализовалась; онъ быстро отступилъ и закрылъ за собою дверь.

Въ передней хлопнула дверь; Бѣлавенскій, должно быть, ушелъ.

ХІІ.

Сонная Степанида, по звонку отворивъ дверь и впустивъ барина, подумала сперва, что тотъ вернулся выпивши. «Съ горя да со скуки сталъ, видно, побучивать», — рѣшила она, снимая съ Бѣлавенскаго пальто.

Но баринъ держался на ногахъ твердо, смотрѣлъ ясно, и это обстоятельство повергло Степаниду въ большое раздумье.

«Богъ его знаетъ, что съ нимъ такое дѣется! — думала она, откидывая ситцевую занавѣску, скрывавшую ея ложе, и собираясь ложиться. — То вовсе не почуветь дома, то придетъ поздно, да какой-то, кто его знаетъ, чудной. Сидить по часамъ, не шелухнется, знать, о чемъ думаетъ. Вотъ и теперь, поди, думаетъ. Думай, не думай, батюшка, а жены не воротись. А-у! Да и то сказать, ужъ что-жь это за жена?... Ахъ, ты, проклятый, куда забрался!»

Послѣднее замѣчаніе относилось къ юркому прусаку, въ смятеніи бѣгавшему по подушкѣ. Бѣдный тараканъ былъ моментально изловленъ и растоптанъ мстительною женскою пятой въ стоптанной туфлѣ, послѣ чего обладательница туфли перекрестилась на висѣвшій въ углу почернѣвшій образокъ Богородицы и, пробормотавъ: «Господи Іисусе Христе, прости меня, грѣшную», легла на кровать.

Степанида угадала. Придя въ кабинетъ, Бѣлавенскій зажегъ лампу, сѣлъ на диванъ и, откинувшись головою на спинку, задумался.

И опять передъ его воспаленными отъ вина, устремленными въ одну точку и застывшими словно у покойника глазами стали проноситься лица и сцены прошлаго и только что пережитого имъ. Измѣна жены была главною основой его воспоминаній и размышленій. Съ мучительными потугами мысли онъ припоминалъ, когда, при какихъ обстоятельствахъ это могло совершиться, что дало первый толчокъ. Его кажущаяся холодность, отвлеченность отъ личной жизни, узко-домашнихъ интересовъ? Да, конечно, это должно было на нее повліять. Вѣдь, она, какъ большинство, приучена была

жить только личными интересами и малѣйшее уклоненіе въ сторону должно было казаться ей преступленіемъ противъ семейнаго очага. Иныя примиряются и всю жизнь разыгрываютъ роль жертвы, а эта, пустая и взбалмошная, нашла свое счастье съ другимъ...

«Счастье! Глупцы, вотъ гдѣ они ищутъ своего счастья! Какъ просто, какъ легко отыскивается оно! Дочь бѣжить съ любовникомъ, человѣкомъ, котораго она совершенно не знаетъ, но который прельстилъ, именно *прельстилъ* ее сладенькимъ обращеніемъ и конфетною физиономіей,—отецъ утопаетъ въ блаженствѣ, понавѣ въ общество падшихъ женщинъ. И оба счастливы, и обоимъ больше ничего не нужно! А кругомъ — хоть потопъ! А я не могу, не въ силахъ сбросить ярмо грязной привязанности, я, который хочеть летѣть съ гириями на ногахъ! Ха, ха! Хорошъ!»

Сухой, полный ядовитаго сарказма смѣхъ нарушилъ тишину кабинета, затѣмъ опять все смолкло и снова стало слышно мѣрное тиканье большихъ кабинетныхъ часовъ на столѣ. Кругомъ была тишина, та особенная тишина ночи, въ которой, кажется, все что-то живетъ и дышетъ, въ которой каждый малѣйшій звукъ, будь то легкій хрипъ горящей лампы, трескъ обоевъ, шуршанье случайно забѣжавшаго изъ кухни таракана или потаенная возня мышенятъ, принимаетъ такіе размѣры и смыслъ, что заставляетъ невольно прислушиваться и пугаться.

Такъ и кажется, что вслѣдъ за шорохомъ что-то такое должно вдругъ случиться, что-то необычайное должно нарушить эту живую, тревожную тишину, кто-то громко заговорить, раздастся звонокъ, послышится сильный стукъ...

Но нѣтъ! Медленно ползутъ безконечные часы зимней ночи, попрежнему, мракъ въ отдаленныхъ углахъ и черныя, уродливыя тѣни на потолокъ и стѣнахъ, попрежнему, желтоватый кругъ свѣта около лампы и все тѣ же, чередующіеся одинъ за другимъ, таинственные звуки ночи.

«Гдѣ исходъ? — думаетъ Бѣлавенскій, — исходъ моей жизни, моихъ неосуществимыхъ мечтамъ? Гдѣ мои единомышленники? Я одинъ! Куда бы я ни ушелъ, я вѣчно буду одинъ!»

И новая мысль внезапно осѣняетъ его голову. Конечно, онъ не поѣдетъ никуда. Это такъ ясно. Земство и заманчивая дѣятельность по деревнямъ — одинъ миражъ. И тамъ, какъ здѣсь, тѣ же люди, точь-въ-точь такіе, какъ Яковъ Степанычъ. Вѣдь, онъ-то и есть продуктъ современной деревенской жизни, выросшій среди подобныхъ себѣ, впитавшій въ себя ихъ взгляды, ихъ потребности и вкусы. И онъ, можетъ быть, даже наилучшій. Онъ не грабитъ, не

спиваетъ народъ, не живетъ открыто съ любовницами, — онъ все дѣлаетъ потихоньку и понемножку: понемножку эксплуатируетъ мужика, потихоньку «шалить», какъ принято выражаться, во время наѣздовъ въ Петербургъ. Всѣ въ одинъ голосъ скажутъ, что Яковъ Степанычъ хорошій хозяинъ и прекрасный семьянинъ, — таковымъ считаетъ его изолгавшееся, нравственно-ничтожное общество. И каждый изъ этого общества вправѣ спросить Бѣлавенскаго, зачѣмъ онъ поносилъ его, тамъ, у этой несчастной? Вѣдь, онъ былъ смѣшонъ въ своемъ близорукомъ возбужденіи, котораго никто не понималъ, и первый, конечно, Яковъ Степанычъ. И тотъ сдѣлалъ, чего слѣдовало отъ него ожидать: прикинулся спящимъ и далъ смѣшному «рыцарю духа» выболтать весь «высокопарный вздоръ», потомъ заперся отъ него на ключъ. Изъ сотни людей девяносто девять скажутъ, что Яковъ Степанычъ поступилъ благо-разумно. Еще бы! Завтра же онъ встрѣтится съ «рыцаремъ» какъ ни въ чемъ не бывало и, конечно, не поведетъ его больше въ кабакъ, — хотя это еще вопросъ, — не посмѣется, не пошутитъ и будетъ оказывать всяческіе знаки вниманія...

О, бѣдный, бѣдный рыцарь духа! Кому ты нуженъ въ наше время легкаго отношенія ко всему? Кому нужны твои горячія рѣчи? Съ кѣмъ и во имя чего ты воюешь?

Сама собой склоняется голова Бѣлавенскаго. Нѣмая ночь не отвѣчаетъ ему теперь ни единымъ звукомъ. Все тихо и глухо кругомъ, какъ въ могилѣ. А безпощадное время, — это слѣпое орудіе вѣчности, — все идетъ да идетъ, и олицетвореніемъ этого времени являются часы, что ровно и неуклонно каждую секунду бьютъ свое «тикъ-такъ»...

Впередъ, все впередъ! Время всѣхъ перемелетъ въ своемъ жерновѣ, оставитъ зерно для будущихъ посѣвовъ и выброситъ шелуху. Кто не хочетъ или примѣниться къ существующей дѣйствительности, или подчинить ее себѣ, тотъ лишній на пиру жизни. Побѣда или порабощеніе, — середины нѣтъ!...

«Ага! — сказалъ самъ себѣ Бѣлавенскій, вставая и принимаясь ходить по комнатѣ, — значитъ, борьба? На жизнь и на смерть? Одного противъ всѣхъ? Ну, хорошо, пусть будетъ борьба! Посмотримъ, чья возьметъ! Случайность? Что же, примемъ въ расчетъ и случайность. Развѣ мало ихъ въ жизни? Развѣ, наконецъ, сама жизнь не случайность? И смерть тоже»...

Приближался разсвѣтъ, а Бѣлавенскій все ходилъ взадъ и впередъ по кабинету съ видомъ человѣка, рѣшившагося привести въ исполненіе обдумываемый планъ дѣйствій, что-то бормоча и жести-

кулируя, а въ замочную скважину за нимъ слѣдили внимательные, испуганные глаза Степаниды.

Встревоженная страннымъ поведеніемъ барина и опасаясь, чтобы тотъ не сдѣлалъ чего-нибудь надъ собою, она не могла заснуть въ эту ночь, одѣлась и подошла къ двери.

И каждый разъ, когда Бѣлавенскій поворачивался къ ней лицомъ и шелъ на нее, она, трясаясь въ лихорадкѣ и шепча слова молитвы, невольно отступала на шагъ,— до того страшнымъ казалось ей застывшее въ выраженіи мрачнаго безсилія, блѣдное, искаженное душевными страданіями лицо Глѣба Павловича.

ХІІІ.

На другой день, около двѣнадцати часовъ, Яковъ Степанычъ проснулся въ своемъ номерѣ съ невыносимою головною болью. Онъ не придерживался мудрѣйшаго правила кутить, предписывающаго лечиться, чѣмъ ушибся, предпочитая страдать и вылеживаться. Однако, на этотъ разъ головная боль была настолько сильна, что потребовались даже горчичники. Съ «Rigollot» между лопатками и на обѣихъ рукахъ, съ головою, обернутою «по-турецки» мокрымъ полотенцемъ, Яковъ Степанычъ ходилъ по своему номеру взадъ и впередъ, приостанавливаясь, по временамъ, у дверного косяка и закатывая глаза до того, что обозначались одни бѣлки.

Онъ грядѣлъ, стоналъ, шепталъ: «О, Боже мой, Боже мой!» проклиналъ и себя за свою слабость, и всѣхъ, кто способствовалъ тому, что онъ «перепустилъ лишнее», не исключая и Бѣлавенскаго, и клялся, что больше ничего подобнаго не повторится.

Обѣдать онъ не пошелъ, да и самая мысль объ ѣдѣ вызывала въ немъ тошноту. Онъ велѣлъ слугѣ принести квасу, выпилъ два кувшина, но жажда все еще мучила его.

Такъ прошелъ весь день. Часамъ къ шести головная боль слегка притупилась, Яковъ Степанычъ прилежъ на диванъ и сдѣлалъ попытку заснуть. Но сна не было. Было какое-то странное, полудремотное состояніе, когда человѣкъ все видитъ и сознаетъ, но это все кажется ему удаленнымъ, потускнѣвшимъ, лишеннымъ яркости красокъ и полноты звуковъ. Яковъ Степанычъ сознавалъ, что лежитъ на турецкомъ диванѣ, положивъ голову высоко на подушки, но порою онъ терялъ всякое ощущеніе и дивана, и подушекъ и ему казалось, что онъ какъ бы виситъ въ пространствѣ, ни до чего не касаясь. Часы, стоявшіе отъ него на разстояніи трехъ шаговъ и въ другое время дѣйствовавшіе на нервы рѣзкимъ

тиваньемъ, теперь стучали глухо, словно запертые въ сундукъ, и Яковъ Степанычъ не доискивался причины такой перемены; лампа, пущенная во всю, горѣла тусклымъ, красноватымъ свѣтомъ; Яковъ Степанычъ подумалъ было позвонить и приказать осмотрѣть лампу, но тотчасъ объ этомъ забылъ.

Приходили мысли о вчерашнемъ кутежѣ, о Бѣлавенскомъ и его вторичномъ, странномъ появленіи, о женѣ и предстоявшемъ совмѣстномъ отъѣздѣ въ деревню, о Натѣ, о дѣлѣ въ министерствѣ, но стоило только возникнуть этимъ мыслямъ, какъ Яковъ Степанычъ переставалъ думать и онѣ исчезали. «Потомъ, потомъ!» — говорилъ онъ себѣ и успокоивался.

Онъ весь, всѣмъ своимъ существомъ занятъ былъ теперь однимъ: болевою точкой въ лѣвомъ високѣ; боль была такая, какъ будто кто сильною рукой втискивалъ въ високъ острый и тонкій винтъ. Порою, когда Яковъ Степанычъ въ дремотѣ закрывалъ глаза, ему, дѣйствительно, казалось, что здоровенный мужикъ, въ красной рубахѣ съ засученными по локоть рукавами, отверткой ввинчивалъ ему въ високъ винтъ. «Полегче, полегче, любезный!» — шепталъ Яковъ Степанычъ. Мужикъ вдругъ превращался въ «Искорку» или ребенка, совсѣмъ маленькаго ребенка, и боль стихала. Но она должна быть непременно, — въ этомъ Яковъ Степанычъ былъ убѣжденъ, покорялся и даже не мечталъ отъ нея избавиться. Да и вообще онъ такъ ослабъ духомъ, что ничего бы не могъ теперь предпринять: ни встать, ни перейти на другое мѣсто, ни даже повернуться на другой бокъ. Принятое имъ положеніе, — съ закинутою назадъ головой и поджатыми къ животу ногами, — онъ считалъ наилучшимъ, наудобнѣйшимъ и, казалось, ничто, ничто въ мірѣ не могло вывести его изъ этого положенія, даже появленіе такъ сильно напугавшаго его Бѣлавенскаго.

А онъ, дѣйствительно, появился. Это не былъ сонъ, не было видѣніе, — Яковъ Степанычъ смотрѣлъ во всѣ глаза, — передъ нимъ стоялъ живой, реальный Глѣбъ Павловичъ.

Онъ былъ блѣденъ, блѣднѣе вчерашняго. Выраженіе его глазъ было такое же, какъ тогда, въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана, когда онъ остановился передъ тестемъ и взглянулъ на него (Яковъ Степанычъ сейчасъ же припомнилъ это выраженіе), но держался онъ удивительно спокойно и даже какъ будто улыбался. Пиджакъ его былъ застегнутъ наглухо, до самаго горла, и правая рука заложена за бортъ.

— А-а! Глѣбъ Павловичъ! Здравствуй! Садись! — простоналъ Яковъ Степанычъ. — Извини, что не могу подняться!

Онъ вспомнилъ вчерашнее и ему стало стыдно.

— Что съ тобою? Къ чему эта чалма? — неприятно удивился Бѣлавенскій, располагаясь въ креслѣ противъ тестя.

Свѣтъ отъ лампы падалъ ему на правую сторону лица, которая какъ-то судорожно подергивалась.

— Расплата! — прошепталъ Яковъ Степанычъ. — Високъ страшно болить, точно винтъ какой буравитъ!

— Високъ? — опять удивился Бѣлавенскій, — високъ, говоришь? Гм... Который?

Онъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая притронуться къ больному мѣсту, но Яковъ Степанычъ инстинктивно закрылъ високъ рукой.

— Вотъ, лѣвый. Болить страшно. Полечилъ бы, что ли.

Бѣлавенскій молча вынулъ руку изъ-за борта пиджака, взялъ изъ спичечницы нѣсколько спичекъ и началъ ихъ ломать пополамъ. Лицо его было, попрежнему, блѣдно и серьезно и на губахъ мелькала странная, загадочная улыбка.

— Читалъ я гдѣ-то, что дѣлаютъ подкожныя впрыскиванія стрихнина, — это не опасно? — спрашивалъ Яковъ Степанычъ, тревожно слѣдя за дѣйствіями Бѣлавенскаго. — Попробовать бы. Или лучше покой и сонъ?

— Покой лучше, — сказалъ Бѣлавенскій.

— То-то, что у меня сна ни капельки. Мученіе!

Бѣлавенскій собралъ спички въ лѣвую руку, а правую опять заложилъ за бортъ пиджака.

— Четъ или нечетъ? — спросилъ онъ вдругъ.

— Это что? — удивился Яковъ Степанычъ. — Зачѣмъ тебѣ? Эхъ, голубчикъ, мнѣ не до того!

— Ну, говори!

Яковъ Степанычъ взглянулъ на Бѣлавенскаго и ему показалось, что тотъ сдѣлался еще блѣднѣе и губы его дрожали, но такъ какъ у Якова Степаныча начало нервически дергать глазъ, то онъ и не былъ увѣренъ въ послѣднемъ.

— Оставь! — простоналъ онъ. — Къ чему тебѣ? Охота пустяками...

— Говори, — тихо и убѣдительно произнесъ Бѣлавенскій.

— Ну... нечетъ.

Бѣлавенскій разжалъ кулакъ и, бросивъ спички на столъ, пальцемъ пересчиталъ ихъ.

— Не угадалъ! — сказалъ онъ и лицо его вдругъ просвѣтлѣло. — Не угадалъ, и не нужно!

Онъ вынулъ руку изъ-за борта пиджака, собралъ спички и швырнулъ ихъ въ каминъ.

— Что «не нужно»? Что это ты въ загадки играешь? — тревожно заговорилъ Яковъ Степанычъ.

— Лечить тебя не нужно. Я хотѣлъ дать тебѣ морфію.

— Морфію?—испугался Яковъ Степанычъ и даже приподнял голову съ подушки.—Ну, ужъ нѣтъ! Боюсь этого зелья.

— Потомъ,—спокойно продолжалъ Бѣлавенскій,—я загадалъ, слѣдуетъ ли мнѣ съ тобою мириться.

— Ну, что тамъ... Брось. Были выпивши...

— Это все равно,—тѣмъ же спокойнымъ тономъ, отчеканивая слова и смотря въ упоръ на тестя, продолжалъ Бѣлавенскій. — Я оскорбилъ тебя, но считаю себя правымъ. Еслибъ я не былъ правъ, развѣ могъ бы я оскорбить тебя? Ты получилъ должное и просить у тебя прощенія не слѣдуетъ.

— Ахъ, опять! Брось ты, ради Христа! У меня голова болить... Я все забылъ.

— Мнѣ все равно, забылъ ли ты, или нѣтъ,—я помню! И я останусь такимъ до смерти. Но мы больше не увидимся... Ты побѣдилъ. Прощай.

Онъ всталъ и, не подавая руки, не глядя даже на тестя, направился къ двери.

— погоди, Глѣбъ, постой же! Куда ты? Ахъ, Господи!—застоналъ Яковъ Степанычъ. (Бѣлавенскій остановился). — Ну, къ чему такъ круто... вдругъ... да еще съ больнымъ человѣкомъ? Ну, Господи, ну, не повезу я тебя больше... тебѣ противно — не повезу... Въ чему же рвать отношенія? Нужно снисходить къ слабостямъ... Ну, ты—высокоправственный человѣкъ, я это признаю, уважаю тебя... Я самъ, самъ казнюсь... Ахъ, Боже мой, опять високо!

Онъ видѣлъ, какъ лицо Бѣлавенскаго приняло восторженное выраженіе и какъ-то даже похорошѣло, какъ онъ вдругъ сдѣлался какъ будто выше ростомъ, повернулся къ нему спиной и не спѣша вышелъ.

И вдругъ точно чѣмъ ударило въ голову Якова Степаныча и онъ заметался на диванѣ.

«Неужели, Господи, неужели? — зашепталъ онъ, смотря расширенными зрачками на закрывшуюся за Бѣлавенскимъ дверь. — Неужели онъ?... А рука, рука-то! Меня или себя? О, сумасшедшій! А спички-то... вотъ онъ къ чему! Ахъ, Господи, Господи!»

Онъ хотѣлъ вскочить съ дивана, сбросить «чалму», созвать

лакеевъ, бѣжать за Бѣлавенскимъ, но «винтъ» глубокого вонзился ему въ високъ и проникъ до мозга; онъ застоналъ, почти завылъ отъ боли и, закинувъ голову, замеръ въ неподвижности.

И опять мужикъ въ красной рубахѣ началъ усердствовать надъ своимъ дѣломъ, опять Яковъ Степанычъ шепталъ: «Потише, потише, любезный!» — являлась «Искорка», которая пѣла *Маргариту*, и каждый тактъ этой пѣсни билъ по больному виску Якова Степаныча; потомъ приходила Ната и укоряла его въ чемъ-то, затѣмъ Ната превращалась въ маленькую чужую дѣвочку, но очень близкую Якову Степанычу. Она нѣжно прижималась къ нему, вела ему маленькія, пухлыя ручонки на голову, говорила: «бобо, бобо», слюнявила клочки бумажекъ и прикладывала къ виску, «лечила». «Это было давно, давно, — въ сладостномъ забвеніи шепталъ себя Яковъ Степанычъ, — это было давно и хорошо!» Въ большомъ деревенскомъ паркѣ цвѣли черемуха и сирень, жужжали мохнатые шмели, легкій вѣтерокъ шелестѣлъ молодою листвою кленовъ, по голубому небу плыли бѣлыя облачка, и все прошло, забылось, все стало хорошо и покойно...

XIV.

Бѣлавенскій тихонько позвонился у дверей своей квартиры: Послышалось шлепанье туфель и Степанида отворила дверь. Снимая пальто, Бѣлавенскій замѣтилъ, что въ передней все было прибрано, стояло на своемъ мѣстѣ и не было прежняго отпечатка заброшенности. Сама Степанида, причесанная, чисто одѣтая, въ новомъ фартукѣ, точно преобразилась. Видно было, что она успѣла придти въ себя, отдохнуть послѣ двухъ хозяекъ, гонявшихъ ее по десяти разъ на день по пустыкамъ, и освоиться съ ролью единственной хозяйки въ домѣ. На ея честномъ, сумрачномъ лицѣ замѣтно было даже что-то вродѣ сознанія собственнаго достоинства.

Впустивъ Бѣлавенскаго, она прошмыгнула въ кабинетъ и зажгла лампу.

- Прикажете самоваръ? — спросила она, становясь у двери.
- Нѣтъ, не надо.
- Отчетъ сейчасъ примете?
- Что такое? Какой отчетъ?
- Въ деньгахъ, что давали.
- Послѣ... завтра! — махнулъ рукой Бѣлавенскій.
- Письмо вамъ есть. На столѣ лежитъ.
- Хорошо.

Бѣлавенскій заперъ за нею дверь на ключъ, снялъ пиджакъ и повѣсилъ его въ уголъ на гвоздь, затѣмъ, заложивъ руки за спину, сталъ прохаживаться по комнатѣ.

«Странно,—думалъ онъ,—какъ это я въ такую минуту обращаю вниманіе на мелочи? И порядокъ въ домѣ замѣтилъ, и то, что у Степаниды новый фартукъ, а теперь тянетъ меня прочитать письмо».

Онъ взялъ письмо со стола и по почерку узналъ руку жены.

«Читать или не читать?—думалъ онъ, вертя въ пальцахъ конвертъ.—Если это требованіе чего-нибудь, то я, все равно, ничего не успѣю сдѣлать, если это болтовня, обычные глупости, то на что мнѣ онѣ?»

Но любопытство, присущее человѣку въ самые серьезные моменты его жизни, все-таки, превозмогло. Бѣлавенскій вскрылъ конвертъ, и послѣ первыхъ же строкъ письма на лицѣ его появилась насмѣшливая улыбка, а когда онъ дочиталъ и бросилъ клочокъ бумаги на другой конецъ стола, ядовитый, тихій смѣхъ послышался въ кабинетѣ.

Ната писала:

«Уважаемый Глѣбъ Павловичъ!

«Уходя отъ васъ и принимая на себя всю отвѣтственность за такой поступокъ, который строго карается въ обществѣ сплетнями и злословіемъ, я была въ такомъ возбужденномъ состояніи, что, конечно, не могла объясниться съ вами. Не стану и теперь касаться тѣхъ мотивовъ, которые побудили меня оставить вашъ домъ,—это было бы слишкомъ долго и, пожалуй, не убѣдительно для васъ. Цѣль настоящаго письма—обратиться къ вамъ, какъ къ человѣку безупречно-честному, уважаемому мною, и напомнить вамъ... Впрочемъ,—неволью, можетъ быть, вооруживъ противъ меня моего отца,—вы, навѣрное, сами догадались о томъ, чтѣ я считаю неудобнымъ здѣсь выразить. Если вы пожелаете переговорить со мною, то будьте любезны, назначьте день и часъ, въ который я бы могла застать васъ дома. Адресъ мой...» и проч.

Бѣлавенскій смѣялся, тихо, ядовито, скверно смѣялся. Потому онъ потянулся за письмомъ жены, досталъ его, вытащилъ изъ-подъ бумаги чистый почтовый листокъ и написалъ:

«Наталья Яковлевна!

«Хотя я имѣю тысячу причинъ не желать свиданія съ вами, но дѣло прежде всего. Я готовъ побесѣдовать съ вами по поводу назначенія вамъ содержанія, но не иначе, какъ въ присутствіи г. Мятлина».

Дописавъ послѣднее слово, онъ опять ядовито, съверно усмѣхнулся и откинулся вглубь кресла. Онъ предвкушалъ наслажденіе отъ придуманной имъ мести, отъ той циничной, отвратительной сцены, которая рисовалась въ его воображеніи. Пусть, пусть только явится эта женщина! Вотъ когда онъ можетъ надругаться надъ нею здѣсь же, въ этомъ кабинетѣ, въ присутствіи ея ничтожнаго любовника, продиктовавшаго ей это низкое письмо! Обладать, заплатить, какъ... проституткѣ, и затѣмъ выгнать обоихъ или покончить съ обоими разомъ! О, какая мечь!

Да, все это онъ *можетъ*, это его право! Но долженъ ли? Не падеть ли это еще сильнѣйшимъ позоромъ на него самого? Не оскорбить ли онъ, прежде всего, самого себя? Онъ, который теперь высился надъ всѣмъ низкимъ и грязнымъ, которому скоро предстоитъ стать еще выше, долженъ ли онъ это сдѣлать? Вотъ уже пройденъ путь жизни, съ лишеніями, колебаніями, съ вѣчнымъ самонаблюденіемъ, вѣчнымъ контролемъ надъ собою своего духовнаго верховнаго «я», остался самый ничтожный кончикъ этого пути, и на этомъ-то кончикѣ споткнуться, дать волю надъ собою духу зла и грязи, дать восторжествовать похотливымъ инстинктамъ... И все изъ-за жалкаго письма жалкой и даже, можетъ быть, уже теперь несчастной женщины? Нѣтъ, никогда, ни за что!

Бѣлавенскій схватилъ со стола написанное имъ и разорвалъ въ клочки, потомъ взялъ другой листокъ, уже сложилъ въ умѣ фразу: «Ната, я тебя жалѣю и освобождаю навсегда», но не написалъ ни строчки, а всталъ изъ-за стола, подошелъ къ окну, поднялъ штору и сталъ смотрѣть на темную улицу, слабо освѣщенную правильнымъ рядомъ фонарей.

Часы на письменномъ столѣ бьютъ десять. Бѣлавенскій все смотреть во мракъ улицы пристальнымъ, тяжелымъ взглядомъ. По тротуару, взадъ и впередъ, слѣпшюю, озабоченною походкой снуютъ темныя фигуры пѣшеходовъ; на углу остановился извожикъ. «Впередъ, впередъ! Время всѣхъ перемелеть въ своемъ жерновѣ!» Эти фигуры будутъ сновать завтра, послѣ-завтра, цѣлые мѣсяцы, цѣлые годы... Потомъ ихъ смѣнятъ другія, такія же, и тѣ будутъ сновать. Ихъ будетъ толкать впередъ жизнь. Въ верхнемъ этажѣ сосѣдь или сосѣдка заиграла на рояли. Прежде Бѣлавенскій раздражался отъ этихъ звуковъ, они ему мѣшали, теперь ему все равно, потому что онъ прежде жилъ, какъ живутъ всѣ, а теперь въ немъ почти нѣтъ жизни. А жизнь кипитъ и будетъ кипѣть кругомъ. Завтра Яковъ Степанычъ, освѣженный сномъ, помчится въ министерство хлопотать о меліоративномъ кредитѣ, который ему

необходимъ для успѣшнаго веденія заводскаго дѣла, и послѣ тревожнаго, дѣловаго дня «отдохнетъ» у «Искорки». Завтра Огневъ будетъ гнуть спину на службѣ, а «Сележа» станетъ играть въ лошадки и выучить новую пѣсню, а потомъ, когда начнетъ учиться, сдѣлается тупымъ, мрачнымъ и озлобленнымъ, какъ всѣ наши бѣдныя дѣти. И озлобленнымъ станетъ жить и испортитъ свою и чужую жизнь. Завтра Черехинъ пойдетъ на балконъ наблюдать Юпитера, а сдѣлается ли отъ этого хоть одинъ человѣкъ счастливѣе? Завтра же въ ворота Николаевского вокзала вгонятъ новую партію арестантовъ, а общество трезвости получитъ отъ о. Іоанна новую сотню рублей. И все это—жизнь, безпощадная, равнодушная, какъ сама природа, порою бессмысленная въ своихъ проявленіяхъ и жестокая въ своемъ воздѣйствіи на другихъ. И жертвы, и побѣжденные, и побѣдители,—всѣ въ одной безобразной свалкѣ, всѣ что-то дѣлаютъ надъ собою и другъ надъ другомъ, куда-то спѣшатъ безъ оглядки, и всѣ жить, жить хотѣть, хотя бы цѣною своихъ и чужихъ невыносимыхъ страданій и униженій...

Крикнуть имъ: «Остановитесь! Зачѣмъ вы все это дѣлаете? Вѣдь, такъ мало нужно человѣку, ничтожному червю земли! Не туда вы бѣжите, не то дѣлаете вы! Безумный, они растопчатъ тебя! Вѣдь, и ты идешь «не туда», — это скажетъ тебѣ любой изъ этой толпы, а развѣ ты слушаешься, развѣ ты не господинъ самому себѣ?

«Да, развѣ ты не господинъ самому себѣ? — шепотомъ повторилъ Бѣлавенскій.—Ну, что же?»

Онъ посмотрѣлъ на часы: было безъ пяти минутъ одиннадцать.

«Пять минутъ! — сказалъ онъ себѣ, — всего только пять минутъ!»

«Какой вздоръ!—шепнулъ ему внутренній голосъ,—ты знаешь, что это одинъ моментъ. Или ложись спать. А завтра... все, что ты видѣлъ сегодня, будетъ завтра. Ну, рѣшай! Ты забылъ о спичкахъ? Какъ ты радъ былъ, когда выпало тебѣ! Вѣдь, ты былъ радъ, сознайся? Когда ты шелъ къ нему, ты зналъ, что идешь собственно такъ и что тебѣ, а не ему, выпадетъ. Да развѣ ты посмѣлъ бы сдѣлать это? Они должны жить, таковъ законъ природы, ну, а ты... Они тебя упрячутъ въ сумасшедшій домъ. Согласись, тогда будетъ поздно, тогда ты не будешь господиномъ самому себѣ. Да ну же!... Трусъ!»

Часы стали бить одиннадцать. Бѣлавенскій быстро подошелъ къ углу, гдѣ висѣлъ пиджакъ, вынулъ револьверъ, поднялъ руку къ виску и... вдругъ опустилъ.

Словно какая волна, свѣжая, радостная, прихлынула къ его сердцу, и оно неудержимо забилося.

Въ одну эту минуту Бѣлавенскій всѣмъ своимъ существомъ понялъ, что не можетъ, не долженъ такъ кончить, не долженъ быть бѣглецомъ съ поля битвы. А это поле — вся жизнь, что осталась еще впереди, жизнь труженническая, плодотворная и полезная ближнему. Пусть все кончено лично для него, но развѣ онъ не обязанъ жить для другихъ, не обязанъ отдать свой трудъ, какъ давнишній долгъ, тому народу, который выкормилъ его и далъ ему его знанія? Все, все ему, этому бѣдному, темному народу, — все, даже самую жизнь до послѣдняго вздоха!

Бѣлавенскій отбросилъ отъ себя револьверъ и въ полномъ изнеможеніи упалъ на диванъ.

Это была вторая его побѣда надъ самимъ собою, и досталась она ему дорого.

Блѣдный, тяжело дыша, онъ лежалъ на диванѣ и по его блѣдному, но запечатлѣнному восторженнымъ выраженіемъ лицу тегли безмолвныя, благодатныя слезы духовнаго обновленія...

К. Баранцевичъ.

ГОЛУБОЙ ИВИСЬ *).

Р о м а н ъ Ж а н а Э к а р а .

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Два дня прошло съ тѣхъ поръ, какъ Марканъ уѣхалъ. Элиза осталась одна съ Жоржемъ въ виллѣ Террасы. Маріона была занята своимъ дѣломъ, съ которымъ справлялась добросовѣстно; съ восьми до одиннадцати часовъ ей помогала приходившая на это время служанка, болѣе, чѣмъ она, привычная къ мелкимъ работамъ, къ уборкѣ комнатъ, чисткѣ мебели, шитью и т. п.

Жоржъ съ утра бѣгалъ по берегу моря, разыскивалъ въ пескѣ раковины, обломки коралловъ, прыгалъ по скаламъ, слѣдя за убѣгающимъ крабомъ, за странною рыбкой, прячущеюся подъ камнями. Мать изъ окна присматривала за нимъ, останавливала его, подавала совѣты:

— Жоржъ, ты измочишься!... Смотри, упадешь!... Жоржъ, осторожниѣ!... Вернись назадъ!

Мальчикъ поднималъ голову, обращалъ къ матери красивое, счастливое лицо.

— Нѣтъ, мама!... Хорошо, мама!

Морская волна добѣгала до калитки сада въ какихъ-нибудь тридцати шагахъ отъ виллы, дробясь о мелкія скалы, изрытыя тысячью крошечныхъ пещеръ, представлявшихъ ребенку цѣлымъ міромъ. А себѣ самому Жоржъ казался отважнымъ искателемъ приключеній, пиратомъ или Робинзономъ и по нѣскольку разъ въ день кричалъ матери:

— Скоро ли, мама, я получу моего *Голубаго Ивиса*?... Надѣюсь, папа не забудетъ?... Долго онъ проѣздитъ?

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

Марканъ писалъ, что *Голубой Ибисъ* купленъ съ парусами и съ паровою машиною. Жоржъ просыпался ночью и кричалъ:

— Мама!

— Что съ тобой, дѣточка?

— Какъ ты думаешь, онъ не очень маленькій?

— Нѣтъ, нѣтъ. Спи, мой милый... надо спать.

Въ письмѣ Марканъ говорилъ также о дѣлѣ, интересовавшемъ отца г. Дофена. Часть общины, требовавшая выдѣла, не получить его на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ... «Чертовски трудное дѣло такіе выдѣлы. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ прочесть превосходный трудъ Леона Окока: *Выдѣлы изъ общины и общинныя имущества*».

Дѣло, занимавшее старика Дофена, тянулось уже болѣе двадцати лѣтъ. Просителямъ придется подождать еще немного, по причинамъ, о которыхъ сообщалъ Марканъ, прося Элизу передать эти свѣдѣнія г. Дофену, при первой встрѣчѣ. Далѣе слѣдовали въ письмѣ подробности о его житьѣ на холостомъ положеніи: въ первый день онъ обѣдалъ въ трактирѣ, старая служанка усердно заботится о немъ. У дяди былъ припадокъ подагры, вынудившій старика отложить на время посѣщеніе Элизы въ Сень-Рафаэлъ... куда онъ, Марканъ, рассчитываетъ пріѣхать дня на три, но не ранѣе, какъ черезъ три недѣли.

Элиза вышивала, читала, ухаживала за цвѣтами, гуляла съ Жоржемъ отъ часу до трехъ, дѣлала въ Сень-Рафаэлъ мелкія покупки путешественницы, устраивающейся на новомъ мѣстѣ, старающейся, по возможности, уничтожить отпечатокъ шаблонности помѣщенія, нанятаго со всею обстановкой. То она набрасывала доскуть матеріи на кресло, то прикрывала чѣмъ-нибудь кровать, клала коверъ на столъ, а на коврѣ разставляла свои маленькія женскія игрушки, нѣсколько портретовъ, любимый несессеръ, хорошенькую бонбоньерку... Ежедневно она давала Жоржу обычный урокъ чтенія, письма и англійскаго языка.

Занятая такими первыми хлопотами объ устройствѣ квартиры, она не думала скучать. Въ тѣ минуты, когда дѣлать было нечего, Элиза смотрѣла изъ своего окна, освѣщеннаго солнцемъ, на неподвижную и вѣчно измѣнчивую картину голубого искращагося моря.

II.

На пятый день по пріѣздѣ Элизы открытое утромъ окно пропустило блѣдный, унылый свѣтъ. Поднявшійся ночью западный вѣтеръ дулъ порывисто. Надъ моремъ неслись облака съ ужасаю-

щею быстротой. Противуположныя теченія воздуха на различныхъ высотахъ мчали ихъ другъ на друга во всѣхъ направленіяхъ, точно озлобленные враги стремительно спѣшили они вступить въ бой... И это сѣрое небо закрывало собой голубое, омрачало все море. Сѣрые тоны сгущались, опускались ниже, становились все темнѣе. Полилъ сплошной дождь, какъ будто надвинувшееся сверху море опрокинулось въ то, что стелется внизу.

По дорогѣ, лежащей позади виллы, вода бѣжала ручьями, вливалась мутными потоками. Зеленъ холмовъ потускнѣла, приняла грязный оттѣнокъ. Все имѣло сурово - печальный видъ, погрузилось въ какой-то сплошной и безжизненный сумракъ. А море вздымалось безпрестанно обрушивающимися горами, яростно набѣгало съ широкаго простора на рейдъ, гнало волну за волной до береговой низины, гдѣ размывало дороги, сдѣланныя изъ песка и щебня, ломало деревянные, только что отстроенныя мосты.

Потомъ, когда буря стихла, мелкій, частый, упорный дождь заволокъ все съ такимъ постоянствомъ, будто ему уже никогда конца не будетъ. Послѣ мрачнаго ада бури, послѣ рая чудной, ясно-голубой погоды, нѣчто угнетающее, монотонное охватило все видимое пространство, представлявшееся, къ тому же, безпредѣльнымъ, такъ какъ небо и море слились въ одно безпросвѣтно-мрачное...

Элизу это удивило, потомъ привело въ ужасъ, потомъ нагнало на нее тоску.

Жоржъ сидѣлъ рядомъ съ нею въ комнатѣ, гдѣ топили каминъ, былъ нервенъ, почти угрюмъ и готовъ расплакаться, что разстраивало и Элизу выше всякой мѣры.

Она пробовала занять его книгой съ картинками, раскрытой на ея колѣняхъ, но ни она, ни онъ не въ состояніи были сосредоточиться на ней, — ихъ глаза невольно возвращались къ унылому виду неба и моря, притягивающему взоры, какъ что-то неизвѣстное, мѣшающее жить.

На далекомъ темномъ фонѣ холмовъ Сентъ-Эгюльфа ясно видны были милліоны косыхъ, взаимно пересѣкающихъ другъ друга полосъ дождя подъ порывами вѣтра.

— О, смотри, мама! — заговорилъ вдругъ Жоржъ. — Точно палочки вѣтки... а мы птички! И намъ никогда уже нельзя будетъ выйти.

Сравненіе понравилось Элизѣ, и она поцѣловала ребенка. Онъ продолжалъ:

— А *Голубой Ибисъ*... гдѣ онъ теперь?

Она думала объ этомъ съ тѣхъ поръ, какъ испортилась погода,

задумалась, какъ только увидала мрачную завѣсу тучъ, спустившуюся на такую радостную вчера сцену моря и неба, но тотчасъ же рѣшила, что непогода, начавшаяся ночью, должна была застать яхту на стояннѣ въ какомъ-нибудь заливѣ. А потому у Элизы не зародилось никакого опасенія за милого хозяина яхты. Молодой женщинѣ было только до крайности скучно сидѣть взаперти и смотрѣть сквозь мокрыя стекла на дождь, льющійся непрерывно и бороздящій рябью замученную воду.

Длилось это три дня, перешло и на четвертый съ переменною силой... Маріона посылала свои заказы и получала провизію съ omnibusомъ, ходящимъ между Сень-Рафаэлемъ и Драмономъ, — въ качествѣ истой провансалки, она считала дождь непреодолимымъ препятствіемъ всякому выходу изъ дома.

Служанка, являвшаяся каждое утро, пріѣзжала въ томъ же omnibusѣ съ огромнымъ стариннымъ зонтомъ въ рукахъ и безконечными жалобами.

Наконецъ, дождь прекратился, но погода осталась пасмурною. Два или три охотника, отправлявшіеся на излюбленные экспедиціи по болотамъ, да телеграфистъ на своемъ велосипедѣ только и показывались изрѣдка на дорогѣ позади виллы. Отъ времени до времени проѣзжала карета доктора, навѣщавшаго своихъ паціентовъ. Всѣ остальные экипажи стояли въ сараяхъ въ ожиданіи того дня, когда соблаговолятъ проглянуть солнышко.

Элизѣ приходили на память очень живо, болѣе ярко, чѣмъ реальные образы, четыре дня прекрасной погоды, встрѣтившей ихъ въ Сень-Рафаэлѣ. Передъ глазами молодой женщины проносились непрерывно ясная синевая моря и неба, облитая солнцемъ бѣлизна яхты, палуба, сверкающая глянцевитою мѣдью и полированнымъ деревомъ, берега, зеленѣющіе, какъ весною, подъ лучами зимняго солнца юга, и завтракъ на палубѣ, и тотъ, что поданъ имъ былъ на открытомъ воздухѣ около фермы Туанеты.

Теперь же надъ равниной кружились и жалобно кричали болотныя птицы, испуганныя чайки искали защиты на берегу и пищи въ сосѣдствѣ городовъ, сѣроватый ибисъ (каравайка съ длиннымъ загнутымъ клювомъ) пролеталъ подъ дождемъ съ унылыми стонами гибнущаго существа.

Элизѣ хотѣлось расплакаться, вернуться скорѣе въ свою парижскую квартиру, гдѣ, все-таки, кое-кто бывалъ у нея, гдѣ все по привычной чередой въ спокойной мирной обстановкѣ. Элизу охватывало томительное желаніе вновь увидать свой Парижъ, — готъ Парижъ, въ которомъ, на самомъ дѣлѣ, такъ тепло уму, что

снѣга и дожди тамъ незамѣтны, безсильны задержать какую бы то ни было дѣятельность. Она написала Маргану, просила его пріѣхать, какъ только ему возможно будетъ, и непремѣнно ранѣе трехъ недѣль, такъ какъ ей необходимо освоиться съ своимъ одиночествомъ; она требовала отъ мужа книгъ, побольше книгъ...

«Если продолжатся эти дожди, то лучше было бы въ тысячу разъ не выѣзжать изъ Парижа... Здѣсь возможна жизнь только внѣ дома, а въ противномъ случаѣ здѣсь хуже, чѣмъ гдѣ бы то ни было».

Писала она, отъ нечего дѣлать, и своимъ пріятельницамъ, умалчивая о своемъ теперешнемъ настроеніи, рассказывая каждой изъ нихъ о прелести первыхъ дней, о восхитительности первыхъ прогулокъ, и, описывая все это, она какъ бы опять видѣла передъ собою только что пережитое, раздражала свои сожалѣнія о минувшемъ, звала его возврата всѣми силами своей души...

III.

А дождь все лилъ и лилъ.

Дѣло доходило до настоящаго сплина, когда разъ послѣ полудня раздался звонокъ.

Элиза вздрогнула, какъ человѣкъ, чего-то ожидающій, на что-то надѣющійся. Въ данную минуту она, впрочемъ, ничего не ждала.

— Телеграмма?

— Нѣтъ, сударыня.

Маріона подала визитную карточку на подносѣ, держа его довольно неуклюже. Элиза улыбнулась надъ претензіей крестьянки, перенявшей манеры у служанокъ, выданной собственной неловкостью. Молодая женщина взглянула на карточку и прочла имя Пьера.

Если бы Элиза не сдержалась, то крикнула бы: «Наконецъ-то!» — не потому, что явился онъ, а потому, что пришелъ хоть кто-нибудь.

— Этотъ господинъ ждетъ васъ, сударыня, въ гостиной.

Она сошла въ сопровожденіи Жоржа, тоже обрадовавшагося свиданію «съ другомъ, у котораго есть гитара».

Пьеръ поднялся съ мѣста. Прежде чѣмъ замѣтить его въ темномъ углу салона, Элиза увидала на столѣ корзину величинной во весь столъ, наполненную розами, — непомерно большой букетъ, радующій глаза своею громадностью. Именно это и нужно было по

такой мрачной погодѣ для того, чтобъ обиліе красокъ восторжествовало надъ разлитыми всюду сѣрыми тонами... Элиза высказала это гостю.

— Вы балуете меня. Это уже слишкомъ, — проговорила она, очень довольная.

Завязался разговоръ, едѣлавшійся даже оживленнымъ.

— Жоржъ, скажи Маріонѣ, чтобы приготовила намъ чай.

Жоржъ вышелъ, вернулся. Въ его короткое отсутствіе наступило внезапное молчаніе: едва сознавая Элизой неловкость оставаться съ глазу-на-глазъ съ молодымъ человѣкомъ. А онъ очень хорошо понялъ, насколько уже занять хозяйкой.

— Маріона готовить чай, — сказалъ Жоржъ. — А вашъ *Голубой Ибисъ*? — добавилъ онъ, вскидывая на Пьера свои большіе, красивые глаза.

— Поживаетъ очень хорошо, мосье Жоржъ.

— А я жду своего, — сказалъ Жоржъ, — жду съ большимъ, большимъ нетерпѣніемъ... Да вотъ нѣтъ все его... Ужъ и не знаю, о чемъ тамъ думаетъ мой папа!

— Вашего *Голубого Ибиса*, мосье Жоржъ, вѣроятно, задержала дурная погода. Что же касается моего, то онъ былъ въ безопасномъ мѣстѣ.

— Гдѣ?

— Да тутъ же, въ самомъ Сенъ-Рафаэльскомъ портѣ, — отвѣтилъ Пьеръ, не спуская глазъ съ молодой женщины.

— И вы не пришли раньше?!

Элиза спохватилась, пожалѣла объ излишней живости своей реплики и сильно покраснѣла. Пьеръ видѣлъ это и почувствовалъ приливъ къ сердцу какой-то горячей волны. вмѣстѣ съ тѣмъ, будто свѣтлое что-то озарило его, и стало вдругъ необыкновенно радостно на душѣ, точно разсѣялись всѣ тучи и солнце засіяло надъ мечтами о счастьѣ.

— Жоржъ, разставь цвѣты повсюду, милый мой мальчикъ, во всѣ вазы и не разбѣй ничего!

Жоржъ принялся тотчасъ же за дѣло.

— Мнѣ такъ грустно было, — сказалъ Пьеръ, — что я счелъ за лучшее не показываться въ такомъ настроеніи.

— Грустно? — переспросила Элиза. — Это отъ погоды. Тоскливо было и мнѣ.

— Отъ погоды, конечно, — сказалъ онъ, — но... о, Боже, боже!

Онъ рѣзко оборвалъ рѣчь и преглуно вздохнулъ.

— Вы одинъ изъ счастливецвъ этого міра! — проговорила она.

— Вы такъ думаете?

— Еще бы!

— Да... а сердце?—продолжалъ онъ.

— Ахъ, вашъ сонетъ!

Элиза встала, взяла розъ изъ корзины и принялась помогать Жоржу размѣстить цвѣты. Она чувствовала, что въ бесѣдѣ съ глазу - на - глазъ самыя незначительныя фразы принимаютъ тонъ очень серьезныхъ рѣчей.

Пьеръ смотрѣлъ на хозяйку и находилъ ее совсѣмъ очаровательною.

Было бы напрасно, если бы они заговорили, и молчали они напрасно. Имъ не слѣдовало быть вмѣстѣ.

Во время этого долгаго и глубокаго молчанія имъ казалось, будто они понимаютъ, что каждый изъ нихъ думаетъ. И Элизу начиналъ уже немного тревожить смыслъ, который принимало для нихъ молчаніе.

IV.

Какъ провелъ онъ эти нѣсколько дней?

Со дня, слѣдовавшаго за обѣдомъ у Маргана, онъ почувствовалъ себя плохо въ своемъ одиночествѣ. На него опять нашло отращеніе отъ жизни. Что дѣлать?... Зачѣмъ?... Онъ перечиталъ послѣднія письма той, которую такъ недавно называлъ своею «нѣжною подругой», и на этотъ разъ настолько несомнѣнною представилась ему вся фальшивость этой женщины, что онъ изорвалъ письма, чтобы рѣшительно ничего отъ нея не сохранилось.

Лежа на диванѣ въ салонѣ своей яхты, свѣсивши руку съ сигареткой надъ мѣднымъ подносомъ на низенькомъ арабскомъ столѣ, Пьеръ совершенно отчетливо видѣлъ опять ревнивымъ взглядомъ сцены окончательнаго разрыва ихъ отношеній.

До послѣдняго вечера, проведеннаго ими вмѣстѣ, ничто не возбуждало его подозрѣній. Онъ любилъ ее безумною физическою страстью. Казалось, что и она отвѣчаетъ ему тѣмъ же.

Вдругъ, въ тотъ вечеръ, она сказала ему:

— Ну, теперь прощайте! Уходите, я устала...

— Уходите! Какъ, уже?

— Да, милый мой, уходите!

Ему чудилось, будто и теперь онъ слышитъ это ледяное, не-

много шипящее: « милый мой »... Оттѣножь приказанія, что-то рѣзкое и жесткое было въ ея взглядѣ, въ ея движеніяхъ. Это удивило его и оскорбило.

— Сказать по правдѣ, совсѣмъ не похоже на то, что вы просите меня уйти и дать вамъ покой... Вы, просто, выгоняете меня вонъ, моя милая. Это не просьба, а выставка!

— Уходите... довольно!

«Нѣжная подруга» становилась почти грубою. Ея движенія дѣлались порывистыми, и ея голосъ тоже. Не было уже ни малѣйшей музыкальности въ ея рѣчи, обыкновенно пѣвучей и небрежно-мелодичной.

Пьеръ рѣшилъ подчиниться требованію, предполагая, что она не совсѣмъ здорова. У него явилось даже опасеніе, какъ бы она не занемогла серьезно, и, поддавшись внезапной жалости, онъ сказалъ, почти нѣжно:

— Хорошо, я уйду.

Онъ привлечь ее еще разъ въ объятія, чтобы поцѣловать на прощанье... Она оттолкнула его, какъ бы бессознательно, съ тою силой гипнотизированныхъ, которые, подчинившись чужой волѣ, сопротивляются механически и непреодолимо всему, что этой волѣ противно, и, встрѣчая препятствія, разрушаютъ ихъ.

Ясно было, что она уже не владѣетъ собою.

Еще разъ Пьеръ попытался слегка привлечь ее къ себѣ.

— Нѣтъ! — проговорила она рѣзко.

И въ ея взглядѣ, упорно неподвижномъ, мелькнуло нѣчто, вполне определенное для нея, необъяснимое для него, чему она повиновалась. Она была сама не своя.

— Какъ угодно... вы странны!

Она отвѣтила голосомъ, звучавшимъ издалека, съ другой стороны пропасти, раздѣлившей ихъ:

— Какова ужъ есть...

Пьеръ ушелъ, унося въ головѣ загадку и пытаясь разрѣшить ее на всякіе лады. Вдругъ онъ крикнулъ: «Глушь-то я до чего! Вѣдь, у нея есть любовникъ!» Онъ выговорилъ это и этому не повѣрилъ.

Въ эту минуту онъ проходилъ черезъ Елисейскія Поля, закурилъ сигару и направился къ триумфальнымъ воротамъ Звѣзды. Голова его огнемъ горѣла, въ ней лихорадочно проносились разныя мысли. Онѣ летѣли, кружились, вертѣлись, мчались куда-то, и онъ шелъ быстро, точно онѣ впереди были и онъ хотѣлъ поспѣть за ними.

«Другой долженъ былъ придти къ ней, пришелъ, быть можетъ, какъ только она меня удалила, выгнала... Да, я могу прямо сказать: выгнала!... Она посмотрѣла на часы. Это вѣрно, вѣрно! О, какой я дуракъ!...»

И онъ бранилъ ее вслухъ самыми ужасными выраженіями и продолжалъ не вѣрить ни одному слову исторіи, создаваемой его воображеніемъ. Въ глубинѣ души онъ повторялъ себѣ, что просто обезумѣлъ, бредитъ на яву, и завтра же они вмѣстѣ посмѣются надъ этимъ.

«Позвольте, однако!...—пришло ему вдругъ въ голову.—Если онъ вошелъ, такъ надо же ему будетъ и выйти... Я буду тамъ... Хочу знать навѣрное».

Онъ вернулся и началъ странную прогулку ненормальнаго человѣка, прерываемую внезапными остановками въ углубленіяхъ дверей или подъ фонарями, то на одномъ концѣ улицы, то на другомъ, причемъ ежеминутно оглядывался на подъѣздъ ея дома.

Пьеръ двадцать разъ повторялъ себѣ: «Болванъ! шелъ бы ты спать. Очень тебѣ все это нужно! Вся суть, вѣдь, въ томъ, что она доставляетъ тебѣ, когда угодно, тѣ наслажденія, которыя ты желаешь получить отъ нея. Развѣ любишь ты ее настоящею, нѣжною любовью? Сознайся, что нѣтъ! Ну, и она платитъ тебѣ тѣмъ же... До остального тебѣ дѣла нѣтъ. Такъ - то разумнѣе будетъ». А гордость возражала свое: «Если она считаетъ тебя настолько же глупымъ, какъ другого, то не замедлитъ почувствовать къ тебѣ презрѣніе и броситъ тебя. Докажи ей, что тебя нельзя обмануть. Это будетъ торжество мужчины, къ которому она отнесется... какъ уже ей будетъ угодно»... И двадцать разъ, порѣшивши уйти домой, онъ возвращался назадъ.

«Что за нелѣпость въ такой часъ подкарауливать у подъѣзда человѣка, не будучи убѣжденнымъ въ томъ, что онъ вошелъ въ домъ! И до чего это смѣшно!... Къ тому же, онъ могъ выйти, когда я оборачивался спиной къ дому... Было бы чистою случайностью, настоящею удачей видѣть, какъ онъ выходитъ, да и видѣть-то на такомъ разстояніи, чтобы доподлинно разобрать, оттуда ли онъ вышелъ... изъ того ли дома, гдѣ я сейчасъ только считалъ себя счастливейшимъ изъ смертныхъ?»

Пьеръ шелъ посерединѣ улицы, закуривалъ уже четвертую сигару и въ двадцатый разъ приближался къ заподозрѣнной двери, когда она отворилась. Изъ нея вышелъ какой-то господинъ съ предательскими, неопредѣлимыми манерами человѣка, который, думая

даже, что никто его не видитъ, хочетъ остаться незамѣченнымъ и принимаетъ беззаботный видъ.

«Заговорить съ нимъ развѣ? Невозможно, — это значило бы себя выдать! И какое право имѣю я компрометировать женщину, разъ я не желаю на ней жениться?»

Сердце Пьера болѣзненно затрепетало. Сильное волненіе сжимало его грудь, и, въ то же время, онъ чувствовалъ, что ротъ его беззвучно смѣется... Четверть часа спустя молодой человекъ замѣтилъ, что идетъ слѣдомъ за незнакомцемъ, соблюдая всяческія предосторожности.

Было три часа утра. Незнакомецъ вошелъ въ домъ, всѣ окна котораго были ярко освѣщены.

«Онъ одного клуба со мной!»

И Пьеръ вошелъ въ клубъ пятью минутами позднее того господина, разспросивъ о немъ лакея, добрымъ расположеніемъ котораго давно пользовался.

И теперь (допуская возможность ошибки, такъ какъ онъ не въ силахъ былъ отдѣлаться отъ своихъ сомнѣній) Пьеръ зналъ все, до имени соперника включительно. Неизвѣстнымъ ему осталось одно, а именно, что онъ занялъ мѣсто этого соперника, отъ котораго хотѣли тамъ отдѣлаться.

Онъ уѣхалъ, не повидавшись съ своею дамой и написавши ей въ видѣ оправданія:

«Что же дѣлать? Я не способенъ любить долго. Пожалѣйте меня, несчастнаго сына порочнаго вѣка!»

И глубоко огорченная женщина искренно жалѣла его, плакала о немъ, старалась вернуть его. А онъ употреблялъ всѣ средства, чтобы излечиться отъ любви къ ней... И Пьеръ зналъ, что это ему удастся, что послѣднія вспышки любви, испытанныя имъ, были судорогами агоніи сильной страсти, пораженной на смерть.

Перебравши вновь всѣ эти воспоминанія и еще разъ выстрадавши всѣ приступы бѣшенства, Пьеръ опять почувствовалъ въ себѣ ужасающую пустоту.

Какъ разъ тогда же началась дурная погода, непрерывный дождь, скрывавшій отъ глазъ прелести моря и залитыхъ солнцемъ идовъ.

Пустота сдѣлалась мрачною, и Пьеръ сталъ изыскивать способы отогнать удручавшую его тоску. Онъ дошелъ до того, что предложилъ капитану *Ибиса* партію въ шахматы, длившіяся безъ конца. Пьеръ постоянно проигрывалъ и послалъ шахматы ко сѣмъ чертямъ. Онъ отправлялся съ добрыми рыбаками Сенъ-Ра-

фаэля въ маленькую залу простого кабака, приносилъ съ собою гитару и заставлялъ ихъ пѣть всѣ обычные пѣсни моряковъ... Ничто не помогало, онъ продолжалъ тосковать.

Наконецъ, онъ рѣшился сдѣлать визитъ женщинѣ, «простой, изящной, очаровательной», два раза бывшей его гостьей на яхтѣ. И съ той минуты, когда она своимъ немного пѣвучимъ, но звучавшимъ искренностью голосомъ сказала: «И вы не пришли раньше?» — Пьеръ, отлично понимая, что это простая любезность, подсказанная скукой, почувствовалъ съ живостью исстаго южанина, какъ вдругъ засіялъ въ его сердцѣ свѣтъ, исходящій не отъ солнца, и разлилось тепло, не имѣющее ничего общаго съ временемъ года.

V.

— А сердце? — сказалъ онъ.

— Ахъ, да! — отвѣтила Элиза.

Она подбирала и размѣщала цвѣты, очень довольная, что теперь не одна, что видитъ и держитъ въ рукахъ прелестныя розы, слышитъ, наконецъ, человѣческій голосъ, человѣческую рѣчь безъ «акцента», — безъ акцента старой Маріоны, молодой Туанеты, почтальона! Она забывала дождь, барабанившій въ окна, струившійся по стекламъ, и море, подернутое сѣрымъ тономъ безъ блеска, немного загороженное букетами цвѣтовъ.

Наступило довольно долгое молчаніе.

Пьеръ не зналъ, какъ прервать его, несмотря на свою всегдашнюю находчивость. Элиза внушала ему настоящее уваженіе. Онъ боялся показаться пришедшимъ ради ухаживанья... Вѣрнѣе же, боязнь смѣшной неудачи сдержала бы его, при случаѣ, неизмѣримо больше, чѣмъ благоразуміе.

Чувствуя неловкость положенія и считая нужнымъ прервать молчаніе, Элиза заговорила первая:

— И такъ, вы страдаете? вправду страдаете?

Этотъ высказанный вслухъ вопросъ сорвался съ ея языка самъ собою, необдуманно, невзначай. И на губахъ спрашивающей была улыбка, улыбка женщины при мысли о глубокихъ чувствахъ любви, о страсти, объ измѣнѣ, — улыбка Джоконды.

— О, Боже мой, да! — заговорилъ онъ рѣшительно. — Я несчастливъ... несчастливъ уже нѣсколько недѣль. И въ такой дождь, скрывающій отъ глазъ наслажденіе синевою моря и неба, я провелъ послѣдніе дни въ ужасномъ настроеніи... Я не посмѣю оскор-

бить васъ разсказомъ о причинахъ горя молодого холостяка. Но, вѣдь, сердце знать не хочетъ предразсудковъ и условной добродѣтели, и страдаетъ отъ измѣны, при свободномъ союзѣ, такъ же точно и даже больше, чѣмъ при законномъ бракѣ... Два часа назадъ я доходилъ до отчаянія!...

Онъ говорилъ искренно, и, при воспоминаніи о пережитомъ горѣ, объ угнетенномъ состояніи духа въ эти послѣдніе дни, на лицѣ отразилась вся его душа, зеленовато-сѣрые глаза потемнѣли.

Элизу это заинтересовало, что очень естественно; это ее растрогало, что весьма серьезно. Она въ первый разъ слышала рѣчи влюбленного о любви. Правда, этотъ влюбленный не ее любилъ, а другую. И она думала, что, слушая его, поступаетъ не хуже, чѣмъ когда читаетъ главу романа. Разница была, однако, большая. На этотъ разъ книга-то была живая и говорила. Передъ молодою женщиной былъ самолично—романистъ, того болѣе—герой романа, дополнявшій каждое слово выразительнымъ жестомъ и взглядомъ, интонаціей своего голоса. Опасность была непримѣтна, глубокая западня ловко прикрыта... Элизу захватила первая петля безвыходныхъ тенетъ.

Ей уже хотѣлось знать продолженіе.

Наступило опять молчаніе.

Говорить о любви—значитъ наслаждаться любовью. Это доставляетъ удовольствіе даже однимъ мужчинамъ. Любовь—своего рода стихія. Самая опасная изъ страстей—любить ее ради ея самой.

Элиза и Пьеръ испытывали сладкое волненіе. Оба вспоминали про себя бывшія тревоги, минувшіе часы нѣжности. Это были только воспоминанія, но оба переживали ихъ одновременно и другъ черезъ друга. Очаровательный трепетъ флирта, восхитительный, какъ игра въ ловлю съ уговоромъ, что никто не будетъ пойманъ, все ограничится однимъ прикосновеніемъ, причемъ раздраженное желаніе рискуетъ въ мечтѣ получить больше, чѣмъ можетъ дать любовь высказанная и раздѣляемая.

Элиза почувствовала нѣжную тревогу, вызываемую приближеніемъ чего-то задушевнаго.

— Вы доходили до отчаянія? Не надо этого. У васъ все есть для того, чтобы быть счастливымъ. А сердце, какъ вы сказали... Увѣдуетъ жениться!

Жоржъ подошелъ къ гостю. Пьеръ привлекъ его къ себѣ, обхватилъ рукою талию мальчика.

— Жоржъ,—сказала Элиза,—а что же чай?

Ребенокъ выбѣжалъ изъ комнаты.

— Жениться?—заговорил Пьеръ.—Это дѣло серьезное. Отчего и не жениться? Но, по заранѣ составленному рѣшенію, я не женюсь. Выжду, пока меня увлекутъ до этого.

— Вы не встрѣтите такой женщины на вашемъ *Ибистъ!*—воскликнула она, смѣясь.

— Кто знаетъ?—возразилъ онъ живо.—Вы знаете, что женщины бывають на *Ибистъ*. Быть можетъ, на этихъ дняхъ я увижу на немъ цѣлую стайку молоденькихъ дѣвушекъ съ ихъ молодыми матерями... Не ѣздить въ квартиру холостяка, но,—вы это знаете,—отправляются, безъ стѣсненія, посмотреть корабль. Нашъ спортъ имѣетъ свои хорошія стороны, какъ видите!

— Вы говорите, что вамъ грустно, а сами даже не серьезны.

— Грустно до смерти! Но если бы я передъ вами явился такимъ, каковъ я въ дѣйствительности, то нагналъ бы на васъ скуку.

— Со мною не стѣсняйтесь... Я существо доброе,—сказала она безъ тѣни кокетства.

— Въ такомъ случаѣ, клянусь вамъ, что любилъ ее искренно, сильно!

При этихъ словахъ страсть вспыхнула въ немъ, освѣтила, зажгла его глаза.

Элизъ незнакомы были такіе взгляды. Онъ продолжалъ тѣмъ же пламеннымъ тономъ, съ тѣмъ же измѣнившимся лицомъ:

— Все, рѣшительно все я сдѣлалъ бы для нея... Она обманула меня самымъ недостойнымъ образомъ! Понимаете?... Нѣтъ, такіе ужасы слишкомъ далеки отъ женщины, подобной вамъ... Она не бросила меня для другого... поняли? Она взяла двухъ любовниковъ.

Онъ стискивалъ зубы. На лицѣ Элизы отразилось отвращеніе.

— Бѣдняжка!—проговорила она.—Такъ ошибиться въ любимой женщинѣ, должно быть, ужасно!

— Я думаю, что все видѣлъ ясно, — продолжалъ онъ, помолчавши пемного, — и я, все-таки, сомнѣваюсь... Всеу этому должно же быть объясненіе, котораго я одинъ не въ силахъ найти,—объясненіе настолько простое, что подивисься только, когда его получишь, а самъ вотъ угадать не можешь!

Онъ задумался на мгновеніе и опять заговорилъ:

— Человѣкъ, вышедшій изъ ея дома, могъ идти совсѣмъ не отъ нея... И, видите ли, чѣмъ болѣе я думаю объ этомъ, тѣмъ менѣе вѣрю въ ея виновность... Вотъ все, что у меня на сердцѣ. О, какъ я несчастенъ!

Ему такъ хотѣлось любить, быть любимымъ, жить, онъ считалъ себя настолько далекимъ отъ счастья, несмотря на рос-

кошь, на богатство, на средства пользоваться всеми наслаждениями, онъ въ этотъ мигъ такъ живо сознавалъ свою беспомощность, что у него, какъ у обезоруженнаго солдата, навернулись слезы на глазахъ, скорѣе отъ досады, чѣмъ отъ горя.

Такая впечатлительность мужчины волновала Элизу. Она никогда не видала человѣка до такой степени отзывчиваго. Солидный Марганъ, основательно уравновѣшенный, былъ очень далекъ отъ такой чувствительности слабонервной женщины, свойственной переутомленному свѣтскому молодому человѣку, полуартисту...

Маріона вносила чай въ сопровожденіи Жоржа, Элиза встала и, проходя мимо Пьера, протянула ему руку въ порывѣ благородной симпатіи. Онъ быстро поднесъ ей руку къ губамъ. Молодая женщина пугливо ее отдернула. Директоры департаментовъ, пріатели Маркана, не пріучили ее къ такимъ знакамъ уваженія иного времени и другого общества.

Она тотчасъ же сообразила, что ея изумленіе ясно выдаетъ ея буржуазность... и подсадовала на это. «И еще, пожалуй, онъ вообразить, что я испугалась этого поцѣлуя... Что предпочтительнѣе?... Что лучше?»

Она налила ему чай, и они пили его весело, какъ дѣти, забавляясь болтовнею Жоржа, подбодреннаго пріятною теплотой чая и ставшаго говорливымъ.

— Это уже не визитъ, сударыня, — сказалъ Пьеръ. — Простите... я два часа сижу у васъ.

— И жалѣете объ этомъ? — возразила она необдуманно.

Вторично она сознала про себя, что въ разговорѣ съ глазу-на-глазь самыя незначительныя слова получаютъ нежданную важность.

Вмѣсто отвѣта, онъ взялъ ея руку, и Элиза на этотъ разъ уже не сопротивлялась. Онъ прижималъ ея къ губамъ полсекундою дольше, чѣмъ полагается простою любезностью.

И Пьеръ ушелъ слегка отуманеннымъ.

VI.

То былъ моментъ, съ котораго ей не слѣдовало болѣе видаться съ нимъ. Эта мысль мелькнула въ ея головѣ. Элиза отогнала ее прочь.

«Я такъ одинока! И развѣ мы что-нибудь дѣлаемъ дурное?... [зъ-за чего я буду лишать себя развлеченія, не представляющаго никакой опасности?»

Она хорошо видѣла, однако, что въ испытанномъ ею удовольствіи есть нѣчто взятое тайкомъ, въ чемъ нельзя признаться... Но, поистинѣ, что же за жизнь будетъ, если подстергать и ставить себя въ вину малѣйшій трепетъ своего сердца?

А, между тѣмъ, въ этоѣ - то софизмѣ, нашептываемомъ инстинктомъ, и заключалась вся ея вина. До сихъ поръ все обстояло благополучно. А съ этой минуты уступчивость ея воли оставляла открытою дверь роковымъ силамъ.

«Избѣгать случаевъ» — таковъ глубоко разумный совѣтъ умудренныхъ опытомъ. Свобода не пасть, несомнѣнно, существуетъ, но лишь до того мгновенія, пока не началось паденіе. Существуютъ также и роковыя силы. Ихъ дѣйствіе начинается, какъ только рука выпуститъ шаръ на наклонную плоскость. Неправда, слѣдовательно, будто никогда не поздно; наоборотъ, остерегаться, избѣгать — никогда не рано. Случается, что жизнь внезапно перекашивается подъ нашими ногами неустойчивый полъ, по которому человекъ катится, роковымъ образомъ низвергается и падаетъ. Но наклонныя плоскости, скользкія, какъ полированный мраморъ, рѣдко встрѣчаются на нашемъ пути такъ неожиданно, что ихъ не успѣваетъ замѣтить ни глазъ, ни разумокъ.

Высокое значеніе воли въ томъ и заключается, чтобы въ-время остановить человекъ передъ пропастью, какъ останавливаются инныя лошади темною ночью, несмотря на шпоры, понуждающія ихъ идти впередъ, сопротивляются всаднику, пятятся назадъ, когда зачуютъ обрывъ.

Элиза была, несомнѣнно, свободна и еще долго могла оставаться свободною. Но каждый день долженъ былъ приближать ее къ тому уклону, который ведетъ къ неминуемому паденію. У нея даже и голова не начинала еще кружиться... А потому, какъ нельзя болѣе, благопріятенъ былъ моментъ для обдуманнаго и энергичнаго выбора между двумя путями.

О чемъ же думала она? Не вѣря въ опасность, она просто говорила: «Онъ придетъ опять, надѣюсь».

И на самомъ дѣлѣ, какая разница между днями одиночества и этими часами, полными очарованія, обоюднаго и дозвоительнаго, прошедшими въ изящной, милой, юной бесѣдѣ о дружбѣ и любви?

Элиза такъ скучала. У него видъ такой добрый, грустный. Онъ такъ «симпатиченъ» и такъ говорить хорошо обо всемъ. Онъ такъ хорошо воспитанъ... О, такому нельзя не вѣрить!

Въ сущности, она старалась сама себя обмануть. Въ томъ и была ея настоящая вина. И она знала это.

II.

Въ три недѣли онъ побывалъ у нея три раза, и съ нимъ возвращалась сладость тихой бесѣды передъ каминомъ.

Жоржъ любилъ своего друга и уже не дичился его. Иногда ребенокъ называлъ его «мосьё Пьеро», въ память ихъ первой встрѣчи, и выходило это хорошо, такъ какъ Пьеро есть уменьшительное ласкательное отъ Пьеръ.

Пасмурная погода бывала рѣдко. Вновь показавшаяся синева отражалась въ зеркалѣ салона блестящею и веселою живою картиной.

Разъ Элиза довѣрила своего Жоржа мосьё Дофену, и тотъ, по просьбѣ мальчика, возилъ его на свою яхту, стоявшую въ этотъ день на якорѣ противъ Террасы.

Имъ казалось, будто они знакомы уже Богъ вѣсть сколько времени. Одиночество сближало ихъ, располагало къ откровенности. Элиза говорила о своей матери, о жизни въ Магонѣ, о своемъ раннемъ дѣтствѣ.

Пьеръ, на разспросы объ его интересномъ горѣ, покончилъ тѣмъ, что рассказалъ во всѣхъ подробностяхъ про свою прошедшую любовь. Молодая женщина слушала его съ напряженнымъ вниманіемъ, затаивши дыханіе, боясь проронить слово, забывая чашку чая или вышиваніе, которое держала въ рукахъ, замиравшихъ отъ любопытства.

Молодому человѣку настолько болѣзненною казалась рана, нанесенная его самолюбію измѣной, что въ сожалѣніе о себѣ самомъ онъ влагалъ особенно трогательную нѣжность, легко сообщавшуюся его собесѣдницѣ.

Онъ, вправду, страдалъ, — любилъ любовь и былъ лишенъ любви, лишенъ всего, что могло бы дать ему иллюзію любви. Его прелестный эгоизмъ изливался въ красивыхъ, немного романтическихъ жалобахъ. Онъ подражалъ *Ночамъ* Мюссе въ довольно звучныхъ стихахъ, которые прочитывалъ тепло и трогательно. Элиза удивлялась этою неясною музыкой, располагавшею ее къ мечтательности вызывавшею въ ней желанія чего-то неосуществимаго, вродѣ утешествія въ фантастическія страны:

Почтлуй насъ умчитъ въ неизвѣстную даль!

Тѣмъ временемъ Марганъ писалъ, что откладываетъ свой приѣздъ на недѣлю, потомъ на двѣ, потомъ на три. Въ общемъ это соавило полтора мѣсяца разлуки, — иначе было *нельзя*. Его удер-

живали служебныя обязанности. Женѣ онъ совѣтовалъ соблюдать крайнюю осторожность. Мартъ—опасный мѣсяцъ: «Берегись!»

Мартовское солнце такъ и пылало. Море сверкало дивными красками, своею неправдоподобною синевой.

Жоржъ получилъ уже свой корабль съ паровою машиною и съ парусами,—яхточку красивой формы, бѣлую, какъ ея большая сестрица. Недоставало только названія. Пьеръ Дофенъ написалъ его на кормѣ золотыми буквами, къ великому и шумному удовольствію Жоржа, который въ изъясненіе благодарности лишній разъ бросился на шею своему другу.

Элиза не спрашивала, почему мосьѣ Пьеръ не пускается на своемъ *Ибистъ* въ сколько-нибудь продолжительное плаваніе.

«Я уходилъ на три дня въ Тулонъ, видѣлся съ отцомъ и съ матерью»,—говорилъ Дофенъ, или же: «Я только что возвратился изъ Банна».

Онъ все только возвращался, отправиться же куда-либо и не думалъ.

Марканъ писалъ часто. Письма были дѣловыя. Любовь къ женѣ выражалась въ нихъ исключительно совѣтами относительно здоровья, тогда какъ мосьѣ Пьеръ, съ своей стороны, говорилъ стихами о чемъ-то неопредѣленномъ, вѣчно желательномъ и неуловимомъ.

Они все больше и больше заходили въ область опасности, и самая элементарная опытность должна была бы предостеречь ихъ, хотя бы напоминаніемъ простого правила приличія: «мужчинѣ не слѣдуетъ быть слишкомъ частымъ гостемъ женщины, живущей одиноко». Но Элиза убѣждена была, что онъ все еще влюбленъ въ ту «проклятую женщину», и потому не предвидѣла, что онъ можетъ заговорить о чемъ-либо другомъ. Пьеръ былъ увѣренъ въ томъ же. Они оба думали, что находятся въ совершенной безопасности за этою хрупкою преградой. А именно утѣшенія-то, которыя Пьеръ получалъ отъ Элизы, и разрушали каждый день понемногу самое основаніе этого мнимаго препятствія.

Обмѣнъ откровенностями и совѣтами раскрывалъ каждому изъ нихъ душевныя качества другого, и у обоихъ зарождалась настоящая взаимная дружба. Возникало обоюдное глубокое уваженіе, доброе и сердечное чувство, и тѣмъ опаснѣе дѣлало ихъ сближеніе, что осторожность усыплялась по мѣрѣ того, какъ она должна бы становиться, наоборотъ, болѣе чуткою.

Разъ Пьеръ объявилъ о своей вѣроятной отлучкѣ недѣли на двѣ. Впервые онъ сообщалъ объ отъѣздѣ. Онъ отправлялся въ Неаполь.

Нѣсколько дней спустя пріѣхалъ Марканъ.

Былъ уже апрѣль. Элиза лежала больная отъ сильной простуды, возбуждавшей особенную тревогу потому, что Элиза захватила ее, еще не совсѣмъ оправившись отъ болѣзни, которая привела ее въ теплый край. Молодой женщиной хотѣлось видѣть выходъ въ море *Ибиса*, и она долго пробыла на весеннемъ солнцѣ и на вѣтру, стоя на террасѣ, устроенной на крышѣ виллы. Элиза сказала объ этомъ мужу, и тотъ мягко пожурилъ ее.

Она сообщила простодушно, но, въ сущности, съ ухищреніями, почти бессознательными, что господинъ Дофенъ былъ у нея нѣсколько разъ, что держалъ себя очень мило съ нею и съ Жоржемъ, что онъ безъ ума любитъ одну женщину и что она, Элиза, совѣтовала ему жениться.

Элиза была больна: Маркану ни до чего иного дѣла не было, онъ думалъ только объ этомъ, все остальное исчезло для него. Онъ расположился въ комнатѣ жены съ своими дѣловыми ворохами, читалъ ей вслухъ газеты и новый романъ. Приглашенный врачъ выказалъ нѣкоторое безпокойство, предписалъ темноту, тишину, полный покой...

— Я бы рекомендовалъ, если позволите, — добавилъ онъ, — полное одиночество.

Марканъ перебрался опять въ свою комнату, очень встревоженный, значительно болѣе, чѣмъ давалъ то замѣтить. Съ Жоржемъ онъ былъ поразителенъ: замѣнялъ ему мать, выказывалъ безграничную снисходительность. Поистинѣ можно было подумать, что немножко строгимъ онъ бывалъ лишь для того, чтобъ оказывался противовѣсъ чрезмѣрной слабости матери, и что, въ случаѣ ея отсутствія, онъ съумѣетъ стать и самъ матерью для ребенка.

Страсть Жоржа къ его *Голубому Ибису* не уменьшалась. Онъ цѣлыми днями забавлялся имъ въ маленькихъ, неглубокихъ впадинахъ, промытыхъ морскою водою среди прибрежныхъ камней.

Марканъ, въ свою очередь, наблюдалъ за нимъ изъ окна и покрикивалъ:

— Осторожнѣе!... Не уходи такъ далеко!... Вернись!

Внимательный уходъ поставилъ Элизу на ноги, но она похудѣла и поблѣднѣла.

Марканъ, смущенный до крайности, попросилъ министра пролонжить ему отпускъ на пятнадцать дней.

VIII.

Марканъ возилъ свою дорогую Элизу нѣсколько разъ кататься въ экипажѣ. Они вмѣстѣ ѣздили на ферму Туанеты, гдѣ Элиза побывала въ отсутствіе мужа два раза съ Жоржемъ.

Жоржу необыкновенно нравились эти прогулки. Онъ собиралъ мелкія раковинки въ песокъ и бѣлые камушки, отшлифованные моремъ. Своего рода страшилище, Сольнье привлекалъ его, какъ чудовище, безобидное и забавное на видъ. А затѣмъ на фермѣ были мулы и лошади, большая смирная собака, съ которою можно было разговаривать безъ конца, и молодая Туанета, приносявшая иногда въ виллу яйца и овощи и обѣщавшая подарить Жоржу кролика, живую игрушку...

— Мама, пойдѣмъ узнать, полученъ ли мой кроликъ.

Броликъ еще на свѣтъ не появлялся, во всякомъ же случаѣ, пойманъ пока не былъ. Сольнье, ставившій иногда западни, не могъ ни одного изловить.

На этотъ разъ, въ то время, какъ Жоржъ, радостно встрѣченный большою собакой, катался съ нею по травѣ, Марканы застали Таунету весело смѣющеюся подъ сосной съ красивымъ молодцомъ, быстро скрывшимся, чтобы не быть замѣченнымъ.

Это позабавило супруговъ, и они стали слегка поддразнивать дѣвушку. Она премило краснѣла.

— Ты любишь его?

— Ну, и люблю! Что-жъ такое? Самъ Господь Богъ указалъ покинуть отца и мать и идти за женихомъ... Такова жизнь, не правда ли?

— Вотъ она какая философа! — крикнулъ восхищенный Марканъ. — А, вѣдь, сущая правда! Это-то и есть жизнь!

Мысль, что любовь, это — сама жизнь, показала ему совершенно новую на фонѣ этой богатой и пламенной природы, и она заинтересовала его.

— Какъ его зовутъ?

— Франсуа Таренъ.

— Ты когда за него выходишь замужъ?

— Не знаю.

— А родные что говорятъ?

— Они ничего не знаютъ.

— Стало быть, это секретъ, — сказала Элиза, добродушно улыбаясь, — и мы невзначай его узнали?

— Да, сударыня.

— И ты не просишь насъ сохранить твою тайну?

— Нѣтъ.

— А если мы тебя выдадимъ, съ твоимъ секретомъ?

— Не все ли равно, отъ васъ или отъ меня узнають родные?... Отъ васъ, пожалуй, и лучше будетъ... А, впрочемъ, на волю Божию! Чему быть, того не миновать.

— Почему же ты имъ не сказала?

— Все не осмѣлюсь. Мой отецъ терпѣть не можетъ семью жениха.

— За что?

— Не знаю, господинъ. Изъ-за какихъ-то пустяковъ, давно поссорившихъ наши семьи... Дѣло вышло между моимъ отцомъ и отцомъ Тарена, уже умершимъ. У Франсуа остались только мать и бабушка. Но мой отецъ упрямъ.

— Что же ты станешь дѣлать, если онъ заупрямится?

— Будемъ ждать.

— Хочешь, я поговорю съ нимъ?

— Я думаю, что пока еще не слѣдовало бы...

Ковенъ, работавшій не вдалекѣ, подошелъ въ это время, чтобы закусить въ тѣни сосенъ. Онъ приблизился, не стѣсняясь, и спросилъ, какъ поживаетъ «хозяйка», то-есть Маріона Сольнье, и, кстати, освѣдомился, довольны ли въ виллѣ овощами и свѣжими яйцами съ фермы. Потомъ Ковенъ обратился къ Туанетѣ.

— Такая ужъ это корзина, — ваша-то, сударыня, — такая корзинка, что носить она ее очень охотно и совсѣмъ не устаешь!... Дорогой, повѣрьте мнѣ, ставить ее нѣсколько разъ на землю, а дорога отсюда до вашей виллы не прямая, идетъ удивительными закорючками. Вчера, наприимѣръ, отъ насъ до Сень-Рафаэля эта самая дорога лежала мимо Большого Дуба... Такъ, вѣдь, дѣвочка?

Глаза Ковена смѣялись. Туанета вся вспыхнула, какъ молодой пѣтухъ. Она подняла голову и, чуть не топая ногой, заговорила:

— Вы-то чего пристааете ко мнѣ, да еще при людяхъ? И что хотите вы сказать этими рѣчами, которыя хватаютъ далеко? Зачѣмъ вы подсматриваете за мной? До дорогъ, по которымъ я хожу, — слышите вы это? — нѣтъ никому дѣла!

Съ своимъ задорнымъ видомъ она была мила необыкновенно. Ковенъ, стоявшій передъ нею, забылъ о томъ, что принесъ закусить и напиться. Онъ любовался на нее, улыбаясь всѣмъ своимъ энергичнымъ лицомъ.

— Не кипятись, дитя. Ты мнѣ очень нравишься, когда сер-

дишься. Блянусь, я тебя испугался... Ну, побрани еще, чтобъ я совсѣмъ струсилъ!

— Вы вѣчно дразните меня!

— А ты зачѣмъ все скрываешь?

— Вамъ мнѣ нечего открывать: вы мнѣ не мать, кажется, да и не отецъ, я думаю.

Едва примѣтная блѣдность промелькнула на загорѣломъ лицѣ Ковена; глаза его потемнѣли. Элиза и Марганъ видѣли это.

Ковенъ положилъ на каменный столъ подъ соснами свою сумку, досталъ изъ нея горлянку и напился.

— Принеси мнѣ хлѣба и перестань дуться.

Въ то время, какъ Туанета ходила за хлѣбомъ, Ковенъ говорилъ:

— Онѣ воображаютъ, эти дѣвочки, будто хорошо притаились, когда не видятъ того, кто на нихъ смотритъ. Ну, а я знаю всѣ ея повадки... и слѣжу зорко. Ея «душенька» — Франсуа Таренъ, за котораго Сольнье никогда ее не отдастъ, если я не вступлюсь... Если я путаюсь въ ея дѣла, то — понимаете, господинъ и вы, госпожа? — лишь ради ея же счастья. Своихъ дѣтей у меня нѣтъ, — продолжалъ онъ съ оттѣнкомъ замѣшательства, — и забочусь я только о ней. Знаете, я крестилъ ее, но она не хочетъ называть меня «крестнымъ», можетъ быть, потому, что я часто просилъ объ этомъ, а мы, какъ вы видѣли, немножко царапаемся, какъ кошка съ собакой. Да не бѣда, она, все-таки, знаетъ, что я добра ей желаю и даже очень!

Туанета вернулась и подала ему хлѣбъ. Ковенъ разрѣзалъ его, сталъ ѣсть и сказалъ:

— А знаешь, большой дубъ скоро будетъ срубленъ. На-дняхъ я доберусь до него съ топоромъ.

— Тѣмъ хуже. Вы знаете, что это меня огорчить. Для чего же вы мнѣ твердите про это?

Она дулась.

— Ради шутки, хочу позлить тебя еще.

— Мнѣ это все равно.

— Я думалъ, что перепелочка пожалѣетъ о своемъ гнѣздышкѣ... Подъ деревомъ есть хорошенькій зеленый кустикъ, гдѣ корзина, которую ты вчера носила вотъ къ этимъ господамъ, отдыхала довольно-таки долго, между Туанетой, которую я знаю, и молодыкомъ Франсуа, котораго ты, быть можетъ, видала...

Онъ отъ души смѣялся. Туанета хотѣла уйти. Онъ придержалъ ее за юбку, и Марганы слышали, какъ онъ тихо, съ затаенною нѣжностью, прошепталъ:

— Не говори ничего отцу, хорошенькая плутовка. Я переговорю съ нимъ.

Когда онъ ее выпустилъ, дѣвушка умчалась, точно ее вихрь подняло, а онъ откинулся спиною къ соснѣ и заливался счастливымъ смѣхомъ, слѣдя глазами за Туанетой.

IX.

Маркана начиналъ занимать романъ этой дѣвочки.

— Не можемъ ли мы помочь ей?—сказала Элиза.

— Какъ вы думаете, Ковень, если бы мы, напримѣръ, поговорили съ отцомъ, можетъ ли выдти изъ этого что-нибудь хорошее?

— Конечно,—отвѣтилъ Ковень.—Только что же вы говорить будете? Чтобы говорить толкомъ, надо знать семейство того молодчика. Всѣ они хорошіе люди... Вы можете побывать у нихъ.

— Отправимся къ нимъ,—сказала Элиза.

Такъ, слово за словомъ, рѣшено было поѣхать. Марканъ, при случаѣ, не прочь былъ купить старинную вещицу. А тутъ, очень кстати, Ковень сказалъ, что у этихъ добрыхъ людей есть старинный столъ и двѣ или три тарелки, которыми восхищались парижане, какъ-то бывшіе въ этихъ мѣстахъ на охотѣ. Можно сказать, что за этимъ, именно, и пріѣхали, а уже тамъ случай или обстоятельства сдѣлаютъ остальное.

Очень довольный возможностью развлечь Элизу этою маленькою драмой, Марканъ, съ женою и Жоржемъ, сѣлъ въ экипажъ. Ковень объяснилъ гучеру, какъ ѣхать и какъ разыскать домъ Тареновъ. Они пустились въ путь.

Не только романъ Туанеты, но и вообще жизнь мѣстныхъ земледѣльцевъ интересовала Маркана. Онъ находилъ здѣшнихъ крестьянъ особенно смышленными, независимыми и гордыми. Это было совершенно вѣрно. Потомки эллиновъ и арабовъ, они въ душѣ артисты; бѣдны они, но не особенно угнетены этимъ, незамѣтно въ нихъ приниженности. Христиане и фаталисты, они умиляются «яслями Виолсема», очень чтимыми въ ихъ краю, и молчаливо поборны своей участи, что напоминаетъ Магометова: «такъ писано».

Плебею Маркану нравилось всматриваться въ ихъ обычную жизнь, знакомиться съ ихъ домашнимъ обиходомъ.

Пріѣхавши къ Таренамъ, Марканы встрѣтили влюбленного въ Туанету юношу, и онъ узналъ ихъ.

— Намъ сказали на фермѣ Антуанеты,—объяснили ему посѣти-

тели, — что вы были бы не прочь продать какія-то старинныя тарелки... Вот эти, вѣроятно, что стоятъ на сундукѣ?

Франсуа понялъ, что это только предлогъ, и, довольный посѣщеніемъ, которое считалъ благопріятнымъ своимъ желаніямъ, позвалъ бабушку.

— Моя мать, — сказалъ онъ, — отправилась въ городъ, но она скоро вернется.

Бабушка, спрошенная о тарелкахъ, на-отрѣзъ отказалась ихъ продать. Вернувшаяся въ то время мать осталась даже недовольна такимъ предложеніемъ.

— Съ какой это стати?... Я всегда жалѣла, матушка, о томъ, что продала рубашечки и нагруднички моихъ дѣтей... Такія вещи слѣдуетъ сохранять.

Для Маркановъ этого достаточно было, чтобы составить себѣ понятіе объ этой семьѣ. То были люди изъ числа не многихъ, остающихся вѣрными воспоминаніямъ о старинѣ. Отецъ умеръ, и сынъ почтительно относился къ двумъ женщинамъ, что довольно рѣдко встрѣчается у провансальцевъ, этихъ истыхъ сарацинъ. Мать всѣмъ распорядилась, и онъ находилъ это очень хорошимъ.

Завязался разговоръ, хозяева перестали стѣсняться. Франсуа предложилъ стаканъ традиціоннаго стараго вина, и въ то время, какъ Жоржъ пробовалъ его, старуха-бабушка ощупывала матерію плаща Элизы и кружево, видѣвшееся изъ-подъ ея платья.

Это дало поводъ старухѣ рассказать наивную исторію, которая привела въ восторгъ Маркана.

— Какая простая и хорошенькая исторія! — говорилъ онъ на обратномъ пути. — Я предпочитаю увезти съ собой этотъ рассказъ, чѣмъ ихъ старыя тарелки! И значеніе этой исторіи таково, что смѣло можно пожелать дѣвочкѣ Сольнье попасть въ семью Тареновъ... Хорошіе тѣ люди, кто рассказываетъ своимъ дѣтямъ такіе трогательныя пустячки! Слѣдовало бы записать слова бабушки со всею точностью, какъ мы ихъ слышали.

Х.

Исторія двухъ бѣлыхъ юбокъ.

— У меня было двѣ бѣлыхъ юбки, — говорила старушка. — Первую дала мнѣ матушка, вторую — молоденькій пастушокъ.

Пастушокъ стерегъ овецъ хозяина, у котораго я была въ услуженіи. Мнѣ пришлось идти въ люди, чтобы кормить семью.

Пастушокъ простудился и слегъ въ постель очень больной. Ему

подали все, что нужно въ его комнату, и оставили одного, такъ какъ всѣ очень устали за день работы. Мнѣ жаль стало, что онъ одинъ, я рѣшилась пойти за нимъ ухаживать, хотя онъ былъ очень красивъ собой и молодъ. Ему было двадцать пять лѣтъ, а мнѣ шестнадцать, но мнѣ другой нравился, да и пастушокъ былъ чело- вѣкъ, пришлый изъ горъ.

Я обратилась къ одному старому служителю фермы и сказала:
— Пойдемъ посмотримъ молодого пастушка.

Старикъ согласился, и мы пошли. Бѣдняжка лежалъ въ страш- ной болѣзненной испаринѣ. Я открыла стоявшій въ той комнатѣ коммодъ со старымъ, чистымъ бѣльемъ, заготовленнымъ для боль- ныхъ, и достала двѣ простыни и салфетки, потомъ сошла въ кух- ню и развела тамъ огонь. Я грѣла простыни и салфетки, старикъ носилъ ихъ наверхъ и обтиралъ ими больного. Вдвоемъ мы обсуши- ли его и согрѣли, какъ слѣдуетъ. Я обтирала ему лицо и волосы, надѣла на голову шапочку. Больной лежалъ, не шевелясь, но ему хорошо было лежать сухому и согрѣтому. Ночь была холодная. Безъ насъ его нашли бы заоченѣвшимъ къ утру.

На другой день за нимъ былъ опять хорошій уходъ. Хозяйка и ея дочь усердно занялись имъ и не оставляли до конца болѣзни. Но пастушокъ, все-таки, зналъ, что безъ меня ему было бы много ху- же и что спасла его эта ночь.

Съ тѣхъ поръ онъ все робѣлъ со мной и сторонился отъ меня, не осмѣливался даже заговорить.

Пришелъ май мѣсяцъ. Молодой пастушокъ покинулъ равнину, погналъ стадо въ Альпы. Ушелъ онъ, не сказавши мнѣ ни слова. Нѣсколько времени спустя пріѣхалъ съ подводой работникъ, жив- шій на другой фирмѣ того же хозяина, далеко отъ насъ.

Подводчикъ пріѣхалъ утромъ и сказалъ мнѣ:

— Я привезъ тебѣ денегъ, Маделона.

— Мнѣ? Какихъ денегъ? Отъ кого?

Я засмѣялась, не повѣрила ему.

— Пастушокъ поручилъ передать тебѣ пять франковъ, Маде- тона. Онъ говоритъ, что ты спасла его, что ты милая и добрая дѣ- зюшка, что онъ не посмѣлъ самъ отдать тебѣ эти деньги и что онъ желалъ бы имѣть для этого побольше сумму, но ея нѣтъ, и эти онъ отдаетъ отъ чистаго сердца, — говорилъ онъ, — которое стоить большихъ капиталовъ.

И вотъ я взяла деньги пастушка, и большое удовольствіе они мнѣ доставили. На нихъ мнѣ захотѣлось потомъ купить бѣлую юб-

ку. Дѣвочки въ эти годы всегда любятъ принарядиться. Завидно смотрѣть на другихъ, въ хорошихъ уборахъ...

И сказала теткѣ про мое желаніе.

— Что-жь, — отвѣтила она, — поди и купи.

И я сдѣлала эту глупость. Заплатила четыре съ половиной франка, въ карманѣ у меня осталось десять су.

Теперь нѣтъ у меня этихъ двухъ бѣлыхъ юбокъ. Ихъ носили мои дочери, потомъ изрѣзали ихъ на рубашки своимъ дѣтямъ.

Такъ-то вотъ, безъ бѣднаго поступка у меня была бы всего одна бѣлая юбка, та, которую мнѣ дала моя мать.

XI.

Возвращаясь на виллу, они всю дорогу говорили объ этой исторіи, восхитившей Маркана. Онъ спросилъ, сколько зарабатывалъ въ годъ молодой поступокъ. «Шестьдесятъ франковъ, — сказала старушка, — и изъ нихъ пять прислалъ мнѣ. Каково это!»

— Въ этомъ разсказѣ, — восклицалъ Марканъ, — отразилась вся покорность судьбѣ и энергія народа, его умирительная бережливость и великодушіе. Вотъ она жизнь-то! Простая жизнь, скромная, рабочая, героическая и прекрасная!

Въ немъ сказывалось его происхожденіе. Онъ радостно признавалъ себя принадлежащимъ къ народу и мечталъ о томъ времени, когда получить возможность навсегда покинуть городъ, поселиться на берегу моря, въ тѣни деревьевъ, далеко отъ свѣтскихъ людей. Спокойствіе, въ которомъ нуждалась Элиза, она найдетъ только внѣ Парижа, подъ чистымъ небомъ юга...

И мысль, что онъ можетъ лишиться подруги жизни, вновь защемила его сердце, омрачила его лицо. Онъ сильно любилъ жену. Заставши ее больною, онъ не отходилъ отъ нея, но относился къ ней такъ, будто они еще въ разлукѣ, и тѣмъ сильнѣе чувствовалъ, насколько она мила ему.

Подъ вліяніемъ весны, обновляющей соки, подъ дыханіемъ моря, возбуждающимъ желанія, Марканъ былъ въ тревожномъ состояніи этимъ чудеснымъ вечеромъ, въ открытой коляскѣ, рядомъ съ дорогою Элизой, побывавши въ двухъ домахъ, гдѣ два юныхъ существа говорили имъ о любви... Онъ спрашивалъ себя, достаточно ли онъ чувствовалъ до этого дня всю прелесть жизни, достаточно ли наслаждался ею, воспользовался ли молодостью, лучшимъ временемъ... уже кончившимся?... О, проклятое честолюбіе! Проклятая необходимость добиваться средствъ, чиновъ, повышеній! Завтра

смерть придетъ! И для чего, ради кого всё эти жертвы? А, да, ради дѣтей, для которыхъ долгъ обязываетъ все сдѣлать!... Но не бѣда: если онъ разбогатѣетъ... по милости дяди... можно наверстать потерянное время!

И онъ мечталъ о поѣздѣ въ Италію, въ Неаполь, — разумѣтся, съ Элизой, — о настоящемъ путешествіи медоваго мѣсяца.

До отъѣзда въ Парижъ Марканъ узналъ отъ Бовена о согласіи Сольнье на бракъ дочери и отправился поздравить отца Туанеты съ такимъ рѣшеніемъ, расхваливалъ семью Тарена.

Сольнье качалъ головой, дѣлалъ загадочныя гримасы.

Марканъ отъ души поздравилъ и Туанету, сильно раскраснѣвшуюся при этомъ.

Тѣмъ временемъ здоровье Элизы поправилось. Марканъ, вынужденный вернуться въ Парижъ, уѣхалъ совершенно успокоенный. Былъ уже май. А весна являлась спасеніемъ для Элизы.

По службѣ у Маркана все шло хорошо.

ХП.

Элиза поправлялась, съ удовольствіемъ испытывая возвратъ всѣхъ желаній, хорошо знакомыхъ выздоравливающимъ. Все казалось ей новымъ, и она готова была радостно кричать отъ каждаго луча солнца.

Голубой Ибисъ вернулся на стоянку въ портъ Сень-Рафаэля. Пьеръ Дофенъ опять появился. Онъ еще разъ побывалъ у своего отца, живущаго въ собственномъ помѣстьи близъ Тулона. Пьеръ рассказывалъ про свою мать съ умиленнымъ уваженіемъ, описывалъ ее такими чертами, которыя напоминали Элизѣ ея покойную мать.

— Вы во мнѣ вызываете желаніе узнать ее лично, — говорила Элиза.

Онъ передавалъ, какъ много добра дѣлаетъ эта почтенная женщина, очень простая среди самой утонченной роскоши, постоянно занятая какою-нибудь работой, предназначенною для бѣдныхъ, для благотворительныхъ учрежденій, почти отказавшаяся отъ свѣта, гдѣ она блистала красотой, и живущая единственно для того, чтобы помогать несчастнымъ, спокойная, съ мягкой улыбкой на лицѣ, обрамленномъ совершенно бѣлыми, но все еще густыми волосами.

Особенно сочувственно относилась она къ несчастью женщинъ.обра она безконечно, и наибольшую жалость возбуждаютъ странія, къ которымъ примѣшивается собственная вина человѣка,

какъ причина или какъ послѣдствіе, такъ какъ, по мнѣнію этой милой женщины, наиболѣе порочные и наиболѣе виновные страдаютъ сильнѣе: они несчастны вдвойнѣ.

Тагими разказами о своей интимной жизни и своею грустью въ особенности Пьеръ мало-по-малу завладѣвалъ сердцемъ Элизы. Она доходила до того, что ставила ему въ заслугу высокія достоинства его матери. Кто ихъ понимаетъ, любитъ и говорить о нихъ такъ хорошо, тотъ долженъ, несомнѣнно, и самъ обладать ими въ извѣстной мѣрѣ.

Элиза уже не чувствовала той неловкости первыхъ дней, которую испытываетъ молодая женщина, оставаясь съ глазу-на-глазъ съ молодымъ человѣкомъ. Она была теперь его другомъ и высказала ему это. Искреннія и хорошія чувства приходились на долю сердца; но, съ другой стороны, бралъ свою часть и дьяволъ въ видѣ очарованія, которому она поддавалась, сама того не сознавая, — очарованія утонченнымъ изяществомъ, вѣявшимъ отъ всей личности молодого человѣка, прелестью роскоши, повліявшей на Элизу съ перваго раза, когда она была на яхтѣ, среди цвѣтовъ, въ маленькомъ салонѣ, простомъ на видъ, но богатомъ красотой, искусствомъ, подборомъ всего, сдѣланнымъ со вкусомъ.

Такъ жила она въ сладкомъ упоеніи этою новою жизнью, обращая немного меньше вниманія на Жоржа. Марканъ убѣдилъ ее отказаться на нѣкоторое время отъ уроковъ, которые она давала сыну. Она была такъ слаба... ей предписано было говорить меньше. Былъ приглашенъ старичокъ учитель, приходившій два раза въ день. Служанка, являвшаяся вначалѣ только по утрамъ, была взята на весь день, чтобы присматривать за Жоржемъ, прислуживать ему, ходить съ нимъ гулять... На все это Элиза согласилась по необходимости и по принужденію, такъ какъ была очень слаба первое время, не выходила изъ комнаты, не могла говорить много. Поправившись, она оставила все въ томъ же положеніи, сама не зная почему, не думая даже объ этомъ, отдаваясь лѣни, располагающей къ мечтамъ.

И самый край настроивалъ на то же—на мечты.

Что касается Жоржа, то его маленькое, прекрасное сердечко примирилось съ такою жизнью по-новому послѣ того, какъ онъ серьезно выслушалъ доводы отца, объяснявшаго ему причины произошедшей перемѣны.

«Нужно это было, чтобы вылечить маму? Стало быть, хорошо сдѣлали». Онъ принадлежалъ къ числу исключительныхъ дѣтей, которымъ необходимо проявленіе большой нѣжности и которыя при-

нимають, безъ тѣни эгоизма, большія жертвы и большую любовь потому, что сами способны платить тѣмъ же и даже платить впередъ.

... Такимъ образомъ, Элиза и Пьеръ подвигались на гибельномъ пути.

Мало-по-малу инстинкты низшаго порядка брали верхъ, получали господство надъ заученнымъ и разумнымъ сознаниемъ приличій и обязанностей.

Друзья, каждый съ своей стороны, воображали, будто сближаетъ ихъ дозволенное чувство, и начинали испытывать нѣчто весьма похожее на любовь. Анализируя постоянно недавнее горе Пьера, говоря объ измѣнѣ съ осужденіемъ и презрѣніемъ, они не предполагали, что скоро имъ придется лгать, скрывать отъ Маркана ихъ близость, какою бы невинною она ни представлялась имъ самимъ, и не думали они о томъ, что первая ложь, хотя бы самая ничтожная, передъ довѣрчивымъ супругомъ есть уже сознательная измѣна.

Почему Пьеръ уѣхалъ, какъ бы противъ воли, лишь только узналъ, что Марканъ долженъ вернуться?

Онъ пытался найти тысячу объясненій своему отъѣзду, настаивалъ передъ самимъ собою особенно на томъ, что могъ покинуть Элизу, такъ какъ бѣдная женщина не нуждается въ его обществѣ на это время. Кромѣ того, онъ отправлялся повидаться съ матерью, необходимо это было.

Въ дѣйствительности же ему просто неловко было встрѣтиться съ Марканомъ, выслушивать выраженія благодарности мужа за вниманіе къ Элизѣ, которая, по своей правдивости, конечно, расскажетъ Маркану о посѣщеніяхъ Пьера. Съ своей стороны Элиза была довольна, почти не сознавая этого, что не видитъ Пьера въ присутствіи мужа: она, все-таки, чувствовала, что тайно похитила у него нѣчто.

Это нѣчто, составлявшее ничѣмъ неопредѣлимую часть ея самой, она считала себя вправѣ отдать другому, но, тѣмъ не менѣе, она затруднилась сообщить объ этомъ Маркану потому именно, что послѣ чувства сильной и простой привязанности къ мужу, отдаваемое Пьеру было самымъ завѣтнымъ въ ея душѣ и въ ея умѣ.

Для Элизы и Пьера величайшимъ счастьемъ стало встрѣчаться, говорить, быть вмѣстѣ.

Онъ уже ни о чемъ другомъ не могъ думать. Онъ приходилъ, когда ему вздумается, приносилъ какое-нибудь лакомство Жоржу, Элизѣ—цвѣтокъ, книгу, оттѣнокъ мысли или чувства, которымъ хотѣлъ подѣлиться съ нею. Это въ особенности плѣняло ее. Никто и никогда не говорилъ съ нею такъ о предметахъ возвышен-

ныхъ и туманныхъ. Для нея былъ совершенною новостью языкъ молодого человѣка, изящнаго и празднаго, какъ женщина, вѣчно анализировавшаго свое сердце, свои опасенія, желанія, печали, заставлявшаго и Элизу живостью удачныхъ выражений отзываться на нихъ, отуманившаго ее множествомъ и силою разнородныхъ ощущеній.

Она сдѣлалась для Пьера какъ бы послушнымъ инструментомъ, звучавшимъ по его желанію всѣми своими струнами при самомъ легкомъ прикосновеніи къ нимъ... И въ этой-то музыкальности словъ крылась опасная сторона искусствъ, передающихъ ощущенія, а не мысли. Всего пагубнѣе для обоихъ были, все-таки, ихъ постоянные и отвлеченные разговоры, въ которыхъ непрерывно повторялось слово «любовь». Теперь они уже не стѣснялись: онъ раскрывалъ передъ Элизой всѣ страницы своего романа и, неспособный написать его, рассказывалъ его какъ нельзя болѣе охотно... И рассказывая свой романъ женщинѣ, которую онъ могъ полюбить... которую желалъ бы овладѣть, — да, такъ это, но въ этомъ нѣтъ же ничего дурного: наоборотъ, желать и не добиваться—это прекрасно,—онъ вторично переживалъ этотъ романъ болѣе интенсивно, быть можетъ, и болѣе возвышенно.

И Пьеръ продолжалъ считать себя вправѣ наслаждаться такимъ очарованіемъ и искать возможности пользоваться имъ какъ можно чаще. Убѣжденный, при всемъ своемъ скептицизмѣ, что Элиза настоящая «честная женщина», что она никогда не измѣнитъ мужу, увѣренный въ томъ, что самъ онъ не скажетъ ей ни одного слова, могущаго наводить на соблазнъ, готовый изъ себя выйти при одной мысли, что его могутъ заподозрить въ этомъ, онъ совершенно искренно считалъ себя ни въ чемъ невиновнымъ потому, что не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ намѣреній...

А ту, другую, чьи письма лежали на днѣ моря, — развѣ онъ уже не любилъ ее? О, разумѣется, любилъ немного, но, все-таки, любилъ, несмотря ни на что!

Передъ самимъ собою, въ глубинѣ своей души, онъ добросовѣстно ставилъ себѣ въ заслугу, что никогда не стремился потревожить душевный покой женщины... Онъ, на самомъ дѣлѣ, думалъ, что мужчина, начинающій ухаживать за женщиной, только фактически отвѣчаетъ на тайный призывъ кокетки, передающійся ему силою какого-то невѣдомаго внушенія неумовимымъ, скрытымъ отъ всѣхъ движеніемъ, взглядомъ, — нельзя даже опредѣлить чѣмъ...

Онъ не подозрѣвалъ, что, именно, такой-то призывъ къ любви

исходилъ отъ него самого, сказывался во всѣхъ его словахъ, въ его взглядахъ, въ каждомъ его движеніи. Онъ всѣхъ завлекалъ прирожденнымъ ему кокетствомъ; съ своею чисто-женскою нату-рой онъ желалъ нравиться.

Обдуманная рѣчи соблазна ничего не значили въ сравненіи съ непрерывнымъ, манящимъ призывомъ, выраженнымъ малѣйшимъ его жестомъ, ничтожнѣйшимъ словомъ, независимо отъ его воли, въ силу врожденнаго дара языческой расы... въ силу сладострастнаго влеченія къ красотѣ.

Новизна всего этого сдѣлалась атмосферой жизни Элизы. Не зная никого въ Сень-Рафаэлѣ, она воображала, будто и ее никто не видитъ. Ей дѣла не было до того, что *Голубой Ивись* чаще, чѣмъ дозволяютъ приличія, становится на якорь передъ Террасой. Элизѣ казалось, что заѣхала она въ чужую страну, къ людямъ, которые, не понимая языка, лишены возможности понимать и факты.

ХІІІ.

Мѣсяцъ розъ сыпалъ свои цвѣты съ новыми ароматами, туманившими головы. Весь воздухъ наполнялъ собою безумный мѣсяцъ май. Бѣлыя бабочки смѣло уносились вдаль надъ синею гладью моря. Переполненные сокомъ цвѣтуція кисти сирени сгибали молодые вѣтви... Запахъ цвѣтовъ и яркія краски говорили о радостяхъ жизни, о счастьи...

Пьеръ обращалъ вниманіе Элизы на всѣ прелести наступившаго сезона. Онъ комментировалъ ихъ, примѣшивалъ ихъ ко всѣмъ разговорамъ и себя самого, ради нея, примѣшивалъ ко всему.

Послѣ зимнихъ розъ наступило торжество розъ майскихъ, болѣе роскошныхъ, царственно прекрасныхъ, наглыхъ въ своей красотѣ, какъ бы презирающихъ своихъ увядшихъ сестеръ и знающихъ, что явились онѣ въ то время, когда люди и все живое подчиняются силѣ, дающей имъ красоту.

Букеты, привозимые Пьеромъ, вызывали вздохи Элизы, возуждали въ ней страстное желаніе на крыльяхъ умчаться куда-то, въ тотъ вольный просторъ, куда уносится ароматъ цвѣтовъ.

Какъ-то разъ, цѣлуя розу, она вдругъ почувствовала такое тѣсеніе въ груди, что поблѣднѣла. Она себя не узнавала и то, то испытывала, приписывала вліянію моря и всего, что было кругомъ нея. Элиза была права. Любовью матеріальною, хотя неуло-чно-нѣжною, дышало все, самая земля, гдѣ шла работа корней,

полныхъ сока, красный верескъ и томаринды, смолистыя сосны и блѣдныя смоковницы

XIV.

Элиза не могла часто выходить изъ дома, она еще не достаточно окрѣпла. Гулять съ Жоржемъ ходила служанка. Пьеръ нѣсколько разъ замѣнялъ ее; онъ отлично ладилъ съ ребенкомъ.

Письма Маркана продолжали приносить административныя извѣстiя, онъ былъ неистощимъ по дѣлу общины Праде: «Передай г. Дофену, чтобъ онъ сообщилъ своему отцу о необходимости пополнить дѣло представленiемъ документа»,—слѣдовали указанiя, совѣты, замѣчанiя, которыя Элиза, не читая, отдавала Пьеру, а тотъ отсылалъ отцу.

Марканъ желалъ отплатить Дофену за присылку цвѣтовъ и за все вниманiе, которое онъ оказывалъ Элизѣ. «При случаѣ же,—разсуждалъ самъ съ собою Марканъ,—этотъ милѣйшiй г. Дофенъ можетъ тамъ помочь ей, защитить ее.

Пьеръ написалъ Маркану, благодарилъ его отъ имени отца, извѣщалъ о здоровьи Элизы и Жоржа. Марканъ остался очень доволенъ, ему все казалась, что Элиза въ своихъ письмахъ не всю правду говорить про свое здоровье изъ любви къ нему и ради его спокойствiя. И, въ свою очередь, Марканъ благодарилъ Пьера.

Возникло нѣкоторое пререканiе между агентствомъ по найму квартиръ и Марканомъ. Пьеръ, узнавши объ этомъ отъ Элизы, предложилъ свои услуги и уладилъ дѣло. Затѣмъ онъ оказалъ Элизѣ еще нѣсколько мелкихъ услугъ, чѣмъ она видимо была очень тронута. Она думала вначалѣ, что эта беззаботная голова неспособна отнестись внимательно къ какому-нибудь скучному дѣлу,—въ особенности, къ чужому дѣлу. Безъ малѣйшаго усилiя онъ доказалъ противное и былъ вознагражденъ сторицею и болѣе того за всѣ хлопоты для нея прелестью забвенiя и легкою нѣгою желанiй, которыя въ немъ вызывало одно ея присутствiе.

Его серьезно озабочивало здоровье Элизы, и Пьеръ каждый день внимательно о немъ справлялся. Вначалѣ онъ придумывалъ разные предлоги къ тому, чтобы приходилъ къ ней ежедневно: то онъ заворачивалъ мимоходомъ или, услышавши фортепьяно, не могъ преодолѣть искушенiя послушать музыку, и извинялся. Но появившаяся въ газетахъ новость представлялась настолько интересною, что ему хотѣлось подѣлиться ею какъ можно скорѣе и поговорить о ней.

Теперь онъ приходилъ безъ всякаго повода, потому что не могъ

не придти: «Такъ тоскливо было! Улыбки маленькаго Жоржа достаточно для того, чтобъ утихли его страданія». И это была опять-таки правда. Онъ игралъ съ ребенкомъ, велъ съ нимъ безконечные разговоры, уносился въ міръ дѣтскихъ грѣзъ. И много разъ Жоржъ говорилъ ему:

— Отчего вы не бываете у насъ чаще, мосьё Пьеро?

Элиза отнеслась, наконецъ, совершенно прямо къ своимъ сомнѣніямъ и однажды поставила вполне опредѣленно вопросъ, имѣеть ли она право наслаждаться прелестью этой дружбы, — и отвѣтила себѣ: «Да! Развѣ исполненіе долга можетъ обязательно быть дѣломъ скучнымъ? Развѣ жизнь не для того дана, чтобы мы жили?» Того, что приносила ей дружба съ Пьеромъ, Марканъ никогда не въ состояніи былъ дать ей: онъ даже и понятія не имѣеть объ этомъ! И почему бы, наконецъ, не рассказать ей Денису о частыхъ посѣщеніяхъ Пьера, когда въ этомъ нѣтъ ничего дурного? Она заставить мужа понять ихъ отношенія... Мысль эта успокоила Элизу.

ХУ.

Разъ Пьеръ пришелъ сильно разстроенный. Его мать занемогла, онъ покидаетъ свою яхту, черезъ часъ уѣзжаетъ по желѣзной дорогѣ, чтобы скорѣе быть около больной. Онъ показалъ Элизѣ только что полученное письмо. Въ немъ не заключалось ничего тревожнаго, но молодой человѣкъ волновался, не слушалъ никакихъ успокоительныхъ доводовъ. Онъ боялся за мать, и его горе, его чрезмерная тревога обнаруживали такое нѣжное сердце, настолько любящее и преданное, что Элиза полюбила его еще больше, серьезнѣе, какъ давнишняго друга, отлично извѣстнаго, на котораго можно положиться потому, что хорошій онъ человѣкъ, вѣрный.

— Она васъ воспитывала?

— Да, она.

— Я такъ и думала. Въ вашемъ сердцѣ, въ вашемъ умѣ столько нѣжности, столько мягкости, чувствительности, совершенно женскихъ и необыкновенно привлекательныхъ. Поѣзжайте же скорѣе! Въ письмѣ я не вижу ничего тревожнаго и увѣрена, что вы найдете вашу милую маму совсѣмъ здоровою...

— Благодарю... До свиданія!

— До скорога свиданія!

Въ разговорѣ онъ уже никогда не называлъ ее «madame» и не осмѣливался еще сказать: «мой дорогой другъ».

Пьеръ вернулся черезъ четыре дня, сіяющій радостью. Его мать была уже здорова, когда онъ пріѣхалъ.

— Я же вамъ говорила, экзальтированный!

Элизу растрогала его радость до такой степени, что это и его взволновало, въ свою очередь. Ни одна изъ его любовницъ не относилась съ такимъ участіемъ къ его сыновнимъ чувствамъ. Лучшая изъ нихъ, въ подобномъ случаѣ, видѣла въ болѣзни его матери только помѣху ихъ свиданіямъ. Поистинѣ Элиза была обворожительна.

Такъ прокрадывалась любовь въ ихъ сердца въ то время, какъ небо и море, блескъ всего окружающаго и нѣжащее тепло весны дѣлали свое дѣло, волновали ихъ кровь.

Важно было уже и то, что каждый изъ нихъ, съ своей стороны, изыскивалъ средства скрыть отъ Маркана ихъ частыя свиданія, то значеніе, которое принимали въ жизни ихъ взаимныя чувства.

Что касается Пьера, то онъ готовъ былъ поглядѣться, что Элиза никогда не будетъ его любовницей... и онъ немножко жалѣлъ о томъ, что ничего не можетъ сдѣлать для того, чтобъ она стала его любовницей.

Элизу особенно убѣждало въ безконечной мягкости сердца Пьера, въ тонкости его такта, то обстоятельство, что никогда маленькій Жоржъ не имѣлъ съ нимъ повода замкнуться въ себя, какъ заставляли его часто это дѣлать слово или движеніе Маркана.

Пьеръ касался души ребенка совершенно материнскою рукой. Это заканчивало побѣду надъ Элизой, давало ей основаніе для очень высокой оцѣнки молодого человѣка, сливавшейся съ ея душевнымъ волненіемъ...

XVI.

Май подходилъ къ концу. Марканъ вторично извѣстилъ о своемъ приѣздѣ всего на два дня. Элизу онъ засталъ все еще довольно блѣдною и настоялъ на томъ, чтобъ она рано легла въ постель. Уложивши жену, онъ довольствовался счастьемъ посидѣть часъ или два въ ея комнатѣ и мирно почитать въ уютномъ уголкѣ.

Марканъ привезъ важныя новости. Министръ предлагалъ ему префектуру. Какъ лучше поступить? Въ министерствѣ онъ былъ фактически несмѣняемъ. Префектомъ онъ станетъ въ зависимость отъ множества обстоятельствъ, измѣнчивыхъ, какъ волны моря, придется считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, съ прессой, со всѣмъ на свѣтѣ...

Съ другой стороны, дядя, уже очень больной, вызвалъ его къ себѣ и, по своему обыкновенію, прямо заявилъ ему:

— Твой сынъ скоро получить большую часть моего состоянія. Не оплакивай меня больше, чѣмъ слѣдуетъ. И, наоборотъ, постарайся быть счастливымъ съ моими деньгами, въ противномъ случаѣ выйдетъ, что мнѣ не удалось достигнуть цѣли.

Онъ зналъ, что близокъ его конецъ, и вотъ какимъ тономъ говорилъ объ этомъ. Марканъ спросилъ его совѣта по вопросу о префектурѣ.

— Валяй въ префекты, другъ! Еслибъ у тебя не было моихъ деньжатъ, я бы не сказалъ тебѣ этого, а такъ какъ онѣ твои, то и валяй въ префекты! Въ провинціи ты будешь самъ себѣ господиномъ, маленькимъ королемъ, а съ состояніемъ будешь и совершенно независимымъ... Стало быть, и въ путь. Я тебя не заставлю долго ждать... И не дѣлай ты этихъ вытянутыхъ минъ! Будь искрененъ: мною ты доволенъ и радъ-радешенекъ будущности, которая ждетъ тебя послѣ моей смерти. Тутъ ужъ нечего отпѣгиваться: это въ порядкѣ вещей!... Не убилъ же ты меня, надѣюсь? Такъ будь же ты, другъ любезный, безъ страха, какъ всегда былъ безъ упрека.

Такъ болталъ добрейшій дядя.

Элиза заговорила о томъ, чтобы поѣхать навѣстить его.

— О, не такъ онъ плохъ еще! Успѣешь. Къ тому же, милѣйшій человекъ обо всемъ подумалъ, тебя желаетъ видѣть растолстѣвшею, какъ голландка, и надѣется побывать у насъ на-дняхъ.

Марканъ ликовалъ. Онъ не привезъ съ собою никакихъ дѣловыхъ вороховъ, самъ ловилъ себя на восклицаніяхъ восторга передъ какимъ-нибудь цвѣткомъ или передъ лучомъ солнца, играющимъ на морской ряби. И Марканъ предложилъ Жоржу ходить играть съ нимъ на берегу; нагибаясь, онъ подбиралъ раковины въ песокъ, а полы сюртука директора департамента, неизмѣннаго сюртука, съ которымъ онъ не разставался, погружались порою въ воду, какъ черныя крылья баклановъ...

Онъ радушно принялъ Пьера, благодарилъ за его любезныя письма, опять толковалъ съ нимъ о нескончаемомъ дѣлѣ, занимавшемъ его отца... Оно все еще тянулось и должно, вѣроятно, протянуться долго...

Пьеръ не узнавалъ Маркана, который предавался мечтамъ съ необычайнымъ воодушевленіемъ, порицалъ засиживающихся на мѣстѣ, строилъ планы путешествій.

— Жена нездорова, но, при соблюденіи должной осторожности, она скоро поправится. Я увѣренъ въ этомъ. Мнѣ дадутъ трехмѣсячный отпускъ и мы уѣдемъ въ Италію. Глупо вѣчно отклады-

вать пріятное, то, чѣмъ слѣдуетъ пользоваться, пока не прошла молодость! Взгляните на меня: въ головѣ уже сѣдина показалась. А я не жилъ еще!... До пріѣзда сюда мы съ женою нигдѣ не были. Смѣшно даже. Когда я женился на Элизѣ, она ничего не видала, кромѣ Макона. До сихъ поръ она видѣла еще только Парижъ. А свѣтъ великъ и всѣ эти чудные горизонты говорятъ же намъ о чемъ-нибудь. Я понимаю это. Сближаться надо съ природой... да, и это мнѣ понятно. Здѣшній край и даже ваша яхта дали мнѣ это почувствовать... Бѣ счастью, не совѣмъ ушло мое время!

И, смѣясь, онъ продолжалъ:

— Вотъ и я сталъ краснорѣчивъ, не правда ли? И я тоже, дорогой мой господинъ Дофенъ, могу, при случаѣ, быть поэтомъ, какъ всѣ добрые люди!

Затѣмъ онъ обратился къ женѣ:

— Скоро многое измѣнится, вотъ увидишь!

На этотъ разъ Жоржъ плакалъ при отъѣздѣ отца.

— Скажи, папочка, ты скоро вернешься?

— Быть можетъ, скорѣе, чѣмъ предполагаю. До свиданія, мой мальчикъ.

Вернувшись въ Парижъ, онъ тотчасъ же согласился принять префектуру, и ему обѣщали, что 14 іюля онъ получитъ орденъ Почетнаго Легіона. Въ тотъ же день начинался его трехмѣсячный отпускъ. Марканъ готовился къ отъѣзду съ вынужденною медленностью, такъ какъ предстояло сдѣлать много покупокъ для себя и для Элизы, которой онъ готовилъ цѣлый рядъ сюрпризовъ. Онъ заказалъ ей нѣсколько туалетовъ, и его самого увидали, наконецъ, въ первый разъ въ его жизни, въ свѣтломъ дорожномъ вестонѣ и въ маленькой круглой шляпѣ. Онъ сталъ другимъ человѣкомъ и не на шутку задумалъ въ путешествіи вернуть медовый мѣсяцъ. Марканъ не хотѣлъ пропустить свою вторую молодость, не заговоривши о любви съ женою.

XVII.

Элиза и Пьеръ были знакомы три мѣсяца, но это могло считаться за годъ парижскаго знакомства, съ тамошними рѣдкими и короткими встрѣчами.

Разъ Дофенъ пригласилъ Элизу съ Жоржемъ провести часъ на его яхтѣ. Элиза отказалась было, но Жоржъ такъ упрашивалъ, что она уступила сыну.

Присутствіе ребенка ограждало отъ нареканій и было охраной

для матери. Онъ, навѣрное, расскажетъ отцу про ихъ визитъ на яхту. Слѣдовательно, Элиза не дѣлала ничего предосудительнаго, ничего такого, что необходимо было бы скрывать. Тѣмъ не менѣе, ни въ одномъ изъ писемъ мужу она не упомянула объ этой поѣздкѣ.

Нѣсколько дней спустя, Пьеръ предложилъ прокатиться на яхтѣ до залива Жуана. Въ это время апельсинные деревья были въ цвѣту и весь край благоухалъ.

— Поѣдьте подышать этимъ ароматомъ, которымъ полонъ весь заливъ. Это нѣчто поразительное, — говорилъ Пьеръ, — и черезъ нѣсколько дней уже поздно будетъ.

Вхатъ надо было рано, послѣ завтрака, — съ Жоржемъ, разумѣется. Вернуться можно вечеромъ, до наступленія ночи. Отложить прогулку нельзя, необходимо пользоваться моментомъ.

— Разстояніе тутъ не имѣетъ значенія, поѣдемъ на яхтѣ... Получите ни съ чѣмъ несравнимое впечатлѣніе отъ этого дивнаго залива, отъ чуднаго аромата цвѣтушихъ береговъ!

Элиза долго не рѣшалась, онъ умолялъ:

— Сдѣлайте это для меня, прошу, какъ милости!

— Но, вѣдь, это можетъ очень компрометировать меня... Что скажетъ мой мужъ, если я поѣду?

— О, здѣсь-то!... Это все равно, что въ чужихъ странахъ, на краю свѣта! Это будетъ знать?... А вашъ мужъ дозволилъ бы, я увѣренъ въ этомъ...

Онъ думалъ только о себѣ, объ исполненіи своего легкомысленнаго желанія... Онъ мечталъ лишь объ удовольствіи, которое доставитъ ему посѣщеніе на цѣлый день этой молодой и хорошенькой женщины, его друга.

Увы, его скептицизмъ, тихонько и въ тайнѣ, про себя шепталъ: «Она лучше меня знаетъ, какъ ей поступить... Если согласится, тогда, стало быть, все возможно... Тамъ видно будетъ!»

— Я напишу мужу, извѣщу его, что отправляюсь на эту прогулку...

А прогулка сильно ее соблазняла. Погода стояла великолѣпная. Мысль о цѣломъ заливѣ, о морѣ, небѣ и берегахъ, полныхъ ароматомъ цвѣтушихъ апельсиновыхъ деревьевъ, заранѣе опьяняла молодую женщину. Она слыхала про такіе вечера, когда вся страна, какъ берега Испаніи, благоухаетъ, объята нѣгой, точно грѣзой о бракъ земли и неба.

— Э, вы напишите на яхтѣ!... Яликъ ждетъ насъ... Если вы придержите меня, то я не ручаюсь за возможность вернуться къ очи.

Бываетъ иногда невозможно для самихъ тѣхъ, кто поддался прелести искушенія, понять, какъ въ рѣшительную минуту смолкли вдругъ самыя вѣскія возраженія разума. А, между тѣмъ, если бы сила обстоятельствъ, личныхъ желаній, собственнаго каприза въ теченіе извѣстнаго времени не уничтожила всѣхъ препятствій, на свѣтѣ было бы больше сожалѣющихъ, чѣмъ раскаивающихся.

Элиза позвала Жоржа, объяснила ему, что они предполагаютъ сдѣлать. Вопреки всякимъ ожиданіямъ, мальчикъ пожелалъ остаться дома.

— Я тебѣ вотъ что скажу, мама... Прошлый разъ, когда я былъ на яхтѣ, меня немного тошнило... а море было еще спокойнѣе, чѣмъ сегодня.

— Вотъ видите, другъ мой, ѣхать и нельзя! А мнѣ очень хотѣлось, я уже совсѣмъ было рѣшилась.

Пьеръ пришелъ въ отчаяніе. Исчезла мечта, готовая осуществиться. Какъ избалованное дитя, — чѣмъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ, онъ не могъ перенести такой неудачи.

— Нѣтъ, нѣтъ! Надо ѣхать, во что бы то ни стало! Умоляю васъ! Послушайте, мы доѣдемъ только до залива, а оттуда вы можете вернуться по желѣзной дорогѣ... На все уйдетъ не болѣе трехъ часовъ времени... Милое, доброе сердечко Жоржа не захочетъ лишить ни васъ, ни меня этого большого удовольствія...

Элиза сняла шляпу и перчатки, отложила въ сторону зонтикъ. Вступился Жоржъ:

— Разумѣется, мама, я не хочу лишать тебя хорошей прогулки. Я скучать не буду... Повѣрь, ты можешь меня оставить, я не боюсь съ Маріоной... До вечера я буду играть одинъ, на это у меня есть свой *Голубой Ибисъ*. Кромѣ того, мнѣ надо будетъ заниматься съ учителемъ, и къ его приходу я долженъ кончить большую, большую задачу!

Ослѣпленная демономъ, умѣющимъ закрывать глаза тѣмъ, кого онъ намѣренъ погубить, Элиза не видала уже никакихъ препятствій. Ее манило маленькое приключеніе. Ребенокъ, бывший основательною причиной отказа, самъ такъ мило толкалъ ее въ ту же сторону, куда влекли ее желанія... Бѣдный другъ ея смотрѣлъ ей въ глаза такимъ умоляющимъ взглядомъ...

— Вѣдь, это безуміе! Это настоящее безуміе! — проговорила она.

Но она уже не сопротивлялась. Жоржъ подаль ей зонтикъ и перчатки, Пьеръ — шляпу.

— Черезъ часъ мы будемъ тамъ... Черезъ два съ половиной часа вы можете вернуться по желѣзной дорогѣ.

Элиза усадила Жоржа за его маленькій рабочій столикъ, поцѣловала ребенка, какъ дѣлала это обыкновенно, когда ей случалось уходить безъ него на короткое время, отдала кое-какія приказанія Маріонѣ, повторила, что часа черезъ два вернется домой, и отправилась къ пристани.

Черезъ десять минутъ она всходила на бортъ *Голубого Ибиса*, а маленькій Жоржъ, приподнявши занавѣску окна, смотрѣлъ на нее съ гордымъ сознаниемъ, что такъ смѣло отпустилъ безъ себя свою милую маму... Но, вѣдь, это на очень короткое время! Онъ такъ обрадуется ей, когда она вернется... И, навѣрное, она привезетъ ему изъ тамошняго города какой-нибудь хорошенькій подарокъ!

XVIII.

На яхтѣ Элизу тотчасъ же заняли приготовленія къ выходу въ море и тысячи подробностей вѣчно новыхъ видовъ, окружавшихъ ее. Однако, пребываніе наединѣ съ Пьеромъ смущало ее.

Когда онъ предложилъ ей сойти въ салонъ освѣжиться (на палубѣ и въ рубкѣ въ этотъ часъ дня жара была невыносимая), Элиза не посмѣла отказаться.

«Мой отказъ, — думала она, — выдалъ бы мое смущеніе».

Тамъ, въ салонѣ, она почувствовала, насколько дурно поступила, пріѣхавши сюда. Въ каждомъ ея движеніи сказывалась тревога, и это восхищало Пьера. На палубѣ Элиза могла еще воображать, будто находится на улицѣ, будто это простая прогулка; кругомъ были матросы, капитанъ. Здѣсь она была у молодого, холостого человѣка, — это его домъ, его комната.

Чтобы чѣмъ-нибудь разсѣять неловкость, Элиза сказала:

— Прочтите мнѣ стихи...

— Стихи?

— Да, стихи, ваши стихи, — отвѣтила она, — читайте! Я хочу, это мой капризь... — и немного бокетливо она добавила: — Извольте повиноваться!

Пьеру почему-то вздумалось прочесть стихи, написанные имъ послѣдней любовницѣ, исторію которой знала Элиза.

— Да, да, — сказала она, — они очень меня интересуютъ.

Оба продолжали думать, будто такія откровенности немного отдаляютъ ихъ другъ отъ друга, тогда какъ, наоборотъ, они-то и сближали ихъ все болѣе и болѣе.

Онъ сталъ читать. По мѣрѣ того, какъ выливались строфы, Элиза чувствовала, что ее охватываетъ трепеть ужаса, сладкій

невообразимо. Рѣзкость выраженій, совершенно незнакомая молодой женщинѣ, раскрывала передъ нею нѣчто новое въ томъ, кого она слушала, и кто сумѣлъ внушить ей чувство глубокаго расположенія. Она увидѣла въ немъ какъ бы высшее существо и начала смутно ревновать ту «нехорошую» женщину, которая не оцѣнила такого человѣка, не умѣла держать его

Пьеръ читалъ:

Странная любовь.

Не для этой любви я рожденъ былъ на свѣтъ,
Не для адскихъ лобзаній безъ тѣни надеждъ...
Нѣтъ, я видѣть хочу на безгрѣшныхъ устахъ
Отъ моихъ поцѣлуевъ улыбки разцвѣтъ!

О, несчастный! Рожденъ я для нѣжной любви...
Я объятій хочу, неизмѣнныхъ навѣкъ...

Элиза прервала его:

— Вотъ видите! Вамъ жениться надо. Все иное никуда не годится и ведетъ къ несчастью.

Онъ продолжалъ:

Я не радъ былъ узнать прелесть страсти слѣпой,
Научившей меня, любить какъ проклятыхъ!

Твоей странной любви я отраву вкусилъ;
Ядъ, мнѣ данный тобой, заразилъ мою кровь...
И въ разбитой душѣ, вмѣсто чистой любви,
Мрачный пламень горитъ... Мой низвергнуть кумиръ!

Такъ умчу-жъ я тебя въ пропасть, вмѣстѣ съ собой!
Твоей черной косой руки, ноги свяжу
И тебя задушю я въ объятяхъ моихъ,
Какъ вампиръ, я вошьюсь въ твою бѣлую грудь!

Я согласенъ любить, проклиная въ душѣ.
Но за то унесу въ бездну мрака тебя,
Гдѣ бездонны моря и безлунна гдѣ ночь,
И все страшно кругомъ, какъ злодѣйство мое...

— Что же, вы развѣ чудовище?—воскликнула Элиза, смѣясь.
Но смѣхъ прозвучалъ невесело. Она почувствовала себя въ опасности, точно окруженная пламенемъ.

Пьеръ продолжалъ:

Я покровы сорву, обнажу весь твой стыдъ,
Насмѣюсь, наглумлюсь я надъ тѣломъ твоимъ...

И въ беззвѣздную ночь мы погибнемъ вдвоемъ:
Отъ раскаянья—я, ты-жь утонешь въ слезахъ!

Элиза еще разъ воскликнула:

— Какой ужасъ! Это страшный сонъ какой-то!

Пьеръ закончилъ сразу смягчившимся голосомъ:

О, смотри, хороши какъ восторги любви,
Гдѣ насъ нѣтъ, гдѣ сияетъ лампадь ясный свѣтъ,
Гдѣ святая любовь согрѣваетъ сердца,
Гдѣ взаимна она, гдѣ любить—нѣтъ грѣха!

— Какъ хорошо это!—проговорила Элиза.—Послѣ этого непривлекательнымъ покажется порокъ.

Послѣдніе четыре стиха привели ее въ восторгъ, умилили ее и успокоили. Въ ихъ авторѣ она опять увидала человѣка, сознающаго обязанности или, по крайней мѣрѣ, способнаго раскаяться.

— Я всегда вамъ говорила: женитесь!—продолжала Элиза.— Вы такъ хорошо понимаете (послѣдніе стихи доказываютъ это) прелесть тихой любви, мирнаго семейнаго очага, значеніе вѣрности... О, я не берусь судить, но эти стихи кажутся мнѣ превосходными!

— На бѣду, насъ десять тысячъ во Франціи, пишущихъ такъ же точно,—сказалъ онъ весело.—А мы порядочно-таки отошли отъ Сень-Рафаэля... Пойдемте взглянуть на Баннь и на заливъ.

Элиза пошла впередъ. На палубѣ Пьеръ подаль ей руку.

— Признайтесь, по сущей правдѣ,—заговорила вдругъ Элиза,—вы все еще любите эту женщину?

— По сущей правдѣ,—отвѣтилъ онъ искренно, но съ желаніемъ подразнить немного привлекательную женщину, задавшую вопросъ,—иногда мнѣ кажется, что я еще люблю ее. Начать съ того, что я о ней часто думаю. А затѣмъ, если я говорилъ о ней дурно,—теперь не помню,—то могу завѣрить, что, въ сущности, отнюдь этого не думаю... И, во всякомъ случаѣ, я долженъ быть благодаренъ ей за то счастье, которое она мнѣ дала... Она была свободна, и я весьма опасуюсь, что поступилъ совсѣмъ глупо. Не будемъ говорить объ этомъ!

Элиза не поняла, отчего ея сердце немного сжалось.

— Вы любите ее, я знала это,—сказала она, смѣясь дѣланымъ смѣхомъ.—Кто пересталъ любить, господинъ поэтъ, тотъ не станетъ хранить... *безполезный ключъ!*

Пьеръ рѣзкимъ движеніемъ снялъ часы и попытался сорвать знаменитый ключъ, висѣвшій на цѣпочкѣ. Кольцо не подавалось и молодой человѣкъ все виѣстъ швырнулъ въ море.

Элиза не поняла, отчего ей сердце, бившееся сильно, забилося спокойнѣе.

— Вы совершенно правы, — сказала она холодно. — Надо забыть.

XIX.

На подвижной глади моря, искрящагося подъ лучами солнца, дремалъ островъ Святой Маргариты... Баннѣ, какъ бы прислонившись къ большому изгибу берега, казалось, нѣжилась ливно. Пальмы напоминали Востокъ. Море любило землю, земля любила море.

Первое дыханіе аромата цвѣтущихъ апельсиновъ несло на встрѣчу, тихое, нѣжное, сладкое, какъ признаніе въ любви, какъ первая ласка, замирающая и робкая.

Яхта подвигалась впередъ, разсѣвая спокойныя воды и благоуханный воздухъ. Замечтавшіеся о любви не говорили ни слова. Такъ, совершенно молча, въ теченіе получаса, они приближались къ покрытой цвѣтами землѣ, обдававшей ихъ своимъ теплымъ, ароматнымъ дыханіемъ, полнымъ могучихъ растительныхъ желаній...

Тихій, мѣрный шумъ винта прекратился. *Ибисъ* все еще шелъ лѣнливо, оставляя за кормой широко раскидывающійся вѣеръ бѣлой пѣны. Отданный якорь упалъ въ воду, немного блѣдную, розовую немного, и поднялъ цѣлый снопъ блестящихъ жемчуговъ, разсыпавшихся волшебнымъ дождемъ.

Остановившаяся яхта сдѣлала полуоборотъ на мѣстѣ, какъ бы привѣтствуя весь раскинувшійся кругомъ горизонтъ.

Восхищенная, взволнованная физическимъ счастьемъ, громаднымъ и глубокимъ, какъ все небо и все море, Элиза испугалась своего восторга, почувствовала, насколько онъ великъ и всесиленъ, поняла, что долше оставаться ей здѣсь не зачѣмъ, что въ эту минуту она вкусила всѣ наслажденія, ей обѣщанныя и дозволенные.

— А теперь скорѣе въ путь! — сказала она.

Пьеръ не пытался ее удержать.

— Лодку! — скомандовалъ онъ.

И они направились къ берегу въ маленькой лодкѣ. Они были уже близко отъ земли, когда шумно пронесся поѣздъ, выкидывая клубы черного дыма, свистя, точно въ насмѣшку.

Элиза пришла въ отчаяніе.

— Не стоить огорчаться, — сказалъ Пьеръ. — Вернемся сейчасъ же на яхту, и къ ночи вы будете дома.

Элиза молчала, раздосадованная, растерянная, нерѣшительная,

и все больше путалась въ своихъ мысляхъ, ощущеніяхъ и чувствахъ, по мѣрѣ того, какъ старалась уяснить ихъ себѣ.

— Жоржъ не одинъ, — успокоивалъ Пьеръ, отвѣчая на ея тревоги, которыя онъ угадывалъ. — На старую служанку можно положиться. Вѣдь, это только задержка, простая задержка. Что вы станете дѣлать? Ждать здѣсь слѣдующаго поѣзда? Только напрасно потеряете четыре часа!

Они возвратились на яхту.

Оказалось, что съ дозволенія капитана машинистъ отлучился на берегъ.

— Онъ сейчасъ вернется.

Тѣмъ временемъ былъ поданъ обѣдъ на палубѣ въ стеклянной рубкѣ. Шторы были спущены, но въ растворенную настежь дверь виднѣлось море, свергающее безчисленными переливами неувловимыхъ и нѣжныхъ тоновъ...

Оживленіе Пьера, изящество стола, переполненнаго цвѣтами, нѣсколько развлекли Элизу. Погушавши немного, она уже съ меньшимъ нетерпѣніемъ слушала успокоительныя слова, которыя повторялъ Пьеръ.

— Подумайте, что же это за ребячество? Ваши предположенія почти ни въ чемъ не измѣнились. вмѣсто двухъ или трехъ часовъ, вы проѣздите четыре часа, вотъ и все. Вы отлично знаете, что Жоржъ засыпаетъ вечеромъ, въ концѣ обѣда. И теперь будетъ то же самое... Старая Маріона сама мать... Впрочемъ, мы сейчасъ отправимся. Вотъ возвращается машинистъ.

Пьеръ позвалъ слугу.

— Скажи, что мы уходимъ.

Элиза успокоилась, наконецъ. На самомъ дѣлѣ, что случилось особенное?

По окончаніи обѣда они вмѣстѣ вышли, какъ на балконъ, оперлись на бортъ, чтобы присутствовать при отходѣ яхты, посмотрѣть на удаляющіеся берега и на спускающіяся вечернія тѣни.

Въ невозмутимой тиши золотистаго и пурпурнаго вечера спокойное море какъ бы само убаюкивало себя едва ощутительною ичкой, собственной пѣснью, не громкою, какъ вздохъ.

Ибисъ тронулся съ мѣста. Слабый вѣтерокъ, точно усталый, оносился съ берега, и имъ казалось, будто земля, со всѣми своими роматами, двинулась вслѣдъ за ними.

Ночь тоже надвигалась, точно въ догонку, — ночь блѣдная, таинственная, прозрачная. Близъ тонкаго серпа луны сверкала въ бѣ единственная звѣзда...

Пьеръ услышалъ чьи-то осторожные шаги и отошелъ отъ Элизы. Она не шевельнулась. Ей не хотѣлось глазъ оторвать отъ этихъ видовъ и въ особенности не хотѣлось спускаться въ каюту съ молодымъ человѣкомъ.

Подходилъ капитанъ... Ему было крайне неловко потревожить своего молодого патрона въ такомъ уютномъ уголкѣ, гдѣ ихъ почти никто не могъ видѣть за рубкой.

— Миѣ не сказали, куда мы идемъ, — проговорилъ капитанъ.

— Въ Сенъ - Рафаэль, послѣ небольшой прогулки въ море, — отвѣтилъ Пьеръ тихо.

Онъ вернулся на прежнее мѣсто, рядомъ съ Элизой, упиваясь прелестью жизни, моря и ночи, упорно опьянявшей ихъ чуднымъ благоуханіемъ цвѣтовъ, предательскимъ, какъ волшебныя чары...

XX.

Подъ стущающимся сумеркомъ ночи *Ибисъ* шелъ прямо въ открытое море. Какъ призывъ и какъ прощальный привѣтъ, до нихъ уже издали доходило слабое дуновение аромата апельсиновыхъ деревьевъ въ тепломъ, отяжелѣвшемъ воздухѣ.

Обоимъ казалось, будто не существуетъ ни времени, ни пространства, и сами они далеко, очень далеко отъ людей.

Nous avons respiré cet air d'un autre monde,
Élise! *)

Движеніе яхты подъ неторопливые, мѣрные удары винта убаюкивало ихъ грѣзы. Ихъ сопровождали всѣ неуловимыя черты весны и отуманивали ихъ сознание. Нѣга ночи вызывала въ обоихъ одинаковую тревогу...

И тихо, тихо, привлекаемый непреодолимою силой, молодой человѣкъ склонилъ голову на плечо молодой женщины и, невольно, думалъ: «Что она сдѣлаетъ?»

Элиза не шевельнулась.

Онъ тихо взялъ ея руку и подумалъ: «Что она сдѣлаетъ?»

Элиза не проговорила ни слова. Другая женщина, невѣдомая ею, жила въ ней.

Она оставалась изумленною и пассивною, какъ бы отданною чужою волей во власть судьбы, неизбѣжной сегодня, но которую вчера она, не сознаваясь въ томъ, сама избрала себѣ.

*) Мы вдыхали иныхъ міровъ воздушную волну, Элиза!...

Элиза была отвѣтственна за прошлое, но уже никакъ не за настоящее. Невѣдомое что-то бродило вокругъ нея и овладѣвало ею; что-то зарождалось въ ней самой и властвовало надъ нею. Роковое началось, и предотвратить неизбежное было поздно. Актъ собственно воли могъ только ускорить паденіе. Въ данную минуту ничто уже не было запретнымъ, и такъ какъ для Элизы существовало лишь настоящее, то никакой благодѣтельный укоръ совѣсти не могъ поддержать ее, и, не помня уже ничего, она отдавалась наслажденію.

Въ этотъ мигъ она почувствовала, что Пьеръ готовъ коснуться горячими губами ея шею. Въ порывѣ послѣдняго, отчаяннаго сопротивленія, она хотѣла рѣзко обернуться, взглянуть ему прямо въ глаза, напрягая всю свою энергію, сказать:

— Нѣтъ, нѣтъ! никогда!

И она сдѣлала это... такъ, что поцѣлуй, вмѣсто шеи, впился въ ея губы и заглушилъ готовый сорваться съ нихъ крикъ: «Нѣтъ, нѣтъ!»...

Элиза пошатнулась. Пьеръ поддержалъ ее и, охвативши рукою ея станъ, прижалъ ее къ себѣ. Она вся трепетала. Ничего подобнаго она не испытывала. Корабль слегка покачивало. Элизѣ почудилось, будто она опрокидывается куда-то, вмѣстѣ съ яхтой, летитъ въ безконечное пространство, куда несутся за нею всѣ ароматы земли и моря. Ея сердце вдругъ развернулось, какъ цвѣтокъ алоэ, легкимъ взрывомъ, отдавшимися во всѣхъ нервахъ до ногтей пальцевъ, до конца волосъ электрическимъ толчкомъ, отъ котораго она одновременно умирала и оживала вновь. Она не въ состояніи была уже ничего хотѣть, кромѣ одного, чтобы длилось эта ощущеніе блаженнаго небытія.

XXI.

Марканъ былъ въ пути. Онъ рассчитывалъ неожиданно обрадовать жену, разомъ сообщить ей о всѣхъ счастливыхъ перемѣнахъ въ ихъ жизни. Ему пришлось задержаться въ Марсели для личной беды по порученію министра съ своимъ коллегой, префектомъ департамента Устья Роны.

Это было непріятно Маркану, препятствовало его скорому приѣду въ Сенъ-Рафаэль съ четырехъ часовымъ поѣздомъ, представлявшимся наиболѣе пріятнымъ. Приѣхавши съ этимъ поѣздомъ, онъ плѣлъ бы погулять съ женою, поговорить съ нею, рассказать о немъ новомъ настроеніи и о рѣшительномъ желаніи ввести ее съ

этого времени въ болѣе разнообразную жизнь, болѣе полную и соотвѣтствующую его новому положенію.

Онъ былъ очень раздосадованъ задержкою и тотчасъ же послѣ завтрака уѣхалъ съ скучнѣйшимъ пассажирскимъ поѣздомъ, опоздавшимъ, къ довершенію непріятности, часа на три. Марканъ сердито рассчиталъ, что доберется до Сенъ-Рафаэля не ранѣе десяти часовъ вечера, предполагая, что дальнѣйшихъ запаздываній не будетъ. Онъ было подумывалъ дожидаться ночного поѣзда, но тогда онъ пріѣхалъ бы въ четыре часа утра. И, въ особенности, что дѣлать до ночи? И онъ уѣхалъ, разозленный задержками и, все-таки, довольный возвращеніемъ къ женѣ. «Телеграмму развѣ послать?... Нѣтъ, нѣтъ, я хочу сдѣлать ей сюрпризъ. Въ такой часъ она меня ужъ никакъ не ждетъ!»

Имъ овладѣвало нетерпѣніе, какого онъ никогда не зналъ. Вообще онъ сильно былъ возбужденъ эти дни. Ночь въ вагонѣ отъ Парижа до Марсели раздражила его еще больше. Воображеніе Маркана, всегда бездѣятельное, на этотъ разъ работало по-новому. Онъ поминутно представлялъ себѣ удивленіе Элизы, Жоржа. «Какъ, ты пріѣхалъ?» Сначала его и не узнаютъ, въ свѣтломъ вестонѣ, въ маленькой круглой шляпѣ. И онъ посмѣивался про себя. «Да, я это, я!» Онъ прижимаетъ къ груди своего Жоржа, даетъ себѣ слово муштровать его рѣже, хотя бы для того, чтобы чаще видѣть улыбку его мамы.

«Жизнь такъ коротка! Я во-время сообразилъ это. Надо и имъ дать немножко счастья, настоящаго живого счастья, какое мы испытываемъ отъ соприкосновенія съ тѣмъ, что естественно... Не все же отдавать честолюбію, чортъ возьми! Я хорошо понимаю, какъ сладко иногда, прижавшись другъ къ другу, наслаждаться тихимъ закатомъ солнца, любоваться красивымъ пейзажемъ при утреннемъ освѣщеніи... Да, когда-то и я любилъ все это, въ юности, школьникомъ, когда мы гуляли въ Монсо съ маленькою Элизой! Какъ могло случиться, однако, что я такъ надолго забылъ объ этомъ?»

Его сердце всколыхнулось отъ воспоминаній. Живо представились ему впечатлѣнія этого единственнаго дня любви въ его жизни. Въ груди шевельнулось что-то необыкновенно сладостное, хорошее, трепетное. «Ничего, ничего, не ушло время, проживемъ еще!»

Онъ закрылъ глаза. Ему представилось, будто онъ рядомъ съ нею на балконѣ виллы. Это будетъ вечеромъ, нынѣшнимъ же вечеромъ. Онъ скажетъ Элизѣ... Что же онъ скажетъ, однако?... И онъ опять улыбнулся, нашель, что сказать ей! Скажетъ, просто:

Мы вдыхали иныхъ міровъ воздушную волну, Элиза!...

И опять ей будетъ шестнадцать, ему двадцать лѣтъ. И онъ тогда, и она еще разъ переживутъ первыя минуты ихъ любви. Затрепещетъ она. Онъ это чувствуетъ, взявши ее за руку, обнявши за талию. И тамъ, передъ этимъ спокойнымъ моремъ, подъ яркими звѣздами, онъ поцѣлуетъ ее, какъ, по правдѣ говоря, никогда не цѣловалъ, поцѣлуемъ любовника.

Поѣздъ остановился. «Какъ, опять... Сущее наказаніе!»

Марганъ сидѣлъ одинъ въ вагонѣ, быстро открылъ глаза, посмотрѣлъ на часы, потомъ прочелъ названіе станціи: «Пиньянъ», справился по *Путеводителю*. Что же это? Долго еще тащиться!...

Поѣздъ двинулся. Марганъ вернулся къ своимъ мечтамъ. «Гдѣ она въ эту минуту? У своего окна? Нѣтъ. Прогуливается? Нѣтъ, навѣрное, не выходитъ по вечерамъ. А, впрочемъ, тепло, хорошо. Жоржъ что? Играетъ на коврѣ своимъ *Голубымъ Ибисомъ*... Премилый человѣкъ этотъ г. Дофенъ! Какъ бы, однако, не вздумалъ онъ пуститься за нами въ Неаполь на своей яхтѣ. Вѣдь, черезъ недѣлю мы отправляемся въ Неаполь!... Не надо говорить г. Дофену, куда мы уѣзжаемъ, я хочу одинъ быть съ нею, съ моимъ мальчикомъ... А, какъ чудесно проживемъ мы эти три мѣсяца!»

Между двумя станціями поѣздъ вдругъ замедлилъ ходъ, рѣзко завизжали тормазы, остановка произошла такъ внезапно, что пассажиры едва не попадали.

— Этого еще недоставало, чтобы случилось что-нибудь.

Не случилось ничего серьезнаго. Но потерянные пять минутъ показали Маргану пятью вѣками. На слѣдующей станціи онъ почувствовалъ, что проголодался, поѣлъ наскоро, не переставая проклипать остановки.

Только въ десять часовъ вечера поѣздъ подходилъ къ той станціи, гдѣ слѣдовало выйти Маргану.

«Легла ли Элиза? Навѣрное, легла. Я разбуджу Маріону, стану бросать камушки въ ея окно, она otvorитъ. «Бто, тамъ?» — «Я, отprite... потихоньку только, не говорите женѣ... Я хочу сюрпризомъ!» Потомъ онъ тихонько, но очень явственно постучитъ въ ея дверь, чтобы не испугать ее. «Войдите, — скажетъ она. — Это вы, Маріона?» Маріону я возьму съ собой, она отвѣтитъ, по моему приказанію: «Нѣтъ, сударыя. Тутъ одинъ господинъ пришелъ къ вамъ!» — Что вы за вздоръ говорите? Съ ума вы сошли?»

И онъ тѣшилъ своимъ мечтами, улыбался и отъ времени до времени потиралъ руки. «Это запаздываніе ничего не испортило, наоборотъ. Она вскрикнетъ: «Это ты? Неужели вернулся?» Сидя на ея кровати, я начну ей говорить о томъ, какъ проживемъ мы, по-ново-

му, точно сказку буду рассказывать. Элиза захочет встать, скажетъ: «Отвори балконъ!»...

Мысленно онъ то и дѣло возвращался къ этому балкону. На немъ въ тиши ночи, подъ звѣзднымъ небомъ, хотѣлъ онъ прошептать ей слова любви,—слова, которыя напомнятъ имъ молодость, вернуть ее всю цѣликомъ. «Зачѣмъ ты говоришь такъ тихо?»—спроситъ она.—«Чтобы не разбудить Жоржа... Онъ такъ обрадуется завтра поутру, когда увидитъ меня, неожиданно. Пойдемъ въ комнату, моя дорогая»... И эта ночь будетъ ихъ брачною ночью.

XXII.

Онъ оставилъ на станціи весь свой ручной багажъ и налегкѣ побѣжалъ къ виллѣ. Сень-Рафаэль покоемъ уже мирнымъ сномъ. Лишь одинъ домъ, клубъ на набережной, былъ освѣщенъ. На улицѣ—ни души.

Съ часъ уже началъ дуть мистраль. Море слегка стонало подъ перемежающимися порывами вѣтра. При ясномъ іюньскомъ небѣ, усѣянномъ звѣздами, въ этихъ столахъ не слышалось ничего печальнаго. Марканъ спѣшилъ домой, четверть мили—не велико расстояние. Онъ отсчитывалъ пройденный путь виллами, гостиницами, выходящими на дорогу, знакомыми лодками, вытасченными на берегъ у калитокъ садовъ.

Вдругъ Марканъ остановился. Между двумя порывами вѣтра въ воздухѣ пронесся жалобный крикъ, настолько хватающій за душу, что завываніе вѣтра показалось злобѣющимъ бѣднѣгъ Маркану.

«Ужь не рѣжутъ ли здѣсь кого?» Онъ сталъ прислушиваться. Бригъ вновь послышался, печальный, безконечный и такой слабый, будто выходилъ изъ груди умирающаго, едва уловимый въ разыгравшемъ вѣтрѣ, быстро уносившимъ его къ морю.

Истомленный усталостью, тревогами дороги, собственнымъ волненіемъ, вызваннымъ его новыми планами, желаніями, мечтами, Марканъ почувствовалъ, что блѣднѣетъ. «Что если это слышится изъ моего дома!» Онъ пошелъ дальше, уже не такъ скоро, точно испугавшись того, что ждетъ его впереди. «Пустяки какіе! Почему, непременно, изъ моего дома? Этого же быть не можетъ!»

Подъ влияніемъ такихъ опасеній, онъ, тревожно, припомнилъ совѣтъ одного философа древности, классическое изреченіе: «Когда ты возвращаешься домой послѣ долгаго отсутствія, ожидай найти поле твое опустошеннымъ, домъ сгорѣвшимъ, дѣтей мертвыми. И если ничего этого не случилось, тебѣ большая радость будетъ. И если случилось это, ты будешь къ тому подготовленъ».

Марканъ былъ шаговъ въ двухстахъ отъ Террасы, скрытой отъ него изгибомъ дороги. Въ эту минуту еще разъ послышался тотъ же крикъ, болѣе продолжительный и отчаянный. Тоненькій голосокъ явственно звалъ: «Мама, мама!»

— Да, вѣдь, это Жоржъ! — воскрикнулъ Марканъ.

Онъ хотѣлъ бѣжать, но вдругъ почувствовалъ такую слабость, что вынужденъ былъ прислониться къ стѣнѣ.

— Нѣтъ, успокоиться надо, я, просто, сумасшествую! Съ какой стати Жоржу звать свою маму? Этого быть не можетъ! Онъ спитъ въ это время... А если она... если она умерла... такъ, вѣдь, долженъ же быть кто-нибудь при немъ, хотя бы его нянька, кто не далъ бы ему такъ кричать... Навѣрное, у меня лихорадка.

Ребенокъ продолжалъ кричать: «Мама!»...

Силы вернулись къ Маркану, онъ пустился бѣжать.

— Жоржъ!

— О, папочка!

Маленькая черная тѣнь выдѣлялась въ темнотѣ на верхней террасѣ дома надъ крышей.

— Папочка, возьми меня, я спрыгну къ тебѣ.

— Не смѣй этого дѣлать! Я запрещаю, слышишь?

Чувство отца подсказало этотъ повелительный, грубый тонъ, остановившій ребенка, уже готоваго со страха броситься внизъ. По привычкѣ повиноваться, Жоржъ остановился и смолкъ. Этотъ привычный тонъ въ такую минуту успокоилъ его скорѣе, чѣмъ какиа-либо ласки.

— Гдѣ твоя мать?

— Не знаю, папа. Мама уѣхала... на *Голубомъ Ибисъ*.

— На *Голубомъ Ибисъ*? Какъ уѣхала? Съ кѣмъ?

И Марканъ забылъ о присутствіи ребенка, въ этотъ мигъ онъ думалъ только о его матери, себѣ самому задавалъ вслухъ вопросы.

Отвѣчалъ Жоржъ:

— Уѣхала, папочка, съ мосье Пьеромъ.

— Съ мосье Пьеромъ?

Ужасная мысль мелькнула въ его головѣ: «Измѣнила!»

— Нѣтъ, нѣтъ! О, это невозможно!

— Правда, папа, съ мосье Пьеромъ Дофеномъ.

Марканъ раздумывалъ: «Съ Дофеномъ, одна, ночью, на его яхтѣ... Такъ, стало быть?...»

Тутъ его мысль вновь наталкивалась на невозможное предположеніе и обрывалась... онъ не понималъ и только... пойметъ

потомъ. Тѣмъ не менѣе, ему было страшно горько, до ужаса тяжело... «А, бѣдный мой мальчикъ!»—и его сердце опять рванулось къ сыну. Прежде всего, чтобъ успокоить ребенка, надо притвориться спокойнымъ, насколько это возможно. Настраться онъ успѣетъ потомъ.

— Ты что же, совсѣмъ одинъ?

— Да, да, совсѣмъ одинъ! Одинъ во всемъ домѣ, и темно вездѣ. Всѣ отъ меня ушли, папа, всѣ!

— Гдѣ же твоя нянька?

— Не знаю. Нѣтъ ея...

Жоржъ давно, быть можетъ, пересиливалъ желаніе заплакать, чтобы въ состояніи быть кричать. При вопросѣ, гдѣ нянька, онъ живо вспомнилъ ту минуту, когда сообразилъ, что его оставили одного... Нервы ребенка не выдержали, и онъ залился слезами, громко зарыдалъ.

— Ну, перестань, я же здѣсь теперь... Со мною ты не боишься, не правда ли? Успокойся, мой мальчикъ, здѣсь я...

— Но почему же... почему ты не идешь ко мнѣ? Возьми меня отсюда, папа!

Ключа у Маркана не было. Уже два раза онъ пытался вышибить дверь и снова кинулся на нее, налегая всею своею тяжестью. Дверь не подавалась. Онъ начиналъ терять голову.

— Слушай, Жоржъ, надо сойти внизъ и отпереть мнѣ.

— Понимаешь, папа, уходя, они взяли съ собою ключъ, а другая дверь заперта задвижкой, такую тяжелой, что я не могу ее отодвинуть... Я, вѣдь, уже пробовалъ!

«Да, вотъ что, а въ окнахъ желѣзные рѣшетки, которыя вставляются на ночь,—ребенокъ не осилитъ поднять ихъ».

— Сойди внизъ, попробуй еще разъ.

Ребенокъ не отвѣчалъ и не двигался съ мѣста.

— Что же ты?—сказалъ Марканъ.

— Я боюсь идти внизъ, темно. Здѣсь мнѣ хорошо, такъ какъ я слышу твой голосъ.

Марканъ осмотрѣлся кругомъ, нѣтъ ли лѣстницы. Лѣстницы не было. Мелькнуло было у него въ головѣ обратиться къ сосѣдямъ, но, въ такомъ случаѣ, пришлось бы самому звать свидѣтелей постигшей его бѣды.

— Послушай, Жоржъ, я пойду за ключомъ, за слесаремъ въ деревню. У меня нѣтъ ключа. Ты подождешь меня, я скоро вернусь.

— Нѣтъ, нѣтъ, не уходи, папочка, не уходи... я хочу слышать твой голосъ!

Марканъ безпомощно опустился на выступъ низенькой стѣнки.

— Хорошо, останусь, не бойся, останусь... Только, ради Бога, не плачь, мой Жоржъ... здѣсь я!

И, сдѣлавъ надъ собою усилие, отецъ добавилъ:

— Твоя мама скоро вернется.

— Стало быть, ты знаешь, гдѣ она? Ты видѣлъ ее?

— Она на *Голубомъ Ибисѣ*... онъ скоро придетъ, ты самъ сказалъ мнѣ. Развѣ ты не увѣренъ въ этомъ?

Ему вернулась надежда. Не могла Элиза быть въ такой часъ одна, на яхтѣ, съ этимъ господиномъ... Ребенокъ ошибся.

— О, да, папа, я увѣренъ! Я отсюда изъ окна видѣлъ, какъ они перешли съ маленькой лодочки на яхту. Но за маму бояться нечего, она, вѣдь, съ мосьё Пьеромъ, который такъ любитъ ее...

Марканъ, — сильный, неподатливый и ревнивый Марканъ, — чувствовалъ, что вотъ-вотъ съ нимъ дурно сдѣлается. Каждое слово ребенка усиливало его волненіе. Паровая яхта можетъ вернуться назадъ, когда угодно. Для нея не существуетъ противнаго вѣтра... Какая же сила заставила Элизу отправиться на этотъ корабль безъ Жоржа? Уже одно это было серьезнымъ проступкомъ... «Мосьё Пьеръ такъ любитъ ее!»... Бровь бросилась ему въ голову. Онъ готовъ былъ убить... или умереть!

— Часто онъ бываетъ, этотъ мосьё Пьеръ?

Марканъ выговорилъ это, вопреки своей волѣ, — хотѣлъ удержать слова... было уже поздно. Онъ точно не самъ сказалъ ихъ, а только слышалъ, какъ будто вопросъ заданъ кѣмъ-то другимъ... Допрашивать ребенка, дѣлать его обвинителемъ матери — это отвратительно, это ужасно!

— Мосьё Пьеръ? Еще бы не часто... онъ каждый день бываетъ!

«Каждый день!» — повторилъ Марканъ про себя.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ здѣсь, цѣлый ураганъ мрачныхъ мыслей пронесся въ его головѣ, страшный хаосъ смутныхъ ощущеній. Эти слова: «Онъ бываетъ каждый день», — освѣтили весь этотъ мракъ рѣзкимъ лучомъ: «Онъ обмануть, сомнѣнія быть не можетъ!» Онъ бываетъ каждый день, и она не сказала ему ни слова объ этомъ. Слѣдовательно, она обманывала... Онъ уже не спрашивалъ, не сомнѣвался, — все было ясно... Точно озаренный молніей, онъ видѣлъ весь путь, пройденный Элизой со времени первой ея встрѣчи съ Дофеномъ. Послѣднія слова сына подняли всю его зоркую ревность, готовую карать мнимое преступленіе, представлявшееся въ данномъ случаѣ несомнѣннымъ. И,

безъ дальнихъ разсужденій, безъ иныхъ доказательствъ, подобно людямъ, убивающимъ за одинъ невинный взглядъ, ошибочно истолкованный, Марканъ принялъ свое убѣжденіе за доказанное. «Она виновна, противъ нея всё улики... Что дѣлать теперь? Что дѣлать? Ничего, ждать! И, прежде всего, успокоить сына, — ребенка, котораго она будто бы любила и которому измѣнила, бросила его и измѣнила... А, негодная!... Она знала, что онъ ревнивъ, знала, въ продолженіе сколькихъ лѣтъ онъ лишалъ ее, чисто изъ ревности, баловъ, увеселеній, потому что въ обществѣ мужчины смотрѣли на нее. Несчастливая! И ее-то ребенокъ предпочиталъ отцу!... «Бѣдный мой Жоржъ!» — Марканъ метался въ безсиліи. Онъ ничего не могъ предпринять и лишень былъ возможности взять на руки сына, убаюкать его, утѣшить, приласкать.

— Знаешь что, Жоржъ, если ты не очень усталъ, расскажи мнѣ, какъ это случилось?... Хочешь рассказать?

Онъ сдерживалъ свой голосъ, старался придать ему ласковый тонъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, едва превозмогалъ желаніе застонать, завывать, какъ волкъ въ лѣсу, какъ собака воетъ о потерянномъ хозяинѣ.

— Изволь, папа. Вотъ: мама хотѣла взять меня на яхту съ мосьѣ Дофеномъ. Мы съ нимъ друзья. Я не хотѣлъ ѣхать, потому что въ прошедшій разъ мнѣ было немного нехорошо отъ морской болѣзни. Тогда и мама не захотѣла ѣхать, а мнѣ жаль было, что изъ-за меня она лишитъ себя хорошенькой прогулки. Я такъ и сказалъ ей. Она, все-таки, хотѣла остаться, а я хотѣлъ, чтобъ она уѣхала. Наконецъ, она уѣхала. Я былъ очень доволенъ и учился хорошо. Потомъ моя няня ходила со мною гулять, — не Маріона, а другая, которая приходитъ только на день. Потомъ мы вернулись домой, потомъ мнѣ дали обѣдать и уложили спать... Мнѣ очень грустно было, что нѣтъ мамы, и я не могу поцѣловать ее, какъ всегда, но я не плакалъ и заснулъ... А потомъ... потомъ...

Онъ не договорилъ и снова зарыдалъ неутѣшно, и горе ребенка охватывало отца, сжимало его сердце.

— Ну, и что же потомъ? — сказалъ Марканъ, но тотчасъ же спохватился. — Ну, не надо объ этомъ... не станемъ вспоминать, такъ какъ я теперь съ тобою. Хочешь, я дамъ апельсинъ?

Разыскивая платокъ, чтобъ отереть слезы, Марканъ нашелъ въ карманѣ апельсинъ, только что взятый въ буфетѣ для Жоржа.

— О, папа, мнѣ не хочется...

И самъ уже, довольный возможностью подѣлиться горемъ, мальчикъ продолжалъ:

— Потому я уже не знаю, сколько времени спалъ. Только, когда проснулся оттого, что все о мамѣ думалъ и видѣлъ страшный сонъ про нее, я увидалъ, что вездѣ темно. Я сталъ звать маму, она не отвѣчала. Я началъ искать спички на каминѣ. Мнѣ, правда, всегда говорили не трогать спичекъ, но когда онѣ нужны... Вѣдь, можно, папа? Мнѣ такъ страшно было въ потемкахъ! Я кричалъ, а мнѣ казалось, что это другіе кричатъ на меня. Спичекъ я не нашелъ и сталъ плакать. Потому я пошелъ къ маминой постели. Въ ея комнатѣ было чуть-чуть свѣтлѣе отъ луны. Тогда я кое-какъ надѣлъ панталоны и куртку и по лѣстницѣ взобрался сюда, наверхъ. Здѣсь не такъ страшно, какъ въ дождь, не такъ темно. И я знаю, что сюда нельзя залѣзть съ дороги и сдѣлать мнѣ что-нибудь дурное... И я принялся кричать... кричалъ до того, что уже не могу больше... Сильный вѣтеръ и море шумитъ. Понимаешь, я хотѣлъ кричать громче, чѣмъ они... и все думалъ: о, еслибъ услышалъ папа! И вотъ ты и пришелъ. Я хотѣлъ къ тебѣ прыгнуть. О, ты бы подхватилъ меня, — ты, вѣдь, сильный... Мнѣ такъ хотѣлось поцѣловать тебя тотчасъ же.

Марканъ беззвучно рыдалъ, зажавши лицо платкомъ, уже намочившимъ отъ его слезъ.

Сдѣлавши надъ собою новое усиліе, Марканъ проговорилъ:

— Слушай, Жоржъ.

— Что, папа?

Вѣтеръ и море затихли. До Маркана доносилось тяжелое дыханіе мальчика, запыхавшагося отъ слезъ и еще не совсѣмъ успокоившагося.

— Наверху есть гамакъ, ляжь въ гамакъ, мой Жоржъ.

Ребенокъ не отвѣтилъ.

— Что же?

— Нѣтъ, нѣтъ! — заговорилъ Жоржъ. — Тогда мнѣ тебя не будетъ видно. Я хочу видѣть тебя.

У Маркана надрывалось сердце.

— Ляжь въ гамакъ, прошу тебя. Я буду разговаривать съ тобой, вѣтеръ стихъ, ты будешь слышать меня...

Ребенокъ повиновался.

— Я лежу, папа.

— Усни.

— Не могу.

Голоса ихъ ясно раздавались въ ночной тишинѣ, нарушаемой только мѣрными всплесками успокоивающагося моря.

— Было разъ... — началъ Марканъ, — было разъ...

Въ голову ничего не шло, голосъ обрывался, мысль была далеко, уносила въ погону за яхтой, отнимавшей у него жизнь. Марканъ умолялъ.

Жоржъ опять появился у перилъ террасы. Онъ понималъ, что и у отца на душѣ есть тяжелое горе, и шелъ его утѣшить.

— Мнѣ хорошо здѣсь, папа, я вижу тебя. Вотъ, я легъ на землю и вижу тебя сквозь рѣшетку... Она скоро вернется, повѣрь мнѣ. Бораблекрушенія не могло случиться... Я тебя вижу... Что же ты молчишь, папочка? Ахъ, какъ мнѣ страшно было! А теперь нѣтъ, совсѣмъ не страшно... ни капельки, увѣряю тебя...

Ребенокъ заснулъ, наконецъ.

Отецъ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ. Онъ видѣлъ передъ собой Элизу, какъ будто она была тутъ, на самомъ дѣлѣ. Онъ смотрѣлъ ей въ лицо и не узнавалъ ее... Тамъ, гдѣ онъ искалъ обычнаго надежнаго пути, онъ натыкался на пустоту, на обрывъ, въ который падалъ... И у пропасти не было дна. Въ головѣ Маркана мучительно чередовались двѣ мысли: «Она мнѣ измѣнила!» и потомъ: «Они теперь вмѣстѣ!»

XXIII.

Жоржъ спалъ утомленный. Отецъ сидѣлъ, погруженный въ свои думы. Вдругъ онъ принимался тѣшить себя надеждой, что это не болѣе, какъ невинная прогулка на яктѣ, которую могла задержать какая-нибудь случайность. Потомъ все, — какъ это часто бываетъ, — разъяснится совершенно просто. Истомленный мученіями, онъ отдыхалъ душой на иллюзіи надежды, которую самъ же считалъ ни съ чѣмъ несообразною. «Начать съ того, что она поѣхала одна... и это уже слишкомъ!» Затѣмъ онъ спохватывался: «Нѣтъ, нѣтъ! Ея вина несомнѣнна... Ребенка бросила, забыла! Какая дурная погода могла бы помѣшать ей вернуться къ сыну? Никакой дурной погоды, въ сущности, не было. Буря только могла бы задержать такую яхту!...» И снова, отдаваясь отчаянію, онъ доходилъ до настоящаго бѣшенства, котораго не могъ ничѣмъ выразить, и вынужденъ былъ оставаться на одномъ мѣстѣ. Въ головѣ его слагались планы мщенія, потомъ онъ проникался жалостью къ себѣ: «Такъ - то, господинъ префектъ! — слабо иронизировалъ онъ надъ собой. — Хорошъ префектъ, нечего сказать, одинъ, ночью, на улицѣ, у двери своего дома, осмѣянный, обманутый, выгнанный вонъ женщиной!»

Скрипъ шаговъ по песку заставилъ его насторожиться. При-

ближалась служанка... Уже не въ первый разъ она такъ уходила ночью, тайкомъ, къ Ковену въ его хижинку на берегу моря.

— Вы это откуда же, Маріона?

— Мосьё!...

— Впрочемъ, откуда бы вы ни шли, мнѣ дѣла нѣтъ! Отсюда-то убирайтесь... туда, гдѣ побывали!

Въ рукѣ у нея былъ на-готовѣ ключъ отъ двери. Марканъ его вырвалъ.

— Но позвольте...

— Разберемся послѣ. Уходите!...

Онъ хотѣлъ всего болѣе быть одинъ къ тому времени, когда вернется Элиза. Какъ ни тихо онъ говорилъ, Маріона поняла, что онъ уже себя не помнитъ, и струсила.

— Какъ могли вы повинуть ребенка одного, вы — сами мать?

— Я понадѣялась, что онъ не проснется. Мадамъ часто говорила, что онъ никогда не просыпается, что во все время, что они здѣсь, это случилось всего одинъ разъ, когда онъ ждалъ маленькій корабликъ, который вы ему прислали.

Она старалась придать своему голосу мягкое, вкрадчивое выраженіе, вдавалась въ подробности, чтобы на нихъ остановить вниманіе Маркана, отвлечь его отъ причины его гнѣва.

— Какъ бы ни было, вы оставили его одного, такъ и убирайтесь вонъ... да живо!

Она собралась было уходить, но осторожность и жадность удержали ее.

— А мои вещи, а жалованье? — проговорила она уже рѣзкимъ и сухимъ тономъ.

— Завтра вамъ все доставятъ, или вы пришлете кого-нибудь за вещами. Уходите, я не желаю васъ видѣть болѣе!

Она ушла къ Ковену выжидать болѣе пристойнаго времени для того, чтобы явиться въ Сольнье.

Марканъ вошелъ въ домъ, быстро поднялся наверхъ, зажегъ лампы, чтобы ребенокъ, проснувшись, совершенно успокоился, потомъ прошелъ на террасу по лѣстницѣ, гдѣ зажегъ всѣ газовые рожки.

Выбившійся изъ силъ Жоржъ спалъ на полу, прильнувши щекой къ сложеннымъ вмѣстѣ рученкамъ. Марканъ осторожно поднялъ его. Ребенокъ не проснулся. Отецъ раздѣлъ его, уложилъ въ постельку, заботливо укрылъ одѣяломъ, вынесъ лампу въ комнату его матери и, вернувшись, сѣлъ въ потембахъ около сына, прислушиваясь къ его дыханію, ожидая *ихъ* возвращенія.

XXIV.

Разсвѣтъ показался въ щеляхъ ставни, который мало-по-малу превратился въ полосы огня на черномъ фонѣ. Марканъ поднялся съ кресла, потушилъ лампу, удостовѣрился въ томъ, что Жоржъ спитъ покойно, положилъ около его кровати свою трость и шляпу на виду, чтобы ребенокъ, проснувшись на минуту, убѣдился тотчасъ же въ присутствіи отца, оставилъ отворенною дверь на лѣстницѣ и поднялся наверхъ съ биноклемъ въ рукѣ.

Съ открытою головой Марканъ стоялъ на террасѣ, настораживая ухо въ сторону лѣстницы, откуда могъ донестись крикъ ребенка, зорко всматриваясь въ горизонтъ, гдѣ каждую минуту могла показаться проклятая яхта. Онъ оглядывался во всѣ стороны. Откуда придетъ эта яхта? Отъ Сенъ - Тропеца или отъ Аге, или отъ Банна? Постоянное напряженіе утомляло его глаза. Ежеминутно всякая едва замѣтная точка на морѣ, пѣнистый гребень волны, парусъ рыбацкѣй лодки, заставляли его вздрагивать. Великолѣпія неба и моря уже не существовало для Маркана. Онъ не видалъ ихъ или, вѣрнѣе, находилъ все отвратительнымъ. Внутренній свѣтъ угасъ въ немъ, и блескъ утра казался ему унылымъ, тоскливымъ. Двадцать разъ онъ осторожно спускался внизъ посмотреть, спитъ ли Жоржъ, и двадцать разъ спѣшилъ наверхъ, въ увѣренности, что за время его короткаго отсутствія появилась столь мучительно ожидаемая яхта.

Иногда онъ шепталъ:

— О, подлые! О, негодяи! Бездѣльники этотъ Дофенъ, одинъ изъ паразитовъ общества, которые пользуются своимъ богатствомъ для того, чтобы подрывать, подтачивать всѣ существеннѣйшія основы этого общества, чтобы осквернить, уничтожить все святое ожесточеннѣе, чѣмъ бунтующіе пролетаріи, чѣмъ голодные босяки. Къ чему пригодны эти богатые, праздные люди, шалопаи, воображающіе о себѣ такъ много? Ихъ учать, и ни къ какому дѣлу они не способны. Нѣтъ, впрочемъ, они занимаются музыкой, рисованіемъ, стишки пишутъ... вспомнить мерзко! И все это дѣлаютъ какъ разъ настолько, чтобы соблазнять слабонервныхъ, больныхъ женщинъ, пользуясь отлучкою мужа! Ну, да онъ заплатится, заплатится за это! Виноватъ онъ одинъ... и я убью его!...

— Или онъ меня убьетъ! — продолжалъ Марканъ. — Отличная штука выйдетъ! Они же вмѣстѣ и насмѣются! Плевать мнѣ на всѣ ихъ предрасудки, на всѣ ихъ дуэли, на эти подлости, прикрывающіяся храбростью! Нѣтъ, драться я не стану. Я, вѣдь, не изъ свѣт-

свихъ людей, я даже еще не господинъ префектъ... чиновникъ я канцелярскій, сынъ разнощика, Денисъ Марканъ, честный человекъ и труженикъ, котораго праздный человекъ обманулъ, обокралъ, опозорилъ! О, негодяй! Какъ раздѣлаться съ нимъ, въ особенности съ нимъ, съ канальей? Бѣда въ томъ, что не могу я захватить ихъ на мѣстѣ преступленія. Слѣдовательно, не могу ихъ убить такъ, просто: судить будутъ, обвинять! А, между тѣмъ, я въ такомъ же точно бѣшенствѣ, какъ если бы засталъ ихъ... въ большемъ даже, мнѣ кажется. Я страдаю сильнѣе... я страдаю дольше!

Онъ, врадучись, сошелъ внизъ, прислушался къ дыханію ребенка и вернулся на террасу. На этотъ разъ изъ его груди вырвался дивный, глухой крикъ. На востокѣ у самаго берега выдвигался иза-за холма весь залитый розово-золотистымъ свѣтомъ, точно въ апопеезѣ радости и любви, *Голубой Ибисъ*, тотчасъ же узанный Марканомъ по его формѣ, размѣрамъ, по наклону его мачтъ и по его флагу. На этотъ разъ Марканъ видѣлъ, какъ нельзя лучше, что небо и море, сообща, говорятъ о ликующемъ наслажденіи, о торжествѣ любви, о восторгахъ любовниковъ. И окончательно сломленный, безъ словъ, безъ мыслей, забывая даже о сынѣ, Марканъ почувствовалъ, какъ подкашиваются его ноги, и немощно присѣлъ на балюстраду террасы, не отрывая глазъ отъ бинокля.

XXV.

А такъ какъ Пьеръ уже не могъ рѣшиться покинуть Элизу, то яхта, на глазахъ Маркана, сдѣлала нѣсколько поворотовъ туда и сюда, точно капризная чайка.

Элиза вся отдалась думамъ. Она увлеклась, забылась, сама не узнавала себя, опьяненная чарами моря, неба, дивныхъ ароматовъ, волшебнаго сна на-яву...

Теперь, съ приближеніемъ къ берегу, освѣщенному солнцемъ, къ бѣлой виллѣ, гдѣ спалъ ея сынъ, къ ней возвращалось полное сознание дѣйствительности.

Вчера вечеромъ она увѣрила себя въ томъ, что ребенокъ, по обыкновенію, уляжется рано, уснетъ подъ надзоромъ вѣрной женщины, которой она потомъ объяснить какъ-нибудь причину своего страннаго отсутствія... Теперь Элиза сообразила, насколько затруднительными окажутся всякія объясненія.

«Сохранить ли эта женщина ея тайну? Чѣмъ принудить ее къ этому? Что отвѣчать на вопросы ребенка? И что онъ будетъ говорить отцу?...» Главнымъ образомъ, она рассчитывала на то, что

успѣть возвратиться домой, ниѣмъ не замѣченная, пока будутъ еще спать служанка и ребенокъ. Ключъ отъ двери былъ съ нею... Но внутреннія задвижки?... О, какое ужасное мученье, когда ничтожнѣйшія мелочи, даже самыя заурядныя, становятся все угрожающими! Въ концѣ-концовъ, тамъ видно будетъ, что дѣлать!...

И, очень серьезно, она говорила:

— Слушайте, другъ мой... Истинное положеніе вещей представляется мнѣ вполнѣ ясно. То, что я сдѣлала, ужасно, непростительно. Я страшно виновата, и нѣтъ мнѣ оправданія... Лишь бы не постигла меня кара, которую я заслужила. Слушайте же: что бы ни случилось, необходимо и я хочу, чтобы этотъ часъ никогда не повторился... Все препятствуетъ этому. Придется лгать, и, дѣлать нечего, я сойду разъ въ жизни. Измѣна сознательная и продолжающаяся ужасаетъ меня, — я умру отъ этого. Вы не увидите меня больше.

— Элиза!

Она не сдавалась. Элиза прямо и смѣло смотрѣла на свой проступокъ. Она плакала. Ея рѣшеніе было неизмѣнно.

— Элиза! — повторилъ Пьеръ.

Она продолжала:

— Этотъ день есть день позора! Я не сдѣлаю мою жизнь такою же! Увлеченіе я понимаю, сдѣлки не допущу, — умереть легче!

Она говорила вдумчиво, совершенно искренно, съ необыкновенною силой. Пьеръ вѣрилъ ей и любилъ ее еще больше.

XXVI.

— Они хотятъ высадиться въ портъ! Какова дерзость!... Нѣтъ, передъ виллой. Это еще хуже! Нѣтъ, отходятъ... О, негодяи!

Это слово повторялось, точно припѣвъ.

Марканъ взглянулъ на часы: было пять часовъ утра.

Яликъ отвалилъ отъ яхты; на немъ Элиза съѣзжала на берегъ въ сопровожденіи Дофена.

Чтобы они не могли сговориться, Марканъ скрылся на лѣстницѣ, сошелъ три ступени и смотрѣлъ сквозь балюстраду.

Лодка свернула къ маленькой пристани. Марканъ потерялъ ее изъ вида и сталъ смотрѣть на дорогу, на которой вскорѣ показались Элиза и Пьеръ. Они не имѣли повода опасаться, что ихъ кто-нибудь увидитъ такимъ раннимъ утромъ, тѣмъ не менѣе, они шли врознь. Элиза была задумчива. Она твердо порѣшила не оставаться

любовницей Пьера. Это казалось ей, на самомъ дѣлѣ, невозможнымъ, противнымъ всему ея нравственному свладу.

Марканъ былъ точно въ туманѣ, не разбиралъ уже, какъ они себя держатъ. Онъ видѣлъ только, что они вмѣстѣ, что они приближаются. Когда они были шагахъ въ пятьдесятъ, онъ сталъ сходить съ лѣстницы. Его голова всецѣло была занята одною мыслью: «Я убью ихъ!... Но какъ?»—и ему представлялось, что вотъ сейчасъ онъ схватитъ каждаго изъ нихъ рукой за шею и изо всей своей крестьянской силы станетъ бить голову объ голову, пока не вылетитъ мозгъ... «Это безуміе, какой-то бредъ! Нельзя этого сдѣлать. Очень жаль, что нельзя!»—въ такихъ именно выраженіяхъ формулировалась его мысль.

Затѣмъ въ головѣ его мелькало иное видѣніе: Элиза отворяетъ массивную дверь. Онъ, Денисъ, подгарауливаетъ жену и въ ту минуту, когда она входитъ, всею тяжестью своей бидается на дверь, раздавливаетъ Элизу между притолокой и тяжелою дверью. Потомъ заколачиваетъ на смерть любовника, прибѣжавшаго къ ней на помощь. «Нѣтъ, и это все пустое! Въ надлежащую минуту видѣе будетъ, что сдѣлать, смотря по тому, близко они будутъ другъ отъ другъ, или далеко».

Непреодолимое безуміе навѣвало все это. Онъ обдумывалъ злое дѣло, но отнюдь не былъ властенъ управлять своими думами.

Марканъ спустился внизъ, въ корридоръ, сталъ ждать. Снаружи отпирали дверь. Онъ видѣлъ, какъ отходитъ задвижка, слышалъ ея скрипъ. И онъ показался Маркану невообразимо громкимъ. Дверь отворилась, вошла Элиза... Пьера не было; по требованію Элизы, онъ покинулъ ее, не доходя до дому, и направлялся къ лодкѣ.

Элиза вошла съ опущенными глазами, и первое, что увидала, — точно въ бессмысленномъ тяжеломъ сновидѣніи, когда самыя обыкновенныя вещи наводятъ ужасъ, — были широкія ноги Маркана, видѣвшіяся двумя черными, страшными пятнами на бѣлыхъ плитахъ. Такъ внезапно обнаружившееся присутствіе судьи, котораго Элиза считала находящимся очень далеко, поразило ее до безумія. Она подняла глаза на нежданнаго мужа, и онъ показался ей такимъ свирѣлымъ, настолько готовымъ къ убійству, что она отшатнулась назадъ съ искаженнымъ лицомъ, съ открытымъ ртомъ, готовая отчаянно закричать.

Тогда само собою рушилось все, что задумывалъ Марканъ, и, помимо его воли, уже не умъ, а сердце подсказало ему эти четыре слова, настолько же грозныя, какъ сама смерть:

— Молчите! вашъ ребенокъ спитъ!

То же изумленіе, тотъ же ужасъ, которые едва не вырвали у Элизы громкаго крика, подавили его въ груди матери.

Марканъ продолжалъ холодно, точно окаменѣвшій:

— Его нянька, по вашему примѣру, покинула его. Но она, по крайней мѣрѣ, наемная, я извиняю ей. Ребенокъ проснулся, провезъ ночь на террасѣ, едва одѣтый, на вѣтру, въ сырости... Онъ звалъ васъ. Тамъ я и засталъ его... Понимаете вы это?

Она смотрѣла на мужа потеряннымъ взглядомъ.

— Чего же вы ждете?—заговорилъ онъ опять.—Должны же вы понять, что больше намъ не о чемъ говорить. Я знаю, гдѣ вы были, своими глазами видѣлъ, такъ и отправляйтесь туда обратно и какъ можно скорѣе.

Она не спускала глазъ съ Маркана; ей казалось, что она оходитъ съ ума.

Онъ чувствовалъ, что не пощадитъ жену въ приливѣ любви, схватившей его съ нѣкоторыхъ поръ.

Огнемъ вспыхнули глаза несчастной женщины. Она поняла, что уже никогда не войдетъ въ домъ, гдѣ ея ребенокъ, и, себя не помня, закричала протяжно, что было въ ней силы:

— Жоржъ! Жоржъ!

Она хотѣла, чтобы сынъ услышалъ ея зовъ, хотѣла увидеть своего мальчика.

— Молчи! Молчите вы! — прохрюпѣлъ Марканъ.— Вы недостойны вашего ребенка. Не меня, а его вы позорно обманули. Я перестать имъ ничего не значу. Жены иногда измѣняютъ мужьямъ... Такъ говорятъ, по крайней мѣрѣ. Но говорятъ, что матери не измѣняютъ. Вы... вы—невѣрная мать,—слышите?—негодная мать, распутная, лживая! И этого ребенка у васъ никогда не будетъ... Вы любите его? Такъ нѣтъ же его для васъ! Единственное наказаніе, которое я вамъ готовлю, это—разводъ, которымъ вашъ ребенокъ будетъ у васъ отнятъ. Онъ мой, и только мой!... Поняли?

Онъ говорилъ глухимъ, тяжелымъ шепотомъ, чтобы не разбудить сына, и задыхался отъ бѣшенства. Не имѣя возможности ни кричать, ни что-либо сдѣлать, онъ вознаграждалъ себя за то рѣзкостью выраженій, подчеркивая ихъ всею силой сдавленнаго голоса. Марканъ наслаждался ругательствами, захлебывался своимъ мщеніемъ.

— Ну, и прощайте!... Уходите! Убирайся вонъ!

Она начала понимать всю грозившую ей опасность и неизбежную необходимость лжи. Что зналъ, въ сущности, Марканъ? Какое право имѣлъ онъ утверждать, что она измѣнила ему? Этого онъ не

знала и, въ особенности, не могъ доказать. Она могла провести ночь на яхтѣ вопреки своей волѣ, оставаясь ни въ чемъ не виновною. Но отчего же пропала изъ памяти приготовленная Элизой ложь? Солгать было, однако, необходимо. Въ этомъ единственное спасеніе для нея, для ребенка, который погибнетъ безъ нея... Но придуманная ею ложь не шла съ языка. Страхъ парализовалъ ее. Элиза чувствовала, что дрожить вся. Голосъ отказался служить... Она никогда не лгала.

Тогда она рѣшила пуститься на хитрость своимъ внѣшнимъ видомъ, по крайней мѣрѣ, подняла голову и вся выпрямилась. Въ ней проснулся инстинктъ преслѣдуемаго животнаго. Нѣтъ ли средства молча избавиться отъ бѣды? Можно лгать и взглядомъ. Ея прекрасные глаза, — она знала это, — отражаютъ ясность ея души. Если бы дать увидать мужу хоть *это*?... Подходящія объясненія найдутся потомъ. Но, прежде всего, надо было заставить его думать, что объясненія существуютъ и что они просты. Чѣмъ рисковала она въ такой игрѣ?

Она подняла на мужа взглядъ хитраго животнаго, котораго готовъ схватить болѣе сильный звѣрь. Марканъ тоже смотрѣлъ ей прямо въ глаза своимъ лихорадочнымъ взоромъ, видящимъ насквозь, все угадывающимъ. И то, что онъ увидалъ въ глазахъ Элизы, причинило ему большее страданіе, чѣмъ все остальное. Она широко открывала вѣки, чтобы показать, будто открываетъ всю свою душу. А въ глубинѣ ея глазъ свѣтилось сознательное желаніе обмануть, борящееся съ непреодолимою искренностью. Въ этомъ взглядѣ слабый зародышъ лжи, кое-какъ призванный на помощь Элизой, не находилъ ни опоры, ни достаточнаго выраженія. Это былъ лишь туманъ, рѣдкій и прозрачный, а за нимъ пряталась, но не могла укрыться несомнѣнная виновность... И эта сквозящая завѣса, опущенная между мужемъ и женой, еще болѣе отдаляла ихъ другъ отъ друга, дѣлала ихъ злѣйшими врагами. Просвѣчивающая сквозь нее правда, раскрываемая хуже, чѣмъ признаніемъ, представлялась еще болѣе позорною.

Болѣзненная радость охватила Маркана отъ того, что видитъ онъ такъ ясно, что одолѣлъ женщину, лишивши ее возможности лгать, увертываться, укрываться отъ его пронизательности, и онъ не проговорилъ болѣе ни слова, а только еще пристальнѣе всматривался въ ея глаза. Она чувствовала, что взглядъ мужа пронизываетъ ее насквозь, видитъ все, наиболѣе сокровенное, и она, невольно, отвела глаза въ сторону, словами отвѣтила на обвиненіе, выражен-

ное взоромъ. Элиза закричала нѣсколько разъ подрядъ, сама себя выдавая энергичностью и настойчивостью отрицанія:

— Неправда, неправда, неправда!

— Если бы вы признались, — сказалъ Марганъ съ жестокою усмѣшкой, — я, быть можетъ, простилъ бы... Бто знаетъ? А теперь — прощайте!

При этихъ словахъ она совсѣмъ потеряла голову и, ставя уже все на послѣднюю карту, бросилась къ ногамъ мужа, ползая на колѣняхъ, стонала:

— Простите! Правда, все правда! Сжальтесь, простите! Если бы вы знали... Я не такъ виновата!... Сжальтесь, простите! Простите ради нашего сына!...

Страшное равнодушіе овладѣло Марганомъ, смертельный холодъ сжалъ его сердце. Что-то вдругъ оборвалось въ немъ, измѣнило его. И онъ сказалъ только:

— Поздно!

Затѣмъ тихо, осторожно, чтобы не разбудить сына, затворилъ и заперъ дверь.

XXVІІ.

Слово «поздно», точно обухъ, ударило ее по головѣ. Элиза съ трудомъ поднялась на ноги. Все въ ней было разбито. Она пошла прочь, какъ потерянная, какъ во снѣ, съ видомъ лунатика; въ головѣ безъ перерыва повторялась одна мысль: «Утопиться». Потому Элиза проговорила это слово вслухъ и шла, твердя, какъ безумная:

— Утопиться... утопиться...

Пьеръ издали увидалъ, что она идетъ, шатаясь, чуть не падая, опьяненная отчаяніемъ. Онъ вернулся испуганный.

— Что съ вами?

Она отвѣтила, какъ въ бреду:

— Утопиться... утопиться...

Элиза ничего не сознавала.

— Объясните, въ чемъ дѣло?... Умоляю!

Она упорно повторяла: «Утопиться!»

Пьеръ догадался и спросилъ однимъ словомъ:

— Вернулся?

Элиза утвердительно кивнула. Она превратилась въ автомата. Пьеръ взявъ ее подъ руку, почти понесъ ее, довелъ до лодки, усадилъ.

Элиза не шевелилась, неподвижный взгляд был устремлен куда-то вдаль, на одно видѣніе... Въ головѣ была одна мысль: «Жоржъ! О, мой Жоржъ!... Утопиться!» Для нея уже ничто не существовало. И, все-таки, она продолжала думать и разсуждать съ инстинктивною хитростью сумасшедшихъ: «Здѣсь, у берега, море не достаточно глубоко... Лодка везетъ меня туда, куда надо...»

И когда лодка пристала къ яхтѣ, когда пришлось переходить на трапъ, Элиза вдругъ поднялась во весь ростъ, проскользнула мимо рукъ, протягивавшихся удержать ее, кинулась въ воду и погрузилась въ нее, уже какъ мертвая...

Пьеръ и одинъ изъ матросовъ бросились за нею, схватили за волосы, подняли на бортъ.

Марканъ ничего не видалъ. Онъ вернулся къ Жоржу, который все еще спалъ... и котораго отецъ не рѣшался поцѣловать изъ боязни потревожить ребенка.

М.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Поэзія и ея враги.

(Л е н а у).

Поэзія брела пустыннымъ боромъ,
Задумчиво тая свои мечты...
И вотъ толпа къ ней ворвалась съ укоромъ
И говорить: «Чего здѣсь ищешь ты?
Пусть деревья растутъ здѣсь и цвѣтами
Земля красуется... Нашъ вѣкъ глядитъ впередъ;
Своимъ путемъ могучими шагами
Бѣ дѣламъ благимъ и громкимъ онъ идетъ.
Намъ поднята грядущаго завѣса...
Послушай насъ—пойдемъ! Какая стать
Здѣсь пѣснь тебѣ подслушивать у лѣса
И виѣстѣ съ нимъ скорбѣть и ликовать?
Оставь скорѣй цвѣты и лѣсъ печальный,
Для службы намъ наполни силой грудь!
Ты намъ нужна—и похвалой журнальной
Мы озаримъ твой новый, славный путь.
Бѣ чему бродить и пѣть въ уединеньи?
Проснись отъ грѣзъ! Иди на бодрый трудъ!
Въ живой борьбѣ, въ практическомъ стремленьи
Найди себѣ задачи и пріютъ!
Или вдали отъ милостей и гнѣва
Засохнешь ты—чахоточная дѣва!»

И говорить поэзія врагамъ:
«Бѣ чему вашъ крикъ? Оставьте мнѣ природу!
Стремясь создать свободы гордый храмъ,
Бойтесь вы искусству дать свободу.
Доступны вамъ лишь рынокъ да базаръ,

Да улицы съ житейской суетою,
 Но для всего, въ чемъ сердца свѣтитъ жарь,
 Страдаете вы вѣчной слѣпотою.
 Вы пѣснь мою хотите заковать
 И какъ рабу влачить за колесницей,
 Когда ее сама природа-мать
 Всегда считала вольною орлицей.
 Не могутъ лгать и льстить уста цвѣтовъ;
 Они твердятъ мнѣ громко сквозь туманы,
 Яснѣй крикливыхъ вашихъ голосовъ,
 Что человѣчество свои замечить раны...
 И лѣсъ шумить: «Свободенъ будетъ мѣръ!»
 Шумить листьями громче, чѣмъ газеты,
 Чѣмъ струны всѣхъ покорныхъ міру лиръ,—
 Сильнѣй, чѣмъ всѣ наемные поэты.
 Когда хочу, я буду рвать цвѣты,
 Когда хочу, я буду пѣть свободу,
 Но не наймусь для вашей суеты,
 Не запою слѣпымъ страстямъ въ угоду!»
 И на толпу крикливую враговъ
 Сверкнула вдругъ она свободнымъ взоромъ
 И вновь, подъ шумъ задумчивыхъ деревъ,
 Среди цвѣтовъ пошла пустыннымъ боромъ.

Н. Аксаковъ.

Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарьина *).

(Ихъ переписка).

Ноября 14 ¹⁾, среда.

Вчера вечеромъ получила твое письмо отъ 28 октября. Все та же безграничная душа, та же любовь, то же небо и рай. Но, Александръ, я скажу тебѣ серьезно, скажу рѣшительно, ты огорчаешь меня. Что за мысль, будто ты не *стоишь* меня, будто ты хуже меня? ²⁾). Будто я не должна была довольствоваться тѣмъ, что ты есть, что ты великъ, славенъ, свѣтель; будто для меня было бы мало *издали* боготворить тебя, возсылать къ тебѣ пламенные обѣты мои, возноситься къ тебѣ душою, всѣмъ существомъ поклоняться тебѣ, но все это такъ, чтобы ты не замѣчалъ этого, чтобы не оскорбить тебя тѣмъ. Нѣтъ! Я возвысила слишкомъ мой голосъ, я дерзнула слишкомъ близко вознестись къ тебѣ, но это вина не моя, Александръ, то допустило Провидѣніе. И теперь, когда ты исторгъ меня изъ тьмы и мрака, далъ душу, далъ крылья, направилъ полетъ мой, далъ мѣсто въ своей душѣ, теперь ты уже говоришь, что не стоишь меня! Да ты вообрази только то, что была бы я безъ тебя, что была бы я, если бы ты не внялъ моему голосу, если бы не опустилъ взоръ свой такъ низко, что могъ увидѣть меня, что?...

Не глядя ли на тебя карабкалась я изъ ничтожества, въ которомъ гибнетъ неисчисленное множество людей, одаренныхъ прекрасною душой; не слыша ли твоей голосъ я поняла, что и изъ моей души можетъ литься пѣснь стройная; наконецъ, не мысль ли одна,

*.) *Русская Мысль*, кн. IV.

¹⁾ По всему вѣроятію, не 14, а 11, такъ какъ 15 приходилось въ воскресенье.

²⁾ Пропущено повтореніе на тему, что она выше, а не она.

чтобы быть сколько-нибудь тебя достойной, сбросила съ меня все, чѣмъ обернули меня люди? Остальное сдѣлала любовь. Вѣдь, ты видишь, ты знаешь, что сдѣлалъ ты, и отпираешься отъ своего созданія, и говоришь, что творецъ ему иной. Ну, клянусь тебѣ, Александръ, вѣрь моимъ словамъ, какъ любви моей, я не могу вообразить, не могу представить себѣ, что бы такое могло быть въ тебѣ порочнаго и чернаго, какъ говоришь ты. Это для меня непостижимо! Въ чемъ, какъ можешь ты быть низкимъ? Тутъ я теряюсь, тутъ вовсе, наконецъ, ничего не понимаю и, пришедши въ себя, вижу: я на колѣнахъ, руки, взоръ устремлены къ тебѣ, ты протягиваешь мнѣ обѣ руки, я лечу, лечу... и все еще далеко, далеко такъ отъ тебя!

Можетъ, всю черноту свою, все недостоинство хочешь доказать поступкомъ съ Мед.?¹⁾ Не дерзай такъ смѣло судить себя и въ этомъ, бойся оскорбить *Его*, придавая излишнюю черноту поступку этому. Вѣришь всего, что Провидѣніе само послало тебѣ ее, видя уже, насколько высокъ ты (можетъ, ты былъ близокъ къ самозабвенію въ своемъ величіи), напомнить тебѣ, что ты смертный, предохранить тебя отъ опаснѣйшаго врага — гордости. Она страдаетъ, страдаетъ отъ тебя, конечно, это ужасно; отъ этой мысли все существо мое ноетъ, но тутъ еще есть средство. О, Господи! окончи нашу разлуку! Одно моленье, тогда окончатся наши страданія и страданія Мед. Я увѣрена, Александръ, ну, не знаю сама почему, а мнѣ кажется, когда мы познакомимся съ ней, ей будетъ легче, даже она можетъ совершенно измѣниться.

Не воображай, не воображай, Бога ради, во мнѣ столько чрезвычайнаго. Можетъ, сблизившись совершенно, ты увидишь во мнѣ бездну недостатковъ, тогда какъ и одного довольно, чтобы заставить вѣчно страдать и твою любовь, и твою гордость. Не думай, чтобъ я слишкомъ боялась за себя, боялась унизиться въ твоихъ глазахъ; правда, это ужасно, но я могу быть счастлива и рабой твоей, я бы снесла все, если бы ты легко могъ перенести разочарованіе. Да, Боже мой! Что это, Александръ, право, это недостойно тебя, унижаться такъ предо мною! Ты называешь меня ангеломъ, такъ неужели бы я могла сдѣлаться ему подобной, подражая ловѣкѣ *простому*? Когда ты еще не высокъ, еще не чистъ, я, гало, еще меньше. Подумай хорошенько. Пока прощай, цѣлую тебя. Сумерки, едва видно — часы бесѣды моей съ твоимъ образомъ, словомъ, это только 1,000 верстъ дѣлать насъ (если раз-

¹⁾ Съ Полиной Петровной Медвѣдовой.

стояніе дѣлать); болѣе не говоримъ ни о чемъ, — или мы оба одинъ ангель, или оба одинъ человѣкъ.

Вечеръ.

Не правда ли, мой другъ, какъ иногда тяжело стѣснять свои думы и чувства на бумагѣ? Излила бы все свободною рѣчью, безъ помощи пера. Тутъ что-то все скоро стынетъ, все не такъ, какъ въ душѣ. Нѣтъ, тяжело что-то; иногда я съ досадою бросаю перо и мысленно, душой говорю съ тобою. Мнѣ кажется, ты тогда яснѣе слышишь меня. Мы дойдемъ, наконецъ, до того, что нашей любви не будетъ уже выраженій въ земномъ языкѣ. Пора, пора окончить тебѣ путь муки и страданій! Пора, ангель мой, склонить тебѣ голову на ту грудь, гдѣ найдешь и отдохновеніе отъ прошедшихъ битвъ, и канунъ божества вѣчнаго, пора! Тогда ты не скажешь болѣе, что не достоинъ твоей Наташи (горе разлуки говоритъ эти слова), тогда-то мы будемъ одно, одно, и тогда только я могу совершенно, — (ежели ужъ) ты самъ возлагаешь на меня такъ много, — служить тебѣ опорю на камняхъ преткновенія и освящать минуты темныя. Нѣтъ, Александръ, ну, что мнѣ весь свѣтъ, друзья мои? Я все покину тогда, все, все; я хочу, чтобы ты одинъ занималъ всю душу мою, чтобъ она была любовь къ одному тебѣ. Уѣдемъ, покинемъ все: холодную родину, холодныхъ друзей. Они не могутъ облегчить разлуки нашей; что же они могутъ, когда мы будемъ вмѣстѣ? Все покинемъ, все... дальше, дальше отсюда, ото всѣхъ. Тебя одного хочу я, въ тебѣ будетъ моя родина и мои родные, и мои друзья, въ тебѣ будетъ все. Скорѣй же, скорѣй несись, зима! Авось-либо хоть лѣтомъ!...

Знаешь ли, что бываетъ со мною? Сижу, думаю о тебѣ, забываюсь... и мнѣ кажется, ты меня зовешь, зовешь; слышу твой голосъ, опрометью, съ восторгомъ бѣгу въ другую комнату... «Остановись!» — говорятъ мнѣ пустыя стѣны... Нѣтъ, еслибъ не зима, ушла бы я къ тебѣ. Чего бояться? Со мною было бы Провидѣніе.

Ночь.

Да, я все покину, я не могу дѣлать моего сердца, оно должно быть полно однимъ тобою. Не будь тебя, что мнѣ Эмилія, что мнѣ Саша Б...¹⁾? Ему я принесу себя, полную однимъ имъ, одною любовью къ нему!

За мѣрку головы благодарю²⁾; за то пока до браслета³⁾ посылаю локонъ.

¹⁾ Пропускъ.

²⁾ Н. А. хотѣла шить ермолку для А. И. и просила прислать для этого мѣрку съ головы.

³⁾ Н. А. готовила А. И. браслетъ изъ своихъ волосъ.

12, четвергъ.

Когда еще сначала я писала тебѣ въ Крутицы, что отдаюсь тебѣ, что ты можешь изъ меня сдѣлать то, что хочешь, ты отвергнулъ это, ты боялся взять на себя такъ много, чтобъ направлять маленькій, легкій челнокъ, а теперь ты отдаешь мнѣ себя, ты говоришь мнѣ: правъ этимъ величайшимъ, изящнѣйшимъ зданіемъ—кораблемъ! Ты писалъ это въ тревожномъ раздумьи, тебя раздражало что-нибудь. И я напрасно на томъ листѣ говорю, что я когда-нибудь могу быть твоею опорой. Нѣтъ, Александръ, ты навсегда долженъ покиннуть эту мысль. Правъ ты мною и собою. Когда въ *чемъ-нибудь* есть у насъ опора, мы начинаемъ менѣе дѣйствовать сами, мало-по-малу вдаемся въ безпечность, и, наконецъ, полагаемся вовсе на эту опору и не достигаемъ желаннаго. Тебѣ-ль искать опоры? Ты такъ великъ, такъ силенъ самъ. Ты самъ можешь достигнуть той высоты, которую указываетъ христіанство. На что же ты избѣгаешь труда и ищешь моей помощи? Такъ ежели я и могу возвести тебя туда, можно-ль, чтобъ ты былъ вторымъ послѣ меня? Нѣтъ, Александръ, я отнимаю мою руку, я не хочу умалять величія твоего своею помощью, говорю тебѣ: ты *можешь самъ*. И такъ, преодолевая, стремись! Крылья твои пространны, они умчатъ тебя высоко, лишь не опускай ихъ. И тутъ уже униженіе, и тутъ паденіе. Что ты говоришь мнѣ: «правъ мною»? Воспрями, Александръ, и съ высоты твоей глаголи мнѣ: «гряди ко мнѣ» (?). Ты говоришь: «Я знаю, что я теперь глубоко не паду, знаю, что нравственное чувство перевѣситъ страсти». Какая бездна, какія страсти? Ты миновалъ ихъ. Взгляни назадъ, онѣ далеко, далеко за тобой. Впереди путь широкій, гладкій; правда, по сторонамъ, можетъ, есть пропасти, и пропасти еще ужаснѣе прежнихъ, но ихъ и не видно: онѣ загорожены высокимъ валомъ—любовью ко мнѣ. Ты не пойдешь въ стороны (валъ этотъ высочайшій и съ обѣихъ сторонъ твоего пути) съ тѣмъ, чтобъ перейти валъ и упасть въ бездну: что же останется мнѣ?

«Но когда солнце»... постой, ежели уже ты этого не знаешь, такъ я знаю. Александръ, что солнце не выйдетъ на горизонтъ пятимъ кровавымъ, я говорю тебѣ,—тебѣ, что въ свѣтѣ его потонетъ небо и земля. А мнѣ это говоритъ моя душа. Не вѣрять ей—не вѣрять любви моей. Ты ужасно самолюбивъ, Александръ. Какъ, еще тебѣ мало, еще тебѣ не достаточно Его созданья, и ты отдаешь его додѣлывать, дополнять такому слабому и такому еще ничтожному существу въ сравненіи съ тобою, отдаешь мнѣ поправить дѣло рукъ Его? Но я не скажу болѣе ничего. Ты видишь самъ,

мой ангель, что твои слова, и слова важныя, сказаны тобою необдуманно. Говорилъ ли орель голубю: научи меня летѣть къ солнцу? Ежели еще продлится наша разлука и такое же будетъ дѣлать вліяніе на тебя, избави Богъ!

Что-то О. ¹⁾? Можно ли это? Ни слова о немъ! Да что-жь хуже еще—это слова: *повидимому, счастливъ!* Такъ небрежно, протяжно, лѣниво, такъ беззвучно и такъ безъ вниманія—*счастливъ!* И о комъ же? Какъ глупы люди, какъ они жалки! И каково же, мой ангель, вѣдь, и о насъ такъ же будутъ говорить. Это ужасно! Такъ пусть лучше ничего не говорятъ. А какъ же это сдѣлать, оставаясь здѣсь? Бѣжать, бѣжать дальше отъ мѣстъ, гдѣ полужизнь и полудуша, бѣжать туда, гдѣ полно все!

Вѣдь, это странно, мой ангель, я никакъ не могу вообразить себя и тебя дома на сѣверѣ. Посмотри, сѣрое небо, все одѣто въ бѣлый саванъ, какъ мертвецъ, у всѣхъ посинѣвшія губы, такъ холодно... О, нѣтъ, нѣтъ, не оставляй меня здѣсь! Я даже съ жадностью слушала о Саратовской губ. одну приѣзжую оттуда, о Саратовѣ... а тамъ, «гдѣ родина музыки и молитвы»... *là bas, là bas!* О, mon ange gardien, nous dirigerons nos pas ²⁾!

Ахъ, знаешь ли чудо? Во время болѣзни кн. ³⁾ я была все подлѣ ея постели, и разъ разговорились о тебѣ. Согрѣшила, солгала я нѣсколько то, что ты писалъ мнѣ о Четьи-Минейхъ, о посланіяхъ апостоловъ. Я сказала, что все это ты говорилъ мнѣ, какъ я была у тебя въ Брутицахъ; кн. въ восхищеніи. Наконецъ, я вынудила ее сказать, «что тебѣ дано прекрасное сердце и душа, данъ обширный умъ отъ Бога, но что воспитаніе портило тебя ужасно и что, наконецъ, Провидѣніе само доканчиваетъ твое воспитаніе». Болѣе всего помирило ее съ тобою то, что я сказала, что ты мнѣ велѣлъ читать Евангеліе и Посланія и что до того мнѣ не приходило (какъ и имъ) это въ голову. Ну, право, мнѣ кажется, въ скоромъ времени тебя можно было бы поздравить съ совершеннымъ миромъ съ кн., если бы не М. С. ⁴⁾. Не понимаю я, за что такая ненависть, и кабую власть она имѣетъ на кн.—это ужасно!

15, воскресенье.

Какъ ты думаешь, Александръ, какъ провела я эти три дня? И день, и ночь не выхожу изъ спальной кн. Мнѣ немного нездорови-

¹⁾ Ник. Плат. Огаревъ.

²⁾ „Туда, туда! о, мой ангель-хранитель, мы направимъ наши стопы!“

³⁾ Княгиня.

⁴⁾ Марья Степановна, компаньонка княгини.

лось, и за это меня не пускаютъ ни наверхъ, ни въ другую комнату. Есть отъ чего занемочь (вдвое). Да и портрета - то твоего нельзя видѣть. На минуту принесла мнѣ его сегодня Саша ¹⁾ для праздника, и то это съ опасностью. Вотъ въ эти-то минуты надобно имѣть твердость и терпѣніе. Что же остается мнѣ дѣлать на глазахъ у вн.? Одно—думать и думать, мечтать и мечтать! Но теперь эти думы и мечты тревожны: ты пишешь, что ты грустенъ и отъ самого себя. Нѣтъ, Александръ, я не ожидала, чтобы ты могъ когда-нибудь (быть молоддушнымъ).

16, понедѣльникъ.

Это ужасъ! Не могу читать ничего, не могу смотрѣть на твой образъ, ни думать, думать, дышать... Нѣтъ, ей-Богу, на Крутицахъ тебѣ было лучше!

Рѣшилась сказать тебѣ хоть слово, это облегчитъ меня, ангелъ мой. Если еще продержатъ меня здѣсь, я занемогу ²⁾. Одна отрада—ночь, и то если бы не было лампы, я бы сошла съ ума. Но, впрочемъ, это глупо, какое малодушіе; почему не стерпѣть? Завтра, навѣрное, я буду въ моемъ дворцѣ ³⁾ и тамъ, тамъ ты, тамъ письма, мечты, тамъ и воздухъ есть, а здѣсь и того нѣтъ!

10 ноября, Вятка.

Я расскажу тебѣ случай, бывшій со мною на-дняхъ. Онъ большей части людей покажется ничтожнымъ, иные улыбнутся, но я пишу тебѣ. А ты такъ совершенно, такъ вполне понимаешь меня, какъ никто, какъ одинъ Ог. ⁴⁾. Я долго читалъ духовныя книги, много размышлялъ о христіанствѣ, сочиняя статью о *религии* и *философii*. Усталъ; пора было спать. Я многое раскрылъ, написалъ мысли совершенно новыя и радовался. Безъ всякихъ мыслей раскрываю Экартсгаузена и попалъ на слѣдующее мѣсто св. писанія: «И бѣси вѣрують и трепещуть». Я содрогнулся! Да, вѣра безъ дѣлъ мертва ⁵⁾. Не мышленіе, не изученіе надобно; дѣйствованіе, любовь — вотъ главнѣйшее. Любовь Бога создала слово воплощенное, т. е. весь міръ. Любовь построила (вѣру) Христо-

¹⁾ Саша, горничная.

²⁾ Комната Натальи Александровны помѣщалась наверху въ мезонинѣ. По случаю ея нездоровья, княгиня Марья Александровна Хованская держала ее внизу, злѣ себя.

³⁾ Такъ она называетъ свою комнату наверху въ мезонинѣ, потому что тамъ въ ея драгоцѣнности: письма и портретъ А. И.

⁴⁾ Огаревъ.

⁵⁾ Это самое мѣсто изъ Экартсгаузена и разсужденіе о немъ встрѣчается въ *Отдѣленіи мыслей* въ найденной мной на торгу подъ Сузаревой башней *Зажой книжкѣ* Герцена, Мысли эти потомъ были перепечатаны въ *Русск. Старинѣ*.

ву. И почему мнѣ именно открылось это мѣсто? Случай — вздоръ! Нѣтъ случая! Это нелѣпость, выдуманная безвѣріемъ. Этотъ текстъ раскрываетъ или, лучше сказать, указываетъ многое. Я падшій ангелъ, но всему падшему обѣщано искупленіе; ты — путь, черезъ который я долженъ подняться. Судьба тебѣ предназначила великое; и одну гибнувшую овцу воротить — заслуживаетъ царство небесное. И какое счастье исполнить тебя, когда, остановивъ на мнѣ твой взоръ, ты скажешь: онъ гибнулъ, и я спасла его любовью, собою; онъ сгорѣлъ бы, и я его огонь обратила къ небу. Наташа, прелестна твоя судьба! И какъ вѣчна должна быть любовь, возгорѣвшаяся на этомъ основаніи! Повторяю, любовь есть связь Бога съ человекомъ.

Ровно годъ тому назадъ я, истощивъ всё глупости и буйства, но не истощивъ души своей, вздохнулъ по высокому назначенію, по тебѣ. Ровно годъ тому назадъ я торжественно окончилъ эту оргію нѣсколькихъ мѣсяцевъ¹⁾ преступленіемъ²⁾ и, перегорая въ тысячѣ страст(ей), погубилъ несчастную женщину³⁾ для того, чтобы найти и тутъ пустоту, чтобы оставить угрызение совѣсти и, наконецъ, созвать съ неба ангела хранителя и воскреснуть въ свѣтѣ звѣзды восточной, въ объятіяхъ Наташи. *Ровно годъ* — и все перемѣнилось. Мы выросли. Я не такъ отчетливо понималъ себя, ты также. Ты сдѣлалась разомъ иная, сказавъ: «люблю тебя, Александръ»; тогда ты развернулась во всей своей славѣ, во всемъ блескѣ. Я боялся любви, но, наконецъ, написалъ: «Можно ли жить съ моимъ бѣшенствомъ, съ моею душой безъ любви? Жить, стало быть, любить!» Ты мнѣ отвѣчала отъ 18 ноября 1835 года: «Начала я читала твое письмо спокойно, а теперь мнѣ страшно за тебя. Нѣтъ, погоди любить, *мой* Александръ»... И мы ужъ тогда любили другъ друга. Слово *мой* все говоритъ. И ты не знала, что любовь, одна твоя любовь спасетъ меня. Ты писала тогда же (отъ 26 ноября 1835 г.): «Я исчезну, ежели это надобно», — и, между тѣмъ, уже не имѣла духа подписаться сестрою, а написала *твоя* Наташа. Зачѣмъ не прежде мы открыли наши души? Зачѣмъ?

11 ноября 1836.

Теперь нѣсколько словъ и только. Вчера былъ на балу и грустилъ. Воротился часа въ 4, и теперь голова пуста. Иногда между

1) Такъ онъ называетъ свою пустую разсѣянную жизнь, которую велъ въ началѣ по пріѣздѣ въ Вятку.

2) Такъ онъ называлъ поступокъ съ Медвѣдовой.

3) Все о той же Медвѣдовой; исторія съ ней не давала покоя Александру Ивановичу.

людьми, въ толпѣ, я забываюсь и безотчетно отдаюсь минутному бѣшенству и веселости. Вчера я сидѣлъ одинъ и сердился на всѣхъ и досадовалъ. Прощай, милый другъ, прощай!

Повѣсть остановилась: занятія другія есть. Статей своихъ еще не посылаю. На все есть причина. Я не имѣю надежды получить твой портретъ. Можетъ, такъ и надобно, чтобы вся эта полоса была черна для меня и безотраднa. И я это говорю, получая твои письма! Прости, другъ мой. О, твои письма нужнѣе воздуха! Безъ нихъ... нѣтъ, безъ нихъ и представить себѣ жизни не могу. Ты пишешь, что мой портретъ многіе находятъ не похожимъ. Да, въ самомъ дѣлѣ, мой взглядъ не тотъ, который видѣли до іюля 1834 года ¹⁾. Теперь въ немъ горитъ любовь и отражаются сильныя потрясенія.

Приметь ли мой поклонъ твоя Саша Б. ²⁾? Право, не надобно видѣть человека для того, чтобы быть знакомымъ. Ты знакома съ Полиной ³⁾ и болѣе, гораздо болѣе, нежели съ тѣми, которыхъ видишь часто. И такъ, ежели приметь, передай!

Твой здѣсь и тамъ

Александръ.

Рукою Натальи Александровны приписано: «1836. Ноября 23, понедѣльникъ, 7 часовъ вечера, получено въ гостиной, читано у Александра въ комнатѣ ⁴⁾, на его диванѣ».

17 ноября 1836 (Москва).

Ну, вотъ, мой ангелъ, терпѣніе все преодолеваетъ, за то какъ я вознаграждена! Почти недѣлю просидѣла въ карантинѣ ⁵⁾, а теперь одна въ своей кельѣ, и твой портретъ предо мною, и я могу до сыта наглядѣться на тебя, мой ненаглядный, и наговориться, и даже могу писать! Ахъ, какъ хорошо, какъ весело, какъ легко! Право, чудно, невѣроятно показалось бы всякому изъ *нихъ*, что съ каждымъ шагомъ, съ каждою ступенью наверхъ къ тебѣ во мнѣ умножались силы, жизнь, восторгъ, и уже я коснулась до моего заветнаго столика, очищенная совершенно и отъ земли, и отъ людей, и отъ ихъ цѣпей. Такъ, мой ангелъ, смотри, сколько ты приносишь мнѣ блаженства и за 1,000 верстъ, сколько счастья, радости, удовольствія заключается для меня въ лоскуткѣ бумаги, присланной тобой! Но этого еще мало бы было, еслибъ ты приносилъ мнѣ толь-

¹⁾ До ареста.

²⁾ Александра Александровна Боборыкина, пріятельница Н. А.

³⁾ Пріятельница жены вятскаго аптекаря Рудьковіуса.

⁴⁾ Въ домѣ И. А. Яковлева, что въ приходѣ Власія, въ Большомъ Власьевскомъ улицѣ; теперь этотъ домъ принадлежитъ Львову.

⁵⁾ Вызв, въ комнатахъ княгини.

ко радость, жизнь, удовольствіе, — нѣтъ, Александръ, ты сдѣлалъ изъ меня (почему-жь мнѣ не сказать? Это не изъ самолюбія, нѣтъ, тутъ все *ты*, твоя любовь, твоя слава. Я должна говорить все), — ты изъ меня сдѣлалъ добродѣтель, сдѣлалъ то, чего бы никогда родители, никакой мудрецъ не могъ сдѣлать ¹⁾)... Тамъ, тамъ запою я тебѣ, мой ангель, гимнь, котораго не достойна земля, тамъ засіяю я предъ тобою свѣтильникомъ яркимъ, чистымъ. Здѣсь онъ иногда темень.

Письмо, письмо отъ тебя, такъ прощай же, кончу потомъ.

19 ноября.

Опять все то же и то же! Опять будто ты туча, будто не достоинъ меня ²⁾)!... Ты говоришь, что я увлекаюсь въ тебѣ, а я чувствую, что я далека отъ того, что ты видишь во мнѣ. Ты съ 13 лѣтъ моей жизни велъ меня въ рай, какъ Богъ, ведшій израильтянъ въ обѣтованную землю въ видѣ облачномъ, и ты же называешь себя тучею... Говорю, легче, если бы ты находилъ во мнѣ болѣе дурного, нежели въ себѣ, легче, если бы ты забылъ меня, находя мою высоту недостойною твоей высоты. Это все сносите, нежели слышать, что ты называешь себя недостойнымъ *меня*. Ну, какъ не быть въ тебѣ твердости погнать землю и ея нечистоту, какъ не сдѣлаться тебѣ ангеломъ, когда другихъ ты дѣлаешь ангеломъ, какъ не взойти тебѣ на небо, когда ты приводишь туда другихъ? Какъ не сдѣлаться тебѣ, Александръ, изящнымъ совершенно, когда ты видишь столько изящества въ своемъ созданьи? Горько, тяжело мнѣ, ты навелъ на меня ужасную тоску. Но послушай, разсмотри хорошенько, Александръ, ради Бога, умоляю тебя, прошу на колѣняхъ, ангель мой (не пугайся того, что я скажу тебѣ), разсмотри хорошенько, Александръ, быть можетъ, очень можетъ быть, причиною всему этому я. 9 апрѣля ³⁾ я *показалась* тебѣ существомъ чистымъ, небеснымъ, тогда ты былъ угнетень, тогда ты не видалъ никого лучше меня, но теперь, можетъ, видишь несовершенную мечту, изломанный идеалъ, — словомъ, ничтожность, и эта-то ничтожность низвела тебя съ твоей высоты, и ты приблизился къ землѣ и полюбилъ ее, и она запылала въ тебѣ, сковала тебя, и въ тебѣ нѣтъ силъ взлетѣть на прежнее мѣсто, и это-то, можетъ быть, тебя терзаетъ, мучить. Ради Бога, не сердись на меня, не упрекай прежде, нежели размотришь все это. Посвяти на это день, недѣлю, мѣсяць (хоть годъ, вѣдь, тутъ твое спасенье), и если слова мои

1) Выпущено повтореніе на тему, что онъ выше ея.

2) Выпущено повтореніе на ту же тему.

3) Въ день прощанья въ Крутицкихъ казармахъ.

истинны, т.-е. ежели ты увидишь, что я удерживала твое стремление, я не пускала тебя на ту высоту, на которую указывает христіанство, что я запылила твою душу,—брось, забудь Наташу и уже не ищи на землѣ исполненія надеждъ, воплощенія ангела, не ищи любви. Тамъ, тамъ обрѣтешь ты твоего ангела, твою звѣзду, тамъ твоя любовь, тамъ все. А я исчезну (какъ говорила и прежде), и тебѣ не будетъ преграды идти туда! Что же ты дивишься, на что нахмурился, Александръ? Ты говоришь: «силенъ ударъ въ мою грудь, вымарай, вылечи его!» Ты говоришь: «душа моя запятнана», что же дѣлать мнѣ, когда я не вижу въ тебѣ пятенъ, когда ты для меня все на свѣтѣ и добродѣтель, и святое, и рай, и божество? Мнѣ кажется, тебя на землѣ не привязываетъ ничто, кромѣ меня, кажется, я единственное нятно, затмѣвающее твою душу. Скажи же, скажи, что дѣлать мнѣ, какъ повѣрить мнѣ, что ты, мой Александръ, ангелъ и дьяволъ? О, это страшно! Ты говоришь: «сдѣлай изъ меня ангела». О, если бы для этого я могла отдать жизнь мою! Нѣтъ, этого мало: жить и всю жизнь страдать.

Но какъ же страдать любимой тобою? Невозможно. Ну, если бы я знала, что тебѣ, чтобъ сдѣлаться ангеломъ, надо первое—забыть меня, презрѣть и, съ тѣмъ вмѣстѣ, разстаться со всѣмъ, что привязываетъ къ землѣ, къ нечистому,—неужели бы я не желала быть презрѣнною тобою? Боже мой, Боже!... Александръ, Александръ! На что же на душѣ твоей пятно не я? Зачѣмъ все темное, все нечистое души твоей не любовь къ Наташѣ, зачѣмъ?... О, тогда бы я смыла и пятно это, тогда бы я сдѣлала тебя ангеломъ, тогда бы это было въ моей волѣ, и я была бы вполне счастлива, а теперь что могу?... Да и могу ли я дѣлать изъ тебя то, чему уже я поклоняюсь въ тебѣ, что боготворю? Но это ужасъ, ужасъ! Ты говоришь, что я увлекаюсь... И такъ, Александръ, моя любовь къ тебѣ одно увлеченіе? Тебѣ не страшно было сказать это мнѣ? Ты равнодушно говоришь: «Наташа, то, къ чему ты стремилась всю жизнь, что воображала, наконецъ, обрѣтеннымъ, чему отдала и жизнь, и сердце, и душу, и вѣчность,—то, что сдѣлало тебя ангеломъ, чѣмъ живешь ты теперь, есть ничто, одна мечта, воображеніе; мало того, это темнота въ той степени, въ которой тебѣ видѣлся свѣтъ».

Но что-жь... нѣтъ, мнѣ теперь ужасно тяжело! Прости мнѣ все, что я сказала тебѣ, ангелъ мой. Сердце сжато, сдавлено. Летѣла бы къ тебѣ, послѣ одного взгляда на тебя умерла бы у ногъ твоихъ, и тамъ бы, уже тамъ, стала бы молить Его, когда теперь моя молитва не доходитъ, а здѣсь могу ли я желать умереть, не выдавши тебя? Довольно... тяжело!...

Скажу только одно, и скажу не *такъ*, а потому, что это знаю, что увѣрена въ этомъ, что въ томъ порука мнѣ самъ Богъ: я не паду, а *ты нераздѣльное со мною!*

Прощай, твою руку... Не сердись же на меня, скорѣе забудь все, все, будь братъ Христовъ и не говори (мнѣ: «а ты?»). Что мнѣ до меня, когда есть *Александръ?!*

Ужь за полночь. Я не смѣю и не могу спать. Ты передо мною, твое искупленіе... моя любовь... мнѣ вести тебя въ рай... мнѣ пасть тобою... пасть черезъ любовь къ тебѣ?... Нѣтъ, Александръ! Не отнимай моей вѣры, не отнимай любви или вынь изъ меня сердце, убей душу. Нѣтъ, Александръ, ты тотъ, который прославить Его, ты тотъ, который докажетъ Его величіе, премудрость, благодать. Въ тебѣ увидятъ изящество Его созданія, въ тебѣ поклонятся Ему, ты спасеніе *ихъ*, ты блаженство моей души, ея награда. Что мнѣ вѣчность въ раю безъ рая?

Я спокойна. Какъ странникъ, скитающійся цѣлую жизнь на землѣ въ горѣ и страданіяхъ, возвращается, наконецъ, къ Богу, въ немъ отдыхаетъ, въ немъ получаетъ награду за все, такъ я отъ бурь моихъ возмущенныхъ, думъ и чувствъ возвратилась къ тебѣ, мой свѣтъ! Здѣсь мой покой, здѣсь мнѣ награда, и ты ужь не отнимешь этого у меня, ангель мой? Нѣтъ, не отнимешь, другъ мой Александръ, мой Александръ! Прости, пріятнаго сна на разсвѣтъ!

22 ноября.

Наконецъ, наступаетъ 23 ноября ¹⁾! Вѣдь, ангель мой, этотъ день для меня больше, нежели для тебя 26 августа ²⁾. Но и онъ, этотъ священный день, настанетъ мрачный, холодный, день моего Александра, а мой Александръ за 1,000 верстъ! Но я обниму тебя, я прижму тебя къ моему сердцу и за эту даль мое поздравленіе долетитъ къ тебѣ прежде всѣхъ поздравленій вятскихъ, я не покину весь день тебя. Ты меня увидишь, услышишь мой голосъ, ты будешь чувствовать, что твоя неразлучная съ тобою. О, какъ утѣшительна, отрадна эта мысль! Но зачѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, я не у тебя, зачѣмъ не мой поцѣлуй—первый подарокъ тебѣ?

Грустно, грустно, но завтра я не буду грустить. Я буду стараться весь день быть веселой такъ, какъ бы я была весела вмѣстѣ съ тобою, а то грусть моя долетитъ къ тебѣ и навѣтъ мрачность на твою душу. У насъ была всеобщая (св. Митрофанія). Неужели для тебя это, Александръ, не имѣетъ никакой важности? Нѣтъ, я люблю службу и дома; это придаетъ торжественность; и я

¹⁾ Св. Александра Невского, день именинъ А. И.

²⁾ День именинъ Натальи Александровны.

всею душой молилась. Пойду къ ранней обѣднѣ, а тамъ, тамъ... не знаю, сомнительно, но, можетъ быть, умилосердятся, пустятъ меня къ папенькѣ ¹⁾. Лев. Ал. ²⁾ очень просилъ меня сегодня, но очень не надѣюсь.

Послѣ всеночной всеъ поздравляютъ другъ друга съ наступающимъ праздникомъ Митрофанія, одна я не поздравляла никого и меня никто. И тутъ мнѣ еще холоднѣе стало на этой мѣстной полянѣ, и сжалось сердце, и рвалось къ тебѣ, и ныло. Одна моя вѣрная Саша въ темномъ уголкѣ, украдкой, со слезами поздравила меня съ дорогимъ именинникомъ.

Я немного теперь спокойнѣе, но какъ перечитаю твое послѣднее письмо, кровью сердце обольется. О, Александръ, Александръ! Стало, ты еще не знаешь, что ты для Наташи. Я сказала тебѣ: мнѣ легче бы, когда-бъ ты презрѣлъ меня, нежели ты называешь себя недостойнымъ меня. Но объ этомъ теперь ужъ ни слова. Можетъ, на прощанье скажу нѣсколько словъ еще. При одномъ воспоминаніи содрогаюсь.

И такъ, прощай, Александръ, прощай, мой свѣтъ! Ужь что хочешь ты говори, не затмишь тебѣ моего Александра, моего солнца, оно свѣтло, свѣтло такъ горитъ здѣсь въ душѣ... О, другъ мой! Обнимаю тебя, прощай же!

Сегодня я ждала маменьку ³⁾ и не видалась съ ней, — грустно, — съ 22 октября ⁴⁾! Что-то завтра?...

18 ноября (Вятка).

Наташа! По нынѣшней почтѣ я не писалъ тебѣ. Какая-то пустота, какая-то усталость наполняла душу во всю недѣлю. Да, хоть бы былъ портретъ твой. Я всю эту недѣлю былъ менѣе способенъ, нежели когда-нибудь, ко всему великому, менѣе ощущалъ любовь, — словомъ, самъ былъ менѣе. Наташа! усталъ я, очень усталъ! Напрасно думаю я заглушить голосъ души дѣятельностью: онъ прокрадывается наружу и точитъ сердце. И гдѣ-жь берегъ? Твердо перенесъ я тогда отказъ ⁵⁾, но какъ перенести эту нѣмую разлуку съ тобою? Люди! отдайте мнѣ ее, отданную мнѣ самимъ Богомъ!

1) Къ Ивану Алексѣевичу Яковлеву.

2) Левъ Алексѣевичъ, дядя-сенаторъ. У него домъ былъ на Арбатѣ.

3) Мать А. И., Луизу Ивановну Гаагъ.

4) Со дня своего рожденія Н. А. не видала Луизы Ивановны Гаагъ, матери А. И.

5) Отказъ на представленіе о переводѣ въ Москву.

Получилъ сегодня твое письмо отъ 31 октября. Зачѣмъ же ты хочешь порвать всѣ нити съ людьми? Любовь однимъ объятіемъ обниметь все, согрѣеть все, и природу, и человѣчество, и само Божество. Такой жертвы я не требую. Да, весь міръ твой во мнѣ, ты отдѣльно не существуешь, но развѣ, погружаясь въ мою душу, ты не можешь взять съ собою и дружбу? Я для тебя не жертвую друзьями, я ихъ люблю, какъ прежде, еще болѣе, ибо любовь очистила мою душу. Тогда только должна ты оставить все, когда мой призывный голосъ это скажетъ, и то не перестанешь любить ихъ. Шнурокъ ¹⁾ получилъ, благодарю. Я поцѣловалъ его со слезою на глазахъ, намоталъ на руку и задумался... и думалъ долго.

Ешіе идетъ въ монастырь. Дай, Господи, ей силы окрѣпнуть! Молитва, религія—онѣ все уврачуютъ. Я ни слова противъ, пусть идетъ, пусть покинетъ людей, которые не умѣли оцѣнить ея пламенную душу, ея порывистый нравъ. Въ самихъ страданіяхъ есть своя поэзія, высокая и святая. Вѣра и надежда... пусть онѣ замѣнять ей любовь.

23 ноября.

Ангель! Теперь сумерки, то время, въ которое ты мечтаешь обо мнѣ, и нынче ты, вѣрно, его провела со мною съ утра ²⁾). Гости мѣшаютъ писать. Тебѣ не нужно говорить ничего, не нужно говорить, что, сидя съ толпою, я тамъ, тамъ, въ маленькихъ горящихъ княгининаго дома. Весь день провелъ я грустно и скучно и даже мнѣ не было пріятно смотрѣть, что почти всѣ съ истинною любовью, съ преданностью пили за мое здоровье, ибо въ ихъ тостахъ была доля состраданія, и я чувствовалъ, что, одинокій, оторванный отъ тебя, въ этотъ день я достоинъ былъ состраданія.

Сверхъ нашихъ домашнихъ, т. - е. здѣшнихъ ³⁾, и Полины, есть въ Вяткѣ два человѣка, которые мнѣ преданы такъ искренно, такъ отъ души, что дружба ихъ меня трогаетъ. Это Эрнъ ⁴⁾ и учитель гимназіи Скворцовъ ⁵⁾. Ихъ вниманіе, ихъ стараніе, чтобъ я сколько-нибудь былъ веселъ, заставляли меня притворяться беззаботнымъ, но плохо удавалось. Нѣсколько словъ о

¹⁾ Шнурокъ, сплетенный Натальей Александровной изъ ея волосъ.

²⁾ Такъ какъ 23 ноября—день именинъ Александра Ивановича.

³⁾ Витберга, его семья и П. П. Медвѣдовой.

⁴⁾ Гавріилъ Каспаровичъ Эрнъ, родомъ сибирякъ, служилъ чиновникомъ у губернатора. Онъ боготворилъ А. И.

⁵⁾ Скворцовъ въ послѣдствіи женился на Полиѣ Тромпетеръ, пріятельницѣ жены вяткока аптекаря.

Скворцовъ. Отъ природы очень умный человекъ, онъ прозябалъ въ провинціальной жизни, мелкой, пустой, сведенной на матеріальныя требованія. Я бросилъ мысль и чувство въ его душу, и она отвѣтила. Я воротилъ его къ ученымъ занятіямъ, и онъ какъ бы изъ благодарности привязался всѣмъ сердцемъ ко мнѣ, влюбился въ меня. Опять прощай. Цѣлую тебя.

24 ноября.

И даже эта дружба ко мнѣ мнѣ тягостна. Всѣ ошибаются, всѣ воображаютъ меня лучшимъ, нежели я есть, и это душитъ, терзаетъ. Я смотрю иногда съ ироніей на ихъ заблужденія, и самая острая сторона этой ироніи язвить мою душу, а не ихъ. Въ нихъ настолько осталось натурального, прямого, что они не могутъ подозрѣвать подъ этою блестящею фразой, въ этомъ одушевленномъ взорѣ что-либо дурное, а я знаю себя. Знаю, какъ я палъ и падалъ ¹⁾). Но я не обманщикъ, я часто срываю съ себя покрывало, показываю душу въ ранахъ. Ихъ вина, ежели не понимаютъ. Ничто, ничто не можетъ вылечить отъ этихъ мыслей, кромѣ тебя, а тебя нѣтъ со мною. Тогда мнѣ кажется, что Анчаръ — это дерево, которое зоветъ усталаго путника среди степи, и когда тотъ бросится подъ тѣнь его, онъ отравленъ. Одна ты изъ яда можешь сдѣлать нектаръ. Боже, возврати же меня скорѣе къ ней! Ты видишь, что я не могу безъ нея ни жить на землѣ, ни придти на небо!

23 ноября 1836 г., понедѣльникъ, 1-й часъ утра (Москва).

Поздравляю, поздравляю тебя, ангелъ мой! Теперь моя очередь цѣловать тебя... О, какъ бы я поцѣловала тебя! Но все равно, пусть долетитъ къ тебѣ и поздравленіе, и гимнъ, и молитва, и поцѣлуй моей души. Тебѣ остается только вообразить, какъ бы все это было, еслибъ мы были вмѣстѣ. Болѣе не успѣваю сказать тебѣ ни слова, (*всплм*) иду завиваться. Туда, туда ѣду... я не знаю, какъ это сказать... но чего-жъ яснѣе, ѣду домой ²⁾)! Саша ждетъ съ гребенкой. Нѣтъ, еще словечко. Какъ я ни стараюсь преодолѣть себя, — грустно. Боже мой! Летѣть къ тебѣ — это слишкомъ легко, прелестно, идти — медленно, бѣжать, — еслибъ можно, катиться влукбомъ... О, воля, воля! Но мнѣ будетъ весело, я предчувствую. Не письмо ли отъ тебя?...

¹⁾ Выпущена фраза.

²⁾ Такъ называла Наталья Александровна домъ И. А. Яковлева, гдѣ была комната Александра Ивановича, въ которой онъ жилъ до отъѣзда въ Пермь.

12 часовъ вечера.

Хочется еще тебя поздравить и расцѣловать, мой Александръ! Явись предо мною! Я бы такъ долго, долго смотрѣла на тебя... долго!... Теперь слушай отчетъ всего, что происходило 23 ноября 1836 г.—день твоего тезоименитства, день великій. Съ 6 часовъ вчерашняго вечера и до 1 часу сегодняшняго утра (выключая ночь) продолжались морали, правила, наставленія о... Тутъ надо твердость! Потомъ, не лучше морали, повелѣнїе завѣяться—несносно! Наконецъ, конецъ всему скучному, тяжкому, пыльному, я *одна* дома¹⁾. Ты можешь вообразить это чувство. Съ 9 апрѣля я не была тамъ *одна*, да и до того-ль мнѣ было тогда, одна я, или вокругъ меня легіоны сторожей? Прелестная, полная радости чистой, высокой, ровной была встрѣча моя съ мамешкой. *Мнѣ хотѣлось ея поздравленія*. Потомъ папенька... я подарила ему ермолку, которую вязала именно для него, но она, кажется, посылается тебѣ. Не носи ея, она для тебя не хороша. Онъ во весь день былъ со мною такъ хорошъ, какъ бы я не желала лучше. Что-то, особенно (можетъ, воображеніе) за столомъ говорилъ, что я похожа на богиню; и даже М. С.²⁾ послалъ пряничковъ (какъ встать—она нездорова), велѣлъ приписать тебѣ... и проч., и проч. Во мнѣ-жь чудныя были чувства: то мнѣ становилось такъ грустно, такъ грустно (разлука!), то, казалось, изъ другихъ комнатъ несся твой голосъ, и я, повинуваясь чему-то невѣдомому, шла туда и будто ждала тебя, да и досадно, что долго не идешь... Прелестны минуты эти, когда я украдкой уйду въ твою комнату... Гдѣ земля? гдѣ люди? гдѣ все, кромѣ Александра? Теперь я могу спросить это, но тогда не могла. Твой диванъ... Тутъ мы сиживали, тутъ ты спалъ всегда, тутъ воскресло все, что было до твоего отъѣзда. И, признаюсь, многихъ бы не желала я тогда видѣть, особенно многого слышать. Но, мой ангелъ, безъ тебя этотъ день я бы не могла лучше провести. И какое-жь заключеніе? Письмо отъ тебя! Странно, ты все говоришь мнѣ—увлеченіе! Да какъ же мнѣ-то не вѣрить моему сердцу? Посмотри, обмануло ли оно меня хоть одинъ разъ? Завтра отвѣтъ на письма, сегодня довольно и прочесть ихъ. И такъ, праздникъ ужъ миновался въ Москвѣ (въ душѣ моей онъ вѣчный), что-то въ Вяткѣ? Я непрерывно передумывала, что ты дѣлаешь? Ты тоже, и наши думы встрѣчались, мѣнялись, сливались, только, можетъ быть, я отгадала многое, а ты, вѣрно, и не воображаешь, чтобъ я такъ див-

1) Т.-е. въ домѣ И. А. Яковлева, въ комнатѣ А. И.

2) Марья Степановна Макашева, компаньонка княгини Хованской.

но пиrowала. Затѣмъ, мой именинникъ, прощай, вѣдь, я еще только три раза читала твое письмо. Въ заключеніе всего, всего, цѣлую тебя, ангелъ мой. Пусть и сонъ подарить тебя, пусть онъ навѣсть на тебя мой образъ.

24, вторникъ.

И такъ, ты спокоенъ, Александръ. Тебя не давить эта тяжкая мысль, что ты не достоинъ меня? Тебя не жжетъ буйное стремленіе къ славѣ? Ангелъ мой! Пусть я прелестна, пусть нѣтъ между людьми высшаго совершенства, какъ я, но кто-жъ, кто меня сдѣлалъ такою? Разсмотри съ самаго начала мою жизнь. Была ли у меня мать? Нѣтъ. Кто же первый, не зная самъ того, заступилъ ея мѣсто, т. - е. качалъ меня въ колыбели свѣтлыхъ мечтаній, питалъ своимъ взоромъ, словомъ — кто? Былъ ли у меня отецъ?... Кто-жъ первый положилъ основаніе въ душѣ моей всему изящному и святому? *Кто?* Былъ ли у меня братъ, сестра или кто-нибудь *родной*¹⁾? Было все и *въ комъ?* Былъ ли другъ у меня, спутникъ души въ тѣхъ лѣтахъ, когда мы такъ ищемъ симпатій, когда нуженъ обмѣнъ мыслей, чувствъ и души? Былъ, былъ этотъ дивный, святой другъ у меня, былъ и кто же? Наконецъ, кто спасъ меня, вырвалъ изъ тѣсныхъ объятій земли, разорвалъ цѣпи, которыми меня сковали люди, отворилъ въ рай врата и привелъ къ Господу, *кто?* Скажи, отвѣчай мнѣ, Александръ! Скажи, смѣла ли я назвать кого сими священными именами, кромѣ тебя? Ты моя мать, мой отецъ, братъ и другъ, ты мой спаситель и ангелъ хранитель! А слава, слава... кто прославить Его, ужель останется не прославленнымъ здѣсь и *тамъ?*

Можетъ, ты разсердишься на меня за нѣкоторые мѣста въ томъ листѣ, наприм., что я бы желала быть единственнымъ пятномъ на душѣ твоей и проч., но теперь ужъ прости. Я вижу, ты спокойнѣе, въ твоей душѣ свѣтлѣе стало, — покойнѣе и я. О, какъ тяжело было мнѣ!

Ну, ужъ не стану я говорить тебѣ ни слова противъ, почему ты единственный, который занялъ всю душу мою. Прошу и тебя не чорить, что во всемъ свѣтѣ, во всей вселенной ты единственный огъ сдѣлать изъ *Наташи, брошенной людьми, Наташу-Але-*

¹⁾ Были братья — Алексѣй Александровичъ, „химикъ“, и братъ Петруша, жившій въ Шацкѣ, и двѣ сестры: Анна Александровна, замужемъ въ Петербургѣ, и Иерина Александровна, жившая съ Петрушей въ Шацкѣ, но всѣ такъ далеки отъ ., такъ разрознены, какъ будто ихъ и не было.

ксандру, что одного тебя я могу любить и боготворить, однимъ тобою дышать, блаженствовать и быть тѣмъ, что я есть. А что я *робко* становлюсь возлѣ тебя... Когда ты говоришь: «но какъ же стану *рядомъ* съ звѣздой любви?» Я скажу: «но какъ же равняться звѣздѣ съ тобою, мое солнце?» Ахъ, Александръ!... Многое хотѣла сказать, но скажу только *тогда*, когда мы будемъ равны вполнѣ, братъ и сестра, одно сердце, одна душа, одна любовь, ангелъ одинъ!

О, непременно, иначе невозможно. 22 октября раздѣли пополамъ мнѣ и Витбергу. Этотъ праздникъ теперь удвоенъ. Если ты позволишь, я поцѣлую его въ щеку, въ губы... Нѣтъ! Это только тебя. До сихъ поръ папенька не дарить узора ¹⁾ (сберегая мои глаза, какъ говорить маменька). Что мнѣ дѣлать?—все неудача. О, какъ сильно желала бы я одарить Александра Лаврентьевича ²⁾! Теперь едва ли успѣю ³⁾. Полиннино кольцо до половины сплетено. Для тебя отрѣжу цѣлую прядь изъ косы и сдѣлаю браслетъ.

Саша Б. скоро пріѣдетъ въ Москву. Я знаю, она будетъ въ восторгѣ отъ твоего поклона и *испугается*. Да, она боится тебя ужасно, любить тебя, дивится тебѣ, а себя воображаетъ ничтожной и даже просила меня сжечь всѣ ея письма наканунѣ свадьбы. Я дала слово и не выполню. Прелестная Саша!

Да, никто третій не долженъ знать о Мед. Но какъ же мнѣ быть, когда пріѣдетъ Emilie? Ты почти во всякомъ письмѣ писалъ о ней, а не дать ей писемъ, что подумаетъ она? При семъ отъ нея письмо къ тебѣ. Бѣдная, бѣдная Emilie, страдальца! Въ холодныя минуты, т.-е. тогда, какъ ты одинъ въ твоей комнатѣ, блѣдный, вообрази, что моя душа вьется, витаетъ надъ тобою, ты успокоилъ и будешь согрѣтъ. Не въ одну ли изъ этихъ минутъ ты писалъ мнѣ твое письмо отъ 1 и 4 ноября ⁴⁾? Послѣ него и на меня приходили минуты, даже часы тяжкіе. Я была блѣдна и дрожала, а сердце лопилось отъ того, что мой Александръ называетъ себя ангеломъ и дьяволомъ, медалью, на которой съ одной стороны Христосъ, съ другой — Іуда. О, страшно! Но, повторяю, теперь я спокойна и весела.

Письмо твое я получила *дома* и читала въ твоей комнатѣ, на

¹⁾ Н. А. хотѣлось подстроить такъ, чтобы И. А. Яковлевъ подарилъ ей узоръ для вышиванья подарка А. И., а она бы вышила это для А. Л. Витберга.

²⁾ Витберга.

³⁾ А. И. просилъ приготовить подарокъ для Витберга къ 15 генваря, во дни его рожденія.

⁴⁾ Гдѣ сильно обвинялъ и умолялъ себя передъ Натальей Александровной.

томъ диванѣ, гдѣ ты спалъ. Оканчиваю, —приходятъ дѣти Льва Ал. ¹⁾ (я ему обязана, что пустили меня) и маменька. Попался мнѣ бешметъ, и я расхохоталась надъ собою въ свою очередь и тѣмъ развеселила всѣхъ и заставила смѣяться. А знаешь ли еще анекдотъ объ этомъ бешметѣ? У Саши ²⁾ есть знакомая Нѣмчинова, одна молоденькая дѣвушка, у нея братъ: какъ ей не знать бешмета? Мнѣ досадно—какъ позабыть? Но у кого же спросить? Саша тотчасъ записку къ ней: «Непремѣнно напиши всѣ названья мужскихъ костюмовъ». Та думала, что она сошла съ ума, испугалась и прибѣжала провѣдать ее. Да, этотъ-то бешметъ такъ идетъ къ тебѣ, мой красавецъ! Ахъ, ты въ немъ милъ! Да я же видѣла тебя въ немъ одинъ разъ въ жизни—9 апрѣля. Да,

Тому прошло ужъ много время,
 Быть можетъ, и вѣка пройдутъ,
 Но день *девятаю апрѣля* ³⁾
 Они съ собой не унесутъ!

Темно; ничего не вижу. Прощай. Ужъ и ты усталъ страхъ, читая такую мелочь. И два-то мѣсяца не прочтешь ни строчки ⁴⁾. Но что-жь, мой ангелъ, ты не грусти только ради Бога, а то мнѣ, вѣдь, будетъ тяжело. Вѣроятно, во всемъ будетъ успѣхъ. Объ одномъ просьба Наташи: берегись, зима, страшный холодъ, а въ дорогѣ закутайся, завернись самъ, пока нѣтъ меня съ тобой. Какъ гадко все написано, ты не разберешь. Спишу,—теперь, вѣдь, (я) должностной человѣкъ ⁵⁾.

25 ноября.

Да, и «бѣси вѣрують и трепещуть». Все, что внѣ любви,—мракъ, нечистота, страданіе, скорбь и грѣхъ. Любовь—рай, любовь—Богъ, любовь—Наташя и Александръ! Да, да, мой ангелъ, кто бы взялся измѣрить мое счастье при взглядѣ на тебя, спасеннаго мною? Но скажи мнѣ, неужели бы взялся кто-нибудь измѣрить и твое счастье при взглядѣ на *твое созданье*?

Я неизяснимое нахожу удовольствіе перечитывать твое письмо отъ 25 декабря 1834 г. Это первое, первое, въ которомъ ты гово-

¹⁾ Дѣти Льва Александровича Яковлева: Сергѣй Львовичъ Левицкій (знаменитый фотографъ) и Софья Львовна, вышедшая замужъ за Погѣнова.

²⁾ У Александры Александровны Боборыкиной.

³⁾ День прощанья въ Крутицахъ.

⁴⁾ А. И. собирался ѣхать по губерніи для собранія статистическихъ свѣдѣній и, понятно, въ это время долженъ былъ оставаться безъ преемъ Н. А.

⁵⁾ Книжница и Марья Степановна были въ это время больны, и Н. А. указывала за книжницей.

ришь прямо: «Наташа! люблю тебя!» Ахъ, сколько счастья обѣимъ намъ принесло это слово!

Не ходи на балъ, когда тебѣ на немъ скучно. И для меня ничего нѣтъ глупѣе въ свѣтѣ, какъ эта суета, изнуреніе себя, изнуреніе души безъ цѣли, на вѣтеръ.

Ну, слава Богу, слава Богу, ты покойнѣе! Я ожила. Не пиши же мнѣ болѣе такихъ ужасовъ о себѣ. Теперь прощай, цѣлую тебя, цѣлую много, много.

Твоя, твоя *Наташа*.

Я думаю всѣ волосы обрѣзать: такой у меня на нихъ расходъ.

Сама ¹⁾ просила написать тебѣ отъ нея и вписать то, чего она не можетъ выразить. Но когда она услышала то, что ты писалъ о ней маменькѣ, ужасно смутилась. Она говорить: «Гдѣ больше денегъ, тамъ меньше души». Еще прощай!

1 декабря 1836 г. Москва.

Замѣтилъ ли ты, въ ноябрѣ 1834 года написалъ ты мнѣ первую записку изъ К. ²⁾ и въ ноябрѣ 1835 года писалъ впервые о любви. Ноябрь 36 года прошелъ; что будетъ въ 37 году? Другую недѣлю я не имѣю отдыха, ангелъ мой. Вообрази, кн. ³⁾ нездорова и М. С. ⁴⁾ больна. Внизу неотлучна отъ первой, приду навѣрхъ, тамъ... но ты не думай, чтобъ я слишкомъ тяготилась этимъ. Конечно, оно не можетъ быть приятно и легко, но я готова выносить въ десять, въ миллионъ разъ болѣе. Душно, тѣсно, гадко, но душой я такъ счастлива, такъ счастлива! Ты непрерывно освѣщаешь ее, свѣтильникъ мой святой, непрерывно наполняешь блаженствомъ; можетъ ли что-нибудь въ свѣтѣ тяготить меня? Только больно то, что не имѣю минуты свободной написать тебѣ или кому-нибудь изъ друзей; и на то не ропщу: я имѣю много утѣшенія, слишкомъ много.

Ты, вѣрно, теперь въ дорогѣ, и что за ужасная дорога и погода! Сердце замираетъ. Не оттого пишу тебѣ мало, что въ грустномъ расположеніи духа,—рѣшительно минуты нѣтъ свободной. Теперь моя должность играть съ кн. ⁵⁾ въ карты, черезъ часъ ходить освѣдомляться о здоровьи Макаш. ⁶⁾, разговаривать съ Тат. Иван. ⁷⁾

1) А. А. Боборыкина.

2) Изъ Крутиць.

3) Княгиня.

4) Марья Степановна Макашева, компаньонка.

5) Съ княгиней.

6) М. С. Макашевой.

7) Татьяна Ивановна Ключарева, мать того дьякона, который училъ Н. А. русскому языку, жена священника изъ бывшаго имѣнія княгини Хованской, села Красныкова; она часто гостила подолгу въ домѣ княгини.

и тому подобное. Повторяю, мой ангелъ, не ропщу я, не тяготить меня это слишкомъ. Еще пришло мнѣ въ голову, когда я сидѣла цѣлый вечеръ между кн. и Тат. Ив. «*между двухъ розъ шитовникъ (воз)росъ*». И такъ, прощай, тороплюсь ужасно.

Твоя, твоя, ангелъ мой!

Три дня собиралась писать тебѣ и сегодня эта первая свободная минута. Цѣлую тебя, другъ мой!

25 ноября (Ватка).

Странно, удивительно созданъ человекъ. Я, обремененный, удрученный счастьемъ, грущу. Конечно! Не хочу болѣе ни одного грустнаго звука. Мнѣ ли грустить? Что же дѣлать несчастному, который не нашелъ привѣта въ мирѣ, котораго любовь отвергнута, когда я буду предаваться грусти? Брани меня, ангелъ, брани. Я не долженъ грустить, любимый тобою. Горько быть встрѣченнымъ холодомъ реальнаго міра, но я не видалъ этого холода. Во мнѣ есть какая-то сила, какой-то магнетизмъ, вселяющій симпатію, и бѣда только въ томъ, что часто излишняя энергія уноситъ меня за предѣлы. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ вся моя жизнь. Когда же я былъ лишень симпатіи? Никогда. Съ ребячества меня избаловали, и въ то время, когда другой благословилъ бы жизнь свою за одну встрѣчу съ человекомъ, умѣющимъ чувствовать, я требую болѣе, я не могу дышать, дѣйствовать безъ обширной, широкой симпатіи со всѣхъ сторонъ. Это не самолюбіе, это какая-то экспансивность души, которая не можетъ удовольствоваться сама собой и ищетъ людей, свѣтитъ на нихъ, и лучъ, отраженный, согрѣтый сочувствіемъ, возвращается въ нее, исполненной жизни, любви. Ни одна симпатія не удовлетворяла мнѣ такъ, какъ любовь твоя и Огар.¹⁾ Тутъ предѣлъ, болѣе не можетъ требовать безумная фантазія моя. Доселѣ я въ тебѣ не знаю ни одного малѣйшаго пятнышка. И вся эта чистая небесная душа предалась одному чувству, и именно въ ней нѣтъ мѣста ничему другому. Ты должна была полюбить меня, несмотря на всѣ недостатки мои, на всѣ пороки. Эта масса волнующихся чувствъ, эта жадность симпатіи, эти требованія, которыми не человекъ, а ангелъ можетъ удовлетворить, должно было увлечь тебя, ибо за симпатію твою кто могъ бы заплатить?

Прощай. Можетъ, сегодня получу письмо отъ тебя и совсѣмъ отгони мрачныя тучи. Нѣтъ, не доволенъ я письмами своими къ тебѣ. Душа требуетъ сказать гораздо болѣе—и не могу. Смертельно

¹⁾ Н. П. Огарева.

хочется съ тобою поговорить. Власть слова, живого слова и взгляда и всего вида—огромна. Мертвая буква никогда не выразить всего. И неужели еще нѣтъ берега нашей разлуки? И неужели, когда я буду въ Москвѣ, люди намъ будутъ ставить границы и заставлять говорить о Насакинѣ¹⁾, когда мы имѣемъ такъ много разсказать другъ другу о нашей любви, о нашей симпатіи?

Прощай же, ангелъ!

Твой *Александръ*.

30 ноября.

На-дняхъ, сидѣлъ я вечеромъ у архіерея. Много говорили о религіи, о католицизмѣ и пр. Наконецъ, онъ завелъ рѣчь о перестройкѣ собора съ Витбергомъ, и я задумался. Вдругъ громко начали бить часы съ курантами. Я осмотрѣлся: старинная зала, едва освѣщенная, мертвая тишина и бой часовъ, особенный, монотонный. И что же вспомнилось мнѣ со всею подробностью?

Домъ княжны Анны Борисовны²⁾ со всеѣмъ своимъ отжившимъ характеромъ, съ мертвою стоячестью, съ вылинявшими обоями на стѣнахъ, и середь этого надгробнаго памятника—ты, ребенокъ въ траурѣ, какъ тебя привезли. Ты—чужая, удивленная, что попала въ этотъ кругъ,—дѣтя, но уже несчастное. Сладко было мечтать. Съ тѣхъ поръ я нѣсколько дней все думаю о ребячествѣ твоёмъ, я воскресилъ все подробности, возстановилъ все частности. Я не могъ бы вспомнить всего одною памятью, магнетизмъ любви открылъ все прошедшее. Ты писала какъ-то о первой встрѣчѣ со мною у княгини. Я вспомнилъ, какъ я видѣлъ тебя у Александра Алексѣевича³⁾, какъ ты показывала мнѣ фортунку⁴⁾. Все, все, слово отъ слова представляется мнѣ отдѣльными картинками и вездѣ ты главное лицо, ты жизнь, ты свѣтъ. Много страдала ты, много страдаю я; утрутся наши слезы, благословимъ судьбу: ты, можетъ, не была бы моя Наташа, я, можетъ, не былъ бы достоинъ тебя при счастливѣйшихъ обстоятельствахъ. Гоненіе на меня еще

1) Родственникъ княгини Хованской.

2) Этотъ домъ въ Москвѣ стоялъ на Большой Бронной. Анна Борисовна была княжна Мещерская, воспитавшая всехъ братьевъ Яковлевыхъ. Домъ ея не поправился хѣтъ 50. „Штофные обои, вылинялые и почеркнвшіе, покрывали стѣны, хрустальные люстры, загорѣлыя и сдѣлавшіяся дымчатыми топазами отъ времени, какъ-то дрожали и повзданивали, мерцавъ и тускло блестя, когда кто-нибудь шелъ по комнатѣ; тяжелая изъ цѣльнаго краснаго дерева мебель съ вычурными украшеніями, потерявшими позолоту, печально стояла около стѣнъ; комоды съ китайскими наперу-стакіями, столы съ мѣдными рѣшеточками, фарфоровыя куклы роково,—все напоми-нало о другомъ вѣкѣ, объ иныхъ нравахъ“. Сюда привезли 7-ми лѣтнюю Н. А.

3) У отца Натальи Александровны, старшаго брата Яковлевыхъ, съ которыми младшіе братья были въ ссорѣ и котораго иначе не называли, какъ „братецъ“.

4) Особая игрушка.

не окончилось. Недавно мнѣ опять была большая неутешительность. Объ этомъ, впрочемъ, ни маменькѣ, никому не говори. Больно, душно, но пусть разомъ ужъ все оборвется, а тамъ за черными годами пусть разомъ свѣтлая полоса. Потребность видѣть тебя превратилась въ болѣзнь. Иногда я въ какомъ-то безсиліи, горести бросаюсь на диванъ и кусаю губы. Но не настала, видно, еще минута, въ которую Провидѣніе назначило отдать меня тебѣ. «Да мимо идетъ чаша сія; но какъ Ты хочешь...» И при всемъ этомъ я счастливъ чрезвычайно, безмѣрно. Твои письма—отрывки изъ прелестной симфоніи любви—достаточны, чтобы поставить меня выше всѣхъ ударовъ судьбы. Можно ли грустить, будучи такъ любви (мымъ)? Таковъ человѣкъ: ему все мало, и когда многіе отдали бы жизнь за одну строку такую, какъ каждая въ твоихъ письмахъ, у меня, все-таки, не умолкаетъ голосъ, требующій болѣе письма—твоего взгляда. Взглядъ выражаетъ гораздо болѣе письма. Взглядъ живъ, онъ горитъ, онъ свѣтитъ, онъ самъ беретъ отвѣтъ изъ другого взгляда. Нѣтъ, сколько ни думай, а разлука тяжка, утомительна.

2 декабря.

Прости меня, мой ангелъ. Болѣе писать некогда. Цѣлую, цѣлую и цѣлую тебя, твои ручки.

Александръ.

Москва, 1836 г., 3 декабря.

Сегодня впервые я вздохнула свободно. Могла выйти въ другую комнату, походить, подумать. Эти дни мнѣ было такъ тяжело, такъ душно... Ты можешь вообразить, Александръ, каково быть непрерывно на *ихъ* глазахъ, мало того, смотрѣть въ ихъ глаза! И потомъ по нѣсколько часовъ сряду играть въ карты съ кн., по нѣсколько часовъ слушать Тат. Ив., по нѣсколько часовъ проводить у кровати Макаш., говорить съ нею, развлекать ее, цѣлую ночь слушать оханье больной и все остальное время не смѣть взглянуть, какъ хочется, вздохнуть даже... это ужасно! Но силы и твердость меня не покидали. *Онъ* любитъ меня, и мнѣ не снести этого? Напротивъ, въ этомъ угнетеніи я чувствовала себя выше, легче, ближе къ нему, къ тебѣ. Случалось, на какое-нибудь мгновеніе засыпала душа, и тогда-то ярко чувствовала я всю тягость и несносность своего положенія, но въ то же мгновеніе изъ-за черной тучи выкатывалось мое солнце яркое, свѣтлое, такое, такое святое! И свѣтъ, свѣтъ кругомъ и въ душѣ, и въ сердцѣ, все свѣтъ, свѣтъ! И предъ этимъ свѣтомъ исчезаютъ мои мучители, весь нашъ домъ; я остаюсь одна среди луга, среди цвѣтовъ, одна передъ мощью свѣтиломъ и согрѣваюсь огнемъ его, и свѣтлѣю его свѣтомъ.

Но для чего-жь я написала все это? Будто ты мало знаешь силу и любовь Наташи? Не то, мой ангель. Сегодня я получила твое письмо отъ 18 ноября. Сколько грусти въ немъ, тоски, сколько темныхъ и мрачныхъ мыслей! О, Александръ! вижу, со всею высотой и святостью Наташи, ангель мой, тебѣ мало Наташи. Мало, что хочешь говори. Боюсь я, будешь ли ты вполнѣ счастливъ, когда и разлуки не будетъ, когда и голову свою ты склонишь ко мнѣ на грудь. Страшно, страшно, боюсь!

Почему я не такъ много грущу? Почему мнѣ легка вся моя жизнь? Почему слезы мои сопровождаются почти всегда улыбкой? Меня объ этомъ не спросить тотъ, кто знаетъ, что я любима тобою. Сверхъ любви твоей остается ли мнѣ чего желать? Но, вѣдь, это *твоя* любовь. А моя... и я не смѣю сказать тебѣ болѣе: не грусти. Можетъ, тебѣ мало, недостаетъ, и что же дамъ я, гдѣ возьму?... Довольно было сказать тебѣ мнѣ: «Наташа, не грусти, не прибавляй тѣмъ тягости моему кресту», чтобъ мнѣ окрѣпить на всю (кровавую) разлуку, во всѣхъ пыткахъ. А тебя я умоляла, просила, одна слеза твоя убила бы меня, положила бы въ гробъ, но ты грустишь и грустишь. Ужь я не знаю, что писать мнѣ, что говорить тебѣ. Хотя на послѣднемъ листкѣ ты и пишешь: «Не хочу болѣе ни одного грустнаго звука. Мнѣ ли грустить?», —но я вижу отсюда, и теперь ты грустенъ, мраченъ, задумчивъ, блѣденъ. Свѣтъ мой такъ малъ, что оставляетъ въ твоей душѣ мѣсто мраку. Скажи, гдѣ-жь взять мнѣ его болѣе, чтобъ изгнать этотъ мракъ, вытѣснить его? Господи! Ты такъ безпредѣленъ въ твоихъ созданіяхъ, и ихъ красота и изящество такъ необъемлены, слава Твоя не можетъ ограничиться мною, есть созданья прекраснѣе, любимѣе Тобою, дай ему лучшей меня, равной ему. Я блаженствую, онъ—страдаетъ, потому что онъ такъ свѣтелъ, высокъ, а я мала и ничтожна... О, еслибъ я встрѣтила существо, могущее дать тебѣ столько, сколько ты мнѣ далъ, я-бъ уничтожилась, исчезла бы... Но какъ же довольствоваться землею неземному? Поздно очень, ложусь. Прощай. Если-бъ я знала, что ты твердо перенесешь разлуку, я бы не смѣла произнести ни одного грустнаго звука, а теперь грустно мнѣ, очень грустно...

Утѣшить ли тебя поцѣлуй мой? Вотъ десять, сто, тысячи.

Прощай! Милый сонъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

СМЕРТНЫЙ БОЙ.

(Повѣсть).

I.

По гладкому широкому тротуару блестящей улицы Royal спѣшно шли одна за другой двѣ пары, направляясь отъ церкви св. Магдалины къ Елисейскимъ полямъ. Впереди шла въ легкой нарядѣ, въ маленькой дамской шляпкѣ безъ перьевъ женщина средняго роста, довольно плотная, рядомъ съ нею высокій, тонкій, длинноногій и длиннорукій юноша съ едва обозначающимися черными усиками, съ блѣднымъ продолговатымъ лицомъ, съ серьезнымъ задумчивымъ взглядомъ. Позади, рядомъ съ стройною дѣвушкой въ простой сѣрой кофточкѣ, въ дешевой соломенной шляпкѣ, на которой, повидимому, собственноручно, не очень ловко была насажена вѣтка искусственныхъ вишенъ изъ *Magazin de printemps*, гдѣ покупалъ ихъ весь Парижъ невзыскательнаго круга, тяжеловато и какъ бы черезъ силу шелъ крѣпко сложенный господинъ невысокаго роста въ модномъ короткомъ пальто, въ цилиндрѣ, съ элегантною палкой, въ темно-коричневыхъ перчаткахъ изъ англійской лайки. Эта пара шла подъ руку, хотя, повидимому, даму это только затрудняло, потому что кавалеръ то и дѣло сбивался съ ноги, спотыкался, забѣгалъ впередъ или отставалъ и вообще обнаруживалъ неумѣнье ходить подъ руку съ дамой.

Недалекъ уже виднѣлась широкая Avenue Елисейскихъ полей и яркіе фонарики *Ambassadeur's*, идущіе въ обѣ стороны на четверть версты отъ кафе, издали манили къ себѣ и слышалась оттуда грубоватая плоская музыка и по временамъ выкрикиванье куплетиста.

Щедро освѣщенная улица была оживлена. Густые ряды экипажей медленно двигались въ ту и другую сторону. Тротуары кишѣли народомъ. У каждой витрины, — а эта улица представляетъ сплош-

ную выставку, — толпились группы любопытныхъ. Было около 9 часовъ вечера. Теплый майскій воздухъ дышалъ еще весеннею свѣжестью, хотя наверху, надъ головами, каштаны уже отцвѣтали и было даже душно. Уличная толпа шумѣла. Громкіе разговоры, безконечныя выкрикиванія газетчиковъ, съ утра до полуночи повторяющихъ одно и то же слово, подчасъ несогласное, но искренне веселое пѣніе, хлесткій звукъ бича, ловко скользящаго по воздуху, мягкій, словно подземный гулъ экипажей, — все это сливалось въ какую-то гигантскую, непрерывно тянущуюся ноту, въ которой никакое искусное музыкальное ухо не разслышитъ определенной тональности, но за то чувствуется въ ней нѣчто живое, органическое и даже, не смотря на полную неопредѣленность, нѣчто осмысленное. Если бы вамъ пришлось издали услышать этотъ шумъ, то вы сразу поняли бы, что это не шумъ моря или вѣтра, или случайно собравшагося стада звѣрей, вы сразу угадали бы человѣческое общество. Въ этомъ, повидимому, неосмысленномъ гулѣ есть душа, — что-то характерное, возбуждающее нервы, порождающее желаніе безъ всякой надобности вмѣшаться въ эту толпу, толкать другихъ и испытывать толчки, вступить въ разговоръ съ случайно попавшимся на глаза незнакомцемъ, глядѣть по сторонамъ и слушать то, что до васъ не относится.

Наши двѣ пары разговаривали громко, задніе кричали переднимъ въ уши, а передніе оглядывались, чтобы отвѣтить. Среди разнохарактернаго французскаго говора всѣхъ жаргоновъ и отгѣнковъ слышался ихъ русскій языкъ, который понимали только они. Но на это никто не обращалъ вниманія, такъ какъ на этихъ блестящихъ, ярко освѣщенныхъ улицахъ привыкли слышать языки всѣхъ странъ и народовъ.

Шелъ оживленный споръ о томъ, что слѣдуетъ предпочесть — *Ambassadeur* или *Horloge*. Спорили собственно только мужчины, а дамы, очевидно, не имѣли яснаго представленія ни о томъ, ни о другомъ. Онѣ дѣлали свои замѣчанія только на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщали имъ мужчины.

Толстый господинъ въ цилиндрѣ стоялъ за *Horloge*. Его привлекали туда двѣ испанки, изображавшія какой-то необыкновенно пикантный танецъ. Высокій молодой человѣкъ съ презрительною складкой губъ говорилъ, что это гадость; по его мнѣнію, вся пикантность испанокъ заключается въ томъ, что онѣ ничѣмъ не стѣсняются и дѣлаютъ при всѣхъ такія движенія, какія можно позволить себѣ только наединѣ съ самимъ собой.

— Такъ, вѣдь, это-то и интересно! — восклицалъ господинъ въ

цилиндръ, причеъ голосъ его немного отдавалъ хрипотой, а букву эъ онъ произносилъ съ затажкой, какъ будто ему надо было презнести не одну, а три этихъ буквы.

— Что-жь вы тутъ собственно цѣните?—спрашивалъ нѣскольго задорно и какъ бы заранѣе презирая его отвѣтъ, молодой человекъ.

— А именно это и цѣню: рѣшимость!

— Ого, скажите, пожалуйста!

— Ну, да, рѣшимость! Вы думаете это такъ легко? Ошибаетесь. Вотъ вы мужчина и характеръ, а попробуйте-ка явиться передъ публикой въ костюмѣ, въ которомъ вы бѣваете только наединѣ съ самимъ собой... Ни за что не рѣшитесь!

— Извините,—очень серьезно возразилъ молодой человекъ,—если бы это потребовалось...

— Для спасенія родины!... Ха, ха, ха! —весело подхватилъ толстый господинъ.—Вотъ то-то и оно: вамъ надо непременно спасеніе родины, а она вотъ такъ дѣлается... просто такъ, для удовольствія публики. Это рѣшимость и я это цѣню.

Дама изъ передней пары оглянулась и промолвила мягкимъ, нѣсколько усталымъ голосомъ:

— Не откровеннѣе ли будетъ сказать, что это дѣйствуетъ на ваши дурные инстинкты, господинъ Ловичъ?

— А вы не гнѣвайтесь, Ольга Сергѣевна! —сказалъ толстякъ, комически вѣжливо приподнимая свой цилиндръ.

— Почему вы думаете, что я гнѣваюсь?—спросила Ольга Сергѣевна.

— Потому что вы называете меня *господиномъ* Ловичемъ, а не Петромъ Ивановичемъ и даже не просто Ловичемъ, что, все-таки, было бы добрѣе...

— Ахъ, это просто я начинаю переводить съ французскаго!... Продолжайте, я не гнѣваюсь. Отвѣчайте на вопросъ.

— Извольте, извольте, отвѣчу по совѣсти,—промолвилъ Ловичъ, и, догнавъ вмѣстѣ съ своею дамой переднюю пару, онъ поравнялся съ ними и стали всѣ идти рядомъ, хотя это было неудобно и ихъ ежеминутно расталкивали.—Что дѣйствуетъ на инстинкты, правильно, но что на дурные, извольте ошибаться, ибо инстинктовъ нѣтъ ни дурныхъ, ни хорошихъ, а есть только просто инстинкты. Одинъ и тотъ же инстинктъ при извѣстныхъ условіяхъ даетъ хорошій поступокъ, а при другихъ—дурной. Напримѣръ, инстинктъ самосохраненія заставляетъ чиновника ходить въ департаментъ, чтобы, такимъ образомъ, заработать пропитаніе себѣ и семейству.

Каждое двадцатое число онъ отправляется въ кассиру и честнымъ образомъ получаетъ свои сто двадцать четыре рубля семьдесятъ двѣ копейки. Это—поступокъ благородный, не правда-ли? Но тотъ же самый инстинктъ самосохраненія заставляетъ голоднаго оборванца въ глухую ночь, въ глухомъ переулкѣ, наброситься на васъ и, зажавъ вамъ ротъ лѣвою рукой, правую запустить въ вашъ карманъ, чтобы, такимъ образомъ, получить отъ судьбы свое жалованье. Это поступокъ весьма неблагородный и по закону наказуемый. Не ясно ли?

— Совершенно ясно и, притомъ, скучно,—смиѣясь, замѣтила дѣвушка съ вишнями на шляпкѣ.

— Вамъ скучно, Дарья Степановна? — съ изысканною предупредительностью спросилъ Ловичъ. — О, тогда я умолкаю! Но только два слова Ольгѣ Сергѣевнѣ—прямо на вопросъ: да, дѣйствуетъ на инстинкты, это совершенно вѣрно, и это-то я и цѣню, потому что страхъ какъ надоѣло все то, что дѣйствуетъ на умъ... О, до смерти, до изступленія! Вотъ Павелъ Аркадьевичъ, навѣрное, потому зоветъ въ Ambassadeurs, что тамъ Ришаръ поетъ остроумные куплеты съ общественно-политическими намеками...

— Вы угадали,—отозвался молодой человѣкъ.—Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, есть смыслъ.

— Ну, я за смысломъ ходилъ когда-то въ Сорбону, да и тамъ не нашелъ его. А ужъ подбирать смыслъ на подмосткахъ Ambassadeurs—это, ахъ, оставьте! Ну-съ, и такъ, рѣшаемъ по большинству голосовъ. Да вы посмотрите, какъ сіяетъ Horloge. Точно невѣста подъ вѣнцомъ или царица микарема, самая добродѣтельная прачка Парижа, когда она сидитъ на вершинѣ колесницы, окруженная благоуханнымъ букетомъ менѣе добродѣтельныхъ прачекъ. А встати, когда я толкаюсь въ толпѣ на бульварахъ во время микарема, а я толкаюсь тамъ уже лѣтъ двѣнадцать, и когда торжественная процессія прачекъ проѣзжаетъ мимо, мнѣ почему-то всегда въ носу щекочетъ запахъ марсельскаго мыла. Впрочемъ, это не относится къ дѣлу. И такъ, баллотировка. Я подаю три голоса за Horloge.

— Почему три голоса?—спросила Дарья Степановна.

— Потому, что я втрое сильнѣе Павла Аркадьевича.

Дамы разсмѣялись, а молодой человѣкъ отвернулся, но, отвернувшись, улыбнулся, потому что, въ сущности, это и его разсмѣшило. Они остановились на перекресткѣ улицъ. И въ то время, какъ они рѣшали свой споръ, къ нимъ подошелъ высокій, плечистый, громоздскій господинъ въ мягкой черной шляпѣ, безъ пальто, а просто въ пиджакѣ, и въ упоръ передъ ними остановился.

— Ба! Шелковскій!—оживленно воскликнул Ловичъ.—Ты долженъ доставить мнѣ четвертый голосъ и, такимъ образомъ, я буду большинство.

Шелковскій довольно непривѣтливо посмотрѣлъ на него своими темными глубокосидящими глазами, причѣмъ его густыя брови нахмурились и пододвинулись къ переносицѣ, и между ними на лбу образовалось множество глубокихъ складокъ.

— Что же это вы?—спросилъ онъ грубоватымъ баскомъ, обращаясь прямо къ дамамъ и въ особенности къ Ольгѣ Сергѣевнѣ.—Вѣдь, условились у васъ посидѣть.

— Очень ужъ хорошо на улицѣ, — тономъ извиненія произнесла Ольга Сергѣевна. — А тутъ Ловичъ зашелъ и соблазнилъ пойти куда-нибудь въ кафе.

— Очень ужъ хорошо на улицѣ, и потому вы стремитесь въ кабачокъ, — съ усмѣшкой произнесъ Шелковскій. — А, впрочемъ, — прибавилъ онъ, — вѣдь, вамъ все вновь.

— Разумѣется. Только мы не знаемъ, куда идти: Ловичъ тащитъ въ Hogloge, а Павелъ въ Ambassadeurs.

— Конечно, въ Ambassadeurs, — сказалъ Шелковскій.

— Нравственно - общественно - политическіе намеки Ришара слушать. Еще бы! — иронически отозвался Ловичъ.

— Ну, я не поклонникъ этихъ намековъ, — замѣтилъ Шелковскій. — Но тамъ Гильберъ, — вѣдь, вы ее не слышали?

— Какъ Гильберъ? Она уже тамъ? — радостно воскликнулъ Ловичъ. — О, въ такомъ случаѣ я всѣ свои три голоса переношу на Ambassadeurs!... Но скорѣе, скорѣе, — она, вѣдь, поетъ въ десять часовъ!

— Вы, конечно, съ нами? — спросила Ольга Сергѣевна Шелковскаго.

— Н-нѣтъ, не думаю, — нерѣшительно отвѣтилъ тотъ. — Я лучше пойду къ вамъ и посижу съ Владиміромъ.

— Володя засѣлъ за работу.

— Да?

Павелъ Аркадьевичъ замѣтилъ и понялъ его нерѣшительность и очень ловко шепнулъ ему на ухо:

— Деньги есть у меня.

Шелковскій усмѣхнулся и, мелькомъ взглянувъ на него любовно, тихо пожалъ ему руку у локтя, а затѣмъ отвѣтилъ, обращаясь къ Ольгѣ Сергѣевнѣ:

— Въ такомъ случаѣ, пожалуй, пойдѣте.

Имъ предстоялъ очень трудный переходъ. Средняя линія широ-

чайшей Аvenues была вся еще запружена движущимися экипажами, между которыми мелькали тусклые фанарики юрких велосипедовъ. Переходъ былъ сопряженъ съ рискомъ,—пришлось выжидать благоприятнаго момента. Вся площадь Согласія была залита огнями. Издали слышался мягкій плескъ воды въ фонтанѣ. Площадь ежеминутно во всѣхъ направленіяхъ пересѣкали тяжелые омнибусы. Позади темнѣлъ Тюльерійскій садъ, такой веселый въ яркій солнечный день, когда онъ наполненъ дѣтьми и няньками, и такой мрачный, молчаливый теперь. Направо вырисовывался крутой изгибъ Сены съ ея частыми мостами и съ тихо скользящими по ней маленькими пароходами. Дѣловое движеніе еще было въ полномъ ходу. Оно замолкаетъ только послѣ полуночи.

Они, наконецъ, перешли черезъ улицу и достигли желанной аллеи, на которой стоитъ Café Ambassadeurs. Они вошли и заняли мѣста, оставшіяся на одной изъ самыхъ заднихъ скамеекъ. Дамамъ подали какой-то сладкой мерзости, съ размоченными въ ней вишневыми ягодами, а мужчины пили плохое пиво.

II.

Въ то время, какъ они усаживались, на сценѣ дѣйствовали высокій мужчина съ длинною шеей, въ широкихъ клѣтчатыхъ штанахъ, въ ярко-красномъ фракѣ и серебристомъ цилиндрѣ, сдвинутомъ къ затылку. Онъ оживленно размахивалъ руками и что-то такое не то пѣлъ, не то свисталъ, а затѣмъ послѣ каждаго куплета выдѣлывалъ ногами какія-то невѣроятныя фигуры. Всѣ его движенія, походка, голосъ, манера пѣть и говорить, мимика представляли верхъ неестественности, какъ будто онъ заданъ цѣлью изображать именно то, что несвойственно человѣку. Это былъ какой-то изломанный во всѣхъ отношеніяхъ субъектъ, у котораго не осталось ничего настоящаго, ничего изъ того, съ чѣмъ его родила мать. Онъ производилъ такое впечатлѣніе, какъ будто у него отрѣзали голову, ноги и руки и приставили все это сдѣланное изъ папье-маше, въ горло вставили какую-то трубку, издающую звукъ, въ стеклянныхъ глазахъ зажгли электрическія лампочки. Въ этомъ состояло его искусство, и парижане находили, что онъ неподражаемъ. Его изображеніе на афишахъ можно было встрѣтить на всѣхъ колоннахъ, гдѣ онъ красовался во весь ростъ въ своемъ красномъ фракѣ, клѣтчатыхъ штанахъ и серебристомъ цилиндрѣ; рекламисты, шествуя по городу одинъ за другимъ, медленно, въ стройномъ порядкѣ, ежедневно носили это изображеніе на высокихъ шестахъ; онъ считался приманкой концерта.

— А, это Тюрбо ломается! — сказалъ Ловичъ, набросивъ на свой солидный носъ пенснэ съ массивною золотою отдѣлкой. — Посмотрите, какъ онъ неподражаемъ.

— Боже, что за кривляка! — воскликнула Ольга Сергѣевна. — У него нѣтъ ничего натурального.

— Ахъ, неужели вамъ еще не надобно натуральное? Что до меня, то оно мнѣ пріѣлось хуже пареной рѣпы, — промолвилъ Ловичъ.

— Ты, кажется, сегодня, выходя изъ дому, далъ клятву не высказать ни одной здравой мысли, — ворчливо замѣтилъ Шелковскій, впрочемъ, не взглянувъ на него.

— Да, чтобы парализовать ту скуку, которую ты производишь своими вѣчными, непрерывными и отмѣнно здравыми сентенціями, — съ добродушною ироніей огрызнулся Ловичъ. Юноша взглянулъ на ихъ обоихъ строго.

— Господа, — сказалъ онъ, — намъ сдѣлають замѣчаніе, потому что мы мѣшаемъ слушать!

Ловичъ наклонилъ голову къ уху Ольги Сергѣевны и сталъ говорить тихо, но такимъ образомъ, чтобы могла слышать Дарья Степановна:

— Я утверждаю, что натуральное есть удѣлъ низшихъ, малокультурныхъ натуръ, а еще болѣе — животныхъ. По моему мнѣнію, прогрессъ именно заключается въ большемъ и большемъ отклоненіи отъ того, что мы называемъ натуральнымъ. Да и что такое натуральное? Это-то, что природа, въ силу извѣстныхъ условий, навязала нашему организму. Когда мы въ дикомъ состояніи бѣгали по лѣсамъ и прятались въ пещерахъ, мы были покрыты шерстью, а если вамъ теперь покажутъ человѣка, сплошь обросшаго шерстью, вы скажете, что это — уродъ, не правда ли? Птицѣ натурально летать, а человѣку — ходить по землѣ. Но человѣкъ издавна лелѣетъ мечту о томъ, чтобы научиться летать по воздуху, и когда онъ этого достигнетъ, это будетъ актъ высшей степени ненатуральности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, моментъ величайшаго прогресса. Тра-ла-ла... Стойте! Иветка вышла! Сама Иветка! Умолкаю! Но посмотрите, какъ она прилична!

Въ самомъ дѣлѣ, на сценѣ появилась Иветъ Гильберъ, которую русскіе въ Парижѣ фамильярно называютъ Иветкой. На ней было необыкновенно простое, совершенно закрытое свѣтлое платье, тѣсно облегавшее ея тонкую фигуру. Только рукава были совсѣмъ коротки, но ихъ обязанность исполняли безконечно длинныя черныя перчатки. Ее встрѣтили дружнымъ взрывомъ аплодисментовъ

и одобрительнымъ крикомъ, въ которомъ можно было слышать только: «А-э-о-у-у!»

Дамы направили на нее бинокли и тотчасъ разочаровались.

— Боже, что за фигура! — промолвила Дарья Степановна. — И это кумиръ парижанъ?

— Лицо горничной, — замѣтила Ольга Сергѣевна. — Не правда ли, даже похожа на нашу Susanne?... Совсѣмъ не интеллигентное лицо.

— Да, вѣдь, она на бестужевскихъ курсахъ не была, — сказала Ловичъ, — и тоже въ акушеркахъ не состояла.

— Почему въ акушеркахъ? — спросила Ольга Сергѣевна.

— Да, вѣдь, въ Россіи акушерки составляютъ, кажется, цвѣтъ интеллигенціи.

— Замолчи, Ловичъ, ради Бога... Ты совершенно невыносимъ! — послышался негодующій басокъ Шелковского.

Ловичъ замолчалъ, но не вслѣдствіе этого замѣчанія, а потому, что «Иветка» зашла. Очень милымъ, небольшимъ, свѣженькимъ голосомъ, съ чрезвычайно скромнымъ видомъ, наивно и просто она напѣвала такія исторіи и дѣлала такіе намеки, отъ которыхъ наши дамы краснѣли, и въ этомъ, кажется, былъ секретъ ея успѣха. Если бы свои пѣсни, которыя спеціально для нея сочиняютъ поэты и композиторы, — а она ихъ «создаетъ», а затѣмъ ихъ поетъ весь Парижъ, — если бы она пѣла ихъ въ какомъ-нибудь фривольномъ костюмѣ и дѣлала бы при этомъ соответствующія движенія, то это было бы отвратительно. Но у нея былъ такой видъ, точно она даже недостаточно понимаетъ то, о чемъ поетъ. Это было такъ же курьезно, какъ если бы ребенокъ вздумалъ повторять проповѣдь, случайно слышанную имъ отъ патера въ церкви. Никакихъ излишнихъ движеній, нѣсколько однообразныхъ жестовъ, причѣмъ, благодаря густо - чернымъ длиннымъ перчаткамъ, руки ея кажутся несоразмѣрно длинными, и тонкая игра глазъ. Все это вмѣстѣ производитъ фуроръ и собираетъ полный залъ въ концертахъ, гдѣ участвуетъ Иветъ, наполняетъ воздухъ радостными вликами и даетъ поводъ публикѣ доводить самоѣ пѣвицу до изнеможенія, заставляя ее пѣть безъ конца. Иветъ Гильберъ подражаютъ въ десяткахъ маленькихъ кафе - шантанахъ Парижа. Она создала жанръ: съ наивно-цѣломудреннымъ видомъ пѣть ультра-каскадные вещи и этимъ заслужила безсмертіе.

Ловичъ, между тѣмъ, сообщалъ дамамъ біографическія свѣдѣнія о пѣвицѣ. Она была продавщицей въ одномъ изъ огромныхъ магазиновъ столицы. Теперь она зарабатываетъ сотни тысячъ.

— Такия превращенія возможны только въ Парижѣ, гдѣ все зиждется на талантѣ, передъ которымъ разстуается толпа и даетъ ему мѣсто. Вотъ за что я люблю этотъ городъ! Въ немъ умѣютъ жить, умѣютъ вытащить изъ нѣдръ неизвѣстности, иногда изъ грязи, все, въ чемъ есть хоть капля дарованія, и умъ стоитъ только засіять ей, этой каплѣ, этой искоркѣ Божіей, какъ ее ставить на пьедесталь и поклоняются ей. Талантъ здѣсь царь. Выше его ничего нѣтъ. Ну, однако, вы такъ увлеклись Иветкой, что мои поучительныя рѣчи, кажется, слушаетъ только вонъ та милая французенка, что ежеминутно оглядывается на насъ. Готовъ держать пари, что она принимаетъ насъ за испанцевъ, въ особенности Шелковскаго, который точно изъ Мадрида выписалъ свой фетръ.

Французенка, о которой шла рѣчь, сидѣла впереди на ближайшей скамейкѣ и въ самомъ дѣлѣ поминутно оглядывалась на нихъ и ея дѣтски-наивные глаза, казалось, улыбались. На видъ ей было лѣтъ подъ сорокъ, но элегентная накидка, вся испещренная стеклярусомъ, гигантская шляпа съ какими-то необыкновенно яркими цвѣтами и роза въ бутоньеркѣ, приколотая на лѣвой сторонѣ груди, свидѣтельствовали о томъ, что ей не было никакого дѣла до возраста. Буллеты пѣвицы смѣшили ее до упаду, и она смѣялась открыто, здоровымъ груднымъ смѣхомъ, всякій разъ обращаясь къ своему сосѣду, высокому, плечистому господину съ темнымъ лицомъ и жгучими южными глазами.

Но Ольга Сергѣевна давно уже не слушала пѣвицу. Сначала она ее заинтересовала, но затѣмъ все пошло въ одномъ родѣ и прискучило. Она разсматривала въ бинокль публику, подолгу останавливаясь на женскихъ лицахъ, и ее поражало то обстоятельство, что она не встрѣтила ни одного несомнѣнно-молодого лица. Все это были женщины подъ сорокъ, а то и далеко за сорокъ, но между ними вовсе не было усталыхъ лицъ, измученныхъ нервною жизнью, заботами о дѣтяхъ и возней съ ними, живымъ сердечнымъ участіемъ въ постоянныхъ неудачахъ мужа и вообще всѣмъ тѣмъ, что составляло ея непрестанную муку и постепенно довело ее до какого-то хроническаго утомленія, а лицо ея, худое, слишкомъ рано постарѣвшее, покрылось болѣзненною блѣдностью и морщинами. Эти женщины какъ-то умудрились сохранить здоровье и формы, и цвѣтъ лица. Щеки ихъ пышутъ румянцемъ, движенія полны жизни и энергіи, въ глазахъ горитъ огонь; онѣ неудержимымъ порывистымъ смѣхомъ отеликаются на то, что у нея едва-едва вызываетъ слабую улыбку; онѣ, вмѣстѣ съ мужчинами, въ зосторгѣ отъ невообразимыхъ пошлостей, раздающихся со сцены,

хлопаютъ въ ладоши, требуя повтореній, тогда какъ ей все это скучно, хочется зѣвать и она уже во всѣхъ членахъ ощущаетъ усталость и дорого дала бы за то, чтобы отсюда прямо перенестись на мягкій диванъ и растянуться на немъ. Какія у нихъ удивительныя фигуры, какіе чудные густые волосы и сколько времени, должно быть, онѣ посвятили своимъ прическамъ передъ тѣмъ, какъ идти сюда! Неужели у всѣхъ этихъ женщинъ нѣтъ мучительныхъ заботъ, нѣтъ дѣтей, мысль о которыхъ никогда не покидаетъ ее, неужели онѣ ни надъ чѣмъ не задумываются? Вѣдь, у нихъ такіе ясные глаза, онѣ такъ беззаботно предаются веселью. А, между тѣмъ, вѣдь, все это люди средняго, работающаго класса, къ которому принадлежитъ и она.

И въ груди у ней зашевелилось что-то похожее на легкую зависть къ этимъ женщинамъ, для которыхъ жизнь—радость, тогда какъ ее она лишь утомляетъ. Вотъ и теперь она уже обратилась къ Шелковскому и тихонько сказала ему на ухо:

— Слушайте, свезите меня домой, — съ меня довольно.

Шелковскій посмотрѣлъ ей въ глаза съ какимъ-то соболѣзнованіемъ и усмѣхнулся:

— Въ самомъ дѣлѣ, довольно. Вы уже никуда не годитесь.

— Это правда, — шутливо, но, въ то же время, не безъ оттѣнка грусти, согласилась Ольга Сергѣевна. Какъ разъ въ это время Иветъ окончательно прекратила свои бисы и они, пользуясь маленькимъ антрактомъ, поднялись.

— Буда вы? — съ ужасомъ спросила Дарья Степановна, у которой не было ни малѣйшаго желанія уходить домой такъ рано.

— Вы оставайтесь, Даша, васъ проводить кто-нибудь изъ нихъ, а я спать хочу, — сказала Ольга Сергѣевна и прибавила: — Заплатить за насъ Павлуша, потомъ сочтемся.

Павель Аркадьевичъ кивнулъ головой. Шелковскій предложилъ Ольгѣ Сергѣевнѣ руку и они вышли.

III.

Они посидѣли еще съ полчаса, и все время почти молча. Ловичъ сидѣлъ между дѣвушкой и Павломъ Аркадьичемъ и ему почему-то не говорилось. Дарья Степановна была молчалива, какъ всегда. Она, повидимому, умѣла только отвѣчать на вопросы и очень рѣдко дѣлала свои замѣчанія. Молодой человекъ немного дулся, что съ нимъ бывало всякій разъ, когда онъ встрѣчался съ Ловичемъ, которого не любилъ.

Концертъ кончился, они расплатились, приче́мъ между мужчи́нами даже по этому ничтожному поводу вышло разногласіе. Ловичъ хотѣлъ заплатить за всѣхъ и сунулъ гарсону двадцатифранковую монету. Но Павелъ Аркадьевичъ настаивалъ на своемъ правѣ заплатить за обѣихъ дамъ, за себя и Шелковскаго, ссылаясь на то, что Ольга Сергѣевна, уходя, поручила ему это. Ловичъ сухо замѣтилъ, что о такихъ пустягахъ не стоить говорить, но молодой человѣкъ отдалъ плату и заставилъ его взять сдачу. Они вышли съ еще болѣе пасмурнымъ видомъ, чѣмъ были въ концертѣ. На улицѣ движеніе уменьшилось и стало менѣе безпокойнымъ и суетливымъ. Толпа гуляющихъ, правда, не порѣдѣла, но экипажи были очень рѣдки, а омнибусовъ совсѣмъ не было. Площадь, попрежнему, была залита огнями, а фонтанъ уobelиска замолкъ.

Павелъ Аркадьевичъ тотчасъ началъ прощаться.

— Буда же вы? Развѣ вы не зайдете къ намъ? — спросила его очень привѣтливо Дарья Степановна. — Мы сдѣлаемъ чай!...

— Нѣтъ... Миѣ, вѣдь, далеко, въ концѣ St. Michel'я, а омнибусовъ нѣтъ... Благодарю васъ! — съ холодною вѣжливостью отвѣтилъ молодой человѣкъ и пожалъ обоимъ руки. — Завтра, завтра! — прибавилъ онъ, уже отойдя отъ нихъ нѣсколько шаговъ.

Они прошли молча до площади. Ловичъ, убѣдившись, что Павелъ Аркадьевичъ настолько далеко, что не услышитъ, комически испустилъ громкій вздохъ облегченія.

— Опфф!... Этотъ принципиальный молодой человѣкъ когда-нибудь заставитъ меня повѣситься отъ тоски и отчаянія на первомъ попавшемся платанѣ! — промолвилъ онъ, вынувъ платокъ и вытирая потъ съ лица съ такимъ видомъ, словно именно этотъ юноша вогналъ его въ потъ.

— Вы все не ладите съ нимъ... и съ Шелковскимъ тоже, — съ тонкою усмѣшкой произнесла Дарья Степановна.

— А видите ли, — съ живостью заговорилъ онъ, предложивъ ей руку, — все мое несчастье заключается въ томъ, что у меня есть состояніе и потому я могу свободно распоряжаться своимъ временемъ и своею личностью. Этого они никакъ миѣ простить не могутъ.

— Полноте. Это неправда. Они вовсе не такіе.

— Да, вѣдь, я ни въ чемъ ихъ и не обвиняю. Я не говорю, что они миѣ завидуютъ или что хотятъ, чтобы я съ ними подѣлился. Ничуть не бывало. Но между богатымъ и бѣднымъ существуетъ какой-то органическій антагонизмъ, въ которомъ они не властны. Также имъ ужасно не нравятся мои свободные взгляды, которыхъ ни не находили ни въ какихъ книжкахъ и потому заранее разъ на-

всегда забраковали. Вотъ и насчетъ свободныхъ взглядовъ: я думаю, что они могутъ быть только у человѣка обеспеченнаго, потому что у него много времени и онъ можетъ сколько угодно останавливаться передъ явленіями, вдумываться въ нихъ и дѣлать оригинальные выводы, а бѣдняку когда это дѣлать? Ему все время надо давать уроки, писать статьи, переводы, корректуры, — ну, онъ поневолѣ довольствуется готовыми взглядами, изложенными въ книжкахъ. Оттого-то они всё такъ шаблонны, эти господа, и скучны. А, впрочемъ, ну ихъ къ Богу! Это даже безсовѣстно, идя объ руку съ такимъ очаровательнымъ существомъ, говорить о какихъ-то скучныхъ обитателяхъ St. Michel'я. Не правда ли?

— Конечно, не правда! Если подъ очаровательнымъ существомъ вы разумѣете меня, то обо мнѣ, вѣдь, и сказать нечего.

— О васъ? Я могу говорить три года безъ умолку! — съ увлеченіемъ воскликнулъ Ловичъ. — Вы интереснѣйшее существо, какое я когда-либо встрѣчалъ!

— Вотъ какъ!

— Да, да, да! Во-первыхъ, вы всегда молчите, а это очень интересно. И молчите вы такъ, что всегда кажется, что вотъ еслибъ она только заговорила, то полился бы потокъ краснорѣчія и остроумія, и мѣткихъ замѣчаній.

Дарья Степановна разсмѣялась и въ этомъ смѣхѣ вовсе не было кокетства. Она въ самомъ дѣлѣ была невысокаго мнѣнія о своемъ остроуміи и краснорѣчіи и, можетъ быть, была права. Про первое можно было сказать, что оно еще не имѣло случая проявиться, — ну, а что касается второго, то она въ немъ чувствовала себя очень слабой.

— Позвольте, — остановилъ ее смѣхъ Ловичъ. — Я вовсе не говорю, что вы краснорѣчивы, остроумны и мѣтки. Можетъ быть, этого и нѣтъ, но этого и не надо. Я говорю: кажется, а это гораздо лучше, чѣмъ есть. Когда есть, то проявляется, къ нему привыкаютъ и считаютъ ни за что, а когда только кажется, то всегда ждуть и надѣются.

— Ну-съ, далѣе...

— Далѣе, у васъ такая наружность, съ которой... Вы себѣ и представить не можете, какая у васъ наружность!

— Пожалуйста, опишите.

— Гм... Описать! Я могу говорить о ней, но описать ее невозможно. Да и не къ чему, потому что не въ этомъ дѣло. Ну, что изъ того, если я скажу, что вы стройны, что у васъ тонкая, высокая талія, чудесные льняные волосы, божественные сѣрые гласа съ

легкою синевою, которая вечеромъ и въ тѣни дѣлаетъ ихъ черными, что у васъ необыкновенно нѣжный цвѣтъ лица, удивительно граціозное очертаніе губъ и такъ дальше, и такъ дальше? Ахъ, да, вѣдь, это просто красота, а красивыхъ женщинъ въ Парижѣ не оберешься и есть такія, словно онѣ сдѣланы по заказу въ мастерской великаго художника, — ну, и вамъ, конечно, за ними не утоняться. Видите, какъ я откровененъ. Вѣдь, мнѣ ничего не стоило бы сказать, что вы—самая красивая женщина въ Парижѣ, но это была бы неправда. Да не въ красотѣ тутъ дѣло. Тутъ совсѣмъ другое.

— Послушайте, куда это мы идемъ? Мы здѣсь не шли... Вѣдь, это бульвары! — остановила его Дарья Степановна.

— Да, это бульваръ Монмартръ! А что? Мы просто гуляемъ. Посмотрите, какъ оживлены тротуары. Чортъ знаетъ, откуда у нихъ берется энергія, у этихъ французовъ! Такъ и бьетъ ключемъ. Всѣ кафе полны, даже присѣсть негдѣ. Знаете что? Зайдемъ въ Café Viche или къ Дюрану. Чего-нибудь слегка закусить.

— О, нѣтъ, нѣтъ!... Это невозможно! — поспѣшно, какъ бы испугавшись, возразила Дарья Степановна.

— Вы не хотите сдѣлать мнѣ эту честь? — со вздохомъ сказалъ Ловичъ.

— Нѣтъ, просто пора домой. Ольга Сергѣевна устала и мнѣ надо быть съ дѣтьми. Сережа немного кашляетъ и часто просыпается.

— Вы не можете себѣ представить, какъ это для меня дико звучитъ, когда вы говорите о дѣтяхъ. Вы—при дѣтяхъ! Ха, ха, ха! Это все равно, какъ если бы соловья заставили читать псалтырь. Ну, хорошо, если вы торопитесь, то возьмемъ фіакръ. Садитесь!

Онъ велѣлъ кучеру ѣхать въ улицу Voëtie и помочь ей сѣсть въ коляску.

— Ну - съ, и такъ, не въ красотѣ дѣло, а въ чемъ же? — промолвила Дарья Степановна, продолжая прерванный разговоръ.

— Э, нѣтъ... увольте! Это я вамъ когда-нибудь объясню, когда мы будемъ съ вами ужинать въ Café Viche! — отвѣтилъ Ловичъ тономъ разочарованія. Онъ рассчитывалъ иначе провести вечеръ, и когда планы его разрушились, ему вдругъ стало скучно.

— Это необходимое условіе? — спросила Дарья Степановна.

— Нѣтъ, но я вижу, что для этого требуется извѣстная рѣшимость. И вотъ, когда эта рѣшимость явится, это будетъ для меня признакомъ того, что вы въ состояніи понять мое объясненіе. При томъ же, собственно говоря, я не имѣю права говорить вамъ этого.

— Почему?

— Почему? Да потому, что это немножко... какъ бы вамъ сказать... немножко выходить изъ области морали.

— Да? Въ такомъ случаѣ, я васъ навсегда освобождаю отъ этого объясненія!—почти строго сказала Дарья Степановна.

— Хорошо. Ну - съ, такъ будемте говорить о другихъ предметахъ. Вотъ изъ Оперы выходятъ. Видите, какъ еще рано, а вы торопитесь домой. Даже омнибусъ изъ Пасси идетъ къ биржѣ, а вы—домой. Нѣтъ, никуда вы не ходите. Ну, Ольгу Сергѣевну я понимаю, она въ конецъ истощена добродѣтельною жизнью. Вѣдь, Владиміръ Иванычъ, кажется, во всю жизнь ничего отъ нея не требовалъ, кромѣ добродѣтели, а это очень истощаетъ, въ особенности женщину.

— Почему же въ особенности женщину?

— Совѣтую вамъ и отъ этого объясненія освободить меня.

— А что, развѣ и оно выходитъ изъ области морали?

— Какъ все, что я говорю и думаю.

— Въ такомъ случаѣ, намъ скоро придется прекратить всякіе разговоры!

— Почему же? Я могу прикинуться и говорить въ жанрѣ Шелковскаго. Вотъ увидите, какъ это я искусно сдѣлаю. Ну - съ, вотъ и Воэіе, вашъ пансіончикъ. У Владиміра Ивановича—свѣтъ. Значить, онъ еще пишетъ свой фельетонъ. Желая вамъ спать какъ можно хуже.

— Почему?

— Потому что у васъ слишкомъ здоровые нервы и оттого вы слишкомъ добродѣтельны. Вамъ надо ихъ немного испортить. *Voilà tout...*

Онъ позвонилъ и подождалъ, пока она скрылась въ подъздѣ, а затѣмъ отпустилъ извозчика и пошелъ пѣшкомъ обратно къ бульварамъ. У церкви св. Магдалины онъ не встрѣтилъ замѣтнаго оживленія, но по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ Оперѣ, бульварная толпа становилась гуще и шумнѣе, но на этотъ разъ она не увлекла и не оживила его своею веселостью, какъ тогда, передъ концертомъ; напротивъ, чѣмъ больше толкали его въ бока, чѣмъ настойчивѣе жужжали ему въ уши газетчики и продавцы какихъ-то необыкновенныхъ изобрѣтеній, безъ которыхъ, по ихъ словамъ, ни одинъ сколько-нибудь порядочный человѣкъ не можетъ обходиться, его сильнѣе и сильнѣе охватывала досада. Онъ чувствовалъ приближеніе того проклятаго настроенія, которое посѣщало его рѣдко, но мучило иногда по недѣлямъ. Это было странное настроеніе для человѣка такихъ взглядовъ, какихъ держался Ловичъ, для человѣка,

тратящаго всё доходы съ довольно большого состоянія исключительно на свою особу, для человѣка, наконецъ, чуть не до безумія влюбленнаго въ Парижъ съ его безшабашною показною жизнью, ушавшагося его театрами и не представлявшаго себя высшаго наслажденія, какъ дышать воздухомъ его бульваровъ и улицъ. И когда приходило къ нему это настроеніе, Ловичъ, котораго всё знали такимъ, какимъ онъ былъ, вдругъ какъ бы выворачивался на изнанку; въ немъ мѣнялось все, отъ точки зрѣнія на обожаемый Парижъ и на все то, чѣмъ этотъ городъ плѣнялъ его въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ, до мелочей его обыденной жизни. Однако, знакомые рѣдко видѣли его въ этомъ состояніи, потому что въ такіе дни онъ почти не выходилъ изъ своей квартиры близъ сквера Louvois, неподалеку отъ биржи.

Началось это съ досады на Дарью Стенановну за то, что она разбила его планъ. Онъ, какъ онъ самъ мысленно объяснялъ теперь, слишкомъ далеко забѣжалъ впередъ. «О, — говорилъ онъ себѣ, — для этого еще много, очень много надо потерять времени! Съ моей стороны это была психологическая ошибка. Дьяволъ-то въ ней сидитъ, это вѣрно, въ этомъ я не ошибся, но онъ спитъ слишкомъ крепко, и пока его растолкаешь, сколько драгоценныхъ минутъ, часовъ и дней канетъ въ Лету!»

Его брала досада на то, что люди, по его мнѣнію, навязываютъ себѣ роли, которыя имъ не по силамъ и потомъ даютъ ихъ самихъ всю жизнь. Это чудное существо, на примѣръ, созданное для того, чтобы однимъ мановеніемъ граціознаго пальчика заставлять толпу преклоняться передъ нимъ, вдругъ оказывается при дѣтяхъ, да, въ добавокъ ко всему, она невѣста какого-то художника Отлетова, человѣка, должно быть, весьма благороднаго, но, навѣрное, бездарнаго. Неизвѣстно почему, онъ былъ совершенно увѣренъ, что Отлетовъ — бездаренъ, и въ этомъ его разубѣдить не было никакой возможности. Онъ никогда не видалъ его, но онъ былъ также увѣренъ, что тотъ непременно долговязъ, надмененъ, что у него толстый носъ и узкій лобъ. Кроме того, онъ рѣшилъ, что Отлетовъ изъ семинаристовъ, и хотя его увѣряли въ противномъ, онъ этому не вѣрилъ.

Ловичъ прошелъ версты двѣ и съ каждымъ шагомъ пессимистическая окраска его размышленій густѣла. Дойдя до St. Denis, онъ хотѣлъ было безъ всякой надобности повернуть въ ворота, но потомъ вдругъ разсердился и на себя за эту глупую мысль, и на ворота за то, что они попались ему на глаза, и повернулъ обратно.

И когда въ центрѣ бульваровъ его опять стиснула шумная толпа, онъ вдругъ возненавидѣлъ ее, завернулъ въ первый попавшійся

ресторанъ, мрачно сѣлъ въ отдаленный уголь и потребовалъ себѣ бутылку шампанскаго, чѣмъ очень удивилъ гарсона, такъ какъ у него былъ видъ человѣка, который, если ужъ зашелъ въ ресторанъ, хотя ему болѣе къ лицу было бы висѣть на деревѣ, гдѣ-нибудь въ Булонскомъ лѣсу, то, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ треснуть кулакомъ по столу и гнѣвно крикнуть: «Un bock, s'il vous plait!»

IV.

Пансіончикъ, въ которомъ жили уже болѣе шести недѣль Баширцевы, представлялъ небольшое помѣщеніе, раздѣленное на десятокъ миниатюрныхъ комнатъ, и назывался пансіономъ безъ достаточныхъ основаній. Въ сущности, это было почти то, о чемъ у насъ на воротахъ объявляютъ: «Отдаются меблированныя комнаты, по желанію, со столомъ». Баширцевы попали сюда по рекомендаціи Шелковскаго, который хотѣлъ сдѣлать удовольствіе мадамъ Броникъ, владѣлицѣ пансіона или, лучше сказать, хотѣлъ сдѣлать доброе дѣло. Впрочемъ, прежде чѣмъ свести Баширцевыхъ на улицу Воёіе, онъ подробно объяснилъ имъ все, что они могутъ тамъ найти.

— Во-первыхъ, — сказалъ онъ, — хозяйка. Она не покажется вамъ симпатичной. Кажется, еврейка и, кажется, когда-то, гдѣ-то была крещена. Зовутъ ее Изидой Манриковной, что совершенно непонятно и весьма подозрительно. Поэтому-то она и не любитъ, чтобъ ее называли по имени и отчеству, а настаиваетъ на томъ, что она мадамъ Броникъ, и, притомъ, не Броникъ, а непременно Броникъ. Но это—Богъ съ ней. Комнатки у нея небольшія, впрочемъ, есть все, что необходимо. Пищу ѣсть можно безъ особеннаго риска. Но, притомъ, не обязательно, и если раза два въ недѣлю захочется обѣдать (а это обязательно, потому что она кормитъ все бараниной и мозгами), то предупредите—не взыщете. Выдающихся достоинствъ указать не могу, не выдающихся—тоже. Впрочемъ, есть одно, да и то отрицательное: отсутствіе той казенной щепетильности, какою блещутъ и гордятся отели и пансіоны всего міра, а потому ѣдятъ и пьютъ не по звонкамъ, а когда захочется, дѣти могутъ кричать и плакать, сколько имъ угодно, и вообще мадамъ Броникъ, несмотря на пятнадцатилѣтнее пребываніе въ Парижѣ, не утратила русскихъ вкусовъ и питаетъ слабость къ нашей милой безпорядочности, и, притомъ, беретъ недорого. Главное же дѣло въ томъ, что она когда-то совершила какой-то общественный подвигъ, сущности котораго я никакъ хорошенько не разберу, но она сама вамъ расскажетъ,

этагъ недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ вы у нея поселитесь. Вотъ ради этого-то подвига она и заслуживаетъ, чтобы ея пансіончикъ не былъ пустъ.

Баширцевы больше всего боялись,—ради дѣтей, конечно,—той щепетильной порядочности отелей, о которой говорилъ Шелковскій, и «отрицательное достоинство» мадамъ Броникъ и ея пансіона покорило ихъ. Они переѣхали туда и вотъ уже полтора мѣсяца мирились съ тѣснотой и другими неудобствами. Но въ главномъ они были довольны. Имъ дали четыре миниатюрныхъ комнатки, въ которыхъ они кое-какъ размѣстились. Кромѣ нихъ, жильцовъ было еще трое: два господина—прикащики изъ какой-то русской торговли и дама неопредѣленной національности, говорившая на всѣхъ языкахъ одинаково плохо. Она называла себя румынкой, а ея общественное положеніе оставалось для всѣхъ, не исключая, кажется, и мадамъ Броникъ, загадкой. Прикащиковъ можно было видѣть только по воскресеньямъ, въ остальные дни они, придя домой, тотчасъ заваливались спать. По воскресеньямъ же ихъ иногда встрѣчали въ столовой, но, сколько ни пробовали, никакъ не могли разговорить ихъ. Богъ знаетъ, почему они смущались и краснѣли и отвѣчали на вопросы до такой степени невпопадъ, что, казалось, русскій языкъ имъ недостаточно извѣстенъ. А, между тѣмъ, они по всему были настоящіе русскіе, откуда-нибудь изъ Ярославской губерніи, и въ этомъ отношеніи не возбуждали никакихъ сомнѣній. Кажется, и смущеніе ихъ происходило отъ того, что они чувствовали себя слишкомъ русскими. По всей вѣроятности, они въ Россіи были просто «молодцами» и состояли въ черномъ тѣлѣ; должно быть, въ свое время пришли изъ деревни мальчишками и долго, въ качествѣ «мальчиговъ», гоняли ихъ направо и налево, давали имъ зуботычины и вообще всячески «указывали имъ ихъ мѣсто». А тутъ, въ Парижѣ, куда они попали, безъ сомнѣнія, благодаря своимъ выдающимся способностямъ, имъ приходится сидѣть за табльдотомъ «съ господами», изъ коихъ одинъ, т.-е. Владиміръ Ивановичъ, еще литераторъ. Совершенно понятно, что они, при столь непривычныхъ обстоятельствахъ (а они въ Парижѣ жили всего около трехъ мѣсяцевъ), ощущали робость.

Баширцевы рѣшили засѣсть въ Парижѣ надолго, самое меньшее года на два. Это рѣшеніе было простою реакціей на то обстоятельство, что они жили безвыѣздно въ Петербургѣ одиннадцать лѣтъ, т.-е. какъ разъ съ той поры, какъ Владиміръ Ивановичъ женился на Ольгѣ Сергѣевнѣ. Эти одиннадцать лѣтъ были годами сплошной, никогда не прекращавшейся борьбы съ скучными повседневно-

ными мелочами или, лучше сказать, съ недостаткомъ ихъ. Владиміръ Ивановичъ не зналъ другого ремесла, кромѣ писательства. Онъ усердно работалъ въ газетахъ и журналахъ, большею частью не подписывая своего имени. Каширцевъ страстно любилъ свое дѣло, но выдающимся дарованіемъ не обладалъ и въ теченіе пятнадцати лѣтъ журнальной дѣятельности не успѣлъ сдѣлать себѣ имени, за то, въ тотъ же періодъ, успѣлъ сильно расшатать свою нервную систему и приобрести какіе-то загадочные приступы къ сердцу, которыхъ пока не могли объяснить петербургскіе врачи,—разумѣется, изъ недорогихъ и большею частью начинающихся. Но судьба, все-таки, оберегала его и дала ему только двухъ мальчиковъ и одну дѣвочку, хотя за этотъ періодъ супружеской жизни могла послать ему, по крайней мѣрѣ, вдвое больше.

Зарабатывалъ онъ немного, а семейство росло, поэтому начались маленькіе долги, которые скоро выросли въ большіе, а затѣмъ стали угрожать разростись до цифры, превышавшей всё его заработка. Онъ приходилъ въ отчаяніе, но тутъ какъ разъ, необыкновенно кстати, что слишкомъ рѣдко бываетъ на свѣтѣ, у него умерла тетка, очень богатая, но при жизни не признававшая никакой родни. По свойственной старикамъ, а особенно старухамъ, страсти дорожить жизнью и бояться всего, что можетъ такъ или иначе напоминать о смерти, она не оставила духовнаго завѣщанія, и, благодаря этому, Каширцевымъ досталось 15 тысячъ, которыя свалились на ихъ голову какъ разъ въ тотъ моментъ, когда ихъ собирались описывать за долги. Владиміръ Ивановичъ уплатилъ «главные» долги и воспользовался, можетъ быть, единственнымъ въ жизни случаемъ повидать свѣтъ и кстати отдохнуть отъ долголѣтней неустанной работы. Онъ уѣхалъ за границу съ семействомъ. Первая стоянка ихъ была въ Берлинѣ. Здѣсь онъ прожилъ около двухъ мѣсяцевъ, пытаясь приладиться къ мѣстной жизни и имѣя въ виду поселиться здѣсь на продолжительное время. Но Берлинъ не сумѣлъ привязать ихъ къ себѣ, они скоро соскучились и почувствовали, что не отдыхаютъ, а только больше устаютъ. Ихъ отдыхъ могъ теперь состоять только въ обиліи новыхъ и разнообразныхъ впечатлѣній, а этого въ столицѣ Германіи они не нашли. Простымъ и единственнымъ выводомъ изъ этого былъ переѣздъ въ Парижъ. Впрочемъ, недѣли на двѣ они передъ этимъ заѣхали въ Швейцарію.

Дарья Степановна попала къ нимъ невзначай. Состоя въ дальнемъ родствѣ съ Владиміромъ Ивановичемъ, она бывала у нихъ часто въ Петербургѣ, но съ Ольгой Сергѣевной близко не сошлась. Онѣ относились другъ къ другу съ большимъ уваженіемъ, но между

ними всегда оставалась какая-то холодность, мѣшавшая родственному знакомству перейти въ дружбу. Въ характерѣ обѣихъ женщинъ были для этого причины. Ольга Сергѣевна всѣ одиннадцать лѣтъ своей супружеской жизни отдала дѣтямъ, а также непрестанному разрѣшенію задачи—сведенія концовъ съ концами при условіи, что они никогда естественнымъ образомъ не сходились. Съ жизнью она сталкивалась только на этихъ двухъ пунктахъ, чрезвычайно рѣдко позволяла себѣ выйти изъ этой колеи, согласившись поѣхать въ театръ или провести вечеръ у знакомыхъ. Незамѣтно для нея самой это утомляло ее, дѣлало ее желчной и вырабатывало для нея міросозерцанія мрачную окраску. Когда человѣкъ изъ года въ годъ ведетъ скучную жизнь, состоящую въ одномъ только исполненіи обязанностей, ему начинаетъ казаться, что жизнь вообще—скучная штука, что она состоитъ изъ обязанностей, а къ людямъ онъ питаетъ равнодушіе и холодность.

Дарья Степановна съ своей стороны обладала характеромъ замкнутымъ, почти никогда не высказывалась и это придавало ей такой видъ, какъ будто ей было все равно до всѣхъ, и Ольга Сергѣевна, которой было некогда попристальнѣе взглядѣться въ нее, считала ее холодною, узкою эгоисткой. Дарья Степановна была одинока и съ семнадцати лѣтъ (а ей было теперь 23) добывала средства уроками, давая ихъ съ утра до вечера. Она тоже устала однообразною жизнью и жаждала такого же отдыха, какой былъ необходимъ Каширцевымъ. Когда возникъ вопросъ о выборѣ бонны къ дѣтямъ (до сихъ поръ Ольга Сергѣевна обходилась съ одною горничной), Дарья Степановна сама предложила свои услуги. Ольгу Сергѣевну это удивило.

— Да развѣ вы любите дѣтей, Даша? Вѣдь, они вамъ надоѣдаютъ въ недѣлю!

— Право, Ольга Сергѣевна, я сама не знаю, люблю я ихъ или нѣтъ... Но это все равно: если даже окажется, что не люблю, и, какъ вы говорите, они надоѣдаютъ мнѣ въ недѣлю, то все же я буду добросовѣстно исполнять свои обязанности. Развѣ то, что я теперь дѣлаю съ утра до вечера, не надоѣло мнѣ до смерти? А, вѣдь, я исполняю свои обязанности добросовѣстно.

Это было сказано съ такимъ серьезнымъ лицомъ, такимъ рѣшительнымъ тономъ и съ такимъ выраженіемъ отчаянія въ глазахъ, что Ольга Сергѣевна больше не колебалась. Она какъ будто въ первый разъ увидѣла и поняла, что Дашѣ, въ сущности, жизнь такъ же прискучила, какъ и ей, и что ея замкнутость, можетъ быть, отъ этого и происходить.

И вотъ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ заграничной жизни Ольга Сергѣевна не имѣла ни малѣйшихъ основаній жаловаться на свою «бонну». Дарья Степановна щепетильно-точно исполняла всѣ свои обязанности при дѣтяхъ, и если бы Ольга Сергѣевна обладала болѣе спокойнымъ характеромъ или, лучше сказать, если бы за одиннадцать лѣтъ она не сдѣлала привычки постоянного безпокойства, то имѣла бы уже полную возможность отдохнуть.

V.

— Однако, я вижу, тебя совсѣмъ плѣнилъ Парижъ! Ты даже излечилась отъ своей усталости... Что-жь, это меня радуеть!

Это говорилъ Владиміръ Ивановичъ, сидя въ своемъ маленькомъ кабинетѣ у миниатюрнаго письменнаго стола за чашкой чаю. Онъ сидѣлъ въ полъоборота къ Ольгѣ Сергѣевнѣ, которая стояла на порогѣ. На ней былъ широкій ситцевый капотъ съ голубыми цвѣточками, которые слабо отсвѣчивали на ея блѣдномъ лицѣ. Лицо это выражало утомленіе больше, чѣмъ когда бы то ни было, и это составляло видимое противорѣчіе съ словами Каширцева.

— Ты находишь?—съ едва замѣтною улыбкой промолвила она.

— Ну, да. По крайней мѣрѣ, ты неутюма...

— Если Парижъ отъ чего-нибудь и излечилъ меня, такъ развѣ отъ инертности, которая сдѣлалась было моею второю натурой,— задумчиво возразила Ольга Сергѣевна.

— Однако-жь, для того, чтобы такъ дѣятельно посѣщать театры и бульвары, нужны силы. Прежде у тебя ихъ не было.

— И теперь нѣтъ.

— Значить, ты дѣлаешь это черезъ силу? Такъ, что ли?

— Да, почти такъ.

— Странно! Какъ будто тебя заставляютъ это дѣлать!

Онъ сказалъ это съ легкою досадою и повернулся къ столу, какъ бы для того, чтобы помѣшать ложечкой чай. Ольга Сергѣевна сдѣлала два шага впередъ и сѣла въ кресло. Потомъ она подняла голову и закрыла глаза.

— Когда человѣкъ самъ не съумѣлъ сколько-нибудь сносно прожить свою жизнь, надо же ему посмотреть, по крайней мѣрѣ, какъ умѣютъ жить другіе,—проговорила она медленно, въ одинъ тонъ.

Владиміръ Ивановичъ быстро оглянулся и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Это ты говоришь, ты?—волнуясь, спросилъ онъ въ то время, какъ она сидѣла съ приподнятою головой и съ закрытыми глазами.

ни.—Эта безшабашная скачка на всѣхъ парахъ, эта жизнь навыворотъ, это хватаніе на-лету наслажденія, чтобы выпить изъ него самый свѣжій сокъ и затѣмъ швырнуть подъ ноги и перейти къ новому—это ты называешь умѣньемъ жить? Мнѣ просто не вѣрится, что я слышу это отъ тебя, Оля!

— Это понятно, — возразила Ольга Сергѣевна, — ты привыкъ видѣть меня то съ дѣтьми, то на кухнѣ, то за грошовыми переводами, и тебѣ кажется чудовищнымъ, что я заговорила о другихъ предметахъ. Ну, хорошо, я скажу: да, да, да! Я называю это умѣньемъ жить. Я не обсуждаю: хорошо это или дурно. Я только говорю, что это жизнь, тутъ есть хоть какое-нибудь движеніе. Они, эти парижане, точно не по землѣ ходятъ, а несутся на воздушномъ шарѣ, все выше и выше, все быстрѣе и быстрѣе, такъ что духъ захватываетъ.

— Ну, да, и это кончается разрывомъ сердца и паденіемъ въ пропасть. Чрезвычайно заманчивая перспектива! — съ усмѣшкой замѣтилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Что-жь, если сердце разорвалось, значить, оно сильно билось, то-есть сильно чувствовало, значить—оно жило. А по-твоему лучше, чтобы оно мало-по малу затихало, замирало и затѣмъ каменило исподволь, незамѣтно, какъ каменѣетъ растеніе подъ почвой? Ахъ, да итѣ, оставь, пожалуйста... оставимъ этотъ разговоръ! Я утомлена.

— Оставимъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее и ему стало жаль ее. И тонъ, какимъ она произнесла послѣднія слова, и лицо ея говорили о крайней усталости. Морщинки около глазъ умножились и сдѣлались глубже, углы рта опустились, — казалось, она даже похудѣла. Это странно. Онъ радовался за нее, замѣчая, какъ въ послѣднія три недѣли она искренно увлекалась шумомъ и разнообразіемъ парижской жизни, и видѣлъ въ этомъ какъ бы вознагражденіе для нея за прежніе скучно проведенные годы. Самъ онъ пока только посѣщалъ парламентъ, каждый день отправляясь туда пѣшкомъ, слегка прихрамывая и тяжело опираясь на свою толстую палку. Жители квартала уже привыкли каждое утро видѣть высокаго, тонкаго господина, выходящаго изъ подъѣзда и тихо направляющагося къ Сенѣ. По внѣшнему виду они опредѣляли, что это не французъ или, по крайней мѣрѣ, не парижанинъ. Слегка сутуловатый, въ длинномъ лѣтнемъ пальто, съ небрежно повязаннымъ галстукомъ, съ большою волосатою головою, прикрытою черною поярковою шляпою, нерѣдко смятою и надѣтою невпопадъ, съ длинною, закругленною рыжеватою бородой, въ

очкахъ, онъ могъ бы еще сойти за нѣмца, не изъ Пруссіи, разумѣется, гдѣ всѣ стараются по возможности походить на Бисмарка, а откуда-нибудь изъ Баваріи. Потомъ узнали, однако, что онъ русскій, а затѣмъ стало извѣстно, что это *journaliste russe*. Консьержка мало придавала ему значенія, потому что онъ вечеромъ сидѣлъ дома и никогда не беспокоилъ ее звонкомъ. За то съ нимъ была необыкновенно любезна владѣлица ближайшей епископіе, и это ему досталось очень дешево, такъ какъ, живя у г-жи Броникъ на полномъ пансіонѣ, онъ иногда покупалъ только апельсины или на пять су карамелей для дѣтей. Но всякій разъ, когда онъ шелъ мимо, почтенная дама съ бѣлымъ передникомъ кланялась ему, нѣжно улыбалась, произносила привѣтствіе, спрашивала: «*Comment sa va?*»—и непременно прибавляла: «*Ah, il fait chaud aujourd'hui, n'est ce pas?*» Въ палатѣ у него было постоянное мѣсто, онъ внимательно смотрѣлъ и слушалъ отъ начала до конца и никогда ничего не записывалъ. Онъ такъ весь погружался къ изученіе партій, парламентскихъ обычаевъ и пріемовъ, какъ будто ему поручили составить проектъ правилъ для парламента, чтобы тотчасъ же примѣнить его дома.

Онъ не писалъ корреспонденцій. Онъ старался проникнуть въ духъ учрежденія, и только въ послѣднія недѣли, послѣ двухмѣсячнаго внимательнаго изученія, онъ началъ въ одномъ петербургскомъ журналѣ рядъ статей по этому вопросу.

Парижъ онъ видѣлъ только слегка и поверхностно, откладывая это на послѣ. По вечерамъ онъ охотно отпускалъ жену и Дарью Степановну въ театръ, въ концертъ или просто на бульвары, а самъ работалъ и сторожилъ спящихъ дѣтей. За ними заходилъ кто-нибудь изъ знакомыхъ мужчинъ, большею частью Ловичъ, у котораго было много свободного времени, изрѣдка Шелковскій и очень рѣдко Павелъ Аркадьевичъ, приходившійся Баширцеву какимъ-то троюроднымъ племянникомъ. Этотъ жилъ въ отдаленномъ переулкѣ *St. Michel*'я и былъ очень занятъ своею медициною, старательно посѣщая школу.

Вчера дамы вернулись поздно изъ *Pöll Nord*. Тамъ былъ какой-то праздникъ, было очень пестро и шумно. Съ ними былъ Ловичъ, который послѣ недѣльнаго сплина опять появился, но, повидимому, сплинъ еще его не оставилъ: онъ мало говорилъ, а только старался быть предупредительнымъ и все предлагалъ пиво и фрукты. Шампанское онъ давно уже пересталъ предлагать, убѣдившись, что ни Ольга Сергѣевна, ни Дарья Степановна не расположены превращать свои прогулки въ кутежи. Они не катались, хотя Дарья Степановна въ Петербургѣ на каткѣ у Семеновскаго моста славилась своимъ искусствомъ и даже однажды получила призъ на состязаніи. Но под-

вязать коньги здѣсь у нея не хватало смѣлости, и она ограничивалась тѣмъ, что мысленно затыкала за поясъ всѣхъ парижскихъ конькобѣжцевъ. И въ самомъ дѣлѣ, они катались плохо. Дамы, большею частью, коготки съ прославленными именами, не только не заботились объ искусствѣ, но, казалось, задавались дѣлюю — на каждомъ шагу граціозно падать для того, чтобы при помощи мужчины граціозно подняться и, кстати, обнаружить свои головокружительныя цвѣтныя юбки. Это было такое же искусственное катанье, какъ и тотъ ледъ, на которомъ оно происходило. На дворѣ съ неба палило солнце по-іюньски, а здѣсь, подъ крышей, увѣшанной пестрыми флагами, стоялъ морозецъ, блестяла нѣсколько шероховатая поверхность рыхлаго льда, который парижанамъ такъ рѣдко приходится видѣть на Сенѣ, и посѣтителі кутались въ свои жиденскія пальто и вздрагивали отъ холода.

Ловичъ отрывисто и какъ-то мрачно отчеканивалъ краткія біографіи катавшихся дамъ.

— Эта — *Lillie Blonde*. Ее называютъ такъ въ шутку, потому что она, какъ видите, черна, какъ мулатка... Впрочемъ, къ зимѣ она краситъ волосы въ ярко-рыжій цвѣтъ. Она изъ Прованса. Приѣхала въ Парижъ, не зная ни слова по-французски, съ однимъ только патуа, но ее очень скоро поняли и оцѣнили. Она тоже оказалась очень способной и нынче уже въ ея салончикѣ можно найти томики Батула Мандеса и Верлена. Очень, значить, образовалась. Прошлою зимой одинъ русскій дурачокъ подарилъ ей роскошныя сани, совсѣмъ позабывъ, что здѣсь негдѣ на нихъ ѣздить... Эта, — мрачно говорилъ онъ послѣ молчанія, когда мимо ихъ мелькала новая фигура, — миссъ Букъ, родомъ изъ Эльзаса, по неизвѣстнымъ причинамъ выдающая себя за англичанку. Въ прежнія времена, этакъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, выѣзжала въ Елисейскія на чудныхъ рысаклахъ, а теперь ѣздитъ на извозчикахъ. Лѣтъ черезъ пять станетъ ѣздить въ омнибусахъ, а еще черезъ пятокъ, если не удалится съ поприща или если не выйдетъ «честно» замужъ, будетъ пѣшкомъ ходить. Впрочемъ, взгляните, развѣ ей можно дать больше двадцатипяти? А, вѣдь, ей за сорокъ... Эти женщины умѣютъ быть молодыми до семидесяти лѣтъ. Но у нихъ нѣтъ ничего настоящаго, все фальшивое... Изъ этого можете заключить, какъ здѣсь хорошо умѣютъ дѣлать природу.

И не было ни одной, сколько-нибудь обращающей на себя вниманіе, біографіи которой онъ не зналъ бы. Свѣдѣнія его по этой части были неистощимы. И онъ любилъ сообщать ихъ до того, что даже сплинъ не останавливалъ его.

На льду раздавались остроты, шутки, звонкій хохотъ. Пробовали танцовать, падали и смѣялись. Надо всёми царили удовольствіе, веселье и беззаботность. Видно было, что эти люди никогда ни надъ чѣмъ не задумывались, а просто жили, постоянно гоняясь за пріятными впечатлѣніями и больше ни за чѣмъ. Вотъ эта миссъ Букъ,—а такихъ здѣсь множество,—неистово хохочетъ, показывая свои большіе бѣлоснѣжные зубы, которые, видно, очень дорого обошлись ей у лучшаго дантиста, и, навѣрное, не думаетъ о предстоящей ей необходимости въ скоромъ времени ѣздить въ omnibusахъ и ходить пѣшкомъ. И въ самой ихъ одеждѣ,—въ этихъ пестрыхъ и нѣжныхъ цвѣтахъ платьевъ, шляпъ, лентъ, перьевъ,—разлита радость, удовольствіе отъ жизни, которую онѣ умѣютъ цѣнить и обожаютъ во что бы то ни стало.

Ловичъ довель своихъ дамъ до дому и молча простился съ ними.

— Знаете, Даша, у меня отъ всего этого кружится голова! — сказала Ольга Сергѣевна, когда они поднимались по темной лѣстницѣ.—Можетъ быть, это странно, такая впечатлительность... Но я чувствую себя такъ, какъ будто сто лѣтъ лежала въ гробу и слышала какой-то отдаленный гулъ, но вдругъ сняли крышку гроба и разомъ въ моихъ ушахъ раздались миллионы звонкихъ голосовъ, поющихъ и кричащихъ на всё лады.

— О, что вы, Ольга Сергѣевна!—какъ-то нерѣшительно возразила Дарья Степановна.

— Не лицемѣрьте, Даша... Вы чувствуете то же самое... У васъ весь вечеръ глаза горѣли и щеки румянились... И Ловичъ все время изподлобья смотрѣлъ на васъ...

— Полноте! Мнѣ до этого нѣтъ дѣла!...

— Даша, Даша, не лицемѣрьте! Я вижу васъ насквозь: въ васъ просыпается...

— Что?

— Женщина... Самое хищное существо въ мірѣ... Мы, вѣдь, обѣ женщины и можемъ сказать это другъ другу.

Дарья Степановна промолчала. Онѣ вошли въ квартиру. Ольга Сергѣевна чувствовала себя разстроенной и не спала до утра.

VI.

Ловичъ окончательно «оттаялъ», какъ онъ самъ называлъ свой переходъ отъ сплина къ обычному состоянію. Вчера онъ просидѣлъ у Баширцевыхъ весь вечеръ и былъ неподражаемъ въ своихъ безконечныхъ разсказахъ о парижскихъ эпизодахъ, съ длинными от-

ступленіями въ область философіи нравовъ. Можетъ быть, никто не слушалъ его съ такимъ вниманіемъ, какъ Владиміръ Ивановичъ.

— Знаешь ли, о чемъ я жалѣю?—сказалъ онъ послѣ того, какъ слушалъ его цѣлый вечеръ.

— Ну?

— О томъ, что я не беллетристъ. Если бы у меня была хоть капля художественнаго дарованія, я изобразилъ бы тебя и однимъ этимъ приобрѣлъ бы литературное имя. Ты—яркій типъ.

— Это меня очень трогаетъ! — съ улыбкой замѣтилъ Ловичъ.

— Нѣтъ, я нисколько не шучу. И знаешь ли, что особенно въ тебѣ поучительно? Ты, вѣдь, говоришь удивительно безобразныя вещи; отъ твоихъ взглядовъ отдаетъ, такъ сказать, вырожденіемъ и какою-то гигантскою нравственною пустотой. Собственно говоря, это должно бы производить отвратительное впечатлѣніе, а, между тѣмъ, у тебя это выходитъ какъ-то мило и симпатично и, однимъ словомъ, чортъ знаетъ, что такое! Иногда ты изречешь такую мерзость, послѣ которой обыкновенно человѣку не подають руки, но относительно тебя въ голову не приходитъ подобная мысль. И, главное, я, вѣдь, знаю, на какой почвѣ ты выросъ и какія стадии прошелъ. Да, жалѣю, Петръ Ивановичъ, очень жалѣю, что Богъ обидѣлъ меня по части дарованія!

Они были очень давно знакомы. Воспитанники одного и того же провинціального университета, на школьной скамьѣ они были очень дружны. Ваширцевъ — сынъ чиновника средней руки, Ловичъ — наслѣдникъ огромнаго имѣнія, они оба искренно раздѣляли одинаковыя, чрезвычайно крайніе взгляды и усердно учились. Ловича всѣ знали за человѣка искренняго, увлекающагося, горячаго, страстно торопящагося всѣ свои взгляды поскорѣе примѣнить къ жизни и совершенно не терпящаго малѣйшаго противорѣчія между словомъ и дѣломъ. Исповѣдуя ультра-демократическія убѣжденія, онъ началъ съ того, что, какъ только умеръ его отецъ и онъ сдѣлался самостоятельнымъ обладателемъ большого капитала, женился на крестьянской дѣвушкѣ, полюбивъ ее больше всего за то, что она была крестьянская дѣвушка. Но послѣ этого шага его жизнь пошла крупными скачками, въ десять лѣтъ перевернула его міросозерцаніе, чуть ли не передѣлала самую его натуру и привела къ тому, что онъ совсѣмъ покинулъ Россію и поселился въ Парижѣ. Жены съ нимъ не было. Произошли обстоятельства, заставившія его вдругъ, въ одинъ прекрасный день, послѣ бѣшеной сцены, разстаться съ нею, обезпечивъ ее порядочнымъ вкладомъ въ банкъ, и предать проклятію свою женитьбу. Другія обстоятельства пере-

мѣнили его взгляды. Осталась неизмѣнной только одна черта: онъ и теперь, какъ прежде, жилъ такъ, какъ думалъ, нисколько не боясь высказывать свои взгляды, которые шли въ разрѣзъ съ принятыми въ его кругу, и проводить ихъ въ жизнь.

— Господа,—сказалъ Ловичъ,—стоятъ чудные вечера. Надо имѣть въ виду, что они могутъ испариться.

— Ну, такъ что же изъ того?—спросила Ольга Сергѣевна.

— А то, что мы должны генерально прокатиться по Елисейскимъ полямъ, Булонскому лѣсу и прочимъ прекраснымъ мѣстамъ. Я предлагаю сдѣлать это завтра же.

— Я отказываюсь,—заявилъ Владиміръ Ивановичъ.—У меня спѣшная работа.

— Искренно жалѣю,—отвѣтилъ Ловичъ,—я давно замышлялъ провѣтрить тебя. Ты-таки порядкомъ, должно быть, протухъ въ атмосферѣ пансіона м-мъ Броникъ и залы Chambre des Deputets... Но ты, по крайней мѣрѣ, не отказываешься отъ обязанностей стража собственныхъ дѣтей на завтрашній вечеръ, а?

— Охотно! Мои дѣти спятъ, какъ запорожцы послѣ доброй битвы съ татарами, и потому это меня нисколько не стѣсняетъ.

— Ну, вотъ, и отлично! И такъ, завтра я приѣзжаю съ коляской!

Дамы, ни разу еще не совершавшія подобной прогулки, согласились. И онъ приѣхалъ. Но явилось одно обстоятельство, о которомъ вчера забыли. Боляска подѣхала къ пансіону въ шесть съ половиной; Ловичъ даже не сходилъ съ нея, въ полной увѣренности, что дамы увидятъ его изъ окна, одѣнутся и выйдутъ. Его дѣйствительно увидѣли.

— Вы съ ума сошли! Такъ рано!—крикнула ему внизъ Ольга Сергѣевна.

— Какъ рано? — удивился онъ. — Теперь самый разгаръ катанья.

— Но дѣти ложатся только въ восемь. Не укладывать же ихъ Володѣ.

— Гм... Это, однако, выходитъ совсѣмъ глупо!

Ловичъ поднялся наверхъ и сталъ самымъ серьезнымъ тономъ доказывать, что рѣшительно ничто не мѣшаетъ Владиміру Ивановичу уложить дѣтей.

— Милый мой, я сдѣлалъ бы это съ наслажденіемъ,—отвѣтилъ Каширцевъ,—но ты, въ качествѣ почти холостяка, очевидно, не представляешь, что это за штука. Это, батюшка, такое сложное искусство, котораго я никогда не могъ постигнуть. Прежде всего, я

перепутаю всё губки, затѣмъ Сережѣ надѣну Варину рубашку, а Варѣ Костину почную кофточку. Кончится тѣмъ, что они у меня всё разревутся и не заснутъ.

— Но, вѣдь, это же обидно!—настаивалъ Ловичъ.—У насъ пропадетъ самое лучшее время!... Ахъ, я всегда говорилъ, что семейная жизнь есть зло, а дѣтводство—это бичъ человѣчества!

— Послушайте,—вступила въ разговоръ Ольга Сергѣевна,—я думаю, что есть способъ васъ утѣшить, и очень недурной способъ.

— О, я отдалъ бы за это полцарства!—воскликнулъ Ловичъ.

— Я скажу его даромъ: поѣзжайте вы сейчасъ вдвоемъ съ Дашей, а къ половинѣ девятаго заѣдете за мной. Я буду готова.

— Отлично, отлично!—крикнулъ было Ловичъ, но вдругъ какъ бы спохватился.—Да, но... Вполнѣ ли это удобно?—спросилъ онъ, чѣмъ вызвалъ крайнее удивленіе на лицахъ дамъ.

— Я думаю, что для васъ это будетъ счастье,—сказала Ольга Сергѣевна.

— И вы не ошибаетесь,—подтвердилъ съ поклономъ Ловичъ, но я говорю, удобно ли это для Дарьи Степановны?

— Но почему же?—спросилъ на этотъ разъ Владиміръ Ивановичъ.

— А видите ли, у меня здѣсь знакомства... какъ бы вамъ сказать... не слишкомъ отборнаго круга... Не разъ и не два можетъ промчатся мимо коляска съ дамой, которой... ну, словомъ, обладательницей какого-нибудь бульварнаго прозвища, вродѣ Буку или Пипо... Ну, вы понимаете, когда мы будемъ втроемъ, это не имѣетъ значенія, а вдвоемъ—другое дѣло.

— Пустое, Даша здѣсь никто не знаетъ,—возразила Ольга Сергѣевна.

— А какъ думаетъ объ этомъ Дарья Степановна?—спросилъ Ловичъ.

Даша отвѣтила:

— Я тоже думаю, что это пустое. Но съ какой стати я поѣду? Уложимъ дѣтей и тогда поѣдемъ всё вмѣстѣ.

— Ну, перестаньте жеманиться, Даша!—замѣтила Ольга Сергѣевна.—Самой, вѣдь, смерть какъ хочется ѣхать... Нѣтъ, нѣтъ, я уложу дѣтей, поѣзжайте!

Дарья Степановна недолго отказывалась. Въ сущности, ей очень хотѣлось прокатиться пораньше. Притомъ же, было и особое основаніе пребыть съ Ловичемъ безъ Ольги Сергѣевны. Она одѣлась и они вышли на улицу.

Когда они подошли къ коляскѣ, Дарья Степановна остановилась и сказала:

— Но условіе, Петръ Ивановичъ: вы должны объяснить мнѣ то, о чемъ я у васъ спрошу.

Ловичъ поднялъ брови.

— A discretion?—спросилъ онъ.

— Ну, да, à discretion!

— Это рискованно давать такое обязательство.

— А если вы его не дадите, то я не поѣду.

— Ага! А если я дамъ и потомъ не исполню?

— Тогда я сойду на полдорогѣ. И сдѣлаю это непременно.

Ловичъ покачалъ головой и посмотрѣлъ на нее съ большимъ вниманіемъ. Ему показалось, что сегодня въ ея тонѣ и во взглядѣ есть какой-то задоръ, какой прежде у нея не проявлялся. Она говорила быстро, отрывисто, настойчиво и даже немного рѣзко. «Но, вѣдь, это же любопытно»,—подумалъ онъ и тотчасъ же далъ обѣщаніе.

Они сѣли. Ольга Сергѣевна глядѣла изъ окна.

— Это вы завели такихъ рысаковъ?—громко спросила она, разглядывая дѣйствительно превосходныхъ лошадей и роскошную коляску.

— Нѣтъ, это было бы невыгодно. Но эта пара всегда къ мнѣ услугамъ,—отвѣтилъ онъ и сказалъ кучеру, куда ѣхать.

Они выѣхали на широкую Авеню. Солнце еще стояло довольно высоко; длинныя тѣни отъ деревьевъ въ стройномъ порядкѣ легли по аллеѣ, кончаясь на стѣнахъ высокихъ домовъ. Между ними яркими полосами мягко блестѣли на густо-зеленой травѣ золотистые просвѣты. Погода стояла ясная, тихая, въ воздухѣ вѣяло вечернею свѣжестью. Коляска ихъ заняла мѣсто въ ряду другихъ, которыя жались другъ къ другѣ, представляя какъ бы компактную массу, движущуюся въ одномъ направленіи. Лошадиныя головы всевозможныхъ цвѣтовъ и породъ подымались надъ уровнемъ, тихо позванивая своею блестящею сбруей, а солидные, полныя достоинства, фигуры кучеровъ важно возвышались надо всѣмъ, звонко пощелкивая бичами и изрѣдка поощряя лошадей тонкимъ фальцетомъ: «И-и! И-и!»

Экипажи двигались тихо и стройно, словно какая-то невидимая рука управляла общимъ движеніемъ. По широкимъ дорожкамъ боковыхъ аллей, среди яркой зелени, изрѣдка оживляемой фонтаномъ, шли пешеходы веселыми, оживленными группами. Дѣти весело иг-

рали на лужайкахъ. Видъ былъ праздничный, тотъ самый, какой свойственъ всегда физиономіи Парижа.

— Ну-съ, вамъ нравится это?—спросилъ Ловичъ, когда ихъ боляска ввалилась въ рядъ другихъ.

— Да, это любопытно и весело!—отвѣтила Дарья Степановна.

— Не правда ли? Но скажите, что именно вы чувствуете?

Она посмотрѣла на него съ усмѣшкой удивленія.

— Вы допрашиваете?

— Ну, да. Вѣдь, я же васъ изучаю. Я недостаточно постигъ васъ.

— Вамъ это необходимо?

— Въ высокой степени. Развѣ вы не замѣчаете, что я имѣю на васъ виды?

— Вотъ какъ! Какіе же?

— Это я вамъ объясню, когда въ совершенствѣ изучу васъ. Я еще самъ недостаточно опредѣлилъ это.

— Скажите то, что уже опредѣлили.

— Извольте. Прежде всего, я влюбленъ въ васъ.

— Вы? Ха, ха, ха! Развѣ вамъ это доступно?

— Почему же вы думаете, что нѣтъ?

— Чтобы быть способнымъ влюбиться, надо хоть каплю идеализировать. А вы слишкомъ хорошо знаете жизнь и въ особенности женщинъ. О томъ и другомъ у васъ презрительное мнѣніе. Гдѣ-жь тутъ влюбиться?

— Гм... И вотъ, однако, это такъ. Скажите, вамъ извѣстна коренная черта моего характера? Я всегда говорю то, что думаю и чувствую, и сообразно съ этимъ поступаю.

— Да, мнѣ это казалось.

— Надѣюсь, вы оцѣнили это по достоинству?

— Пожалуй. Это единственная черта, которая дѣлаетъ васъ возможнымъ въ нашемъ обществѣ.

— Единственная? Ну, и на томъ спасибо. И такъ, я заявляю, что влюбленъ въ васъ, какъ говорятъ въ Россіи, по уши. Отсюда уже само собою многое вытекаетъ.

— Что же?

— Ну, Боже правый, неужели еще надо объяснять? Вамъ угодно? Извольте. Я хочу, чтобы вы вышвырнули мысль о замужствѣ съ господиномъ Отлетовымъ, котораго я не имѣю чести знать, но имѣю высокое удовольствіе ненавидѣть отъ всей моей грѣшной души.

— Ненавидѣть?

— Ну, конечно, съ какой стати? Вы брилліантъ и хотите вставить себя въ какой-то сомнительный металл вродѣ моднаго алюминія, къ которому, кстати сказать, я питаю необъяснимое отвращеніе.

— Вамъ много прощается, господинъ Ловичъ!

— Можете извить, сколько вамъ угодно. А я повторяю: желаю, чтобы вы забыли о нелѣпой перспективѣ замужства съ господиномъ Отлетовымъ и сдѣлались...

— Довольно! Вамъ многое прощается, но не все. Ну-съ, извольте платить à discretion.

— Приказывайте!

— О какомъ такомъ необыкновенномъ моемъ достоинствѣ вы намегнули и отказались объяснить?

— Я сказалъ же вамъ, что для этого у васъ слишкомъ здоровые нервы и вамъ надо ихъ нѣсколько развить. Ахъ, это ужасная вещь—здоровые нервы! Съ ними нельзя быть истинно-счастливымъ.

— У васъ всѣ понятія наоборотъ. Но почему вы знаете, что мои нервы не развились?

— Кажется, немножко есть.

— Ага! Въ чемъ же вы это замѣтили?

— Да такъ... Во взглядѣ, въ тонѣ, въ тембрѣ голоса. Да, кое-что есть, кое-что есть... можно поздравить съ успѣхомъ.

— И такъ, я слушаю.

Они выѣхали на площадь de l'Etoile, посрединѣ которой возвышается грандіозная триумфальная арка. Здѣсь экипажи раздѣлились на два ряда, съ обѣихъ сторонъ объѣзжая арку; стало свободнѣе, и затѣмъ они размѣстились по разнымъ авеню, которыя ведутъ къ Булонскому лѣсу. Ихъ коляска двигалась по Victor Hugo, гдѣ было больше мѣста. Ловичъ заговорилъ послѣ нѣкотораго молчанія:

— Въ обществѣ, гдѣ на поверхность выплываетъ, какъ сливки въ кувшинѣ съ молокомъ, все искусственное, взвинченное, изломанное, а въ особенности откровенно-нахальное, прямо смотрящее вамъ въ глаза и громко кричащее: я хочу жить во что бы то ни стало, хоть провались сквозь землю все человѣчество,—въ обществѣ, замѣтите при этомъ, любящемъ новизну и жадно хватающимъ все свѣжее и оригинальное,—необходимо, неизбежно должно сразу сильно и глубоко заинтересовать такое явленіе, какъ вы. Въ вашей красотѣ,—я говорю прямо и такъ, какъ будто бы рѣчь шла не о васъ,—въ вашей красотѣ есть что-то скромное и наивное; я

не говорю, что вы скромны и наивны, я говорю о чертахъ, свойственныхъ самой вашей наружности,—ну, вотъ, какъ бываетъ иногда, что у самаго веселаго человѣка лицу свойственно угрюмое выраженіе. Какая-то наивная дѣвственность сіяетъ въ нихъ и именно въ чертахъ, въ самомъ складѣ, такъ что она несомнѣнно сіяла бы и тогда, если бы вы спустились въ самыя послѣднія глубины разврата. Когда смотришь на васъ, кажется, что близость съ этимъ существомъ должна влить въ душу какую-то благодатную струю. Когда смотришь на васъ, какъ бы ты ни былъ грубъ, черствъ и матеріалистиченъ, начинаешь мечтать, идеализировать, становишься на минуту наивнымъ романтикомъ. Знаете ли вы, что я наблюдалъ иногда? Когда мы сидимъ гдѣ-нибудь въ кафе, въ театрѣ, въ концертѣ, я подмѣчалъ случайно брошенный на васъ взглядъ какого-нибудь незнакомаго мужчины, и я всякій разъ замѣчалъ послѣ этого какое-то просвѣтлѣніе въ этомъ взглядѣ. Да, да, да! Не улыбайтесь... Ну, такъ вотъ въ чемъ заключается вашъ исключительный шансъ... Я сказалъ. Вы задумались?

— Нѣтъ, я просто заинтересовалась вонъ тою шляпкой!—отвѣтила Дарья Степановна, слабо вздрогнувъ при его вопросѣ. Это была неправда. Она дѣйствительно задумалась. Рѣчь Ловича произвела на нее страшное впечатлѣніе, какъ все, что онъ говорилъ. Въ душѣ ея всякій разъ, и теперь, подымалось какое-то еще несознанное и непонятное ей броженіе, которое въ послѣднее время даже мѣшало ей спать. Но она не хотѣла, чтобы Ловичъ догадался объ этомъ, и съ преувеличенною живостью заговорила о поразившей ее шляпкѣ.

Ловичъ, однако, посмотрѣлъ на нее долгимъ, внимательнымъ взглядомъ и, сильно заподозривъ ея искренность, не захотѣлъ и себя выдавать. Онъ сказалъ:

— Не пора ли намъ повернуть на Воэтиѣ?

— Пожалуй. Ольга Сергѣевна, должно быть, ужь одѣвается.

Они быстрѣе проѣхали Булонскимъ лѣсомъ и затѣмъ направились къ пансіону госпожи Броникъ.

Уже почти стемнѣло, когда коляска остановилась у подъѣзда.

VII.

Часа въ два дня, вскорѣ послѣ завтрака, который въ этотъ день былъ поданъ въ общей столовой, въ квартиру Каширцевыхъ постучали. Это былъ кабинетъ Владиміра Ивановича, черезъ который всегда надо было пройти, чтобы попасть въ другія комнаты.

Онъ сидѣлъ въ креслѣ, спиной къ окну, и читалъ газету, только что полученную изъ Россіи.

— Entrez!—отвѣтилъ онъ, въ полной увѣренности, что это горничная, и даже не поднялъ глазъ.

Вошла незнакомая, очень молодая дама, прилично одѣтая, нагруженная тремя шляпными картонками. Онъ съ удивленіемъ оглядѣлъ ее.

— Вы, вѣроятно, ошиблись,—сказалъ онъ по-французски съ очень замѣтнымъ, слишкомъ твердымъ акцентомъ иностранца, старающагося каждый звукъ произносить опредѣленно и ясно.

— Развѣ не здѣсь госпожа Баширцева? Мнѣ указали сюда,—промолвила дама по-французски съ чрезвычайно любезною улыбкой.

Во взглядѣ Владиміра Ивановича удивленіе возросло до величайшихъ размѣровъ.

— Баширцева? Вы къ ней?—спросилъ или, скорѣе, воскликнулъ онъ.

— Да... Madame заказала шляпу. Это съ бульвара Hausmann.

Владиміръ Ивановичъ еще разъ оглядѣлъ ее и ея три картонки и отвѣтилъ:

— Въ такомъ случаѣ, пройдите вонъ туда, направо... Оля,—крикнулъ онъ,—къ тебѣ пришли!

Ольга Сергѣевна откликнулась и дама прошла въ ея половину. Владиміръ Ивановичъ на минуту пересталъ читать газету. «Оля франтить начинается!—подумалъ онъ.—Вѣдь, у нея есть двѣ шляпки. А, впрочемъ, почему же бы ей не заказать третью?—продолжалъ онъ свои размышленія.—Но зачѣмъ разомъ три картонки? Ну, да, вѣроятно, и это очень просто объясняется»,—рѣшилъ онъ и снова углубился въ газету.

Въ спальнѣ Ольга Сергѣевна была одна. Даша увела дѣтей въ паркъ Монсо. Когда модистка вошла, она была въ блузѣ.

— Вы можете подождать, пока я одѣнусь?—спросила она.—Я хочу къ этому платью примѣрить.

Она указала на платье, повидимому, новое, разложенное на двухъ стульяхъ. Модистка отвѣтила утвердительно и, оставивъ свои картонки, прошла въ дѣтскую. Ольга Сергѣевна подошла къ картонкамъ, раскрыла каждую коробку поочередно и посмотрѣла на шляпы. Повидимому, этотъ бѣглый осмотръ произвелъ на нее невыгодное впечатлѣніе. Губы ея сложились въ недовольную мину. Тѣмъ не менѣе, она закрыла картонки и стала переодѣваться. Она одѣвалась долго, что совсѣмъ шло въ разрѣзъ съ ея привычками. Обыкновенно она очень быстро совершала свой туалетъ, не прида-

вая ему никакого значенія. И всё платье ея были просты и шились съ такимъ расчетомъ, чтобы долго съ ними не возиться. Но это платье оказалось сложнымъ. А главное, что лифъ былъ очень узокъ, — до того узокъ, что она не смогла сама стянуть его и, пожалѣвъ объ отсутствіи Дарьи Степановны, обратилась къ модисткѣ:

— Мадамъ, не будете ли вы такъ любезны помочь мнѣ?

Та сейчасъ же пришла и принялась стягивать лифъ.

— Ахъ, я ужасно растолстѣла! — сказала ей, какъ бы въ извиненіе себѣ, Ольга Сергѣевна. — Когда-то у меня была очень тонкая талія... Боже мой, куда она дѣвалась?

— Мадамъ, должно быть, отвыкла носить платье, — сочувственно замѣтила модистка и прибавила: — Вѣдь, это требуетъ упражненія, какъ всякое искусство.

— О, да, вы правы! У меня не было времени упражняться въ этомъ искусствѣ! — отвѣтила Ольга Сергѣевна и въ ея голосъ звучала нотка сожалѣнія и досады.

Владиміръ Ивановичъ невольно былъ слушателемъ этого разговора. И онъ опять опустил газету на колѣни. «Что все это значить? — размышлялъ онъ. — Это непостижимо! Оля заказываетъ модныя шляпки, когда у нея есть двѣ, это разъ. Она одѣвается въ новое платье (и когда появилось это новое платье?) для того, чтобы примѣрить шляпку; значить, подбираетъ; кокетство, значить, явилось! Пробужденіе эстетики! Bravo! Она жалѣетъ о томъ, что растолстѣла, это доставляетъ ей горе, она оплакиваетъ свою талію прежнихъ лѣтъ, она скорбитъ о томъ, что ей некогда было заниматься платьями! О, воздухъ Парижа, какія чудеса ты производишь съ женщиной!»

Все это онъ думалъ въ полусутиливомъ тонѣ, но, въ то же время, вслушиваясь въ дальнѣйшій разговоръ въ сосѣдней комнатѣ. Платье, очевидно, уже благополучно надѣли. Ольга Сергѣевна вздыхала.

— Мнѣ просто нечѣмъ дышать! — говорила она по-французски! — Я задыхаюсь! Мадамъ, не можете ли вы немножко отпустить лифъ?

— Вамъ надо немного перешить его. На первое время. Вы отвыкли, потомъ привыкнете, — утѣшала ее модистка. — Но вамъ оно очень идетъ, право!

Лифъ былъ слегка распушенъ, вздохи Ольги Сергѣевны прекратились. Вслѣдъ затѣмъ начали примѣрять шляпки. О первой было замѣчено, что она придаетъ слишкомъ солидный видъ.

— Я и безъ того постарѣла, а въ ней я покажусь пятидесяти-лѣтней. Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно!

И шляпка съ нѣкоторою досадою была отправлена въ коробку. Относительно второй мнѣніе было еще рѣшительнѣе. Она оказалась просто безвкусной. «Что-то такое наворочено, накручено, — отозвалась Ольга Сергѣевна на этотъ разъ по-русски и прибавила по-французски:—Даже странно, что это дѣлали въ Парижѣ!»

Модистка защищала шляпу очень горячо. Она утверждала, что фасонъ не только модный, а что онъ какъ бы опережаетъ моду.

— Вы знаете, лѣтомъ всѣ будутъ носить такія шляпки, вы сами въ этомъ убѣдитесь, мадамъ... Да, да, увѣрю васъ въ этомъ! Она для васъ немного мала, но это ничего, можно подобрать такую точно... Но повѣрьте, что во всемъ Парижѣ нѣтъ изящнѣе этой шляпки.

Ольга Сергѣевна съ своей стороны горячилась и доказывала, что какое-то перо сзади—совершенная нелѣпость и бессмыслица, что его присутствіе тамъ не можетъ быть оправдано никакими соображеніями и требованіями моды.

— Наконецъ, если это и модно, то я должна вамъ сказать, что эта мода мнѣ не нравится,—закончила она, и вторую шляпку постигла судьба первой, то-есть она была отправлена въ картонку.

Третью шляпку, повидимому, ожидала совсѣмъ другая участь. По крайней мѣрѣ, появленіе ея изъ картонки привѣтствовалось радостнымъ, почти восторженнымъ восклицаніемъ:

— Ахъ, какая прелесть! Вотъ это шляпка! Да, это—шляпка!

— Не правда ли, мадамъ, это что-то необыкновенное?—промолвила модистка, всѣ симпатіи которой тотчасъ же перешли на сторону третьей шляпки, какъ наиболѣе счастливой изъ трехъ, къ тому же, обладавшей шансами быть проданной.

Съ полминуты длилось приспособленіе шляпки къ головѣ. И вдругъ, въ противность всѣмъ ожиданіямъ, раздалось восклицаніе, тономъ отчаянія, смѣшаннаго съ негодованіемъ:

— Какая мерзость! Какая мерзость!

Это было до того странно послѣ недавняго восторга, что даже Владиміръ Ивановичъ слегка привсталъ.

— Мадамъ?—тревожно спросила модистка.

— Развѣ вы не видите? Взгляните! Отъ этой зелени мое блѣдное лицо кажется совсѣмъ желтымъ... Посмотрите, это—лимонъ, лимонъ... Что можетъ быть гнуснѣе этой рожи?... Я, право, не знаю, за что мнѣ это... Точно изъ меня выпустили всю кровь!

— Но, мадамъ, вы ошибаетесь. У васъ очень интересное лицо!—пыталась подсластить горькую истину модистка.

— Вы очень любезны, очень... Но, къ сожалѣнію, у меня есть глаза. Нѣтъ, нѣтъ, я не могу взять этой шляпы... Я не желаю походить на мертвеца.

— Если мадамъ придетъ въ магазинъ, мы подберемъ другой цвѣтъ.

— Да, да, пожалуйста. Я сегодня буду въ магазинѣ.

Модистка послѣшно собрала шляпки и прошла обратно черезъ кабинетъ, нагруженная своими тремя картонками.

— Monsieur! — привѣтливо промолвила она, поклонившись Владиміру Ивановичу, и вышла.

Въ спальнѣ было глубокое молчаніе, длившееся минуты двѣ. Очевидно, Ольга Сергѣевна осталась неподвижной на томъ мѣстѣ, гдѣ оставила ее модистка. Владиміръ Ивановичъ почему-то тревожно прислушивался. Ему казалось это нѣсколько страннымъ. Было естественнымъ дѣломъ, чтобы она стала раздѣваться или заговорила съ нимъ, или вообще проявила какое-нибудь движеніе. Она ничего этого не сдѣлала.

Онъ поднялся и прошелъ къ спальнѣ по ковру. Шаги его не были слышны. Онъ пріотворилъ дверь и остановился изумленный. Ольга Сергѣевна сидѣла на кровати, перегнувшись наискось къ подушкѣ и спрятавъ въ нее лицо, закрытое ладонями. Ея руки и плечи нервно вздрагивали.

«Плачетъ, — подумалъ онъ. — О чемъ же она можетъ плакать?»

— Оля, что съ тобой? — осторожно спросилъ онъ.

Она вся вздрогнула, быстро приложила глаза къ подушкѣ, чтобы вытереть слезы, и поднялась.

— Что за несносная манера подкрадываться! — тономъ раздраженія промолвила она.

— Ты плакала?

Она ѣдко усмѣхнулась.

— И не думала... Вотъ выдумка! Чего я стану плакать? Право, это даже глупо спрашивать.

— Но у тебя глаза красны, да и вообще... вообще ты плакала.

— Ахъ, ну, плакала, плакала, что-жь изъ того? Ну, что же изъ того? Кажется, такая ужъ это невинная вещь!

— Но почему, почему? Неужели потому, что шляпка не подошла? Вѣдь, это...

— Мелко и пошло, не правда ли? Ну, да, мелко и пошло, знаю, что мелко и пошло... И вотъ плачу... Можешь не уважать за это... Можешь. А я не хочу, мнѣ непріятно быть замухрышкой! Что это за желтое лицо, что это за морщины? А эти сѣдые волосы? Мнѣ

тридцать три года... Я не жила совсѣмъ. Почему другіе имѣютъ право жить, а я нѣтъ? Не гляди съ такимъ изумленіемъ, да и лучше уйди, оставь, оставь меня, пожалуйста!... Ради Бога, оставь! Ты ничего, ничего не поймешь!

— Оля, Богъ съ тобой! Когда же я тебя не понималъ? Что ты говоришь?

— Никогда, никогда ты не понималъ меня! Ты не хотѣлъ признавать, что я женщина, ты признавалъ во мнѣ только жену.

— И мать, мой другъ... Ты это забываешь.

— О, да что же такое мать, наконецъ? Развѣ материнство равносильно тюремному заключенію? Развѣ любя дѣтей, я не могу жить, какъ живутъ другіе? Развѣ эти, вошь эти парижанки, дѣтей не производятъ, или бросаютъ ихъ въ море, или у нихъ нѣтъ инстинкта материнскаго? Но онѣ и жить умѣютъ также... Нѣтъ, оставь меня, ради Бога! Не поймешь! Можетъ быть, это съ моей стороны глупо и подло, но я такъ чувствую... Оставь меня, Володя!

Владиміръ Ивановичъ притворилъ дверь и тихонько отошелъ къ своему прежнему мѣсту. Онъ испытывалъ не удивленіе, а полное потрясеніе. Все, что угодно, только не это. Они вели скромную жизнь, какую вести позволяли имъ средства. Ольга Сергѣевна игнорировала наряды, но онъ никогда не убѣждалъ ее въ томъ, что слѣдуетъ поступать такъ. Это вышло само собой, вслѣдствіе условій жизни. Но она дѣлала это спокойно, съ достоинствомъ, съ сознаниемъ, что такъ надо поступать и что это хорошо. И вдругъ такое неожиданное превращеніе! Сколько въ ея словахъ желчи и сарказма! Какая нервозность! Откуда все это? Откуда?

Пока онъ размышлялъ такимъ образомъ, Ольга Сергѣевна вымыла лицо холодною водою, надѣла накидку и шляпу и вышла изъ спальни.

— Буда ты?—спросилъ онъ. Для него и этотъ шагъ былъ неожиданъ и непонятенъ. Ему казалось, что она слишкомъ разстроена, чтобы выходить на улицу, т. е., главнымъ образомъ, чтобы подумать объ этомъ.

— Я черезъ полчаса буду дома,—не на вопросъ отвѣтила Ольга Сергѣевна и вышла.

Она отправилась на бульваръ Hausmann.

VIII.

— У васъ такой видъ, Даша, будто вы получили извѣстіе о смерти вашей тетки,—замѣтила Ольга Сергѣевна, подойдя къ креслу, въ которомъ сидѣла Даша.

— У меня и тетки-то нѣтъ,—съ принужденною улыбкой отвѣтила Дарья Степановна. Она держала въ одной рукѣ разорванный конвертъ, а въ другой развернутое письмо, которое дочитывала.

— Это Отлетовъ вамъ пишетъ?

— Да. Это отъ Федора Александровича.

— Что-нибудь неприятное, должно быть?

— Напротивъ, самое пріятное. Почему вы думаете?

— Я же говорю, что у васъ такой видъ.

— Обманчивый видъ.

Она опять постаралась улыбнуться и это было видно.

Письмо, между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ не заключало въ себѣ ничего неприятнаго. Отлетовъ писалъ, что очень скучаетъ по своей невѣстѣ и что едва ли онъ выдержитъ цѣлый годъ, какъ было предположено. Онъ настойчиво предлагалъ Дашѣ при малѣйшей возможности пріѣхать въ Россію и подумать объ основаніи постоянного гнѣзда. Онъ говорилъ о своихъ надеждахъ прочно, хотя и очень скромно устроиться при какомъ-то иллюстрированномъ журналѣ, что дастъ имъ возможность обвѣнчаться и обзавестись своею квартирой. «Я знаю,—писалъ онъ,—что тебѣ придется терпѣть немалыя лишенія. Но ты всегда говорила мнѣ, что главное въ жизни, это—дружество, теплыя сердечныя отношенія, когда люди живутъ другъ для друга, вмѣстѣ работаютъ, вмѣстѣ радуются и страдаютъ по поводу удачъ и неудачъ, вмѣстѣ падаютъ и возвышаются. Жизнь не научила насъ гоняться за излишествомъ удобствъ, и слава Богу. Скажу тебѣ совершенно откровенно, что не могу пообщать тебѣ блестящей будущности. Я не жду ни славы, ни богатства: таланта большого у меня нѣтъ, въ этомъ я окончательно убѣдился. Я не ремесленникъ, и никогда имъ не буду, но все же претензіи мои очень невелики, и это не скромность, а ясное сознаніе размѣра своихъ силъ. Наша жизнь, слѣдовательно, будетъ до конца скромной и тихой, но, вѣдь, ты къ этому всегда была готова. Пріѣзжай же, какъ только явится возможность».

Такъ писалъ Отлетовъ и, казалось бы, Дарья Степановнѣ оставалось только радоваться. Человѣкъ, котораго она сознательно и добровольно назвала своимъ женихомъ, скучаетъ по ней и зоветъ ее, чтобы повѣнчаться и жить своимъ домомъ. И всегда прежде, когда она получала отъ него такія письма (а они всѣ были въ такомъ же тонѣ), ей это доставляло удовольствіе, она, вообще нѣсколько вялая и апатичная, оживлялась на нѣсколько дней. А сегодня она задумалась и когда Ольга Сергѣевна замѣтила ей это, ей самой

показалось страннымъ, почему она задумалась. Базалось бы, не было причинъ для этого. Все шло, какъ прежде, — гладко, тихо, никакихъ эпизодовъ дома, никакихъ новыхъ встрѣчъ и знакомствъ. Отлетовъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ, — по крайней мѣрѣ, она не имѣла возможности узнать о какой бы то ни было переменѣ. Почему же? Развѣ измѣнился ея идеаль? Развѣ она уже не считаетъ за самое высшее благо тихую, мирную жизнь съ любимымъ человекомъ, который сталъ дорогъ ей давно потому, что всегда былъ милымъ, сердечнымъ, добрымъ, простымъ и честнымъ и беззавѣтно любилъ ее? Нѣтъ, у нея нѣтъ основаній такъ думать. А, между тѣмъ, отъ письма повѣяло на нее чѣмъ-то холоднымъ, сѣрымъ, скучнымъ и легкая дрожь пробѣгала у нея по тѣлу.

Ольга Сергѣевна усѣлась противъ нея въ креслѣ и пристально посмотрѣла ей въ лицо.

— Ахъ, вы, барышни, барышни! — промолвила она, выразительно качая головой. — Все-то у васъ неискренно и все вы прячете въ сердцѣ. Но, вѣдь, я вижу ясно, какъ день.

— Съ нѣкотораго времени вы, Ольга Сергѣевна, стали читать въ сердцахъ, — мягко, съ улыбкой сказала Даша.

— Не во всѣхъ, а только въ вашемъ. И знаете, почему? Потому, что мы съ вами идемъ почти параллельно. Не удивляйтесь, другъ мой, насъ захватило одно и то же колесо.

— Да что вы говорите, Ольга Сергѣевна? — съ неподдѣльнымъ ужасомъ воскликнула Дарья Степановна.

— Ха, ха, ха! И ваше негодованіе на мои слова развѣ не есть доказательство того, что они нашли у васъ въ душѣ отклигъ? О, я васъ знаю!... Но, Боже мой, неужели же всѣ женщины обязательно должны дѣлать одну и ту же глупость?

— Нѣтъ, сегодня вы, Ольга Сергѣевна, даже туманны, — промолвила Дарья Степановна. — Я ничего не понимаю изъ того, что вы говорите.

— Да какъ же? Это такъ ясно. Почему мы должны непременно отдать всѣ свои силы и лучшіе годы мужьямъ и дѣтямъ? Вѣдь, мы не живемъ для себя ни капли. Наша молодость проходитъ для насъ безслѣдно, оставляя въ душѣ только воспоминаніе о пеленгахъ, прорѣзываніи зубовъ, болѣзняхъ и скромныхъ счетахъ изъ мелочной лавки. Почему, почему?

— Это вы говорите, Ольга Сергѣевна? — съ изумленіемъ спросила Даша.

— Ахъ, бросьте эту манеру, пожалуйста!... Довольно одного Владиміра, который вѣчно удивляется и спрашиваетъ, я ли это го-

ворю. Ну, да, я говорю, я, какъ валаамская ослица, всю жизнь молчала и вдругъ заговорила. Что-жь, здѣсь, должно быть, воздухъ такой, что открываются способности, которыхъ прежде не замѣчали. А вы не искренни, Даша, — нѣтъ, не искренни.

— Но въ чемъ же, Ольга Сергѣевна?—съ своимъ обычнымъ видомъ наивности спросила Дарья Степановна.

— Вы хотите, чтобъ я рассказала вамъ то, что вы отлично знаете? Извольте, я расскажу вамъ все, какъ по нотамъ. Я не знаю, почему, у меня есть какое-то чутье относительно васъ, какъ бы второе зрѣніе, и только относительно васъ. Я очень мало понимаю въ психологіи, а наблюдать и изучать людей мнѣ было некогда. Но вашу душу я знаю, какъ свою. Вы получили письмо; тамъ, должно быть, рисуютъ вамъ картину тихаго семейнаго счастья. Не такъ ли?

— Представьте, что въ самомъ дѣлѣ такъ!—воскликнула Дарья Степановна.

— Вотъ видите, я угадываю, какъ цыганка. Вамъ припомнились тѣ картины широкой, блестящей, духъ захватывающей жизни, каковую вы видѣли здѣсь, и тихое семейное счастье показалось вамъ такимъ блѣднымъ и ничтожнымъ и вамъ стало грустно, Даша. Вамъ стало грустно не потому, чтобы вы завидовали этой блестящей жизни и хотѣли ринуться въ нее съ головой, а именно потому, что та жизнь, о которой одна только мысль вливала тепло въ вашу душу, показалась вамъ такою блѣдной и ничтожной. Это первый взводъ, Даша, съ этого начинается, а тамъ...

— Что же тамъ?—съ волненіемъ спросила Дарья Степановна, смотря на нее большими глазами.

— А тамъ... Не будемъ предсказывать, тѣмъ болѣе, что мы еще сами хорошенько не знаемъ, хорошо это или дурно.

— Знаете ли, Ольга Сергѣевна, мнѣ страшно васъ слушать!—сказала Дарья Степановна, и рука ея, державшая письмо, спустилась съ колѣнъ и свѣсилась внизъ.

— Я это вижу, Даша. Но, въ то же время, вамъ и пріятно, что чей-то голосъ откликается на ваши смутныя мысли и чувства... Развѣ не правда? Ну, скажите, что это не правда!

Дарья Степановна вскочила съ мѣста и схватилась обѣими руками за голову.

— Нѣтъ, это ужасно, ужасно! Это ужасно! И замолчите же, ради Бога!

Ольга Сергѣевна слабо усиѣхнулась и промолвила ровнымъ, повидимому, спокойнымъ голосомъ:

— Ужаснаго тутъ ничего нѣтъ. Напротивъ, вы очень счастли-

вы, что можете взвѣсить и выбрать, чтобы потомъ не жалѣть о глупо потраченной молодости, — ну, и не дѣлать позднихъ открытій...

— Какихъ открытій?

— Ахъ, разныхъ, разныхъ!... Богъ съ вами!

Вбѣжали дѣти съ какою-то ссорой. Обѣ женщины принялись мирить ихъ и усовѣщевать. Разговоръ оборвался. Дарья Степановна подняла съ пола письмо Отлетова, свернула его и положила въ свою шкатулку, гдѣ хранился уже не одинъ десятокъ его писемъ. Онъ былъ ея единственнымъ корреспондентомъ и шкатулка была заведена специально для этой переписки. Передъ тѣмъ, какъ запечатать шкатулку, она быстро перебрала всѣ письма, бѣгло просмотрѣла ихъ, какъ бы желая набраться отъ нихъ силы для противодействія новымъ мыслямъ.

Но грустное чувство не покидало ея. Она одѣвала дѣтей, одѣвалась сама, шла съ ними по улицѣ, сидѣла затѣмъ въ паркѣ Монсо, который былъ ближайшимъ садомъ къ ихъ квартирѣ, смотрѣла, какъ бѣгали и играли дѣти, а ей все было грустно и чего-то жаль, какъ будто она уже разсталась съ своимъ идеаломъ.

Но вдругъ ея мозгъ какъ бы освѣтился мыслью, что, вѣдь, въ сущности, все это одни только неясныя ощущенія и ничего, рѣшительно ничего не произошло. Потомъ пришла другая мысль, что надо поскорѣе собраться въ Россію, — тамъ все это пройдетъ, и на душѣ у нея стало яснѣе. Она рѣшила поговорить съ Ольгой Сергѣевной о томъ, чтобы подыскали кого-нибудь къ дѣтямъ.

Когда человѣку нужно какое-нибудь успокоеніе, онъ отлично умѣетъ выдумать его и увѣровать въ него, какъ въ фактъ.

IX.

Въ послѣдніе дни Владиміръ Ивановичъ испытывалъ какую-то непрерывную тревогу. Онъ почти не могъ указать ни одного значительнаго факта, который могъ бы послужить основаніемъ для этого страннаго чувства; не считать же было ему за такой фактъ то обстоятельство, что Ольга Сергѣевна вдругъ получила вкусъ къ платьямъ и шляпкамъ. Въ Парижѣ всѣ изящно одѣваются, и было естественно ей поддаться общему теченію. Но что-то носилось въ воздухѣ. Въ квартирѣ какъ-то меньше было мира и благодушія, словно въ ней поселился нѣкій беспокойный духъ.

Ольга Сергѣевна, чрезвычайно снисходительно всегда относившаяся къ дѣтскому шуму и прощавшая дѣтямъ ихъ шалости и ка-

призы, сдѣлалась строга съ дѣтьми. Малѣйшее нарушеніе порядка, ужь она нервно хваталась за голову и нетерпѣливо восклицала:

— Ахъ, вы меня съ ума сведете! Если вы не перестанете, я васъ вышвырну на дворъ! Боже мой, ни минуты покоя! Можно утопиться отъ этого...

Дѣти сперва ничего не понимали и смотрѣли на нее съ глубокимъ изумленіемъ, продолжая затѣмъ вести себя по-своему; но такъ какъ это повторялось часто, и, притомъ, съ усиливающимся раздраженіемъ, то они научились робко вздрагивать и вдругъ затихать.

Потомъ она начинала казнить себя. «Я запугиваю дѣтей. Я несправедлива. Они начинаютъ меня бояться, это ужасно! Я этого вовсе не хочу. Это оттого, что у меня нѣтъ никакихъ силъ, я совсѣмъ утомлена, разбита, я нигуда не гожусь... Ахъ, какъ я хотѣла бы умереть!»

Она раскаивалась, подзывала къ себѣ дѣтей и старалась успокоить ихъ и приласкать; иногда при этомъ плакала.

Дѣти приобрѣли дурную привычку: когда имъ хотѣлось пошалить, они прислушивались и присматривались, въ какомъ настроеніи мама. Они говорили другъ другу: «мама сегодня расстроена, мама сегодня зла». Никогда прежде они этого не дѣлали, никогда не слѣдили ни за чьимъ настроеніемъ, а просто рѣзвились, какъ хотѣли. Это лишало ихъ игры непринужденности, непосредственной веселости, и вообще въ ихъ лицахъ и движеніяхъ была какая-то натянутость.

Владиміръ Ивановичъ все это замѣчалъ, но пока это—только поражало его. Онъ ровно ничего не понималъ въ этомъ и потому не могъ подать свой голосъ. Но тревога его съ каждымъ днемъ росла. Онъ сталъ наблюдать переиъну и въ Дарьѣ Степановнѣ. Въ прежнее время онъ просто любовался ея простотой, разумностью, выдержкой, ровностью. Онъ говорилъ ей: «Вы, Даша, уравновѣшены, какъ только можетъ быть уравновѣшенъ мужчина. Вы истинно-философски относитесь къ жизни и людямъ. Женщинамъ это почти недоступно, а у васъ это есть». Теперь онъ никакъ не могъ этого сказать. Даша замѣтно утратила золотыя качества, свойственныя, по мнѣнію Баширцева, только мужчинамъ. Она слегка поблѣднѣла и похудѣла и стала замѣтно раздражительна. По приѣмамъ въ отношеніи къ дѣтямъ она не измѣнилась, повидимому, покорно исполняла всѣ ихъ требованія, но иногда и очень нерѣдко дѣлала это, сильно прикусивъ губу, нахмутивъ брови и съ тѣнью досады въ глазахъ.

Ему показалось, что замѣчаетъ это не онъ одинъ, а, напримеръ, Шелковскій смотритъ на все это внимательно и что-то видитъ. Онъ не говоритъ объ этомъ, но, конечно, только изъ чувства деликатности, но ясно, что онъ недоумѣваетъ.

Теперь онъ шелъ изъ дому, направляясь въ 4 septembre. Тамъ былъ небольшой дешевенный кафе, гдѣ Шелковскій почти каждый день часовъ около четырехъ читалъ газету.

Подходя къ кафе, онъ уже издали увидѣлъ высокую шляпу Шелковского съ широкими полями. Изъ-подъ темно-сѣраго пальто его выглядывала синяя рабочая блуза. Руки были черны отъ работы. Очевидно, онъ пришелъ сюда прямо изъ типографіи, гдѣ исполнялъ обязанности ментранпажа. Передъ нимъ стоялъ стаканъ съ абсентомъ, разведеннымъ водой, а въ рукахъ онъ держалъ газету.

Владиміръ Ивановичъ подошелъ и положилъ ему руку на плечо. Тотъ нервно вздрогнулъ и поднялъ голову.

— Ахъ, это ты? Очень радъ! Но какими судьбами?—воскликнулъ онъ въ самомъ дѣлѣ съ неподдѣльною радостью.

Каширцевъ молча сѣлъ и устремилъ въ пространство задумчивый взглядъ, который шелъ какъ-то мимо всѣхъ предметовъ и явленій, попадавшихъ на пути. Онъ не видѣлъ ни пѣшеходовъ, ни каретъ, ни того окна противоположнаго дома, на которомъ, какъ казалось со стороны, взглядъ его остановился, ни сидѣвшихъ рядомъ съ нимъ и игравшихъ въ кости посѣтителей кафе.

Въ теченіе прежнихъ лѣтъ онъ испыталъ всевозможныя перемѣны судьбы и между ними гораздо больше горькихъ, чѣмъ пріятныхъ; многое изъ того, чѣмъ онъ прежде дорожилъ, за что стоялъ грудью, стало ему безразлично, многихъ обидъ онъ еще ждалъ отъ будущаго, и ко всему этому онъ относился спокойно, какъ фаталистъ, напередъ преклоняющій голову передъ ударами судьбы. Но однимъ онъ безусловно дорожилъ, это своимъ домашнимъ миромъ, который никогда еще не терпѣлъ серьезныхъ потрясеній. Это было «священное убѣжище», гдѣ онъ считалъ себя неприкосновеннымъ для тѣхъ огорченій, которыя всегда приходили извнѣ. И теперь, когда ему показалось, что какая-то враждебная сила какъ бы собирается разрушить его убѣжище, разбирая его и унося куда-то по камушку, онъ сталъ озабоченъ. Шелковскій отложилъ газету и сказалъ:

— Не выпьешь ли чего-нибудь?

— Пожалуй, я возьму бокальчикъ,—и онъ скороговоркой scomандовалъ: «un bock» проходившему мимо почтенному мужчине съ сѣдыми баками, въ бѣломъ длинномъ фартукѣ.

— Бстати, поболтаемъ... Мы съ тобой еще ни разу не поговорили толкомъ,—прибавилъ Каширцевъ, стараясь придать своему тону беззаботность.

Шелковскій внимательно посмотрѣлъ на него.

— Ты вправду расположенъ болтать? — спросилъ онъ, повернувшись на своемъ твердомъ желѣзномъ стулѣ.

— А что?

— Да такъ... По виду, тебѣ какъ будто не до болтовни... А, впрочемъ, можетъ быть, я и ошибаюсь, извини, пожалуйста.

— Нѣтъ, нѣтъ!—поспѣшно воскликнулъ Каширцевъ, какъ бы съ радостью ухватившись за его обмолвку.—Это правда, не поболтать, а поговорить серьезно... У меня забота, большая забота!

— Я это вижу. У тебя лицо—предатель. На немъ все написано, чтѣ у тебя на душѣ. Я, какъ ты пришелъ, такъ и подумалъ: у него что-то неладно. Ну, въ чемъ же дѣло? Если позволишь, я догадаюсь.

— Трудно тебѣ догадаться.

— Хоть и трудно, а попытаюсь. Ольга Сергѣевна тебя беспокоитъ.

— То-есть? — спросилъ Каширцевъ, вопросительно поднявъ глаза на пріятеля.

— Безпричинная прострація, припадокъ отчаянія.

— Ты говорилъ съ нею?—съ возрастающимъ изумленіемъ воскликнулъ Владиміръ Ивановичъ.

— Когда же? Ты всякій разъ присутствовалъ. Но неужели же ты меня такою ужъ пробкой считаешь? Сколько разъ мнѣ случилось заходить къ вамъ, когда у васъ въ домѣ висѣла туча. Я видѣлъ, какъ она, эта туча, давила васъ всѣхъ и меня начинала давить. И я убѣгалъ по-добру по-здорову... Сперва я недоумѣвалъ... я думалъ много, много думалъ, потому что люблю васъ обоихъ—и тебя, и Ольгу Сергѣевну... Ну, а послѣ размышленія отнесъ это къ извѣстному роду явленій и на томъ покончилъ. Это со мной часто бываетъ. Когда я встрѣчаюсь съ какимъ-нибудь грустнымъ явленіемъ, я, прежде всего, принимаю его къ сердцу и скорблю, и мучаюсь. Но потомъ вдругъ вспоминаю, что я, въ сущности, только наблюдатель. Тогда я даю ему имя и мнѣ дѣлается легче.

— Къ какому же роду явленій ты отнесъ это?

— Грустно объяснять это тебѣ, Владиміръ Ивановичъ, но попытаюсь. Видишь ли, Парижъ—интересный городъ вообще. Для всякаго тутъ найдется, чтѣ посмотретьъ. Но по отношенію къ женщинамъ онъ нѣчто особенное: между ними и Парижемъ есть какая-то

кровная связь, что-то роковое. Я мало видѣлъ женщинъ, для которыхъ Парижъ прошелъ бы даромъ. Я не могу тебѣ сказать точно, но онъ будить въ ихъ душѣ что-то такое, что, можетъ быть, спокойно проспало бы всю жизнь. И это въ особенности у русскихъ женщинъ. Почему?—да потому, что женщины другихъ націй и у себя дома даютъ свободный ходъ тѣмъ инстинктамъ, которые будить парижская атмосфера, а наши — всѣми силами подавляютъ ихъ, потому что русская женщина неизмѣримо выше другихъ. Русская женщина—монахиня въ сравненіи съ парижанкой. Но то, что парижанка—въ высшей степени, французенка—въ большей или меньшей степени. Посмотри ты на здѣшнюю женщину: вся она ушла въ культъ своихъ формъ. Развѣ ей не открыты настѣжь двери университета, медицинской школы, Collège de France? А загляни туда, много ли ихъ тамъ? Онѣ считаютъ себя созданными для одной только любви, и любви не въ широкомъ смыслѣ слова, а въ самомъ ограниченномъ. Онѣ не хотятъ даже быть матерями. Произведи на свѣтъ одного, много двоихъ дѣтей, онѣ тотчасъ же отправляютъ ихъ съ глазъ долой, куда-нибудь въ деревню, объясняя, что дѣтямъ полезенъ воздухъ и деревенская кормилица. Это ложь, разумѣется, это имъ надо торопиться жить, это имъ надо отдаваться любви, какой бы то ни было—высокой, низкой, сопряженной съ жертвой, продажной,—это все равно.

— Такъ неужели же ты думаешь, что и мою жену захватило это теченіе?—съ волненіемъ спросилъ Баширцевъ.

— Почему же нѣтъ?—возразилъ Шелковскій.—Я очень уважаю Ольгу Сергѣевну и люблю ее, но думаю, что она сдѣлана изъ того же тѣста, что и всѣ женщины. Для всѣхъ одинъ законъ.

— Постой, постой. Если это правда, такъ, вѣдь, мы должны бѣжать, бѣжать отсюда.

— Гм... бѣжать! Это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Попробуй, предложи ей это, захочетъ ли? Да ты тоже присмотришь къ Дарьѣ Степановнѣ. Та ли она, какою пріѣхала?

— Да ужъ я присмотрѣлся.

— Ну, то-то. Этотъ Ловичъ, чортъ бы его побралъ, съ своею циническою философійей...

— Ты меня окончательно въ потъ вогналъ... Неужели Ловичъ можетъ имѣть какое-нибудь влияніе?

— Да, вѣдь, Ловичъ ничего новаго имъ не говорилъ. Ловичъ, это—бульваръ, ресторанъ, кафе-шантанъ, moulin rouge,—все, что хочешь, онъ словами говоритъ то, что эти милыя учрежденія нашептываютъ своимъ видомъ... Не Ловичъ тутъ, а сама жизнь...

Они оба задумались и долго сидѣли молча. Потомъ расплатились и встали. Они тихо пошли по тротуару по направленію къ Биржѣ. Разговоръ тянулся все въ томъ же родѣ, но, разумѣется, они ни къ чему не пришли. На площади Биржи они разстались. Шелковскій, видя безотрадное выраженіе лица пріятеля, захотѣлъ смягчить впечатлѣніе отъ своихъ рѣчей и сказалъ:

— Но, вѣдь, все это можетъ оказаться фантазіей. Вѣдь, многія проходятъ черезъ этотъ огонь, не спаливъ себѣ ни одного волоса.

Владиміръ Ивановичъ грустно улыбнулся на это утѣшеніе. Онъ повернулъ къ главной почтѣ, рассчитывая получить тамъ газеты и письма изъ Россіи.

Баширцевъ подошелъ къ зданію главной почты съ видомъ унылымъ, но какъ только вошелъ въ самое помѣщеніе, тотчасъ оживился. Привычная для него картина длинной залы съ безчисленнымъ множествомъ отдѣленій, размѣщенныхъ въ рядъ, — все на виду, открыто, просто и удобно для публики, — напомнила ему о предстоящемъ полученіи русскихъ журналовъ, чтѣ всегда подымало его настроеніе. У каждаго отдѣленія толпилась публика, среди которой преобладали горничныя и бухарки, торопящіяся положить свои излишки въ сберегательную кассу.

Онъ прошелъ черезъ залъ во всю его длину, затѣмъ повернулъ направо, гдѣ въ отдѣлѣ «poste restante» получалъ свою корреспонденцію. Тутъ онъ вынулъ приготовленный для этого случая старый конвертъ съ его именемъ и предъявилъ чиновнику. Ему дали двѣ газеты и затѣмъ предложили расписаться въ полученіи заказного письма.

Этотъ толстый пакетъ, облѣпленный русскими марками, удивилъ его. Почеркъ былъ хорошо знакомъ ему, но въ первую минуту онъ не могъ опредѣлить, кому принадлежитъ онъ. Размѣръ и вѣсъ посылки совсѣмъ сбивали его съ толку. Онъ не ждалъ изъ Россіи никакихъ документовъ. Онъ распечаталъ конвертъ и былъ безконечно удивленъ, когда въ немъ оказалось десятка два почтовыхъ листовъ, исписанныхъ рукою его жены. Въ этомъ для него съ перваго же взгляда не было сомнѣнія. Но это была не та рука, которою былъ написанъ адресъ на конвертѣ. Онъ порылся среди присланныхъ листовъ и нашелъ тамъ маленькій квадратный кусокъ бумаги съ слѣдующею запиской:

«Дорогой Владиміръ Ивановичъ! Я ничего не понимаю, но страшно испугана. Посылаю вамъ все отъ начала до конца, чтобы вы

могли понять, какъ это образовалось. Вы должны знать это, потому что любите Ольгу и, можетъ быть, что-нибудь съумѣете предотвратить отъ нея. Нечего прибавлять, что Ольга никогда не должна узнать объ этомъ. Ваша Л. Борзенкова».

Онъ собралъ всѣ листы, опять уложилъ ихъ въ конвертъ и положилъ во внутренней карманъ пальто. Ему казалось, что уже всѣ обратили на него вниманіе, потому что онъ минуты двѣ возился съ кучей бумагъ. И правда, чиновникъ, выдававшій ему пакетъ, пристально смотрѣлъ на него, потому что это было для него развлеченіемъ отъ нестерпимой скуки и крайне однообразныхъ занятій.

Выйдя на улицу, онъ снялъ шляпу и вытеръ платкомъ вспотѣвшій лобъ. Записка Борзенковой странна. Въ ней есть что-то тревожное, зловѣщее. Уже одно то ничего хорошаго не общаетъ, что она нашла нужнымъ прислать ему письма Ольги. Но хуже всего то, что это совпадаетъ съ его подозрѣніемъ. Онъ, вѣдь, и самъ думалъ, что въ настроеніи Ольги Сергѣевны есть какая-то систематичность, что эти припадки отчаянія, замкнутости, то раздражительности, то апатіи, зависятъ отъ одной и той же причины. Но отыскать эту причину онъ не могъ. То, въ чемъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ подозрѣваютъ женщину, то-есть новое чувство къ кому-нибудь, тутъ не могло имѣть мѣста. Онъ слишкомъ хорошо зналъ свою жену и ея взглядъ на это дѣло. Она считала позорнымъ въ ея годы и въ ея положеніи заниматься новымъ чувствомъ. Притомъ же, случись что-нибудь подобное, объ этомъ она, прежде всего, заявила бы ему.

Уже вечерѣло. Онъ хотѣлъ зайти куда-нибудь въ кафе, сѣсть въ уголокъ и просмотрѣть переписку. Въ Парижѣ есть хорошая манера ни на кого не обращать вниманія, чѣмъ бы кто ни занимался на улицѣ или въ кафе. Но ему не хотѣлось опаздывать къ обѣду, тѣмъ болѣе, что онъ оставилъ жену въ такомъ настроеніи, когда его долгое отсутствіе изъ дому можетъ дурно отразиться на дѣтяхъ.

Онъ оставилъ мысль о кафе и пошелъ домой. Странная записка Борзенковой не выходила у него изъ головы.

Лизавета Андреевна Борзенкова была близкимъ другомъ его жены. Онѣ были дружны съ дѣтства, никогда не расходились и у нихъ не было тайнъ. Когда одна уѣзжала изъ Петербурга, то непрерывная связь поддерживалась оживленною перепиской. Онѣ писали другъ къ другу по десятку страницъ, и Баширцевъ всегда удивлялся, о чемъ онѣ пишутъ и откуда берутъ матеріалъ. Когда же ему попадались подъ руку эти страницы (отъ него ихъ не пря-

тали), то удивленіе его исчезало. Тутъ было все: и описаніе проведеннаго дня, и пришедшія въ голову по тому или другому поводу мысли, и подробное изображеніе оригинальныхъ костюмовъ, видѣнныхъ на комъ-нибудь на улицѣ или на сценѣ, магазина, старинной церкви, понравившейся картины, содержаніе новой пьесы, оцѣнка только что прочитанной книги, шутка по адресу общей знакомой, глубокомысліе рядомъ съ анекдотомъ, тутъ были всѣ ихъ впечатлѣнія безъ выбора. Письма эти производили такое впечатлѣніе, будто авторы ихъ случайно сошлись и выбалтывали другъ другу все, что было на душѣ, въ томъ порядкѣ, какъ приходило на память, а кто-то записалъ ихъ рѣчи.

Но если Лизавета Андреевна испугалась и нашла нужнымъ о чемъ-то его предупредить и на что-то обратить вниманіе, то тутъ, кромѣ обычныхъ впечатлѣній, должно быть нѣчто поважнѣе. Онъ думалъ объ этомъ, но въ голову не приходило никакой догадки. Ему было крайне неприятно, что онъ будетъ носить въ карманѣ какую-то тайну отъ жены. Онъ къ этому не привыкъ, а, между тѣмъ, это неизбежно.

Когда онъ вошелъ въ подъѣздъ пансіона, ему стало какъ-то не по себѣ. Мысль о томъ, что дома все сквано настроеніемъ Ольги Сергѣевны и что онъ сейчасъ попадетъ въ эту тяжелую атмосферу, омрачала его душу.

Онъ поднялся во второй этажъ и, проходя по ковру длиннаго корридора, былъ пораженъ громкимъ разговоромъ и веселымъ смѣхомъ, слышавшимся изъ его квартиры. Онъ совершенно явственно слышалъ, что говорилъ Шелковскій, а смѣялась Ольга Сергѣевна. Значитъ, Шелковскій раздумалъ идти домой и повернулъ къ нимъ. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Ему также была знакома манера Шелковскаго говорить громко. Но веселость Ольги Сергѣевны была для него неожиданностью. Онъ остановился на секунду, желая хорошенько вслушаться въ этотъ смѣхъ: нѣтъ ли въ немъ чего-нибудь злобнаго или истерическаго? Но смѣхъ былъ искренно-веселый, открытый, отъ души, какъ умѣла смѣяться Ольга Сергѣевна въ добрыя минуты.

«Ну, вотъ и отлично, — подумамъ онъ, — отъ сердца отлегло».

Онъ вошелъ въ комнату и первый внимательный взглядъ его упалъ на лицо Ольги Сергѣевны. Онъ все еще не довѣрялъ своему слуху и боялся, что зрѣніе разочаруетъ его. Но лицо Ольги Сергѣевны было такъ же ясно, какъ и ея смѣхъ. Она встрѣтила его вопросомъ:

— Принесъ газеты? Что новаго въ Россіи?

Онъ отдалъ ей газеты и поздоровался съ Шелковскимъ.

— Ты отлично сдѣлалъ, что пришелъ, — сказалъ онъ пріятелю. — Я потомъ жалѣлъ, что не потащилъ тебя съ собой.

— Но я, вѣдь, былъ дома и меня вызвали по телеграфу! — съ усмѣшкой промолвилъ Шелковскій.

— Да? Почему такая спѣшность?

— Это наша тайна! — смѣясь, замѣтила Ольга Сергѣевна.

Дѣти шумно возились около дивана, ежеминутно теребя мать; она мимоходомъ отвѣчала на ихъ вопросы, не переставая, въ то же время, вести разговоръ съ Шелковскимъ. Четырехлѣтній Бостя взобрался къ ней на колѣни, и она приняла его съ обычною нѣжностью. На кругломъ столѣ посреди комнаты была приготовлена посуда для обѣда. Когда у нихъ были гости, имъ приносили обѣдъ въ квартиру. Дарья Степановна нарѣзывала хлѣбъ.

«Все идетъ какъ слѣдуетъ, — подумалъ Владиміръ Ивановичъ, — это точно во снѣ».

— У васъ веселый сюжетъ, не правда ли? — сказалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ.

— Самый серьезный, — отвѣтилъ Шелковскій, — сюжетъ педагогическій, но Ольга Сергѣевна придала ему такой парадоксальный оттѣнокъ, что, пожалуй, при дѣтяхъ нельзя и обсуждать его.

— Вотъ какъ! Развѣ у тебя, Ольга, новая теорія воспитанія?

— О, да, совершенно новая! — съ странною усмѣшкой отвѣтила Ольга Сергѣевна.

— Давно? И какого происхожденія?

— Чисто-парижскаго, а, значить, и недавно.

— Познакомь, пожалуйста.

— Да вотъ Шелковскій находитъ, что при дѣтяхъ нельзя развивать ее, а я нахожу, напротивъ, что эту теорію надо привить имъ вмѣстѣ съ оспой. Тогда они будутъ счастливыѣ.

Все это говорилось тономъ легкой шутки. Ольга Сергѣевна была одѣта въ свѣтлое сатиновое платье, тщательно причесана, держалась ровно, бодро, на щекахъ у нея игралъ легкій румянецъ. Не было ничего общаго между ею теперешнею и часъ тому назадъ. Владиміръ Ивановичъ, глядя на нее, думалъ о тѣхъ листахъ почтовой бумаги, что лежали въ карманѣ его пальто. Ужь не напрасны ли эти страхи? Не приняла ли Борзенкова за опасность простую усталость, малокровіе, а отсюда нервозность, которыя пройдутъ послѣ отдыха и какихъ-нибудь лѣтнихъ купаній?

Подали обѣдъ, который прошелъ живо и весело. Въ дверь постучалъ почтальонъ и подаль Дарьѣ Степановнѣ письмо изъ Россіи.

— Изъ Питера?—спросила Ольга Сергѣевна.

Та, улыбаясь, вивнула головой и положила письмо рядомъ съ своимъ приборомъ.

— Что же вы не читаете?

— Успѣю, — отвѣтила дѣвушка.

— Странно! Письмо отъ жениха и она не спѣшитъ прочитать! А знаете, почему вы не спѣшите? Потому что вамъ извѣстно напередъ, что тамъ написано.

— Пожалуй, — слегка краснѣя, отвѣтила Дарья Степановна.

— То-то. Отлетовъ — человекъ въ высшей степени опредѣленный, разъ навсегда рѣшившій, что добро и что зло, хоть онъ и художникъ, прости ему это Богъ, — продолжала Ольга Сергѣевна съ чуть замѣтною ироніей. — Съ такими людьми удивительно легко говорить. Достаточно, чтобы они только называли предметы. Напримеръ: любовь! Ужъ вы знаете, что онъ скажетъ: любовь, это — высокое чувство, заключающееся во взаимномъ самопожертвованіи. Парижъ! Парижъ, это — мировое средоточіе пороковъ и преступлений... Не читайте, Дарья Степановна, этого письма, — тамъ все въ такомъ родѣ. Отлетовъ — прекраснѣйшій человекъ и его можно любить, но онъ узокъ, какъ нашъ корридоръ, и въ жизни ничего не понимаетъ.

Дарья Степановна покраснѣла и промолчала. Она рѣдко измѣняла своей манерѣ — участвовать въ разговорѣ лишь однимъ безмолвнымъ вниманіемъ. Шелковскій, бывавшій у Каширцевыхъ довольно часто, до сихъ поръ не могъ раскусить ее и составить о ней опредѣленное мнѣніе. Два раза ему пришлось быть съ Дарьей Степановной въ театрѣ. Проведя съ нею вдвоемъ два вечера, онъ узналъ ее не лучше, чѣмъ прежде. Она умѣла иногда быть веселой, много смѣяться и шутить, но эта веселость, эти шутки были лишены опредѣленнаго содержанія. Это просто была потребность посмѣяться, побѣситься, подурачиться, — проявленіе темперамента и только.

Горничная убирала посуду со стола. Всѣ расположились въ креслахъ и на диванѣ. Дѣти шумѣли попрежнему. Въ раскрытыя окна, вмѣстѣ съ вечернею прохладой, влетали уличный шумъ, говоръ и стукъ отъ проѣзжавшихъ экипажей. Ольга Сергѣевна стояла у окна. Высокая, стройная, съ красивыми, мягкими очертаніями формъ, съ оживленнымъ лицомъ, слегка окрашеннымъ румянцемъ, она теперь казалась молодой и исполненной силъ и здоровья.

Шелковскій молча глядѣлъ на ея профиль и молча докуривалъ

папиросу. Владиміръ Ивановичъ забралъ на руки дѣтей. Дарья Степановна ушла въ дѣтскую, должно быть, читать письмо.

Вдругъ Ольга Сергѣевна быстро высунула голову въ окно.

— Смотрите, смотрите! Вотъ счастливая женщина!—воскликнула она.

Мужчины подошли къ окну. Мимо медленно проѣзжала коляска, запряженная парой рыжихъ горячихъ коней. Англійскій кучеръ, высоко поднявъ голову, гордо смотрѣлъ на пѣшеходовъ и тѣхъ, кто ѣхалъ въ извожичьихъ экипажахъ. Въ коляскѣ сидѣла дама—нарядная, пышная красавица съ блѣднымъ, холоднымъ лицомъ, на которомъ только очень неопытный взглядъ не замѣтилъ бы искусной работы красокъ и пудры.

— Въ чемъ ея счастье?—спросилъ Баширцевъ.

— Да въ томъ, что она не знаетъ никакихъ нравственныхъ мученій, ни колебаній, ни проклятыхъ вопросовъ, а просто наслаждается жизнью, просто живетъ всѣми сторонами своего существа.

— Не всѣми, мой другъ, а только низкими,—мягко возразилъ Баширцевъ.

— Другихъ у нея нѣтъ... И прекрасно, что нѣтъ... Я ей завидую.

— Но вы забываете, Ольга Сергѣевна, что ей недостаетъ самаго главнаго: ее никто не уважаетъ,—замѣтилъ Шелковскій.

— Но всѣ ищутъ ея взгляда и ласки... Да зачѣмъ ей ваше уваженіе, когда она всѣхъ презираетъ? Развѣ женщина можетъ не презирать тѣхъ, кто платитъ ей цѣлыя состоянія, и за что? Не за любовь, конечно,—они не такъ наивны, чтобы вѣрить въ ея любовь,—а за принадлежность, временную, послѣ другого, который платилъ раньше, и передъ третьимъ, который будетъ платить послѣ... Развѣ она можетъ уважать этихъ арендаторовъ ея тѣла? О, ей можно искренно позавидовать!

Шелковскій внимательно посмотрѣлъ на Владиміра Ивановича, какъ будто желая узнать, придастъ ли онъ значеніе этимъ необычнымъ рѣчамъ своей жены. Но Баширцевъ спокойно и благодушно игралъ съ дѣтьми и, очевидно, смотрѣлъ на это, какъ на шутку. Было бы слишкомъ ужасно, еслибъ онъ хоть на минуту посмотрѣлъ на это иначе.

Ольга Сергѣевна нѣсколько минутъ простояла у окна молча, а когда обернулась, то на лицѣ ея уже лежала тѣнь утренняго настроенія. Лицо ея было блѣдно, вѣки потемнѣли и полузакрылись; она оглядѣла дѣтей, мужа и Шелковскаго какимъ-то неяснымъ взглядомъ и прошла въ другую комнату.

— Вы, вѣроятно, куда-нибудь собираетесь?—спросилъ Владиміръ Ивановичъ у Шелковскаго. — Ты говорилъ о какой-то телеграммѣ.

— Повидимому, взяты билеты куда-то въ театръ. Я далъ слово идти, — отвѣтилъ Шелковскій.

— Бто же взялъ билеты?

— Кажись, Ловичъ.

— Ловичъ? Тебѣ не доставляетъ удовольствія его общество.

— Ну, что-жь? Меня, кажется, затѣмъ и пригласили, чтобы не быть съ однимъ Ловичемъ. Предосторожность не лишняя, и я смотрю на себя, какъ на благородную жертву, — прибавилъ онъ, усмѣхнувшись. — Впрочемъ, я не увѣренъ, что теперь это состоится. Ольга Сергѣевна не въ театральномъ настроеніи...

— Пожалуйста, не клеветайте на Ольгу Сергѣевну! — послышалось изъ другой комнаты и затѣмъ появилась сама Каширцева. Она оправилась, оживилась, повеселѣла и, очевидно, взяла въ руки свое настроеніе. — Ты насъ отпустишь? — спросила она у мужа.

— Пожалуйста! — отвѣтилъ Каширцевъ. — Я такъ свыкъся съ обязанностями няньки, что они мнѣ доставляютъ удовольствіе

— Ну, вотъ, и отлично... Спасибо!

Черезъ полчаса обѣ дамы съ Шелковскимъ ушли въ театръ, а Владиміръ Ивановичъ началъ нетерпѣливо улаживать дѣтей спать. Эти быстрыя и ничѣмъ необъяснимыя перемѣны въ настроеніи Ольги Сергѣевны опять возбудили въ душѣ его тревогу. Ему хотѣлось поскорѣе познакомиться съ содержаніемъ пакета.

Мальчики быстро заснули. Семилѣтняя Варя лежала въ постели съ сонными глазами и покраснѣвшими вѣками и увѣрила, что ей спать не хочется. У нея была привычка передъ сномъ задавать сотню вопросовъ, вытекавшихъ изъ впечатлѣній цѣлаго дня.

— Мы уже въ Россію не поѣдемъ? — спросила дѣвочка.

— Почему не поѣдемъ? Поѣдемъ. Проживемъ здѣсь еще года полтора и потомъ — въ Петербургъ, — отвѣтилъ Каширцевъ. — Но спи, пожалуйста, Варя, спи! — прибавилъ онъ.

— Но, вѣдь, когда я вырасту, я буду женщиной? — продолжала дѣвочка.

— Ну, да, конечно.

— А мама говоритъ, что въ Россіи женщина — несчастное существо.

— Да? — съ удивленіемъ воскликнулъ Владиміръ Ивановичъ.

— Да, мама говорила это Шелговскому. Зачѣмъ же тогда я поѣду въ Россію? Чтобы быть несчастной?

— Ты что-нибудь не поняла. Лучше всего спи. Уже девять часовъ...

— Мама говоритъ, что самыя счастливыя женщины — парижанки, — продолжала Варя.

— Это неправда. Мама шутить. Спи!

— Мама говоритъ, что онѣ умѣютъ пользоваться жизнью и это надо прививать съ оспой... А мнѣ прививали оспу, папочка?

— Да развѣ ты забыла? Прошлою зимой, въ Петербургѣ. Тебѣ и Костѣ, и Сережѣ...

— Нѣтъ, я помню. Только, вѣдь, намъ ничего тогда больше не прививали.

— Ничего больше и нельзя привить... Спи, дѣточка... Поздно!

— А когда другой разъ оспу будутъ прививать, то привьютъ это?

— Что, милая?

— То, что мама говорила...

— Ахъ, Варя, ты говоришь глупости! Мама пошутила... Ничего такого съ оспой нельзя привить.

— А предрасудки же прививаютъ?

— Какіе предрасудки? Откуда ты набралась такихъ словъ?

— Мама говорила Дашѣ, что ей привили предрасудки... Даша говорила, что она выйдетъ замужъ и будетъ жить для мужа и для дѣтей, а мама — что это ей привили предрасудки.

Баширцевъ издалъ глубокій вздохъ.

— Почему ты вздыхаешь, папочка? — участливо спросила Варя.

— Потому что ты огорчаешь меня, — не спишь... Завтра будетъ головка болѣть... Спи!

— Ну, хорошо, я буду спать, только ты не огорчайся.

Баширцевъ поцѣловалъ дѣвочку и вышелъ въ другую комнату. Теперь у него была полная возможность заняться присланною изъ Россіи перепиской, но разговоръ съ Варей сильно взволновалъ его. Онъ нервно ходилъ по комнатѣ и мысленно восклицалъ: «Ахъ, Ольга, Ольга! Что она дѣлаетъ? Можно ли такъ говорить при дѣтяхъ? Вѣдь, онѣ наблюдательны, пытливы, это у нихъ остается надолго...»

— Папа, папочка! — клинула Варя изъ дѣтской.

— Что тебѣ, дѣтка? — Онъ сталъ на порогѣ.

— Деньги и счастье, это одно и то же? — спросила дѣвочка.

— Кто тебѣ это сказалъ? — съ глубокимъ изумленіемъ произнесъ Баширцевъ.

— Мама говорила Дашѣ.

— Ахъ, мама все шутить, мама все шутить!... Спи, моя крошка! — съ искреннимъ огорченіемъ въ голосъ промолвилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Я уже сплю, папочка! — отвѣтила Варя виноватымъ голосомъ.

Баширцевъ опять заходилъ по комнатѣ. Откуда это у Ольги? Всю жизнь она держалась твердыхъ, опредѣленныхъ принциповъ, всю жизнь думала съ нимъ одинаково и всегда поддерживала его въ неудачной жизни. О, если бы не эта поддержка, развѣ онъ уцѣлѣлъ бы такимъ, каковъ теперь? Но если даже, благодаря какимъ-нибудь случайнымъ впечатлѣніямъ, ей въ голову приходятъ такія мысли, то странно, невѣроятно, что она такъ неосторожно высказываетъ ихъ передъ дѣтьми, въ особенности передъ Варей, которая такъ воспримчива и все такъ усваиваетъ... И опять же, какъ она рѣшается говорить такія вещи Дарьѣ Степановнѣ? Дарья Степановна не имѣетъ никакого взгляда на жизнь; она наивна, какъ ребенокъ, и готова искренно согласиться съ послѣднимъ мнѣніемъ, высказаннымъ горячо и убѣдительно. Она молода, въ ней такъ естественно и законно желаніе жизни, духъ захватывающихъ удовольствій, а Парижъ такъ много сулитъ соблазновъ. Нѣтъ ничего легче, какъ настроить воображеніе такого существа на самый опасный ладъ. А въ добавокъ ко всему она еще красива и не можетъ не знать этого. На улицѣ всѣ на нее заглядываются, несмотря на ея болѣе чѣмъ скромный туалетъ...

Но пакетъ съ перепиской лежалъ уже на столѣ, а время шло. Пробыло десять часовъ, къ двѣнадцати они придутъ. Онъ сѣлъ къ столу и, вынувъ изъ конверта исписанные листы, просмотрѣлъ заголовки. Они были подобраны по порядку: 20 апрѣля, 3 мая, 5 мая, 12 мая... Онъ придвинулъ къ себѣ лампу и началъ читать.

«Парижъ, 20 апрѣля. Не сердись, дорогая Лиза, за двухнедѣльное молчаніе. Мы покинули Монтрѣ, — чудный, тихій, счастливый, мирный, добрый Монтрѣ. Мы въ Парижѣ. Какая страшная разница, — точно въ другомъ мірѣ; да, если тамъ, въ здоровой, спокойной Швейцаріи, были люди, то здѣсь, конечно, какая-то другая порода живыхъ существъ. Тамъ все успокоиваетъ, убаюкиваетъ, навѣваетъ сладостный, безмятежный сонъ, тамъ все говоритъ: счастье, это — умѣнье довольствоваться скромною долей. Счастье швейцарца, это — грошова карамель, которую онъ умѣетъ сосать тихо, осторож-

но, и ея сладости надолго хватаетъ ему. Здѣсь не то. Здѣсь все будить тебя, волнуешь, мѣшаетъ спать. Счастье парижанина, если можно сравнить съ лакомствомъ, то развѣ съ тѣмъ, что моментально таесть во рту и каждую минуту надо новое, новое, новое... Что лучше — разбери. А мнѣ больше по душѣ пришлось швейцарское счастье. Можетъ быть, это оттого, что дома я очень ужъ устала. Вѣдь, мы съ Владиміромъ чуть ли не съ той самой минуты, какъ сдѣлались мужемъ и женой, все только и дѣлали, что боролись съ обстоятельствами. Бѣдный Владиміръ измаялся, а я въ конецъ разстроила себѣ нервы. О, какимъ спасеніемъ для насъ были эти наслѣдственные пятнадцать тысячъ, точно съ неба къ намъ упавшія! Вѣдь, не случись этого, мы до сихъ поръ боролись бы и, можетъ быть, обезсилѣли бы. А теперь мы оба отдохнули, въ Парижѣ повеселимся, людей посмотримъ (а себя показывать намъ нечего!), Владиміръ, быть можетъ, напишетъ что-нибудь дѣльное, — вѣдь, онъ объ этомъ мечтаетъ всю жизнь, но на это у него никогда не было ни свободы, ни времени, — а какъ поистощится наслѣдство (копечно, скорѣе, чѣмъ мы думаемъ), опять въ Питеръ пріѣдемъ и опять поведемъ старую борьбу съ обстоятельствами. Не правда ли, мы глупо устроились? Не лучше ли было эти пятнадцать тысячъ употребить дома, экономно, расчетливо, заполнить пробѣлы, чтобы на будущее время избавить себя отъ мукъ? По-моему, нѣтъ. По крайней мѣрѣ, будетъ пріятное воспоминаніе, а это иногда важнѣе спокойной жизни. А то — распустить эти пятнадцать тысячъ въ пятнадцати тысячахъ маленькихъ нуждъ... И не замѣтишь, какъ они улетучатся. А муки, вѣдь, все равно, придутъ... Онѣ никому и ничему не уступаютъ своего мѣста.

«Но все это глупости. Ты интересуешься, какое впечатлѣніе произвелъ на меня Парижъ? Пока только вижу, что все здѣсь — первый сортъ, второго вовсе нѣтъ, все первый, вездѣ и во всемъ. Будней здѣсь не бываетъ, а все праздникъ. Все дѣлаютъ весело, — и развлекаются, и работаютъ весело. Вспоминаются мнѣ наши сѣверяне, которые ничего не умѣютъ дѣлать весело и даже веселятся скучно. Всѣ одѣты какъ будто по-праздничному и вѣчно что-нибудь смотреть, слушаютъ, играютъ. Такое впечатлѣніе. Но нигдѣ въ мірѣ такъ не работаютъ, какъ здѣсь, нигдѣ въ мірѣ не производятъ столько умнаго, полезнаго, тонкаго, блестящаго.

«Помнишь мою элегантную шляпку, которую купила я въ Питерѣ, передъ отъѣздомъ? Еще ты, при видѣ ея, замерла отъ восторга и воскликнула: «о, какой шикъ!» Но ее здѣсь надѣть нельзя, — до того она уродлива передъ здѣшними. Юбки носятъ прямыя, но я

не обращаю вниманія и донашиваю свои пышные петербургскіе пuffy, созданные рукою моей портнихи Тяпкиной.

«Дарья Степановна все время благонаравно молчить, но я замѣчаю, какъ она, останавливаясь передъ окнами модныхъ магазиновъ, облизывается. Бѣдная, вѣдь, у нея такая хорошенькая рожица, а денегъ мало, очень мало. Мнѣ жалко смотрѣть на нее. Еслибъ у меня были лишнія деньги, мнѣ доставило бы высокое удовольствіе закупить ей всякой всячины, нарядить ее и выпустить на бульваръ въ яркій солнечный день. Пусть любятъся парижане; у нихъ, вѣдь, не имѣютъ понятія о такой свѣжей, милой красотѣ.

«Меня же ничто изъ нарядовъ здѣсь не прельщаетъ. Въ чему все это въ мои годы? Черезъ пять-шесть лѣтъ — старость. Появились уже сѣдые волосы (а идутъ какъ — ужась!); да и дѣти мои смѣялись бы, еслибъ увидѣли, что я наряжаюсь. Притомъ, и деньги страшно уходятъ. У насъ каждый франкъ расчитанъ. Впрочемъ, купила лѣтнюю шляпку и заказала мантилью.

«Странная дѣвушка эта Дарья Степановна! У нея нѣтъ никакихъ желаній, ни вкусовъ. То, что она видитъ, ее, пожалуй, соблазняетъ, но еслибъ она никогда этого не видѣла, то никогда ничего и не желала бы. Она — прекрасная пара Отлетову, у котораго на наряды, кажется, совсѣмъ апостольскіе взгляды. Если бы ты видѣла, какъ она величественно идетъ по бульварамъ въ своей синей шерстяной юбкѣ и коричневой кацавейкѣ!... Это такъ живописно, что даже здѣсь, гдѣ ни на что не обращаютъ вниманія, потому что все видѣли и ко всему притягивались, на нее искоса поглядываютъ. Еще бы! Здѣшняя женщина скорѣе умретъ съ голоду, чѣмъ выйдетъ на улицу не элегантно одѣтой, на свой вкусъ, конечно. Пока прощай. Дѣти здоровы. Твоя О.»

Баширцевъ отложилъ въ сторону прочитанное письмо. Очевидно, это не то, которое такъ обезпокоило Борзенкову. Тутъ Ольга та же, что всегда. Онъ продолжалъ:

«Парижъ, 3 мая. Лиза, если бы ты знала, какъ ты мнѣ нужна! О, какъ ты мнѣ нужна! Въ мою голову приходятъ такія мысли, что ихъ страшно держать подъ черепомъ. Съ Владиміромъ я не могу говорить объ этомъ. У него слишкомъ правильный умъ и онъ понимаетъ только то, что совсѣмъ правильно. А что приходитъ въ мою голову, правильно ли, не знаю. Если правильно, то это ужасно.

«Парижъ, это — городъ радости, среди которой царствуетъ женщина. Женщины здѣсь не такія, какъ мы. Русская женщина — безплотный ангелъ въ сравненіи съ парижанкой. Парижанка — грѣшница, беззаботная, веселая, изящная, въ то же время, вульгар-

ная, низменная и, въ то же время, полная тонкаго esprit. Какъ она совмѣщаетъ все это, Богъ ее знаетъ. Это — ея тайна. Она ничего не умѣетъ, только любить, а любить только себя, только наслаждение. Впрочемъ, нѣтъ, она умѣетъ еще откладывать деньги въ *caisse d'épargne*. Совмѣщать это — тоже большое искусство. Ея голова не обременена никакими задачами, сердце — никакими обязанностями. У нея одна задача — жить и наслаждаться во что бы то ни стало; ея совѣсть не стѣснена никакими предразсудками, она не останавливается ни передъ долгомъ жены, ни передъ материнствомъ. Все идетъ къ чорту ради одного: жить и наслаждаться. За то она сумѣла сдѣлать себя привлекательной, потому что это ея оружие, которымъ она добываетъ наслаждение. Всѣ умственные усилія цѣлаго ряда поколѣній женщинъ ушли на это и весь умъ каждой парижанки уходитъ на это. Все въ ней до послѣдней мелочи, до послѣдняго шнурка подобрано, какъ тончайшій мазокъ на картинѣ художника, все подобрано для того, чтобы дѣлать ее красивой и привлекательной. Мы, русскія женщины, когда хотимъ привлечь къ себѣ мужчину, который намъ нравится, разчитываемъ на свое лицо и нерѣдко на умъ. У нихъ лицо — только одинъ изъ шансовъ, и далеко не главный. Если оно красиво, имъ займутся и къ нему подбирается все: и волосы, и платье, и шляпка, и чулки; все его подчеркиваетъ и выдвигаетъ. Но если лицо некрасиво, а красивы волосы, все подбирается къ нимъ, все ихъ подчеркиваетъ и выдвигаетъ и даже самое лицо должно поддѣлаться къ нимъ или ступешаться передъ ними. Если красивы руки, ноги, грудь, плечи, — они выступаютъ на первый планъ. А умъ? Я не знаю, нуженъ ли здѣсь кому-нибудь умъ. Его здѣсь такъ много, онъ рассыпанъ въ книгахъ, въ газетахъ, въ лекціяхъ, которыя читаются непрестанно всюду, въ рѣчахъ, на сценѣ, даже въ самомъ изыскѣ, живомъ и остромъ, гдѣ такъ много готовыхъ остроумій на каждый случай. Оттого здѣсь даже попугаи кажутся остроумными.

«Въ театрѣ, на улицѣ, на выставкахъ, на катаньи въ Булонскомъ лѣсу я видѣла коготокъ рядомъ съ женщинами свѣта, но я отличала первыхъ лишь потому, что мнѣ ихъ называли. Онѣ такъ же приличны, какъ и вторыя, а вторыя такъ же хищны, какъ и первыя. Кокотка... Это слово у насъ произносится съ презрѣніемъ, а иные цѣломудренные люди при этомъ краснѣютъ. А здѣсь она занимаетъ всѣ первыя позиціи. Она овладѣла театромъ, потому что играетъ на сценѣ и потрясаетъ сердца зрителей своею огненною, задушевною игрою; она придаетъ блескъ и шикъ первымъ представленіямъ, вернисажамъ, шикарнымъ празднигамъ, — безъ

нея они были бы скучны, сѣры, банальны; она занимает первыя мѣста на скачкахъ; она—героиня пьесъ и романовъ, гдѣ является уже не въ видѣ кающающейся грѣшницы, сознающей свою низменность и паденіе, какъ это было въ прежней литературѣ, а на равныхъ правахъ съ такъ называемою «честною женщиной», которая отличается отъ нея только тѣмъ, что носить имя мужчины, тогда какъ она носить свое собственное или выдуманное. Кстати, псевдонимы для коготокъ сдѣлались такъ же обычны, какъ для журналистовъ. Въ этомъ есть что-то роковое, говоритъ нашъ здѣшній знакомый Ловичъ. Наконецъ, у нея есть свои газеты, поющія ей дифирамбы, докладывающія публикѣ, какъ она живетъ, когда встаетъ, кого принимаетъ, что ѣсть и пить, во что одѣвается, съ кѣмъ выѣзжаетъ, кто подарилъ ей лошадей, кто коляску, какимъ *bon mot* обмолвилась она, и открыто доказывающія, что она достойна уваженія столько же, если не больше, чѣмъ жена...

«Да, вѣдь, это совсѣмъ перевернутыя понятія! Понимаешь ли ты тутъ что-нибудь, Лиза? Я объ этомъ думаю, думаю, думаю и никакъ не могу рѣшить, чтѣ мы такое въ сравненіи съ ними: жалкія жертвы заблужденія (можетъ быть, и святого, но все же заблужденія), или недосыгаемо-высокія подвижницы?... Но только—одно изъ двухъ, середины нѣтъ, до такой степени *это* далеко отъ того, чѣмъ живемъ мы. Прощай. Не могу докончить. Мысли наплывомъ лѣзутъ въ голову. Я сижу у раскрытаго окна. Какая жизнь, какое движеніе! Есть что-то духъ захватывающее въ этой повальной погонѣ за наслажденіемъ. Весь Парижъ куда-то спѣшитъ, каждый боится пропустить минуту, боится, чтобы на его долю не досталось меньше, чѣмъ на долю другого. Это—эгоизмъ, сдѣлавшійся основнымъ принципомъ жизни, заповѣдью. Онъ красивъ и обаятеленъ. Это опьяняетъ. Я закрываю окно. Твоя О.»

«Право же, кажется, у Лизаветы Андреевны напрасные страхи! — подумалъ Каширцевъ, собираясь и это письмо отложить въ сторону.— Ольга наблюдательна и только. Она привыкла вдумываться въ то, что видитъ, и я удивляюсь, что изъ нея не выработалась писательница. Многое изъ того, что она говоритъ, вѣрно, многое преувеличено. Это въ порядкѣ вещей...»

Онъ отложилъ письмо и принялся за третье, значительно успокоенный.

«Парижъ, 5 мая. Эти два дня, моя Лиза, я провела въ какомъ-то полусознательномъ состояніи. Вчера мы прошли по бульварамъ, вечеромъ были въ театрѣ; я смотрѣла вокругъ себя: женщины, туалеты, красота, изящество... Какъ *они* живутъ,—онѣ, *эти*

женщины! Онѣ входятъ, точно богини, и все на нихъ глядѣть то съ восторгомъ, то съ завистью. Онѣ распространяють вокругъ себя такую - то опьяняющую атмосферу, и нѣтъ силы, которая имъ противустояла бы. Это настоящее царство женщинъ, для нихъ дѣлается и существуетъ все: магазины, фабрики, театры, церкви, ради нихъ работаютъ мужчины; не будь ихъ, Парижъ былъ бы бѣденъ, скученъ, буржуазенъ. Для нихъ существуетъ Парижъ.

«Чѣмъ онѣ берутъ? Одною только жаждой жизни и презрѣніемъ ко всѣмъ препонамъ. Жажда жизни! Мы ея, кажется, даже не испытали. У насъ нѣтъ жизни, а есть какое-то обязательное исполненіе долга. Не этимъ ли и объясняется наша умѣренность, сдержанность и такъ называемая порядочность? Но, Лиза, Лиза... Я вижу жизнь, я вижу, какъ живутъ другія, и меня охватываетъ жальность къ самой себѣ... Мнѣ кажется, что я думала и жила не такъ, какъ слѣдуетъ, что все это было глупо, неестественно, бесплодно... Лиза, мнѣ страшно!... Лиза, не сумасшествіе ли это?»

«Ахъ, дѣти плачутъ!... Можешь ли ты повѣрить, что я на эти полчаса забыла, совсѣмъ забыла, что у меня есть дѣти? Я ловлю себя на этомъ, а выводъ сдѣлай сама. Прощай, Лиза».

«Парижъ, 12 мая. Ты права: это все глупости, усталость, разстроенные нервы. Мнѣ смѣшно вспомнить о томъ, что я тебѣ писала. Все это прошло. Я сегодня въ прекраснѣйшемъ настроеніи. У насъ цѣлый вечеръ провелъ Шелковскій, другъ моего мужа. Славная личность, умница... Впрочемъ, ты, кажется, видала его у насъ въ Петербургѣ, давно-давно. Мнѣ нравится, что онъ философъ, ничему не удивляется, а все старается понять и объяснить. Какую массу онъ знаетъ, — какъ только онъ успѣваетъ читать, — онъ читаетъ, кажется, все... и при этомъ живетъ нелегкимъ типографскимъ трудомъ. Онъ метранпажъ въ одной здѣшней типографіи. Какой у него ясный, здоровый взглядъ на жизнь! Можешь себѣ представить, я высказала ему почти все, что писала тебѣ. Онъ такъ спокойно и умно усмѣхнулся и сказалъ мнѣ цѣлую диссертацію. Онъ сказалъ, что Парижъ удивительнымъ образомъ дѣйствуетъ на женщину, и особенно на русскую. Почему? Да потому, что русская женщина неизмѣримо выше другихъ. Она постоянно хлопочетъ тамъ о какихъ-то правахъ. Ужъ сколько разъ ей, что называется, наклеивали носъ, а она ничѣмъ не можетъ уgomониться. А здѣшней ничего этого не надо. Она прямо и открыто признаетъ себя созданной для удовольствія мужчины, т.-е. то, что такъ оскорбляетъ русскую женщину. Она смотритъ на это, какъ на дарованное ей природой преимущество, и просто дѣлаетъ его

своею профессіей, какъ артистъ дѣлаеть профессіей свой талантъ. И она добросовѣстно старается усовершенствовать свои профессиональные шансы. Если она выполняетъ это хорошо, то всѣ находятъ, что она выполняетъ свое назначеніе, и отлично вознаграждаютъ ее...

«— Пойдите,— перебила я,— вы говорили о какихъ-то инстинктахъ, положенныхъ въ основу женскаго организма... Вы думаете, что эти инстинкты свойственны только женщинамъ и чужды мужчинамъ?»—Онъ опять усмѣхнулся.—«Не будемъ поднимать связнова женскій вопросъ,— сказала онъ.— Это заведетъ насъ слишкомъ далеко и, притомъ, далеко назадъ, такъ какъ, вѣдь, это перетолковано уже на всѣ лады. Между нами говоря, не однѣ только парижанки пользуются привилегіей *привлекать*, а то же дѣлается и въ Москвѣ, и въ Самарѣ, и въ Ивановѣ, и въ Оеодоровѣ. Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ красота была прерогативой женщины и онѣ никогда не отказывались отъ нея. Это—ея оружіе въ борьбѣ за существованіе. Но вотъ вамъ, чтобы кончить: когда русская женщина (я разумѣю не слишкомъ твердыхъ въ своихъ принципахъ, а много ли ихъ, этихъ твердыхъ, среди женщинъ, да и мужчинъ также?) попадаетъ сюда и сталкивается съ здѣшней жизнью, такъ ясно и открыто поставленной, то она сперва удивляется, потомъ негодуетъ и презираетъ, а затѣмъ гдѣ-то глубоко-глубоко въ душѣ ея зарождается и вырастаетъ тайное бессознательное сожалѣніе о томъ, что ея жизнь не прошла такъ же красиво... Отсюда внутренняя борьба. А исходъ этой борьбы зависитъ отъ силы характера и твердости взглядовъ. Иныя получаютъ глубокую рану въ сердце, которая мѣшаетъ имъ потомъ всю жизнь, хотя онѣ и дѣлають видъ, что стоятъ выше этого».

«И такъ, Лиза, я выслушала диссертацию. У насъ интересный знакомый—Ловичъ, исторію котораго ты слыхала отъ Владиміра. Онъ насъ развращаетъ, то-есть знакомитъ со всѣмъ, что есть въ Парижѣ безшабашнаго, разумѣется, изъ того, что можно намъ смотреть. О немъ въ другой разъ. Прощай, Лиза. Сожги мои глупыя письма. О.»

Было около двѣнадцати часовъ ночи, когда Каширцевъ кончилъ чтеніе послѣдняго письма. Въ это время у воротъ пансіона остановилась карета. Онъ подошелъ къ окну; оказалось, что тотчасъ же подъѣхала другая. Изъ первой вышли Ольга Сергѣевна и Шелковскій, изъ второй никто не вышелъ. Каширцевъ наскоро собралъ письма и запихнулъ ихъ въ карманъ. Въ корридоръ раздались топильные шаги. Вошла Ольга Сергѣевна, а за нею Шелковскій.

— Володя, ты позволишь намъ поужинать? — спросила Ольга Сергѣевна тономъ, какъ бы предрѣшающимъ утвердительный отвѣтъ.

— Почему же нѣтъ? Но гдѣ?

— Съ нами Ловичъ тоже... Онъ назвалъ какой-то ресторанъ, не помню...

— Ловичъ? — съ изумленіемъ спросилъ Владиміръ Ивановичъ. — Но съ нимъ, вѣдь, надо ужинать дорого...

— О, нѣтъ! Условіе — на скромныхъ началахъ... Но ты позволишь? Мнѣ очень хочется.

— Поѣзжай... если хочешь. Возьми денегъ.

— Да, да... Гдѣ онъ?

— Вотъ... Возьми бумажникъ.

Онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ и отдалъ ей. Она тотчасъ передала его Шелковскому.

— Вы будете кассиромъ... Такъ ты можешь посидѣть еще съ дѣтьми?

— Могу, разумѣется, — отвѣтилъ Баширцевъ. Съ лица его все время не сходило выраженіе изумленія, смѣшаннаго съ тревогой. — Ты, значить, будешь съ ними и привезешь ихъ? — обратился онъ къ Шелковскому.

— Ну, разумѣется, разумѣется, — нетерпѣливо отвѣтила за него Ольга Сергѣевна. — Пойдемте, они ждутъ.

Шелковскій все время только усмѣхался, а Баширцевъ дивился его стоворчивости. Какъ онъ рѣшился ужинать съ Ловичемъ, котораго терпѣть не можетъ? Да, наконецъ, это ему и не по карману.

— А Дарья Степановна гдѣ? — спросилъ онъ.

— Въ каретѣ съ Ловичемъ. Въ одной не помѣстились... Прощай! — отвѣтила Ольга Сергѣевна.

Она подошла къ нему, наскоро поцѣловала его въ щеку и вышла, а за нею послѣдовалъ Шелковскій. Черезъ двѣ секунды она вернулась.

— Ахъ, я забыла посмотрѣть дѣтей!

Она прошмыгнула въ дѣтскую, пробыла тамъ одно мгновеніе и опять уже была въ корридорѣ. Проходя черезъ кабинетъ, она кинула съ улыбкой:

— Ты отличная нянька, Владиміръ!

Глаза у нея были возбужденные, горячіе; щеки покрывалъ жаркій румянецъ.

Скоро обѣ кареты уѣхали.

Владиміръ Ивановичъ долго простоялъ у окна, вдыхая въ себя

свѣжій ночной воздухъ. На улицѣ все стихло. Изрѣдка проѣзжали извозничій фіакръ, да по панели съ противоположной стороны мирно шагали два полицейскихъ сержанта.

«Что за возбужденіе, что за огонь въ глазахъ, что за нервные жесты и тонъ! — думалъ онъ, вспоминая только что промелькнувшую передъ нимъ короткую, выразительную сцену. — И что за странный вкусъ! Ужинать съ Ловичемъ — человѣкомъ другого міра, другихъ взглядовъ на жизнь, слушать его безконечныя циническія замѣчанія... Никогда прежде не сдѣлала бы этого Ольга. Ужели, въ самомъ дѣлѣ, это — то особое роковое вліяніе Парижа на женщину, о которомъ говорилъ Шелковскій? О дѣтяхъ она вспомнила только случайно. И это Ольга, которая всегда дрожала надъ дѣтьми и болѣла ими?... Не права ли Борзенкова? Не въ самомъ ли дѣлѣ тутъ зачинается что-то опасное?»

Онъ долго ходилъ по комнатамъ, останавливался у окна и смотрѣлъ на городъ, которому такъ мало шло быть тихимъ и спокойнымъ. Иногда онъ заходилъ въ дѣтскую, укрывалъ дѣтей, поправлялъ имъ подушки, поилъ ихъ молокомъ, если они просыпались, и при этомъ вспоминалъ слова Ольги Сергѣевны: «Ты отличная нянька, Владиміръ!»

Пробило два часа. Онъ вынулъ изъ кармана письма и перечиталъ ихъ еще разъ.

И. Потопенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Я мечтою ловилъ уходящія тѣни,
Уходящія тѣни погасавшаго дня;
Я на башню всходилъ, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня.
И чѣмъ выше я шелъ, тѣмъ яснѣй рисовались,
Тѣмъ яснѣй рисовались очертанья вдали;
И какіе-то звуки кругомъ раздавались,
Вдругъ меня раздавались отъ небесъ и земли.
Чѣмъ я выше всходилъ, тѣмъ свѣтлѣе сверкали,
Тѣмъ свѣтлѣе сверкали выси дремлющихъ горъ,
И сіянемъ прощальнымъ какъ будто ласкали,
Словно нѣжно ласкали отуманенный взоръ.
И внизу подо мною ужъ ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей земли;
Для меня же блистало дневное свѣтило,
Огневое свѣтило догорало вдали.
Я узналъ, какъ ловить уходящія тѣни,
Уходящія тѣни потускнѣвшаго дня,—
И все выше я шелъ, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня.

К. Бальмонтъ.

Правительствующая олигархія послѣ Петра Великаго *).

IV.

Верховный тайный совѣтъ былъ учрежденіемъ не юридическаго, а *политическаго* характера. Цѣлый рядъ признаковъ подтверждаетъ это: какъ внѣшняя организація самого учрежденія, такъ—и еще болѣе—отношеніе его къ носителямъ верховной власти, способы развитія собственной власти на счетъ власти другихъ дѣйствовавшихъ въ имперіи учреждений, малопродуманность отдѣльныхъ преобразованій и проч. ясно указываютъ, что въ существѣ учрежденія лежало не столько право, сколько политика. Неудивительно поэтому, что когда, наконецъ, стремленія учрежденія къ политическому господству увѣнчались во времени кончины Петра II полнымъ, хотя и кратковременнымъ, успѣхомъ, совѣтъ захотѣлъ *de jure*, въ извѣстныхъ «кондиціяхъ» Аннѣ, закрѣпить свое положеніе. Наши ученые, касавшіеся вопроса объ этихъ кондиціяхъ, какъ А. Д. Градовскій, Д. А. Корсаковъ и др., выставляютъ ихъ заимствованными изъ Швеціи. Такъ, первый изъ названныхъ ученыхъ, обсуждая дѣятельность совѣта послѣ паденія Меншикова, категорически утверждаетъ, что члены его «захватываютъ въ свои руки всѣ дѣла и, вмѣсто военнаго правленія Меншикова, является олигархія въ самыхъ грубыхъ формахъ,—олигархія, стремившаяся, притомъ, одѣться въ *шведское платье* и изображать собою государственный совѣтъ. Наши вельможи верховнаго тайнаго совѣта *пожелали* играть роль государственнаго совѣта Швеціи и предложить Аннѣ Іоанновнѣ такія условія, какія въ 1718 г. въ Швеціи приняла Ульриха-Элеонора» (*Высшая администрація въ Россіи*, стр. 145). Такъ, далѣе, Д. А. Корсаковъ, въ своемъ изслѣдованіи *Воцареніе имп. Анны Іоанновны*, говоритъ, что «стоитъ только припомнить, насколько сильно было вліяніе шведскаго государственнаго устройства на кн. Д. М. Голицына, а затѣмъ сопоставить «кондиціи верховниковъ», политическій планъ кн. Голицына и «пунеты» присяги съ приведен-

*) *Русская Мысль* 1894 г., кн. I.

ными (въ изслѣдованіи автора) выдержками изъ актовъ шведскаго сейма 1719—1720 гг., чтобы придти къ весьма вѣроятному предположенію о *заимствованіи* изъ нихъ кн. Д. М. Голицынымъ въ его политическихъ проектахъ: кн. Д. М. Голицынъ, очевидно, хотѣлъ присвоить «родословнымъ людямъ» и верховному тайному совѣту то самое значеніе, которое придавала аристократіи и шведскому государственному совѣту аристократическая партія сейма 1719—1720 гг.» (стр. 284 и сл.). Мысль о заимствованіи «вѣднцій» изъ актовъ шведскаго сейма представляется, въ силу доводовъ, приведенныхъ Д. А. Борсаковымъ, весьма основательною. Очень возможно, что кн. Д. М. Голицынъ облекъ актъ ограниченія самодержавія призываемой на русскій престолъ герцогини курляндской Анны въ знакомыя ему шведскія формы, почему-либо бывшія у него въ это время передъ глазами. Но, однако, по нашему мнѣнію, это не даетъ намъ вовсе права понимать это чисто-случайное и внѣшнее заимствованіе такъ, какъ понималъ его А. Д. Градовскій, приписавшій нашему верховному тайному совѣту стремленіе «одѣться въ шведское платье» и «разыграть роль государственнаго совѣта Швеціи». Какъ мы постараемся въ дальнѣйшемъ изложеніи показать, совѣту не для чего было радиться въ чужое платье и играть чужую роль, когда его собственная роль, по крайней мѣрѣ, въ царствованіе Петра II, была такова, что прямо наводила на мысль закрѣпить за собою *de jure* то, что *de facto* ему и безъ того принадлежало въ тѣ моменты его существованія, когда ему удавалось во всей своей силѣ проявлять свои политическія тенденціи. И вотъ почему «кондиціи», предложенныя Аннѣ Іоанновнѣ, въ сущности,—какъ это ясно изъ обзора всей дѣятельности совѣта,—не вносили фактически ничего *новаго* въ дѣятельность совѣта, который уже раньше, отчасти даже при Екатеринѣ I, пользовался тѣмъ, что онъ хотѣлъ себѣ юридически закрѣпить при воцареніи Анны Іоанновны. Случайно «кондиціи» могли быть, конечно, списаны съ извѣстнаго своего шведскаго образца, но этотъ образецъ именно потому и былъ къ этому пригоденъ, что въ немъ было кодифицировано кратко и точно все то, чѣмъ уже владѣлъ совѣтъ къ концу своего существованія. Въ исторіи права вообще нерѣдки случаи переноса изъ законодательныхъ памятниковъ одного народа къ другому постановленій, удачно кодифицированныхъ въ нихъ; но не всякій переносъ является внѣшнимъ грубымъ заимствованіемъ чужого. Наоборотъ, можетъ случиться,—какъ это и случилось съ «кондиціями» Анны,—что переносимое вполнѣ глубоко, внутренне, отвѣчаетъ положенію вопроса въ данномъ случаѣ въ другомъ государствѣ. Поэтому, конечно, никогда нельзя исторіку права останавливаться на одномъ внѣшнемъ сравненіи своего и чужого, а необходимо изучить всю совокупность условій, при которыхъ совершено заимствованіе, чтобы рѣшить вопросъ объ отношеніи своего и чужого. Вся исторія верховнаго тайнаго совѣта, съ его стремленіемъ къ политическому, верховному руководству дѣлами страны,—стремленіемъ, проникавшимъ его дѣятельность отъ перваго до послѣдняго момента его существованія, когда оно особенно рѣзко

выразилось въ «кондиціяхъ» Аннѣ,—такова, что шведскій образецъ ихъ былъ взятъ потому, что совершенно отвѣчалъ политическому характеру и дѣятельности самого учрежденія. Есть данныя предполагать, что и созданіе самого совѣта совершилось не безъ вліянія шведскаго образца, конечно, потому, что, какъ уже указывалось нами выше, чувствовалась живо потребность въ *политическомъ* учрежденіи, подобномъ прежней боярской думѣ, которую замѣнилъ петровскій сенатъ, не имѣвшій, однако, политическаго значенія. Въ дальнѣйшемъ изложеніи нашемъ, характеризуя отношеніе совѣта къ верховной власти, изучая развитіе его власти и проч., мы найдемъ подтвержденіе всего сказаннаго.

V.

Въ какомъ отношеніи, прежде всего, стоялъ верховный тайный совѣтъ къ императорской власти? Нами частью уже приводились выше указы, коими опредѣлялось это отношеніе *de jure*; мы видѣли, наприм., что въ одномъ изъ пунктовъ знаменитаго своего «мнѣнія не въ указъ» совѣтъ на первыхъ уже порахъ хотѣлъ лишить императрицу всякой инициативы въ рѣшеніи важныхъ дѣлъ (никакимъ *указамъ прежде не выходить*, пока оныя въ тайномъ совѣтѣ совершенно не состоялись», и проч.). Коснемся теперь другихъ узаконеній, а также укажемъ, въ какихъ *внѣшнихъ* формахъ фактически выразилось это отношеніе совѣта къ верховной власти, затѣмъ изслѣдуемъ *внутреннее* содержаніе этихъ отношеній: когда дѣло идетъ объ учрежденіи не столько юридическаго, сколько политическаго характера, недостаточно однѣхъ ссылокъ на законодательство,—необходимо разсмотрѣть, какъ опредѣлялись эти отношенія *de facto*.

Въ литературѣ нашей верховный тайный совѣтъ считается первымъ учрежденіемъ, коимъ въ XVIII вѣкѣ открывался рядъ «спеціальныхъ совѣтовъ»—«при особѣ государя», какъ называетъ ихъ проф. В. П. Сергѣевичъ. Таково, несомнѣнно, было *официальное* назначеніе верховнаго тайнаго совѣта, какъ оно прямо обозначено указомъ 8 февраля 1726 г., который былъ прочитанъ канцлеромъ Головкинымъ «всему собранію» и въ которомъ «ея величество изволила, ради изображенныхъ въ томъ указѣ резоновъ, учредить съ нынѣшняго времени *при дворѣ* ея величества, какъ для внѣшнихъ, такъ и для внутреннихъ государственныхъ важныхъ дѣлъ, верховный тайный совѣтъ, при которомъ ея величество *сама* присутствовать изволить» (XV, стр. 1); другой позднѣйшій указъ начала 1727 г. называетъ учрежденіе совѣтомъ «*при боку* нашемъ»; таково было, далѣе, и официальное назначеніе кабинета Анны (*Полн. Собр. Зак.*, VIII, № 5871). Но надо при этомъ замѣтить, что характеристика совѣта, *только* какъ совѣта «при особѣ государя», нѣсколько узка, такъ какъ ею выражается только *одна* сторона дѣятельности учрежденія, въ непосредственной близости къ носителямъ верховной власти. Однако, уже современники отмѣтили весьма отчетливо *другую*—учрежденіе, дѣйствующее отъ имени

царицы («Sous le nom de la Czarine»), сдѣлается затѣмъ, въ сущности, истиннымъ господиномъ положенія («Serait proprement le maître de toutes les résolutions»); «именемъ царицы» («Au nom de la Czarine») оно «будетъ рѣшать всѣ важныя дѣла, станетъ отдавать приказанія всѣмъ прочимъ коллегіямъ», какъ доносили, напримѣръ, Кампредонъ своему правительству (LXIV, стр. 254 и сл.) 26 февраля 1726 г. Это, въ дѣйствительности, и достигается верховнымъ тайнымъ совѣтомъ: сначала именемъ царицы, а затѣмъ еще рѣзче именемъ Петра II совѣтъ править государствомъ въ лицѣ тѣхъ немногихъ, коимъ удастся захватить въ немъ власть и вліяніе. Войдемъ въ нѣкоторыя подробности для уясненія сказаннаго. Журналы и протоколы верховнаго тайнаго совѣта сохранили для потомства довольно интересный матеріалъ для сужденія объ отношеніи верховной власти къ совѣту. Въ первое полугодіе основанія совѣта Екатерина довольно часто присутствовала въ его засѣданіяхъ *), затѣмъ рѣже, а въ 1727 г., до дня своей кончины 6 мая, уже ни разу **); затѣмъ члены совѣта либо *in corpore*, либо отдѣльно являлись постоянно съ докладами совѣта къ императрицѣ и выслушивали отъ нея именныя указы, по большей части под-сказанные ей наиболѣе вліятельными членами совѣта. Характерно для уясненія отношенія императрицы къ совѣту привести нѣкоторыя журнальныя записи. Если императрица лично желала присутствовать въ засѣданіяхъ совѣта, то послѣдній извѣщался объ этомъ черезъ кабинетъ-секретаря и тогда назначалось время засѣданія; при этомъ бывало, что «хотя ея императорское величество намѣреніе имѣть изволила, чтобы сегодня пополудни высокою своею особою присутствовать въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, однакожь ея императорское величество изволила то *отложить*» ***). Или въ журналѣ отъ 23 декабря 1726 г. читаемъ ****), что съѣхавшіяся въ совѣтъ особы «слушали дѣла внутреннія» и подписывали протоколы о дѣлахъ внѣшнихъ; затѣмъ отправлялись слушать «пѣніе царскихъ часовъ» въ «аппартаментахъ ея величества», а «по окончаніи онаго (пѣнія) вкорѣ ея величество *встѣхъ* вышеупомянутыхъ собранія верховнаго тайнаго совѣта персонъ изволила допустить къ себѣ... и изволила *слушать внѣшнихъ дѣлъ. Оныхъ дѣлъ изволила слушать съ полчаса, а потомъ ея императорское величество изволила *спѣсть кушать, при которомъ столѣ и вышеписанныя персоны обѣдали*». Такимъ образомъ, если судить только по *внѣшнимъ* формамъ сношеній совѣта съ императорскою властью, совѣтъ можетъ, конечно, назваться совѣтомъ «при особѣ государя» или «при дворѣ» его; въ дѣйствительности же, однако, какъ увидимъ ниже, роль его шла гораздо далѣе.*

Обращаясь къ царствованію Петра II, мы видимъ, что въ это время верховный тайный совѣтъ, уже *и по формѣ*, едва ли можетъ быть на-

*) LV, стр. 4, 28, 261, 304, 355, 372, 402, 462; LVI.

***) LVI, стр. 10, 22, 46, 63, 588; LXIII, стр. 1—473.

****) *Ib.*, стр. 300.

*****) *Ib.*, стр. 586.

званъ совѣтомъ «при особѣ государя». Петръ II не только рѣдко бывалъ въ совѣтѣ^{*)}, но, какъ по возрасту, такъ и образу своей жизни, не могъ принимать, даже косвенно, сколько-нибудь серьезнаго участія въ занятіяхъ и рѣшеніяхъ совѣта; совѣту приходилось не только искать случая къ общенію съ государемъ, но еще и разрабатывать программу для его обученія наукамъ (ib., LXIX, стр. 71, 124 и сл.). Между прочимъ, какъ указываетъ С. М. Соловьевъ, въ программу Остермана входило, чтобы Петръ присутствовалъ въ засѣданіяхъ совѣта два раза въ недѣлю, но этому, какъ и многому другому, не удалось сбыться. Хотя совѣтъ, желая соблюсти форму, и предполагалъ присутствіе императора въ своихъ засѣданіяхъ, какъ необходимое^{**}), но до паденія Меншикова Петръ II присутствовалъ въ засѣданіяхъ совѣта всего три раза. Когда затѣмъ позднѣе былъ «объявленъ арестъ» Меншикову, Петръ, прибывъ 8 сентября того же года въ совѣтъ, «изволилъ подписать приготовленные два указа «о бытности и присутствіи ево величества впрѣдъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ» и «о неслушаніи указовъ или писемъ Меншикова» (LXIX, стр. 270). Подъ впечатлѣніемъ ареста Меншикова и подъ вліяніемъ внушеній Остермана, объявлялся указъ о томъ, чтобы изъ совѣта указы впрѣдъ отправлялись «за подписаніемъ собственныя наши руки и верховнаго тайнаго совѣта» (И. С. З., VII, № 5151), но, конечно, это скоро оказалось маловыполнимымъ, почему уже 25 сентября того же года, въ отмѣну этого, состоялся указъ, коимъ восстанавливался прежній порядокъ отправленія совѣтскихъ указовъ, лишь за подписью *одного* секретаря совѣта Степанова (ib., № 5173). Затѣмъ мы едва можемъ насчитать пять-шесть разъ присутствія, хотя бы кратковременнаго, Петра II въ засѣданіяхъ совѣта за время отъ паденія Меншикова до кончины императора.

Такимъ образомъ, личное участіе императора въ дѣятельности ево совѣта, даже формально, имѣло мѣсто лишь весьма рѣдко. На ряду съ этимъ и сами члены совѣта весьма рѣдко *in corpore* являются передъ императоромъ и съ трудомъ могутъ добиться доклада дѣлъ лично ему, въ тѣхъ случаяхъ, когда это представлялось необходимымъ. Въ этомъ отношеніи характерна журнальная запись отъ 4 сентября 1728 г. Въ собраніи совѣта было рѣшено послать въ Малороссію, вмѣсто Ѳ. Наумова, бывшаго «министромъ при гетманѣ Апостолѣ», кого-либо изъ трехъ указываемыхъ совѣтомъ кандидатовъ, почему оберъ-секретарю совѣта поручено заявить объ этомъ Остерману и просить его, «чтобы изволилъ о томъ доложить императорскому величеству». Остерманъ, однако, затруднился сдѣлать докладъ объ этомъ потому, что въ немъ «точно не написано», кому изъ трехъ кандидатовъ надлежитъ быть при гетманѣ Апостолѣ, почему и предложилъ

*) ib., LXIII, стр. 473, 782; LXIX, стр. 195, 270, 271, 276, 331, 756; LXXIX, стр. 114 сл., 271.

***) Уже вскорѣ послѣ воцаренія Петра II совѣтъ отдалъ распоряженіе, чтобы въ валѣ его засѣданій «въ кресла» его императорскаго величества сдѣлать скамейку и обить бархатомъ такимъ же, какъ и кресла» (LXIII, стр. 579, 23 мая 1727 г.).

совѣту точно указать, «кому при немъ, гетманѣ, быть, и тогда бы докладывать его величеству». Совѣтъ, представляя трехъ кандидатовъ, держался практичеи предъидущаго царствованія, когда императрицѣ обычно представлялось совѣтомъ или сенатомъ нѣсколько кандидатовъ на высшія должности. Остерманъ,—этотъ обычный докладчикъ дѣлъ совѣта императору послѣ Меншикова, — не нашель, однако, возможнымъ утруждать своего юнаго питомца выборомъ достойнѣйшаго изъ этихъ кандидатовъ, какъ не нашель вообще возможнымъ немедленно доложить объ этомъ Петру, почему и далъ совѣту отвѣтъ, что когда «завтра у цесаревны Елизаветы Петровны на именинахъ изволить быть императорское величество, гдѣ надѣется онъ быть и министрамъ (т.-е. членамъ совѣта), то тутъ *обще* доложить всѣмъ его величеству». Совѣтъ, однако, черезъ два дня «паки посылалъ» съ тѣмъ же требованіемъ къ Остерману, указалъ уже опредѣленно *одного* кандидата и Остерманъ обѣщалъ доложить сего числа или завтра» (LXXXIV, стр. 491 и сл.; стр. 543). Такихъ случаевъ можно указать нѣсколько. Вообще Петръ II не только рѣдко посѣщалъ совѣтъ, но и его посѣщенія были очень непродолжительны и мало значительны для рѣшеній совѣта: все шло помимо императора въ сложномъ механизмѣ государственнаго управленія; дѣла совѣта лишь для подписи, въ наиболѣе важныхъ случаяхъ, докладывались ему Остерманомъ или кн. Алексѣемъ Долгорукимъ. Число именныхъ указовъ самого императора совершенно незначительно и вполне исчезаетъ въ массѣ указовъ самого совѣта *). Въ характерѣ молодого императора, подпавшаго, къ тому же, дурнымъ вліяніямъ, не было ни охоты къ труду, ни интереса къ государственнымъ дѣламъ. Какъ ни благосклонно относится, напримѣръ, Мардефельдъ къ Остерману, какъ онъ ни преувеличиваетъ его вліянія на Петра, но и онъ долженъ сознаться, что послѣдній отвлекается (Ив. Долгорукимъ и др.) отъ государственныхъ дѣлъ, и это воспитаніе его, за которое Остерманъ несетъ отвѣтственность, принимаетъ такой дурной оборотъ, котораго онъ и вся администрація (государства) отвратить не могутъ» (ib., XV, стр. 392 и сл.; ср. 397 и сл.). Лефорть очень рѣзко отзывается о поведеніи императора (ib., V, стр. 304 и сл.); онъ же сообщаетъ извѣстіе, что верховный тайный совѣтъ «продолжаетъ собираться четыре раза въ недѣлю для вершенія дѣлъ, *не нуждающихся* въ присутствіи его величества». Совершенно невѣроятно, чтобы въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, когда Петръ не бывалъ въ Москвѣ, — какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, Маньянъ въ своихъ донесеніяхъ французскому правительству (ib., LXXV, стр. 355),—совѣтъ не нуждался въ присутствіи государя для рѣшенія текущихъ дѣлъ, но, не имѣя возможности ждать появленія его на засѣданіяхъ, рѣшалъ дѣла самъ, безъ всякаго участія императора.

*) См., наприм., *Опись высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ свѣ. сенатскомъ архивѣ*. Т. II, Спб., 1875 г., №№ 2200—3671, а также *Сб. Р. Ист. Общ.*, т. LXIII, LXIX, LXXIV, LXXXIV, *passim*.

VI.

Таковы *вѣщныя* отношенія совѣта къ носителямъ верховной власти. Переходя отъ ихъ краткой характеристики къ обзору дѣятельности совѣта въ области верховнаго управленія, остановимся, прежде всего, на вопросѣ, насколько *самостоятельна* была эта дѣятельность по отношенію къ верховной власти? Былъ ли совѣтъ только учрежденіемъ, состоявшимъ «при особѣ государя» или, наоборотъ, его *именемъ* правилъ верховно государственномъ? Изученіе громаднаго матеріала, заключающагося въ протоколахъ и журналахъ совѣта, не оставляетъ сомнѣнія въ послѣднемъ не только для времени Петра II до воцаренія Анны, но даже и для времени Екатерины I, когда, какъ это мы видѣли выше, совѣтъ являлся учрежденіемъ, если судить по внѣшнимъ формамъ сношеній его съ императрицею, ея совѣтомъ. Дѣйствительно, Екатерина близко стояла къ совѣту, то участвуя въ его засѣданіяхъ, то принимая членовъ совѣта лично, то, наконецъ, сообщая ему къ исполненію свои именныя указы. Но, не говоря уже о томъ, что эти указы бывали нерѣдко продиктованы ей, напримѣръ, Меншиковымъ (какъ это можно отмѣтить по отношенію къ указу 12 февраля 1726 г., коимъ военныя дѣла выдѣляются изъ компетенціи совѣта, или къ указу 17 февраля того же года о подчиненіи генераль-провіантмейстера вѣдѣнію военной коллегіи, а также по отношенію къ цѣлому ряду именныхъ указовъ о назначеніи на тѣ или иныя мѣста креатуръ Меншикова) и другими лицами, мы вообще мало можемъ указать случаевъ, когда бы Екатерина дѣйствовала вполнѣ самостоятельно по отношенію къ совѣту, когда бы она не только давала одну свою подпись подъ указы, составленные въ совѣтѣ, но и внимательно вникала въ его рѣшенія. Напротивъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, мы видимъ полное единомысліе государыни съ совѣтомъ, которое едва ли всегда объясняется внутреннимъ согласіемъ съ его мѣрами, а скорѣе вытекало изъ характера самой государыни. Вполнѣ справедливо и мѣтко говорить С. М. Соловьевъ, что «Екатерина сохранила знаніе лицъ и отношеній между ними, сохранила привычку пробираться между этими отношеніями, но у нея не было ни должнаго вниманія къ дѣламъ, особенно внутреннимъ и ихъ подробностямъ, ни способности почина и направленія» (*Исторія Россіи*, XVIII, стр. 276 и слѣд.). Сама Екатерина откровенно и подробно высказала свой взглядъ на значеніе для нея верховнаго тайнаго совѣта въ знаменитомъ указѣ начала 1727 г., говоря, что «мы сей совѣтъ учинили верховнымъ и *при боку нашемъ* ни для чего иного, только дабы оный *въ семъ тяжкомъ бремени* правительства во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ вѣрными своими совѣтами и безпристрастнымъ объявленіемъ мнѣній своихъ *намъ вспоможеніе и облегченіе* учинилъ». Екатерина охотно отдастъ рѣшеніе *всѣхъ* дѣлъ на предварительное обсужденіе совѣта, обѣщаясь не принимать о нихъ «никакихъ партикулярныхъ доношеній» ранѣе разрѣшенія ихъ совѣтомъ и требуя лишь, чтобы дѣла въ совѣтѣ разрѣшались «общимъ мнѣніемъ»

всѣхъ, чего, въ дѣйствительности, не было, какъ не было и правильнаго голосованія *). Екатерина настаиваетъ далѣе въ томъ же указѣ на раздѣленіе совѣта на департаменты, требуетъ, чтобы «первый голосъ» въ совѣтѣ имѣлъ герцогъ голштинскій, чѣмъ она хочетъ положить нѣкоторый предѣлъ самовластію Меншикова. Однако, этотъ указъ, какъ и другіе, ничего не измѣнилъ въ установившихся отношеніяхъ между членами совѣта и не привелъ даже къ раздѣленію совѣта на департаменты, чего требовала Екатерина еще въ мартѣ 1726 г., согласно желанію самого совѣта, который первоначально стоялъ за это раздѣленіе, а затѣмъ отказался отъ него (LV, стр. 94, п. 5, стр. 97). Все это, въ связи съ общимъ ходомъ дѣлъ въ совѣтѣ, ясно показываетъ, что если Екатерина и понимала недостатки въ дѣлопроизводствѣ совѣта, то, во всякомъ случаѣ, не имѣла достаточно твердости настоять на ихъ искорененіи. Нечего говорить, что не въ ея силахъ было сдѣлать совѣтъ учрежденіемъ, чинящимъ ей только «вспоможеніе и облегченіе» въ «тяжкомъ бремени правительства»; совѣтъ пошелъ далѣе, особенно при Петрѣ II. Но и въ ея царствованіе, почти всегда въ *неполномъ* составѣ, совѣтъ дѣлаетъ тѣ или иныя постановленія, получающія силу закона, подъ видомъ именныхъ указовъ, состоявшихся въ совѣтѣ, хотя, въ дѣйствительности, императрица и не знаетъ о нихъ (см., наприм., LXIII, стр. 436, 426, 440 и сл.). Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣла, дѣйствительно, шли къ докладу государыни, какъ это, наприм., всегда бывало при назначеніяхъ на высшія должности (президентовъ коллегій, губернаторовъ и проч.), императрица обычно лишь утверждала постановленія совѣта **). Именныхъ указовъ въ собственномъ смыслѣ ***), во-первыхъ, немного ****), во-вторыхъ, они большею частью касаются довольно узкой сферы дѣятельности самой императрицы и; въ-третьихъ, то подсказываются ей частью тѣми же членами совѣта (напр., Меншиковымъ и друг.), то, наконецъ, въ дѣйствительности, также, какъ и другіе указы, про-

*) Именно пунктъ 4-й указа говоритъ, что „понеже наше всемировѣдѣннѣе соизволеніе есть, дабы обо всѣхъ дѣлахъ нашихъ и до государства нашего интересовъ касающихся *напередъ* въ верховномъ тайномъ совѣтѣ для *общаго* вѣдѣнаго сужденія предложено было, того ради и мы *стредъ* никакихъ такихъ *партикулярныхъ* доношеній, о которыхъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ предложено и общее мнѣніе записано не было, ни отъ кого принимать не будемъ, развѣ кто имѣетъ доносить о такихъ дѣлахъ, которыя никому иному, кромѣ насъ самихъ, повѣрены быть могутъ“ (ibid., стр. 286 и слѣд.).

***) Можно, впрочемъ, указать нѣсколько случаевъ возраженій императрицы на постановленія совѣта (LV, стр. 405; LXIII, стр. 71, 149 и другія).

****) Отъ именныхъ указовъ въ собственномъ смыслѣ, т.-е. указовъ, въ которыхъ формально не означалось ихъ прохожденіе черезъ совѣтъ и которые могли даваться и помимо совѣта, надо отличать именные указы, состоявшіеся въ совѣтѣ (LV, стр. 93 и слѣд.). Последняго рода именные указы могли быть „за собственною нашею рукою“, съ неизмѣннымъ добавленіемъ, что такой-то указъ „данъ въ нашемъ совѣтѣ“, или могли быть не подписаны собственноручно; въ последнемъ случаѣ по датуму въ нихъ писалось: „по нашему указу“, или „оя импер. величество указала“ и проч.

*****) *Опись высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ* и проч., № 1841 и слѣд.

ходить черезъ обсужденіе самого совѣта, хотя объ этомъ въ нихъ не упоминается. Наприм., обнародованная въ 1726 г. «декларация о позволеніи великобританскимъ купцамъ производить въ Россіи свободную торговлю» (*Полн. Собр. Зак.*, VII, № 4910), хотя и имѣла видъ именного указа *въ собственномъ смыслѣ*, однако, въ дѣйствительности, была «сочинена» въ совѣтѣ, какъ это видно изъ журнала 17 іюля 1726 г. (LV, стр. 368, 374); или, наприм., очень важный именной указъ о раздѣленіи св. синода на два департамента, въ дѣйствительности, былъ составленъ въ совѣтѣ (*ibid*, стр. 320, 476) и затѣмъ былъ уже изданъ, какъ именной. Такимъ образомъ, и тѣ указы, кои по формѣ своей *должны* быть причислены къ именнымъ указамъ въ собственномъ смыслѣ, иногда оказываются созданными при участіи верховнаго тайнаго совѣта.

Остановимся, для полноты характеристики, на обзорѣ важнѣйшихъ именныхъ указовъ императрицы, не проходившихъ черезъ совѣтъ. Одни изъ нихъ, приводившіеся уже выше, устанавливають отношеніе императрицы къ совѣту, а также и къ ея личному кабинету, существовавшему еще при Петрѣ I; другіе касаются цѣлаго ряда пожалованій чинами, деревнями, землями и т. п. распоряженій (наприм., выдачи заслуженнаго жалованья); третьи—повелѣній императрицы объ увольненіи разныхъ лицъ въ отпускъ, распоряженій по благоустройству г. Петербурга и т. п. мало-важныхъ, сравнительно, дѣлъ управленія *); наконецъ, повелѣній, касавшихся тѣхъ учреждений, которыя (какъ, наприм., военная коллегія, собственная ея импер. велич. вотчинная канцелярія, тайная канцелярія) состояли въ непосредственномъ отношеніи къ императрицѣ; послѣднія повелѣнія, конечно, могли быть очень важны по своему содержанію, когда касались такого, наприм., учрежденія, какъ военная коллегія, но едва ли ошибочно будетъ сказать, что это являлось скорѣе результатомъ дѣятельности и характера лица, стоявшаго во главѣ учрежденія, чѣмъ самой императрицы. Не безынтересно также отмѣтить, что хотя указы, касающіеся кабинета, и ставятъ это учрежденіе въ независимое положеніе къ совѣту, они, въ то же время, еще рѣзче отгѣняютъ значеніе совѣта, какъ высшаго верховнаго учрежденія, стоящаго рядомъ съ императрицею, «при боку нашемъ», какъ выражался одинъ изъ ея указовъ. Вообще совѣтъ ни въ личной дѣятельности Екатерины I, ни въ подчиненныхъ ей непосредственно учрежденіяхъ (кроме отчасти военной коллегіи) не встрѣчалъ никакихъ серьезныхъ препятствій къ ограниченію своего властвованія; напротивъ, Екатерина I вообще мирилась охотно съ этимъ властвованіемъ, пытаясь лишь придать ему болѣе порядка и опредѣленности. Такимъ образомъ, уже въ ея царствованіе подготовлялось то значеніе совѣта, которое достигло своего апогея при подписаніи «кондицій» Анною Іоанновной.

Обращаясь къ обзору именныхъ указовъ (въ собственномъ смыслѣ) въ царствованіе Петра II, мы, конечно, замѣчаемъ еще меньше участія въ

*) *ibid*, № 1643 и сл.; 1648, 1657, 1663, 1669 и др.; 1652, 1653, 1655 и мн. др.

дѣлахъ со стороны императора, по причинамъ, которыя уже были отчасти отмѣчены выше. Уже въ началѣ царствованія Петра II совѣтъ разсуждалъ о томъ, надлежитъ ли всѣ протоколы совѣта подписывать его величеству и государынямъ цесаревнамъ; и затѣмъ рѣшили, что *«не о важныхъ дѣлахъ протоколовъ (имъ) крѣпить ненадобно»*; позднѣе совѣту фактически пришлось править одному, а потому важныя и неважныя дѣла одинаково рѣшались имъ *«безъ подписанія его импер. величества»*. Неограниченность власти совѣта, — и особенно его перваго члена Меншикова, — была такова, что совѣтъ уже черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Екатерины, именно 12 мая 1727 года, съелъ возможнымъ совершенно игнорировать 4-й пунктъ ея «тестаментъ», который вполне опредѣленно гласилъ, что *«во время малолѣтства (императора) имѣютъ администрацію вести наши объ цесаревны, герцога и прочіе члены верховнаго совѣта, которые обще изъ 8 персонъ состоятъ имѣютъ»*. Въ дѣйствительности же цесаревны присутствовали только одинъ разъ въ засѣданіи совѣта, именно при чтеніи 7 мая того же «тестаментъ»; 12 рѣшено пригласить ихъ къ подписанію только протоколовъ по важнымъ дѣламъ *), а затѣмъ онѣ *вовсе* не участвуютъ въ засѣданіяхъ совѣта. Постепенно затѣмъ исчезаютъ, какъ самостоятельныя учрежденія, непосредственно подчиненныя верховной власти, такія, какъ, наприм., вотчинная канцелярія императрицы, затѣмъ ея кабинетъ и преображенская канцелярія; далѣе запрещается *«чинить»* какія-либо денежные выдачи *«на прошлые годы безъ указа нашего верховнаго тайнаго совѣта»* (*Полн. Собр. Зак.*, VII, № 5105), между тѣмъ какъ при Екатеринѣ I такія выдачи совершались иногда и по именнымъ указамъ изъ кабинета. Императрица требовала также доставленія ей лично свѣдѣній о движеніи штатныхъ суммъ, о сборѣ подушныхъ денегъ и пр., чего не могло быть при Петрѣ II. Нельзя не отмѣтить также еще, не касаясь всѣхъ другихъ указовъ, характеризующихъ всевластіе совѣта при Петрѣ II, что военная и адмиралтейская коллегія, стоявшія столь независимо по отношенію къ совѣту при Екатеринѣ, теперь ограничены въ своихъ дѣйствіяхъ указами совѣта. Такъ, тотчасъ послѣ паденія Меншикова, указомъ 11 сентября 1727 г. велѣно адмиралтейской коллегіи *«немедленно въ верховный тайный совѣтъ репортовать о подлинномъ состояніи адмиралтейства»*, причемъ у адмиралтейской коллегіи отнимается право посылки куда-либо судовъ *«безъ указа»* совѣта и право производства въ чины выше капитана (*ibid.*, № 5154); затѣмъ 2 октября того же года повелѣно военной коллегіи *«полковниковъ и выше того чина той коллегіи не отставлять (т.-е. не давать отставки) собою и чинами не повышать, а докладывать о томъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ»* (LXIX, стр. 407). Этотъ пунктъ вышеприведенныхъ указовъ, касающійся *непроизводства* въ

*) LXIII, стр. 473 и сл.; стр. 481. Почему вообще былъ возбужденъ при Екатеринѣ вопросъ о присутствіи цесаревенъ Анны и Елизаветы въ совѣтѣ послѣ ея кончины — см. у С. М. Соловьева: *Исторія Россіи*, т. XIX, стр. 90 и сл.; стр. 94 и сл.; тамъ же приведенъ и „тестаментъ“ Екатерины.

извѣстные чины безъ доклада совѣту, напелъ себѣ затѣмъ почти буквальное выраженіе въ 4-мъ пунктѣ «кондицій» Аннѣ, который гласилъ слѣдующее: «въ разные чины, какъ статскіе, такъ и *военные*, сухопутные и морскіе, *выше полковничья ранга не жаловать*, ниже къ знатымъ чинамъ никого не опредѣлять», безъ участія совѣта, конечно. Задолго до «кондицій» 1730 г., уже въ 1727 г., совѣтъ, такимъ образомъ, добился того, что ни одно производство въ высшіе военные чины (какъ, впрочемъ, и въ штатскіе, что видно изъ совѣтскихъ журналовъ) *не должно было дѣлаться надлежащими учрежденіями безъ доклада совѣту*. Практически въ царствованіе Петра II такой докладъ не означалъ, въ большинствѣ случаевъ (въ виду безучастія государя къ дѣламъ), ничего иного, какъ только то, что пожалованія чинами, орденами, землями, какъ и назначенія на должности и пр., дѣлались *de facto* самимъ совѣтомъ. При воцареніи Анны совѣтъ и хотѣлъ закрѣпить *de jure* въ «кондиціяхъ» *) то, чѣмъ онъ владѣлъ *de facto* уже при Петрѣ II. Что это такъ, достаточно указать изъ многихъ два-три примѣра. Напримѣръ, 1 мая 1727 года совѣтъ назначилъ «главнымъ командиромъ корпуса войскъ на царицынской линіи» генерала Чекина; «чтобъ не опустить времени», указъ объ этомъ былъ посланъ уже 3 мая, и посланъ по обычной формулѣ (его и. величество *указалъ*... быть командиромъ ген.-лейтенанту Чекину), хотя изъ журналовъ совѣта ясно видно, что Петра въ это время не было въ Москвѣ **), гдѣ въ то время пребывалъ верховный тайный совѣтъ), а потому, въ дѣйствительности, назначеніе послѣдовало *безъ* представленія ему назначеннаго лица, какъ кандидата. Или, напримѣръ, въ засѣданіи 12 іюня 1728 года генералъ-фельдмаршалъ кн. В. Вл. Долгорукій сдѣлалъ, между прочимъ, очень лестную оцѣнку служебной дѣятельности ген.-лейтенанта Левашова, указавъ при этомъ, что «награжденія ему, противъ другихъ, дачею деревень или честию кавалеріи св. Александра Невскаго не учинено»; совѣтъ, соглашаясь съ Долгорукимъ, тотчасъ рѣшаетъ: «*Послатъ къ нему кавалерію св. Александра и, сверхъ того, дать деревень, дворовъ триста. И о кавалеріи приказали въ протоколъ занести, а о деревняхъ впредь хотѣли на мѣстѣ наставить*»...» (LXXIX, стр. 486); 14 іюня «кавалерія» была уже послана (*ibid.*, стр. 492), и послана, конечно, безъ доклада императору.

Вообще по отношенію къ двумъ «первымъ коллегіямъ» (военной и адмиралтейской) совѣтъ при Петрѣ II, послѣ паденія Меншикова, проявляетъ большую власть, распоряжаясь, въ качествѣ верховнаго учрежденія, ихъ

*) Поэтому п. 6 и 7 „кондицій“ гласилъ: „вотчины и деревни не жаловать“; „въ придворные чины какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ *безъ совѣту верх. тайн. совѣта* не производить“.

**) Именно, въ журналѣ 2 мая читаемъ, что на общее разсужденіе донесено: „быть ли 7 мая, т.-е. въ день вступленія государя на престолъ, какой предикъ“ (проповѣди), на что Остерманъ объявилъ, что онъ о томъ будетъ писать къ его имп. величеству, *не извоитъ ли къ тому числу съ Москвою возвратиться* (LXXIX, стр. 319, 321 и сл.).

дѣлами вполне самостоятельно. Что же касается коллегіи иностранныхъ дѣлъ, то послѣдняя всегда была по отношенію къ совѣту лишь исполнительнымъ учрежденіемъ; съ паденіемъ Меншикова, впрочемъ, и здѣсь произошли нѣкоторыя измѣненія: вице-канцлеръ Остерманъ вообще сдѣлался въ царствованіе Петра II наиболѣе вліятельнымъ членомъ совѣта; въ вопросахъ же иностранной политики у него теперь не было конкурентовъ; поэтому всѣ иностранныя дѣла, хотя и рѣшались, попрежнему, въ совѣтѣ, направлялись, въ сущности, однимъ Остерманомъ. Ни на чемъ, однако, всевластіе совѣта не сказалось такъ ярко, какъ на сенатѣ, который къ началу царствованія Петра II явился учрежденіемъ съ совершенно уже подорваннымъ значеніемъ, такъ что совѣтъ, въ сущности, уже мало и занимается имъ теперь. Весьма любопытную исторію превращенія сената изъ правительствующаго верховнаго учрежденія въ подчиненную совѣту коллегію необходимо, однако, рассмотреть совершенно отдѣльно, что мы и сдѣлаемъ позднѣе, обратившись теперь къ рѣшенію важнаго вопроса о кругѣ вѣдомства верховнаго тайнаго совѣта въ оба царствованія.

VII.

По указу 8 февраля 1727 г., коимъ создавался верховный тайный совѣтъ, повелѣвалось учредить его «при дворѣ нашемъ какъ для *внѣшнихъ*, такъ и для *внутреннихъ* важныхъ дѣлъ». Эта двойственность назначенія совѣта проходитъ черезъ всю его дѣятельность и сохраняется имъ, какъ характерная особенность, отъ первыхъ дней его учрежденія до воцаренія Анны. Почти каждое засѣданіе совѣта открывалось чтеніемъ иностранной почты съ «реляціями отъ министровъ россійскихъ»; почти постоянно въ протоколахъ совѣта мы встрѣчаемся съ разсужденіями и мнѣніями его членовъ по дѣламъ иностраннымъ: то читаются и одобряются здѣсь «проекты объ альянціи съ королемъ прусскимъ и секретныя артикулы», то готовятся отвѣты Портѣ о «начатой негоціаціи съ Цесаремъ» (LV, стр. 99), то, наконецъ, «апробуются» рескрипты къ русскимъ посланникамъ и резидентамъ за границей (ib., стр. 383, 408 и др.),—однимъ словомъ, совѣтомъ, какъ верховнымъ учрежденіемъ страны, «хотя въ присутствіи ея величества, хотя и въ отсутствіи», обсуждаются и рѣшаются важнѣйшія иностранныя дѣла Россіи. Вѣдомство совѣтомъ этихъ дѣлъ требовало, конечно, прежде всего, установленія отношеній учрежденія къ иностранной коллегіи, на что совѣтъ и обратилъ свое вниманіе уже въ самомъ началѣ своего существованія. Еще 21 февраля 1726 г., т.-е. вскорѣ по основаніи совѣта, постановлено, что протоколы иностранной коллегіи по конференціямъ ея съ иностранными министрами представляются совѣту (ib., стр. 55), что подтверждалось и позднѣе (ib., стр. 74); затѣмъ были опредѣлены время слушанія «дѣлъ иностранныхъ» въ совѣтѣ и порядокъ «крѣпленія» тѣхъ протоколовъ коллегіи, въ коихъ содержатся «важныя дѣла» (ib., стр. 98). Съ первыхъ дней своего существованія совѣтъ беретъ въ свои

руки верховное руководство внѣшнею политикой государства, на что охотно идетъ и Екатерина, соглашаясь, во-первыхъ, съ 8-мъ пунктомъ «мнѣнія не въ указъ» совѣта, которымъ иностранная коллегія отдавалась подъ главенство совѣта *), а, во-вторыхъ, передавая сама постоянно иностранныя дѣла на обсужденіе совѣта (см., наприм., *ibid.*, стр. 261, 291 и сл., 341 и мн. др.). Нечего говорить, конечно, что при Петрѣ II совѣтъ, направляемый въ иностранныхъ дѣлахъ преимущественно Остерманомъ, былъ вполне господиномъ положенія, не встрѣчая въ царствующемъ государѣ никакой сдержки своимъ планамъ и рѣшеніямъ. Намъ нѣтъ необходимости входить здѣсь въ изученіе иностранной политики совѣта въ оба царствованія. Замѣтимъ лишь, что безпристрастный изслѣдователь вопроса, С. М. Соловьевъ, подробно изучая **) ходъ «дѣлъ иностранныхъ» подъ руководствомъ совѣта, нигдѣ не осуждаетъ общей политики совѣта. Конечно, — говоритъ онъ, — «смерть Петра Великаго произвела свое дѣйствіе: въ Россіи не обращались уже съ такимъ уваженіемъ, какъ въ последнее время предшествовавшаго царствованія», но «ожиданія были обмануты: внутренней смуты не послѣдовало», не было и войны съ западными сосѣдями и «Россія могла прожить въ мирѣ опасное время послѣ Петра Великаго, когда нужно было рѣшать столько важныхъ внутреннихъ вопросовъ и, прежде всего, вопросъ о престолонаслѣдіи» (*ibid.*, стр. 77 и сл.). Этого важнаго результата, въ значительной мѣрѣ нельзя не поставить на счетъ дѣятельности совѣта. Необходимо также отмѣтить, что дѣятельность совѣта на поприщѣ внѣшней политики была дѣломъ новымъ для учрежденія, замѣнившаго сенатъ Петра Великаго. Какъ извѣстно, послѣдній вовсе не являлся учрежденіемъ, созданнымъ для руководства въ дѣлахъ иностранныхъ; наоборотъ, его дѣятельность въ этой сферѣ была очень незначительна. Верховный тайный совѣтъ, такимъ образомъ, не могъ продолжать, въ качествѣ преемника сената, его традицій въ этой области; наоборотъ, ему приходилось дѣлать опытъ расширенія *новой* задачи управленія и нельзя, кажется, не признать, что, въ общемъ, этотъ опытъ былъ довольно удаченъ.

Переходимъ теперь къ дѣламъ внутреннимъ. По указу 8 февраля 1726 г., совѣтъ учреждался для рѣшенія «важныхъ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ»; по пункту 9-му «мнѣнія не въ указъ», утвержденного Екатериною, эти «важныя внутреннія дѣла» суть «всѣ тѣ, которыя *собственно* высочайшаго рѣшенія касаются». Если, такимъ образомъ, первый указъ неопредѣленно предоставлялъ сенату рѣшеніе всѣхъ *важныхъ* внутреннихъ

*) Пунктъ 8-й гласитъ слѣдующее: „Чужестранные министры, какъ прежде сего, такъ и впредь, остаются при коллегіи иностранныхъ дѣлъ, яко своимъ ординарномъ и обыкновенномъ мѣстѣ, но оная коллегія должна всегда о предложеніяхъ тѣхъ министровъ ея имѣ. величества въ верховный тайный советъ для всемилостивѣйшей резолюціи доносить“ (*ibid.*, стр. 94 и сл.).

**) *Исторія Россіи*, т. XIX, гл. I и II; ср. также А. Брикнеръ: „Имп. Екатерина I“, *Вѣстникъ Европы* 1894 г., № 1 и 2.

дѣль, то «мнѣніе не въ указъ» вполне ясно указывало, что такими дѣлами должны считаться всѣ дѣла *верховнаго* управленія, которыя обычно направляются на рѣшеніе императорской власти. Какъ учрежденіе, въ которомъ «ея величество *первое* президентство сама управляетъ», совѣтъ обнималъ свою дѣятельностью *всѣ* стороны государственнаго высшаго управленія, что внѣшне, прежде всего, отражается на его отношеніи ко всѣмъ государственнымъ установленіямъ: онъ вмѣшивается во всѣ ихъ дѣйствія, то контролируя и направляя ихъ по своимъ политическимъ соображеніямъ, то суживая или расширяя ихъ компетенцію, то измѣняя ихъ составъ и т. д. Характеръ этой правительствующей верховной роли совѣта весьма наглядно представится намъ, когда мы коснемся позднѣе отношеній совѣта къ сенату, такъ какъ сенатъ былъ учрежденіемъ, мѣсто коего занялъ совѣтъ, а потому на ихъ взаимныхъ отношеніяхъ всего рѣзче видно то стремленіе къ *политическому* господству, которое отличало всѣ дѣйствія совѣта съ первыхъ до послѣднихъ шаговъ его дѣятельности. Чтобы не быть голословными, остановимся здѣсь лишь на характеристикѣ отношенія совѣта къ св. синоду, другому высшему правительствующему учрежденію, съ которымъ пришлось столкнуться совѣту.

Какъ извѣстно, св. синодъ былъ при Петрѣ Великомъ поставленъ въ совершенно самостоятельное положеніе по отношенію къ сенату; нося, подобно сенату, наименованіе «правительствующаго» учрежденія, онъ разсматривался, по петровскимъ указамъ, какъ учрежденіе, вполне равное сенату. Верховный тайный совѣтъ, въ своемъ стремленіи къ политическому господству въ странѣ, въ своихъ попыткахъ *именемъ* императорской власти неограниченно править государствомъ, не могъ терпѣть около себя учрежденія равнаго. Это внѣшнимъ образомъ выразилось въ томъ, что, отнявъ у сената наименованіе «правительствующаго», онъ отнялъ его затѣмъ и у синода, находя, конечно, что, если «слово сіе—правительствующій—непристойно» для сената, то оно должно казаться такимъ же и для синода. Интересно при этомъ отмѣтить, что совѣтъ не предполагалъ даже именовать синода «святѣйшимъ», какъ это было повелѣно указомъ 14 іюля 1727 г., по *личному*, повидимому, желанію императрицы, а соглашался лишь на то, чтобы синодъ именовался *просто* «нашъ синодъ» (LV, стр. 457, 473). Конечно, въ общемъ, синодъ уже по самому своему положенію высшей «духовной коллегіи» могъ рѣже сената сталкиваться съ совѣтомъ, а потому и рѣже могъ испытывать его верховенство, но тамъ, гдѣ имъ приходилось сталкиваться, совѣтъ нисколько не стѣснялся показывать синоду свое первенствующее значеніе въ государствѣ. Уже въ извѣстномъ намъ «мнѣніи не въ указъ» совѣтъ, обсуждая вопросъ объ отношеніи синода къ сенату, высказалъ мысль о необходимости для синода при изданіи *новыхъ* законовъ обращаться предварительно «съ доношеніями» въ совѣтъ, причемъ хотѣлъ эту мысль превратить въ законъ, проведя ее въ собственноручномъ именномъ указѣ (*ibid.*, стр. 96 и сл.), что ему и удалось затѣмъ достигнуть въ указѣ 15 іюля того же года «о раздѣленіи св. синода на два департа-

мента» (ibid., стр. 479). По этому указу, синодъ не сносится лично съ императрицею, а «доносить»: «о чемъ, какіе наши указы, выдать надлежитъ» — *прямо въ верховный тайный совѣтъ*. Сносился съ сенатомъ, какъ съ равнымъ учрежденіемъ, *промеморіями*, онъ подаетъ совѣту свои *доношенія*, что на канцелярскомъ языкѣ эпохи означаетъ, что синодъ равенъ сенату, но одинаково съ нимъ и другими коллегіями подчиненъ совѣту, какъ учрежденію высшему. Неудивительно поэтому, что совѣтъ опредѣляетъ кругъ вѣдомства отдѣльныхъ епископовъ, дѣлаетъ даже выговоры членамъ синода («синодальныхъ членовъ, призвавъ, *выговорить...*»), требуетъ отъ него «вѣдомостей по вся дни о приходѣ и расходѣ денежной казны и провіанта» и т. п. (LXIX, стр. 236; стр. 165 и др.). С. М. Соловьевъ, разбирая отношенія къ синоду верховнаго тайнаго совѣта, приходитъ къ выводу, что въ отношеніяхъ этихъ «мы не замѣчаемъ *уваженія*, должнаго *верховному* церковному правительству» (*Исторія Россіи*, XIX, стр. 115). Соглашаясь, конечно, что этого *уваженія*, дѣйствительно, не было, мы должны, однако, замѣтить, что *de jure*, послѣ указа 15 іюля 1726 г., св. синодъ уже не былъ *верховнымъ* церковнымъ правительствомъ, какъ, впрочемъ, *de facto* не былъ имъ еще съ первыхъ дней существованія совѣта. Совѣтъ юридически былъ правъ въ своихъ отношеніяхъ къ синоду, но не былъ, конечно, правъ нравственно въ своихъ захватахъ. Петръ Великій, создавая синодъ, ставилъ его на равное положеніе съ сенатомъ, находя возможнымъ, чтобы въ государствѣ существовало два высшихъ «правительствующихъ» учрежденія — духовное и свѣтское, но російскіе олигархи, верховники, отступили здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, отъ программы Петра Великаго, хотя въ этомъ вовсе не было никакой необходимости, если, впрочемъ, не видѣть послѣдней въ стремленіи совѣта политически первенствовать надъ всѣми учрежденіями. Мало этого, нѣкоторые данныя заставляютъ предполагать, что верховенство совѣта въ церковныхъ дѣлахъ не было ему всегда подъ силу *). Послѣ смерти Петра II, — когда, по крайней мѣрѣ, временно, ничто не мѣшало совѣту вполне рѣзко проявить свои ограничительныя тенденціи, — совѣтъ продолжалъ держаться той же высокоумѣренной, но близорукой политики по отношенію къ синоду. Неудивительно, если среди членовъ послѣдняго, какъ это, наприм., доказывается проф. Д. А. Борсаковымъ въ его изслѣдованіи о воцареніи Анны Іоанновны, явились люди, враждебно настроенные противъ замысловъ верховниковъ и по принципиальнымъ, и по личнымъ соображеніямъ.

*) Такъ, изданіе указа 15 іюля 1726 г. о раздѣленіи синода на два департамента, гдѣ, между прочимъ, было выставлено требованіе, что синодальные члены «ничѣмъ» не должны «касаться» до своихъ епархій, куда будутъ опредѣлены особые викарія, вызвало *возраженіе* синода, конечно, въ почтительной формѣ «доношенія». Совѣтъ, послѣ долгихъ проволочекъ, сознался, что «то дѣло состоитъ великой важности и *ескортъ опредѣлить не можно*», почему и согласился привести въ исполненіе синодальное «доношеніе», которое, въ дѣломъ, приостанавливало дѣйствіе совѣтскаго указа 15 іюля (LVI, стр. 20, 30, 71, 88, 98, 100 и сл.).

Какъ учрежденіе *политическаго* характера, поставившее своею задачей «генеральное управленіе и надзираніе» за всѣмъ и, временами, успѣшно умѣвшее вполнѣ олицетворить въ себѣ верховную власть государства, верховной тайный совѣтъ долженъ былъ, конечно, обладать очень *смѣшанными* функциями,—онъ и законодательствовалъ, онъ и правилъ страню, какъ верховная инстанція всѣхъ исполнительныхъ учрежденій, онъ являлся, наконецъ, высшимъ судебнымъ трибуналомъ. Недаромъ въ знаменитомъ «мнѣніи не въ указъ», явившемся самымъ рѣзкимъ выраженіемъ стремленій совѣта, послѣдній признавалъ принадлежащимъ къ его компетенціи всѣ тѣ дѣла, «которыя до ея императорскаго величества *собственною* рѣшенія касаются», давая тѣмъ понять, что какъ вообще сложны функціи носителей верховной власти, такъ сложенъ будетъ и кругъ вѣдомства совѣта,—учрежденія, имѣвшаго своею основною тенденціей, съ вольнаго или невольнаго согласія государей, олицетворить въ себѣ ихъ верховную власть.

Согласно съ указанною *общей* тенденціей совѣта, естественно ожидать, что каждый законодательный актъ, подъ какимъ бы наименованіемъ онъ ни явился въ свѣтъ, долженъ былъ пройти первоначально черезъ совѣтъ, быть имъ рассмотрѣнъ, рѣшенъ и затѣмъ представленъ для подписи императору или императрицѣ; какъ уже указывалось выше, только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, и, притомъ, въ очень ограниченномъ кругѣ дѣлъ, Екатерина I дѣйствовала помимо совѣта, о царствованіи же Петра II нельзя сказать даже и этого. Поэтому проекты новыхъ узаконеній составляются или въ совѣтѣ, или чаще въ тѣхъ комиссіяхъ и учрежденіяхъ, коимъ онъ поручаетъ ихъ составленіе, причемъ ихъ санкція, въ сущности, принадлежитъ совѣту, если не всегда *de jure*, то *de facto*. Организация на новыхъ началахъ, главнымъ образомъ, въ интересахъ верховенства самого совѣта центральныхъ учрежденій (сената, синода и др.), пересмотръ узаконеній объ управленіи мѣстномъ, обширное развитіе законодательной дѣятельности въ сферѣ дѣлъ финансовыхъ, военныхъ и административныхъ, наконецъ, составленіе, а еще болѣе рассмотрѣніе и утвержденіе обширныхъ законопроектовъ по той или иной области права,—таково въ самыхъ краткихъ чертахъ обозначеніе круга дѣятельности совѣта въ дѣлѣ законодательства. При этомъ нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ *общихъ* чертъ этой дѣятельности.

Уже петровскій сенатъ былъ, какъ извѣстно, учрежденіемъ съ широкою законодательною инициативой. Совѣтъ, въ своемъ стремленіи къ политическому господству въ странѣ, не только принялъ на себя эту задачу своего предшественника, но и развилъ ее еще болѣе. Не разъ въ журналахъ совѣта мы находимъ любопытныя записи о законодательномъ починѣ совѣта въ наиболѣе важныхъ вопросахъ эпохи. Совѣтъ не беретъ на себя при этомъ, конечно, подробной разработки возбуждаемыхъ вопросовъ, не имѣя для этого достаточно ни силъ, ни досуга; отъ отдаетъ обычно эти законопроекты въ то или иное учрежденіе, являющееся его экспедиціей или комиссіей; но онъ, возбуждая вопросъ, даетъ предварительное указаніе, какъ и въ какомъ *направленіи* долженъ быть разработанъ извѣстный

законопроектъ, опредѣляетъ общую *программу* той или иной реформы, не упуская изъ виду, что ему, совѣту, должно принадлежать общее *политическое* руководительство страной. Эта идея сказывается и въ мнѣніяхъ отдѣльныхъ членовъ, и въ общихъ постановленіяхъ совѣта. Когда, наприм., въ совѣтѣ обсуждался вопросъ о малороссійскомъ гетманѣ, одинъ изъ его членовъ, графъ Толстой, «представилъ свое мнѣніе, что онъ къ тому, чтобы въ Малой Россіи паки гетману быть, *согтовать не можетъ*, понеже блаженныя памяти его императорское величество въ томъ намѣреніи гетмана въ Украинѣ не учинилъ и у полковниковъ, и у старшинъ власти убавилъ, *дабы Малую Россію къ рукамъ прибрать*, и черезъ тотъ способъ полковники и старшины съ подданными пришли уже въ немалую ссору, и ежели нынѣ токмо гетмана учинить и оному, такожь и старшинамъ, власть попрежнему дозволить, то при настоящемъ состояніи дѣлъ между Россією и турками весьма небезопасно какихъ противныхъ слѣдованій» *) (LV, стр. 60). Совѣтъ, по личнымъ и принципиальнымъ соображеніямъ, однако, здѣсь, какъ и въ другихъ вопросахъ, отступаетъ отъ мысли Петра: имъ уничтожается малороссійская коллегія, возстановляется гетманское достоинство и предпринимается рядъ другихъ мѣръ, чтобы «приласкать» малороссіянъ, — однимъ словомъ, развивается извѣстная программа отношеній къ малороссійскому вопросу. Или, наприм., малоизвѣстный въ цѣломъ, но замѣчательный указъ Екатерины I отъ 9 января 1727 г., касавшійся цѣлаго ряда мѣръ, предпринятыхъ для улучшенія внутреннихъ дѣлъ государства, представлялъ также цѣлую обширную программу дѣйствій по отношенію къ крестьянамъ, арміи, «убавленію канцелярій» и пр. и былъ изданъ по инициативѣ совѣта **). Здѣсь, какъ и въ цѣломъ рядѣ указовъ о томъ или иномъ преобразованіи государственныхъ учреждений и пр., совѣтъ не разъ проявлялъ свою законодательную инициативу. Правда, какъ это мы видѣли частью на отношеніи совѣта къ синоду, а затѣмъ еще яснѣе увидимъ на его отношеніи къ сенату, вся эта инициатива дѣйствій развивается совѣтомъ нерѣдко не столько въ интересахъ упорядоченія государственнаго управленія, сколько въ интересахъ верховнаго господства *самою* учрежденія, или иногда даже въ интересахъ правящей роли отдѣльныхъ его членовъ; но, во всякомъ случаѣ, она составляетъ, на нашъ взглядъ, характерную черту какъ законодательной, такъ и вообще правительственной дѣятельности совѣта.

Нельзя не отмѣтить также слѣдующаго. Совѣтъ постоянно и неуклонно развивалъ систему *личныхъ* сношеній, онъ постоянно приглашалъ къ себѣ въ засѣданія членовъ св. синода, сенаторовъ, пословъ и иныхъ лицъ (см., наприм., LV, стр. 69, 127, 331, 404); онъ постоянно обращался съ тре-

*) Указы, относящіеся къ вопросу, см. въ *Описи высочайшихъ указовъ и повелѣній, хран. въ свѣ. сенатскомъ архивѣ*, т. II, №№ 1771, 1773, 1839, 1878, 2150, 2113, 2225 и др.

***) Указъ этотъ напечатанъ цѣликомъ, со всѣми мнѣніями членовъ совѣта по поводу его примѣненія на практикѣ, въ *Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ* (Спб., 1872 г., т. IX, стр. 84 и сл.).

бованием о доставленіи ему всякаго рода свѣдѣній и справокъ, наконецъ, постоянно получалъ разнаго рода «доношенія» отъ лицъ и учреждений и, когда находилъ эти свѣдѣнія и справки неполными и неясными, вызывалъ для личныхъ объясненій ихъ подателей (LXXXIV, стр. 208, 251, 252 и мн. др.). Порядокъ личныхъ докладовъ совѣту позволялъ послѣднему быстро постановлять рѣшенія по всемъ дѣламъ, не терпящимъ отлагательства, какъ это отмѣчается въ журнальныхъ записяхъ (LV, стр. 404). Это развитіе непосредственныхъ сношеній совѣта съ учреждениями и отдѣльными лицами придавало, конечно, его дѣятельности жизненный поворотъ и позволяло ему легче выполнять сложную задачу государственнаго управленія.

Обозрѣвая въ цѣломъ законодательную дѣятельность совѣта, нельзя, наконецъ, не обратить вниманія на то, что эта дѣятельность была очень бѣдна и незначительна по отношенію къ праву гражданскому и уголовному. Это, конечно, очень характерно для уясненія роли совѣта: какъ учрежденіе *политическое*, совѣтъ частью имѣлъ мало интереса къ трудной и сложной дѣятельности въ данной области, частью въ теченіе своего *недолгого* существованія не могъ, еслибъ и хотѣлъ, сдѣлать что-либо серьезное. Перестройство центральныхъ и мѣстныхъ учреждений, дѣла иностранныя, военныя и финансовыя, назначенія на должности и тому подобныя вопросы, какъ это ясно изъ изученія протоколовъ и журналовъ совѣта, отнимали слишкомъ много времени у его членовъ, чтобы они могли еще заниматься внимательно разработкою нормъ уголовного и особенно *гражданскаго* права; кажется, впрочемъ, что и сама эпоха, когда за сильною преобразовательною работою наступило время реакціи, мало способствовало этой работѣ. Неудивительно, что вексельный уставъ, сочиненный въ комиссіи о коммерціи, гдѣ предсѣдательствовалъ Остерманъ, остается самою важною работою въ области гражданскаго права; тогда какъ пересмотръ свода уложенія и составленія новаго, хотя совѣтъ понималъ важность этого (LXIII, стр. 23), плохо подвигались впередъ.

Послѣ этихъ замѣчаній переходимъ къ обзору дѣятельности совѣта въ области законодательной, административной и судебной.

Александръ Филипповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Рабочіе на фабрикахъ и промыслахъ *).

Обрисовавъ, конечно, только въ самыхъ общихъ чертахъ тяжелыя условія труда рабочихъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности, мы отмѣтили наиболѣе важные моменты, представляющіе опасность для жизни и здоровья рабочихъ.

Безъ сомнѣнія, опасны почти всѣ работы. Вопросъ въ томъ, отчего слишкомъ много жертвъ, гдѣ нужно искать причину столь частыхъ случаевъ увѣчья и гибели рабочихъ?

Есть случаи даже массовой гибели людей, и случаи эти, все-таки, остаются непредотвратимыми. Высшія стихійныя силы, грандіозныя явленія природы требуютъ человѣческихъ жертвъ (землетрясенія, наводненія, горныя обвалы, обвалы ледниковъ, кораблекрушенія, грозы, внезапныя прорывы воды въ шахтахъ) и здѣсь виноватаго нечего и искать, потому что виноватаго здѣсь нѣтъ и быть не можетъ. Въ сферѣ промышленнаго труда эти случаи сравнительно рѣдки; здѣсь, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, несчастіе происходитъ по чьей-либо винѣ. Здѣсь нужно искать виновнаго, чтобы на него возложить отвѣтственность.

Обыкновенно виноватымъ здѣсь является предприниматель, откуда и возникъ законъ объ отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ предприятий за смерть и увѣчья рабочихъ *). Но не всегда, разумѣется, непременно виноваты фабриканты или ихъ довѣренныя. Бываютъ, конечно, случаи, когда виновными являются сами рабочіе, а такъ какъ вообще взвалить вину на нихъ легче, чѣмъ привлечь къ отвѣтственности самого владѣльца, то, въ большинствѣ случаевъ, до сихъ поръ несчастія на фабрикахъ и заводахъ происходили, якобы, отъ неосторожности или безпечности рабочихъ. Здѣсь очень важно разслѣдовать всякій несчастный случай и выяснить, кто былъ его виновникомъ. Эту функцію можетъ превосходно вы-

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

*) Проектъ закона объ отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ предприятий за смерть и увѣчья рабочихъ, вмѣстѣ съ проектомъ правилъ о предупрежденіи несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и заводахъ, уже внесенъ въ государственный совѣтъ.

полнять фабричная инспекція при энергическомъ содѣйствіи прокурорскаго надзора.

О всякомъ несчастномъ случаѣ немедленно составляется протоколъ, производится слѣдствіе, случай заносится въ особую книгу, сообщается инспекціи, которая уже, когда это нужно, сообщаетъ о немъ прокурорскому надзору для заключенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что извѣстная доля безпечности, довольно легкое отношеніе къ опасности, даже къ собственной жизни—обычныя черты русскаго рабочаго. Онъ не знаетъ, что такое мнительность и трусость и почти не знаетъ, что такое осторожность. Инструкцій, правилъ онъ не любитъ даже и въ томъ случаѣ, когда они направлены къ его безопасности. Со всѣмъ этимъ надо, конечно, считаться. Нуженъ бдительный и строгій надзоръ за рабочими, необходимо провести въ ихъ сознаніе полезность предпринимаемыхъ для ихъ огражденія мѣръ. Владѣльцамъ промышленныхъ предпріятій надлежитъ обставить трудъ рабочаго такъ, чтобы здоровье и жизнь его не подвергались постоянной опасности. На самомъ же дѣлѣ мы видимъ съ ихъ стороны самое равнодушное отношеніе къ рабочимъ. Если нужно сдѣлать какую-нибудь опасную работу, водкой и деньгами соблазняютъ какого-нибудь забулдыгу и онъ, не смущаясь, лѣзетъ, куда его посылаютъ.

Причины гибели рабочихъ, при исполненіи ими своихъ обязанностей, многочисленны и разнообразны, какъ разнообразны и тѣ виды увѣчья, какимъ они подвергаются.

Возьмемъ со словъ очевидцевъ нѣсколько примѣровъ.

Мы на рельсопрокатномъ, желѣзодѣлательномъ и сталелитейномъ заводѣ. Издали слышенъ непрерывный гулъ бессемеровскихъ аппаратовъ—этихъ желѣзныхъ гигантскихъ ретортъ, въ которыхъ, по идеѣ англійскаго инженера Бессемера, въ теченіе какихъ-нибудь 15 мин. 300 пуд. чугуна превращаются въ превосходную сталь. Огромная реторта можетъ вращаться на своихъ осяхъ. Внутри она выложена огнеупорнымъ кирпичомъ и снабжена воздухопроводными трубами. Когда нужно начать работу, реторту поворачиваютъ горломъ къ вагранкѣ (печь, гдѣ плавится чугунъ) и пускаютъ жидкій чугунъ по жолобу. Послѣ наполненія реторты чугуномъ (наливаютъ сравнительно небольшой слой), ее опять поворачиваютъ горломъ вверхъ, къ дымовой трубѣ, и пускаютъ въ нее помощью воздуходувной машины воздухъ, который, проходя слой чугуна, быстро превращаетъ его въ сталь. Когда она готова, реторту опять медленно поворачиваютъ и выливаютъ изъ нея готовую сталь въ особый желѣзный, внутри выложенный огнеупорными кирпичами ковшъ, а изъ него въ такъ называемыя изложницы,—цилиндрическія формы, изъ которыхъ застывшій металлъ выходитъ въ видѣ большихъ брусковъ. Вотъ въ общихъ чертахъ ходъ работы на бессемеровскомъ аппаратѣ. Всѣ движенія гиганта-реторты воспроизводятся автоматически, правильно, равномерно, черезъ строго опредѣленные, небольшіе промежутки времени съ особой платформы, особымъ, специально приставленнымъ мастеромъ. На этой платформѣ нѣсколько горизонтальныхъ махо-

виговъ (колесъ), вращеніемъ которыхъ въ ту или въ другую сторону мастеръ управляетъ всѣми движеніями реторты. Передъ его глазами—часы. Сообразуясь съ ихъ указаніями, реторту заставляютъ медленно вращаться направо или налево, поворачиваться вверхъ или внизъ. Это постоянное непрерывное наблюденіе и управленіе чрезвычайно утомительно и держитъ нервы рабочаго въ сильномъ напряженіи. Мышечной работы—никакой, но за то огромная нервная работа. Бессемеровскій аппаратъ, разъ уже онъ пущенъ въ ходъ, работаетъ безостановочно день и ночь, пока наготовить столько стали, сколько нужно.

На заводѣ шла подобная ночная работа. Смѣна уже кончалась. Было раннее утро. Около бессемеровскаго аппарата, подъ его утомительный гулъ, шла оживленная бесѣда среди кучки собравшихся рабочихъ. Кто-то рассказывалъ любопытную исторію. Но вотъ поданъ сигналъ и зазѣвавшіеся было рабочіе стремительно бросаются къ ретортѣ, торопятся, суетятся, а неутомонный разскащикъ кончаетъ свою исторію. Вниманіе разсѣялось, рабочій, управляющій движеніями аппарата, тоже заслушался, о чемъ-то задумался, не въ-время повернулъ маховичокъ и... несчастныхъ рабочихъ окатило расплавленной сталью, буквально окатило, какъ окачиваетъ въ банѣ водой изъ ведра или шайки. Что же сдѣлалось съ этими заживо сожженными людьми? Они растаяли, испарились въ потокъ расплавленнаго металла, отъ нихъ почти ничего не осталось. Одному обдало голову и струя металла, застывъ на обугленномъ черепѣ, образовала на немъ стальной шлемъ...

Намъ эту исторію рассказывать очевидецъ на заводѣ. Это было давно и всѣхъ подробностей событія мы не можемъ, конечно, возобновить въ памяти.

Случаи заживо сваренныхъ, разорванныхъ и развѣянныхъ по вѣтру людей вовсе не составляютъ рѣдкости, какъ это извѣстно всякому, кто слѣдитъ за дневникомъ происшествій и судебною хроникой. Въ концѣ прошлаго года судили, наприм., техниковъ московскаго газоваго завода *), на которомъ несчастные случаи не составляютъ большой рѣдкости. Последній эпизодъ вкратцѣ заключался въ томъ, что рабочимъ было велѣно вычистить трубы отъ скопившейся въ нихъ смолы. Когда они, желая приступить къ работѣ, открыли трубу, изъ нея выбросило горящія газы и раскаленную смолу, которыми и сварило заживо двоихъ рабочихъ. Само собою понятно, что пресѣченія подобныхъ безобразій можно достигнуть только неумолимою строгостью закона, карающаго, главнымъ образомъ, владѣльцевъ промышленныхъ заведеній и управляющихъ ими. Первые должны нести, главнымъ образомъ, матеріальную отвѣтственность, вторые — нравственную.

На одномъ изъ механическихъ заводовъ, по разсказу очевидца, лѣтъ десять назадъ, мальчикъ наводилъ ремень на шкивъ; быстро движущійся

*) Принадлежащаго акціонерной французской компаніи.

ремень подхватывает его за край блузы, перекидывает через шкивъ и... готово, — мальчикъ убитъ. Прежде такіе случаи не составляли рѣдкости, потому что не существовало никакихъ огражденій движущихся частей. Вотъ человекъ 10 рабочихъ передвигаютъ по заводу посредствомъ подъемной машины-крана колоссальное маховое колесо пудовъ въ 200 вѣсомъ. Рабочимъ почему-то это не понравилось и они рѣшили, спустивъ колесо на землю, прямо руками катить его по рельсу. Сказано-сдѣлано. Наблюденія никакого нѣтъ, никто не препятствуетъ, спустили; но только что взялись катить, колесо потеряло равновѣсіе, качнулось и всю свою тяжесть грохнулось на землю, схоронивъ подъ собою двухъ рабочихъ.

На фабрикахъ совершаются поистинѣ изумительныя происшествія, постороннему человеку кажущіяся совершенно невѣроятными. Нѣсколько лѣтъ назадъ на одной изъ московскихъ фабрикъ былъ, наприимѣръ, такой случай. Во время обѣденнаго перерыва одинъ изъ рабочихъ, пообедавъ, залъзъ въ бучильный чанъ (съ цѣлью, кажется, его чистки) и тамъ нечаянно заснулъ. Кончился обѣдъ. Пришли рабочіе на фабрику, пустили паръ, машины и опять закипѣла работа. Поздно хватились того несчастнаго, котораго сварили въ бучильномъ чану заживо. Это ли не удивительная простота отношеній?

Едва ли еще не въ худшихъ, чѣмъ на фабрикахъ, условіяхъ находятся рабочіе по постройкѣ зданій, по производству земляныхъ, каменныхъ и т. п. работъ. Относительно ихъ охраны еще менѣе прилагается заботъ. Сколько скорбныхъ страницъ въ этомъ отношеніи даетъ намъ одна только Москва! Давно ли это было, что на Кузнецкомъ мосту, среди бѣлаго дня, обрушились стѣны вновь строящагося дома купеческаго общества, похоронивъ заживо нѣсколько десятковъ рабочихъ? Вскорѣ послѣ этого при рыхлѣ капавъ, кажется, для городского водопровода, обвалившееся землей засыпало и заживо похоронило нѣсколько человекъ рабочихъ. Въ обоихъ случаяхъ было судбище, какъ всегда почти въ подобныхъ случаяхъ, окончившееся пустяками. Вѣдь, не преступники же въ самомъ дѣлѣ гг. фабриканты, инженеры, техники, архитекторы, не ссылатъ же ихъ, не сажать же въ тюрьму? Домашній арестъ, церковное покаяніе и—довольно. Покойниковъ все равно къ жизни не вернешь. Правда, эти почтенные люди бывають иногда крайне безчеловѣчны. Рабочіе часто сами чувствуютъ опасность и указываютъ на нее завѣдующему работами. Вотъ въ подобныхъ-то случаяхъ съ особою рельефностью обнаруживается поразительное невниманіе къ заявленіямъ рабочихъ и возмутительное равнодушіе къ ихъ жизни. Каменщики и штукатуры при постройкѣ дома купеческаго общества предчувствовали катастрофу и неоднократно, кажется, выражали свои опасенія десятникамъ и строителямъ. Точно то же происходило и съ рабочими, засыпанными землей. Они предчувствовали, указывали, просили, даже отказывались было работать—ничто не помогало.

У москвичей еще живы въ памяти подробности поистинѣ трагической смерти 15-ти лѣтняго мальчика Иванова. Это крайне возмутительный случай

небрежнаго отношенія къ жизни рабочаго. Цинко-литейное заведеніе Леви, при производствѣ работъ у памятника г. фонъ - Меккъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, поручило надзоръ завѣдующему мастерской крестьянину Воробьеву. Вокругъ памятника были поставлены дѣса и на нихъ были положены для прохода рабочихъ двѣ шестивершковыя доски, ничѣмъ не прикрѣпленныя и не огороженныя. Когда, по окончаніи всѣхъ работъ, 15-ти лѣтній мальчикъ Ивановъ собиралъ лежащія на этихъ доскахъ инструменты, онъ оступился и упалъ съ высоты 5 аршинъ прямо на острые концы желѣзной рѣшетки, окружающей памятникъ. Онъ вонзился въ тѣло несчастнаго и его сняли съ рѣшетки; послѣ 2½ мѣсяцевъ страшныхъ мученій Ивановъ скончался въ больницѣ отъ гнойнаго зараженія крови. Дѣло это недавно разсматривалось въ I отдѣленіи московскаго окружнаго суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей и Воробьевъ былъ приговоренъ къ двухнедѣльному аресту при полиціи и церковному покаянію.

До сихъ поръ мы говорили о томъ, въ какихъ условіяхъ работаетъ рабочій и какимъ опасностямъ подвергается. Посмотримъ теперь, какъ онъ отдыхаетъ, какъ онъ живетъ дома. Одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ фабрично-заводскаго быта въ Россіи представляетъ жилище рабочихъ. Въ то время, какъ въ Западной Европѣ и въ Америкѣ рабочіе обыкновенно живутъ на сторонѣ, у насъ большинство ихъ ютится на самыхъ фабрикахъ.

Въ Англіи и въ Америкѣ имѣются даже особыя предприниматели, специально занимающіеся содержаніемъ помѣщеній для рабочихъ, такъ называемыхъ boarding houses'овъ. Это ничто иное, какъ обыкновенныя меблированныя комнаты со столомъ. Русскіе же рабочіе живутъ на квартирахъ или въ своихъ собственныхъ домахъ только въ исключительныхъ случаяхъ, главнымъ образомъ, на небольшихъ фабрикахъ съ ручнымъ производствомъ. Обыкновенно же рабочіе помѣщаются на тѣхъ же фабрикахъ, на которыхъ работаютъ, и, притомъ, большею частью бесплатно. На мелкихъ фабрикахъ, стоящихъ на рубежѣ кустарнаго производства, всѣ рабочіе суть обыватели того селенія, при которомъ находится фабрика, или селеній, ближайшихъ къ ней. Понятно поэтому, что въ въ этомъ случаѣ всѣ почти рабочіе живутъ у себя дома, за исключеніемъ далеко живущихъ, которые часто остаются ночевать на фабрикѣ, и иногда даже прямо живутъ на ней и ходить домой только по праздникамъ. Если же на такихъ фабрикахъ случаются рабочіе изъ дальнихъ мѣстъ, то они часто нанимаются на хозяйскихъ харчахъ и всегда уже живутъ на фабрикѣ. За отсутствіемъ настоящихъ жилыхъ помѣщеній они часто пристраиваются кое-какъ въ тѣхъ же мастерскихъ, гдѣ потеплѣе и посуше, наприм., въ красильняхъ, сушильняхъ, въ квасныхъ, на овчинодубильныхъ фабрикахъ и т. п.

Съ увеличеніемъ размѣровъ производства, съ замѣной ручного труда машиннымъ, съ усиленіемъ притока дальнихъ рабочихъ, естественно, сама собою выросла потребность жить на фабрикѣ. Пусть такое жилище скверно, грязно, неудобно,—это все равно, не о комфортѣ же, въ самомъ дѣлѣ, заботиться. И вотъ мы видимъ даже на крупныхъ ручныхъ фабрикахъ Мо-

сковской губерніи, ткацкихъ, набивныхъ и проч., что всё рабочіе живутъ неотлучно при своихъ рабочихъ станкахъ, сплошь и рядомъ цѣлыми семьями, съ женами и дѣтьми. Спать они въ повалку на полу, на верстакахъ, подъ станами и на станахъ. «Ткачихи, — говоритъ г. Дементьевъ, — убаюкиваютъ своихъ несчастныхъ дѣтей въ подвѣшанныхъ между станками люлькахъ непрерывнымъ стукомъ батановъ». Гулъ ткацкихъ станковъ замѣняетъ имъ колыбельныя пѣсни. Въ овчиннодубильныхъ заведеніяхъ они зачастую спятъ въ жарко-нагрѣтыхъ сушильняхъ, наполненныхъ удушливыми испареніями отъ квасильныхъ чановъ, сушавшихся овчинъ и т. п. На ситце-набивныхъ фабрикахъ, даже на болѣе крупныхъ, набойщики спятъ на верстакахъ, пропитанныхъ парами уксусной кислоты и разными другими вредными для дыханія веществами. Постелей у нихъ никогда не бываетъ. Въ лучшемъ случаѣ у рабочаго изъ дальнихъ мѣстъ есть какой-нибудь мѣшокъ или сундучокъ съ убогимъ имуществомъ (перемѣна бѣлья, подстилка для спанья и т. п.). Рабочіе же изъ окрестныхъ деревень не имѣютъ при себѣ ровно ничего *).

Поразительную картину жизни рабочихъ на рогожныхъ фабрикахъ Московской губерніи даетъ д-ръ Дементьевъ. Вся мастерская увѣшана мочалой, висящей на жердяхъ и веревкахъ; полъ покрытъ слоемъ липкой грязи на 1—2 вершка; въ прогнившихъ, мѣстами провалившихся, доскахъ наполненныя жидкою грязью выбоины; на каждомъ шагу кадки съ водой, около которыхъ стоятъ цѣлыя лужи. По полу ползаютъ маленькія дѣти. Вдоль наружныхъ стѣнъ у оконъ стоятъ «становины» (четыре стойки съ перекладинами), образующія около каждого окна родъ кѣткы длиною въ 4, шириною въ 2½—3 арш., — стойло, гдѣ работаетъ и живетъ цѣлая семья. Здѣсь, — говоритъ г. Дементьевъ, — рогожники работаютъ, ѣдятъ, спятъ (обыкновенно на доскахъ, положенныхъ на верхнюю раму становинъ, такъ что образуется нѣчто вродѣ полатей), иногда прямо на кучахъ мочалы, здѣсь женщины рожаютъ въ присутствіи всей мастерской, здѣсь онѣ, захворавъ, отлеживаются, если Богъ жизни дастъ, здѣсь же и умираютъ даже и отъ заразныхъ болѣзней. Въ лучшихъ случаяхъ въ такихъ мастерскихъ на каждого рабочаго приходится 1—1,5 куб. саж. воздуха, чаще же только 0,4—0,9 куб. саж. Переполненныя рабочими мастерскія эти всегда жарко нагрѣты и чрезмѣрно сыры отъ непрерывной мочки мочалы въ горячей водѣ. Никакой вентиляціи нѣтъ, а форточки и двери всегда закрыты, даже замазаны. Вся грязь, смываемая съ мочалы, падаетъ на полъ, который никогда не моется и за 8 мѣсяцевъ непрерывной работы на немъ образуется толстый слой грязи, соскабливаемый разъ въ годъ, въ іюль мѣсяцѣ, по уходѣ рогожниковъ. Сырыя, грязныя стѣны, никогда не очищаемыя, покрыты плѣсенью. Съ закоптѣлыхъ и заплесневѣвшихъ потолковъ каплетъ, какъ въ банѣ, съ наружныхъ дверей, покрытыхъ ослизнѣвшею плѣсенью, текутъ потоки воды.

*) Дементьевъ: „Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ“ (1893 г.).

Переходъ къ механическому производству съ непрерывною работою день и ночь побудилъ фабрикантовъ держать рабочихъ у фабрики, устраивать для нихъ жилье въ видѣ особыхъ казармъ.

На всѣхъ большихъ фабрикахъ жилища для рабочихъ представляютъ собою огромныя многоэтажныя казармы, построенныя по одному казенному типу. Вдоль узкихъ и темныхъ корридоровъ, направо и налѣво, рядъ комнатъ, раздѣленныхъ кое-какъ сколоченными досчатыми, обыкновенно не доходящими до потолка, перегородками. Такія «каморки» предназначались, повидимому, для семейныхъ рабочихъ, но практическая жизнь обратила ихъ въ тѣ же общія спальни, какія до сихъ поръ преобладаютъ на фабрикахъ, и для одинокихъ, и для семейныхъ рабочихъ. Въ отдѣльныхъ «каморкахъ» обыкновенно поселяется по нѣсколько семей и, сверхъ того, часто еще на придачу одинокіе рабочіе, и мужчины, и женщины. Стараются набить каждую «каморку» какъ можно тѣснѣе. Въ одной и той же комнатѣ живутъ рабочіе разныхъ смѣнъ; въ ней всегда спятъ и она никогда не провѣтривается, что, при существующей тѣсотѣ (въ большинствѣ случаевъ, на каждого рабочаго приходится менѣе 1 куб. саж. воздуха, нерѣдко всего $\frac{1}{4}$ куб. саж.), имѣетъ крайне вредное вліяніе на ихъ здоровье. По выраженію самихъ рабочихъ, они «живутъ другъ на другѣ».

Не менѣе тѣсно населены и общія спальни, иногда также устраиваемыя въ видѣ отдѣльныхъ «каморокъ», только большаго размѣра. Здѣсь «смѣны» рабочихъ спятъ на однѣхъ и тѣхъ же нарахъ и количество воздуха на каждого рабочаго нерѣдко падаетъ до $\frac{1}{4}$ куб. саж. и даже менѣе. Въ спальняхъ часто ничего нѣтъ, кромѣ наръ. Столы, стулья, скамейки составляютъ уже роскошь. На нарахъ спятъ, по обыкновенію, рядомъ, въ повалку, безъ различія половъ и возрастовъ, всё вмѣстѣ—и дѣти и взрослые, и мужчины и женщины, и женатыя и холостыя. Отдѣльныя комнаты для женщинъ составляютъ исключеніе.

Семейные рабочіе отгораживаютъ свои мѣста на общихъ нарахъ занавѣсками, часто просто грязнымъ тряпьемъ. Иногда сами фабриканты, въ заботѣ о чистотѣ нравовъ среди рабочихъ, для женатыхъ дѣлаютъ досчатые перегородки аршина въ $1\frac{1}{2}$ высотой. Такимъ образомъ устраиваются особыя «стойла» на каждую человѣческую «пару» *). Спальни такого рода, какъ само собою понятно, чрезвычайно грязны и зловонны. Относительно этой стороны дѣла фабриканты проявляютъ полнѣйшее равнодушіе. Особыхъ прачешныхъ обыкновенно для рабочихъ не полагается, они сушатъ и моютъ бѣлье въ тѣхъ же самыхъ спальняхъ.

О какой-нибудь искусственной вентиляціи обыкновенно и рѣчи нѣтъ, когда даже форточекъ часто совсѣмъ не бываетъ, а если онѣ и бываютъ, то въ незначительномъ количествѣ и самыхъ миниатюрныхъ размѣровъ; къ тому же, ихъ часто самымъ тщательнѣйшимъ образомъ забиваютъ и даже замазываютъ (чтобы не дуло, чтобы тепло не ушло).

*) Деметсьевъ: „Фабрика“.

Естественной вентиляціи черезъ окна и стѣны недостаточно для поддержанія чистоты воздуха въ помѣщеніи. Кромѣ того, съ увеличеніемъ размѣровъ зданія естественная вентиляція все болѣе и болѣе ослабѣваетъ, такъ какъ вмѣстимость растетъ въ кубической степени, а поверхность наружныхъ стѣнъ только въ квадратной. Въ то время, какъ въ простой десятисаженной избѣ, вышиной въ 3 аршина и вмѣстимостью 9 куб. саж., на каждую куб. саж. приходится $1\frac{1}{3}$ кв. саж. наружной поверхности стѣнъ, въ небольшой сравнительно фабричной казармѣ, при внутреннемъ размѣрѣ 42 арш. (длина), 16 арш. (ширина) и 4 арш. (высота) на 1 куб. саж. вмѣстимости приходится только $\frac{2}{3}$ кв. саж. вентилирующей поверхности стѣнъ. Такимъ образомъ, въ такой казармѣ естественная вентиляція болѣе чѣмъ втрое слабѣе, чѣмъ въ простой деревенской избѣ. Необходима поэтому усиленная вентиляція во всѣхъ фабричныхъ казармахъ, а особенно въ большихъ, густо населенныхъ. Въ нихъ, кромѣ того, слѣдуетъ давать рабочимъ больше кубическаго пространства на каждого, чѣмъ въ болѣе мелкихъ зданіяхъ. На самомъ же дѣлѣ бываетъ какъ разъ наоборотъ: въ большихъ казармахъ приходится на каждого только какая-нибудь 4-я часть 1 куб. саж.; воздухъ поэтому въ нихъ всегда крайне тяжелый, зловонный, до нельзя испорченный, въ которомъ свѣжій человѣкъ не въ состояніи долго оставаться. А рабочій, отравленный дурнымъ воздухомъ мастерской, гдѣ онъ работаетъ, возвращаясь домой для отдыха и сна, попадаетъ въ убійственную атмосферу спальни, какъ говорится, изъ огня да въ полымя.

И такъ идутъ дни за днями. Рабочій всегда вынужденъ дышать испорченнымъ воздухомъ и завидовать тѣмъ счастливымъ, которые, живя у себя на деревнѣ, ежедневно вынуждены дѣлать прогулку на чистомъ воздухѣ. Дома, въ ихъ убогихъ избахъ, воздухъ, все-таки, чище, чѣмъ въ казармахъ. Лучше казармъ отдѣльные жилые домики, въ видѣ небольшихъ одноэтажныхъ флигелей, въ особенности для семейныхъ рабочихъ. На русскихъ фабрикахъ такіе домики встрѣчаются рѣдко.

Что касается наемныхъ квартиръ на сторонѣ, то онѣ часто еще хуже фабричныхъ казармъ. Одну изъ такихъ квартиръ описываетъ г. Дементьевъ въ с. Озерахъ (Московской губ., Коломенскаго уѣзда). Въ избѣ о двухъ комнатахъ, въ длину и ширину 7 арш., высотой отъ пола до потолка $3\frac{1}{4}$ арш., съ кубическою вмѣстимостью (за вычетомъ печи) 10,39 куб. саж., живетъ всего 41 человѣкъ (мужчины, женщины, парни, дѣвушки, дѣти) на 86 кв. аршинахъ, такъ что на каждую душу приходится около 2 кв. арш. и объема воздуха менѣе 0,25 куб. саж. Въ специальныхъ меблированныхъ комнатахъ въ с. Озерахъ (16 каморокъ) рабочіе набиты, какъ сельди въ боченкахъ, въ полномъ смѣшеніи половъ и возрастовъ. На каждого приходится 0,23—0,43 куб. саж. воздуха и 1,48—2,75 кв. арш. пола. Рабочіе спятъ на сколоченныхъ доскахъ, подъ ними, на подвѣшенныхъ къ потолку на вышинѣ $1-\frac{3}{4}$ арш. палатахъ или прямо на полу. Постели далеко не у всѣхъ. Часто спятъ на своей одежѣ. И за такія-то «стойла», именуе-

мыя жилими помѣщеніями, рабочіе платять, въ среднемъ, каждый по 80 коп. въ мѣсяцъ на фабрикахъ и 1 р. 20 коп. съ приваркомъ (соль, капуста, квасъ) на вольныхъ квартирахъ. Продовольствіе вмѣстѣ съ квартирой обходится 3 р. 35 к. для женщинъ и малолѣтнихъ и 5 р. для мужчинъ (на вольныхъ квартирахъ). При даровомъ помѣщеніи на фабрикахъ, артельное продовольствіе стоить тоже почти 5 р. для мужчинъ, 4 р. для женщинъ и 3 р. для малолѣтнихъ.

Мы не будемъ касаться здѣсь вопроса о продовольствіи рабочихъ, потому что, во-первыхъ, вопросъ этотъ обстоятельно разработанъ въ литературѣ (между прочимъ, интересныя данныя относительно этого были сообщены въ статьѣ г. Мареса *Пища народныхъ массъ въ Россіи* *) и въ трудѣ проф. Эрисмана о пищевомъ довольствіи рабочихъ Московской губ.), а, во-вторыхъ, изъ того, какимъ помѣщеніемъ довольствуется русскій рабочій, не трудно уже составить себѣ понятіе, какъ онъ питается.

Между фабричными рабочими есть, конечно, и своя, такъ сказать, аристократія. Мастера, подмастерья, раклісты на ситценабивныхъ фабрикахъ, получая отъ 45—60 руб. въ мѣсяцъ, имѣютъ уже приличную обстановку, живутъ въ сравнительной чистотѣ, имѣютъ хорошія постели, просторное помѣщеніе, извѣстный домашній комфортъ. Но это только пріятное исключеніе.

Быстрое развитіе механическихъ производствъ въ Россіи, съ каждымъ днемъ усиливающееся расширеніе ея фабрично-заводской промышленности все сильнѣе и сильнѣе отрываютъ крестьянина отъ земли и закрѣпляютъ его при фабрикѣ. Пока еще производство носить кустарный характеръ или на фабрикѣ преобладаетъ ручной трудъ, связь съ деревней, съ землей, поддерживается, но какъ только производство перешло исключительно на механическое и достигло значительныхъ размѣровъ, связь эта рѣзко порывается, рабочій совсѣмъ бросаетъ землю и живетъ почти безотлучно на фабрикѣ.

Наша промышленность развивалась подобнымъ же путемъ, какъ и на Западѣ, но только, благодаря крѣпостному праву, у насъ переходъ отъ кустарной, домашней системы производства къ капиталистической происходитъ много медленнѣе. Превращеніе это совершается еще и теперь на нашихъ глазахъ. Между типическими фабриками встрѣчаются промышленныя заведенія какъ бы переходнаго характера, таковы, наприм., конторы для раздачи основъ съ домашнимъ ткачествомъ и размоткой пряжи. Капиталистическое производство стало развиваться у насъ съ 1861 г. и съ этого же времени началось паденіе кустарнаго и домашняго производства. Появились крупныя фабрики и мануфактуры, началъ слагаться типъ рабочаго, потерявшаго всякую самостоятельность, всякую связь съ выработаннымъ товаромъ,—типъ оторваннаго отъ земли фабричнаго пролетарія.

Смѣна старыхъ формъ производства новою у насъ, но давно господ-

*) *Русская Мысль* 1893 г., кн. X и XI.

ствующую на Западѣ,—капиталистическою, особенно энергично шла за послѣднія 30 лѣтъ. вмѣстѣ съ этимъ Россія все болѣе и болѣе теряла свое значеніе, какъ страны, главнымъ образомъ, земледѣльческой, развивая быстро свои производительныя силы въ сферѣ добывающей и обрабатывающей промышленности. Рабочіе нашихъ фабрикъ по преимуществу крестьяне-землепашцы, имѣющіе опредѣленный земельный надѣлъ, до известной степени обезпечивающій имъ кусокъ хлѣба.

Фабричная работа для нихъ только подспорье, прибыльное занятіе на зимнее время, когда въ деревнѣ дѣлать нечего. Мы избавлены отъ рабочаго пролетариата, у насъ невозможенъ рабочій вопросъ въ той острой формѣ, какъ на Западѣ, нашъ рабочій—землевладелецъ и въ этомъ наша огромная сила. Вотъ обычный стереотипный циклъ сентенцій, сдѣлавшійся давно общимъ мѣстомъ. Жизнь, однако, давно разбила эти иллюзіи. Съ одной стороны, недостаточность крестьянскаго надѣла, съ другой—упадокъ сельскаго хозяйства привели почти къ нулю значеніе этого земельного обезпеченія рабочихъ. Благодаря этому обстоятельству, въ связи съ заботами о развитіи фабрично-заводской промышленности, у насъ быстро образовался изъ крестьянъ особый классъ настоящихъ фабричныхъ рабочихъ, почти не покидающихъ фабрикъ, не имѣющихъ въ деревнѣ никакой собственности и сохранившихъ связь съ нею только номинальными правами на землю.

Мы ранѣе уже много разъ ссылались на книгу г. Дементьева подъ заглавіемъ *Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ*. Въ краткомъ заключеніи авторъ, между прочимъ, говоритъ: «Какъ ни странно, но обыкновенно, у насъ говорятъ о желательномъ развитіи фабричной промышленности для удешевленія продуктовъ производства, выгоднаго для всего населенія, для конкуренціи съ другими государствами на иностранныхъ рынкахъ, выгодной и для самихъ рабочихъ и фабрикантовъ (доставленіе заработковъ и прибыли) и въ политическихъ цѣляхъ и т. д., и т. д. Говорятъ такъ, какъ будто процвѣтаніе фабрикъ есть цѣль сама по себѣ и однозначуще съ общественнымъ благосостояніемъ. Но никто не задается вопросомъ: какою же цѣной достигается это кажущееся благосостояніе? Чтѣ выиграло населеніе, бросивъ свой домъ, свое убогое хозяйство и поставивъ себя въ полную зависимость отъ современной фабрики съ ея машинами?» Да, правда, есть надъ чѣмъ задуматься. Рикардо въ своихъ *Началахъ политической экономіи* признаетъ, что «употребленіе машинъ часто наноситъ ущербъ интересамъ рабочихъ». Джонъ Стюартъ Милль сомнѣвается даже, чтобы «всѣ механическія приспособленія облегчили дневной трудъ хоть одного существа». Многіе идутъ еще далѣе и говорятъ, что введеніе машинъ послужило къ выгодѣ всѣхъ, кромѣ самихъ рабочихъ. Англійскій экономистъ Никольсонъ говоритъ, что, несмотря на усовершенствованіе машинъ, расширеніе рынковъ и удешевленіе продуктовъ производства, при постоянно возрастающемъ требованіи на рабочія руки, *положеніе рабочихъ классовъ дѣлается все хуже и хуже*. Время

отъ времени повторяются кризисы, паденіе цѣнъ отъ перепроизводства. Тогда приходится сокращать работу, работатъ въ одну смѣну или даже понижать заработную плату. Все это вызываетъ среди рабочихъ большія неудовольствія, нерѣдко разрѣшающіяся стачками или даже открытыми бунтами. Общее пониженіе заработной платы явилось слѣдствіемъ специально механическаго производства, допускающаго широкое пользованіе женскимъ и даже дѣтскимъ трудомъ.

Съ введеніемъ машинъ во всѣ операціи производства, со стороны рабочаго не требуется ни силы, ни особой ловкости, или искусства,—все дѣлается само собою, почти безъ его прямого участія. Всѣ функціи живой рабочей силы сводятся къ непрерывному, продолжительному повторенію однообразныхъ, простыхъ движеній, превращающихъ самого рабочаго въ такую же машину, но только предназначенную къ исполненію самой простой работы, не требующей ни ума, ни соображенія, ни мышечнаго напряженія. Все дѣлаетъ машина, и дѣлаетъ умно, цѣлесообразно. Въ ней весь умъ, все творчество человѣческаго гения. Рабочій долженъ только съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдить за работой машины. Какой-нибудь баннаброшь или сельфакторъ прядильной фабрики представляетъ собою гениальное изобрѣтеніе. Эти машины сами выполняютъ всѣ сложные акты пряденія, онѣ по всѣмъ правиламъ механики вытягиваютъ, скручиваютъ и наматываютъ ровницу и пряжу съ такою отчетливостью и легкостью, съ какою живой человѣкъ выполнить это былъ бы не въ состояніи. Эта поразительная механическая работа сложныхъ прядильныхъ машинъ остается во многихъ отношеніяхъ непонятной для большинства рабочихъ. При недостаткѣ образованія или, вѣрнѣе, по полной безграмотности, они не въ силахъ понять и уяснить всѣхъ комбинацій сложнаго механизма. Они сроднились, сжились съ машиною, они знаютъ ее вдоль и поперекъ, отлично умѣютъ заправить ее и направить, но они ее совсѣмъ не понимаютъ. Это раздробленіе человѣка на мелочи, этотъ отупляющій автоматизмъ, требующій только огромнаго нервнаго напряженія, быстро разрушаетъ рабочаго и физически, и морально. Машины не сберегли трудъ рабочаго, а только помѣнялись съ нимъ ролями. Одурачивающая, автоматическая работа исполняется живыми людьми, а разумная, одухотворенная мысль, идея—машинами. Крупныя фабрики съ механическимъ производствомъ не сократили продолжительности труда, но увеличили его тяжесть убійственною, изнурающею обстановкой.

«Промѣнявъ убогую, покривившуюся, но свою избенку на монументальную фабрику, бросивъ свою землю,—говоритъ г. Дементьевъ,—бросивъ домашнее производство, въ видѣ ли кустарнаго, или въ видѣ поставки товара «на фабрику» (контору), бросивъ потому, что эту работу вырвала изъ рукъ настоящая машинная фабрика, съ которою онъ боролся до послѣдняго предѣла пониженія заработка, бросивъ все и прядя съ семьей на ту же фабрику продавать свой трудъ, что получилъ рабочій? Физическую и нравственную гибель». Вотъ что говоритъ намъ изслѣдователь фабрично-завод-

скаго быта. Не хотѣлось бы этому вѣрить, но не вѣрить нельзя, потому что нѣчто подобное говорятъ намъ техники, фабричныя врачи, фабричная инспекція и вообще лица, близко стоящія къ этому дѣлу.

При постоянной напряженной работѣ, не добдая, не досыпая, истощая до крайности свои силы, рабочій все отдастъ фабрикѣ—и свою душу, и свое тѣло. Она разрушила его семью, оторвала его отъ земли, отняла у него и тотъ убогій кругъ нравственныхъ понятій и традицій, которыми живетъ наша деревня. Одѣвшись въ «пинджакъ», усвоивъ грубые, циническіе фабричныя нравы, рабочій быстро и рѣшительно порываетъ свои связи съ родной; вся жизнь его протекаетъ въ отупляющей работѣ на фабрикѣ, въ снѣ на казарменныхъ зловонныхъ койкахъ или нарахъ, а въ часы отдыха, по праздникамъ, въ трактиръ и въ кабакъ. Семья для него—тяжелая обуза, брачныя узы — излишнее бремя, при той простотѣ половыхъ отношеній, какая существуетъ на фабрикахъ и которая приближается «къ простотѣ отношенія половъ на скотномъ дворѣ» (Дементьевъ). Уже съ 14-ти лѣтняго возраста, по словамъ самихъ фабрикантовъ, здѣсь нѣтъ ни одной невинной дѣвушки, ни одного невиннаго мальчика.

Нѣтъ, наша убогая деревня стоитъ выше, она не дошла еще до такого нравственнаго растлѣнія.

Что же можно и должно сдѣлать для рабочаго населенія, чтобы спасти его отъ физической и моральной гибели?

Мы не можемъ, конечно, вернуться къ доброму старому времени, да не можемъ, разумѣется, и желать этого. Ручной трудъ, первобытныя формы производства, — все это—дѣла давно минувшихъ дней. Теперь наступило господство машиннаго труда. Но постепенное и осторожное вмѣшательство государственной власти должно положить предѣлъ состоянію фабричной анархїи.

Можно говорить о вредѣ вмѣшательства государственной власти въ область человѣческихъ отношеній съ общеполитической точки зрѣнія, при допущеніи, что люди руководятся въ своей жизни гуманными движеніями мысли и чувства, а не плотоядными звѣрскими инстинктами. Но человѣчество еще слишкомъ далеко отъ такого блаженнаго состоянія. Фабрику и ея населеніе можетъ и долженъ спасать отъ гибели и самъ фабрикантъ, въ союзѣ съ интеллигентными техническими силами, и это—его священная обязанность.

Если теперь иногда, въ видѣ исключеній, или подъ давленіемъ фабрично-инспекторской власти, или по внушенію своего добраго сердца, или такъ себѣ, просто случайно, фабрикантъ дѣлаетъ шаги въ дѣлѣ улучшенія быта рабочихъ, то это проходитъ незамѣтнымъ, теряется, какъ капля въ морѣ, въ хаосѣ фабрично-заводской неурядицы. Но дѣло это быстро разцвѣтетъ и принесетъ зрѣлые плоды только тогда, когда сами фабриканты проникнутся гуманными идеями и сознательно пойдутъ на встрѣчу этому теченію.

Такое движеніе въ пользу рабочихъ возникло давно, еще въ 40-хъ годахъ, на Западѣ и уже успѣло дать отрадные результаты. По доброму по-

чину принца Альберта, супруга английской королевы Викторин, представившаго въ 1837 г. на всемирную лондонскую выставку модель дома для рабочихъ, вопросъ этотъ привлекъ къ себѣ вниманіе высшихъ классовъ общества. На этомъ поприщѣ въ особенности проявили плодотворную дѣятельность герцоги Бедфордъ и Нортумберландъ, фабрикантъ Аркрайтъ, миссъ Бурдетъ Коутсъ и знаменитый филантропъ Пибоди. Во Франціи нѣсколько большихъ рабочихъ казармъ первоначально было выстроено по инициативѣ Наполеона III, который въ 1852 г. особымъ декретомъ назначилъ $\frac{1}{2}$ мил. фр. на устройство рабочихъ помѣщеній въ центрахъ фабрично-заводской промышленности. Общество отнеслось къ этому движению съ полнѣйшимъ сочувствіемъ и уже въ 1855 г. въ Мюльгаузенѣ одинъ изъ мѣстныхъ фабрикантовъ, Дольфусъ, человекъ очень гуманный, основалъ акціонерное общество съ капиталомъ въ 3 мил. фр. и выстроилъ цѣлую колонію жилыхъ помѣщеній для рабочихъ. Дома продавались рабочимъ по стоимости постройки, съ разсрочкой платежа помѣсячно. Въ Германіи фабриканты и заводчики давно съ энергіей занимаются устройствомъ хорошихъ жилищъ для рабочихъ, видя въ этомъ одно изъ самыхъ надежныхъ средствъ обезпечить себѣ здоровое рабочее населеніе. Къ сожалѣнію, подобные примѣры никого и ничему не поучаютъ у насъ въ Россіи. Вотъ, наприм., какъ у насъ приходится къ сознанію необходимости санитарнаго улучшенія въ устройствѣ фабричныхъ мастерскихъ. Докторъ А. Погожевъ *) рассказываетъ со словъ одного крупнаго московскаго фабриканта, что въ его ткацкихъ мастерскихъ было очень холодно, потому что стекольщики плохо замазали оконныя рамы на зиму. Когда же слѣдующею осенью законопатили и замазали всѣ щели въ окнахъ, въ мастерскихъ стало очень тепло, но выработка шелковыхъ матерій пошла изъ рука вонъ плохо даже у самыхъ лучшихъ ткачей, лампы стали горѣть тускло, съ копотью, которая частью садилась и на шелковыя ткани, рабочіе постоянно угорали, чувствовали недомоганіе. Долго ломали голову, отчего бы это могла произойти такая оказія, пока, наконецъ, одинъ изъ ткачей догадался, что стало душно и сыро послѣ того, какъ замазали окна. Въ нихъ вставили большія вертушки и все сразу пришло въ порядокъ. Лампы стали горѣть хорошо, матерія работается какъ слѣдуетъ, рабочіе перестали угорать. Тогда только фабрикантъ рѣшился устроить въ мастерскихъ настоящую вентиляцію.

Въ Россіи вопросъ о жилыхъ помѣщеніяхъ для рабочихъ впервые широко, убѣдительно и краснорѣчиво былъ поставленъ на очередь въ 1876 г. покойнымъ профессоромъ Императорскаго московскаго техническаго училища Федоромъ Михайловичемъ Дмитріевымъ. Онъ блистательно доказалъ и на теоріи, и на практикѣ, что здоровыя жилища для рабочихъ необходимы въ интересахъ самой промышленности, что они ведутъ къ прямой выгодѣ фабриканта **). Онъ утверждаетъ далѣе, что *чѣмъ больше рабочіе болѣютъ,*

*) *Фабричныя мастерскія и жилища помѣщенія для рабочихъ. Техникъ 1884 г., № 38.*

***) *Объ устройствѣ жилыхъ помѣщеній для рабочихъ. Рѣчь Э. М. Дмитріева на торжественномъ актѣ Императорскаго московскаго техническаго училища въ 1876 г.*

тѣмъ дороже обходится выработка издѣлій, и наоборотъ. Каждый прогульный (по болѣзни) рабочій день составляетъ для фабриканта чистый убытокъ. Совершенство результатовъ всякаго рода фабричныхъ работъ обуславливается, прежде всего, состояніемъ тѣлеснаго здоровья рабочихъ, отъ котораго, въ свою очередь, зависитъ здоровье умственное и нравственное. Вполнѣ доказано теперь, что истощенные, хилые, слабосильные люди работаютъ хуже сильныхъ и здоровыхъ. Идеи Ѳ. М. Дмитріева давно утвердились и господствуютъ на Западѣ, гдѣ при большей заботливости о благосостояніи рабочихъ достигаются при меньшемъ числѣ рабочихъ рукъ лучшіе результаты. Почти 20 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда въ Россіи впервые раздался честный, громкій голосъ въ защиту фабричнаго рабочаго. На этотъ призывъ горячо откликнулся Малютинъ, владѣлецъ Раменской мануфактуры (въ Московской губ.), и предоставилъ полный просторъ дѣятельности своего высоко-просвѣщеннаго директора. Со всею силой своей любящей души отдался этотъ технологъ-идеалистъ дѣлу улучшенія быта рабочихъ.

Но, увы, честный призывъ Ѳ. М. Дмитріева и его плодотворная дѣятельность по всему лицу земли Русской очень мало нашли себѣ подражателей. Раменская мануфактура, какъ была, такъ и осталась оазисомъ среди пустыни. Вотъ фактъ поистинѣ достопримѣчательный, достойный быть записаннымъ на страницы исторіи. Тѣмъ не менѣе, если дѣятельность Дмитріева *) не вызвала подражанія въ цѣломъ, то въ частности все же несомнѣнно она имѣла огромное вліяніе на его учениковъ-техниковъ, а также отчасти и на самихъ фабрикантовъ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе просвѣщенныхъ и гуманныхъ. Иные по добротѣ сердца, другіе потому, что, убѣждаемые своими техниками, поняли справедливость ихъ доводовъ, они мало-по-малу начали заводить разныя улучшенія (наприм., Никольская мануфактура Морозова, Большая Ярославская мануфактура въ Родникахъ, трехгорная мануфактура Прохорова въ Москвѣ, шелковая фабрика бр. Сапожниковыхъ, шерстяныя фабрики Баскакова и др.).

Тысячи рабочихъ сошлись на могилѣ Ѳ. М. Дмитріева. На лентахъ вѣнковъ «отъ рабочихъ» красовались надписи: «отцу и другу», «заботнику и благоустроителю». На его могилѣ, между прочимъ, было сказано г. Фуксомъ, что онъ «силою добра и любви какъ нельзя болѣе просто разрѣшилъ одну изъ мировыхъ задачъ — фабричный вопросъ, доказавъ на практикѣ возможность примирить интересы хозяина и рабочихъ». Раменская мануфактура является великимъ урокомъ и неотразимымъ укоромъ всѣмъ тѣмъ, кому даны и знанія, и средства, но у кого нѣтъ сердца, нѣтъ добраго побужденія сдѣлать что-нибудь для народа.

Все, что въ настоящее время фабриканты вынуждены дѣлать по требованію фабричныхъ законовъ, на Раменской мануфактурѣ давнымъ-давно введено по инициативѣ ея директора, при горячемъ сочувствіи владѣльцевъ

*) Скончался 30 сентября 1882 г. въ с. Быки, Курской губерніи.

фабрики. Школа была учреждена здѣсь уже въ 1859 г., когда еще никто и не думалъ объ обязательномъ обученіи малолѣтнихъ рабочихъ и фабричныхъ училища были вообще крайне рѣдкими явленіями. Спустя дѣтъ 8 послѣ этого при Раменской мануфактурѣ было возведено обширное зданіе для школы, съ обширною залой для чтеній, концертовъ, театральныхъ представлений, гимнастики и т. п. развлеченій для фабричнаго люда.

Для учащихся дѣтой рабочее время было уменьшено съ 12 на 8 час., причѣмъ, вмѣсто двухъ смѣнъ малолѣтнихъ, стало работать три (ночная по 6 час.). *Ө. М. Дмитріевъ* отмѣнилъ у себя на фабрикѣ возмутительный и безнравственный обычай обыска рабочихъ передъ выходомъ съ фабрики послѣ работъ. Штрафы почти не практиковались при покойномъ директорѣ, нравственность рабочихъ повысилась, проступки сдѣлались рѣже, уменьшились пьянство, воровство, развратъ.

Примѣръ Раменской мануфактуры, созданной *Ө. М. Дмитріевымъ*, неотразимо доказалъ, что фабрика можетъ развиваться не на счетъ рабочаго, а развивая его самого, что производство можетъ процвѣтать рука объ руку съ благосостояніемъ рабочихъ, что фабрикантъ можетъ извлекать крупныя выгоды отъ производства не путемъ эксплуатаціи рабочаго, а при доброжелательномъ и честномъ къ нему отношеніи, распространяя среди фабричнаго населенія довольство, знанія и добрыя нравы.

Вотъ та фабричная идиллія, надъ которою такъ грубо подсмѣиваются гг. Разуваевы и которая такъ блистательно была осуществлена на практикѣ *Ө. М. Дмитріевымъ*. За свою плодотворную дѣятельность Раменская мануфактура имѣетъ высшія награды какъ отъ русскихъ, такъ и отъ иностранныхъ выставокъ. Бельгійская гигиеническая выставка 1876 г. присудила ей за дѣятельность въ дѣлѣ улучшенія быта рабочихъ высшую награду наравнѣ только съ однимъ знаменитымъ заводомъ Круппа *).

На Раменской мануфактурѣ всѣ рабочіе періодически подвергаются медицинскому освидѣтельствованію и, въ случаѣ обнаруженія пагубнаго вліянія фабрики, по распоряженію фабричной администраціи, переводятся временно на болѣе здоровое занятіе—работы по двору. На Раменской фабрикѣ есть хорошая искусственная вентиляция, доставляющая рабочимъ надлежащее количество свѣжаго воздуха, — явленіе весьма отрадное, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ крайне рѣдкое на фабрикахъ.

На той же фабрикѣ рабочіе живутъ въ чистыхъ, свѣтлыхъ комнатахъ съ приличною мебелью и достаточнымъ количествомъ воздуха.

Быль, правда, на Руси еще одинъ промышленный дѣятель, который тоже много радѣлъ о нуждахъ рабочихъ и стремился поставить ихъ трудъ въ лучшія условія. То быль извѣстный «генералъ» *Сергій Ивановичъ Мальцевъ*, владѣлецъ знаменитыхъ нѣбогда заводовъ (Мальцевское торгово-промышленное

* Наши отечественныя выставки, при присужденіи наградъ, должны бы были обращать особое вниманіе на степень санитарнаго благоустройства промышленныхъ заведеній.

товарищество), воспѣтыхъ въ свое время Вас. Ив. Немировичемъ-Данченко въ его очеркахъ *Америка въ Россіи*. Рабочимъ дѣйствительно хорошо жилось у генерала и мальцевскій районъ, раскинувшійся въ 3-хъ смѣжныхъ губерніяхъ, при своихъ замѣчательныхъ естественныхъ богатствахъ, представлялъ собою поистинѣ цвѣтущій благосостояніемъ и довольствіемъ край.

Заботливость С. И. Мальцева о рабочихъ доходила до того, что въ жаркую пору лѣта на стеклянныхъ и чугунно-плавильныхъ заводахъ имъ отпускалась для утоленія жажды сельтерская вода и дозволялось вволю отдыхать и купаться. Но Мальцевъ былъ баринъ и въ его отношеніяхъ къ рабочимъ много было такого, что напоминало отношенія добраго помѣщика старихъ временъ къ своимъ крѣпостнымъ.

Правительство давно стремилось привлечь фабрикантовъ къ исполненію ихъ нравственнаго долга передъ рабочими.

Осторожное и деликатное вмѣшательство власти въ отношенія фабрикантовъ и рабочихъ началось у насъ еще при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, когда бывшій тогда министромъ финансовъ графъ Егоръ Францевичъ Канкринъ имѣлъ по этому вопросу живой обмѣнъ мыслей съ предсѣдателемъ мануфактурнаго совѣта графомъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгановымъ. Въ 1835 г. была составлена записка *О мѣрахъ къ постепенному улучшенію состоянія рабочихъ на фабрикахъ*, въ которой были намѣчены многіе важные пункты по благоустройству фабричнаго быта. Въ этой запискѣ, на которой императоръ Николай Павловичъ собственноручно начерталъ: «прекрасная мысль; стоить повсемѣстнаго введенія», — предлагалось содержать фабрикамъ Московской губ. почти все то, чего стремятся достигнуть современные фабричные законы: заботы о чистомъ воздухѣ, о хорошемъ жилищѣ, объ отдѣленіи въ спальняхъ мужчинъ отъ женщинъ, о призрѣніи и леченіи больныхъ, объ учрежденіи школъ, объ ограниченіи работы малолѣтнихъ, о свѣжей и добротной пищѣ, объ искорененіи пьянства и разврата. Записка оканчивается *) слѣдующими словами: «Представляя о семъ на благоусмотрѣніе и утверженіе Вашего Императорскаго Величества, министръ финансовъ остается въ пріятной увѣренности, что всѣ фабриканты, зная волю своего государя и чувствуя сами благодѣтельную цѣль сихъ распоряженій, употребятъ всѣ усилія, сколько способы каждаго дозволяютъ, соответствовать симъ высочайшимъ предначертаніямъ». Подписалъ генералъ-отъ-инфантеріи графъ Канкринъ.

Какъ отнеслись къ этому гг. фабриканты, можно видѣть изъ записки почтенныхъ членовъ московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта г. Скалона, почетнаго гражданина Веретенникова и мануфактуръ-совѣтника Константина Прохорова. Записка эта, поданная предсѣдателю отдѣленія барону

*) См. докладъ М. С. Орлова на съѣздѣ членовъ Императорскаго русскаго технического общества въ 1882 г.: *О несчастныхъ случаяхъ съ рабочими на фабрикахъ и заводахъ и о мѣрахъ къ предупрежденію оныхъ*.

Александрѣ Казиміровичѣ Мейендорфѣ въ 1844 г., заключала въ себѣ слѣдующія историческія строки: «Въ Россіи малолѣтнихъ 12-ти лѣтъ отъ роду на фабрикахъ находится весьма мало, да и тѣмъ даются работы мельчайшія, не требующія не только усилій, но и постоянного вниманія, такъ что они заняты половину времени противъ другихъ рабочихъ; одни только растиральщики должны находиться безотлучно на мѣстахъ своихъ, но занятія ихъ болѣе походятъ на забаву, нежели на работу. Слѣдовательно, наши малолѣтніе мастеровые ни въ какихъ отношеніяхъ не могутъ сравниться съ таковыми же въ Англіи, гдѣ они исправляютъ трудныя работы; притомъ же, и содержаніе нашихъ малолѣтнихъ несравненно лучше, нежели въ другихъ мануфактурныхъ государствахъ, отчего они, проживая на фабрикахъ, имѣютъ бодрый и цвѣтущій видъ. Посему мы полагаемъ, что въ настоящее время не настоитъ еще надобности въ измѣненіи порядка относительно занятія дѣтей на фабрикахъ, потому что таковая перемена повлечетъ за собою значительное стѣсненіе фабрикантовъ, и безъ того уже стѣсненныхъ обстоятельствами, и не принесетъ никакой пользы малолѣтнимъ, которые, пользуясь хорошимъ содержаніемъ, пріучаются къ занятіямъ, не обременяя собою бѣдныхъ родителей и не наполняя городовъ нищими». Эта любопытная переписка, хранящаяся въ архивѣ мануфактурнаго совѣта, кончилась въ 1846 г. Не касаясь здѣсь дальнѣйшихъ мѣропріятій правительства, направленныхъ къ поднятію матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія рабочихъ, замѣтимъ только, что тогда, какъ и теперь, правительство не только не встрѣчало сочувствія среди фабрикантовъ, но они прямо или оставались совершенно равнодушными къ нимъ, или даже оказывали имъ явное противодѣйствіе.

Подобное же явленіе наблюдалось и за границей. Только силою, принудительными законами, можно было заставить фабрикантовъ позаботиться о рабочихъ. Мы видѣли, что у насъ только одна Раменская фабрика, подъ влияніемъ исключительной энергіи и любви къ ближнему своего директора, твердо и неуклонно пошла на встрѣчу добрымъ начинаніямъ правительства. Это явленіе представляется намъ довольно страннымъ. Мы знаемъ, что и среди промышленниковъ есть много добрыхъ людей, меценатовъ, филантроповъ. Среди нихъ встрѣчаются отзывчивые люди, поддерживающіе существованіе зоологическихъ садовъ, музеевъ, дающіе средства на изданіе журналовъ, содержаніе театровъ, производство археологическихъ раскопокъ, научныя экспедиціи, изученіе римскихъ катакомбъ и проч. Но между промышленниками очень мало людей, готовыхъ пожертвовать хотя бы ничтожную часть своихъ доходовъ на то, чтобы обставить рабочихъ по-человѣчески, дать имъ мало-мальски сносная условія существованія. Они упорно не хотятъ вѣрить, что здоровые, сильные, бодрые, довольные рабочіе—не убытокъ для фабриканта, а прямой его барышъ.

Такое полное невниманіе къ удовлетворенію самыхъ насущныхъ и справедливыхъ требованій рабочихъ свидѣтельствуетъ о грубости нравовъ, объ отсутствіи воспитанія. Въ людяхъ нужно съ дѣтства развивать гуманитар-

ныя чувства и будить въ ихъ сердцахъ добрыя стремленія. Юное поколѣніе фабрикантовъ и заводчиковъ, воспитывающееся въ коммерческихъ, техническихъ или общеобразовательныхъ школахъ, слышитъ ли когда-либо о бѣдственномъ положеніи рабочихъ, о нравственной обязанности придти имъ на помощь, облегчить ихъ тяжелую участь? Въ просвѣщеніи, направленномъ къ истинѣ и добру, можно видѣть одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ для улучшенія быта рабочихъ.

Что бы стоило имъ, напримѣръ, помимо общаго улучшенія производства, страховать рабочихъ, образовывать капиталъ для вспомошествованія имъ въ несчастныхъ случаяхъ, для устройства больницъ для хрониковъ, богадѣленъ, пріютовъ и т. п.? Вѣдь, для всего этого было бы достаточно отчислить какой-нибудь % съ чистаго годового дохода (доходъ одной изъ московскихъ мануфактуръ за истекшій годъ былъ около 2 милл. руб.).

Обычная на русскихъ фабрикахъ и заводахъ экономія выражается въ сокращеніи расходовъ на администрацію. вмѣсто образованнаго техника, ставится полуграмотный мастеръ, вмѣсто дѣльнаго, смышленнаго, свѣдущаго мастера—безграмотный рабочій. Сколько зла, сколько убытковъ приносятъ имъ эта фиктивная экономія, и, тѣмъ не менѣе, они упорно отказываются отъ труда образованныхъ техниковъ.

Государство, озабоченное успѣхами отечественной промышленности, ежегодно даетъ ей нѣсколько сотъ такихъ техниковъ, а русскіе фабрики и заводы отказываются отъ ихъ услугъ. Это ли не удивительно? Сколько человеческихъ жизней вручено въ совершенно невѣжественныя руки!

На Западѣ, помимо болѣе высокаго умственнаго развитія рабочихъ и болѣе значительнаго участія въ промышленности образованныхъ техниковъ, и сами фабриканты, представляя болѣе культурную среду, относятся вполне сознательно къ необходимости огражденія жизни и здоровья рабочихъ. Тамъ поэтому давно уже ушли впередъ по этому дѣлу и частная инициатива, и законодательство. Впрочемъ, и у насъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ, по инициативѣ нѣсколькихъ наиболѣе просвѣщенныхъ фабрикантовъ, возникло общество для содѣйствія развитію мануфактурной промышленности, при которомъ образована постоянная коммиссія для разработки вопросовъ объ улучшеніи быта рабочихъ.

Для благосостоянія рабочихъ весьма важно, чтобы мѣста директоровъ и ихъ помощниковъ всегда были заняты русскими техниками съ высшимъ образованіемъ. Только они и могутъ входить, и дѣйствительно входятъ, въ ихъ нужды и заботятся, въ большинствѣ случаевъ, объ улучшеніи условій ихъ быта. Подъ ихъ просвѣщеннымъ вліяніемъ многія фабрики въ короткое время совершенно преобразились и сдѣлались неузнаваемыми въ отношеніи санитарнаго и общаго благоустройства. Намъ извѣстно, наприм., что со многихъ фабрикъ г. Москвы и Московской губ., управляемыхъ образованными техниками, въ фабричную инспекцію за послѣднее время совсѣмъ не поступаетъ (справедливыхъ) жалобъ со стороны рабочихъ.

Но для того, чтобы техники могли вполне проявить свою плодотвор-

ную дѣятельность и поднять, наприм., санитарное благоустройство фабрикъ, заводовъ и промысловъ, для этого сами они должны обладать извѣстными гигиеническими познаніями, которыя они могли бы съ пользою примѣнить при постройкѣ фабрикъ, заводовъ и жилыхъ домовъ, а также при устройствѣ разнаго рода промысловъ. Въ виду этого, крайне желательно, чтобы въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ было въ скорѣйшемъ времени введено преподаваніе гигиены, какъ о томъ давно уже ходатайствуютъ русскіе съѣзды врачей. Подобное же ходатайство возбуждено на съѣздахъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ (въ январѣ 1894 г.).

А. П. Ешпень и В. В. Жуковскій *) на основаніи статистическихъ данныхъ относительно германской промышленности приходятъ къ выводу, что успѣхи техники и промышленной организациі благотвѣтельно отражаются на общихъ условіяхъ жизни рабочихъ и даютъ возможность предупредить значительное число несчастныхъ случаевъ. Коэффициенты опасности въ промышленности болѣе постоянны при лучшей организациі и вообще,—говорятъ они,—*тѣ роды промышленности, которые обезпечены высокою степенью технической и административной организациі, несмотря на болѣшую естественную опасность, выгодно отличаются отъ менѣе совершенныхъ отраслей промышленной дѣятельности.* Все это не мѣшало бы усвоить и нашимъ фабрикантамъ, заводчикамъ, владѣльцамъ рудняковъ и копей.

Однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ помощи рабочимъ на случай какого-нибудь несчастія является обязательное страхованіе. Въ Германіи въ 1883 г. уже былъ изданъ законъ о страхованіи на случай болѣзни, въ 1884 г. появился законъ о страхованіи отъ разныхъ несчастныхъ случаевъ при работѣ и, наконецъ, въ 1891 г. вступилъ въ силу законъ объ обязательномъ страхованіи на старость и на случай неспособности къ труду. Этими законами рабочіе и ихъ семьи хоть сколько-нибудь обезпечиваются на случай болѣзни, увѣчья, смерти.

Въ Россіи для этого существуетъ такъ называемый штрафной капиталъ, составляющійся изъ штрафовъ рабочихъ. Всѣ взимаемые съ нихъ штрафы (за прогулъ, за нарушеніе порядка и порчу издѣлій или матеріаловъ), согласно ст. 152 устава о промышленности, идутъ на нужды рабочихъ. Каждая фабрика свои штрафныя деньги (свыше 100 руб.) должна представлять въ ссудо-сберегательныя кассы государственнаго банка. Въ случаѣ какой-либо нужды (болѣзнь, смерть близкихъ, неспособность къ труду вслѣдствіе старости, пожаръ въ деревнѣ и т. п.), рабочіе обращаются съ просьбою о вспомошествованіи. Просьба эта съ надлежащимъ удостовѣреніемъ врача, священника и т. п. представляется администраціей фабрики въ управленіе фабричной инспекціи, которая и утверждаетъ по-

*) Le coefficient de risques dans l'industrie en général et dans l'industrie minière en particulier. Bulletin du congrès international des accidents du travail et des assurances sociales. 1892 г., № 4—5.

собіе рабочимъ и ихъ семьямъ въ томъ или другомъ размѣрѣ (до 100 р. иногда). Изрѣдка встрѣчаются фабрики, выдающія такого рода вспомошествованія изъ собственныхъ суммъ, а на нѣкоторыхъ фабрикахъ есть (рѣдко) даже и вспомогательныя кассы.

Въ высшей степени было бы желательное учрежденіе больницъ и богадѣленъ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ рабочихъ, а также для алкоголиковъ и хрониковъ. Хорошо бы на это дѣло, въ ожиданіи пожертвованій отъ фабрикантовъ, отдѣлить частицу хотя бы изъ того же штрафнаго капитала. Одно изъ присутствій по фабричнымъ дѣламъ, кажется, уже входило съ подобнымъ ходатайствомъ въ министерство финансовъ.

Рабочіе относятся иногда къ фабричной инспекціи сдержанно, подозрительно. Они скрываютъ, наприм., истину при опросахъ на фабрикѣ, опасаясь неприяностей со стороны фабриканта. Иные законы (какъ, наприм., ограниченіе заработка сокращеніемъ дѣтскаго и женскаго труда), можетъ быть, имъ и не по сердцу. Много надо умѣнья и такта со стороны чиновъ фабричной инспекціи, чтобы и въ такихъ щекотливыхъ вопросахъ вселить въ рабочихъ уваженіе къ закону.

Конечно, отъ самихъ чиновъ фабричной инспекціи зависитъ установленіе добрыхъ отношеній съ рабочими.

Въ московскомъ фабричномъ округѣ заведенъ, наприм., такой прекрасный обычай: по извѣстнымъ днямъ фабричный инспекторъ самъ лично принимаетъ устные и письменныя жалобы и тотчасъ же постановляетъ резолюціи, какъ только черезъ своихъ помощниковъ убѣдится въ ихъ справедливости. Эта доступность, при обстановкѣ, обезпечивающей полнѣйшую искренность, даетъ рабочимъ возможность всегда найти быстрое и скорое удовлетвореніе своихъ претензій. Число жалобъ въ 1887 г. было 244, а въ 1893 г. уже около 1,200, причемъ количество жалобъ неосновательныхъ съ каждымъ годомъ становилось все меньше и меньше.

Фабричная инспекція большую пользу приноситъ рабочимъ ограниченіемъ хищничества въ харчевыхъ лавкахъ, таксиря цѣны на всѣ товары. Прежде доходы фабрикъ этихъ лавокъ доходили иногда до 50%, теперь же они спустились до 5%. Также таксируются и цѣны на жилия помѣщенія тамъ, гдѣ за нихъ взимается плата. Злоупотребленія въ харчевыхъ лавкахъ нерѣдки. Расчетъ съ рабочими сплошь и рядомъ, вопреки правиламъ, производится талонами, выдаваемыми на полученіе товаровъ изъ лавки. Такіе талоны несутся въ мѣстный трактиръ, гдѣ ихъ принимаютъ съ хорошею скидкой, наприм., 20%; за такія нарушенія закона фабриканты, конечно, штрафуются.

Фабричныя лавки приносятъ очень большіе доходы. Большая Ярославская мануфактура не пользуется барышами отъ лавки, а полностью обращаетъ ихъ на нужды рабочихъ.

Какъ важно содѣйствіе самихъ фабрикантовъ, видно, наприм., изъ того, въ какомъ положеніи находятся малолѣтнія дѣти рабочихъ. Отецъ и мать на фабрикѣ. На чьемъ попеченіи остаются ребята до 12-ти лѣтняго возраста

ста, которые еще не годятся на работу? Грудныя дѣти, лишенныя призора и надлежащаго питанія, конечно, усиленно мрутъ; брошенные на произволъ судьбы ребята нуждаются для умственнаго и тѣлеснаго развитія въ надзорѣ и попеченіи. Помочь этому могутъ только фабриканты.

Добрый починъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ Раменскою фабрикою и Жирардовскою мануфактурой въ Царствѣ Польскомъ. На каждой изъ нихъ устроены колыбельни, а въ Жирардовѣ еще приютъ для дѣтей до 6-ти лѣтняго возраста. Подобныя же учрежденія существуютъ теперь на Большой Ярославской мануфактурѣ и на нѣкоторыхъ другихъ фабрикахъ. На Раменской мануфактурѣ колыбельни для дѣтей до 3-хъ лѣтняго возраста помѣщаются въ корпусахъ, гдѣ живутъ рабочіе. Въ чистой, свѣтлой, просторной, хорошо вентилированной комнатѣ помѣщаются желѣзныя люльки, снабженныя чистымъ бѣльемъ. Молоко и бѣлье даетъ фабрика безвозмездно. На каждыя 5 люлекъ—нянька, дежурящая 2 раза въ сутки по 6 часовъ. Время отъ времени матери приходятъ кормить дѣтей, а по окончаніи смѣны уносятъ ихъ домой. Но это одна сторона дѣла. Въ серьезномъ попеченіи дѣти рабочихъ нуждаются до самаго школьнаго возраста. Если даже англійскіе рабочіе дики и развращены, то это слѣдуетъ приписать отсутствію всякаго воспитанія въ ранніе годы дѣтства. Только учрежденіемъ особаго рода воспитательныхъ учреждений при фабрикахъ можно поднять умственный и нравственный уровень рабочихъ. Жирардовская мануфактура, устроивъ такой воспитательный приютъ для дѣтей рабочихъ до 6-ти лѣтняго возраста на 300 дѣтей, въ своемъ отзывѣ департаменту торговли и мануфактуръ утверждаетъ, что ею получены вполне благопріятные результаты. Дѣти находятся подъ надзоромъ особыхъ воспитательницъ, которыя приучаютъ ихъ къ опрятности, откровенности, внушаютъ имъ понятіе о правдѣ и справедливости и развлекаютъ ихъ соответствующими играми.

Проведеніе фабричныхъ законовъ въ жизнь требуетъ, чтобы въ этому были подготовлены и сами рабочіе, — необходимо, чтобы они понимали истинный смыслъ мѣропріятій, направленныхъ къ ихъ благу. Нужно поднять ихъ умственное развитіе. Выйдя изъ школы, рабочій долженъ имѣть умственные интересы и фабрика обязана ихъ удовлетворять. Библиотека, гимнастическія упражненія, чтенія для рабочихъ, театръ, чайная (вродѣ клуба) и т. п. развлечения должны служить средствами для постояннаго развитія и оживленія скучной, однообразной жизни. Все это было заведено Раменскою мануфактурой и дало превосходные результаты. Подобныя же учрежденія возникаютъ теперь и на другихъ фабрикахъ и вездѣ рабочіе относятся къ нимъ съ полнѣйшимъ сочувствіемъ. Такъ, наприм., на фабрикѣ бр. Борзинкиныхъ, въ Ярославлѣ, при новой школѣ есть прекрасный театръ для рабочихъ, гдѣ происходятъ чтенія, концерты, спектакли. На той же фабрикѣ для рабочихъ есть особый паркъ съ помѣщеніемъ для чайной и эстрадой для оркестра, лѣтомъ играющаго два раза въ мѣсяцъ. Здѣсь же въ паркѣ устраиваются танцы. Кромѣ того, есть свой хоръ пѣвчихъ и организуется оркестръ изъ рабочихъ.

Въ настоящее время на очереди стоитъ вопросъ о сокращеніи продолжительности рабочаго дня, достигающей даже за-границей 12—14 часовъ (а въ нѣкоторыхъ странахъ до 18 и болѣе часовъ *)). Только благодаря періодическимъ стачкамъ, рабочимъ удалось добиться сокращенія рабочаго дня въ большинствѣ производствъ до 11—9 часовъ (наприм. на англійскихъ прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ). При этомъ заработокъ рабочихъ не только не уменьшился, но даже во многихъ случаяхъ увеличился. Практика повсемѣстно подтвердила извѣстное положеніе, что здоровый, бодрый рабочій производитъ больше, чѣмъ усталый, переутомленный непосильнымъ трудомъ. Съ уменьшеніемъ рабочаго дня до извѣстнаго, разумѣется, предѣла, производительность страны всегда повышается, потому что, во-первыхъ, въ устройствѣ машинъ производятся разныя улучшения въ связи съ сокращеніемъ продолжительности рабочаго дня, а, во-вторыхъ, вслѣдствіе повышенной энергіи труда самихъ рабочихъ.

За границей многіе фабриканты давно поняли это и самостоятельно, по своей собственной инициативѣ, ввели у себя сокращенные рабочіе дни. Во французской газетѣ *Justice* недавно былъ указанъ примѣръ одной манчестерской фабрики, приготавливающей электрическія машины, которая для своихъ 1,200 рабочихъ ввела въ видѣ опыта въ прошломъ году 8-ми часовой рабочій день. Несмотря на то, что заработная плата немного повысилась (0,4%), вслѣдствіе застоя въ дѣлахъ и низкихъ цѣнъ на издѣлія, была сдѣлана экономія на освѣщеніи, отопленіи и т. п., и въ общемъ, все-таки, убытковъ не было, такъ что 8-ми часовой день оставленъ и на будущее время. Общее количество выработаннаго товара возросло, благодаря большей интензивности труда, большей точности въ работѣ, меньшемъ количествѣ даромъ потеряннаго времени и пр.

Въ законодательныхъ сферахъ всѣхъ промышленныхъ государствъ есть стремленіе урегулировать рабочій день, и нѣтъ сомнѣнія, что подобнаго рода законодательный актъ скоро войдетъ въ силу.

Идеальный рабочій день, къ которому стремятся теперь всѣ здравомыслящіе и гуманные люди, это—8-ми часовой день. Сутки дѣлятся на три равныя части: одна посвящается работѣ, другая—домашнимъ и общественнымъ дѣламъ и удовольствіямъ, а третья—сну. Но до сихъ поръ 8-ми часовой день принятъ, кажется, въ Австраліи.

Въ Россіи весьма вредно отражается на здоровьи рабочихъ безтолковое чередованіе смѣнъ. Шестичасовыя смѣны нашихъ бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ, восьмичасовыя смѣны суконныхъ мануфактуръ или 12—13-ти часовая непрерывная работа такъ ослабляютъ, такъ истощаютъ рабочаго, что это отражается вредно даже на количествѣ и качествахъ выработываемыхъ продуктовъ.

Опытъ вполне доказалъ, что, при болѣе короткомъ рабочемъ днѣ, при болѣе правильной работѣ и бодромъ прилежаніи рабочихъ, увеличивается не только выработка, но и доходность самого производства.

*) *Webb & Coles*: „Восьмичасовой рабочій день“. Перев. г. Муратова. 1893 г.

Въ Россіи пока въ этомъ направленіи почти ничего не предпринимается. Законъ пока ограничиваетъ извѣстными предѣлами только рабочій день женщинъ и дѣтей.

На Говардовскихъ писчебумажныхъ фабрикахъ (Калужской губ.) при директорѣ Тимоховичѣ былъ сдѣланъ опытъ сокращенія рабочаго дня, давшій, по его словамъ, блестящіе результаты. Сокращеніе работы на 3 часа (вмѣсто 13 час., на 10) доставило фабрикамъ значительныя выгоды тѣмъ, что уменьшились расходы на освѣщеніе и движеніе машинъ, рабочіе стали бодрѣе, здоровье ихъ улучшилось, они стали заботливѣе относиться и къ работѣ, и къ дому, уменьшились пьянство и ночной разгулъ, уничтожились сами собою штрафы, сдѣлалось возможнымъ часть свободнаго времени употреблять на обученіе грамотѣ и т. д. Число рабочихъ осталось то же и, притомъ, заработки остались прежніе. Что сокращеніе числа рабочихъ часовъ не опасно для фабрикантовъ, показываетъ, между прочимъ, слѣдующій примѣръ. На одной изъ мануфактуръ женщины въ 10 час. ткуть столько же аршинъ миткаля, сколько мужчины въ 12 час. Поэтому и заработная плата дѣлится между ними поровну.

На тѣхъ же Говардовскихъ фабрикахъ, когда сократилась работа помощниковъ директора (смотрителей) тѣмъ, что, вмѣсто двухъ, было назначено три и они работали смѣнно по 8 часовъ, излишній расходъ на наемъ еще одного смотрителя быстро окупился уменьшеніемъ бумажнаго брака, болѣе исправнымъ дѣйствіемъ машинъ и вообще улучшеніемъ всего производства.

Этотъ примѣръ наглядно показываетъ, какъ неправильны и близоруки расчеты фабрикантовъ, думающихъ соблюсти экономію на администраціи. Отказываясь отъ услугъ образованныхъ и свѣдущихъ техниковъ и сокращая до невозможности число мастеровъ, смотрителей и т. п., они далеко не извлекаютъ тѣхъ выгодъ отъ производства, какія могли бы извлекать при болѣе широкомъ взглядѣ на дѣло.

Политехническое общество, состоящее при Императорскомъ московскомъ техническомъ училищѣ, въ настоящее время собираетъ справки о положеніи этого вопроса въ Россіи. Государственное вмѣшательство здѣсь крайне необходимо и его давно ждутъ въ Англіи и другихъ промышленныхъ странахъ. Въ предисловіи къ 8-ми часовому биллю, внесенному въ парламентъ 26 іюня 1890 г., Гриффисъ говоритъ: «Такъ какъ для благосостоянія всей страны желательно, чтобы за вычетомъ рабочихъ часовъ у трудящихся людей оставалось достаточно времени въ ихъ собственномъ распоряженіи, для отдыха, умственной культуры и для исполненія общественнаго и гражданскаго долга, то цѣлесообразно было бы опредѣлить закономъ продолжительность рабочаго дня».

Мы уже говорили о томъ, какъ слаба у насъ частная инициатива въ дѣлѣ улучшенія быта рабочихъ. Это наглядно выразилось, между прочимъ, въ томъ, что на первую всероссійскую гигиеническую выставку (въ Петербургѣ) лѣтомъ 1893 г. явилось всего лишь нѣсколько фабрикъ въ качествѣ экспонентовъ по фабричной гигиенѣ. Кромѣ Раменской мануфактуры,

явились лигатскія писчебумажныя фабрики (Лифляндской губ., Рижскаго уѣзда), петербургскіе костеобжигательные заводы и нѣкоторые другіе. Обстоятельно составленныя брошюры въ достаточной степени знакомятъ съ тѣмъ, что сдѣлано этими фабриками для рабочихъ.

Лигатскія фабрики расположены въ гористой, обильной лѣсами, защищенной отъ вѣтровъ мѣстности. Населеніе пользуется хорошою водою изъ естественныхъ ключей и изъ артезианскихъ колодезевъ. Вода изъ р. Лигать употребляется только для производства и приведенія машинъ въ движеніе. При фабрикахъ имѣются хорошіе дома для рабочихъ, при устройствѣ которыхъ обращено особое вниманіе на снабженіе помѣщеній достаточнымъ количествомъ свѣта и воздуха. Самая вредная работа на писчебумажныхъ фабрикахъ, это—сортировка тряпья, при которой выдѣляется такая масса отвратительной пыли, часто содержащей зародыши инфекціонныхъ болѣзней, что въ облакахъ ея не видно почти работницъ (эта работа обыкновенно выполняется женщинами). Въ послѣднее время за границей, а отчасти и у насъ тряпье передъ сортировкой выколачивается на особыхъ приборахъ (колотилки или дрешеры). На лигатскихъ фабрикахъ тряпье изъ такихъ колотилокъ выходитъ почти совершенно безъ пыли, такъ что сортировщицы отказываются надѣвать предлагаемые имъ респираторы. Въ высокихъ и свѣтлыхъ залахъ, гдѣ производится сортировка, устроена хорошая вентиляция. Чтобы пыль не заносилась съ фабрики въ дома рабочихъ, на время работы даются особые костюмы. Кромѣ того, уходя съ фабрики, рабочіе обязаны умывать лицо и руки.

На моделяхъ и фотографіяхъ лигатскихъ фабрикъ, выставленныхъ на петербургской гигиенической выставкѣ, можно было видѣть типъ жилого помѣщенія для рабочихъ. Это—отдѣльные небольшіе домики; при каждомъ кухня, кладовая, погребъ и палисадникъ съ деревьями и цвѣтами. Эти садики, служа мѣстомъ отдохновенія весной и лѣтомъ, являются предметомъ особыхъ заботъ со стороны рабочихъ. Около каждаго домика особая мусорная яма, аккуратно очищаемая распоряженіемъ администраціи. Отхожія мѣста содержатся въ строгой чистотѣ какъ при фабрикахъ, такъ и при жилыхъ домахъ. Ихъ всегда провѣтриваютъ и весьма часто дезинфицируютъ хлорною известью и карболовою кислотой, а для уничтоженія сырости и зловонія употребляютъ торфяной порошокъ.

Для нѣсколькихъ квартиръ дается особая пекарня и особая прачешная (дома воспрещено печь хлѣбы и стирать бѣлье). Есть отличная баня съ ванной, есть больница, аптека, фельдшеръ, повивальная бабка, а въ 3 верстахъ живетъ врачъ, два раза въ недѣлю посѣщающій пріемный покой. Медицинская помощь бесплатна, но за лѣкарства съ рабочихъ вычитаютъ: съ одинокихъ 15, съ семейныхъ 30 к. въ мѣсяць. Въ случаѣ какого-либо несчастія съ рабочимъ, онъ во все время болѣзни сохраняетъ полный мѣсячный заработокъ. Несчастія съ рабочими рѣдки, потому что вездѣ есть надлежащія огражденія, повсюду приняты всевозможныя мѣры безопасности, вывѣшены постановленія и правила предосторожности. Съ самаго основанія фабрикъ здѣсь не запомнятъ ни одного серьезнаго увѣчья.

Фабричная школа съ особо отведеннымъ мѣстомъ для игръ и гимнастики даетъ дневной пріютъ болѣе сотни дѣтей отъ 7 до 14 лѣтъ. Здѣсь они не только учатся, но пріучаются къ порядку и дисциплинѣ, находясь подъ постояннымъ надзоромъ двухъ учителей и одной учительницы. Не только самое обученіе, но и всѣ учебныя пособія даются бесплатно. Дѣти до 15 лѣтъ къ фабричной работѣ не допускаются. Наконецъ, на особомъ участкѣ имѣется обширная корчма для рабочихъ, гдѣ рабочіе развлекаются музыкой, танцами, театромъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что то же самое могли бы давнымъ-давно сдѣлать и другія фабрики, еслибъ немного поболѣе просвѣщенія и гуманности.

Общество костеобязигательныхъ заводовъ на ту же выставку представило брошюру съ чертежами, съ цѣлью показать, что сдѣлано этими заводами какъ по улучшенію ихъ въ санитарномъ отношеніи, такъ и по улучшенію быта рабочихъ вообще. Рабочіе получаютъ тамъ даровую медицинскую помощь, баню, прачешную. Во время эпидемій предлагается даровой чай. За 6—7 руб. въ мѣсяцъ 3 раза въ день горячая пища. Въ общихъ казармахъ каждому рабочему за 1 р. въ мѣсяцъ дается желѣзная кровать съ соломеннымъ тюфякомъ и такою же подушкой. Для семейныхъ въ казармахъ особыя отдѣленія за плату 1 р. 50 к.—3 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Есть особыя сушильни для одежды и обуви. Вода для питья изъ гороского водопровода. Ватерклозеты держатся въ чистотѣ.

Изъ болѣзней, чаще всего, у рабочихъ на мельницѣ, гдѣ дробятъ кость,—кашель и бронхитъ отъ мельчайшей костяной пыли, устранить которую вполне не удастся. Работа эта вредная, одними совершенно не переносится, другіе же выдерживаютъ ее по нѣскольку лѣтъ безъ всякихъ признаковъ какого-либо серьезнаго расстройства здоровья. Отъ респираторовъ рабочіе упорно отказываются, такъ какъ они затрудняютъ кашель и дыханіе.

Переходя теперь къ вопросу, что же собственно нужно сдѣлать для рабочихъ, мы бы полагали, что для упорядоченія быта рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и горныхъ промыслахъ, прежде всего, необходимо:

1) Завести точную регистрацію всѣхъ безъ исключенія несчастныхъ случаевъ, даже самыхъ легкихъ увѣчій и поврежденій, безъ чего нельзя получить точныхъ статистическихъ цифръ, на основаніи которыхъ можно было бы сдѣлать какіе-либо общіе выводы, заключенія и обобщенія относительно вреда той или другой профессіи и сравнительнаго благоустройства промысловъ и фабрично-заводскихъ производствъ. Затѣмъ необходима и врачебная статистика, веденіе которой должно быть возложено на фабричныхъ и промысловыхъ врачей. Они должны выяснитъ общее состояніе здоровья рабочихъ, заболѣваемость отъ общихъ и профессиональныхъ болѣзней и пр. и указать средства для устраненія вредныхъ для здоровья факторовъ.

2) Улучшить техническую и административную часть производства (усовершенствованные аппараты и машины, огражденія, надлежащій надзоръ, поручаемый образованнымъ техникамъ и свѣдущимъ мастерамъ).

3) Доставить рабочимъ достаточно просторное здоровое жилище, хоро-

шую воду, доброкачественную пищу и возможность обставить свою жизнь известными удобствами: баня, прачешная, гимнастика, какое-нибудь помещеніе для разумныхъ развлеченій въ праздничное время, гдѣ бы можно было устраивать домашніе спектакли, концерты, танцы, чтенія съ туманными картинами. Въмѣсто фабричныхъ трактировъ, гдѣ рабочіе опиваются и гдѣ ихъ обираютъ, желательно бы видѣть приличныя харчевни и чайныя, гдѣ бы рабочіе могли получать пиво, чай, закуски, достаточно доброкачественныя и за недорогую цѣну.

4) Обеспечить медицинскую помощь, даровую или по возможности дешевую. Имѣть больницу, аптеку, врача, акушерку, а при сравнительно небольшихъ фабрикахъ хотя бы фельдшера и пріемный покой для периодическихъ визитовъ врача.

5) Имѣть вспомогательныя кассы или вообще какія-нибудь учрежденія, имѣющія цѣлью обезпечить рабочаго и его семью на случай увѣчья или смерти. Желательно бы видѣть повсемѣстно страхованіе рабочихъ на случай какого-нибудь несчастія и неспособности къ труду.

6) Имѣть для дѣтей ясли, пріюты и школы, гдѣ бы за ними былъ постоянный и надлежащій надзоръ и гдѣ бы имъ прививали любовь къ труду, къ чтенію и вообще ко всякимъ полезнымъ и развивающимъ занятіямъ.

7) Для самихъ рабочихъ нужны по возможности сокращенный день и средства поднять нравственный и умственный уровень. Маленькая библиотека, газеты, публичныя чтенія и бесѣды будутъ весьма полезными для всякой фабрики, для всякаго промысла.

8) Женщинамъ дать право безъ матеріальнаго ущерба исполнять материнскія обязанности, не допускать ихъ къ работѣ во время послѣднихъ дней беременности и въ послѣродовомъ періодѣ.

Вотъ въ общихъ чертахъ почти все, наиболѣе существенное, чего можно и должно требовать отъ промышленниковъ и что они должны бы дать давно добровольно, безъ всякаго понужденія, по чувству нравственнаго долга и справедливости.

Этимъ мы и закончимъ. Въ этомъ бѣгломъ очеркѣ намъ хотѣлось только резюмировать современное положеніе фабричнаго заводскаго труда, показать, что уже сдѣлано для рабочаго и что еще остается сдѣлать. Для Россіи это дѣло еще совсѣмъ новое, но правительствомъ сдѣлано уже очень многое въ отношеніи регламентаціи фабрично-заводской и промышленной работы. Къ сожалѣнію, мало дѣлается до сихъ поръ самими промышленниками, въ большинствѣ, конечно, несочувствующими этимъ добрымъ начинаніямъ, стремящимся низвести ихъ доселѣ всеильное могущество до простого положенія «заинтересованной стороны».

Но теперь уже всякое сопротивленіе будетъ вредно для нихъ самихъ. Историческій ходъ событій неотвратимъ. Остается подчиниться новымъ вѣяніямъ и добровольно идти имъ на встрѣчу

К. Тумскій.

Судьба крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ *).

IX.

Проведеніе милютинскихъ реформъ въ жизнь.—Мѣстныя условія и отношенія Милютина къ администраціи Царства Польскаго.—Созданныя имъ новыя учрежденія.—Ихъ личный составъ.—Ихъ задачи.

Въ предыдущихъ главахъ мы изложили начала новой реформы; они были объявлены; оставалось провести ихъ въ жизнь, возростить сѣмена, брошенные законодателемъ, и не дать имъ заглохнуть или выродиться.

«Далеко не всё государственные люди,—говорить въ одномъ мѣстѣ Ю. О. Самаринъ,—одаренные блистательными способностями и широкими взглядами, охотно принимаютъ на себя эту трудную и скучную долю служебныхъ обязанностей, нерѣдко ускользящую отъ вниманія потомства. Случается часто, что стоящіе во главѣ управленія, пустивъ законъ на всѣ четыре стороны, довольствуются провозглашеніемъ широкихъ идей и многообѣщающихъ требованій, а дальнѣйшій за ними уходъ ввѣряютъ нечистымъ и неспособнымъ рукамъ. Громкое слово произнесено, дѣло какъ будто сдѣлано, и съ этой минуты участіе къ нему самихъ начинателей охладѣваетъ. Черная работа мелочного примѣненія, устраненія препятствій, разъясненія недоумѣній до нихъ какъ будто и не касаются. Что же выходитъ? Минуетъ годъ, другой и оказывается, что на практикѣ ничто не измѣнилось, ничто не улучшилось. Слово осталось словомъ; оно уцѣлѣетъ въ собраніи законовъ, какъ свидѣтельство добрыхъ намѣреній и практической немощи» **).

Болѣе всего опасались составители указовъ 19 февраля 1864 года, что именно такая судьба постигнетъ выработанную ими реформу, если имъ не удастся найти опытныхъ и надежныхъ людей для ея проведенія въ жизнь.

Въ Царствѣ Польскомъ трудности дѣла въ этомъ отношеніи усложнялись всеобщей враждебностью къ новому законодательству со стороны всей интеллигенціи страны. Мало того, что указы 19 февраля наносили по-

*) *Русская Мысль*, кн. III.

**) *Упраздненіе крепостного права въ Пруссіи*. Сочин. Ю. О. Самарина, т. II.

мѣстному сословію матеріальный ущербъ и вызывали еще большія опасенія,—реформа Милютина вырвала изъ рукъ интеллигенціи страны разъ навсегда политическое орудіе такой огромной важности, какъ аграрный вопросъ, которымъ интеллигенція эта не стѣмѣла воспользоваться въ своихъ національныхъ и патріотическихъ видахъ. Понятно поэтому, что съ ея стороны только и можно было ожидать глухой и упорной оппозиціи по вому законодательству.

Высшая русская администрація въ Варшавѣ относилась къ реформѣ, какъ мы уже упоминали, тоже весьма не сочувственно. Не больше сочувствія встрѣчали реформы Милютина и въ Петербургѣ при дворѣ, и въ министерствѣ по дѣламъ Царства Польскаго. И варшавскія, и петербургскія власти видѣли въ Милютинѣ, прежде всего, опаснаго соперника, который, съ одной стороны, «слишкомъ заслонялъ» графа Берга въ Варшавѣ и омрачалъ блескъ его намѣстническихъ прерогативъ, а съ другой—лишала своимъ вмѣшательствомъ петербургскаго министра-статсъ-секретаря той доли вліянія на польскія дѣла, которая ему законно должна бы принадлежать съ бюрократической точки зрѣнія.

Личное враждебное чувство къ Милютину переносилось, какъ водится, и на его дѣла, и на его сотрудниковъ.

При такихъ обстоятельствахъ ввѣрить дѣло проведенія реформы въ жизнь и особенно развитія ея существовавшимъ тогда правительственнымъ учрежденіямъ значило бы, безъ сомнѣнія, сдѣлать новые законы мертвою буквой.

Милютинъ хорошо понималъ это и, какъ ни тяжело ему было чувствовать себя привязаннымъ, по выраженію его французскаго біографа, къ «живому трупу Польши», онъ не рѣшился довѣрить начатое имъ дѣло въ чужія руки и остался при немъ до конца своего государственнаго поприща.

Съ нимъ вмѣстѣ рѣшился остаться князь В. А. Черкасскій. Ю. О. Самаринъ, не имѣвшій склонности къ практической административной дѣятельности, возвратился къ своимъ обычнымъ занятіямъ—къ литературѣ и публицистикѣ.

Милютинъ и Черкасскій раздѣлили между собой руководство въ дѣлѣ исполненія и развитія выработанныхъ ими реформъ такимъ образомъ, что Милютинъ, ближе стоявшій къ высшимъ петербургскимъ сферамъ и уже хорошо извѣстный самому государю, принялъ на себя, главнымъ образомъ, задачу защищать и отстаивать свое дѣло въ Петербургѣ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, Черкасскій же остался въ Варшавѣ въ качествѣ главнаго директора правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ.

Администрація Царства Польскаго имѣла въ это время весьма оригинальное, сложное и запутанное устройство *). Во главѣ мѣстнаго управ-

*) „Toute l'administration russopolonaise,—остроумно замѣчаетъ Leroy-Beaulieu,—cût puse resumer dans les trois mots: ordre, contre-ordre et désordre“. *Leroy-Beaulieu*, op. cit., p. 251.

ленія Царства стоялъ императорскій намѣстникъ. При немъ былъ новый высшій административный совѣтъ—нѣчто вродѣ комитета министровъ, членами котораго были заслуженные польскіе сановники и главные начальники различныхъ вѣдомствъ. Намѣстнику были подчинены особыя министерства, носившія названія правительственныхъ комиссій: внутреннихъ дѣлъ, духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, юстиціи, финансовъ и управление генераль-контролера и генераль-полицеймейстера Царства. Имъ подчинялись всѣ губернскія власти въ пяти тогдашнихъ губерніяхъ Царства Польскаго.

На ряду съ этими гражданскими учрежденіями дѣйствовала система военнаго управленія страной, такъ какъ Царство Польское состояло еще на военномъ положеніи. Эта военная администрація была подчинена непосредственно намѣстнику,—кромѣ, впрочемъ, Августовской губерніи, которая подчинялась виленскому генераль-губернатору,—и складывалась изъ начальниковъ военныхъ отдѣловъ въ губерніяхъ, которые имѣли власть генераль-губернаторовъ и которымъ подчинены были гражданскіе губернаторы, и изъ военныхъ уѣздныхъ начальниковъ въ уѣздахъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи еще нѣсколькихъ младшихъ офицеровъ, завѣдывавшихъ отдѣльными участками въ уѣздѣ.

Сверхъ того, въ Петербургѣ существовало особое министерство или статсъ-секретаріатъ по дѣламъ Царства Польскаго, черезъ которое проходили въ обычномъ порядкѣ всѣ законодательныя дѣла и которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, являлось какъ бы личною канцеляріей государя по польскимъ дѣламъ.

Милютинъ сталъ совершенно отдѣльно и независимо отъ всѣхъ этихъ учрежденій, имѣя свободный доступъ непосредственно къ государю и являясь какъ бы особымъ министромъ специально по дѣлу «обновленія гражданскаго быта Польши».

Но князь Черкасскій, принявъ постъ главнаго директора комиссіи внутреннихъ дѣлъ, сталъ въ положеніе, непосредственно подчиненное намѣстнику графу Бергу. Съ другой стороны, всѣ подвѣдомственные ему чиновники комиссій и всѣ мѣстныя губернскія и уѣздныя учрежденія состояли почти исключительно изъ поляковъ, настроенныхъ враждебно по отношенію къ новой реформѣ. Поэтому, несмотря на всю энергію, твердость и независимость характера князя Черкаскаго *), при всей поддержкѣ Милютина, ему одному было бы, конечно, немислимо взять на себя все дѣло исполненія новаго законодательства. Нуженъ былъ, очевидно, цѣлый штатъ подчиненныхъ дѣятелей на мѣстахъ, преданныхъ дѣлу реформы, на которыхъ возможно было бы положиться. Съ другой стороны, авторы ука-

*) О князѣ Черкасскомъ книга: *Кн. В. А. Черкасскій, его статьи, его речи и воспоминанія о немъ*. М., 1879 г. Отдѣльный некрологъ о немъ Н. П. Воронцова-Вельяминова, изд. въ Варшавѣ въ 1878 г. *Leroy-Beaulieu*: „Un homme d'etat russe“, passim. Въ *Славянскомъ Обзорнѣ* за 1892 г. переписка его съ Милютинымъ и дневникъ княгини Е. Черкасской.

зовъ 19 февраля, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ Польшѣ осенью 1863 года, тогда же убѣдились въ необходимости созданія въ Варшавѣ особаго учрежденія, достаточно сильнаго, чтобъ импонировать власти на-мѣстника и, такимъ образомъ, поставить дѣло исполненія реформы внѣ за-висимости отъ его воли.

Такимъ установленіемъ явился учредительный комитетъ, а для проведе-нія реформы на мѣстахъ—комиссары и комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ.

Оппозиція графа Берга касалась не только самого дѣла, но также и личного состава учреждений, которымъ подъ его номинальнымъ главен-ствомъ поручалось осуществленіе и развитіе новыхъ законоположеній. По-этому и составленіе учредительнаго комитета, который долженъ былъ за-сѣдать подъ его предѣдательствомъ, но, въ то же время, быть составленъ изъ лицъ отъ него независимыхъ и которыя умѣли бы дать ему, когда нужно, отпоръ,—обошлось не безъ борьбы и не безъ компромиссовъ. Ми-лютину удалось, тѣмъ не менѣе, кромѣ князя Черкаскаго, провести туда лицъ, участіе которыхъ могло обезпечить наилучшій успѣхъ крестьянскому дѣлу. Таковы назначенные по его представленію Я. А. Соловьевъ *), быв-шій его главнымъ помощникомъ по редакціоннымъ комиссіямъ и законо-дательнымъ работамъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ во время крестья-нской реформы въ Россіи, и А. И. Кошелевъ—одинъ изъ выдающихся членовъ славянофильской московской группы.

Сверхъ этихъ лицъ, въ составъ комитета вошли: сенаторъ В. А. Арци-мовичъ, бывшій членомъ совѣта управленія и вице-президентомъ откры-таго при Велепольскомъ государственнаго совѣта Царства, и назначенные по ходатайству графа Берга: Брауншвейгъ и генераль Заболоцкій. Кромѣ того, въ засѣданіяхъ комитета могли участвовать по особому приглашенію съ правомъ голоса по предметамъ ихъ вѣдомства главные директоры ком-иссій, генераль-контролеръ и генераль-полицеймистеръ Царства **).

Еще труднѣе представлялось дѣло сформированія крестьянскихъ ком-иссій. Не рассчитывая найти достаточнаго числа русскихъ дѣятелей для исполненія указовъ 19 февраля, составители ихъ ввели даже статью, ко-торая гласила, что «въ занятію должностей по крестьянскимъ дѣламъ до-пускаются и *иностранцы*, специально занимавшіеся регулированіемъ крестья-нскихъ повинностей». Статья эта имѣла въ виду предоставить, въ случаѣ надобности, возможность нанебовать исполнителей указовъ среди прусскихъ чиновниковъ, принимавшихъ участіе въ проведеніи въ жизнь прусскихъ агр-арныхъ законовъ, основанныхъ на реформахъ Штейна и Гарденберга, развитіе которыхъ закончилось въ Пруссіи въ концѣ 50-хъ годовъ. Статья эта оказалась излишней. Къ этому времени и въ Россіи явилось уже зна-чительное число дѣятелей, достаточно подготовленныхъ къ участію въ ис-полненіи милютинской реформы въ Царствѣ Польскомъ, изъ числа русскихъ

*) Его воспоминанія въ *Русск. Стар.* за 1880 г. и подробный некрологъ о немъ въ *Русск. Стар.*

***) Генераль-адъютантъ Треповъ.

мировыхъ посредниковъ перваго призыва, такъ что въ отчетѣ о ходѣ крестьянскаго дѣла за 1865 годъ Я. А. Соловьевъ находитъ уже, что «статья эта звучитъ нѣсколько странно» *). Въ началѣ 1864 года дѣло представлялось, однако, далеко не легкимъ. Первыхъ комиссаровъ пришлось на-вербовать среди офицеровъ различныхъ частей войскъ, расположенныхъ въ край и отчасти вызванныхъ изъ Россіи. Они обнаруживали, повидимому, много энергіи и большую преданность дѣлу, но были совершенно неопытны и незнакомы ни съ аграрными отношеніями края, ни съ обычными приемами администраціи. Милютину, который принялъ ближайшее участіе въ образованіи учредительнаго комитета и первыхъ кадровъ крестьянскихъ дѣятелей, пришлось самому просвѣщать ихъ **). Онъ собиралъ ихъ по вечерамъ и читалъ имъ нѣчто вродѣ лекцій по крестьянскому дѣлу, знакомя ихъ съ основами аграрной реформы и съ приемами ихъ будущей дѣятельности на мѣстахъ.

На крестьянскихъ учрежденіяхъ Царства Польскаго, созданныхъ указомъ IV-мъ 19 февраля 1864 г., лежала, по смыслу этого указа, специальная задача—вести новое законоположеніе въ дѣйствіе и, развивъ въ подробностяхъ начала, выраженные въ указахъ, примѣнить ихъ ко всѣмъ сторонамъ народной жизни. Чтò будетъ дальше, въ чьи руки попадутъ крестьянское дѣло и завѣдываніе поземельными и сельскими общественными отношеніями послѣ проведенія реформы и умиротворенія страны, указы 19 февраля не предрѣшали. Милютинъ предполагалъ еще въ то время, что послѣ проведенія реформы, когда на сценѣ польской общественной жизни появится новый дѣятель — простой народъ, возможно будетъ предоставить его самому себѣ, не виѣшиваясь во внутреннія дѣла и внутренній бытъ страны; онъ думалъ, что въ Царствѣ Польскомъ самымъ новымъ законодательствомъ будетъ создана почва для земскаго самоуправленія, и потому русскимъ крестьянскимъ учрежденіямъ, призваннымъ къ дѣятельности въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ 1863 — 1864 годовъ, придано будетъ значеніе учреждений временныхъ.

Собственно для крестьянскихъ комиссій и комиссаровъ главная задача заключалась въ проведеніи аграрной реформы и въ надзорѣ за правильнымъ устройствомъ новаго сельскаго и гминнаго самоуправленія. Съ 30 августа 1864 года къ этимъ задачамъ присоединилась забота о скорѣйшемъ открытіи сельскими и гминными сходами начальныхъ училищъ.

Задача учредительнаго комитета была значительно шире. Съ одной стороны, ему было поручено главное руководство по проведенію крестьянской реформы; съ другой — на него возлагалось всестороннее развитіе началъ, выраженныхъ въ указахъ 19 февраля, а впоследствии ему пришлось принять прямое или косвенное участіе въ выработкѣ цѣлаго ряда реформъ,

*) *О ходѣ крестьянскаго дѣла съ Ц. П.* Отчетъ третій за 1865 г. Слб., 1866 г., стр. 2.

**) *Leroy-Beaulieu*, op. cit.

такъ или иначе связанныхъ съ крестьянскою реформой. Сообразно съ этимъ, онъ вскорѣ получилъ значеніе учрежденія по преимуществу законодательнаго, а для завѣдыванія крестьянскимъ дѣломъ выдѣлилъ изъ себя особое специальное учрежденіе—центральную комиссію по крестьянскимъ дѣламъ подъ предсѣдательствомъ Я. А. Соловьева, который по званію члена, завѣдующаго дѣлами учредительнаго комитета, получилъ въ свои руки завѣдываніе всѣмъ личнымъ составомъ крестьянскихъ учреждений въ Царствѣ.

Замѣчательной энергіи и выдержанности характера Я. А. Соловьева крестьянская реформа въ Царствѣ Польскомъ обязана въ значительной степени своимъ точнымъ и быстрымъ проведеніемъ въ жизнь *).

Комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ на все Царство Польское первоначально было открыто 14. Каждая изъ нихъ должна была состоять изъ предсѣдателя, его помощника и отъ 4—8 комиссаровъ, кромѣ августовской, которая была одна на всю губернію въ очень увеличенномъ составѣ и подчинялась непосредственно виленскому генералъ-губернатору графу Муравьеву вплоть до его отозванія. 14 апрѣля 1864 года эти комиссіи отправились впервые на мѣста въ неполномъ еще составѣ (въ количествѣ 84 членовъ). Учредительный комитетъ выработалъ довольно подробную инструкцію для ихъ первоначальныхъ дѣйствій. Инструкція предписывала начать съ коллегіальнаго объѣзда ввѣренныхъ имъ участковъ, на что имъ дано было отъ 6 недѣль до 2 мѣсяцевъ времени. По прошествіи этого срока предсѣдатели комиссій должны были явиться въ Варшаву съ подробнымъ отчетомъ о всемъ видѣнномъ и о первыхъ принятыхъ мѣрахъ, послѣ чего они возвратились на мѣста съ новыми окончательными инструкціями.

Х.

Аграрная сторона реформы и ея исполненіе.—Ликвидационныя табели.—Характеръ и размѣры дѣятельности крестьянскихъ учреждений.—Результаты аграрной реформы.—Ихъ экономическое и социальное-этическое значеніе.—Зависимость ихъ отъ всего предъидущаго хода историческаго развитія Польши.—Отъ Милютина ли зависѣла форма рѣшенія аграрнаго вопроса въ Царствѣ Польскомъ?

Съ самаго начала главное вниманіе крестьянскихъ комиссій сосредоточилось на аграрной сторонѣ крестьянской реформы. Тутъ, конечно, имъ предстояли особыя трудности, происходившія и отъ запутанности аграрныхъ отношеній, и отъ необходимости весьма часто разбирать и исправлять многочисленныя отступленія и нарушенія указа 26 мая 1846 года,—съ изданія котораго прошло уже 18 лѣтъ,—и отъ столкновенія съ массою затронутыхъ матеріальныхъ интересовъ, и отъ стремленія помѣщиковъ всячески обойти новый законъ и уклониться отъ невыгоднаго его дѣйствія.

*) Объ этомъ могутъ дать понятіе его записки о ходѣ крестьянскаго дѣла, представлявшіяся имъ учредительному комитету еженедѣльно и приложенныя къ полному собранію постановленій учред. комит. въ концѣ каждаго выпуска.

Въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ дѣятельности комиссій въ 13 изъ нихъ (кромя августовской) поступило 72,481 прошеніе, изъ числа которыхъ было разрѣшено 21,480, оставалось неразрѣшенными 51,001.

Аграрная сторона крестьянской реформы по указу 19 февраля практически выражалась въ укрѣпленіи за крестьянами земель и въ ликвидаціи повинностей. Съ этою общою задачею связывался дѣльный рядъ весьма сложныхъ и запутанныхъ частныхъ задачъ. Таковыми являлись: 1) присужденіе поземельныхъ участковъ въ собственность коморникамъ и другимъ родамъ малоземельныхъ крестьянъ, не подошедшихъ подъ дѣйствіе указа 1846 года; 2) открытіе незаконныхъ обмѣновъ и опустѣвшихъ усадебъ («пустокъ») и раздача послѣднихъ безземельнымъ крестьянамъ; 3) разрѣшеніе многочисленныхъ граничныхъ споровъ какъ крестьянъ съ помѣщиками, такъ и между самими крестьянами; 4) наконецъ, опредѣленіе сервитутныхъ правъ и разборъ споровъ между крестьянами и помѣщиками о нарушеніи и превышеніи этихъ правъ.

Укрѣпленіе за крестьянами надѣла и сервитутныхъ правъ должно было по указу 19 февраля совершаться занесеніемъ въ особый документъ—ликвидационную таблицу, которая, сверхъ того, должна была заключать въ себѣ и расчетъ причитающагося помѣщикамъ ликвидационнаго вознагражденія. Документъ этотъ долженъ былъ служить для крестьянъ единственнымъ доказательствомъ и формальнымъ юридическимъ обезпеченіемъ ихъ правъ на земельный надѣлъ и угодья, приобретенныхъ въ силу указовъ 19 февраля 1864 года. Справедливо придавая ему огромное юридическое и практическое значеніе и хорошо помня поучительный примѣръ небрежнаго составленія подобныхъ же документовъ—престаціонныхъ таблицъ въ 1846 году, составители указовъ и позднѣе учредительный комитетъ отнеслись къ дѣлу составленія, повѣрки и утвержденія ликвидационныхъ таблицъ чрезвычайно серьезно. Труды тутъ приходилось потратить не мало. Для каждой деревни, для cadaго отдѣльнаго сельскаго общества должна была быть составлена особая ликвидационная таблица. Въ деревняхъ, въ которыхъ земля принадлежала нѣсколькимъ помѣщикамъ, отдѣльная таблица должна была составляться по каждому помѣстью. Составленіе проектовъ ликвидационныхъ таблицъ возложено было на самихъ помѣщиковъ, которые обязывались представить въ годичный срокъ проекты по всѣмъ деревнямъ, входившимъ въ составъ ихъ имѣній *). Повѣрка и исправленіе этихъ проектовъ и самыхъ ликвидационныхъ таблицъ лежали на обязанности комиссаровъ и крестьянскихъ комиссій, окончательное же ихъ утвержденіе—на самомъ учредительномъ комитетѣ. Содержаніе ликвидационныхъ таблицъ и порядокъ ихъ повѣрки и утвержденія были опредѣлены въ указѣ IV-мъ. Учредительный комитетъ выработалъ форму проектовъ и, сверхъ того, из-

*) Изъ отчета о ходѣ крестьянскаго дѣла въ губерніяхъ Царства Польскаго за 1865 годъ (стр. 45) видно, что въ первые 8 мѣсяцевъ поступило по всему Царству Польскому лишь 1,250 таблицъ; за двѣ недѣли до срока число ихъ простиралось до 5,265, а въ послѣднія двѣ недѣли подано было одновременно 9,734 таблицы.

дать особия подробныя наставленія какъ для составителей ликвидаціонныхъ проектовъ, такъ и для крестьянскихъ комиссій относительно повѣрки ликвидаціонныхъ табелей *).

Эта повѣрка должна была происходить непременно на мѣстѣ, въ присутствіи полнаго схода крестьянъ и понятыхъ изъ сосѣднихъ селеній. Она начиналась прочтеніемъ крестьянамъ проекта ликвидаціонной табели, представленнаго помѣщикомъ, и тѣхъ статей указа 19 февраля, которыя представляли крестьянамъ требовать возвращенія неправильно присоединенныхъ къ господскимъ полямъ «пустыхъ» и неправильно обмѣненныхъ крестьянскихъ земель.

Затѣмъ, по сличеніи проекта со всѣми документами, опредѣлявшими прежнія отношенія и права крестьянъ и по выслушаніи и разсмотрѣніи всѣхъ возраженій и заявленій крестьянъ, комиссаръ (или временное отдѣленіе комиссій) долженъ былъ удостовѣриться въ правильности внесенія въ проектъ каждой крестьянской усадьбы и относящихся къ ней сервитутовъ, а также размѣровъ вычисленнаго за нее помѣщикомъ вознагражденія.

Въ случаѣ надобности, комиссаръ могъ производить при помощи землемѣра повѣрку земельныхъ пространствъ и границъ въ натурѣ. Всѣмъ своимъ дѣйствіямъ комиссаръ обязанъ былъ вести подробнѣйшій протоколъ, въ концѣ котораго помѣщались заявленія и возраженія сторонъ противъ исправленной комиссаромъ ликвидаціонной табели и заключенія по поводу ихъ самого комиссара. Затѣмъ все дѣло со всѣми документами представлялось въ состоявшую при учредительномъ комитетѣ центральную комиссію по крестьянскимъ дѣламъ для окончательнаго утвержденія табели.

По утвержденіи ликвидаціонныхъ табелей копии съ нихъ выдавались помѣщикамъ и крестьянамъ и высылались для храненія въ мѣстныя губернскія правленія. Подлинныя табели оставались въ архивѣ учредительнаго комитета **).

Въ каждую ликвидаціонную табель записывались въ особыхъ отдѣлахъ всѣ усадебники, какъ подошедшіе подъ дѣйствіе указа 1846 г., такъ и не подошедшіе, равно всѣ пустыющія усадьбы («пустыи»), подлежащія надѣленію безземельнымъ, усадьбы колонистовъ и иностранныхъ подданныхъ и, наконецъ, усадьбы, находившіяся въ спорѣ. При каждой усадьбѣ записывался ея земельный надѣлъ; въ слѣдующихъ графахъ показывалось раздѣленіе земли на усадебную и огородную, пахотную, луговую, выгонную и неудобную. Въ особомъ отдѣлѣ записывались сервитутныя права крестьянъ, какъ принадлежавшія всему обществу, такъ и отдѣльнымъ усадебникамъ. Наконецъ, въ особой графѣ противъ каждой усадьбы показывалось

*) *Постановленія учредительнаго комитета*, т. I, стр. 318; т. II, стр. 411; т. III, стр. 306—321.

**) Архивъ этотъ перешелъ впоследствии въ земскій отдѣлъ мин. вн. дѣлъ, гдѣ находится и въ настоящее время вмѣстѣ со всѣми ликвидаціонными табелями.

причитающееся за отмѣненные повинности ликвидационное вознагражденіе по всему селенію.

Въ казенныхъ и маіоратныхъ имѣніяхъ, вмѣсто ликвидационныхъ табелей, составлялись «данныя» съ тѣми же отдѣлами и графами, опредѣляющими поземельный надѣлъ и сервитутныя права крестьянъ.

Чтобы представить себѣ ясно количество труда, которое требовалось, чтобы добросовѣстно исполнить задачу повѣрки, рассмотрѣнія и утвержденія ликвидационныхъ табелей по всему Царству Польскому, необходимо имѣть въ виду, что общее число ликвидационныхъ табелей, представленныхъ помѣщиками, было 17,400 *) и что, сверхъ того, въ Царствѣ Польскомъ было болѣе 6,000 казенныхъ селеній, по вторымъ предстояло составить, вмѣсто ликвидационныхъ табелей, данныя.

Къ этому присоединялось трудное дѣло обнаруженія «пустоекъ», т.-е. пустующихъ усадебъ, неправильно присоединенныхъ помѣщиками къ господскимъ полямъ въ періодъ времени съ 1846 по 1864 годъ. Надо имѣть въ виду, что усадьбы меньшія 3 морговъ, не подошедшія подъ указъ 1846 года, не попали въ престаціонныя и добавочныя табели и что вообще на нихъ не существовало болѣею частью никакихъ документовъ и присужденіе каждой такой усадьбы вызывало, такимъ образомъ, нерѣдко цѣлое особое изслѣдованіе, а всѣхъ такихъ усадебъ въ Царствѣ Польскомъ оказалось болѣе 112,000. Необходимо также не забывать, что въ Царствѣ Польскомъ при участковомъ землевладѣніи приходилось укрѣплять надѣлы въ особыхъ границахъ за каждымъ отдѣльнымъ усадебникомъ и крестьянскимъ учрежденіемъ надлежало разобрать всю массу граничныхъ споровъ, возникшихъ не только у крестьянъ съ помѣщиками, но и между самими крестьянами, а, между тѣмъ, число усадебъ, укрѣпленныхъ за крестьянами въ ликвидационныхъ табеляхъ и данныхъ, опредѣлялось въ 1872 г., по окончаніи всего дѣла, почтенною цифрою: 657,635 **).

Наконецъ, вопросомъ капитальной важности, доставившимъ массу хлопотъ крестьянскимъ учрежденіямъ въ Царствѣ Польскомъ, являлся вопросъ сервитутный. Требовалось точно опредѣлить сервитутныя права крестьянъ въ каждомъ имѣніи, гдѣ такія права существовали во время изданія указа 1846 года и не были законно отмѣнены особыми договорами въ періодъ времени съ 1846—1864 г. Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ учредительнаго комитета, въ 1872 г. изъ общаго числа крестьянскихъ усадебъ въ имѣніяхъ частныхъ и принадлежавшихъ различнымъ учрежденіямъ пользовались сервитутами: пастбищными—65%, лѣсными—55% общаго числа усадебъ ***).

Въ одно изъ первыхъ своихъ отчетовъ о ходѣ крестьянскаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ, Я. А. Соловьевъ, оцѣнивая дѣятельность комиссаровъ перваго призыва, замѣчаетъ:

*) *Записка о ходѣ крест. дѣла въ губерніяхъ Ц. П. за 1865 г.* Спб., 1866 г., стр. 45.

**) *Załęsky: „Statystyka porównawcza królestwa polskiego“*, стр. 85—86.

**) *Ibidem.*

«Нельзя не вспомнить съ уваженіемъ и благодарностью обо всѣхъ этихъ передовыхъ дѣятеляхъ, изъ которыхъ многіе оставили свои семейства и имѣнія и спѣшили туда, куда призывали ихъ честь и польза отечества» *).

Теперь, черезъ 30 лѣтъ послѣ реформы 1864 года, разсматривая трудъ тогдашнихъ крестьянскихъ дѣятелей, работавшихъ подъ руководствомъ Я. А. Соловьева, можно дѣйствительно сказать, что они честно и добросовѣстно исполнили возложенную на нихъ задачу поземельнаго устройства крестьянъ.

Несмотря на всякія уловки и интриги, нерѣдко пускавшіяся въ ходъ для защиты своекорыстныхъ интересовъ, подорванныхъ и нарушенныхъ указами 19 февраля, законъ былъ выполненъ на этотъ разъ строго и неуклонно, и можно, мнѣ кажется, утверждать, что собственно въ аграрномъ отношеніи крестьяне Царства Польскаго получили въ дѣйствительности все, что было имъ предоставлено указами 19 февраля 1864 года.

Настоящій объемъ аграрной реформы 19 февраля 1864 года выражается въ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ, которыя мы заимствуемъ у польскаго статистика г. Заленскаго **).

По официальнымъ свѣдѣніямъ 1859 года, всего сельскаго населенія въ Царствѣ Польскомъ было 3.639,000 душъ обоего пола. Сверхъ того, въ городахъ было еще 110,000 душъ мѣщанъ-хлѣбопашцевъ.

Изъ общаго числа сельскаго населенія приходилось:

На собственниковъ всякаго рода	6%
На крестьянъ, владѣющихъ землею, за различнаго рода повинности въ пользу главныхъ владѣльцевъ ея . . .	55%
На крестьянъ - безземельныхъ: каморниковъ, батраковъ, поденщиковъ и проч.	37%
На евреевъ-земледѣльцевъ, дворовыхъ и проч.	2½%
Всѣхъ владѣющихъ землей крестьянъ было	1.995,304 д. о. п.
Безземельныхъ	1.405,555 » » »

Изъ числа безземельныхъ приходилось:

На помѣщичьихъ земляхъ	67%
На казенныхъ.	16½%
На земляхъ загородовой шляхты.	1%
На мѣщанскихъ земляхъ.	16%

Всѣхъ крестьянскихъ усадебъ въ это время было 424,664; изъ нихъ очиншованныхъ — 148,477 (т.-е. ⅓ часть); изъ числа очиншованныхъ усадебъ только 36% приходилось на крестьянъ помѣщичьихъ, остальные отнесли къ имѣніямъ казеннымъ и маіоратнымъ.

Таково было аграрное положеніе крестьянъ до реформы.

*) Отчетъ 3-й за 1865 годъ. Слб., 1866 г., стр. 3.

**) *Zalęsky*, op. cit., стр. 85—87.

Въ 1872 году, по свѣдѣніямъ учредительнаго комитета, принятымъ г. Заленскимъ, число крестьянскихъ усадебъ въ однихъ частныхъ и институтскихъ имѣніяхъ достигало	424,735 при 5.457,250 морг. земли *)
Въ казенныхъ деревняхъ	147,360 усадебъ при 2.331,459 морг. земли.
Въ городахъ и мѣстечкахъ.	85,540 усадебъ при 497,966 морг. земли.
<hr/>	
Итого	657,635 усадебъ при 8.286,675 морг. земли.

Въ числѣ укрѣпленныхъ за крестьянами земель было:

	Въ частныхъ имѣніяхъ.	Въ казенныхъ деревняхъ.
1) Престационныхъ, т.-е. подходившихъ подъ указъ 1846 г.	74%	91½%
2) Пустошь, возвращенныхъ послѣ 1864 г.	5%	½%
3) Земель колонистовъ	13%	?
4) Общественныхъ земель	8%	?

Кромѣ того, въ новообразованныхъ деревняхъ перешло крестьянамъ изъ числа казенныхъ земель 94,960 морг.

Изъ общаго числа усадебъ пользовались сервитутами:

	Пастбищами.	На топливо.	На починку строеній.	Сгребаніе лѣсной подстилки скоту.
Въ частныхъ имѣніяхъ и институтскихъ	65%	55%	39%	21%
Въ казенныхъ деревняхъ.	3%	2%	1%	1%
Мѣщанъ-хлѣбопашцевъ	21%	9%	3%	2%
Мѣщанъ-домовладѣльцевъ	11%	6%	2%	—

Аграрная сторона крестьянской реформы 19 февраля 1864 года имѣла двойное значеніе: она освобождала крестьянина отъ той прямой матеріальной зависимости его отъ помѣщика, которая выражалась въ различнаго рода повинностяхъ, лежавшихъ на крестьянскихъ усадьбахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, она имѣла тенденцію обезпечить бытъ крестьянскаго населенія, доставляя ему нѣкоторое матеріальное благососгояніе и тѣмъ самымъ стремясь и на будущее время оградить его экономическую независимость.

Въ первомъ отношеніи радикальность и полнота самыхъ постановленій закона, а равно точность и быстрота осуществленія этого закона на практикѣ находятся, повидимому, внѣ всякаго сомнѣнія и спора. При энергичномъ и, можно сказать, блестящемъ, — по быстротѣ и точности, — проведеніи реформы въ жизнь, всякая экономическая зависимость, основывавшаяся на

*) А въ 1864 г. ихъ было 220,943 при 3.718,769 морг. земли.

остаткахъ вотчиннаго права, была немедленно и вполне уничтожена реформою 1864 года. Но что касается степени обезпеченія матеріальнаго быта польскаго крестьянства, а равно желательности той формы, въ которой оно воплотилось въ жизнь, то тутъ дѣло мнѣ представляется не въ томъ розовомъ свѣтѣ, въ какомъ оно обыкновенно изображается большинствомъ русскихъ и иностранныхъ дѣятелей реформы *).

Въ 1863 году въ Царствѣ Польскомъ изъ 3.613,212 душъ сельскаго населенія считалось 1.338,827 душъ или 37%, безземельныхъ. Въ этомъ числѣ было 548,350 душъ коморниковъ (119,444 семей), владѣвшихъ мелкими земельными участками, не подошедшими подъ указъ 26 мая 1846 г. Реформа 19 февраля укрѣпила за ними ихъ земельный надѣлъ, причемъ часть изъ нихъ получила еще дополнительные надѣлы изъ «пустокъ», возвращенныхъ крестьянскими учреждениями отъ помѣщиковъ. Изъ остальныхъ безземельныхъ крестьянъ часть также получила надѣлы изъ числа возвращенныхъ отъ помѣщиковъ неправильно присоединенныхъ ими къ господскимъ полямъ «пустокъ». Всего было роздано 291,927 морговъ 44,220 семьямъ. Наконецъ, 9,829 семействъ безземельныхъ получили надѣлъ изъ числа свободныхъ казенныхъ земель Царства.

Разсчитывалось, такимъ образомъ, что послѣ проведенія въ жизнь реформы 1864 года въ Царствѣ Польскомъ оставалось не болѣе 70,000 семействъ безземельныхъ крестьянъ.

Судя по числу вновь прибывшихъ крестьянскихъ усадебъ съ 1864 г., — а ихъ прибыло, по даннымъ учредительнаго комитета, болѣе 287,000, — проф. Симоненко полагалъ, что общее число безземельныхъ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ уменьшилось болѣе, чѣмъ на 1.000,000 душъ.

Сравнивая результаты аграрныхъ реформъ новѣйшаго времени въ Царствѣ Польскомъ, въ Познани и въ Галиціи, проф. Симоненко считалъ, между прочимъ, огромнымъ преимуществомъ реформы 19 февраля передъ познанскою реформой то обстоятельство, что первая изъ нихъ въ такой громадной степени повліяла на уменьшеніе земледѣльческаго пролетаріата, тогда какъ въ Познани, наоборотъ, именно съ крестьянской реформы 1850 г. началось сильное возрастаніе пролетаріата **). Онъ констатируетъ печальный фактъ обезземеленія въ Пруссіи многихъ мелкихъ землевладѣльцевъ, продававшихъ свои надѣлы послѣ 1850 года, и указываетъ на небывалые размѣры, которые приняла, въ то же время, эмиграція познанскихъ крестьянъ въ Америку. Все это писалось въ 1878 и 1879 годахъ и приводилось въ

*) Тутъ я имѣю особенно въ виду проф. Г. Ф. Симоненко (его труды: *Сравнительная статистика Царства Польскаго и друиыхъ европейскихъ странъ*. Варшава, 1879 г., и *Царство Польское сравнительно съ Познанью и Галиціей*. Публичныя лекціи, читанныя въ Варшавѣ въ 1878 г. и его же критическую статью о книгѣ В. Заленскаго въ IV т. *Сборника юсударственныхъ знаій*), и А. de Moller (*Situation de la Pologne au 1-er janvier 1865*. Paris, 1865), а отчасти и А. Leroy-Beaulieu (*Un homme d'état russe N. Milutine*).

**) *Сравнительная статистика*.

параллель съ блестящими результатами реформы 1864 года въ русской Польшѣ. Теперь, вѣроятно, почтенный профессор не дѣлалъ бы такой рѣзкой разницы въ положеніи вещей въ Познани и въ Царствѣ Польскомъ. Въ числѣ изданныхъ подъ его руководствомъ трудовъ варшавскаго статистическаго комитета есть V-й выпускъ, посвященный изслѣдованію эмиграціоннаго движенія въ Бразилію въ 1890 году, возникшаго и развившагося до небывалыхъ размѣровъ среди крестьянъ Царства Польскаго. Обслѣдована пока одна только Сувальская губернія; но въ ней крестьяне не бѣднѣе, а, напротивъ, зажиточнѣе, нежели въ другихъ губерніяхъ Царства Польскаго, и, между тѣмъ, констатируются тѣ самыя явленія усиленной эмиграціи и обезземеленія цѣлаго ряда крестьянъ, которыя дали ему поводъ утверждать въ 1879 году *), что «въ Познани послѣ крестьянской реформы благосостояніе большинства населенія пошло назадъ». Только въ Познани обезземеливались крестьяне, продавая свои надѣлы сосѣднимъ помѣщикамъ, а въ Царствѣ Польскомъ, въ виду существованія закона о неотчуждаемости крестьянской земли въ руки лицъ другихъ сословій, скупкой надѣловъ занимаются кулаки изъ крестьянъ, скупающіе въ однѣ руки нерѣдко по 300 морговъ и болѣе **).

Но, помимо скупки земли кулаками, классъ безземельныхъ крестьянъ долженъ постоянно возрастать въ Царствѣ Польскомъ при существующемъ законодательствѣ просто въ силу увеличенія населенія. По кодексу Наполеона, всѣ дѣти наследуютъ отцу въ равной долѣ. Поэтому каждая усадьба, остающаяся послѣ смерти отца, должна бы быть раздѣлена на равныя части между всѣми наследниками. Во Франціи такъ нерѣдко и дѣлается. Но

*) Ibid.

**) Замѣчательно, что Катковъ предвидѣлъ и съ своей точки зрѣнія привѣтствовалъ этотъ результатъ реформы 1864 года. Въ статьѣ, напечатанной въ № 45 *Московскихъ Вѣдомостей* за 1864 годъ (вошедшей въ собраніе его статей по польскому вопросу), онъ превозноситъ право, данное польскимъ крестьянамъ, продавать свои участки. Это право, равно какъ и отсутствіе круговой поруки, по мнѣнію Каткова, составляетъ великое преимущество указовъ 19 февраля 1864 года передъ русскимъ положеніемъ 19 февраля 1861 года. Восхищаетъ его это право въ виду тѣхъ послѣдствій, которыя обстоятельство это можетъ имѣть въ социальномъ отношеніи. „Въ польскихъ селахъ, — говоритъ онъ, — сохранятся чрезвычайно важное различіе крестьянъ-хозяевъ и крестьянъ-работниковъ. Этотъ порядокъ неизмѣримо выше того, который господствуетъ у насъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ каждый крестьянскій дворъ самостоятельно занимается полевымъ хозяйствомъ и въ средѣ крестьянъ искусственно поддерживается (sic!) противоположное равенство, не позволяющее образоваться тѣмъ промежуточнымъ степенямъ, которыя могли бы наполнить собой разстояніе, раздѣляющее крестьянина отъ помѣщика. Въ Царствѣ Польскомъ крестьянинъ, умѣющій хорошо хозяйничать, будетъ имѣть возможность скупать участки у своихъ сосѣдей, плохихъ хозяевъ, — возможность, которой нѣтъ у богатѣющихъ крестьянъ въ Россіи. Народное богатство должно, очевидно, выиграть отъ того, что участки могутъ сосредоточиваться въ рукахъ способныхъ и зажиточныхъ хозяевъ“.

Каткову тогда же отвѣчали въ № 10 *Дня* (отъ 8 марта 1864 г.) А. И. Кошелевъ и М. З. К. (вѣроятно, Самаринъ, судя по литературѣ псевдонима, которыми онъ пользовался еще въ 1847 году).

въ Царствѣ Польскомъ существуетъ законъ недробности крестьянскихъ надѣловъ на части меньшія 6 морговъ (3 десятины). Поэтому сплошь и рядомъ земельный надѣлъ переходитъ къ одному изъ наслѣдниковъ, а остальные получаютъ съ него свои доли деньгами. Деньги эти обыкновенно невелики и по бѣльшей части весьма легко проживаются, а обладатели ихъ становятся въ ряды обыкновенныхъ земледѣльческихъ пролетаріевъ. Со времени изданія указовъ 1864 года населеніе въ Царствѣ Польскомъ возросло очень сильно. Въ 1863 году всего населенія было 4,8 милл. душъ, а въ 1888 г. число жителей въ Царствѣ достигло 8,2 милліона. Поэтому, если предположить выѣстъ съ проф. Симоненко, что болѣе 1.000,000 безземельныхъ были надѣлены землей въ 1864—1871 гг., и даже совершенно игнорировать указанный выше путь обезземеленія крестьянъ посредствомъ скупки надѣловъ кулаками, то, при совокупномъ дѣйствіи закона о наслѣдствѣ по кодексу Наполеона и установленнаго учредительнымъ комитетомъ запрещенія дѣлить угодья на части меньшія 6 морговъ, отъ одного только громаднаго прироста населенія число безземельныхъ должно было вновь давно уже достигнуть цифры, предшествовавшей реформѣ 1864 года, и даже превысить ее.

Законъ равнаго участія въ открывшемся послѣ отца наслѣдствѣ справедливъ безусловно. Съ другой стороны, понятны побужденія, заставившія учредительный комитетъ воспретить чрезмѣрное дробленіе крестьянскихъ участковъ, вредное дѣйствіе котораго давно уже было отмѣчено при существованіи тѣхъ же гражданскихъ законовъ во Франціи. Однако, нельзя не видѣть, что созданное этими законами положеніе вещей имѣетъ свои печальныя стороны. Оно, прежде всего, прямо обуславливаетъ постоянное возростаніе класса безземельныхъ сельскихъ жителей; съ другой стороны, совокупное дѣйствіе этихъ законовъ наступаетъ лишь въ томъ случаѣ, когда наслѣдники желаютъ дѣлить оставшееся послѣ отца наслѣдство законнымъ *судебнымъ* порядкомъ. Поэтому, желая обойти запрещеніе бросить землю, крестьяне всячески избѣгаютъ формальнаго раздѣла наслѣдства, а продолжаютъ владѣть наслѣдствомъ какъ бы нераздѣльно; на самомъ же дѣлѣ раздѣляютъ наслѣдственную усадьбу на дробныя участки *частнымъ образомъ*. Это ведетъ къ цѣлому ряду злоупотребленій, семейныхъ распрей и тяжбъ и, конечно, въ концѣ-концовъ, сугубо тяжело отражается на хозяйствѣ.

Нельзя, въ то же время, не видѣть, что самая норма, принятая учредительнымъ комитетомъ при установленіи недробности надѣловъ (6 морговъ), въ сущности, ничего не обезпечиваетъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, потому что какое же возможно хозяйство на 6-ти морговомъ участкѣ? Вообще, уже при самомъ укрѣпленіи за крестьянами ихъ земельныхъ надѣловъ, размѣръ ихъ, несмотря на всю радикальность аграрной реформы, могъ обезпечить крестьянское благосостояніе лишь въ очень ограниченномъ смыслѣ.

Въ частныхъ и институтскихъ имѣніяхъ на одну усадьбу въ среднемъ въ

то время приходилось лишь по 12 м. 254 крента ($6\frac{1}{2}$ дес.). Въ казенныхъ деревняхъ средній размѣръ усадьбы достигалъ 15 м. 133 кр. ($7\frac{3}{4}$ дес.).

Въ частныхъ и институтскихъ имѣніяхъ число усадебъ менѣе 3 морговъ ($1\frac{1}{2}$ дес.) достигало 25%, отъ 3—15 морговъ—42% и болѣе 15 морговъ—лишь 32%. Въ городахъ у мѣщанъ-хлѣбопашцевъ усадебъ первой категоріи было 30%, второй категоріи—60% и третьей 10%. Въ казенныхъ имѣніяхъ менѣе 3 морговъ было 29%, отъ 3—15 морговъ—35% и болѣе 15 морговъ—35% *).

Усадьбы первой категоріи, не заключавшія въ себѣ 3 морговъ пространства, понятно, вовсе не могли обезпечивать быта крестьянъ, а давали имъ лишь, главнымъ образомъ, осѣдность. И мнѣ лично извѣстны мѣстности, вблизи большихъ заводовъ, гдѣ обладаніе подобною собственностью, не обезпечивая нисколько бытъ поселянъ, въ то же время, привязываетъ ихъ къ мѣсту и доставляетъ владѣльцу завода контингентъ готовыхъ рабочихъ, *фактически прикрѣпленныхъ къ мѣсту.*

Усадьбы второй категоріи, отъ 3—15 морговъ, представляли, конечно, матеріальное обезпеченіе болѣе солидное, но и онѣ врядъ ли могли доставить своимъ хозяевамъ возможность существовать своимъ хозяйствомъ безъ посредства стороннихъ заработковъ. Вести хозяйство и жить на такихъ усадьбахъ представляется возможнымъ лишь при наличности того огромнаго корректива къ малоземелью, который существуетъ еще въ Царствѣ Польскомъ въ видѣ сервитутныхъ правъ крестьянъ на угодыя. Особенно важны, конечно, права на пастбищный сервитутъ, дающія возможность весь наличный надѣлъ эксплуатировать подъ пашню. Вообще наличность сервитутныхъ правъ очень повышаетъ, а иногда удваиваетъ цѣнность усадьбы.

Только усадьбы третьей категоріи (болѣе 15 морговъ) могли обезпечить крестьянамъ нѣкоторое благосостояніе при благоприятныхъ условіяхъ. Но такихъ усадебъ съ самаго начала было въ Царствѣ Польскомъ изъ общаго числа крестьянскихъ усадебъ не болѣе $\frac{1}{3}$ части.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 20 лѣтъ и усадьбы значительно раздробились. Въ концѣ-концовъ, мнѣ представляется поэтому очень приложимой къ современному польскому крестьянину та характеристика, которою такъ удачно обрисовалъ Бонмеръ истинное значеніе крестьянской личной поземельной собственности во Франціи.

Крестьянинъ обладаетъ тамъ, какъ и здѣсь, только такою поземельною собственностью, которая далеко не обезпечиваетъ всѣхъ его нуждъ и потребностей. «Онъ неустанно трудится цѣлую жизнь, стараясь объ увеличеніи своего участка, но приходитъ смерть и этотъ участокъ раздробляется еще на болѣе мелкія части между его наслѣдниками. Раздѣлъ сопровождается обыкновенно большими неприяностями и ссорами. Раздѣлить землю совершенно поровну чрезвычайно трудно, часто даже невозможно, потому что

*) *Zalęsky*: „Statystyka rolnicza“, стр. 86.

разные клочки ея не одинаково обработаны, не одинакового достоинства, не годятся для воздѣлыванія однихъ и тѣхъ же продуктовъ и т. д. Но вотъ наслѣдники покончили дѣло и каждый изъ нихъ огораживаетъ свой участокъ изгородью, рвомъ, заборомъ, проводитъ границы, изолируется отъ прочихъ, всегда готовый начать процессъ со своимъ братомъ, можетъ быть, убить его, если участокъ послѣдняго захватитъ часть его земли. «Кто имѣетъ землю, тотъ воюетъ»,—говоритъ пословица. У васъ сто сосѣдей, которые всѣ обворовываютъ васъ или считаютъ себя обворованными вами. Если повѣрить имъ, то поле каждого видимо уменьшается съ года на годъ. Осторожныѣ!... Подъ ногами у васъ камень, который вы пнули,—это граница. Это отчаянiе мирового судьи, это фортуна эскуэтора, адвоката, стряпчачаго. Этотъ камень богиня Фемида положила въ основу своего храма. Уважайте этотъ камень! Вонъ видите въ сторонѣ одинокаго человѣка, наклонившагося къ землѣ, который при вашемъ появленiи на минуту останавливаетъ свой тяжелый трудъ и смотритъ на васъ со злобой и недовѣрiемъ. Если этотъ священный камень не твердо уложенъ, если ваша нога нечаянно наклонитъ его направо или налево, то немедленно начнется процессъ со всѣми своими атрибутами экспертизы, осмотра мѣстностей и т. д., что въ 10, въ 20, въ 100 разъ будетъ стоять дороже, чѣмъ спорная земля... Ни отдыха, ни покоя не знаетъ крестьянинъ. Вслѣдствiе болѣзни, которую я называю земляною болѣзнию, каждый подвергаетъ лишениямъ себя, жену, дѣтей, работаетъ безъ отдыха, медленно копить эю за эю и, все-таки, не можетъ накопить суммы, достаточной для того, чтобы купить землю сосѣда, разореннаго ростовщикомъ. У него только 100 франковъ, а земля стоить 300; нужно бы подождать, но обстоятельства не ждутъ. Что же дѣлать? Занять. И онъ обращается къ нотаріусу, къ ростовщику. Земля, послѣ года упорнаго труда, приноситъ пять или шесть %. Долги же нерѣдко удваиваются, а иногда увеличиваются еще болѣе. Начинаютъ ссориться, дурно платить, мучиться, раздражаться, ненавидѣть... Когда же, подъ тяжестью лѣтъ и упорнаго труда, тѣло крестьянина принимаетъ положенiе, замѣчаемое у извѣстнаго сорта стариковъ, у которыхъ спинной хребетъ чуть не параллеленъ съ землей, тогда, обыкновенно, онъ передаетъ свое имущество дѣтямъ, въ надеждѣ, что они успокоятъ его старость въ уплату за ихъ воспитанiе. При этомъ почти всегда обстоятельства устраниваются такъ: или отецъ, эксплуатируя страсть своихъ дѣтей и зятевъ къ землѣ, уступаетъ ее имъ за чрезвычайно высокую плату и, такимъ образомъ, устраниваетъ себѣ пожизненную ренту. Въ этомъ случаѣ онъ живетъ счастливо и умираетъ въ глубокой старости посреди дѣтей, давно уже съ нетерпѣнiемъ ожидающихъ его смерти и разоренныхъ этою тяжелою собственностью, которую они имѣли глупость принять, а, можетъ быть, даже выпросить. Или же отецъ уступаетъ свое имущество наслѣдникамъ безъ всякой хитрости и безорыстно, но только подъ условiемъ, чтобы они поочередно кормили его. Въ этомъ случаѣ подъ соломенною крышей разыгрывается печальная драма короля Лира, но Лира, у котораго нѣтъ ни Кента, ни

Корделии. Исполненный досады, будучи въ тягость себѣ и другимъ, чуждый собственнымъ дѣтямъ, онъ таскается изъ хижины въ хижину, доживая послѣдніе дни свои. Наконецъ, онъ отдаетъ свое тѣло землѣ, которую такъ любилъ» *).

Я потому привелъ здѣсь эту выписку изъ Бонмера, что она въ значительной мѣрѣ соотвѣтствуетъ личнымъ моимъ наблюденіямъ и впечатлѣніямъ, которыя я вынесъ изъ пятилѣтняго завѣдыванія крестьянскимъ дѣломъ въ одномъ изъ уѣздовъ Царства Польскаго. Конечно, картина, набросанная Бонмеромъ, односторонняя; она изображаетъ одну изнанку аграрнаго строя Франціи, его темную сторону; но эта сторона все же дѣйствительно существуетъ въ жизни и необходимо имѣть ее въ виду при разсмотрѣніи результатовъ аграрной реформы 1864 года.

Система мелкой поземельной собственности, какъ она исторически сложилась въ Европѣ, особенно во Франціи, давая человѣку такое имущество, которое даетъ ему возможность развить нѣкоторое матеріальное благосостояніе лишь при условіи поглощенія всѣхъ его силъ, стремленій и способностей и оставляетъ ему очень мало досуга для развитія своего нравственнаго благосостоянія, для развитія и роста сознанія,—эта система служить, особенно при общихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, къ развитію въ человѣкѣ грубаго матеріализма и крайняго индивидуализма, искажая и не давая развиться лучшимъ чертамъ человѣческой природы.

Такова, по моему мнѣнію, общая тенденція системы мелкой поземельной собственности, основанной на устояхъ римскаго права и *code Napoleon*. Эта тенденція можетъ, конечно, всего сильнѣе связаться тамъ, гдѣ слабо развито участіе каждаго въ общественной жизни и гдѣ нѣтъ просвѣщенія.

Эти соображенія легко могутъ, конечно, ограничить сочувствіе къ аграрной сторонѣ милютинской реформы.

Но могъ ли въ этомъ отношеніи Милютинъ сдѣлать что-нибудь другое? Его ли вина въ томъ, что въ Польшѣ царствуетъ теперь режимъ мелкой крестьянской собственности на основахъ Наполеонова кодекса?

Думаю, что нѣтъ. Было бы странно требовать отъ Милютина,—въ виду извѣстныхъ печальныхъ сторонъ системы мелкой поземельной собственности,—чтобъ онъ, вмѣсто этого режима, ввелъ въ Царствѣ Польскомъ въ 1863 году, на примѣръ, общинное землевладѣніе или произвелъ націонализацию земли. Не говоря о томъ, что въ то время печальныя черты режима мелкой поземельной собственности не были настолько выяснены, какъ теперь, и если бы даже предположить,—чего, очевидно, не было,—что Милютину онѣ были ясны и понятны, то и въ такомъ случаѣ нужно признать, что въ ту минуту, когда ему пришлось дѣйствовать въ Царствѣ Польскомъ, ему не оставалось ничего больше, какъ провести ту аграрную реформу, которую онъ провелъ въ указѣ I-мъ 19 февраля 1864 года.

*) Цитировано было въ ст. III — а: „Исторія судьбы французскихъ крестьянъ“ въ *Русской Мысли* 1880 г., кн. VII.

Передъ нимъ лежала одна великая задача того времени—освободить крестьянина отъ всякой зависимости, въ томъ числѣ и экономической, отъ помѣщика. Въ Польшѣ шестидесятъ годовъ XIX вѣка онъ могъ это сдѣлать, только укрупнивъ за крестьянами въ собственность тѣ *подворные* участки земли, которыми они *уже* владѣли раздѣльно и неотъемлемо, но только въ извѣстной зависимости отъ помѣщика. Главное значеніе и достоинство его аграрной реформы заключались въ разрушеніи этой зависимости. Тотъ аграрный строй, который освященъ указами 19 февраля, развился въ Польшѣ всѣми условіями ея тысячелѣтней исторіи и, наконецъ, прочно сложился подъ вліяніемъ Наполеонова кодекса, который удивительно припелъ тутъ ко двору, потому что онъ былъ построенъ на тѣхъ же, въ сущности, началахъ, которыя давно вошли въ правовое сознаніе польскаго народа съ европейскою цивилизаціей и римскимъ правомъ. Совершенно вѣрно характеризуетъ въ этомъ отношеніи польскій народъ г. Спасовичъ: «Въ высшей степени,—говоритъ онъ,—несправедливо было бы укорять современное общество польское въ томъ, что оно не демократично, но оно демократично по-своему. Оно ближе стоитъ къ европейскому Западу, оно крѣпче держится тѣхъ формъ идей собственности, которыя отчеканены еще римлянами и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ нѣчто неизблемое, какъ самъ писанный разумъ. Никогда на этой почвѣ не могло бы явиться ученіе, подобное тому, которое составляетъ окончательный выводъ книги Васильчикова *Земледѣліе и землевладѣніе*, что характеристическую черту и едва ли не преимущество Россіи передъ Западомъ составляетъ то, что въ ней не кристаллизировалось донинѣ и не отвердѣло въ опредѣленныхъ формахъ право поземельной собственности, что понятіе собственности еще не выдѣлилось окончательно изъ понятія владѣнія, что ему не присуще полное сознаніе правъ распоряженія и неотъемлемости имущества».

Г. Спасовичъ говоритъ это съ гордостью, мы повторяемъ это съ горечью, въ печальномъ раздумьѣ о будущемъ польскаго народа. Конечно, можно и теперъ сказать, что общество польское демократично, но оно буржуазно-демократично, если можно такъ выразиться, и врядъ ли въ этомъ можно видѣть залогъ хорошаго и счастливаго будущаго для него...

XI.

Значеніе общественной стороны крестьянской реформы.—Сравненіе имущественнаго устройства Милютина съ проектомъ маркиза Велепольскаго.—Насколько проведеніе общественной стороны крестьянской реформы соответствовало основной идеѣ реформы Милютина?—Недостатки школьныхъ реформъ и школы.—Школьная политика учредительнаго комитета.—Скудость программы начальнаго образованія.

Мы старались показать, что не отъ Милютина и его сотрудниковъ зависѣла самая форма рѣшенія аграрнаго вопроса,—она была предрѣшена въ извѣстномъ смыслѣ, именно въ духъ буржуазно-демократическомъ, и Милютинъ, дѣйствительно, иначе не могъ обезпечить крестьянамъ экономиче-

ской независимости отъ помѣщиковъ, какъ укрѣпивъ за ними въ собственность ихъ надѣлы. Онъ провелъ эту реформу въ высшей степени радикально, пользуясь благопріятно сложившимися обстоятельствами минуты, и обезпечилъ крестьянамъ Царства Польскаго максимумъ матеріальныхъ благъ, какой только возможно было тогда обезпечить за ними. Онъ не виноватъ въ дурныхъ сторонахъ системы мелкой поземельной собственности, которая несомнѣнно проявляется въ развитіи характера польскихъ крестьянъ. Но несомнѣнно, что эти послѣдствія могли быть смягчены или усилены въ зависимости отъ всѣхъ прочихъ условій частныхъ и общественныхъ быта крестьянъ, созданныхъ реформою 19 февраля. Широкое участіе въ самоуправленіи и общественной жизни, съ одной стороны, прочное и хорошо поставленное просвѣщеніе—съ другой, могли, конечно, въ значительной степени облагородить личность крестьянина и вывести ее изъ узкаго круга матеріальныхъ эгоистическихъ интересовъ, въ которомъ стремился ее удерживать режимъ мелкой собственности и ежедневныя, мелкія заботы о хозяйствѣ и матеріальномъ благосостояніи своей семьи.

Въ этомъ отношеніи имѣли особенно существенную важность проведеніе въ жизнь и послѣдовательное развитіе общественно-административной и школьной реформъ 1864 года. Содержаніе той и другой мы уже изложили. Мы указали и коренной недостатокъ школьной реформы, заключавшійся въ несоответствіи слишкомъ скудной программы преподаванія въ начальной школѣ съ тѣми задачами, которыя ей слѣдовало бы поставить сообразно съ основною цѣлью преобразованій, выставленной Милютинымъ въ 1864 году.

Устройство въ Царствѣ Польскомъ гминнаго и сельскаго самоуправленія было подвергнуто строгой критикѣ В. Д. Спасовичемъ въ его книгѣ о жизни и политикѣ маркиза Велепольскаго. Г. Спасовичъ старался доказать, что гминная реформа Милютина есть не болѣе, какъ неудачное подражаніе плану гминнаго устройства, задуманному маркизомъ Велепольскимъ, и что все, что въ ней есть хорошаго, принадлежитъ Велепольскому, а не Милютину; что вообще планъ гминнаго устройства, задуманный, но по обстоятельствамъ времени не осуществленный Велепольскимъ, гораздо выше реформы, созданной Милютинимъ и его сотрудниками. Обвиненіе въ заимствованіи у Велепольскаго относится, главнымъ образомъ, къ всесословности гмины. Г. Спасовичъ утверждаетъ, что идея всесословности гмины принадлежитъ Велепольскому и потому есть идея существенно польская. Я полагаю, что въ идеѣ этой собственно польскаго нѣтъ ровно ничего, отому что ничего подобнаго въ прежней Польшѣ не существовало, если Милютинъ дѣйствительно заимствовалъ эту идею у Велепольскаго, а Велепольскій заимствовалъ ее изъ французскаго административнаго устройства. Самый же фактъ заимствованія дѣлаетъ честь широтѣ государственнаго ума Милютина, не имѣвшаго въ себѣ ничего предвзятаго и отому съумѣвшаго оцѣнить по достоинству примѣнимость и пользу этой идеи по отношенію къ сельскому быту Царства Польскаго. Это не мѣшало

ему отнестись отрицательно къ остальнымъ частямъ плана маркиза Велепольскаго, потому что онъ находилъ его несоотвѣтственнымъ пользамъ крестьянства, относительно будущности котораго самъ онъ питалъ столь широкіе и смѣлые планы.

Разобрать значеніе милютинскаго законодательства можно двояко: можно оцѣнивать его по сравненію его практическихъ и возможныхъ результатовъ съ предшествовавшимъ положеніемъ вещей въ странѣ или съ тѣмъ, которое замышлялось польскимъ реформаторомъ, маркизомъ Велепольскимъ; можно и слѣдуетъ, съ другой стороны, при этой оцѣнкѣ имѣть въ виду руководящія виды и цѣли самого Милютина и къ проведеннымъ имъ реформамъ примѣнить непрѣмное требованіе, чтобъ онѣ соотвѣтствовали этимъ руководящимъ принципамъ, имъ самимъ выставленнымъ. Г. Спасовичъ мало этимъ интересуется и потому его критика принимаетъ характеръ довольно односторонній, причемъ самый ходъ дѣлъ и настоящее значеніе отдѣльныхъ явленій невольно искажается, чему особенно способствуетъ желаніе во что бы то ни стало оправдать политику маркиза Велепольскаго.

По роду дѣлъ, предоставленныхъ вѣдѣнію гмины, проектъ Велепольскаго мало чѣмъ отличается отъ указа 19 февраля. Какъ тамъ, такъ и тутъ гминному самоуправленію предоставлены дѣла, касающіяся распоряженія гминнымъ имуществомъ и гминнаго благоустройства. Впрочемъ, по проекту маркиза Велепольскаго, по цѣлому ряду дѣлъ, касающихся открытія новыхъ школъ, костеловъ, раскладки податей и разныхъ вопросовъ полиціи, благосостоянія, гминный совѣтъ даетъ лишь свое заключеніе, а рѣшеніе зависитъ отъ губернатора и другихъ губернскихъ учреждений. Точно также гминный совѣтъ устанавливаетъ по смѣтѣ войта ежегодный гминный бюджетъ, но рѣшеніе его и тутъ не окончательное и подлежитъ обсужденію губернскаго правленія, которое можетъ не дать своего утвержденія и представить для измѣненія въ комиссію внутреннихъ дѣлъ. Права, предоставленныя гминному сходу по указу 19 февраля, въ этомъ отношеніи значительно полнѣе и шире.

Главная разница между проектомъ Велепольскаго и указомъ 19 февраля заключается въ самой организаціи гминнаго управленія и въ составѣ гминнаго схода. Разница эта подобна той, какая существуетъ между демократіями непосредственными и демократіями представительными. Тогда какъ по указу 19 февраля рѣшеніе всѣхъ гминныхъ дѣлъ предоставлено сходу, по проекту Велепольскаго, всѣ дѣла рѣшаются гминнымъ совѣтомъ, а сходъ собирается разъ въ три года единственно только для выборовъ гминныхъ должностныхъ лицъ. Составъ схода также не одинаковъ въ обоихъ уставахъ. Тогда какъ по указу 19 февраля въ составъ его входятъ исключительно представители землевладѣнія (минимальный земельный цензъ 3 морга *), какъ крупнаго и средняго, такъ и мелкаго крестьянскаго, и исклю-

*) Г. Спасовичъ ошибочно полагаетъ, что гминный сходъ слагается изъ суммъ сельскихъ сходовъ.

чаются всё остальные обитатели гмины, живущіе на чужихъ земляхъ; по проекту Велепольскаго, въ составъ выборнаго схода входятъ, кромѣ собственниковъ земли и крестьянъ, владѣющихъ участками не менѣе 3-хъ морговъ, еще владѣльцы фабрикъ и промышленныхъ заведеній, наниматели квартиръ не дешевле 15 руб. въ годъ и лица, получающія жалованья не менѣе 90 руб. въ годъ, купцы, фабриканты, ремесленники, учителя, пенсіонеры гражданскаго и военнаго вѣдомства и, наконецъ, пріоры мужскихъ монастырей.

Нельзя, конечно, отрицать, что, при устраненіи отъ участія въ гминныхъ дѣлахъ всѣхъ этихъ категорій лицъ, въ мотивахъ Милютина играли известную роль политическія соображенія, и поскольку они играли эту роль, постольку они портили выработанную имъ систему самоуправления; но для устраненія самой многочисленной категоріи, именно нанимателей квартиръ не дешевле 15 руб. и получателей жалованья не менѣе 90 руб., у него были мотивы, независимые отъ политическихъ соображеній и достаточно вѣскіе сами по себѣ. Дѣло въ томъ, что въ составъ этой категоріи входили бы почти исключительно оффиціанты и прислуга помѣщиковъ, которые на гминномъ сходѣ представляли бы не свои собственные интересы, а интересы своего патрона помѣщика, чего совершенно справедливо не желалъ допустить Милютинъ.

По проекту Велепольскаго, на должность войта могли быть избираемы лица лишь кончившія четыре класса гимназіи или выдержавшія соответственный экзамень. Милютинъ уничтожилъ это условіе и г. Спасовичъ находить, что въ этомъ случаѣ демократическій принципъ переходитъ у него въ демагогическій. Едва ли можно согласиться съ этимъ сужденіемъ. Это условіе вмѣстѣ съ другимъ положеніемъ маркиза Велепольскаго, что всѣ гминныя должности должны быть бесплатны (только солтысы могли получать жалованье), дѣйствительно закрывало надолго доступъ къ должности войта крестьянскому населенію, чѣмъ, конечно, весьма нарушается принципъ всеословности гмины въ пользу несомнѣнно шляхетскихъ тенденцій. Въ то время (какъ и теперь, впрочемъ) между польскимъ крестьянствомъ не только не было лицъ, кончившихъ четыре класса гимназіи, но и грамотныхъ было чрезвычайно мало. Поэтому совершенно понятны соображенія чисто-демократическія, но никакъ не демагогическія, изъ которыхъ исходилъ Милютинъ, уничтожая эти два условія, имѣвшія существенно анти-демократическое значеніе.

Г. Спасовичъ упрекаетъ еще составителей указа объ устройствѣ гмины въ томъ, что они, отказавшись отъ проектированнаго Велепольскимъ новаго раздѣленія Царства на гмины, оставили старое, очень неудобное и въ основаніи котораго лежали упраздненныя вотчинныя отношенія. Но составители указа не приняли дѣленія, предложеннаго Велепольскимъ, потому что оно основывалось на соображеніяхъ съ видимымъ клерикальнымъ оттѣнкомъ, которому они не сочувствовали. Новое дѣленіе на гмины страны они полагали необходимымъ сдѣлать послѣ тщательнаго изслѣдованія

всѣхъ мѣстныхъ условій и опираясь, главнымъ образомъ, на промышленныя, административныя и инныя мѣстныя выгоды и удобства жителей. Дѣло это было поручено учредительному комитету, который его и исполнилъ черезъ 1½ года, послѣ чего число гминъ было уменьшено на половину.

Вотъ тѣ упреки милютинскому законодательству о гминномъ самоуправленіи, которые ему сдѣланы г. Спасовичемъ и основаны, главнымъ образомъ, на сравненіи его системы съ планомъ маркиза Велепольскаго. Этого рода критика, по моему мнѣнію, не опасна милютинской реформѣ. Мнѣ кажется, что эта реформа можетъ съ честью выдержать сравненіе съ реформой, предложенной маркизомъ Велепольскимъ.

Для насъ гораздо важнѣе теперь поставить и рѣшить вопросъ, насколько созданная и приложенная къ дѣйствительной жизни реформа привела и могла привести къ достиженію высокой и благородной цѣли, поставленной самимъ П. А. Милютинымъ.

Съ этой точки зрѣнія довольно широкая компетенція, предоставленная гминнымъ и сельскимъ сходамъ въ дѣлахъ мѣстнаго благоустройства, какъ и самая организація гминныхъ учреждений, представляется, конечно, цѣлесообразной. Особенно важно въ этомъ отношеніи полное и частное сохраненіе въ гминномъ устройствѣ демократическаго элемента при соблюденіи, въ то же время, начала всесословности. Если справедливо, что, при современномъ устройствѣ представителей интеллигентнаго элемента въ деревнѣ, помѣщикъ часто можетъ быть подавленъ на сходѣ крестьянскимъ элементомъ, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что онъ будетъ подавленъ не въ качествѣ представителя интеллигенціи, а въ качествѣ представителя помѣщичьихъ интересовъ. Давать ему въ этомъ отношеніи, тѣмъ или другимъ способомъ, какое-либо преимущество передъ крестьянами было бы несправедливо и нарушало бы существенно демократическій принципъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что помѣщикъ, проникнутый не своекорыстными, а народными интересами и симпатіями, всегда можетъ найти на гминномъ сходѣ поддержку и возможность послужить народному дѣлу. Такіе случаи существуютъ и вообще войты-помѣщики не представляютъ совершенно исключительнаго явленія въ Царствѣ Польскомъ даже и теперь, при цѣломъ рядѣ другихъ неблагоприятныхъ условій. Съ этой стороны реформа еще удовлетворила, повидимому, намѣченной цѣли.

Но уже въ самомъ указѣ 19 февраля заключались пункты, чрезвычайно разившіеся впоследствии, которые стояли въ прямомъ противорѣчій съ предположенною цѣлью. Таково было вообще положеніе гминнаго управленія по отношенію къ другимъ уѣзднымъ и губернскимъ властямъ и учреждениямъ и, въ частности, то невозможное положеніе выборныхъ гминныхъ должностныхъ лицъ, въ которое ихъ ставилъ указъ 19 февраля по отношенію къ уѣздной полиціи.

Свободное демократическое устройство низшихъ административныхъ единицъ гминныхъ и сельскихъ общинъ, при сохраненіи строго бюрократическаго устройства всѣхъ высшихъ уѣздныхъ и губернскихъ инстанцій, за-

включаетъ въ себѣ нѣчто существенно-ненормальное, подрывающее прочность и возможность развитія самоуправляющихся общинъ. При такомъ устройствѣ и при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было гарантій отъ начальническаго произвола стоящихъ надъ ними властей, гминное самоуправленіе не могло, конечно, свободно развиваться. При подчиненіи его контролю и прямому начальству бюрократической администраціи, безотчетной по отношенію къ управляемымъ, немыслимо удержать эту послѣднюю отъ произвольнаго вмѣшательства во всѣ дѣла подвѣдомственныхъ ей гминъ. Это вмѣшательство можетъ быть весьма благонамѣреннымъ, но оно, тѣмъ не менѣе, а иногда даже тѣмъ болѣе, будетъ помѣхой къ свободному развитію самоуправляющихся по закону общинъ.

Милютина и даже кн. Черкаскаго, который гораздо дальше, нежели Милютинъ, отошелъ отъ первоначально выставленныхъ принциповъ политики въ Царствѣ Польскомъ, никогда не оставляла мысль о необходимости созданія въ Царствѣ Польскомъ самоуправленія уѣзнаго и губернскаго *). Мысль эта, однако, не получила осуществленія и по мѣрѣ умиротворенія страны—въ противность первоначальнымъ намѣреніямъ—шансы на ея осуществленіе не увеличивались, а уменьшались.

Гминныя учрежденія подчинены были, по указу, уѣздному начальнику, который имѣлъ право дисциплинарной власти надъ выборными должностными лицами гмины и могъ ихъ наказывать замѣчаніями, выговорами, денежными штрафами и арестомъ до 7 дней.

Первые выборы поручено было организовать военно-полицейскимъ властямъ, а не крестьянскимъ учрежденіямъ; въ обработанной для нихъ учредительнымъ комитетомъ инструкціи рекомендовалось имъ прямое вмѣшательство въ самое существо дѣла, хотя и съ соблюденіемъ извѣстныхъ формъ. Это обуславливалось политическимъ состояніемъ страны, бывшей еще на осадномъ положеніи въ виду продолжавшихся еще волненій, но врядъ ли это могло способствовать развитію самостоятельности выборныхъ учреждений.

7 декабря 1866 г. гр. Бергомъ были утверждены правила о разграниченіи правъ и обязанностей между бургомистрами, земскою стражей и гминными войтами.

Статьями 13 и 15 этихъ правилъ сельскіе и гминные сходы и выборныя должностныя лица гминныхъ учреждений прямо были отданы подъ надзоръ земскимъ стражникамъ, т.-е. низшимъ чинамъ уѣздной полиціи.

Произвольность уѣздной полиціи по отношенію къ гминному и сельскому самоуправленію, правда, былъ нѣсколько ограниченъ контролемъ крестьянскихъ учреждений, возложенныхъ на нихъ особенно позднѣйшими циркулярами Я. А. Соловьева. Но этотъ контроль являлся лишь нѣкоторою палліативною поправкой къ ненормальному положенію дѣлъ.

*) Сравн. переписку кн. Черкаскаго съ Милютинимъ, напечатанную въ *Славянк. Обзор.* 1892 г. и Leroy-Beaulieu (op. cit.).

Крестьянскія учрежденія подъ управленіемъ учредительнаго комитета, призванныя къ опредѣленной дѣятельности, одухотворенной извѣстнымъ принципомъ, сознание котораго въ нихъ жило еще при Милютинѣ и Соловьевѣ, дѣйствовали въ то время согласно этому руководящему принципу. Они охраняли, насколько могли, самостоятельность гминнаго самоуправленія отъ уѣздной администраціи, разъясняли сходамъ ихъ настоящія права и обязанности и стремились къ увеличенію числа школъ, склоняя сельскіе и гминные сходы къ открытію новыхъ училищъ. Но съ закрытіемъ учредительнаго комитета и превращеніемъ крестьянскихъ комиссій въ губернскія присутствія подъ предсѣдательствомъ губернатора и съ подчиненіемъ ихъ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, ихъ миссіонерская задача кончилась, и они стали въ общій разрядъ бюрократическихъ учреждений, дѣятельность которыхъ вездѣ имѣетъ одинъ и тотъ же характеръ. Въ настоящее время контроль и опека крестьянскихъ учреждений можетъ предохранить иногда гминныя учрежденія отъ нѣкоторыхъ злоупотребленій власти, но врядъ ли можетъ способствовать развитію сознания и самостоятельности среди крестьянскихъ обществъ и гминныхъ сходовъ.

При такомъ положеніи дѣла понятна та апатія и отсутствіе интереса къ общественнымъ дѣламъ, которыя проявляются среди освобожденнаго польскаго крестьянства теперь, спустя 30 лѣтъ послѣ реформы 1864 г.

Въ бытность мою комиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ въ одномъ изъ уѣздовъ Царства Польскаго, я самъ имѣлъ случай неоднократно убѣдиться, какъ трудно иногда бываетъ составить сходы для обсужденія какого-либо дѣла въ требуемомъ закономъ составѣ. Мнѣ извѣстны случаи привлеченія къ суду лицъ, имѣющихъ право участвовать въ сходѣ, за неявку на сходы. Уѣздной администраціи приходится, такимъ образомъ, принудительно заставлять свободныхъ людей пользоваться своимъ правомъ участвовать въ общественныхъ дѣлахъ, близко касающихся пользы и нужды гмины,—печальный результатъ реформы, долженствовавшей вывести на историческую сцену крестьянство, какъ самостоятельный общественный классъ, какъ сознательную политическую силу.

Въ связь съ этимъ положеніемъ дѣла слѣдуетъ поставить развитіе элементарнаго образованія въ странѣ, которое обуславливаетъ и объясняетъ отношеніе крестьянъ къ своимъ общественнымъ правамъ и обязанностямъ. По отношенію къ дѣлу народнаго образованія въ началѣ учредительный комитетъ обнаружилъ значительную энергію и интересъ. Въ первый же годъ своего существованія онъ занялся выработкой нормальныхъ штатовъ для сельскихъ училищъ и старался различными мѣрами облегчить крестьянамъ и гминнымъ сходамъ дѣло открытія новыхъ училищъ. Норма для жалованья учителямъ была чрезвычайно повышена не только по сравненію съ существовавшею по уставамъ 1833 и 1840 годовъ, но даже и въ сравненіи съ установленной по новому уставу маркиза Велепольскаго 8 мая 1862 г. Для училищъ въ 50 учениковъ норма эта была опредѣлена въ 150 руб., для училищъ въ 80 и болѣе учениковъ—въ 200 р., тогда

какъ по уставу 8 мая 1862 г. она не превышала 60 руб. въ годъ. Чтобы для крестьянъ норма эта не оказалась слишкомъ тяжелою, было постановлено согласно указу 30 августа 1864 года выдавать изъ казны въ пособіе вновь открываемымъ школамъ въ теченіе первыхъ 10 лѣтъ ихъ существованія отъ 75—100 руб. ежегодно. Для покрытія издержекъ по этому предмету внесено въ бюджетъ Царства особою статьею 50,000 руб. Сверхъ того гминнымъ и сельскимъ сходамъ предоставлено просить объ отпускѣ изъ казенныхъ дачъ лѣса, на постройку училищныхъ домовъ, по половинной противъ таксы цѣнѣ, на сумму до 100 руб. Предоставлено также право на пользованіе топливомъ изъ ближайшихъ казенныхъ лѣсовъ тѣмъ училищамъ, которыя существовали до указа 30 августа 1864 года и не пользовались денежнымъ пособіемъ отъ казны. Для училищъ же вновь открываемыхъ пользованіе топливомъ изъ казенныхъ лѣсовъ дозволено въ теченіе 10 лѣтъ бесплатно или по той цѣнѣ, по которой топливо отпускалось крестьянамъ казенныхъ имѣній. Кроме того, примѣнительно къ ст. указа 30 августа 1864 г. было признано необходимымъ назначить въ распоряженіе начальниковъ учебной дирекціи для пособій нуждающимся школамъ по 10,000 р. ежегодно. Въ виду донесеній, полученныхъ отъ крестьянскихъ комиссій, что высокая норма жалованья учителямъ, установленная учредительнымъ комитетомъ, несмотря на помощь казны, стѣсняетъ многія сельскія общества, учредительный комитетъ призналъ возможнымъ допустить въ видѣ временной мѣры открытіе новыхъ училищъ съ низшими противъ установленной нормы средствами въ тѣхъ деревняхъ, которыя очень удалены отъ существующихъ уже школъ, если только начальникъ учебной дирекціи признаетъ, что обезпеченіе новаго училища достаточно для безостановочнаго и правильнаго хода преподаванія.

Черезъ посредство крестьянскихъ учрежденій учредительный комитетъ всячески старался внушить крестьянамъ необходимость открытія возможно большаго числа школъ, причемъ крестьянскимъ комиссіямъ было, между прочимъ, предложено, въ случаѣ неимѣнія въ селеніяхъ свободныхъ мѣстъ для постройки школы, отводить особыя школьныя усадьбы изъ свободныхъ земель изъ числа «пустокъ» отобранныхъ у помѣщиковъ.

Въ виду всѣхъ этихъ мѣръ дѣло открытія новыхъ училищъ двигалось довольно успѣшно.

Въ концѣ 1864 года, ко времени изданія указа 30 августа, число наличныхъ школъ въ Царствѣ Польскомъ было 1,123 *).

*) Между губерніями эти школы распредѣлялись чрезвычайно неравномѣрно. Въ Варшавской губ. ихъ было 637, причемъ на каждую школу приходилось 2,492 жителя; въ Радомской губ. всѣхъ начальныхъ училищъ было 162 и на каждое приходилось 5,929 жителей; въ Плоцкой губ. было 97 училищъ и на каждое приходилось 5,890 жителей; въ Люблинской губ. находилось 152 начальныхъ школы, причемъ на каждую приходилось 6,456 человекъ жителей. Наконецъ, въ Августовской губ. всѣхъ училищъ было всего 75 и на каждое причиталось 8,615 жителей, т.-е. въ 3¼ раза болѣе, чѣмъ въ Варшавской губерніи. Изъ всѣхъ этихъ школъ около половины (549) были въ городахъ и только 580 приходилось на сельское населеніе Царства. Притомъ по

Въ 1 января 1866 г. уже было вновь открыто 317 школъ и составлены крестьянами приговоры объ открытіи еще болѣе 400 училищъ. Такимъ образомъ, въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ дѣятельности въ Царствѣ Польскомъ учредительнаго комитета число начальныхъ школъ возросло съ 1,123 до 1,800.

Живо интересуясь, такимъ образомъ, особенно въ началѣ своей дѣятельности, увеличеніемъ числа начальныхъ училищъ въ Царствѣ Польскомъ и стараясь всячески упрочить и улучшить ихъ матеріальное положеніе, учредительный комитетъ, въ то же время, почти не касался внутренней стороны дѣла. Онъ мало интересовался самою постановкой школьнаго дѣла и ничего не сдѣлалъ для улучшенія и расширенія системы преподаванія въ начальныхъ школахъ. Мы видѣли уже, насколько скудна была программа преподаванія въ начальныхъ училищахъ, установленная указомъ 30 августа 1864 г., и какъ мало отвѣчала эта программа первоначально поставленной цѣли въ дѣлѣ крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ. Казалось бы, учредительному комитету, прежде всего, надлежало пополнить этотъ недостатокъ, но вышло совершенно иначе. Въ этомъ отношеніи учредительный комитетъ съ самаго начала обпаружилъ участіе лишь къ отрицательной сторонѣ дѣла. Въ противность широкой и великой идеѣ, одушевлявшей въ 1863 г. составителей указовъ 19 февраля, учредительный комитетъ усвоилъ себѣ въ этомъ отношеніи узко-политическую точку зрѣнія. Съ самаго начала «онъ обратилъ вниманіе на устраненіе вредныхъ на учащуюся молодежь вліяній и на поддержку въ крестьянахъ благотворнаго настроенія и расположенія къ приобрѣтенію полезныхъ въ его быту свѣдѣній». Въ этихъ видахъ признано было, между прочимъ, необходимымъ не допускать къ исправленію учительскихъ должностей «людей съ какимъ-либо исключительнымъ направленіемъ», какъ, наприм., членовъ различныхъ монашескихъ орденовъ и религиозныхъ обществъ, особенно многочисленнаго общества фелиціановъ, спеціально занимавшихся религиозно-патріотической пропагандой. Въ тѣхъ же видахъ онъ подвергъ строгому пересмотру и цензурѣ существовавшіе въ то время учебники при посредствѣ комиссіи народнаго просвѣщенія. Этимъ его дѣятельность по отношенію къ дѣлу постановки преподаванія въ начальныхъ училищахъ и кончилась. Въ слѣдующіе годы интересъ его къ дѣлу развитія народнаго образованія ослабѣваетъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что тутъ допущена была съ самаго начала капитальная ошибка, которая сама по себѣ могла совершенно исказить дѣло предпринятой Милютинимъ реформы. Съ теченіемъ времени ошибка эта укоренилась и интересъ къ распространенію образованія въ освобожденномъ крестьянствѣ видимо ослабѣлъ. Причина заключалась въ общей перемѣнѣ политики нашей въ Царствѣ Польскомъ.

губерніямъ число городскихъ училищъ увеличилось въ той мѣрѣ, въ какой уменьшалось общее число училищъ. Въ Варшавской губ. на 220 городскихъ школъ было 417 сельскихъ, въ Радомской на 109 городскихъ всего 53 сельскихъ, въ Плоцкой на 51 городскихъ—46 сельскихъ, въ Люблинской на 111 городскихъ—41 сельское, наконецъ, въ Августовской губ. на 52 городскихъ—28 сельскихъ.

XII.

Перемѣна общаго направленія въ политикѣ нашей въ Царствѣ Польскомъ и отраженіе этого обстоятельства на судьбахъ крестьянской реформы. — Борьба съ полонизмомъ въ Царствѣ Польскомъ и переходъ къ руссификаціи. — Перемѣны въ административномъ устройствѣ страны и въ системѣ народнаго просвѣщенія. — Значеніе этихъ перемѣнъ для крестьянской реформы и перемѣна взглядовъ на желательную роль крестьянства.

Мы видѣли, съ какими идеями отправились въ Царство Польское Милютинъ и его сотрудники въ 1863 году. Согласно этимъ идеямъ, были имъ задуманы великія реформы, въ ряду которыхъ указы 19 февраля должны были составить лишь первый шагъ и результатомъ которыхъ должно было явиться такое обновленіе народнаго быта, которое вывело бы крестьянство на историческую сцену, въ качествѣ сознательнаго и свободнаго общественнаго класса. Но самъ Н. А. Милютинъ, проникнутый этою идеей, въ приложеніи ея уже допустилъ крупную ошибку въ постановкѣ начальнаго образованія, которое, очевидно, должно бы было явиться первостепеннымъ факторомъ въ дѣлѣ ея осуществленія. Вскорѣ послѣдовали дальнѣйшія отклоненія отъ первоначально предположенной системы политики. Мы видѣли, что та политическая доктрина, которой придерживался Милютинъ, отправляясь въ Польшу, совершенно различала польскій вопросъ въ старинныхъ русскихъ областяхъ Западнаго края отъ того же вопроса въ Царствѣ Польскомъ. Въ западныхъ губерніяхъ весь вопросъ сосредоточивался на борьбѣ съ полонизмомъ, какъ западнымъ, латинскимъ просвѣтительнымъ началомъ, которое грозило порабощеніемъ русской, бѣлорусской, малорусской и литовской національностей западныхъ губерній. Въ Царствѣ Польскомъ задача русской политики сводилась тогда къ подавленію вооруженнаго возстанія и къ широкой крестьянской реформѣ. О полонизмѣ и борьбѣ съ нимъ въ самомъ Царствѣ Польскомъ въ началѣ не было и рѣчи.

Но, явившись въ Царство Польское съ своими преобразовательными видами, русскіе реформаторы встрѣтили тамъ, какъ и слѣдовало ожидать, глухую вражду со стороны всей интеллигенціи страны.

Познакомившись ближе съ положеніемъ дѣлъ въ провинціяхъ Царства Польскаго и съ составомъ ея населенія, они увидали, что составъ этотъ далеко не однороденъ, что въ самомъ Царствѣ Польскомъ есть цѣлыя поселенія, вовсе не принадлежащія къ польской народности и значительная часть которыхъ, наоборотъ, русскаго происхожденія, что часть эта еще сохранила языкъ и отличительныя черты своей національности и даже слѣды своей древней религіи. Они увидали, что въ Царствѣ Польскомъ длится еще та же вѣковая работа и дѣятельная борьба полонизма, на сопротивленіи которой построена была вся наша политика въ Западномъ краѣ.

Бнязь Черкасскій, принявшій въ 1864 г. въ свои руки завѣдываніе внутренними дѣлами Царства, сильно увлекся этими обстоятельствами, и они скоро склонили его къ политикѣ, очень приближавшейся къ той, которая осуществлялась Муравьевымъ въ западныхъ губерніяхъ и рѣзко отли-

чалась отъ идей, высказывавшихся по отношенію къ Царству Польскому въ славянофильскомъ *Днѣ* въ 1863 и 1864 гг. На путь борьбы съ полонизмомъ въ самомъ Царствѣ Польскомъ русскіе реформаторы вступили, предпринявъ преобразование патроната католическихъ церквей и принявъ репрессивныя мѣры по отношенію къ католическимъ монастырямъ, бѣльшая часть которыхъ была закрыта. Но особенно сильно желаніе противодѣйствовать полонизму въ самомъ Царствѣ Польскомъ выразилось въ мѣрахъ, принятыхъ по народному образованію.

Съ этой именно точки зрѣнія Милютинъ подвергъ тщательному и строгому разбору принципы маркиза Велепольскаго, положенные въ основаніе устава 8 мая 1862 г., въ которомъ Милютинъ усматривалъ не безъ основанія клерикальныя и полонизаторскія тенденціи. Милютинъ, какъ мы видѣли, признавалъ, что въ дѣло народнаго просвѣщенія не должна была вовсе вмѣшиваться политика. Но, полагая, что русское правительство должно отказаться разъ навсегда отъ мысли пользоваться народнымъ образованіемъ для проведенія политическихъ цѣлей, онъ считалъ справедливымъ не допускать, въ то же время, въ этой области никакихъ клерикально-полонизаторскихъ тенденцій. Въ этихъ именно видахъ онъ принялъ принципъ тщательнаго охраненія самобытности каждой народности, живущей въ предѣлахъ Царства Польскаго. Выставляя этотъ принципъ, онъ, конечно, тѣмъ самымъ выступалъ на борьбу съ полонизмомъ. Занятое имъ пока только оборонительное положеніе не долго было выдержано. Князь Черкасскій уже въ 1864 г. сознательно переходитъ въ наступленіе въ мѣстностяхъ, населенныхъ руссинами, и у него является уже мысль поднять уніатскій вопросъ. Въ отношеніи князя Черкаскаго къ директору комиссіи народнаго просвѣщенія Ѳ. Ѳ. Витте отъ 1 января 1865 г. является уже рѣзко выраженная идея «оградить русско-уніатскій край отъ посягательства на него полонизма». Мѣры, принятыя въ уніатскихъ мѣстностяхъ, служили какъ бы переходнымъ шагомъ. Слѣдующій шагъ былъ принятъ въ 1866 году, когда дѣло народнаго образованія перешло въ руки министерства народнаго просвѣщенія, министромъ котораго былъ графъ Д. А. Толстой, возвратившійся по отношенію къ Царству Польскому къ идеямъ, близкимъ къ уваровскимъ. Въ этомъ году, вмѣсто предположенныхъ Милютинимъ отдѣльныхъ учебныхъ заведеній для каждой народности, приняты смѣшанныя гимназіи съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ нѣкоторыхъ предметовъ. Въ видѣ мотива выставлялись соображенія, что для евреевъ не стоитъ открывать отдѣльныхъ гимназій, а, между тѣмъ, нельзя отдать ихъ на жертву полонизму. Въ 1867 году въ комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго откровенно была высказана мысль о ненормальности смѣшанныхъ школъ и о необходимости отказаться отъ системы поддержки отдѣльныхъ національностей. Былъ сдѣланъ пересмотръ дѣйствовавшаго законодательства и прямо рѣшено было перейти къ преподаванію въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ. Одновременно съ этимъ попечителю учебнаго округа было предложено за-

мѣщать учительскія вакансіи преимущественно русскими. Такъ нечувствительно совершился переходъ отъ оборонительной политики противъ полонизма къ наступательной системѣ обрусенія, которая къ концу 70-хъ годовъ доведена была до того, что даже во всѣхъ частныхъ заведеніяхъ преподаваніе всѣхъ предметовъ, въ томъ числѣ польскаго языка и литературы и католическаго Закона Божія, было введено на русскомъ языкѣ.

Въ гимназахъ и селахъ попытки ввести русскій языкъ въ дѣлопроизводство гминныхъ учреждений и въ начальныхъ училищахъ, какъ предметъ преподаванія, начались еще въ 1868 году. При этомъ было выставлено мотивомъ, что гминныя училища будто бы служатъ переходомъ къ гимназіи, гдѣ всѣ предметы будутъ преподаваться по-русски.

Мы позволили себѣ это небольшое отступленіе въ виду того, что перемѣна общаго направленія въ нашей политикѣ въ Царствѣ Польскомъ имѣла могущественное отраженіе на судьбѣ крестьянской реформы. Борьба, разъ начавшись, отразилась даже на аграрной сторонѣ предпринятыхъ преобразованій: такъ, при раздачѣ безземельнымъ казенныхъ земель, въ учредительномъ комитетѣ явилась мысль часть этихъ земель употребить на привлеченіе на нихъ нѣмецкихъ колонистовъ и русскихъ раскольниковъ, какъ противовѣсъ полонизму. При разсмотрѣніи этого дѣла въ 1865 г., въ учредительномъ комитетѣ только одинъ изъ членовъ, В. А. Арцимовичъ, энергически возсталъ противъ этой мысли. Ему пришлось остаться по этому дѣлу при особомъ мнѣніи.

Въ 1866 году Милютинъ, носившій въ это время званіе министра по дѣламъ Царства Польскаго, былъ неожиданно пораженъ апоплексическимъ ударомъ и устранился отъ дѣлъ. Князь Черкасскій оставилъ тогда свой постъ. Изъ ближайшихъ сотрудниковъ Милютина остался въ учредительномъ комитетѣ одинъ только Я. А. Соловьевъ, который сосредоточилъ свои силы на проведеніе въ жизнь аграрной реформы. Завѣдываніе другими дѣлами изъ рукъ идейныхъ дѣятелей перешло въ руки обыкновенныхъ чиновниковъ. Въ 1867 году закрыты были особыя комиссіи внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ, народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ и дѣла ихъ переданы въ надлежація министерства. Такимъ образомъ были стерты послѣдніе слѣды административной автономіи Царства.

Учредительный комитетъ, окончивъ свое главное дѣло—проведеніе аграрной реформы, былъ закрытъ въ 1871 г. Завѣдываніе крестьянскимъ дѣломъ перешло въ министерство внутреннихъ дѣлъ. вмѣсто крестьянскихъ комиссій, учреждены губернскія присутствія, состоящія изъ уѣздныхъ комиссаровъ подъ предсѣдательствомъ губернатора. Для центрального завѣдыванія дѣломъ первоначально была открыта при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ временная комиссія по крестьянскимъ дѣламъ Царства Польскаго, а затѣмъ дѣла эти сосредоточены съ 1884 года въ нѣсколькихъ дѣлопроизводствахъ земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ.

Никакихъ выборныхъ земскихъ учреждений въ уѣздахъ и губерніяхъ Царства Польскаго до сихъ поръ не открыто. Гминное управленіе остав-

лено, попрежнему, въ полномъ подчиненіи уѣздной полиціи. Дѣло начальнаго образованія осталось на точкѣ замерзанія. Оно и понятно. Крестьяне, предоставленные матеріальнымъ интересамъ, относятся къ этому дѣлу весьма пассивно. Помѣщики, не желая ставить себя въ зависимость отъ полицейскихъ властей, мало принимаютъ участія въ гминныхъ дѣлахъ, а къ начальнымъ училищамъ по понятнымъ мотивамъ не обнаруживаютъ никакого интереса и участія. Крестьянскія учрежденія тоже не имѣютъ теперь къ начальнымъ училищамъ никакого отношенія, такъ какъ завѣдываніе ими сосредоточено въ рукахъ начальника учебной дирекціи, который, будучи одинъ на губернію, конечно, и не можетъ относиться къ дѣлу иначе, какъ формально. Но теперь и правительству нѣтъ основанія такъ интересоваться этимъ дѣломъ, какъ это должно бы быть въ случаѣ послѣдовательнаго исполненія первоначальной программы Милютинна. Оно ставитъ себѣ теперь инныя цѣли. Инкорпорация Царства Польскаго совершилась вполнѣ и на очереди стоять вопросы болѣе прочнаго слиянія его съ имперіей.

Милютинъ, желавшій вывести на сцену польское крестьянство, какъ самостоятельную и сознательную общественную силу, необходимо долженъ былъ стремиться къ возможно большому и скорѣйшему развитію народнаго образованія. Если онъ ничего не сдѣлалъ къ достиженію этой цѣли, то лишь въ силу слабо и ошибочно выработанной программы начальныхъ училищъ. Но онъ не опасался и ему нечего было опасаться доставить крестьянству какое угодно умственное развитіе, потому что онъ искалъ въ немъ свободнаго элемента, который могъ бы и желалъ бы сознательно служить опорой русскому правительству, какъ представителю и проводнику тѣхъ государственныхъ задачъ, которыхъ не сумѣло осуществить шляхетское правительство самостоятельной Польши. Теперь уже безъ всякаго противорѣчія политикѣ, нынѣ дѣйствующей, начальной школы въ Царствѣ Польскомъ ставится задача дать учащемуся лишь тѣ свѣдѣнія, какія ему непосредственно могутъ быть полезны въ его быту.

Въ заключеніе формулируемъ нашъ взглядъ на конечные, современные намъ, результаты милютинской реформы. Мы видѣли, съ какими замыслами онъ отправился въ Царство Польское въ 1863 году. Еслибъ онъ осуществилъ эти замыслы, еслибъ онъ провелъ крестьянскую реформу въ томъ направленіи, въ какомъ онъ задумалъ ее въ 1863 году со своими сотрудниками, еслибъ онъ и, особенно, его сотрудники не увлеклись борьбой съ полонизмомъ и не уклонились бы отъ предначертанной цѣли,—онъ совершилъ бы великое дѣло.

Милютинъ, пораженный болѣзью, сошелъ со сцены ранѣе окончанія предпринятаго дѣла, его ближайшіе преемники повели его совершенно въ другомъ направленіи. Но и ранѣе этого самъ Милютинъ и его ближайшіе сотрудники уклонились отъ предначертаннаго пути. Увлечшись борьбой съ полонизмомъ, они усвоили себѣ идею полной инкорпорации и отъ нея послѣдовательно, шагъ за шагомъ, перешли и къ идеѣ русификаціи края. На эту задачу ушли всѣ силы русскихъ, привлеченныхъ

ими въ страну. Дѣла въ краѣ получили совершенно иное направленіе. Нечувствительно самый взглядъ на сущность крестьянскаго вопроса и смыслъ крестьянской реформы измѣнился. Онъ приблизился къ точкѣ зрѣнія на крестьянскій вопросъ графа Муравьева и польскихъ революціонеровъ, которые смотрѣли на него просто какъ на выгодное политическое орудіе огромной силы, посредствомъ котораго можно достигъ пораженія противной стороны. Сообразно съ этимъ измѣнились и самые методы политики. Теперь уже не думали о томъ, чтобы вывести на историческую сцену крестьянство, какъ свободный и самостоятельный элементъ общественной жизни; на него смотрѣли просто какъ на матеріальную силу, могущую быть полезной, для чего требовалось удовлетворять его матеріальные аппетиты.

Сообразно такому взгляду на вещи дѣло реформъ значительно умалилось.

Полное и законченное развитіе получила лишь аграрная ея сторона — та, которая направлялась на удовлетвореніе матеріальныхъ аппетитовъ. Начала самоуправленія, выраженные во II-мъ указѣ, не получили дальнѣйшаго развитія, и сама идея самоуправленія въ значительной степени, если не совершенно, исказилась вслѣдствіе той власти, которая была дана въ гминныхъ дѣлахъ уѣздной полиціи, ничего общаго съ самоуправленіемъ не имѣвшей. Къ дѣлу проsvѣщенія мѣстная администрація также охладѣла — по указаннымъ выше причинамъ.

Но, можетъ быть, не сдѣлавъ крестьянство вполне сознательнымъ, независимымъ общественнымъ классомъ, крестьянская реформа устроила ихъ быть, обезпечила имъ ихъ благосостояніе, сдѣлала ихъ жизнь если не свободною и не сознательною, то, все-таки, счастливою? Можетъ быть, бѣдшаго для нихъ не нужно и желать? Если бы подъ счастьемъ народа мы понимали одно лишь матеріальное благосостояніе, то и въ такомъ случаѣ мы могли бы признать благодѣтельное дѣйствіе милютинской реформы только условно, съ тѣми ограниченіями по отношенію къ системѣ мелкой земельной собственности и къ величинѣ крестьянскаго надѣла, которое было указано выше. Въ этомъ отношеніи мы должны, конечно, признать, что Милютинъ тутъ сдѣлалъ максимумъ того, что онъ могъ сдѣлать по обстоятельствамъ времени и мѣста.

Мы видѣли въ началѣ настоящаго изслѣдованія степень экономической зависимости, силу фактической кабалы, въ которой находился польскій крестьянинъ во времена дореформенныя. Мы должны поэтому признать, что мѣрами русскаго правительства, именно указомъ 26 мая 1846 года и особенно указомъ 19 февраля 1864 г., съ него сняты оковы, ранѣе на немъ бывшія. Мы должны признать также, что это законодательство положило несомнѣнное основаніе развитію его матеріальнаго благосостоянія...

Но признать, чтобъ эти законы такъ, какъ они осуществлены были на практикѣ, были благодѣтельны или даже просто удовлетворительны съ болѣе широкой точки зрѣнія, мы не можемъ. Не можемъ потому, что положеніе, ими созданное, не обезпечивало польскому крестьянину развитія въ немъ и вокругъ него всѣхъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ складывается

не матеріальное, а нравственное благосостояніе человѣка, всего того, чѣмъ красна человѣческая жизнь въ наше время.

Въ концѣ-концовъ, обстоятельства такъ сложились, что положеніе, созданное совокупнымъ дѣйствіемъ французскаго и русскаго законодательства въ Польшѣ, не только не обезпечиваетъ, но прямо мѣшаетъ развитію въ польскомъ крестьянинѣ всего того, что дорого намъ въ современномъ человѣкѣ. Обезпечивая ему развитіе одной лишь матеріальной стороны его быта и потребностей, весь созданный въ Польшѣ, строй направленъ къ тому, чтобы развить въ крестьянинѣ одни матеріальныя побужденія, которыя, при полномъ отсутствіи истиннаго просвѣщенія и независимости личности, несомнѣнно поддерживаются и воспитываются въ немъ постояннымъ сознаніемъ той опеки и покровительства, которыя онъ находитъ въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, имѣющихъ своею задачей защищать исключительно его матеріальные интересы.

Польскій крестьянинъ несомнѣнно чувствуетъ теперь за собой известную опору въ борьбѣ за матеріальные интересы, но у него нѣтъ настоящаго самостоятельнаго участія въ дѣлахъ общественныхъ даже своей гмины, ни истиннаго просвѣщенія.

А я думаю, что, по самой человѣческой природѣ, всегда будетъ плохо человѣку, обстоятельствами поставленному въ центрѣ экономической борьбы за матеріальное благосостояніе, когда онъ будетъ чувствовать за собой известную матеріальную опору, но когда темнота и отсутствіе независимости личности будетъ удерживать въ состояніи недѣятельности и апатіи лучшую сторону человѣческой души—ея стремленіе къ развитію и сознательному участію въ міровой жизни, къ просвѣщенію и любви.

А. Корниловъ.

Главные течения русской исторической мысли XVIII и XIX столѣтій *).

У.

Въ то время, какъ Карамзинъ работалъ надъ своею *Исторіей юсударства Россійскаго*, въ положеніи русской исторической науки произошли очень крупныя перемѣны. Чѣмъ была эта наука до выступленія Карамзина? Нѣсколько знатныхъ любителей, нѣсколько иностранныхъ профессоровъ и нѣсколько учениковъ, отправленныхъ академіей за границу,—вотъ и весь нашъ *populus historicorum* конца прошлаго столѣтія. Послѣ Карамзина картина какъ бы волшебствомъ измѣняется. Мы видимъ цѣлое ученое сословіе историковъ, официально существующее историческое общество, специальный историческій журналъ и массу историческихъ статей въ неспеціальныхъ журналахъ, живую работу детальнаго изслѣдованія съ постояннымъ обмѣномъ мыслей, съ письменною и печатною полемикой. На извѣстномъ разстояніи отъ этихъ явленій впечатлѣніе получается такое, какъ будто весь этотъ быстрый разцвѣтъ учености произведенъ *Исторіей юсударства Россійскаго*. Немудрено, что именно такой выводъ и сдѣлали панегиристы историографа. За *Исторіей* Карамзина было, такимъ образомъ, надолго упрочено значеніе эры въ русской историографіи.

Въ наше время, однако, все болѣе выплываетъ изъ-подъ спуда дѣятельность современниковъ, потонувшая въ лучахъ славы *Исторіи юсударства Россійскаго*. вмѣстѣ съ тѣмъ становится все яснѣе, что то, что казалось причинною связью, есть не болѣе, какъ простое хронологическое совпаденіе. Въ нашей исторической наукѣ, дѣйствительно, совершился переворотъ въ эти немногіе годы. Любопытство диллетанта быстро уступило въ ней мѣсто научному интересу изслѣдователя; и задачи, и приемы изслѣдованія совершенно видоизмѣнились. Но это быстрое развитіе науки шло не *черезъ Исторію юсударства Россійскаго*, а *мимо* нея. Всматриваясь внимательнѣе въ составъ новаго поколѣнія изслѣдователей, мы не найдемъ

*) *Русская Мысль*, кн. У.

между ними ни одного ученика Карамзина, хотя нѣкоторые изъ нихъ, съ появленіемъ *Исторіи государства Россійскаго*, и сдѣлались,—съ большими или меньшими оговорками,—ея поклонниками. Исторіографъ держалъ этихъ своихъ поклонниковъ-спеціалистовъ въ почтительномъ отдаленіи, спсходительно пользуясь ихъ матеріалами, замѣчаніями и поправками, но не давая почти ничего взаимнъ. Уже по этой причинѣ онъ не могъ имѣть учениковъ и долженъ былъ остаться въ сторонѣ отъ текущаго движенія ученой жизни. Припомнимъ, что къ тому же приводили и вѣшнія условія его ученой дѣятельности. Все время сочиненія своихъ первыхъ восьми томовъ онъ провелъ въ заперти, въ подмосковной деревнѣ, а остальные годы до своей смерти прожилъ въ Петербургѣ, далеко отъ Московскаго университета и отъ тѣхъ сферъ, гдѣ сосредоточивалась ученоя работа и ученый обменъ мыслей.

Такимъ образомъ, чтобы установить преемственную связь явленій нашей исторіографіи, мы должны оставить въ сторонѣ исторіографа и его исторію и обратиться къ дѣятельности его современниковъ,—болѣе скромной, конечно, но за то носившей болѣе очередной характеръ въ развитіи нашей науки. Писать *исторію*, пока не собраны, не очищены, не изданы источники, казалось большинству этихъ современниковъ сумасброднымъ предпріятіемъ; взятыя за него—значило для нихъ отступить отъ строгихъ требованій критической исторіи, установившихся въ русской наукѣ со времени Шлепера. Не историческій рассказъ, а критическія изданія источниковъ были, съ этой точки зрѣнія, ближайшею задачей русской исторической науки.

Восемнадцатый вѣкъ завѣщалъ въ этомъ отношеніи девятнадцатому два начатыхъ, но неоконченныя предпріятія: изданіе лѣтописей и изданіе актовъ. Оба предпріятія и становятся исходными точками ученой работы нашего столѣтія.

Мы видѣли, что первую задачу, критическое изданіе лѣтописей, поставилъ Шлеперъ еще въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка. До конца вѣка знаменитый критикъ оставлялъ выполненіе этой задачи за собой самимъ. Издавая въ началѣ XIX вѣка своего *Нестора*, онъ самымъ ходомъ работы долженъ былъ, однако, убѣдиться, что критическое изданіе въ собственномъ смыслѣ ему не удалось; ему приходилось довольствоваться сознаніемъ, что онъ первый далъ понять русскимъ ученымъ, что такое критическое изданіе. Мы знаемъ также, какъ понималъ Шлеперъ причины своей неудачи. «У меня было мало списковъ»,—говорилъ онъ. Такимъ образомъ, отысканіе новыхъ списковъ и новое «очищенное» изданіе лѣтописнаго текста—таковы были тѣ задачи, которыя Шлеперъ готовъ былъ завѣщать русскимъ ученымъ. Представивъ (въ 1803 году) государю черезъ гр. Н. П. Румянцева первые два тома *Нестора*, нѣмецкій ученый весьма кстати вспомнилъ о своихъ «знаніяхъ и опытности», которыя онъ можетъ передать русскимъ изслѣдователямъ въ обменъ на орденъ св. Владиміра и дворянское званіе, которыхъ онъ добивался. Въ началѣ 1804 г. министръ просвѣщенія гр. За-

вадовскій доложилъ государю, что «извѣстный свѣту по своимъ обширнымъ въ Россійской исторіи свѣдѣніямъ» Шлецеръ выразилъ желаніе «соучаствовать съ русскійскими учеными въ критическомъ изданіи древнихъ русскихъ лѣтописей». Врядъ ли министръ самъ высоко ставилъ такую задачу. Въ частной корреспонденціи онъ признавался однажды, что вся древняя исторія Россіи кажется ему сказками и что «писателю просвѣщенному довольно было бы одной страницы, чтобы наши всѣ матеріалы на времена до Петра Великаго вмѣстить въ одну». Но императоръ Александръ I повелѣлъ Завадовскому составить для выполненія цѣли, поставленной Шлецеромъ, особое общество «при одномъ изъ ученыхъ сословій» въ Россіи; и министръ, во исполненіе воли Государя, обратился къ М. Н. Муравьеву, попечителю Московскаго университета. Самъ любитель и писатель по русской исторіи *), Муравьевъ далъ ходъ предложенію Завадовскаго и академическій совѣтъ университета, «внемля съ благоговѣніемъ царско-патріотическому высоко-монаршему желанію», обѣщала «употребить всю дѣятельную ревность въ предприемлемомъ дѣлѣ, дабы оказаться не недостойными высокаго благорасположенія» попечителя. Такъ появилось на свѣтъ Московское Общество исторіи и древностей русскійскихъ. Первымъ председателемъ общества былъ ректоръ Чеботаревъ, присяжный ораторъ на торжественныхъ университетскихъ собраніяхъ. По русской исторіи онъ читалъ лекціи въ университетѣ, руководясь воззрѣніями Шлецера; въ Москвѣ за нимъ утвердился даже эпитетъ «руководителя Шлецера въ русскійской исторіи», любезно данный ему германскимъ ученымъ. Другими членами общества были нѣсколько профессоровъ университета, не имѣвшихъ почти никакого отношенія къ русской исторіи, и нѣсколько любителей и специалистовъ по русской исторіи, не имѣвшихъ почти никакого отношенія къ дѣятельности общества: прежде всего самъ Шлецеръ, «приглашенный въ содѣйствіе, сколько по отсутствію своему можетъ онъ опытностію своею способствовать», затѣмъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ, счастливый и безцеремонный собиратель рукописей, мало знакомый съ своими собственными сокровища-

*) „Муравьевъ не былъ, собственно, литераторъ, а человѣкъ общественный по преимуществу, и то, что вышло изъ подъ его пера, есть плодъ урывчатыхъ досуговъ его во время воспитанія великихъ князей (Александра и Константина Павловичей)“. „Образованіе его было гораздо обширнѣе и положительнѣе, а, слѣдовательно, характернѣе, самостоятельнѣе и оригинальнѣе, нежели образованіе Карамзина, и потому Карамзинъ не могъ не подчиниться вліянію такого человѣка“. А. Старчевскій: „Русская истор. литература“, первой полов. XIX в. Карамзинскій періодъ съ 1800 до 1820 г. въ *Библиотекѣ для Чтенія* 1852 г., т. 111, стр. 3. Писатель-моралистъ, Муравьевъ и на исторію смотрѣлъ преимущественно съ моралистической точки зрѣнія, но формулировалъ эту точку зрѣнія гораздо глубже и сознательнѣе Карамзина. Исторія для него „не есть безполезное знаніе маловажныхъ приключеній“... она „представляетъ народы, проходящіе постепенно различныя возрасты и состоянія, которые находятся между грубости дикаго... и между просвѣщеніемъ гражданина“; „тѣ токмо происшествія заслуживаютъ все наше вниманіе, которыя были степенями или прѣпятствіями народнаго восхожденія отъ дикости и невѣжества къ просвѣщенію и знаменитости“. *Полное собраніе сочиненій М. Н. Муравьева*, ч. II, стр. 3, 110.

ми; Н. Н. Бантышъ-Каменскій, усердно копѣвшій надъ рукописями своего архива; другой, болѣе чиновный, чѣмъ ученый представитель архива министерства иностранныхъ дѣлъ, А. Ѳ. Малиновскій, наконецъ, историографъ, державшійся того мнѣнія, что «десять обществъ не сдѣлаютъ того, что сдѣлаетъ одинъ человекъ, совершенно посвятившій себя историческимъ предметамъ». Впрочемъ, и по званію «почетныхъ членовъ» послѣдняя группа не обязана была принимать ближайшаго участія въ работахъ общества.

Таковы были наличныя силы, съ которыми въ 1804 году началась дѣятельность перваго въ Россіи историческаго общества. Занятія, предстоявшія обществу, носили характеръ служебнаго порученія, которое приходилось выполнять безотлагательно. Поэтому въ первомъ же засѣданіи были установлены принципы критическаго изданія лѣтописей, — на первый разъ Нестора. Рѣшено «собрать все самыя древнія и подлинныя рукописи» и, «взявъ за основаніе древнѣйшій изъ всехъ манускриптовъ, какъ ближайшій къ подлиннику и менѣе другихъ испорченный писцами», отпечатывать по листу для разсылки членамъ, затѣмъ черезъ двѣ недѣли послѣ разсылки собираться, прочитывать сообща «поправки и примѣчанія» членовъ, потомъ «утверждать по всемъ суду самый лучший и вѣрнѣйшій текстъ» и печатать его окончательно, съ необходимыми вариантами и объясненіями. Древнѣйшимъ наличнымъ текстомъ былъ печатный (по Венигсбергскому списку); но присутствовавшій на засѣданіи Мусинъ-Пушкинъ объявилъ, что онъ «изъ любопытства» сличалъ изданіе съ рукописнымъ спискомъ и нашелъ ошибки и даже пропуски. Рѣшено было поэтому выписать подлинный списокъ изъ академіи наукъ и ходатайствовать о доставленіи другихъ древнихъ лѣтописныхъ текстовъ изъ государственныхъ и монастырскихъ хранилищъ. Наконецъ, общество выражало готовность сдѣлать выписки изъ древнихъ и сѣверныхъ писателей, *«если источники, т.-е. древніе тѣ писатели, начиная съ Геродота, со всеми греческими, римскими и сѣверными писателями доставлены будутъ сему обществу»*.

Какъ видимъ, научная цѣль и приемы дѣятельности были приняты вполне шлецеровскіе, но общество собиралось практиковать эти приемы, какъ и опасался Шлецеръ, самымъ наивнымъ «канцелярскимъ порядкомъ». Однако же, при всей неподготовленности, обнаруженной обществомъ, поднятый имъ вопросъ о древнѣйшихъ спискахъ лѣтописи вызвалъ усиленные поиски въ хранилищахъ, и важные результаты этихъ поисковъ не замедлили обнаружиться. Благодаря имъ, приведены были въ извѣстность два древнѣйшіе списка Лаврентьевской лѣтописи (Троицкой лавры и Мусина-Пушкина); на нихъ и рѣшилъ основать свое критическое изданіе предсѣдатель Чеботаревъ. Первый, кто воспользовался новымъ открытіемъ, былъ, какъ мы уже знаемъ, Карамзинъ.

При извѣстномъ намъ составѣ общества, вся работа по изданію лѣтописи должна была лечь на единственное лицо, несшее отвѣтственность за дѣятельность общества и, въ то же время, не лишенное нѣкоторыхъ исто-

рических свѣдѣній: на Чеботарева, ученика и «учителя» Шлецера. Коллективное участіе членовъ въ предпріятомъ изданіи, кажется, скоро сдѣлалось фиктивнымъ; засѣданій не бывало иногда по цѣлому году. За шесть лѣтъ (1804—1810) Чеботаревъ напечаталъ всего 80 страницъ лѣтописнаго текста. «Служба», возложенная на общество, очевидно, не выполнялась, и въ 1810 году общество попало высшую административную кару: оно было официально закрыто. Закулисную исторію этого закрытія разсказалъ недавно историкъ первыхъ годовъ общества, Н. А. Поповъ. Оказывается, что, невинные въ историческихъ упражненіяхъ, члены общества были виновны въ излишней приверженности къ Карамзину. Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, обвинялъ ихъ новый попечитель университета, П. И. Голенищевъ-Кутузовъ, масонъ поздѣвскаго кружка, ополчившійся на Карамзина, какъ на распространителя въ Россіи «якобинскаго яда». вмѣсто стараго, закрытаго общества, Кутузовъ подобралъ себѣ кружокъ ближайшихъ своихъ друзей, еще болѣе далекихъ отъ исторической науки, чѣмъ члены стараго общества. Правда, въ концѣ-концовъ, ему пришлось принять и старыхъ (за исключеніемъ Чеботарева и трехъ «отказавшихся» профессоровъ), и въ предсѣдатели былъ выдвинутъ человекъ, который могъ быть пріятель объѣмъ партіямъ,—богачъ П. И. Бекетовъ. Но Карамзинъ послѣ того пересталъ ходить на засѣданія, а Мусинъ-Пушкинъ демонстративно потребовалъ назадъ свою Лаврентьевскую лѣтопись и заявилъ Кутузову, что отошлетъ ее въ Петербургъ. Эту угрозу онъ, дѣйствительно, исполнилъ. Рукопись была поднесена государю и отдана затѣмъ на храненіе въ Публичную бібліотеку.

Директоръ бібліотеки, А. Н. Оленинъ, предпріялъ изданіе Пушкинскаго списка по всѣмъ правиламъ палеографіи *). Петербургское предпріятіе становилось, такимъ образомъ, на дорогу московскому. Изданіе лѣтописи (правда, не «критическое»), для котораго и было создано общество исторіи, какъ бы формально передавалось правительствомъ въ руки другого ученаго учрежденія. Естественно, Кутузовъ сдѣлалъ все возможное, чтобъ удержать въ рукахъ московскаго общества изданіе Пушкинскаго списка. Старое изданіе Чеботарева, печатавшееся, кромѣ Пушкинскаго, по Троицкому и Кенигсбергскому списку, было брошено на десятомъ листѣ. Новое изданіе, спеціально по Пушкинскому списку, поручено было проф. Тимковскому, который со всевозможною поспѣшностью приготовилъ пробѣренную копію съ этого списка. Оригиналъ былъ отданъ затѣмъ Мусину; печатаніе же производилось по копіи. Въ 1811—12 годахъ, до нашествія французовъ, Тимковскій успѣлъ отпечатать 13 листовъ. Въ пожарѣ Москвы копія съ Пушкинскаго списка и приготовленные для изданія варианты погибли и изданіе окончательно остановилось. Правда, возобновляя свою дѣятельность въ 1815 году, общество попыталось вытребовать снова изъ Петер-

*) Сужденія Тимковскаго по поводу проекта „буквальнаго“ изданія лѣтописи см. въ запискахъ Калайдовича: *Лѣтописи русской литературы*, изд. Н. Тахоравовымъ, т. III (М., 1861 г.), стр. 95.

бурга Пушкинскій списокъ, но безуспѣшно. Публичная библіотека отказала выслать оригиналь, а снятіе списка министр считалъ бесполезнымъ, «ибо въ началѣ будущаго года, вѣроятно, окончится печатаніе Лаврентьевскаго списка, производящееся при самой библіотекѣ, и тогда отъ общества будетъ зависѣть—издать списокъ по печатному экземпляру съ своими примѣчаніями, ежели оно признаетъ то нужнымъ» *). Въ виду этого отвѣта, общество постановило «напечатанные 13 листовъ издать въ свѣтъ въ такомъ видѣ, какъ они есть, съ прописаніемъ причинъ, почему оное изданіе не можетъ быть продолжаемо». Этимъ общество официально слагало съ себя вину за невыполненіе первоначальной своей задачи.

Какъ бы предчувствуя эту неудачу, Кутузовъ при самомъ возстановленіи общества расширилъ рамки его дѣятельности. Мы не говоримъ о тѣхъ матеріальныхъ приобрѣтеніяхъ реставрированнаго общества, которыя дали поводъ проф. Буле пожелать, «чтобы Кію столько же ему благопріятствовала, сколько помогаетъ оному предсѣдательствующій его московскій Плутосъ». Но, уничтоживши старое общество за его бездѣятельность, попечитель долженъ былъ, во что бы то ни стало, показать плоды ученой дѣятельности *своего* общества. Новые члены общества, по уставу, обязывались объявить каждый тему своихъ занятій; за ходомъ этихъ занятій и за посѣщеніемъ засѣданій устанавливался строгій контроль, а неисправные могли быть исключаемы изъ списка членовъ. Помимо первоначальной цѣли—критическаго сличенія лѣтописей, дѣятельность общества должна была заключаться въ разработкѣ объявленныхъ темъ, въ ежемѣсячныхъ засѣданіяхъ съ рефератами, въ собираніи вещественныхъ памятниковъ, наконецъ, въ изданіи *Актовъ* общества и особаго отъ этихъ актовъ журнала, посвященнаго преимущественно изданію историческихъ документовъ.

Чтобы заполнить эти вновь проектированныя, широкія рамки дѣятельности, нужно было запастись рабочими силами, а силъ этихъ у ближайшихъ друзей Кутузова было не больше, чѣмъ у сотоварищей Чеботарова по философскому факультету. На двухъ профессоровъ тогдашняго университета можно было разчитывать, какъ на дѣятельныхъ сотрудниковъ: на Тимковскаго и на Каченовскаго. Усердный чиновникъ, Тимковскій готовъ былъ считать недоброжелателей попечителя «недоброжелателями общественнаго блага» и могъ, въ угоду Кутузову, сличить и исправить въ 6 дней одиннадцать листовъ лѣтописнаго текста. Ему, какъ мы видѣли, и было поручено изданіе Пушкинскаго списка. Отъ Каченовскаго, болѣе независимаго, можно было, самое большее, ожидать рефератовъ для ежемѣсячныхъ засѣданій и статей въ *Акты* общества. Всего этого было мало. Надо было привлечь къ дѣлу молодя, незанятая еще силы. Вотъ почему во второе же засѣданіе преобразованнаго общества въ среду чиновныхъ и сановитыхъ членовъ его введенъ былъ ученикъ Тимковскаго, только что окончившій

*) *Чтенія Общ. Ист. и Др.* 1884 г., т. I. Н. А. Поповъ: „Исторія Имп. общ. ист. и др.“, *Записки и труды общ. ист. и др.*, т. II (М., 1824 г.), стр. 14, 21 и 22.

курсъ восемнадцатилѣтній Калайдовичъ. У молодого кандидата, вѣроятно, уже созрѣло желаніе, высказанное имъ три года спустя, «всю жизнь свою посвятить русской исторіи и особенно древностямъ и дипломатикѣ». Тимковскій усердно поддерживалъ въ немъ эти стремленія, имѣлъ въ виду для него университетскую карьеру и совѣтовалъ готовиться къ магистерскому экзамену *). Съ молодымъ сочленомъ можно было не церемониться, и на него навалили самую тяжелую и черную часть работы: предположенное изданіе журнала. Какъ торопились съ изданіемъ первыхъ плодовъ дѣятельности общества, видно изъ того, что къ первому годичному собранію (13 марта 1812 г.) 6 листовъ перваго тома *Достопамятностей* и 15 листовъ *Актовъ* общества были уже готовы. Нашествіе французовъ остановило дѣятельность общества и въ этомъ направленіи. Отпечатанные листы пролежали до 1815 года, когда засѣданія общества возобновились. Вся тяжесть изданія легла тогда опять на Калайдовича. Въ октябрѣ 1814 г. Калайдовичъ дѣлаетъ въ своемъ дневникѣ характерную записку: «Съ мѣсяць назадъ присылалъ за мною г. попечитель (Бутузовъ). Я къ нему явился. Угрозы и брань за медленность въ изданіи на меня посыпались. Я, будучи не самъ отъ себя виноватъ, ибо почти всю весну прострадалъ жестокимъ ипохондрическимъ припадкомъ, произшедшимъ отъ многихъ неудачъ, отвѣтствовалъ его превосходительству, что въ самомъ дѣлѣ виною не я, а обстоятельства; но ничто не подѣйствовало. Кураторъ причиталъ всѣ шалости, свойственныя молодому человѣку, и упрекалъ меня ими. Въ заключеніе, приказалъ, какъ можно скорѣе, кончить изданіе книгъ, порученныхъ мнѣ обществомъ историческимъ. Вотъ такъ всегда труды и усердіе, вмѣсто награды, терпятъ укоризны».

«Ипохондрическій припадокъ», помѣшавшій Калайдовичу печатать изданія общества, былъ результатомъ перерыва въ его ученой карьерѣ. Дѣнадцатый годъ перевернулъ и его собственную судьбу. Подъ вліяніемъ *Русскаго Вѣстника* Сергѣя Глинки и патріотическихъ разговоровъ съ Карамзинымъ, Калайдовичъ поступилъ въ ополченіе и провелъ годъ въ военной службѣ. Переходя съ полкомъ изъ одного уѣзднаго города въ другой, онъ узналъ изъ писемъ родныхъ о пожарѣ, истребившемъ домъ отца и его собственную довольно уже значительную бібліотеку и собраніе рукописей. Вернувшись изъ похода, онъ пріютился «до поправки своихъ дѣлъ» на квартирѣ у Каченовскаго, стараясь опять устроиться при университетѣ. Но тутъ постигла его какая-то неудача. Начатый осенью 1813 года магистерскій экзаменъ остался почему-то незаконченнымъ и отношенія къ университету разстроились. Между тѣмъ, въ 1814 году явился новый планъ—поступить на службу къ канцлеру Румянцову или лично, или въ московскій архивъ иностранной коллегіи. Весь 1814 годъ Калайдовичъ колебался между смутною надеждой при помощи историческаго общества «поправить дѣла свои

*) Записки важныя и мелочныя К. О. Калайдовича въ *Лит. русск. лит.*, т. III, стр. 86, 89, 112.

въ университетѣ» и желаніемъ поступить на службу въ архивъ, отъ чего отговаривалъ его Тимковскій *). Можетъ быть, уже въ это время онъ началъ страдать слабостью, о которой мы узнаемъ позже изъ переписки митр. Евгенія: подъ впечатлѣніемъ неудачъ и неопредѣленности своего положенія онъ запыль. Надо думать, что и другія «шалости, свойственныя молодому человѣку», въ которыхъ упрекалъ его Кутузовъ, были ему не совсѣмъ чужды. По крайней мѣрѣ, въ концѣ 1814 г. и началѣ слѣдующаго безпокойное состояніе его духа разрѣшилось, наконецъ, громкимъ скандаломъ во Владимірѣ, куда Калайдовичъ на время уѣхалъ. Чтобы освободить сына отъ судебного преслѣдованія, отецъ Калайдовича объявилъ его сумасшедшимъ; полгода онъ просидѣлъ въ домѣ умалишенныхъ, а затѣмъ цѣлый годъ (съ іюля 1815 по іюль 1816 г.) прожилъ, по приказанію отца въ Пѣсношскомъ монастырѣ, нося одежду послушника.

Мы сообщаемъ всѣ эти біографическія свѣдѣнія потому, что судьба Калайдовича стоитъ въ тѣсной связи съ дѣятельностью историческаго общества. Первымъ послѣдствіемъ удаленія Калайдовича было прекращеніе издательской дѣятельности общества: выпущены были только въ свѣтъ изданія, приготовленныя Калайдовичемъ, т. е. первые томы *Записокъ* и *Русскихъ достопамятностей*, а затѣмъ, на цѣлыхъ 8 лѣтъ, общество опять заснуло. Вторымъ послѣдствіемъ, важнымъ на этотъ разъ для дальнѣйшей судьбы самого Калайдовича, было то, что когда въ 1823 году общество исторіи снова встрепенулось, рядомъ съ Калайдовичемъ выдвинулся его младшій товарищъ и конкурентъ, болѣе покладистый въ своихъ требованіяхъ отъ жизни, менѣе способный, за то болѣе постоянный въ работѣ; менѣе пригодный для ученаго творчества, за то какъ разъ подходившій для той черной работы, которая по тогдашнему состоянію науки стояла на ближайшей очереди. Мы разумѣемъ П. М. Строева.

На протяженіи этихъ восьми лѣтъ, 1815—1823 г., между двумя припадками дѣятельности общества исторіи и древностей, успѣлъ значительно измѣниться ученый кругозоръ изслѣдователей по русской исторіи. И главный толчокъ къ этому измѣненію дала не дѣятельность общества исторіи, съ характеромъ которой мы теперь достаточно знакомы, а ученныя сношенія канцлера Н. П. Румянцева. Посредствомъ этихъ сношеній Румянцевъ успѣлъ создать тоже своего рода ученое общество, разсѣянное по всей Россіи и даже за границей. Въмѣсто ежемѣсячныхъ засѣданій, это общество поддерживало чуть не ежедневныя сношенія; письма занимали мѣсто рефератовъ, а содержаніе этихъ писемъ ручалось за то, что каждый членъ общества дѣлаетъ подъ своею личною отвѣтственностью взятое на себя дѣло и съ каждымъ днемъ подвигаетъ впередъ одно изъ многочисленныхъ изданій, затѣянныхъ канцлеромъ. Изданія эти давали практическую цѣль

*) Біографическія данныя о Калайдовичѣ взяты изъ біографическаго очерка П. А. Безсолова (*Чтенія Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. 1862 г., т. III*) и цитированныхъ выше *Записокъ К. О. Калайдовича*.

ученой дѣятельности, наполняли время и давали средства къ жизни сложившимся ученымъ, вызывали на свѣтъ новыя ученныя силы, — словомъ, по почину Румянцева, была создана и утилизирована такая масса ученаго труда и знанія, какую трудно было даже ожидать отъ нашей молодой еще исторической науки. Можно сказать, что ни одинъ сколько-нибудь подходящий человѣкъ не ускользалъ отъ вниманія канцлера, и ни одна минута такого человѣка, — насколько это зависѣло, конечно, отъ канцлера, — не пропадала даромъ для ученыхъ предпріятій, имъ начатыхъ или сдѣлавшихся его собственными *).

Въ 1812 году, съ котораго начинается энергическая дѣятельность Н. П. Румянцева на пользу русской исторіи, онъ былъ уже шестидесятилѣтнимъ старикомъ; ему оставалось дожить послѣдніе полтора десятка лѣтъ его жизни. Собрать книги и вчитываться въ русскую исторію онъ началъ уже довольно давно; еще въ 1790-хъ годахъ онъ хлопочетъ о пріобрѣтеніи разныхъ рѣдкихъ сочиненій и высказываетъ свой самостоятельный взглядъ на русскую исторію. Но въ этомъ еще не было ничего особеннаго. Быть диллетантомъ въ русской исторіи считалъ себя обязаннымъ всякій важный баринъ. Даже такой повѣса, какъ братъ Николая Петровича, Сергій Петровичъ Румянцевъ, нахватался достаточно свѣдѣній по русской исторіи, чтобы пустить пыль въ глаза молодому кандидату вродѣ Калайдовича **). Настоящимъ ученымъ и графъ Николай Петровичъ не сдѣлался ни тогда, ни позднѣе, когда онъ серьезно погрузился, вслѣдъ за своими корреспондентами, во всѣ очередные вопросы детальнаго историческаго изслѣдованія. Но таковъ былъ и господствующій характеръ учености его времени. Отставъ отъ диллетантизма и не приставъ къ учености, Румянцевъ былъ самымъ типичнымъ выразителемъ состоянія современной ему исторической науки; на себѣ самомъ онъ очень хорошо чувствовалъ ея недостатки и ея ближайшія потребности. Примись онъ за русскую исторію полвѣка раньше, онъ, можетъ быть, посвятилъ бы свой досугъ составленію новой *Исторіи*, вродѣ Щербатовской; четвертью вѣка раньше его серьезный историческій интересъ могъ бы выразиться въ составленіи *Примѣчаній* вродѣ болтинскихъ. Въ началѣ XIX вѣка становилось яснымъ, что ни полная *Исторія*, ни даже *Примѣчанія* къ ней не составляютъ очередной задачи изслѣдованія, — что, какъ выразился Шлецеръ

*) Общую характеристику дѣятельности румянцевскаго кружка и всѣ дальнѣйшія библиографическія указанія можно найти въ „Опытѣ русской исторіографіи“ В. С. Иконникова, т. I, стр. 1, 135—243. См. также А. Старчевскаго: „О заслугахъ Румянцева, оказанныхъ отечественной исторіи“ (въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, часть XLIX), А. Ивановскаго: „Госуд. канцлеръ гр. Н. П. Румянцевъ“. Сиб., 1871 г. *Сборникъ матеріаловъ для исторіи Румянцевскаго музея*, вып. I. М., 1882 г. и „Матеріалы для историческаго описанія Румянцевскаго музея“, соч. Кестнера, М., 1882 г. У А. А. Кочубинскаго („Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія“. Одесса, 1887—88 г.), вторая глава посвящена изображенію „Кружка канцлера Румянцева“ (стр. 37—215 и приложенія III—XIV).

**) См. ихъ разговоры въ *Запискахъ Калайдовича*, стр. 81—82 bis.

незадолго до своей смерти (1809), десяти Карамзинимъ не написать настоящей русской исторіи, пока не будутъ приготовлены для нея матеріалы. И такъ, настоящая, «критическая исторія» стала для канцлера и его сотрудниковъ идеаломъ болѣе или менѣе отдаленнымъ, а вѣрнѣйшимъ путемъ къ достиженію этого идеала сдѣлалось, съ одной стороны, приведеніе въ извѣстность и опубликованіе историческаго матеріала, съ другой—разработка вспомогательныхъ наукъ и составленіе справочныхъ пособій. Эти положенія сдѣлались основнымъ догматомъ канцлерской «дружины»,—тѣмъ лозунгомъ, по которому члены этой дружины отличали своихъ отъ чужихъ. И установленіе ихъ есть та основная черта, благодаря которой весь разсматриваемый періодъ можетъ быть названъ «румянцевскимъ» съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ «карамзинскимъ».

Изданіе лѣтописей было уже возложено на обязанность московскаго историческаго общества. Слѣдовательно, ближайшею задачей канцлера само собой становилось изданіе актовъ, тѣмъ болѣе, что проектъ такого изданія уже около тридцати лѣтъ лежалъ безъ движенія въ его собственномъ вѣдомствѣ—иностранныхъ дѣлъ. Припомнимъ планъ Миллера—издать собраніе дипломатическихъ актовъ по образцу Дюмона. Какъ мы знаемъ, все было готово къ выполненію этого предпріятія въ 1780-хъ годахъ; только смерть Миллера помѣшала его осуществленію. Вспомнить объ этомъ проектѣ было тѣмъ естественнѣе, что, въ сущности, и по смерти перваго исторіографа онъ не былъ заброшенъ совершенно. Миллеръ оставилъ въ архивѣ своихъ помощниковъ, одинъ изъ которыхъ, наиболѣе усердный—Н. Н. Бантышъ-Каменскій, продолжалъ всю жизнь работать въ направленіи, указанномъ ему Миллеромъ. За тридцать лѣтъ Бантышъ-Каменскій исподволь успѣлъ описать и даже изложить сокращенно всѣ дипломатическіе документы своего архива, въ томъ самомъ порядкѣ (по алфавиту иностранныхъ дворовъ), въ которомъ они тамъ хранились *). Мы не знаемъ, по чьему почину снова возникъ въ декабрѣ 1810 года вопросъ о печатаніи «дипломатическаго корпуса»: по инициативѣ ли графа Румянцева, или самого Бантышъ-Каменскаго. Но, во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ засталъ директора архива вполне подготовленнымъ. По его плану, проектированное собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ должно было состоять изъ четырехъ частей. Въ первой должна была заключаться «внутренняя часть» этихъ документовъ, «т.-е. взаимныя между великими князьями условія». Въ остальныхъ же трехъ Бантышъ-Каменскій предполагалъ помѣстить сношенія съ иностранными дворами. Канцлеру оставалось принять готовый планъ, составленный знатокомъ архива. Онъ не согласился только на расположеніе матеріала по алфавитному порядку дворовъ, предложенное аккуратнымъ директоромъ архива, и замѣнилъ его распредѣленіемъ хронологическимъ. Затѣмъ, весь подборъ матеріала и даже выработку внѣшности изданія онъ вполне предоставлялъ Бантышъ-Камен-

*) Т.-е. австрійскій, англійскій и т. д.

скому, прося только не щадить издержекъ для «чистоты и красоты тисненія», такъ какъ «сіе изданіе дѣлается сколько для пользы, столько и для славы». Всѣ расходы по печатанію канцлеръ принималъ на себя; механическая работа возложена была на особо учрежденную «коммиссію о печатаніи государственныхъ грамотъ и договоровъ», составленную изъ чиновниковъ архива. Себѣ канцлеръ выговорилъ только право «имѣть участіе и попеченіе объ успѣхѣхъ сего предпріятія» и въ томъ случаѣ, если ему придется покинуть дѣйствительную службу *)).

Собраніе юсударственныхъ грамотъ и договоровъ было первымъ предпріятіемъ, втянувшимъ Румянцева въ издательскую дѣятельность и вызвавшимъ усиленные сношенія съ русскими учеными. Но въ ближайшіе годы къ этому предпріятію присоединилось и другое, обѣщавшее, по словамъ Шлепера, еще больше «славы» и, можетъ быть, болѣе соотвѣтствовавшее личнымъ вкусамъ канцлера. Начало русской исторіи было съ давнихъ поръ любимымъ предметомъ занятій Румянцева; у него даже были самостоятельныя теоріи по поводу важнѣйшихъ вопросовъ русскихъ *origines* (напримѣръ, происхожденіе Руси, значеніе арабской торговли). Ясно, чѣмъ болшинство современныхъ ему ученыхъ, онъ понималъ, что вопросы эти не могутъ быть разрѣшены съ помощью одной только русской лѣтописи; еще во время службы въ Германіи, въ 1790-хъ годахъ, онъ пробуетъ восполнить умолчанія лѣтописи съ помощью нѣмецкихъ анналовъ и ищетъ новыхъ неизданныхъ источниковъ для древнѣйшей исторіи Россіи **). Позднѣе онъ обращается за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній и догадокъ къ иностранцамъ-специалистамъ по древнѣйшей русской исторіи: онъ знакомится съ Лербергомъ въ послѣдніе годы его жизни (1812—1813), черезъ Лерберга съ Кругомъ, потомъ съ дерптскимъ профессоромъ Эверсомъ и ориенталистомъ Френомъ. Онъ становится издателемъ сочиненій всѣхъ этихъ ученыхъ, а черезъ нихъ завязываетъ сношенія и съ заграничными византистами и ориенталистами, Газе, Сень-Мартеномъ, Гаммеромъ. Всѣмъ имъ онъ даетъ порученія по собиранію и изданію въ свѣтъ иностранныхъ источниковъ, византійскихъ, арабскихъ, турецкихъ, армянскихъ и грузинскихъ, могущихъ объяснить начало нашей исторіи. При этихъ условіяхъ естественно, что обнародованіе русскихъ лѣтописей интересовало канцлера никакъ не менѣе, чѣмъ изданіе грамотъ и договоровъ. Если послѣднее онъ предпринялъ въ качествѣ руководителя русской дипломатіи, то его симпатіи, какъ диллетанта по русской исторіи, скорѣе лежали къ первому. При первой возможности Румянцевъ попытался перехватить себѣ «честь—быть первымъ издателемъ русскихъ лѣтописей» ***).

Мы видѣли, что въ 1810—1811 годахъ изданіе лѣтописи Чеботарев-

*) *Кочубинскій*, 70—75 и прил. VII—XLII (переписка Румянцева съ Бантыш-Каменскимъ).

**) *Кестнеръ*, 3—8.

***) Слова Шлепера. На Шлепера Румянцевъ прямо ссылается въ своемъ проектѣ изданія лѣтописей. *Переписка Румянцева*, изд. Е. Барсовымъ.

скимъ историческимъ обществомъ было официально признано неудавшимся, и Мусинъ-Пушкинъ перенесъ изданіе своего списка въ Петербургъ. Румянцевъ тотчасъ воспользовался этимъ, чтобы взять изданіе лѣтописей въ свои руки. Въ ноябрѣ 1813 года онъ пожертвовалъ въ академію наукъ 25 тысячъ на изданіе *Собранія русскихъ лѣтописей* и обратился къ Кругу съ просьбой выработать планъ такого изданія. Кругъ предложилъ издать «сводный толковый русскій лѣтописецъ». Но этотъ проектъ встрѣтилъ возраженія со стороны Оленина, находившаго, что такое изданіе нельзя было бы выполнить скоро и что лучше всего издать отдѣльно всѣ лучшіе списки, которые бы въ совокупности составили *Полное собраніе русскихъ дѣтписателей*. Столкновеніе мнѣній разрѣшилось компромиссомъ: рѣшено было въ первомъ томѣ издать, по плану Оленина, Кенигсбергскій списокъ лѣтописи, а во второмъ томѣ напечатать сводное изданіе нѣсколькихъ списковъ южной лѣтописи, открытой Карамзинымъ *). Предпріятіе, однако же, затормозилось, и канцлеръ скоро охладѣлъ къ своимъ петербургскимъ сотрудникамъ. Въ концѣ-концовъ, уже послѣ смерти Румянцева, въ 1836 году сумма, назначенная имъ на изданіе лѣтописей, была употреблена на печатаніе *Актовъ археографической экспедиціи*.

Въ Москвѣ съ изданіемъ *Грамотъ и договоровъ* дѣло шло гораздо скорѣе. Печатаніе перваго тома *Собранія* закончено было къ концу 1813 года. Въ январѣ слѣдующаго 1814 года сошелъ въ могилу старикъ Бантышъ-Каменскій, не доживъ нѣсколькихъ дней до выпуска въ свѣтъ своего труда. Мѣсто покойнаго занялъ тоже ученикъ Миллера, но гораздо болѣе чиновникъ, чѣмъ ученый, А. Ѳ. Малиновскій. Быть, подобно Бантышъ-Каменскому, хозяиномъ предпріятія онъ не могъ. Приходилось позаботиться о привлеченіи къ дѣлу свѣжихъ ученыхъ силъ. При Бантышъ-Каменскомъ «комиссія печатанія грамотъ и договоровъ» не имѣла никакого значенія и состояла изъ чиновниковъ. Теперь главная тяжесть предпріятія ложилась на комиссію, и канцлеръ рѣшилъ составить ее изъ

*) *Бестнеръ*, стр. 17. *Старчевскій*, стр. 19. *Сборникъ мат. для ист. Рум. муз. Перетиска Румянцева*, изд. Е. Барсовымъ, стр. 63. На Волинскую лѣтопись обратилъ вниманіе Круга Калайдовичъ (*Безсоновъ* въ „Чтеніяхъ“ 1862 г., т. III: „Знаете ли вы, что у васъ въ академіи хранится сокровище — лѣтопись Волинская, зарытая между дефектами и не вписанная въ каталогъ, которую являю изъ праха Н. М. Карамзинъ? Я желаю бы знать, кому будетъ принадлежать честь изданія сихъ памятниковъ“. Письмо отъ 15 янв. 1814 г.). Нѣсколько позже и Румянцевъ получилъ извѣстіе о другомъ спискѣ этой лѣтописи отъ самого владѣльца (*Чтенія* 1892 г., т. I, стр. 15, отъ 27 ноября 1815 г.): „Меня увѣрялъ Полторацкій, что г. Карамзинъ никакой древней лѣтописи такъ не уважалъ, какъ ту, которую онъ отъ него получилъ, а ему досталось отъ г. Хлѣбникова, что за лѣтопись? И ежли въ самомъ дѣлѣ она заслужила полное вниманіе Карамзина, нельзя ли и съ нея получить списокъ?“ Самъ Карамзинъ въ 1825 г. говорилъ Погодину, что онъ „лѣтъ тому назадъ шесть отдалъ Румянцеву два списка, одинъ свой, подаренный покойнымъ Полторацкимъ, другой, также почти свой, найденный „Карамзинымъ въ дефектахъ академическихъ“. *Барсуковъ*, т. I, стр. 331. Сводъ списковъ южной лѣтописи былъ порученъ другу митр. Евгенія, Анастасевичу.

ученыхъ. Переговоры съ Шлецеромъ-сыномъ въ 1814 году кончились, однако, отказомъ послѣдняго. Въ 1815 г. канцлеръ обратился къ Малиновскому съ просьбой пригласить въ комиссію присяжныхъ тогдашнихъ специалистовъ, Тимковского или Каченовскаго. Мы не знаемъ, сочли ли оба дѣятельность въ комиссіи ниже своего ученаго достоинства, или самъ Малиновскій предпочелъ не приглашать такихъ самостоятельныхъ сослуживцевъ; какъ бы то ни было, выборъ палъ на болѣе молодыхъ. Уже Бантышъ-Каменскій, умирая, совѣтовалъ пригласить въ комиссію извѣстнаго намъ Балайдовича. Но Балайдовичъ, какъ мы видѣли, колебался между университетомъ и комиссіей, просилъ отсрочить свое поступленіе въ архивъ и, въ концѣ-концовъ, попалъ въ Пѣсношскій монастырь. Тогда на мѣсто его была выдвинута кандидатура другого ученика Тимковского, не окончившаго еще курсъ девятнадцатилѣтняго студента Строева. Несмотря на свою молодость, Строевъ былъ уже извѣстенъ (съ 1814 года), какъ авторъ учебника «краткой російской исторіи» и нѣсколькихъ историческихъ статей. Одна изъ этихъ статей, отрывокъ изъ историческаго генеалогическаго словаря (подъ заглавіемъ *О родословіи російскихъ князей въ Сѣмь Отечества* 1814 г.), была замѣчена канцлеромъ, который даже обращался къ Строеву черезъ редактора Греча съ запросомъ, намѣренъ ли авторъ продолжать свой трудъ. Въ противоположность мнительности и безпокойному нраву Балайдовича, Строевъ отличался самоувѣренностью и умѣньемъ ладить съ начальствомъ. Ему скоро удалось пріобрѣсти полное расположеніе Малиновскаго и съ его помощью онъ получилъ въ первой половинѣ 1816 года должность главнаго смотрителя при «комиссіи печатанія грамотъ». Вышедшій изъ своего монастырскаго заключенія въ іюлѣ того же года, Балайдовичъ нашелъ мѣсто уже занятымъ и долженъ былъ удовлетвориться второстепенною ролью «контръ-корректора», и въ этой должности онъ былъ утвержденъ не сразу *).

Такимъ образомъ, изъ приказнаго учрежденія «комиссія печатанія грамотъ» превратилось въ ученое. Одновременно съ этимъ происходитъ и другое важное измѣненіе въ ходѣ изданія *Грамотъ и договоровъ*. Гр. Румянцевъ начинаетъ принимать въ немъ все болѣе непосредственное участіе. Въ двѣнадцатомъ году, когда поддерживаемая канцлеромъ политика союза съ Наполеономъ,—политика Тильзита и Эрфурта,—потерпѣла окончательно неудачу, Румянцевъ оставилъ службу. Съ этихъ поръ онъ могъ вполне предаться своимъ любимымъ занятіямъ по собиранію и изданію историческихъ матеріаловъ.

Собирать матеріалы нужно было, прежде всего, для того, чтобы пополнить

*) *Безсоновъ*: „Калайдовичъ“ (*Чтенія*, стр. 55 — 56); *Кочубинскій* (прил. LXIV); *Переписка Румянцева* (*Чтенія* 1882 г., т. I, стр. 33). Отношеніе Калайдовича къ поступленію Строева въ комиссію видно изъ письма Греча къ послѣднему отъ 24 ноября 1815 г.: „Полоумный Калайдовичъ не хотѣлъ увѣдомить меня о вашемъ адресѣ, узнавъ особенно, что гр. Румянцевъ хоручилъ мнѣ о васъ освѣдомиться“. *Басуковъ*: „Жизнь Строева“, стр. 21.

затѣянные уже изданія: *Собраніе грамотъ* и *Собраніе лѣтописей*. Для первой цѣли, кромѣ матеріаловъ русскаго дипломатическаго архива, канцлеръ рѣшается привлечь также и матеріалы иностранныхъ хранилищъ. Уже въ 1813 г. нѣкто Шульцъ работаетъ по его порученію въ кенигсбергскомъ архивѣ. Вскорѣ затѣмъ изъ Риги канцлеру присылаютъ важныя древнія грамоты. Позже является Штрандманъ въ Италіи съ тою же цѣлью—списыванія архивныхъ документовъ. Въ Лондонѣ черезъ нашего посла, графа С. Р. Воронцова, Румянцевъ получаетъ разрѣшеніе списать всѣ сношенія Россіи съ Англіей, хранящіяся въ посольскомъ архивѣ; списываютъ для него и въ другихъ англійскихъ хранилищахъ рукописи, относящіяся къ Россіи. Въ Варшавѣ нѣкто Буссе снимаетъ для канцлера копии съ важнѣйшихъ актовъ Литовской метрики *).

По мѣрѣ собранія всѣхъ этихъ матеріаловъ взглядъ Румянцева на задачи *Собранія грамотъ и договоровъ* значительно измѣняется. Прежде всего, на содержаніе 1-го тома, изданнаго Бантышъ-Каменскимъ, канцлеръ смотритъ совсѣмъ иначе, чѣмъ покойный директоръ архива. Мы видѣли, что Бантышъ-Каменскій предназначалъ первый томъ для изданія тѣхъ же дипломатическихъ сношеній, какъ и остальные тома *Собранія*; только, въ отличіе отъ «внѣшнихъ» сношеній, въ немъ должны были помѣститься памятники «внутреннихъ» междукняжескихъ сношеній необъединенной еще Россіи. Румянцевъ считаетъ, что первый томъ посвященъ «внутреннимъ государственнымъ постановленіямъ», не имѣющимъ спеціально-дипломатическаго характера. Съ этой точки зрѣнія (да, впрочемъ, и съ собственной точки зрѣнія Бантышъ-Каменскаго) онъ скоро нашелъ, что первый томъ не полонъ, что многіе важныя акты въ него не вошли. Уже отъ 10 іюля 1814 года Малиновскій получилъ извѣщеніе, что канцлеръ хочетъ издать прибавленіе къ первому тому, въ которомъ, кромѣ архивскихъ документовъ, будутъ помѣщены «и многіе древніе документы, полученные его сіятельствомъ изъ Риги, Кенигсберга и другихъ мѣстъ». На первыхъ порахъ, Румянцевъ нѣсколько смущало то обстоятельство, что документы эти заимствованы не изъ архива иностранной коллегіи, но, въ концѣ-концовъ, онъ вышелъ изъ затрудненія тѣмъ, что велѣлъ хранить въ архивѣ *копии* съ издаваемыхъ документовъ. Разъ, такимъ образомъ, первоначальныя внѣшнія и внутреннія рамки изданія, дипломатическій характеръ документовъ и мѣсто ихъ храненія въ московскомъ архивѣ были оставлены въ сторонѣ, открывалось необозримое поле документовъ внутренней русской исторіи. Объ обиліи этихъ документовъ ни Румянцевъ, ни его сотрудники не имѣли никакого понятія; они твердо вѣрили въ возможность напечатать все важнѣйшее въ «прибавленіи» къ первому тому *Собранія*. Съ цѣлью разыскать это важнѣйшее, канцлеръ обращался во всѣ московскія хранилища: въ Патріаршую и Типографскую бібліотеку, гдѣ его розыски встрѣчены были

*) О заграничныхъ работахъ для Румянцева см. особенно *Старчевскаго*, стр. 26—40.

на первых порахъ очень непріязненно, въ архивъ старыхъ дѣлъ, чиновники котораго были тогда совершенно непригодны ни для какихъ ученыхъ справокъ, и, наконецъ, въ собственный архивъ, въ неисчерпаемые портфели Миллера. Опредѣлить, что войдетъ и что не войдетъ въ *Собрание*, было теперь довольно затруднительно. Выборъ матеріала дѣлала, въ сущности, коммиссія, но всѣ заготовленныя копии посылались канцлеру, который ихъ внимательно прочитывалъ и, обыкновенно, одобрялъ къ печатанію. Вначалѣ коммиссія сомнѣвалась еще въ возможности подводить различные историческіе документы подъ понятіе «государственныхъ грамотъ», но канцлеръ разрѣшилъ эти сомнѣнія въ смыслѣ утвердительномъ. «Помѣщеніе писемъ жены обоихъ самозванцевъ Марины къ отцу своему, также присягъ, наказовъ и грамотъ кн. М. В. Скопина-Шуйскаго ни мало не нахожу излишнимъ,—пишетъ Румянцевъ Малиновскому,—а, напротивъ того, какъ нельзя боѣе приличнымъ и нужнымъ для достаточнѣйшаго объясненія сей эпохи въ исторіи нашей. Да не устрашаетъ васъ, м. г. мой, обширное поприще въ собираніи актовъ для сей второй части. Чѣмъ полнѣе и совершеннѣе выйдеть въ свѣтъ сіе собраніе, тѣмъ болѣе принесеть вамъ чести, а мнѣ удовольствія исполненіе сего предпріятія. Что же касается потребныхъ на печатаніе издержекъ, то я готовъ жертвовать оными, хотя бы собраніе сихъ внутреннихъ актовъ, не виѣстясь въ предполагаемой II-й части, потребовало и III-й».

При такихъ условіяхъ масса заготавлиаемаго матеріала постоянно разрослась. «Прибавленіе къ I-му тому» превратилось, какъ видимъ, во II-й томъ; въ перспективѣ видѣлся и третій. Раньше, чѣмъ начали печатать третій томъ, явились новыя «дополнительныя грамоты», для которыхъ понадобился четвертый. Нѣкоторое время канцлеръ колебался, спрашивалъ Малиновскаго, не охладитъ ли публику къ *Собранію* эта новая отсрочка *Договоровъ*, и возражалъ противъ печатанія нѣкоторыхъ документовъ, какъ «томительныхъ для публики», но, въ концѣ-концовъ, не только сдался, а и предлагалъ раздѣлить разросшійся, въ свою очередь, четвертый томъ на четвертый и пятый. На этотъ разъ возражалъ уже Малиновскій. Четвертый томъ остался послѣднимъ томомъ «грамотъ». Ему суждено было сдѣлаться послѣднимъ томомъ и всего *Собранія*. Онъ вышелъ въ свѣтъ уже по смерти Румянцева (1828); пятого же тома, въ которомъ начинались *Договоры*, было отпечатано всего 188 страницъ, остававшихся до послѣдняго времени въ подвалахъ архива *).

Переходимъ къ другому предпріятію Румянцева — къ изданію лѣтописей. Еще болѣе, чѣмъ изданіе грамотъ, это предпріятіе нуждалось въ розыскахъ по русскимъ хранилищамъ. Первый шагъ въ изданіи лѣтописей всѣми понимался одинаково. Это было изданіе *Нестора*. За *Нестора* и

*) Исторію изданія 2—4 томовъ *Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ* можно прослѣдить по перепискѣ Румянцева, изд. Барсовымъ, особенно стр. 12, 13, 28, 40, 110, 135, 137, 138, 163, 167—169, 173, 202—204, 227, 272—273, 275—276. *Кочубинскій*, прил. LVI.

принимались всякій разъ, какъ заходила рѣчь о печатаніи лѣтописей: его печаталъ Чеботаревъ, его началъ печатать Тимковскій, за него принялся и Оленинъ съ сотрудниками. И канцлеръ, какъ мы знаемъ, предназначалъ для 1-го тома *Несторову летопись по Кенигсбергскому списку*, или по другому, «если отыщется таковой лучше, вѣрнѣе и древнѣе Кенигсбергскаго». Но что же далѣе? Здѣсь сразу начиналась область неизвѣстнаго. Московское общество исторіи, когда у него отняли въ 1815 г. возможность продолжать изданіе *Нестора*, прямо ухватилось за изданіе *Хронографа*, — очевидно, по полному незнанію чего-либо промежуточнаго. Гр. Румянцеву въ томъ же положеніи, прежде всего, пришла въ голову *Степенная книга*. Еще при жизни Бантышъ-Каменскаго онъ просить его «объ отысканіи въ московскихъ хранилищахъ такъ называемой *Кипріяновской Степенной книги* и о сличеніи оной съ другими *Степенными же книгами*, если таковыя разыщутся». Отвѣтъ, полученный отъ Бантышъ-Каменскаго, не удовлетворилъ Румянцова. Бантышъ-Каменскій писалъ, что списки *Степенной книги* не различаются по содержанію, тогда какъ канцлеръ держался того мнѣнія, что «у насъ существуютъ, можетъ быть, *Степенная книга* разныхъ сочинителей». Этотъ широкій, такъ сказать, нарицательный смыслъ *Степенныхъ книгъ* долженъ былъ постепенно сѣзуться для канцлера, по мѣрѣ того, какъ онъ получалъ списки лѣтописей, непохожіе на *Нестора*, но и не подходившіе подъ рубрику *Степенныхъ книгъ*. На первыхъ же порахъ Малиновскій прислалъ изъ архива три такихъ лѣтописныхъ списка. По настоятельнымъ просьбамъ Румянцова «приступить паки къ разсмотрѣнію всѣхъ въ Москвѣ находящихся лѣтописей подъ именемъ *Степенныхъ книгъ*», Малиновскій прислалъ вскорѣ канцлеру и сводный текстъ *Степенной книги*. Правда, Румянцевъ и этимъ не удовлетворился, находя, что сводъ сдѣланъ «только по тремъ рукописямъ». Но болѣе точныя свѣдѣнія о найденной Карамзинымъ Кіевско-Волинской лѣтописи должны были убѣдить канцлера, что возможны и не менѣе важны находки лѣтописей и иного характера, чѣмъ *Степенная книга*. Съ этихъ поръ главною цѣлью Румянцова становится отысканіе Новгородской лѣтописи.

Лучшимъ знаткомъ для поисковъ въ русскихъ архивныхъ хранилищахъ былъ въ то время, несомнѣнно, Калайдовичъ. Еще до 1812 г. онъ работалъ въ Синодальной библіотекѣ, а въ 1813 г., черезъ посредство общества исторіи, добылъ разрѣшеніе пользоваться рукописями Чудова монастыря, Архангельскаго собора, Семинарской и Лаврской библіотекъ Троицкаго посада **). Но Калайдовичъ, «какъ человекъ самолюбивый, держался самостоятельности»; «Малиновскій не любилъ» этого, и порученіе произвести развѣдки въ ближайшихъ монастырскихъ хранилищахъ Московской губерніи было передано, по указанію Малиновскаго, Строеву ***). Такимъ

*) *Переписка Румянцова*, изд. Е. Барсовымъ (Чтенія 1882 г., I, стр. 9, 15. Кочубинскій, прилож. L—LII, LIV.

**) *Барсуковъ* (въ *Чтеніяхъ*, стр. 13—14, 30, 35).

***) Выраженія въ кавычкахъ изъ письма Строева къ Погодину. *Барсуковъ*: „Жизнь

образомъ, Строевъ отправился въ эту экспедицію по «дѣлу, порученному его сіятельствомъ», а Калайдовичъ «испросилъ дозволеніе начальства» со-
путствовать Строеву «изъ любопытства» *).

Не будемъ пересказывать исторіи знаменитой экспедиціи Строева (1817—1818 гг.) по монастырямъ Іосифову Волоколамскому, Саввину Звенигородскому и Воскресенскому,—экспедиціи, завершившейся въ 1820 г. поѣздкой его вмѣстѣ съ самимъ канцлеромъ по нѣкоторымъ монастырямъ Калужской епархіи **). Извѣстно, что уже въ первый годъ (1817) сдѣланы были такія крупныя находки, какъ *Судебникъ* Ивана III и *Святославовъ изборникъ* 1073 года. Последній найденъ былъ Калайдовичемъ, хотя Малиновскій и Строевъ тщательно старались умолчать объ этомъ въ своихъ донесеніяхъ Румянцеву. Извѣстія о находкахъ обрадовали канцлера, но это было не то, чего онъ искалъ. «Отысканныя уже бумаги очень любопытны,—писалъ онъ Малиновскому,—но самое сильное мое желаніе состоитъ въ отысканіи древняго харатейнаго списка *Несторова* или же *Новгородскаго лѣтописца* ***). Не дождавшись отъ Строева лѣтописныхъ текстовъ, канцлеръ, наконецъ, самъ, просматривая одинъ изъ присланныхъ Строевымъ каталоговъ, обратилъ вниманіе на рукопись Воскресенскаго монастыря, содержащую *Несторову лѣтопись и ея продолжателей*, и настойчиво потребовалъ сличенія этой лѣтописи съ другими списками. Строевъ, не заинтересовавшійся прежде рукописью, теперь занялся ея сличеніемъ и открылъ въ ней «тщательнѣйшій списокъ такъ называемой Софійской новгородской лѣтописи». «Я увѣренъ,—писалъ онъ Малиновскому,—что сею находкой его сіятельство немало будетъ порадованъ». Само собою разумѣется, что изданіе «Софійскаго» списка было немедленно рѣшено и поручено Строеву ****).

И такъ, поѣздки Строева прошли не безплодно и для той цѣли, которую, повидимому, преимущественно имѣлъ въ виду канцлеръ при устройствѣ этихъ поѣздокъ. Но главное ихъ значеніе было другое. Они расширили сферу ученыхъ предпріятій Румянцева на совершенно новую область. Если до тѣхъ поръ интересъ канцлера сосредоточивался на вопросахъ по преимуществу историческихъ, то симпатіи и знанія его московскихъ сотрудниковъ лежали ближе къ вопросамъ историко-литературнымъ. Въ этому приводило самое свойство русскихъ монастырскихъ хранилищъ, съ которыми Калайдовичъ былъ знакомъ давно, а Строевъ познакомился во время своихъ поѣздокъ 1817, 1818 и 1820 годовъ. У Калайдовича была даже своя готовая тема въ этой области; еще въ 1813—14 году онъ нашелъ

Строева, стр. 43. «Вы выбрали его»,—пишетъ Румянцевъ Малиновскому. *Переписка Румянцева*, изд. Барсовымъ, стр. 47.

*) *Переписка Румянцева*, стр. 42, 45. *Кочубинскій*, стр. 108.

***) Подробный разсказъ о поѣздкахъ Строева см. у *Барсукова*: «Жизнь Строева», стр. 23—41.

****) *Переписка Румянцева*, изд. Барсовымъ, стр. 47.

*****) *Переписка Румянцева*, стр. 74, 76, 77, 83, 86, 87, 89, 91, 93.

Нѣсколько произведеній, восходившихъ къ невѣдомой тогда никому эпохѣ—славянской литературы X столѣтія (Іоаннъ, ексархъ болгарскій). Описанія монастырскихъ рукописей, сдѣланныя Строевымъ, ввели и канцлера въ область вопросовъ историко-литературныхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ явился интересъ и къ собственному приобрѣтенію рукописей и старопечатныхъ книгъ.

Калайдовичъ и въ этомъ отношеніи оказался самымъ удобнымъ посредникомъ. Еще до пожара 1812 года онъ успѣлъ составить себѣ небольшое собраніе рукописей и отлично зналъ московскихъ антикваріевъ и букинистовъ. Послѣ двѣнадцатаго года счастливыя времена, когда рукописныя сокровища собирались задаромъ и не всегда чистыми путями и лежали неизвѣстныя самому собирателю, пока не истреблялъ ихъ какой-нибудь несчастный случай,—эти времена прошли безвозвратно. Типъ собирателя, какой представлялъ только что умершій (1817 г.) Мусинъ-Пушкинъ, уступилъ мѣсто новому типу, представителями котораго явились гр. Ѡ. А. Толстой и гр. Н. П. Румянцевъ. Конкуренція вельможныхъ покупателей подняла цѣны на рукописи до такой высоты, при которой какому-нибудь Калайдовичу только и оставалась роль посредника. Новые владѣльцы рукописей не только не таили ихъ про себя, но наперерывъ старались составлять ученые описанія и рады были всякому изслѣдователю, который бы сдѣлалъ извѣстнымъ публикѣ какое-нибудь изъ ихъ сокровищъ *).

На этомъ поприщѣ судьба опять столкнула Калайдовича и Строева—и опять къ невыгодѣ для перваго. Изъ всѣхъ рукописныхъ собраній, которыя Калайдовичъ снабжалъ рукописями своихъ поставщиковъ, московскихъ и провинціальныхъ, едва ли не болѣе всѣхъ обязано было его услугамъ собраніе гр. Толстого. По всей справедливости, ему принадлежало право составить ученое описаніе этихъ рукописей, за которое онъ и принялся въ 1818 году, съ помощью Строева. Къ началу 1824 г. описаніе было готово, а къ началу слѣдующаго отпечатано. Въ промежуткѣ положеніе Строева измѣнилось. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ между нимъ и

*) См. отзывъ Калайдовича въ письмѣ къ одному жертвователю, подарившему въ архивъ 7 рукописей: „Вы сдѣлали благороднѣйшее дѣло и малымъ показали свое усердіе къ наукамъ, между тѣмъ какъ Гр. П. и другіе подобные; беззаконно стяжавшіе свои ученые сокровища, предали ихъ на жертву пламени“ (*Безосновъ*: „Калайдовичъ“, стр. 41), и печатныя выраженія въ предисловіи къ *Описанію рукописей гр. Ѡ. А. Толстого*: гр. Толстому „неизвѣстна жалкая склонность *библиофоговъ*, берегающихъ литературныя достопамятности, кажется, съ тѣмъ, чтобы первый несчастный случай могъ истребить ихъ удобнѣе“. Очевидно, въ обоихъ случаяхъ разумѣется гр. Мусинъ-Пушкинъ. Ср. *Барсуковъ*: „Жизнь Погодина“, т. I, стр. 159: Калайдовичъ въ 1822 г. рассказывалъ Погодину: „Часто бывалъ я съ Карамзиннымъ у него (Мусина). Онъ показывалъ только извѣстныя рукописи; всѣ прочія валялись у него въ двухъ огромныхъ валахъ; индѣ видѣлся пергаментъ и т. д. Онъ всегда отзывался, что, разобразъ, покажетъ ихъ“. Примѣры высокихъ цѣнъ на рукописи и постоянное соперничество гр. Румянцева съ гр. Толстымъ, его счастливымъ конкурентомъ, видны изъ *Переписки Румянцева*.

канцлеромъ произошло взаимное охлажденіе: Строевъ находилъ, что канцлеръ слишкомъ дешево ему платитъ, а канцлеръ полагалъ, что работа Строева имѣетъ слишкомъ мало ученаго характера. Осенью 1822 г. Строевъ вышелъ изъ «комиссіи печатанія грамотъ», высчитавъ въ своемъ прощальномъ письмѣ къ Румянцеву, что всего на все онъ получилъ отъ казны и отъ канцлера за семь лѣтъ службы въ комиссіи не болѣе тысячи рублей ежегодныхъ. Въ слѣдующемъ году возобновилась дѣятельность общества исторіи и древностей, и Строевъ попробовалъ здѣсь утилизировать свою опытность, прибрѣтенную на канцлерской службѣ. Онъ предложилъ обществу снарядить экспедицію во внутреннія губерніи для розыскиванія документовъ на пять лѣтъ съ расходомъ не болѣе семи тысячъ ежегодно. Послѣ неудачи этого проекта онъ вспомнилъ про свою юношескую работу, заинтересовавшую канцлера, и обратился къ Румянцеву (начало 1825 г.) съ предложеніемъ составить въ пять лѣтъ три словаря: историческій, географическо-топографическій и толковый. За все онъ желалъ получить десять тысячъ,—по двѣ тысячи въ годъ. Когда канцлеръ отказался и отъ этого предложенія, Строевъ поѣхалъ (весной того же года) въ Петербургъ, къ графу Толстому. До этой поѣздки гр. Толстой далъ Балайдовичу основаніе разсчитывать, что ему будетъ поручено продолженіе *Описанія*. Поѣздка Строева измѣнила положеніе дѣла. Графъ передалъ ему «звание и обязанности смотрителя надъ его бібліотекою», съ жалованьемъ 150 рублей ежемѣсячно и съ обязанностью описать старопечатныя книги и отъ времени до времени издавать *Извлеченія* изъ важнѣйшихъ рукописей его собранія. Предусмотрительный Строевъ успѣшилъ опубликовать о своей новой должности въ *Сѣверной Пчелѣ*. Для Балайдовича этотъ ударъ былъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онъ былъ болѣе неожиданъ. «Письмо вашего сіятельства отъ 4 марта, — пишетъ онъ Толстому, — столь несогласное съ объявленіемъ, появившимся въ *Сѣверной Пчелѣ*, поставило меня въ величайшее недоумѣніе и всѣхъ тѣхъ, которые знали пятнадцатилѣтнее знакомство мое съ в. с. и то живѣйшее участіе, которое я принималъ въ судьбѣ вашей славяно-русской бібліотеки, способствуя приращенію оной покупками важнѣйшихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ и дѣйствуя на вниманіе соотечественниковъ и частію заграничныхъ ученыхъ моими трудами въ отношеніи вашего драгоценнаго собранія, — словомъ, я далъ ему тотъ приличный видъ (какъ вы сами всегда соглашались), въ какомъ оно теперь существуетъ... Но в. с. допустили... завладѣть моими трудами...»). Какое впечатлѣніе произвело на Балайдовича это событіе, видно

*) *Безсоновъ*: „Калайдовичъ“, стр. 132—133, 187. *Барсуковъ*: „Жизнь Строева“, стр. 47—56, 64—79, 99—103, 118—141. Гр. Толстой въ свое оправданіе писалъ Строеву: „Я хотя бы и желалъ просить его заняться тѣмъ, чѣмъ вы теперь будете заниматься, но, во-первыхъ, заочно неловко это дѣлать; во-вторыхъ, я знаю, что онъ столько обремененъ дѣлами, что едва ли успеетъ моимъ заниматься и въ такое время кончать, какъ вы взылись“. Насколько неаккуратно работалъ у Толстого Строевъ, видно изъ той же біографіи Барсукова.

изъ того, что все лѣто 1825 года онъ опять прохворалъ «нервическимъ разслабленіемъ», отъ котораго снова нашелъ спасеніе въ путешествіи. Существенною поддержкой Калайдовича въ этомъ положеніи было отношеніе къ нему Румянцева, во мнѣніи котораго Калайдовичъ поднимался по мѣрѣ того, какъ падалъ въ его мнѣніи Строевъ. Въ началѣ 1825 г. Калайдовичъ заключилъ съ канцлеромъ условіе, — правда, гораздо менѣе ловкое и неопредѣленное, чѣмъ то, которымъ Строевъ связалъ гр. Толстого. Калайдовичъ обзвываясь въ три года составить ученое описаніе славянскихъ и русскихъ рукописей московской Синодальной бібліотеки. Съ осени онъ принялся за работу, но успѣлъ сдѣлать немного. 3 января 1826 г. Румянцевъ скончался, и этотъ послѣдній ударъ окончательно подломилъ Калайдовича. Уже въ концѣ 1827 года родные замѣтили въ немъ признаки душевнаго расстройства; весной 1828 г. онъ былъ формально освидѣтельствованъ, объявленъ помѣшаннымъ и отставленъ отъ службы. Въ слѣдующемъ году психическая болѣзнь, правда, прошла, но здоровье не возвратилось *). Въ 1832 г. Калайдовичъ умеръ.

Малиновскій, Строевъ, Калайдовичъ—эти три имени характеризуютъ три послѣдовательные момента въ развитіи дѣятельности Румянцева. Въ 1813—1817 гг. главные интересы Румянцева сосредоточиваются на «сбораніи актовъ» и «лѣтописей». Въ 1817—20 гг. вниманіе канцлера обращается преимущественно на развѣдки въ русскихъ хранилищахъ. По инвентарнымъ каталогамъ Строева онъ знакомится съ богатствами древне-русской письменности. Въ 1820—24 гг., подъ впечатлѣніемъ этого знакомства, въ канцлерѣ особенно усиливается интересъ къ собиранію и изданію памятниковъ историко-литературныхъ. Наконецъ, въ два-три послѣдніе годы жизни мы видимъ въ канцлерѣ новую перемѣну, смыслъ которой характеризуется именемъ Востокова. Если ученость Строева поблѣднѣла въ глазахъ Румянцева передъ ученостью Калайдовича, то и ученый престижъ Калайдовича не могъ удержаться, когда канцлеръ познакомился съ настоящимъ специалистомъ своего дѣла, съ ученымъ въ современномъ смыслѣ слова. Въ 1820 году Востоковъ напечаталъ свое знаменитое *Разсужденіе о славянскомъ языкѣ*, впервые установившее, на основаніи Остромирова евангелія, законы славянской фонетики. Разсужденіе сразу покончило съ словопроизводствами шишковской школы и съ ея фантастическимъ «словенскимъ» языкомъ високаго штиля. Авторъ, до тѣхъ поръ молчавшій, былъ уже не новичкомъ и не юношей: ему было 40 лѣтъ, когда вышло въ свѣтъ *Разсужденіе*. Просто и ясно, безъ всякихъ претензій, безъ всякой погони за эффектомъ, Востоковъ излагалъ свои замѣчательныя открытія и сразу завоевалъ себѣ всеобщее вниманіе и признаніе. Годъ спустя по выходѣ *Разсужденія* Востокову попался пергаментный листокъ, подаренный Кешпену митр. Евгеніемъ. Пораженный сходствомъ правописанія этого листка съ языкомъ Остро-

*) *Безсоновъ*, стр. 86 — 88. *Барсуковъ*, стр. 136 — 137. *Кочубинскій*, стр. 138—139.

мирова евангелія, Востоковъ обратился къ Евгенію и получилъ отъ него цѣлый ворохъ пергаментныхъ обрывковъ. Въ самый короткій срокъ онъ вернулъ Евгенію эти обрывки въ сопровожденіи цѣлаго трактата по лингвистикѣ и палеографіи. Къ лингвистикѣ сотрудники Румянцева были слишкомъ мало воспріимчивы и подготовлены, но знатока палеографіи они оцѣнили сразу. Евгенийъ подѣлился замѣчаніями Востокова съ Румянцевымъ, и канцлеръ въ свою очередь «прельстился ими до крайности». «Давно уже я стараюсь,—писалъ онъ Евгенію,—но безъ успѣха, сблизиться короткимъ знакомствомъ съ г. Востоковымъ; онъ отъ того отказывался всегда тѣмъ, что, будучи страшный заика, очень страдаетъ съ незнакомыми людьми». Но теперь канцлеръ употребилъ всѣ усилія, чтобы преодолѣть застѣнчивость Востокова. Онъ немедленно «потребовалъ изъ Вѣны все, что тамъ было напечатано на пользу разныхъ колѣнъ славянскаго племени», и послалъ все это,—цѣлую библіотеку въ 89 книгъ,—къ Востокову при письмѣ, въ которомъ просилъ его «указать иной еще способъ способствовать трудамъ» Востокова. Завязалась переписка, а затѣмъ и личное знакомство. Приведенный самимъ ходомъ своей работы къ необходимости ознакомиться съ древнѣйшими рукописями библіотеки Румянцева, Востоковъ на второй годъ знакомства самъ предложилъ канцлеру заняться описаніемъ его рукописей. Румянцевъ ухватился за этотъ проектъ и съ своей стороны предложилъ Востокову уплатить ему въ теченіе трехъ лѣтъ ту сумму, которой тотъ лишился, отказываясь отъ нѣкоторыхъ служебныхъ занятій *). Какъ видимъ, на этотъ разъ, наконецъ, ученое описаніе рукописей было для составителя не простымъ финансовымъ предпріятіемъ, а дѣломъ, которое онъ сознательно и самостоятельно дѣлалъ въ интересахъ науки.

Дѣятельность Востокова справедливо называли высшею точкой, которой достигла русская наука въ кружкѣ сотрудниковъ гр. Румянцева. Какой-нибудь десятокъ лѣтъ отдѣляетъ эту дѣятельность отъ того времени, когда канцлеръ называлъ палеографію «паллиграфіей», а Бантышъ-Каменскій писалъ то же слово «полиографія». Въ этотъ десятокъ лѣтъ сотоварищи по ученой работѣ ощупью, ошибаясь и критикуя другъ друга, пользуясь черезъ посредство канцлера результатами взаимной работы, успѣли хорошо осмотрѣться въ кругѣ рукописныхъ источниковъ русской исторіи и сговориться относительно очередныхъ задачъ собственной ученой дѣятельности. Насколько эта совмѣстная напряженная работа подняла ученый уровень русской науки, лучше всего можно видѣть на томъ человѣкѣ, который болѣе другихъ былъ обязанъ кружку, и на томъ случаѣ, когда этотъ членъ кружка предсталъ передъ ученою коллегіей, совершенно непричастной кружковому вліянію. Мы говоримъ объ упоминавшемся уже предложеніи Строева историческому обществу въ 1823 году.

*) Переписка Востокова въ *Сборникъ статей, чит. съ отд. русск. яз. и словесности Импер. ак. наукъ*. V, вып. II, стр. 1—24, 81—82, 90—91, 94. Кочубинскій, стр. 155.

Въ 1823 году общество исторіи и древностей російскихъ при новомъ предсѣдателѣ А. А. Писаревѣ сдѣлало попытку оживить свою ученую дѣятельность. По обыкновенію, выбраны были новые члены и поднять вопросъ о продолженіи ученыхъ изданій общества. Только что выбранный въ члены, Строевъ выступилъ съ рѣчью, въ которой находилъ, что «цѣль общества будетъ маловажна и дѣйствія слишкомъ слабы и ограниченны, если, по двѣнадцатилѣтнемъ бездѣйствіи, оно снова займется печатаніемъ двухъ или трехъ списковъ лѣтописи, изданіемъ немногихъ достопамятностей и обнародованіемъ своихъ протоколовъ». По мнѣнію Строева, «сихъ предпріятій было достаточно въ эпоху образованія общества, когда отечественная Кліо младенчествовала... но въ настоящее время», — время Карамзина и Румянцова, — «предпріятія общества историческаго должны быть несравненно обширнѣйшія и цѣль гораздо важнѣйшая». Ораторъ самъ признавалъ, что къ новому взгляду на задачи общества онъ пришелъ благодаря дѣятельности Румянцова. «До отправленія меня государственнымъ канцлеромъ въ монастырскія бібліотеки (для ихъ описанія), — говорилъ онъ, — я, подобно другимъ, думалъ, что, кромѣ уже извѣстнаго, мало новаго можно отыскать въ нихъ. Но сколь перемѣнилось мое мнѣніе о письменныхъ памятникахъ литературы славяно-россійской *), когда, по описаніи (въ разныхъ книгохранилищахъ) болѣе 2,000 рукописей, я увидѣлъ, что все извѣстное намъ, есть не иное что, какъ небольшая частица огромнаго цѣлага, что оно будетъ незначительно передъ необъятною массой не открытаго». Естественно было заключить отсюда, что «безъ приведенія въ извѣстность всѣхъ памятниковъ нашей письменности невозможно довести до надлежащаго совершенства ни политической исторіи нашей, ни исторіи литературы славяно-россійской». Съ этой точки зрѣнія задачей ученаго общества становилось не «издавать только то, что найдется случайно или отчасти уже извѣст-

*) Какъ перемѣнилось, дѣйствительно, мнѣніе Строева не только о количествѣ, но и о внутреннемъ значеніи рукописныхъ памятниковъ, видно изъ сличенія двухъ его отзывовъ. Въ 1817 г., начиная свои поѣздки по монастырямъ, онъ писалъ Малиновскому: „Со времени пріѣзда нашего (въ Волоколамскій монастырь) по нынѣшній день (мы) окончили описью болѣе 130 рукописей; а какъ ось онъ суть книги церковныя: евангелія, апостоли, псалтыри, минеи, часословы и т. п., то, къ сожалѣнію, ничего важнаго, ниже любопытнаго не оказалось. Оне крайне безплодное поле на слѣдующей недѣлѣ будетъ нами пройдено, а потомъ откроется богатая нива — 106 толстыхъ сборниковъ, обещающая богатую историческую почву“. Переп. Румянцова, стр. 49. Въ 1823 г. тотъ же Строевъ пишетъ: „Не знаю, по какой причинѣ древніе и старинные списки богослужебныхъ, священныхъ и каноническихъ книгъ доселѣ мало у насъ уважаются; въ отношеніи литературномъ ихъ даже за ничто почитаютъ“. И онъ указываетъ далѣе, какъ важна исторія текста священныхъ книгъ для исторіи языка, для характеристики „тѣхъ многочисленныхъ измѣненій, какимъ и теченіе 700 лѣтъ подверглось славяно-русское наше нарѣчіе, въ перемѣнѣ значеніи словъ, въ грамматическихъ формахъ и самой фразеологіи“. И въ исторіи литературы онъ замѣчаетъ теперь пробѣлъ вслѣдствіе полнаго отсутствія свѣдѣній о томъ, „когда переведена Библия, богослужебныя книги, установленія церкви и многочисленныя творенія св. отцовъ, коими преисполнены наши рукописи“.

но», а «извлечь (изъ хранилищъ), привести въ извѣстность и если не самому обработать, то доставить другимъ средства обрабатывать письменные памятники нашей исторіи и древней словесности, разсѣянные» на всемъ пространствѣ Россіи. Для выполненія этой задачи Строевъ предлагалъ назначить экспедицію или, точнѣе, *три послѣдовательныя экспедиціи* въ сѣверную, среднюю и западную часть Россіи. Изъ составленныхъ экспедиціей каталоговъ рукописямъ библиотекъ духовнаго вѣдомства онъ предполагалъ, затѣмъ, сдѣлать «*Общую роспись*, систематически расположенную, которая представляла бы самое полное и вѣрнѣйшее описаніе всѣхъ гдѣ-либо существующихъ памятниковъ нашей исторіи и литературы отъ времени древнѣйшихъ до XVIII вѣка». И только тогда уже «будетъ подлежать послѣдняя, самая важная часть занятій общества: наступитъ *время изданій и критики*». Тогда будетъ уже зависѣть отъ воли общества издать «не два или три, случайно попавшихся» списка лѣтописи, а «цѣлое *Собраніе лѣтописцевъ и писателей русской исторіи*, обработанное критически», предпринять не одинъ журналъ съ «древними анекдотами», а составить цѣлый рядъ томовъ «пособій для древней литературы, дипломатики, исторіи политической и церковной, законовѣдѣнія и проч.». Словомъ, тогда только явится возможность «достигнуть великой цѣли, предположенной въ уставѣ общества: привести въ ясность російскую исторію» *).

Таковъ былъ «плодъ многолѣтнихъ трудовъ, опыта и соображеній» румянцевскаго кружка, предложенный отъ имени Строева московскому историческому обществу. Среди сочленовъ рѣчь Строева вызвала, однако же, мало сочувствія. Однимъ его предложенія, черезъ нѣсколько лѣтъ осуществленныя, представлялись химерой; другіе просто-на-просто приняли ихъ за дерзость со стороны молодого сочлена, вздумавшаго учить старшихъ. Вѣроятно, испугала и сумма денегъ, затребованная Строевымъ для осуществленія археографической экспедиціи. Въ концѣ-концовъ, общество склонилось къ предложеніямъ Калайдовича, который, попрежнему, отдавалъ обществу свой трудъ, не требуя денегъ. Вполнѣ признавая необходимость «привести въ извѣстность наши историческія сокровища», Калайдовичъ предлагалъ «отправить одного изъ членовъ для обозрѣнія» *нѣсколькихъ* важнѣйшихъ только библиотекъ, именно Софійской новгородской, Антоніева Сійскаго и Соловецкаго монастырей. Помимо же этого, онъ совѣтовалъ продолжать старыя изданія общества и, прежде всего, «обнародовать» 13 листовъ Лаврентьевской лѣтописи, напечатанные его учителемъ Тимковскимъ, тогда уже покойнымъ **). Мы знаемъ, что еще въ 1815 году объ этомъ сдѣлано было постановленіе, въ виду полученнаго отъ министра извѣстія, что въ слѣдующемъ (1816) году выйдетъ петербургское изданіе Лаврентьевскаго (=Пушкинскаго) списка. Но петербургское изданіе все еще не выходило и въ 1823 г., и

*) *Труды Общ. Ист. и Др. Росс.*, т. IV, стр. 277. Барсуковъ: „Жизнь Строева“, стр. 64—78.

**) *Вессоновъ*: „Калайдовичъ“, стр. 14—18 (Чтенія 1862 г., III).

общество рѣшило теперь «испросить дозволенія и содѣйствія» Румянцева «въ порученіи окончанія труда сего обществу». «Дозволенія», однако, не послѣдовало; канцлеръ сослался на начатое для него изданіе Оленина, и обществу оставалось вернуться къ первоначальному рѣшенію, на которомъ настаивалъ Калайдовичъ: опубликовать готовые 13 листовъ изданія Тимковскаго *). Изъ другихъ порученій общества Строеву досталось наиболѣе выгодное—сѣздить въ Софійскую бібліотеку, а Калайдовичу—наиболѣе тяжелое—подготовить матеріалъ для второго тома *Достопамятностей*, о которомъ онъ хлопоталъ уже давно. Какъ будто нарочно для того, чтобы подчеркнуть свою отсталость отъ общаго хода исторической работы, общество возобновило въ 1823 г. проектъ изданія біографическаго словаря митр. Евгенія. Рукопись Евгенія была прислана обществу еще въ 1812 году; съ тѣхъ поръ всякій разъ, какъ оживлялась дѣятельность общества (1815, 1817 гг.), оно принималось за пересмотръ словаря, пока, наконецъ, въ 1823 г. Евгеній не увѣдомилъ общества, что словарь имъ совершенно переработанъ, частями напечатанъ, и списокъ, залежавшійся въ обществѣ, потерялъ всякую цѣну. Вслѣдъ затѣмъ общество погрузилось въ прежнюю бездѣятельность. Документы, приготовленные Калайдовичемъ для *Достопамятностей*, остались лежать въ его бумагахъ. Никакого движенія не получили и принятыя обществомъ предложенія Калайдовича — издать Псковскую лѣтопись и какой-нибудь *Хронографъ* **).

Помимо бездѣятельности общества исторіи и древностей руссійскихъ, у насъ есть еще и другой способъ наглядно измѣрить путь, пройденный въ немногіе годы русскою историческою наукой. Рѣчь идетъ на этотъ разъ о старѣйшемъ членѣ кружка, наиболѣе независимомъ отъ него, вѣчно-дѣятельномъ митрополитѣ Евгеніи ***). Задолго до двѣнадцатаго года, когда сформировался румянцевскій кружокъ, Евгеній былъ уже специалистомъ по русской, особенно церковной исторіи. Какъ позже Строевъ и Калайдовичъ, Евгеній (тогда еще Евеній Болховитиновъ) началъ съ того, что написалъ русскую исторію по Болтину и Татищеву (1792—1793). Но уже тогда, а еще болѣе потомъ, когда онъ сдѣлалъ попытку написать русскую церковную исторію (1812—1816), ему должно было сдѣлаться яснымъ, что для составленія «подлинной» исторіи необходима предварительная разработка

*) *Безсоновъ*, 1. с. *Переписка Румянцева*, изд. Барсовымъ, стр. 264 — 65, 268. *Переписка Востокова*, стр. 84—89. Въ 1824 году изданіе Тимковскаго было, наконецъ, выпущено въ свѣтъ. Въ томъ же году появилось и изданіе Оленина, — очевидно, въ прямой связи съ попыткой историческаго общества.

***) Объ этихъ предложеніяхъ ср. *Безсонова*, стр. 17, и *Переписку Востокова*, стр. 59 и 60.

****) Ученой дѣятельности митр. Евгенія посвящены двѣ обширныя монографіи *Е. Шмурло*: „Митр. Евгеній, какъ ученый. Ранніе годы жизни“ (1767—1804). Спб., 1888 г., и *Н. Полетаева*: „Труды митрополита кіевскаго Евгенія Болховитинова по исторіи русской церкви“. Казань, 1889 г. Работа г. Шмурло выясняетъ, какъ сложилась личность ученаго изслѣдователя, а трудъ г. Полетаева даетъ обильный матеріалъ для оцѣнки роли его въ исторіографіи.

«знаній, пособствующих исторической наукѣ». Съ этихъ поръ главный интересъ Евгенія сосредоточивается на составленіи справочныхъ пособій, какими и явились *Исторія російской іерархіи* для церковной и *Словари* духовныхъ и свѣтскихъ писателей для литературной исторіи. По самому складу ума, трезваго и практическаго, не любившаго общенія и отвлеченностей, Евгеній гораздо болѣе подходилъ къ этого рода работамъ. «Сущность исторіи, — опредѣляетъ онъ уже въ 1794 г. *), — состоятъ въ томъ, чтобы представить бытіе и дѣянія сколько можно такъ, какъ они были, и въ такомъ порядкѣ, какъ были». Другими словами, идеалъ исторіи есть фотографическая точность историческаго изображенія. Не задаваясь цѣлью дать такое изображеніе, Евгеній накопляетъ для него какъ можно болѣе подробностей, въ увѣренности, что когда-нибудь и для чего-нибудь они кому-нибудь пригодятся. «Я вѣрю, — пишетъ онъ, — что и мелочныя замѣчанія часто объясняютъ цѣлую исторію; ибо въ натурѣ вещей мелочи сопровождаютъ важности». «Non sunt contemnenda quasi parva, sine quibus magna constare nequeunt» **). Но, накопляя мелочи для будущаго историка, самъ Евгеній не спѣшитъ ими воспользоваться. Онъ испытываетъ, повидимому, величайшее затрудненіе всякій разъ, какъ ему приходится сдѣлать выборъ между различными показаніями источниковъ или высказать собственное мнѣніе по предмету изслѣдованія. Въ томъ случаѣ, если онъ рѣшится, все-таки, принять опредѣленный взглядъ, часто его сомнѣнія по отношенію къ принятому взгляду тотчасъ же возростають и рано или поздно онъ присоединяется къ противоположному мнѣнію, которое раньше оспаривалъ. Въ большинствѣ же случаевъ онъ не принимаетъ никакого мнѣнія и спѣшитъ спрятаться за существующіе теоріи и взгляды, сопоставленіемъ которыхъ и ограничиваетъ свою задачу. Всего интереснѣе сравнить этотъ протоколизмъ оффиціальнаго стиля Евгенія съ умнымъ реализмомъ и злымъ остроуміемъ его частной переписки. Одно это сравненіе можетъ показать, что то «бездѣйствіе размышляющей силы», которое отмѣтилъ одинъ изъ критиковъ въ ученыхъ работахъ Евгенія, есть не только личное свойство автора, но также и особенность усвоенной имъ архаической ученой манеры. Ему случается не разъ обезличивать своими лѣтописными приѣмами тѣ самыя явленія, для которыхъ въ частныхъ письмахъ онъ находитъ самыя характерныя объясненія. Не менѣе характерны также и тѣ случаи, для которыхъ Евгеній дѣлаетъ исключеніе изъ обычнаго ему правила авторской сдержанности. Это случается только тогда, когда историку приходится принимать на себя защиту церкви или духовнаго сословія. Въ роли апологета-полемиста преосвященный іерархъ забываетъ подчасъ о своемъ ученомъ безпристрастіи и является прямымъ наслѣдникомъ и продолжателемъ іерарховъ XVII и XVIII столѣтій. Но и эти случаи чаще объясняются установившимися приѣмами обращенія съ деликатными сюжетами церковной исторіи,

*) Въ *Разсужденіи о знаніяхъ, пособствующих исторической наукѣ. Полтава*, стр. 529—530. *Шмурло*, стр. 152.

**) *Полтава*, 53, 57. Ср. также 533, прим. 2.

тѣмъ живымъ, непосредственнымъ отношеніемъ къ духовнымъ интересамъ церкви. Не даромъ такіе ревнители церкви, какъ кн. А. Н. Голицынъ и арх. Фотій, задедзривали Евгенія въ холодности къ вопросу о «душахъ и о спасеніи вѣрной паствы» *).

Стремленныя черты Евгенія, какъ ученаго, помогутъ намъ выяснитъ его отношеніе къ исторической наукѣ его времени. Какъ неутомимый собиратель матеріала, онъ шелъ впереди румянцевскаго кружка и указывалъ ему путь на первыхъ шагахъ его ученой дѣятельности. Біографія Евгенія сложилась такъ, что онъ сталъ знаткомъ русскаго рукописнаго матеріала задолго до Балайдовича, Строева и Востокова. Послѣ учительства въ воронежской семинаріи (1789—1800) Евгеній перешелъ въ петербургскую духовную академію на должность префекта (1800—1803 **); отсюда онъ переведенъ былъ въ званіи викарія въ Новгородъ (1804—1807); потомъ получилъ самостоятельную епископію въ Вологдѣ (1808—1813); изъ Вологды назначенъ епископомъ въ Калугу (1813—начало 1816), оттуда архіепископомъ въ Псковъ (1816—начало 1822) и, наконецъ, изъ Пскова митрополитомъ въ Кіевъ, гдѣ и пробылъ до самой смерти (1822—1837). Руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что «архивскіе подлинники время отъ времени погибаютъ, и потому нужно не упускать всего, что спасти можно», — Евгеній всюду, гдѣ ни появлялся, спѣшилъ привести въ извѣстность мѣстные рукописные матеріалы: знакомился съ бібліотеками учебныхъ заведеній, объѣзжалъ монастыри, приказывалъ къ себѣ на архіерейскую квартиру доставлять всевозможныя архивныя бумаги ***). Это была тоже своего рода археографическая экспедиція, продолжавшаяся всю жизнь и обогатившая русскую науку огромною массою архивныхъ открытій. Даже «общую роспись» этихъ открытій, вродѣ той, о которой мечталъ Строевъ, митр. Евгеній представилъ ученой публикѣ въ своихъ *Словаряхъ* духовныхъ и свѣтскихъ писателей ****). Но, подъ влияніемъ обширнаго мѣстнаго матеріала, проходившаго черезъ руки Евгенія, его ученые работы принимаютъ особый харак-

*) Многочисленныя иллюстраціи къ сдѣланной характеристикѣ можно найти въ книгѣ Полетаева, къ которой и отсылаемъ читателя. См. особенно стр. 90—97, 137—138 и 146, 165, 167, 174, 183 и 185, 212, 214—234, 239—240, 243, 253, 262—264, 304—305, 341, 377, 379—380, 384, 390—393, 463, 465 и 467, 470 и 471, 485, 491, 497—498, 504.

***) Поводомъ къ этому переходу была смерть жены и послѣдовавшее затѣмъ постриженіе Евгенія.

****) *Полетаевъ*, 43—44, 78, 102—104, 133—134, 170—171, 173—175, 533.

*****) Ср. *Полетаевъ*, стр. 351 (письмо Анастасевичу, 25 января 1818 г.): „Я съ вами согласенъ, что полезно издавать каталоги нашихъ рукописей... Что я давно чувствую сію важную истину, въ семь ссылаюсь на словарь мой, въ коемъ тщательно указываю, гдѣ находятся какія рукописи. Этотъ index дороже каталога печатныхъ книгъ, составленнаго Сопиковымъ. Я имѣю изъ каталоговъ московской патриаршей, новгородской, софійской, московской архивской, вологодской, архангельской и нѣкоторыхъ другихъ бібліотекъ такіе индексы и опытомъ дозвалъ пользу ихъ“. Подробнѣе о собранныхъ Евгеніемъ каталогахъ рукописей см. тамъ же, стр. 352—364.

терь. Рядомъ съ дальнѣйшею разработкой справочныхъ пособій онъ находитъ и другую форму, въ которой съ удобствомъ укладываются эти мѣстные матеріалы, не теряя при этомъ своего сырого справочнаго характера. Онъ составляетъ цѣлый рядъ пособій по областной исторіи, преимущественно церковной. Въ Воронежѣ онъ пишетъ свое *Историческое, географическое и экономическое описаніе Воронежской губерніи, собранное изъ исторій, архивныхъ записокъ и сказаній*. Въ Новгородѣ онъ издаетъ *Историческіе разговоры о древностяхъ великаго Новгорода*; въ Вологдѣ составляетъ описаніе 88-ми монастырей Вологодской епархіи, въ Псковѣ—свою *Исторію княжества Псковскаго, Лѣтопись Изборска*, описаніе шести мѣстныхъ монастырей и житія мѣстныхъ угодниковъ; наконецъ, въ Кіевѣ онъ печатаетъ *Описаніе Кіево-Софійскаго собора и исторію кіевской іерархіи, Описаніе Кіево-Печерской лавры и Кіевскій мѣсяцесловъ, съ присовокупленіемъ разныхъ статей къ російской исторіи и кіевской іерархіи относящихся*. Не говоримъ уже о томъ, что куда бы Евгенийъ ни появлялся, онъ старался направить на ученую работу мѣстныя силы, особенно учащихъ въ духовныхъ заведеніяхъ. Воронежскіе семинаристы, петербургскіе и кіевскіе студенты духовныхъ академій представили на данныя Евгениемъ темы цѣлый рядъ работъ, подчасъ превращавшихся, благодаря близкому участию пресвященнаго, въ его собственныя *).

Собиратель матеріала, организаторъ ученой работы и самъ ученый изслѣдователь, митр. Евгенийъ сосредоточивалъ въ одномъ своемъ лицѣ различныя специальности, распредѣлявшіяся между разными членами румянцевскаго кружка. Не входя въ составъ кружка въ качествѣ постояннаго сотрудника, онъ былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ корреспондентовъ Румянцова; черезъ канцлера онъ узнавалъ о текущей дѣятельности кружка, давалъ свою санкцію его ученымъ предпріятіямъ и постоянно обмѣнивался съ кружкомъ учеными справками. Какъ знатокъ рукописныхъ хранилищъ, онъ безусловно имѣлъ и надолго сохранилъ для кружка значеніе опытнаго и надежнаго совѣтника. Тѣмъ любопытнѣе отмѣтить, что онъ быстро потерялъ это значеніе, какъ сформировавшійся ученый изслѣдователь. Нельзя сказать, чтобъ онъ не былъ знакомъ съ тѣми вліяніями, которыя поставили кружокъ на точку зрѣнія «критической исторіи». Шлецера онъ не только зналъ и имѣлъ у себя, но его *Несторъ* былъ даже переведенъ, подъ надзоромъ Евгенія «разными учителями», прежде, чѣмъ успѣлъ выйти въ свѣтъ печатный переводъ Языкова. Онъ знаетъ очень хорошо и раздѣляетъ точку зрѣнія Шлецера на русскіе источники. Онъ знаетъ, что «около XVI вѣка богемскія, польскія и прусскія басни вошли въ русскія лѣтописи, а особливо въ *Степенныя книги*». Онъ знаетъ, что Никоновская лѣтопись «имѣетъ много недостатковъ», что *Синописи* «исполнены ошибокъ и несправностей», что Татищеву не доставало «строгой критики» **). Но,

*) *Полтавецъ*, стр. 27—28, 48, 176—182, 188—189, 475—477, 483—484 (прим.).

***) *Полтавецъ*, стр. 447, 510, 512, 523.

несмотря на все это, онъ остается, въ сущности, старымъ «читателемъ лѣтописей»,—любителемъ историческаго чтенія, для котораго здравый смыслъ съ успѣхомъ можетъ замѣнить правила исторической критики *). Полнота для него остается главною цѣлью изложенія, передъ которой отступаетъ на второй планъ достовѣрность. Въ интересахъ полноты, онъ всегда готовъ воспользоваться и тѣми подробностями, которыя «сплела одна *Степенная книга*», и *Синописомъ*, и Татищевымъ. Повѣствованія Юакимовской лѣтописи, «сомнительной» и «мнимой», по его мнѣнью, «нельзя почесть всѣ сущими вымыслами, ибо...» они «во многомъ дополняютъ сказанія Несторовы». Шведскій историкъ Даллинъ есть «врунь, недостойно названный государственнымъ историкомъ»; но «я въ семь есть многія нужныя намъ подробности, коихъ у другихъ нѣтъ». Наконецъ, даже Шлецера онъ готовъ, кажется, иногда цѣнить не столько какъ законодателя исторической критики, сколько какъ пособіе для присканія греческихъ и латинскихъ источниковъ русской исторіи **).

Самый способъ составленія ученыхъ трудовъ Евгенія характеренъ, какъ обращикъ той же старинной лѣтописной манеры. Всего чаще онъ исходитъ изъ какой-нибудь готовой, иногда печатной работы, начинаетъ пополнять и исправлять ее; потомъ, по мѣрѣ разростанія поправокъ, дѣлаетъ новый исправленный списокъ, въ свою очередь подвергающійся исправленіямъ и дополненіямъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго накопленія матеріала. Иной разъ вся эта работа оставляется преосвященнымъ въ мѣстномъ книгохранилищѣ, на поправку слѣдующихъ поколѣній и на удовлетвореніе мѣстной любознательности. Мѣстный интересъ, благочестивое усердіе почитателей и благотворителей мѣстной святыни, патріотизмъ колокольни—вотъ зачастую тѣ потребности, на удовлетвореніе которыхъ направлена ученая дѣятельность историка ***). Накопляемые коллективнымъ трудомъ, результаты этой дѣятельности чаще всего публикуются Евгениемъ анонимно, и надо думать, что подчасъ самому автору было бы трудно разобрать, гдѣ кончается чужая работа и гдѣ начинается его собственная. Этотъ полудобровольный отказъ отъ авторской индивидуальности стоитъ, конечно, въ тѣснѣйшей связи съ тою формально-безличною манерой писать, которую усвоилъ себѣ Евгений.

Мы видѣли уже, однако, что и сквозь эту манеру прорывается иногда авторская личность Евгенія. Не будемъ останавливаться на тѣхъ случаяхъ, когда сужденіе автора составляется въ угоду лицамъ или въ интересахъ церкви ****). Намъ важно отмѣтить теперь, что даже тогда, когда Евгений

*) Характернымъ образомъ, онъ спѣшитъ замѣнить выраженіе „строгой критики“ (о Татищевѣ) словами: „здравой критики“, а затѣмъ и вовсе вычеркиваетъ ихъ изъ своей характеристики. *Полетаевъ*, стр. 512.

**) *Полетаевъ*, стр. 507, 512. Особенно ярко выступаетъ эта неразборчивость Евгенія въ его *Исторіи славяно-русской церкви* (доведена до XI вѣка). См. тамъ же, стр. 127, 146, 199, 275—279, 452—513.

***) *Полетаевъ*, стр. 100, 108, 112—117, 119—122, 123, 124, 143, 148, 152, 155—156, 160, 236, 255, 258—262, 302—303.

****) *Ibid.*, стр. 381—382, 471.

остаётся вѣренъ себѣ въ своихъ сужденіяхъ,—эти сужденія обнаруживаютъ въ немъ представителя міровоззрѣнія, сильно устарѣвшаго ко времени Александра I. Не забудемъ, что Евгенийъ выросъ вмѣстѣ съ поколѣніемъ, которое, даже критикуя частные взгляды Монтескьё, Вольтера и Бейля, бессознательно впитало въ себя общія основы европейскаго рраціонализма *). Конечно, Евгенийъ не раздѣляетъ взгляда историковъ XVIII вѣка на религію, какъ на средство обмана, и на духовенство, какъ на сознательныхъ гасителей просвѣщенія. Но въ духѣ чистаго рраціонализма онъ готовъ считать язычество порожденіемъ суевѣрія и невѣжества, а языческіе обряды русскаго народа — заимствованными отъ грековъ и римлянъ, отъ германцевъ и скандинавовъ. Онъ не сомнѣвается, конечно, подобно своему сіятельному корреспонденту, въ томъ, что «чудотворныя иконы есть удѣлъ исторіи», и вводитъ ихъ въ исторію «безъ зазрѣнія совѣсти»; но при случаѣ и онъ готовъ объяснить легковѣріемъ предковъ ихъ вѣру въ чудесныя предзнаменованія природы. Точно также обнаруживается рраціонализмъ Евгения и въ склонности его объяснять историческія событія изъ личныхъ побужденій историческихъ дѣятелей **).

Всѣ эти черты ученой манеры, покинутой передовыми изслѣдователями еще въ прошломъ столѣтіи, оставались для большинства и въ началѣ нынѣшняго вѣка тѣмъ основнымъ фономъ, на которомъ совершалось развитіе русскаго историческаго науки. Изслѣдовательская дѣятельность румянцевскаго кружка и та теоретическая работа мысли, о которой мы будемъ еще говорить, окончательно отодвинули эти приемы и это міровоззрѣніе въ область преданій. Ученый іерархъ пережилъ самого себя. Вотъ почему значеніе его дѣятельности могло быть охарактеризовано совершенно вѣрно уже его младшимъ современникомъ. «Все было забыто или, по крайней мѣрѣ, разсѣяно,— писалъ въ 1807 г. одинъ іерархъ, желая похвалить *Разговоры о древностяхяхъ великаго Новгорода*,— а Евгенийъ собралъ въ одну кучу прекуръезную и любопытную». Черезъ четверть вѣка (1831 г.), по случаю выхода въ свѣтъ *Исторіи княжества Псковскаго*, та же похвала въ устахъ рецензента *Московскаго Телеграфа* превращается въ сдержанное порицаніе. «Авторъ подъ именемъ *Исторіи Пскова* представляетъ намъ только историко-ста-

*) *Шмурло*, стр. 51—87, 100—101. Вскорѣ по приѣздѣ въ Воронежъ, на мѣсто службы, Евгенийъ приобретаетъ для семинарскаго библіотеки такія книги, какъ словарь Бейля, сочиненія Вольтера, энциклопедію (*ibid.*, 106). Подъ руководствомъ Евгения семинаристы перевели *Философскія размышленія о происхожденіи языковъ* Мопертюи и *Вольтеровы заблужденія, обнаруженныя аббатомъ Ноннотомъ*; въ послѣдней книгѣ Евгенийъ приложилъ скомпилированную имъ самимъ біографію Вольтера и отрывы о немъ современниковъ. *Шмурло*, стр. 125—134; ср. 147—148.

**) *Полетаевъ*, стр. 212, 279—281, 453—454, 457. *Переписка Евгения съ Румянцевымъ*. Воронежъ, 1868 г. Вып. I, стр. 15 и 16. Въ *Исторіи славяно-русской церкви* находимъ такую замѣтку (*Полетаевъ*, стр. 501—502): „Много суевѣрныхъ страховъ расшѣваемо было отъ затмѣній солнечныхъ и др. метеорологическихъ явленій и отъ обращенія вспять рѣчныхъ теченій, всегда естественно бывающихъ при остромъ развитіи рѣкъ“. Самъ Татищевъ не выразился бы характернѣе.

тистические материалы... Никто кѣль *единственно* приведеніе въ систематическій порядокъ собранныхъ книгъ матеріаловъ, почтенный авторъ не *сложилъ въ критическія изслѣдованія*. Онъ означаетъ, откуда что почерпнуто: где читать, да разумѣть. Не можемъ не изъявить почтенному автору признательности за *множество новыхъ подробностей*. Это—богатое собраніе матеріаловъ» и т. д. Еще рѣче отхлѣтилъ критическое безразличіе Евгенія Погодина въ своей рецензіи на второе изданіе *Словаря писателей духовнаго чина (Московский Вѣстникъ 1827 г.)*: «Сочинитель, — замѣчаетъ онъ, — одинаковымъ, такъ сказать, тономъ говоритъ иногда о мнѣніи какого-нибудь Шлецера и о мнѣніи какого-нибудь Влагина» *).

Румянцевскій кружокъ, московское историческое общество и митр. Евгеній съ его случайными сотрудниками — вотъ три главные центра, около которыхъ сосредоточивалась изслѣдовательская работа въ первой четверти нашего вѣка. Для полноты мы должны были бы прибавить еще четвертый кружокъ ученыхъ нѣмцевъ (Лербергъ, Кругъ, Фронтъ), продолжавшихъ, по традиціи XVIII столѣтія, разрабатывать при петербургской академіи древнѣйшій періодъ русской исторіи. Но въ образцовыхъ работахъ этихъ спеціалистовъ мы найдемъ слишкомъ мало характернаго для современнаго имъ состоянія русской науки, кромѣ развѣ самого круга вопросовъ, ихъ интересовавшихъ и доступныхъ имъ по характеру ихъ учености. Намъ остается, поэтому, познакомиться со взаимнымъ отношеніемъ Карамзина къ его ученымъ современникамъ и современникамъ — въ *Исторіи государства Россійскаго*.

П. Милоковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) *Полтавецъ*, стр. 123, 158—159, 413—414. Тѣ же замѣчанія дѣлалъ и Полевой въ *Московскомъ Телеграфѣ* (1828 г.). Всего характернѣе обнаружилась критическая безпочвенность Евгенія по поводу поддѣлки въ 1810 г. „Баяновой пѣсни и нѣкоторыхъ провѣщаній новгородскихъ жрецовъ, писанныхъ руническими буквами“. Евгеній споря относится съ недовѣріемъ къ новому открытію, но ждетъ приговора ученыхъ; ватѣмъ вождѣ за петербургскими судьями начинаетъ вѣрить и пользоваться мнимыми памятниками старины, наконецъ, отказывается отъ нихъ, когда подложность ихъ была признана воѣми. *Полтавецъ*, 454—455, 458, 465—469.

Французская лирика въ XIX столѣтїи *).

IV.

Рѣдкія изъ поэтическихъ произведеній пользовались такимъ успѣхомъ, какой выпалъ на долю *Méditations* Ламартина, появившихся въ началѣ 1820 года. Общество съ нетерпѣніемъ ожидало появленія настоящаго поэта, не такого, какимъ былъ, напримѣръ, Делавинь, писавшій, какъ говорить Брюнетьеръ, рюемованною прозой. Поэтому не только большая публика, но даже заклятые враги поэзіи пришли въ восторгъ отъ первыхъ произведеній Ламартина.

Le Lac, le Vallon, l'Isolement и *l'Automne* читались, комментировались и превозносились во всѣхъ салонахъ. Вслѣдъ за первыми *Méditations* Ламартина явились въ 1823 году *Nouvelles Méditations* и *La Mort de Socrate*. Затѣмъ въ 1825 году слѣдовали *Le dernier chant du pèlerinage de Child Harold*, а въ 1830 году *Harmonies poétiques et religieuses*. Позднѣе, когда Ламартинъ уже цѣлкомъ предался политикѣ, онъ написалъ поэму *Jocelyn* (1836) и *La Châte d'un Ange* (1839). И это—почти все, что создано имъ въ стихотворной формѣ. Что же было новаго въ поэзіи Ламартина? Въ его первыхъ *Méditations* не все одинаково цѣнно, а, главное, не все ново. Насколько Ламартинъ принадлежалъ своему времени, на столько же въ его произведеніяхъ отразились преданія эпохи предшествующей. У него вы встрѣчаете фразы, напоминающія времена Директоріи и Имперіи: и «царяца тѣней», и «колесница Авроры», и «птицы Венеры», и слова Смерть и Время, начинающіяся большими буквами. Въ стихотвореніи *le Lac* цѣлыя полустихія взяты изъ Кино и Тома («Le flot fut attentif»... «O temps! suspends ton vol!...»). При чтеніи Ламартина нерѣдко слышатся вамъ: Жанъ-Батистъ Руссо, Лефранъ де-Помпиньянъ или Парни. Правда, что стихъ Ламартина въ высшей степени мелодиченъ, но, вѣдь, еще Буало требовалъ гармоніи и стройности стиха, и въ развитію этихъ качествъ стремились всѣ поэты, начиная съ Расина.

Не ново, по мнѣнію Брюнетьера, и религиозное чувство, вдохновляю-

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

щее автора *Méditations*. Этими чувствомъ уже были проникнуты стихотворенія епископа Берто, жившаго за два столѣтія до Ламартина, а у классическихъ поэтовъ то же чувство выражено въ переложеніяхъ библейскихъ псалмовъ. Такимъ образомъ, Ламартинъ является обладателемъ наследства, перешедшаго къ нему отъ Берто и Малерба, черезъ Корнелия, Расина, Руссо, Лэфрана де-Помпиньянъ и Жильбера. И здѣсь онъ только черпалъ изъ готоваго источника, но не открылъ этотъ источникъ.

На ряду съ этими традиціонными свойствами, развившимися въ Ламартинъ до небывалаго совершенства, поэзія его отличается дѣйствительно новыми и самобытными чертами. Сюда, прежде всего, должны быть отнесены богатство и изумительная легкость слога, которымъ нѣтъ ничего равнаго, за исключеніемъ развѣ превосходной прозы Ж. Занда въ ея первыхъ романахъ. Не менѣе ново у Ламартина *благородство вдохновенія*, то-есть благородство словъ, звуговъ, движеній и положеній. Ни одинъ поэтъ не обладалъ болѣе чистымъ взоромъ, болѣе изящнымъ воображеніемъ. По поводу этого свойства Ламартина Брюнетьеру припоминается прекрасная страница изъ *Élévations sur les Mystères* Боссюэта. «Для обузданія своего воображенія,—говоритъ Боссюэтъ,—мы должны постоянно занимать его священными образами. Тогда наши мысли будутъ исключительно возвышенными. Колесо, приводимое въ движеніе теченіемъ, находится въ постепенномъ вращеніи, но уноситъ лишь ту воду, которую встрѣчаетъ на своемъ пути; если вода въ рѣкѣ чиста, то она будетъ чиста и подъ колесомъ, и наоборотъ. Такъ точно, если память человѣка будетъ полна чистыхъ мыслей, то его воображеніе будетъ черпать и выносить на поверхность однѣ эти мысли. Мельничный жерновъ постоянно вертится, но мелеть лишь то зерно, которое на него насыпать; отъ ячменя получается ячменная мука, отъ ржи или пшеницы — ржаная или пшеничная мука». Ламартинъ, отчасти вслѣдствіе полученнаго имъ воспитанія, а, главнымъ образомъ, благодаря своему характеру, обладалъ странною, но удивительно счастливою способностью не видѣть ничего плоскаго, смѣшнаго, безобразнаго или отвратительнаго. Порокъ для него едва ли существовалъ; онъ только слышалъ о немъ. «Его душа,—какъ онъ сказалъ гдѣ-то,—подобна пламени, которое сжигаетъ и превращаетъ въ ароматъ все, что стремится омрачить ея чистоту». Насколько естественно существованіе поэтовъ, неспособныхъ оторваться отъ земли, являющихся узниками дѣйствительности и воспроизводящихъ съ равною силой, яркостью и выпуклостью какъ красоту, такъ и безобразіе, настолько же естественно въ Ламартинѣ его вѣчное стремленіе въ высъ. Только въ эфирной глубинѣ онъ и можетъ свободно дышать, двигаться и парить.

Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобъ поэзія Ламартина лишена была реальности. Подобно всѣмъ великимъ лирикамъ, онъ могъ съ успѣхомъ пользоваться и сатирою, доказательствомъ чему служатъ его *Contre la peine de mort*, *Réponse à Némésis* и нѣкоторые отрывки изъ *Jocelyn*. Несомнѣнно, впрочемъ, что не въ его характерѣ было сохранять надолго

то внутреннее волненіе и ту тревогу, которыя одни способны породить подобныя произведенія. Онъ касался земли лишь мимоходомъ и тотчасъ же, однимъ взмахомъ крыльевъ, достигалъ родныхъ высотъ, куда звуки земли долетали къ нему очищенные и одухотворенные пространствомъ. Его воображеніе своеобразно. Проходя черезъ его призму, все измѣняется: линіи облагораживаются, контуры приходятъ въ согласіе, краски смягчаются, и хотя дѣйствительность въ этомъ случаѣ «искажается», но всегда въ сторону чистоты и благородства.

Но самую важную заслугу Ламартина Брюнетьеръ видитъ въ опредѣленіи и разработкѣ чисто-лирическихъ темъ.

Извѣстно, что душою лирическаго произведенія является внутреннее настроеніе поэта, а пластическимъ выраженіемъ, такъ сказать, тѣломъ его, служатъ внѣшнія средства, формы, словесная рѣчь, чувства, идеи. Однако, и изъ собственныхъ чувствъ лирической поэтъ не долженъ дѣлать предметомъ своихъ пѣснопѣній такія рѣдкія и исключительныя чувства, которыя изолировали бы его отъ другихъ людей. Еслибъ онъ нарушилъ это правило и успѣлъ бы совершенно отдѣлиться отъ насъ, то мы перестали бы понимать его языкъ, какъ не понимаемъ санскритскаго или китайскаго языковъ.

Лирической поэтъ творить только по призванію. Этимъ онъ рѣзко отличается отъ драматурга и оратора. Ораторъ говоритъ вовсе не для того, чтобы говорить; онъ исполняетъ особаго рода обязанность, и будь онъ проповѣдникъ, адвокатъ или трибунъ, во всякомъ случаѣ, какъ мотивъ, такъ и содержаніе или форма его рѣчи не зависятъ исключительно отъ него. Если бы не существовали Филиппъ или Катилина, то мы не узнали бы, можетъ быть, того, сколько было патриотизма въ душѣ Цицерона или Демосеена. Мы не подозрѣвали бы, какая глубокая любовь къ человечеству и какая нѣжность таились въ сердцѣ Боссюэта, еслибъ ему не было приказано произнести надгробное слово надъ Генриеттою Англійской. Другое дѣло—лирической поэтъ. Ламартинъ, Виньи, Мюссе и Гюго не получали внушенія ни отъ кого, кромѣ самихъ себя, и *le Lac, la Colère de Samson, les Nuits, la Tristesse d'Olympio*—явились благодаря одной потребности излить то, что переполняло душу ихъ творцовъ. Лирической авторъ не изслѣдуетъ, не взвѣшиваетъ, не обдумываетъ пригодности своего сюжета, какъ это дѣлаютъ Корнель или Расинъ. Для него всѣ сюжеты пригодны, какъ скоро они взволновали его душу. Его поэзія, по выраженію Іоахима дю-Белло, имѣетъ много общаго съ дневникомъ, въ который поэтъ заноситъ свои ощущенія. И, дѣйствительно, *Méditations, Nuits* и *Feuilles d'Automne* знакомятъ насъ съ индивидуальностью ихъ авторовъ, и чѣмъ дальше мы идемъ въ пониманіи произведеній поэта, тѣмъ ближе узнаемъ его личность.

Наконецъ, и это едва ли не самое важное, лирической поэтъ выражаетъ особымъ, ему только свойственнымъ, способомъ ощущенія, чувства и мысли, предчувствіе которыхъ лежитъ въ каждомъ изъ насъ. Это будетъ вполне понятно, если мы обратимся къ отдѣльнымъ темамъ лирическихъ произведеній.

Возьмемъ для примѣра *патріотизмъ* или *свободу*. Они способны вдохновить поэта, и нѣкоторые лирики блестящимъ образомъ доказали это: таковы Пиндаръ, Гораций, а изъ новѣйшихъ Арндтъ, Кёрнеръ, Барбье. Но эти темы быстро истощаются, или, лучше сказать, онѣ, будучи лирическими по началу, тотчасъ же становятся чисто-ораторскими, и причиною этого явленія служить слѣдующее: число способовъ для пониманія свободы или патріотизма очень ограничено, а въ каждый данный моментъ исторіи народа существуетъ одинъ истинный, исключительный и желательный видъ свободы или патріотизма, всѣ же другіе виды представляютъ не болѣе, какъ ограниченіе перваго или подражаніе ему. Такимъ образомъ, чувства свободы или патріотизма имѣютъ характеръ общности; они никому не принадлежатъ въ отдѣльности и составляютъ, такъ сказать, *res nullius*. Наконецъ, эти чувства получаютъ силу и осуществленіе не иначе, какъ при содѣйствіи всѣхъ современниковъ и всѣхъ гражданъ одной отчизны. Прибавимъ къ этому, что свобода и патріотизмъ отличаются такою ясностью и опредѣленностью, которыя не даютъ мѣста ничему мечтательному или таинственному, столь необходимымъ для лирическаго поэта. Поэтому-то мы и видимъ въ исторіи, что темы патріотизма и свободы, не будучи вполне чуждыми лирикамъ, разрабатывались, главнымъ образомъ, другими поэтами, какъ, напримѣръ, авторомъ *Илиады*, анонимнымъ труверомъ, сложившимъ пѣснь о Роландѣ, Эсхиломъ въ его *Персахъ*, Шекспиромъ въ его историческихъ драмахъ, Корнелемъ.

Чисто-лирическими темами слѣдуетъ считать тѣ, которыя поддаются столькимъ варіаціямъ, сколько существуетъ различныхъ оттѣнковъ чувствительности и способовъ воспріятія впечатлѣній. Главнѣйшею изъ такихъ темъ служить *любовь*, такъ какъ, сравнивая двухъ человѣческихъ индивидуумовъ или два момента въ жизни одного и того же человѣка, мы убѣждаемся, что нѣтъ чувства болѣе непостояннаго, болѣе измѣнчиваго и полнаго противорѣчій. Всѣ понимаютъ его, но одни видятъ въ немъ не болѣе, какъ удовлетвореніе низкаго инстинкта, «обмѣнъ двухъ фантазій», минутное развлеченіе, годное для того, «чтобы провести часъ-другой»,—таковъ взглядъ Анакреона, Горация и Беранже. По мнѣнію другихъ, любовь—«жестокій бичъ людей и боговъ», но, вмѣстѣ съ тѣмъ, единственная цѣль въ жизни, нѣчто болѣе ужасное и горестное, чѣмъ смерть, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, любовный напитокъ, безъ котораго люди не могли бы обойтись. Таковы: въ древности—Сафо, въ наше время—Мюссе и Виньи. Третья находятъ въ любви идеальное начало, которое очищаетъ человѣка и возвышаетъ его надъ самимъ собой, которое становится для него источникомъ великодушныхъ рѣшеній, высокихъ идей и громадныхъ жертвъ: это—люди, надъ которыми смѣются эпикурейцы, потому что не понимаютъ ихъ; это—Петрарка и Дантъ. Съ своей стороны, Ламартинъ понималъ чувство любви по-своему. Новизна и оригинальность его взгляда, близко подходившаго ко взгляду Руссо, заключаются, по мнѣнію Брюнетьера, въ томъ, что Ламартинъ въ любви видѣлъ проявленіе самого Бога. Эта идея любви проходитъ

черезъ всё его произведенія. Любовь для Ламартина есть дѣйствительно Богъ, ощущаемый сердцемъ. Ламартинъ, по словамъ Брюнетьера, не вѣрилъ бы, если бы не любилъ. Безконечность любви является для него положительнымъ доказательствомъ существованія Бога, оставаясь при этомъ и величайшею тайной. Если впоследствии романтики и сдѣлали эту манеру чувствовать и понимать любовь всеобщю, то въ 1820 г. она была безусловно новою и достаточно плодотворною для того, чтобы сразу упрочить за Ламартиномъ мѣсто въ ряду величайшихъ лириковъ.

Другая тема—*природа*. Если знакомство съ законами природы одинаково доступно для всѣхъ умовъ, то доставляемая ею ощущенія, наоборотъ, зависятъ исключительно отъ тонкости или остроты чувствъ. Поэтому у всѣхъ крупныхъ лирическихъ поэтовъ есть свой собственный взглядъ какъ на любовь, такъ и на природу, извѣстная манера чувствовать и ощущать природу, составляющая какъ бы часть ихъ личности. Въ глазахъ Гюго или Виньи природа является не тѣмъ, чѣмъ она представляется Ламартину, какъ это можно видѣть изъ его стихотворенія *Le Vallon*, изъ нѣсколькихъ описаній природы въ поэмѣ *Jocelyn* и послѣднихъ словъ Чайльдъ-Гарольда. Для Ламартина природа—великая утѣшительница, кроткая и благодѣтельная сила, у которой найдется всегда откликъ на наши радости и цѣлительный бальзамъ для облегченія нашихъ горестей. Въ ней Ламартинъ видитъ снова своего Бога, что служитъ связью между его пониманіемъ природы и пониманіемъ любви. Брюнетьеръ замѣчаетъ, что никто не чувствовалъ природу такъ непосредственно и не любилъ ее проще, связывая ее съ мельчайшими своими воспоминаніями, какъ этотъ человекъ, «рожденный среди пастуховъ». Въ этомъ случаѣ онъ также вполне оригиналенъ. Другія описанія природы, встрѣчающіяся во французской поэзіи, въ сравненіи съ описаніями Ламартина—театральны, книжны и менѣе прочувствованы.

Рядомъ съ природою и любовью Брюнетьеръ ставитъ третью тему — *смерть*. Эта тема, повидимому, столь однообразная, въ дѣйствительности становится разнообразною, смотря по времени, мѣсту и людямъ. По Ламартину смерть является кротою избавительницей отъ земныхъ несчастій и торжественнымъ переходомъ къ безсмертію. Остальные поэты смотрятъ на нее иначе. Для однихъ, какъ для Гюго, смерть есть невѣдомый путь, царство ужасовъ, неизбѣжный расчетъ, постоянный страхъ передъ которымъ отравляетъ и омрачаетъ радости жизни. Другіе въ смерти всего болѣе боятся разлуки съ дорогими людьми и любимыми предметами, разрыва узъ, привязывающихъ ихъ къ жизни, утраты самой жизни и, подобно древнимъ, трепещутъ при мысли о переходѣ отъ яснаго солнечнаго свѣта къ мраку Эреба. Есть и такіе, которые не боятся смерти, какъ, напримѣръ, Виньи и Бодляръ, потому именно, что она—разлука, начало мирнаго небытія, конецъ смѣшныхъ и мучительныхъ тревоженій и погруженіе въ «нирвану» индусовъ. Существуетъ еще множество иныхъ способовъ понимать и предчувствовать смерть, такъ что трудно найти тему, богатство и глубина которой могли бы сравняться съ темою смерти.

Таковы главнѣйшія темы лирическихъ произведеній. Но не бесполезно остановиться еще на одной чертѣ, отличающей эти произведенія отъ эпическихъ и драматическихъ. Дѣло въ томъ, что *Иліада*, а тѣмъ болѣе *Одиссея*, въ Греціи, *Энеида* въ Римѣ, *Сидъ*, *Гораций*, *Андромаха*, *Федра* во Франціи, не говоря уже о *Тартюфѣ* и *Мизантропѣ*, суть, въ сущности, подражанія современной жизни, или, пожалуй, толкованія и переложенія дѣйствительности. То же самое можно сказать и объ ораторскомъ искусствѣ, такъ какъ оно всегда стремится возбудить къ дѣйствию. Лирическая поэзія, наоборотъ, въ своихъ чувствахъ любви, природы и смерти постоянно стремится освободиться отъ дѣйствительности. Ее манитъ къ себѣ неизвѣстное, то, что «ни одно око не видѣло и ни одно ухо не слышало». Дѣйствительность какъ бы служитъ ей точкою опоры для стремленія вверхъ. Она пользуется дѣйствительностью для того, чтобы раскрыть тайну, заключенную въ оболочку этой дѣйствительности. Такимъ образомъ, лирика болѣе чѣмъ какой-либо другой видъ поэзіи приближается къ философіи.

Но съ 1830 г. поэзія Ламартина изъ фллософской малу-по-малу обращается въ ораторскую. Въ *La Chûte d'un Ange* мы видимъ лишь рямованное краспорѣчіе.

Въ талантѣ Ламартина, вѣроятно, было почти столько же ораторскаго элемента, сколько и поэтическаго, вслѣдствіе чего, ударившись въ политику и ставши однимъ изъ лучшихъ ораторовъ французской трибуны, онъ вполне удовлетворился этою дѣятельностью. Время отъ времени, въ видѣ отдохновенія отъ занятій, которыя казались ему болѣе благороднымъ и полезнымъ приложеніемъ его способностей, онъ лѣниво, небрежно и презрительно ронялъ нѣсколько стиховъ. Но это было только слѣдствіе старой привычки, воспоминаніе юности. Въ этихъ стихахъ не было и слѣда вдохновенія. Какая разница съ авторами *Destinées* или *Contemplations!* Послѣдніе, какъ увидимъ дальше, остались поэтами до конца жизни, и политика, которою страстно увлекался одинъ изъ нихъ, В. Гюго, никогда не была въ состояніи отвлечь его отъ поэзіи и искусства. Больше того. Именно тогда, когда можно было считать Гюго погруженнымъ въ политику, онъ приготавлилъ свои *Contemplations*, свою *Légende des siècles*, свои *Chansons des rues et des bois* и нѣкоторыя другія изъ лучшихъ своихъ произведеній. Ламартинъ же въ дѣйствительности забылъ, что былъ нѣкогда поэтомъ; и подобно тому, какъ онъ поручалъ своимъ секретарямъ подписывать рѣмы къ его неоконченнымъ стихамъ, такъ, создавши лирическія темы современной поэзіи, онъ предоставлялъ другимъ развивать эти темы.

Въ виду этого,—говоритъ Брюнетьеръ,—бесполезно было бы распространяться о недостаткахъ, въ которыхъ упрекаютъ Ламартина. Несомнѣнно, что въ его стихахъ слишкомъ много погрѣшностей; въ нихъ попадаются въ избыткѣ слабыя или посредственныя рѣмы, безобразія нѣкоторыя изъ его лучшихъ произведеній; въ нихъ также черезъ-чуръ много аффектированнаго пренебреженія къ искуству.

Переходя къ роли Ламартина въ эволюціи лиризма, Брюнетьеръ указываетъ на то, что этотъ великій поэтъ создалъ почти всѣ лирическія темы, которыя въ теченіе полувѣка послѣ него продолжали служить предметомъ поэтическаго творчества, но онъ не сообщилъ личному началу или нашему «я» всего того значенія, на которое оно имѣло право. Ламартина, вопреки датамъ, едва ли можно считать романтикомъ, такъ какъ въ то время, когда явился романтизмъ, чтобы довершить эмансипацію личнаго «я», Ламартинъ уже былъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ сдѣлаться.

У.

До сихъ поръ мы указывали значеніе Руссо, Шатобриана и Ламартина въ эволюціи лиризма. Значеніе это было важно и таланты этихъ представителей лиризма были велики. Но почему же имъ не удалось довершить дѣло лиризма? Что еще нужно было для того, чтобы личный элементъ «я» получилъ полную свободу и силу? И по какой причинѣ окончательное разрѣшеніе этой задачи лиризма исполнено было не названными поэтами, а ихъ преемниками—В. Гюго, Мюссе, Виньи, Сентъ-Бёвомъ и Готье? Для отвѣта на эти вопросы необходимо, прежде всего, выяснитъ три понятія, съ которыми мы должны будемъ постоянно имѣть дѣло при дальнѣйшемъ изложеніи: лиризмъ, романтизмъ и индивидуализмъ. При этомъ, попутно, придется затронуть еще два вопроса: о роли французской революціи и о вліяніи иностранныхъ литературъ въ развитіи лиризма.

Лирика, какъ уже было сказано, представляетъ таковой видъ поэтическихъ произведеній, въ которомъ преобладаютъ внутреннее настроеніе и личный элементъ поэта. На это возражаютъ, что въ каждомъ видѣ поэзіи личность занимаетъ главное мѣсто, такъ какъ, говорятъ, только Гомеръ написалъ *Илиаду* и только Шекспиръ далъ намъ *Отелло*. Это правда. Но попытаемся изъ *Илиады* или *Одиссеи*, изъ *Макбета* или *Отелло* вывести психологію Гомера и Шекспира, то-есть получить свѣдѣнія о самихъ авторахъ, ихъ вкусахъ, исторіи ихъ любви, интимныхъ и исключительныхъ обстоятельствъ ихъ жизни и о послѣдовательномъ развитіи ихъ чувствъ и мыслей. Однимъ словомъ, попробуемъ представить себѣ этихъ писателей во весь ростъ, извлекая для этого данныя изъ упомянутыхъ произведеній ихъ. Неудачу подобной попытки можно предсказать заранѣе уже по одному тому, что до сихъ поръ никто не могъ вѣрно сказать: не былъ ли авторомъ драмъ Шекспира канцлеръ Бэконъ и существовалъ ли когда-нибудь Гомеръ? Что же касается лириковъ: Байрона, Гёте, Ламартина, Гюго, Виньи, Мюссе, то мы, если пожелаемъ, можемъ изъ ихъ твореній почерпнуть свѣдѣнія о самыхъ личностяхъ ихъ. Поэзія ихъ индивидуальна не потому лишь, что, подобно поэмѣ Гомера или драмѣ Шекспира, носить на себѣ печать исключительнаго генія, но и потому еще, что раскрываетъ передъ нами самыя глубокія и душевныя мысли и чувства ея творцовъ. Она говоритъ намъ не только, что эти поэты думали о любви, природѣ и смерти, но и о мѣ-

стахъ, гдѣ они жили, о впечатлѣніяхъ, которыя они переиспытали, объ ихъ привычкахъ, вкусахъ и даже объ ихъ недостаткахъ. Ихъ личность все время на первомъ планѣ; ихъ рѣчь содержитъ въ себѣ признаніе, исповѣдь. Если же они случайно выходятъ за предѣлы самихъ себя, чтобы подвизаться въ драмѣ или эпической поэмѣ, то въ переодѣтомъ Донъ-Жуанѣ или подъ романтическими лохмотьями Эрнани всегда не трудно узнать лорда Байрона или Виктора Гюго.

Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, — говорить Брюнетьеръ, — чтобы поэтамъ-лирикамъ принадлежало право сообщать намъ ихъ тайны алькова или семейной жизни, хотя они дѣлали и это, какъ, напримѣръ, Гёте, сдѣлавшій изъ страстно-любимыхъ имъ женщинъ, Шарлоты, Фредерики, Лили или госпожи Штейнъ, не болѣе, какъ источникъ вдохновенія для своихъ *Lieder*, или какъ средство для расширенія своей поэтической славы на счетъ ихъ привязанностей. Тѣмъ же отличались во Франціи Сентъ-Бёвъ и Мюссе. Но отъ поэтовъ требуютъ обыкновенно, чтобы ихъ поэзія, будучи «индивидуальной», не переставала быть, въ то же время, и «общей». Имъ дозволяется дѣлать себя центромъ міра, однако, они не должны забывать, что центръ предполагаетъ существованіе окружности; они обязаны помнить, что эхо или зеркало, съ которыми ихъ часто сравниваютъ, не болѣе, какъ эхо и зеркало, и что всѣ явленія, отражаемыя ими, равно какъ причины и конецъ этихъ явленій, лежатъ внѣ ихъ.

Для того, чтобы вѣрнѣе сохранить эту гармонію съ окружающимъ міромъ, поэтъ, обыкновенно, вдохновляется случаемъ или дѣйствительностью. Что вдохновляетъ автора *Feuilles d'automne* или *Chants du crépuscule*? Королевскій кортежъ, событіе въ парламентѣ, сборъ милостыни, балъ въ ратушѣ, какое-нибудь происшествіе, семейная прогулка — и воображеніе поэта разыгрывается, является вдохновеніе, выражающееся въ прекрасныхъ звукахъ. То же видимъ мы и у Гёте, говорившаго, между прочимъ, что «всякое стихотвореніе должно быть стихотвореніемъ на случай», у Петрарки, воспѣвавшаго свою Лауру, даже у Пиндара въ его *Пиникахъ*. Черная свое вдохновеніе изъ дѣйствительности, поэтъ можетъ быть увѣренъ, что не онъ одинъ заинтересованъ этою дѣйствительностью, такъ какъ то, что поражаетъ его сначала, поражитъ и другихъ, и его чувства пробудятъ въ читателѣ чувства сходныя или, можетъ быть, противоположныя, но во всякомъ случаѣ относящіяся къ этому же предмету. Поэтъ долженъ отличаться отъ другихъ, раздѣляя всѣ ихъ впечатлѣнія, быть «оригинальнымъ» и, въ то же время, похожимъ на другихъ, «общечеловѣческимъ» и «индивидуальнымъ». Гёте говорилъ, что «частное получаетъ общій и поэтической характеръ именно потому, что передается поэтомъ». Можно сказать наоборотъ, замѣчаетъ Брюнетьеръ, что общее становится въ душѣ поэта личнымъ.

Богатство языка составляетъ отличительную черту лирическихъ поэтовъ. Если ихъ называютъ лириками за то, что у нихъ существуетъ индивидуальное пониманіе и особая манера чувствовать любовь и смерть, а въ особенностяхъ природу, то эта индивидуальность выражается, конечно, въ языкѣ

и, прежде всего, въ новыхъ образахъ, въ роскошныхъ метафорахъ, въ неожиданныхъ эффектахъ, получаемыхъ вслѣдствіе искуснаго подбора словъ.

Будучи личною въ существѣ своемъ, лирическая поэзія является такою же и во внѣшней формѣ. Эпическая поэма пишется, обыкновенно, гекзаметрами (*Иліада*) или десятистопнымъ стихомъ (*Письмо о Роландѣ*), трагедія — ямбамъ (*Эдипъ въ Колоннѣ*) или александрійскимъ стихомъ (*Федра*). Эти формы крѣпки, симметричны, безличны; онѣ скорѣе напоминаютъ броню или доспѣхи, чѣмъ одежду; въ нихъ есть что-то строгое и неподвижное. Напротивъ, лирическая поэзія, благодаря разнообразію размѣра, является чѣмъ-то безконечно гибкимъ, тягучимъ и волнообразнымъ. Подобно тому, какъ легкая, блестящая матерія обрисовываетъ малѣйшіе изгибы человеческого тѣла, приспособляется ко всевозможнымъ положеніямъ его, никогда имъ не мѣшаетъ и, будучи снята, сохраняетъ еще въ своихъ складкахъ нѣчто живое, такъ и размѣръ лирическихъ стихотвореній, неодинаковый и разнообразный, приспособляется къ изображенію того, что есть самаго нѣжнаго, неуловимаго и, слѣдовательно, самаго индивидуальнаго въ мысляхъ или чувствахъ.

Заканчивая опредѣленіе лиризма, Брюнетьеръ повторяетъ, что въ лиризмѣ личное чувство не составляетъ *всего*, что недостаточно быть «эгоистомъ» для того, чтобы сдѣлаться лирическимъ поэтомъ. Но нельзя не признать, что личное чувство является, такъ сказать, психологическимъ основаніемъ или необходимою для лиризма сущностью. Лирическая поэзія есть выраженіе личныхъ чувствъ поэта, передаваемое соответствующимъ его душевному настроенію ритмомъ, живымъ и быстрымъ въ радости, томительнымъ въ печали, порывистымъ въ страсти и, подобно ей, то вкрадчивымъ, ласкающимъ и сладострастнымъ, то, напротивъ, безпорядочнымъ и нестройнымъ.

При этихъ условіяхъ, развитію лиризма всегда и вездѣ должно благоприятствовать развитіе *индивидуализма*, и дѣйствительно такъ было во Франціи между 1820 и 1830 г. Эмансипированный *Новою Элоизой* или *Исповѣдью*, человекъ XVIII вѣка, вслѣдъ за своимъ освобожденіемъ, попалъ въ едва ли менѣе тяжкое рабство *Общественнаго договора*. Вспыхнула революція, затѣмъ наступили времена имперіи, военный деспотизмъ, тяготѣвшій въ теченіе 20 лѣтъ не только надъ Франціей, но и надъ всей Европой, за исключеніемъ Англіи; наконецъ, въ первые годы реставраціи, когда паденіе императорскаго режима можно было считать символомъ вновь завоеванной свободы, появилась сильная религіозная реакція, о которой до сихъ поръ еще напоминаютъ намъ имена Бональда и Жозефа де-Местра.

Но, наконецъ, къ 1825 году, подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, воскресаетъ, вездѣ и вдругъ, вліяніе французской революціи, и человеческая личность вступаетъ въ свои права, созданныя для нея этимъ великимъ движеніемъ. Оказалось, что революція разрушила все, что нѣкогда было соединено въ группы, — аристократію, духовенство, корпораціи и даже семью, все, что возвышалось ступенями между личностью и государствомъ, все,

что связывало двухъ земляковъ или мастеровъ одного ремесла, и все, что составляло для нѣсколькихъ человекъ, такъ связать, одну общую душу.

Сдѣлавшись единственнымъ и неограниченнымъ властелиномъ надъ самимъ собою, индивидуумъ съ этихъ поръ появляется во всей своей независимости. Подъ однимъ условіемъ соблюдать законы своей страны, каждый имѣеть право во всемъ руководиться только своею личною пользою.

Съ другой стороны, — говоритъ Брюнетьеръ, — уничтоживъ всѣ преграды, открывъ всѣ поприща, предлагая всякому въ награду, если не въ добычу, богатство, наслажденіе, почести и власть, революція сдѣлала изъ саморазвитія, изъ интенсивной культуры личнаго «я» главный предметъ и главное правило самаго воспитанія. Человѣкъ долженъ развивать всѣ свои способности, причемъ подъ этимъ словомъ слѣдуетъ разумѣть не только его достоинства, но всѣ его силы, каковы бы онѣ ни были, даже недостатки и пороки, какъ средства, вложенныя въ него природою, какъ способы достиженія счастья, какъ оружіе, данное ему для участія и для побѣды въ «жизненной борьбѣ». И что такое, въ самомъ дѣлѣ, «недостатки» и «пороки»? Развѣ не все «выходитъ совершеннымъ изъ рукъ Творца міра»? Не положила ли революція парадоксъ Руссо въ основу своихъ учреждений? Не стремилась ли она уничтожить въ человѣкѣ чувство его испорченности и развращенности, ослабляя въ немъ обуздывающую силу? Въ то время говорилось, что обуздывать свои пороки, работать надъ своимъ нравственнымъ совершенствованіемъ — значитъ трудиться надъ тѣмъ, чтобъ ослабить себя для борьбы и собственными руками приготовить свое пораженіе. Добродѣтель заключается въ томъ, чтобы одерживать побѣды, и единственный порокъ — потерпѣть неудачу.

Чтобы получить понятіе объ этомъ состояніи ума и чтобъ уяснить себѣ послѣдствія такого излишка, этой гипертрофіи индивидуализма, Брюнетьеръ совѣтуетъ просмотрѣть романъ Стендаля *Le Rouge et le Noir*, эту хронику 1830 г., какъ называетъ его самъ авторъ. Сомнѣнія не мучать Жюльена Сореля, и никогда еще безнравственность не опиралась на такіе твердые принципы. Вспомнимъ вызовъ, который онъ бросаетъ присяжнымъ: «Я не прошу у васъ милости... Мое преступленіе было жестоко и предумышленно... Но, еслибъ я былъ и менѣе виновенъ, то все же я вижу передъ собою людей, неспособныхъ проникнуться состраданіемъ, которое можетъ вызвать моя молодость. Эти люди пожелаютъ въ моемъ лицѣ наказать и обезоружить молодыхъ людей, которые, принадлежа по происхожденію къ низшему классу и будучи угнетаемы бѣдностью, получили, къ счастью, хорошее образованіе и имѣютъ смѣлость причислять себя къ тому, что у надменныхъ богачей называется «обществомъ» (*Le Rouge et le Noir*, II, 41). Вспомнимъ, какъ онъ провозглашаетъ «власть сильнаго и обширнаго ума надъ грубымъ умомъ простыхъ смертныхъ». Вспомнимъ, наконецъ, его размышленія въ тюрьмѣ: «*Естественнаго права нѣтъ*; это старый вздоръ, достойный лишь генеральнаго адвоката, который обвинялъ меня на-дняхъ и предокъ котораго разбогатѣлъ, благодаря конфискаціямъ при Людовикѣ XIV.

Право является только тогда, когда есть законъ, запрещающій что-нибудь подъ страхомъ наказанія. До появленія такого закона *естественна* только сила льва или потребность существа, страдающаго отъ голода или холода,—однимъ словомъ, *потребность*... А людей, пользующихся уваженіемъ, я считаю не болѣе какъ мошенниками, которымъ выпало счастье не быть захваченными на мѣстѣ преступленія» (*Le Rouge et le Noir*, II, 44).

Таковы были идеи, которыя бродили въ умахъ нѣкоторой части молодежи въ 1831 году и которыя встрѣчаются въ *Hernani* и въ *Antony*. Хотя онѣ здѣсь не такъ рѣзко выражены и являются подъ вліяніемъ инстинкта, страсти или поэтическаго настроенія, но въ сущности онѣ сходны съ идеями Жюльена Сореля. Появленію этихъ идей благоприятствовала еще другая причина — вліяніе иностранныхъ литературъ.

Между 1820 и 1830 годами, какъ будто вслѣдствіе сближенія европейскихъ народовъ на поляхъ Лейпцига и Ватерлоо и происшедшаго, такимъ образомъ, смѣшенія расъ, проникъ во французскую литературу духъ сѣверныхъ литературъ. Классическая литература XVI и XVII вѣковъ позаимствовала съ юга Европы все, что могло быть усвоено французскимъ гениемъ. Но если Вольтеръ и Дюссъ въ XVIII вѣкѣ подражали Шекспиру, а Дидро черпалъ свое вдохновеніе у Ричардсона и Стерна, то они брали у нихъ только то, что было проникнуто классическимъ духомъ, причемъ они не могли ничего взять изъ нѣмецкой литературы, которая въ ихъ время едва нарождалась. Они, впрочемъ, не видѣли, что сѣверныя литературы, по сравненію съ литературами юга, являются преимущественно индивидуалистическими; на эту характерную черту первая указала г-жа Сталь. По наблюденіямъ ея, какъ въ Англіи, такъ и въ Германіи, писатель пишетъ прежде всего для себя. Тамъ нѣтъ правилъ, ограничивающихъ полнѣйшую свободу поэта, и нѣтъ публики, которой бы онъ считалъ себя обязаннымъ угождать. Англійскій *litour*, въ сущности, есть право писателя думать обо всемъ такъ, какъ ему захочется... Въ этомъ отношеніи съ нимъ сходенъ и нѣмецкій *Gemüth*.

Еще важнѣе было то обстоятельство, что между 1820 и 1830 годами явились два великихъ чловѣка, сдѣлавшіеся главными представителями индивидуализма. Одинъ—Вольфгангъ Гёте, другой—лордъ Байронъ. Всѣмъ извѣстно огромное вліяніе, которымъ пользовался Байронъ. Оно не было продолжительно, особенно если вспомнить, что Шатобрианъ и Гёте своими произведеніями (*Рене* и *Фаустъ*) приняли значительное участіе въ образованіи того, что слишкомъ односторонне было названо «байронизмомъ». Но за то это вліяніе было глубоко и повсемѣстно. Сила этихъ гениевъ окончательно сокрушила предрасудки противъ индивидуализма. Что было начато Сень-Прё и Рене, было докончено *Фаустомъ* и *Донъ-Жуаномъ*. И этимъ-то способомъ вліяніе иностранныхъ, или, лучше сказать, сѣверныхъ литературъ, способствовало въ первые годы реставраціи развитію индивидуализма.

Къ этому слѣдуетъ еще прибавить вліяніе нѣмецкой философіи Канта

и Фихте, которое именно в эти годы начало распространяться в Францию. Разумѣется, Кантъ и Фихте были сначала плохо поняты во Франціи, какъ и въ Германіи. По крайней мѣрѣ, Гейне говоритъ объ этомъ такъ: «То, что идеализмъ въ результатѣ своихъ дедукцій достигъ отрицанія существованія матеріи, показалось большинству публики шуткой, зашедшей слишкомъ далеко. Мы довольно много забавлялись надъ «я» Фихте, при помощи одной своей мысли рождавшаго цѣлый реальный міръ. Нашимъ путешникамъ пришлось еще смѣяться по поводу одного недоразумѣнія, ставшаго слишкомъ популярнымъ, чтобъ я могъ его обойти молчаніемъ. Масса вообразила, что «я» Фихте было личнымъ «я» Іоганна-Готлиба Фихте, и что это индивидуальное «я» отрицаетъ существованіе всего остального. «Какая дерзость! — восклицали простаки. — Этотъ человекъ не вѣритъ тому, что мы существуемъ, между тѣмъ, какъ мы гораздо толще его и, въ качествѣ бургомистра и судебного архиваріуса, являемся его начальниками» (*De l'Allemagne*, III partie).

Ясно было, что бургомистръ и архиваріусъ ошибались. Но, смѣясь надъ ними, Гейне самъ не избѣжалъ той же ошибки, говоря нѣсколько ниже: «Я сравнивалъ однажды, скорѣе въ шутку, чѣмъ серьезно, Фихте съ Наполеономъ; но между ними есть, на самомъ дѣлѣ, удивительное сходство. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ кантисты окончили свое дѣло разрушенія, является Фихте, подобно тому, какъ явился Наполеонъ, когда конвентъ, при помощи другой «критики чистаго разума», уничтожилъ все прошлое. Наполеонъ и Фихте являются оба представителями великаго, верховнаго «я...» (*De l'Allemagne*, III partie).

Вотъ какъ въ описываемое время понимали доктрину субъективнаго трансцендентальнаго идеализма. Въ ней видѣли верховную власть я, возведенную въ принципъ; я становилось единственною реальностью, существованіе которой мы вправѣ утверждать.

Удивительна судьба этихъ двухъ моралистовъ, — говоритъ Брюнетьеръ, — самыхъ суровыхъ и самыхъ пламенныхъ, которые когда-либо существовали. Вся ихъ жизнь, всѣ ихъ желанія были направлены на то, чтобы дать морали такое прочное основаніе, о которое разбились бы всѣ приступы скептицизма или матеріализма. А между тѣмъ они сдѣлали какъ разъ обратное: насколько нетрудно видѣть, куда можно зайти съ идеєю сверхчувственнаго, или верховенства «я», настолько же легко угадать послѣдствія, къ которымъ приводитъ принципъ «относительности знанія». Кантъ понималъ этотъ принципъ по-своему, но и его способъ пониманія не могъ быть свободнымъ отъ проповѣдуемой имъ относительности: «Вѣдь, если все относительно, то ничего уже нѣтъ абсолютнаго и, слѣдовательно, ничего всеобщаго или, просто, общаго. Всѣ мнѣнія равны, какаго бы предмета они не касались, и для оцѣнки не существуетъ критерія. Мои идеи не могутъ быть подчинены вашимъ, и, наоборотъ, такъ какъ тѣ и другія не выражаютъ ничего, кромѣ нашей индивидуальности, онѣ ничего не говорятъ о предметахъ, которыхъ онѣ касаются, а лишь свидѣтельствуютъ

о разницѣ, которая существуетъ между нами, и о томъ, что мы созданы не одинаково. Поэтому сколько бы не появлялось отдѣльныхъ способовъ думать или чувствовать, всѣ эти способы, несмотря на ихъ различіе, имѣютъ равное право на существованіе».

Очевидно, новый индивидуализмъ оказался, если можно такъ выразиться, обоснованнымъ на развалинахъ разума. Само собою разумѣется, что это было,—говоритъ Брюнетьеръ,—не то, чего желалъ Кантъ, но если и существовало другое толкованіе принципа «относительности знанія», болше согласное съ идеей учителя и съ истиннымъ значеніемъ его словъ, то вышеприведенное толкованіе являлось, все-таки, наиболѣе распространеннымъ. Будучи оба учениками Руссо, Кантъ и Фихте не сумѣли освободить свою доктрину отъ эгоизма, внесеннаго въ нее первымъ творцомъ ея. Они, по словамъ Брюнетьера, лучше бы поступили, если бы въ ихъ критицизмѣ или идеализмѣ индивидуализмъ не находилъ бы для себя теоретическаго оправданія.

И такъ, въ то время, когда наступали, одно за другимъ, внѣшнія условія, благоприятныя для развитія лирической поэзіи, ея внутренній принципъ нашелъ себѣ поддержку въ развитіи индивидуализма, подъ тройнымъ вліяніемъ французской революціи, сѣверныхъ литературъ и нѣмецкой философіи. Въ этомъ совпаденіи получилъ свое начало *романтизмъ*, явленіе настолько же общественное, насколько литературное.

Какъ извѣстно, существуетъ нѣсколько опредѣленій романтизма. Между ними нѣтъ ни одного вѣрнаго, такъ какъ въ каждомъ изъ нихъ выставлена какая-нибудь характеристическая черта романтизма; но за то, нѣтъ и ни одного вполне вѣрнаго, потому что всѣ они недостаточно общи. Ближе всѣхъ къ истинѣ стояла г-жа Сталь, которая еще въ 1810 году, въ своемъ сочиненіи *De l'Allemagne*, объясняла романтизмъ «подражаніемъ рыцарскимъ нравамъ». Не вполне ошибался и В. Гюго, когда онъ, въ своемъ предисловіи къ *Кромвелю*, въ 1827 г. сводилъ романтизмъ къ двумъ главнымъ понятіямъ—къ смѣшенію родовъ литературныхъ произведеній и къ замѣнѣ воплощенія красоты, передачею отличительныхъ свойствъ. Но Брюнетьеръ удивляется, что о романтизмѣ не было сказано ничего болѣе существеннаго. По его мнѣнію, для того, чтобы дать объясненіе, если не научное опредѣленіе, романтизму, явленію неясному, неточному и туманному, стоить только противопоставить его классицизму, о которомъ существуетъ вполне опредѣленное и безспорное понятіе. И дѣйствительно, при взглядѣ на романтизмъ съ этой точки зрѣнія, все упрощается и выходитъ изъ области отвлеченной теоріи. Около трехсотъ лѣтъ тому назадъ, подъ вліяніемъ итальянцевъ, французскіе классики познакомились со школою римлянъ и грековъ. Въ *Илиадѣ* Гомера, *Эдипъ-царь* Софокла, въ рѣчахъ Цицерона, въ элегіяхъ Проперція, они увидѣли такія чудеса искусства, которыя никогда нельзя было превзойти и приблизиться къ которымъ составляло уже большое счастье.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько въ этомъ случаѣ были правы

классики, Брюнетьеръ указываетъ на то, что у романтизма не было болѣе ясной и болѣе открытой цѣли, какъ уничтоженіе этого излишняго пристрастія къ древности. Отвернувшись отъ римлянъ и древнихъ грековъ, романтизмъ сталъ воспѣвать итальянцевъ, нѣмцевъ, испанцевъ, англичанъ, средніе вѣка, новую исторію и появились: *Hernani*, *Lucrece Borgia*, *Charles VII chez ses grands vassaux*, *Cinq-Mars* и *Chatterton, les Orientales* и *le Théâtre de Clara Gazul*. Такимъ образомъ, подражаніе иностраннымъ литературамъ и правамъ служило для романтиковъ не конечною цѣлью, но только средствомъ для упраздненія классицизма, а главное—предлогомъ для того, чтобъ освободиться отъ тиранніи образцовъ. Кромѣ того классики, со словъ римлянъ и грековъ, Аристотеля и Квинтилиана, убѣждены были въ существованіи родовъ литературныхъ произведеній и законовъ или правилъ, неизмѣнно управляющихъ каждымъ родомъ. Это обстоятельство заставило романтиковъ отвергнуть роды и провозгласить принципъ свободы въ искусствѣ.

Но что такое свобода въ искусствѣ? Всякому понятно, когда требуютъ свободы печати или театра, такъ какъ сила или законъ могутъ запретить свободное выраженіе мысли, могутъ принудить челоуѣка обуздывать или скрывать свои мысли, если онъ не предпочитаетъ замалчивать ихъ. Но кто и когда стѣснялъ свободу въ искусствѣ? Когда запрещалось сочинять стихи въ пятнадцать стопъ, подыскивать богатыя рѣмы, писать стихи, похожіе на прозу, или прозу, приближающуюся къ стихамъ? Кто мѣшалъ г-жѣ Скюдери растягивать романы на десять томовъ, или Мериме сжимать ихъ въ нѣсколькихъ страницахъ? Всегда авторъ могъ свободно избрать для своего произведенія родъ «внутренній» или «психологическій», «иностранный» или «историческій». Равнымъ образомъ онъ былъ вправѣ нарушать законъ трехъ единствъ, смѣшивать трагическій и комическій элементы и заставлять попеременно то плакать, то смѣяться. Ни одинъ законъ не запрещалъ писать драмы въ десять актовъ, или заимствовать ихъ содержаніе изъ китайскихъ лѣтописей. Но романтики, требуя свободы въ искусствѣ, стремились къ тому, чтобъ ихъ произведенія, независимо отъ своего содержанія, встрѣчали только одобреніе. Право, котораго они добивались, заключалось въ томъ, чтобы видѣть, чувствовать и думать по-своему, а не такъ, какъ принято другими. Отъ критики и общественнаго мнѣнія они требовали свободы и права не быть ограничиваемыми въ проявленіи своей индивидуальности. Свобода въ искусствѣ есть привилегія быть единственнымъ судьей своихъ произведеній. Брюнетьеръ замѣчаетъ, что девизъ свободы въ искусствѣ есть не болѣе, какъ маска индивидуализма или новая форма, въ которой является опять то же «я», которое въ теченіе двадцати пяти или тридцати лѣтъ наполняло собою исторію литературы.

Классицизмъ изгналъ личное я изъ литературныхъ произведеній, а романтизмъ, напротивъ, употребилъ всѣ силы, чтобы возстановить его. Съ романтизмомъ вся литература прониклась лиризмомъ; въ романѣ Жоржъ Зандъ *Lelia* или въ *Les paroles d'un Croyant* не меньше лиризма, чѣмъ

въ *Les Feuilles d'automne*. Но если пренебреженіе къ древности, подражаніе иностраннымъ литературамъ, мѣстный колоритъ, нарушеніе законовъ о родахъ произведеній были для романтизма только средствами или предлогами къ освобожденію личности, то соотношеніе между романтизмомъ лиризмомъ и индивидуализмомъ, кажется, можетъ быть, въ концѣ-концовъ, выражено такъ: романтизмъ—явленіе социальное, характеризующееся всестороннимъ стремленіемъ къ индивидуализму, литературнымъ и поэтическимъ выраженіемъ котораго служитъ лиризмъ.

VI.

Лучшимъ подтвержденіемъ того, что романтизмъ прежде всего былъ открытымъ возстаніемъ противъ классицизма, служитъ примѣръ Виктора Гюго. Вся поэтическая дѣятельность Гюго дѣлится на три періода, изъ которыхъ только самый ранній, относящійся къ періоду времени 1822—1840 гт., рассматривается Брюнетьеромъ въ настоящей книгѣ. Въ 1822 году появился первый сборникъ стихотвореній Гюго, подъ заглавіемъ *Odes et Ballades*, общее направленіе котораго было католическое и ультра-роялистское, болѣе роялистское, чѣмъ это нужно было для начинающаго поэта, и потому вполне искреннее. Но, съ другой стороны, форма этихъ стихотвореній была вполне классическая, приближавшаяся къ формѣ Ж. Батиста Руссо, Лефрана де-Помпиньянъ, Лебрёна, Казимира Делавиня и хотя уже не языческая, но все еще обремененная символами, обращеніями, антитезами и междометіями. Не довольствуясь, однако, прославленіемъ въ *Одахъ* и *Балладахъ* религіи и легитимизма, Гюго осыпаетъ бранью, угрозами и краснорѣчивыми проклятіями всѣхъ тѣхъ, кто не раздѣляетъ его политическихъ или религіозныхъ мнѣній. Для образчика можно указать на стихотворенія *Quibéron* и *Buonaparte*, въ самомъ началѣ которыхъ сила словъ, подъемъ голоса, движенія и смѣлость жеста свидѣтельствуютъ о «воинственномъ настроеніи» автора, о едва сдерживаемой потребности быть «за» или «противъ» кого-нибудь и лично вмѣшаться въ горячую борьбу, раздѣлявшую Францію времямъ Реставраціи на два враждебныхъ лагеря. Какая разница между этими вызывающими, полными страсти стихотвореніями Гюго и относящимися къ той же эпохѣ стихотвореніями Ламартина! Викторъ Гюго не будетъ, подобно Ламартину, парить въ небесахъ. Онъ будетъ искать вдохновенія не въ мечтахъ, не въ забвеніи челоуѣка и окружающаго, а, наоборотъ, въ живой дѣйствительности, въ созерцаніи исторіи и даже въ политикѣ.

Блестящимъ доказательствомъ этого служатъ *Les Orientales*. Это не болѣе, какъ сборникъ этюдовъ. Зная послѣдующія произведенія Гюго, какъ *Contemplations*, *la Légende des Siècles*, *les Chansons des rues et des bois*, мы не можемъ смотрѣть на *Orientales* иначе, какъ на этюды или упражненія молодого таланта въ рисунокѣ и колоритѣ. Но эти этюды свидѣтельствуютъ о томъ, что поэтъ, еще не достигшій тридцатилѣтняго возраста,

владѣть въ совершенствѣ размѣромъ и рѣимомъ, и что онъ уже мастеръ своего дѣла. Понятны восторгъ и удивленіе, съ которыми встрѣчены были эти стихотворенія. Публика вдругъ увидѣла изумительное воспроизведеніе всего наиболѣе конкретнаго и живого, разнообразнаго и яркаго, въ природѣ и исторіи, опредѣленность контуровъ, твердость лѣпки и, наконецъ, воплощеніе красоты при помощи характерныхъ чертъ.

Гюго высказалъ въ одной изъ первыхъ своихъ *Одъ* ту мысль, что никогда нельзя будетъ отдѣлать искусства отъ жизни и отъ самаго дѣйствія. Эту мысль онъ проводитъ и въ *Feuilles d'automne* и не перестаетъ повторять ее до послѣдняго дня своей жизни. Дѣло въ томъ, что, сколько было у Гюго таланта, столько же было въ немъ силы воли и всѣ высокія качества его произведеній берутъ свое начало не доктринами искусства для искусства, а въ той неразрывной связи, которая соединяла его съ современной жизнью и съ обществомъ. Что другіе считали въ немъ забавою дилетанта и причудами поэтическаго вдохновенія, то было на самомъ дѣлѣ преднамѣренною угодливостью общественному мнѣнію и вѣчнымъ исканіемъ популярности. Онъ старался овладѣть всѣми тайнами искусства и щедро расточалъ перлы своего творчества для того, чтобы быть въ постоянномъ общеніи съ публикою и имѣть возможность вліять на нее. Этихъ чертъ покажется достаточно, чтобы обрисовать личность Гюго и выяснитъ его роль въ эволюціи.

Несмотря на индивидуальный характеръ поэзіи Гюго, въ ней никогда, даже и впоследствии, не будетъ ничего вполне искренняго и душевнаго. Его личность не будетъ въ состояніи питаться своимъ собственнымъ содержаніемъ. Гюго вѣчно будетъ нуждаться въ возбужденіи извнѣ; онъ не наложитъ своей печати на окружающее, а, наоборотъ, окружающее измѣнитъ, выяснитъ и окончательно опредѣлитъ его. Сверхъ того, ему не будетъ удаваться передача или анализъ особенно нѣжныхъ и тонкихъ чувствъ, именно вслѣдствіе отсутствія въ немъ самомъ нѣжности и тонкости. Всѣ его мадригалы, наприѣръ, угловаты, педантичны и непріятны. Его шутки отзываются чѣмъ-то тяжелымъ и дѣкимъ. Смѣхъ его грубъ: такъ должны были смѣяться при дворѣ короля Хильперика. Но сердились при этомъ дворѣ также, вѣроятно, не на шутку и едва ли, съ одного конца стола на другой, вассалы бросали въ лицо другъ другу болѣе дерзкія оскорбленія, чѣмъ тѣ, которыми авторъ *Chatiments* осыпалъ своихъ политическихъ враговъ. Наконецъ, въ мысляхъ, высказываемыхъ Викторомъ Гюго, мы не увидимъ ничего вполне оригинальнаго. За то все «общее» будетъ имъ передано съ точностью, силою, выпуклостью, красотою образовъ, богатствомъ и разнообразіемъ формъ, которымъ равныхъ нѣтъ ни на одномъ языкѣ.

Брюнетьеръ говоритъ, что истинное назначеніе Гюго, вызванное какъ требованіями времени, такъ и свойствомъ его дарованія, заключалось въ томъ, чтобы «оркестровать» лирическія темы, созданныя Ламартиномъ. Чѣмъ болѣе вчитываешься въ стихотворенія Гюго, тѣмъ болѣе удивляешься

ихъ красотѣ, звучности и глубинѣ. Они состоятъ изъ словъ, употребляющихся въ повседневномъ разговорѣ, но эти слова какъ бы пріобрѣтаютъ новый смыслъ и новыя качества. Въ теченіе долгаго времени послѣ того, какъ ихъ услышишь, они звучатъ въ ухахъ и ихъ отголосокъ раздается до безконечности. Каждый стихъ кажется необыкновенно полнымъ и длиннымъ; въ немъ выражено все, что авторъ хотѣлъ сказать и какъ будто даже больше того. Эти стихи не только трогаютъ, но они волнуютъ, потрясаютъ физически. Таковы главные доводы, которые Брюнетьеръ приводитъ, говоря, что Гюго «оркестровалъ» общія темы современнаго лиризма. Онъ хотѣтъ сказать, что Гюго многимъ словамъ, не имѣвшимъ прежде другаго значенія, кромѣ алгебраическаго знака, или, въ крайнемъ случаѣ, образнаго выраженія мысли, придалъ впервые истинный музыкальный смыслъ.

Замѣчательно, что Гюго достигалъ изумительныхъ эффектовъ, соединяя, путая, осложняя и умножая другъ на друга тѣ крупныя лирическія темы, въ разработкѣ которыхъ Брюнетьеръ предлагаетъ отыскивать и пробвръять степень лирической силы поэта. Сравнивая извѣстное произведеніе Гюго *La Tristesse d'Olympio* съ стихотвореніями *La Lac* Ламартина и *Souvenir* Альфреда Мюссе, Брюнетьеръ, вопреки мнѣнію большинства, отдаетъ предпочтеніе первому изъ нихъ. *Le Lac*—чудная элегія, очаровываетъ сдержанностью, изысканностью, идеальной меланхоліей и нѣжностью своей скорби, а въ *Souvenir* Мюссе говоритъ сама страсть. Въ стихотвореніи же Гюго другіе эффекты. Какъ въ оркестрѣ сливаются звуки различныхъ инструментовъ, раздражающа и протяжная нота скрипки съ низкимъ и глубокимъ рыданіемъ альты, оглушающій звукъ мѣдныхъ тарелокъ съ еще болѣе острыми звуками флейты, а надъ ними человѣческій голосъ продолжаетъ свою пѣснь любви или злобы, ненависти или поклоненія, такъ точно у Гюго простая, элементарная мелодія воспоминанія обогащается, растетъ, крѣпнеть и поддерживается чрезвычайно богатымъ аккомпаниментомъ, въ которомъ соединяется все: природа, человѣкъ, поэзія любви, поэзія лѣсовъ и долинъ и поэзія смерти. Наконецъ, слѣдуетъ указать еще на удивительное разнообразіе и легкость темповъ въ стихотвореніяхъ Гюго, относящихся къ этому времени. Это составляетъ музыкальный элементъ въ лиризмѣ. Какъ красота въ живописи заключается въ соединеніи красотъ и формъ, такъ красота въ музыкѣ заключается въ комбинаціи темповъ и звуковъ. Этотъ особый даръ будетъ у Гюго постоянно развиваться и сдѣлается одною изъ характерныхъ чертъ во второмъ періодѣ его поэтической дѣятельности.

Съ 1840 года, подобно Ламартину, Гюго, послѣ *Voix intérieures* (1837) и *Les Rayons et les Ombres* (1840), умолкаетъ и бросается въ политику; но черезъ двѣнадцать или пятнадцать лѣтъ онъ снова явится во всемъ блескѣ своего таланта и подаритъ публику такими произведеніями, какъ *Contemplations*, *Légende des siècles* и *Chansons des rues et des bois*.

Въ слѣдовавшемъ за ссылкою періодѣ поэтической дѣятельности Гюго, благодаря дѣятельному характеру и силѣ воли, его политическія антипатіи

отразились и въ его произведеніяхъ. Обладая удивительнымъ искусствомъ приспособляться къ окружающему, онъ воспользовался также усовершенствованіями, сдѣланными въ технику стиха его преемниками. А вслѣдствіе одиночества ссылки и накопившейся горечи и злобы, его индивидуальность стала проявляться свободнѣе, и хотя онъ не сдѣлался болѣе искреннимъ и задушевнымъ, но все же рѣже внимаетъ внушеніямъ своей любви къ народу и чаще повинуется своему поэтическому темпераменту. Тогда тѣ качества его *Feuilles d'automne* или *Voix intérieures*, которыя были черезчуръ превознесены, отошли на второй планъ, и въ Гюго открываются недостатки, не замѣченные его современниками. Намъ бросаются въ глаза неуклюжіе и смѣшные обороты его мадригаловъ, явнѣе выступаетъ ложная и пустая сантиментальность извѣстныхъ стихотвореній, въ которыхъ онъ обращается къ дѣтямъ, какъ, наприм., *A des oiseaux envolés* или *Laissez, tous ces enfants sont bien là...*, а изумительный колоритъ и игра приемъ въ *Orientales* теряютъ прежнее значеніе.

Но за то въ этихъ же *Feuilles d'automne* появляется и какъ бы составляетъ переходную черту между первымъ и вторымъ періодомъ творчества Гюго, физическій ужасъ передъ смертью, который особенно ярко выраженъ въ стихотвореніи *La Prière pour tous*, гдѣ поэтъ заставляетъ дочь молиться за усопшихъ. То ощущеніе страха, которое пытались вызвать наивные художники, вырѣзывая на деревянныхъ стѣнахъ древнихъ соборовъ пляски мертвецовъ, какъ бы воскресло въ стихотвореніи автора *Notre Dame de Paris* и уже въ теченіе всего перваго періода борется въ нихъ, какъ тѣнь съ ослѣпительнымъ свѣтомъ *Orientales*. Усиливаясь и овладѣвая имъ все болѣе и болѣе, это ощущеніе дѣлается одной изъ характернѣйшихъ чертъ его поэзіи послѣдняго періода. Упорною мыслью о смерти отчасти объясняется примѣсъ чего-то загадочнаго и неподдающагося анализу въ поэзіи Гюго. Это настроеніе, это чувство тайны и непознаваемости вещей, будучи еще скрытымъ въ *Les Feuilles d'automne*, въ *Les Chants du crépuscule* и въ *Les Rayons et les Ombres*, растетъ у Гюго и превращаетъ «лирика» сначала въ «эпическаго», а потомъ въ «апокалипсическаго» поэта.

Вотъ все, что было прибавлено этимъ лирикомъ къ наслѣдію Ламартина. Но прежде, чѣмъ совершится превращенію лиризма въ эпосъ, къ чему уже близко подошелъ Гюго въ стихотвореніяхъ *Napoléon II* и *A l'Arc de Triomphe*, личное я должно было, послѣ Шатобриана, Ламартина и Гюго, искать новыхъ способовъ для своего всесторонняго проявленія. И эту задачу предстояло разрѣшить, между 1830 и 1850 годами, Сентъ-Бёву, Виньи, Мюссе и Готье.

А. Ч.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ литературныхъ наблюдений.

Недавно прочелъ я въ *Новостяхъ* довольно любопытную статейку: *Журналъ о газетѣ*. Написана она какимъ-то дамски-истеричнымъ тономъ и, въ сожалѣнію, не лишена пошленькихъ выходовъ. Нападая на журналъ, выступившій противъ погони газеты за пикантными извѣстіями, авторъ статьи въ *Новостяхъ* говоритъ, напримѣръ, что этому журналу «жизнь претить, фактовъ на подобіе грибановскаго дѣла онъ не желаетъ, а ежели что прочтеть, такъ болѣе объ англійскомъ парламентѣ. Онъ живетъ сладостными воспоминаніями своей младости, когда только что впервые узнали о существованіи англійской конституціи, и когда Саша Пушкинъ вотъ эдакимъ мальчонкой бѣгали, въ штанишкахъ-съ. А потомъ-съ они стали Александромъ Сергѣевичемъ-съ». Такой *консервативный*, по русской терминологіи, тонъ помѣшаетъ, вѣроятно, заинтересованному журналу продолжать полемику, а это жаль, потому что споръ журнала съ газетой все-таки признакъ времени.

Что «толстый» журналъ отжилъ свой вѣкъ, отслужилъ свою общественную службу, это провозгласилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Н. К. Михайловскій въ *Волжскомъ Вѣстникѣ*. Такъ ли это однако? По многимъ причинамъ, *книга* у насъ долго еще не будетъ играть такой роли, какую она играетъ на Западѣ. Не знаю, скоро ли сравняется по значенію съ европейскою наша ежедневная, политическая, руководящая печать, но теперь, во всякомъ случаѣ, ея значеніе въ этомъ отношеніи весьма невелико. «Газета,—говоритъ авторъ статьи въ *Новостяхъ*,—это жизнь, сама жизнь, вмѣстѣ съ тѣмъ, призывъ въ жизнь». При этомъ факты, которые приписать газета, она должна освѣтить, разъяснить ихъ общественное значеніе. Задача и трудная, и въ высшей степени полезная. Только въ какой мѣрѣ удовлетворяетъ ей современная русская газета?

Новости полагаютъ, что эта газета—*застраившій побѣдитель толстыхъ, жирныхъ журналовъ, начиненныхъ компилятивной трухой и неудобоваримыхъ беллетристическихъ балластомъ*. За что такъ строго? Вѣдь, много именъ, украшающихъ собою газетные столбцы, не менѣе украшаютъ у насъ и страницы толстыхъ журналовъ. Почему одно и то же

беллетристическое произведеніе или произведенія одного и того же автора въ журналѣ—*непереваримый* балластъ, а въ газетѣ—*переваримый* И къ авантажу ли газеты служить, что ея читатели перевариваютъ балластъ?

Ежемѣсячный журналъ,—говорятъ *Новости*,—двигается съ медленностью черепахи и потому осужденъ вмѣсто свѣжаго матеріала довольствоваться консервами (какія все у почтеннаго автора *състѣныя* сравненія!). Поэтому будто бы между газетой и журналомъ всегда существовалъ и будетъ существовать антагонизмъ.

По меньшей мѣрѣ странныя утвержденія. Катковъ много лѣтъ издавалъ *Русскій Вѣстникъ* и *Московскія Вѣдомости*. Въ чемъ же выразился антагонизмъ этихъ изданій? М. М. Стасюлевичъ издавалъ одновременно *Вѣстникъ Европы* и *Порядокъ*. Въ чемъ же его газета мѣшала журналу? *Новости* понимаютъ *день* черезъ-чуръ буквально: про скачку, бывшую вчера, завтра говорятъ уже не стоить,—новый *фактъ* будетъ; но вотъ, напримѣръ, по вопросу о переселеніяхъ не поздно будетъ сказать и завтра, и послѣ-завтра, и на слѣдующій годъ, если жизнь выдвигаетъ этотъ вопросъ и настоятельно требуетъ его разрѣшенія. А подобными *длинными* вопросами полна наша нарождающаяся общественность и для разработкы ихъ, для общественнаго мнѣнія, нуженъ и свѣжій газетный матеріалъ, и то, что *Новости* называютъ консервами: большія журнальныя статьи, обстоятельныя изслѣдованія.

Толстый журналъ, какъ *Русская Мысль*, искренне привѣтствуетъ ростъ и оживленіе нашей ежедневной печати и считаетъ обвиненія и опасенія своего старшаго собрата въ значительной степени преувеличенными. *Presse à information* необходима, а злоупотребленія возможны повсюду. Любопытно, что поэтому поводу среди самой ежедневной печати возгорѣлось у насъ междоусобіе. Недавно *Новое Время* отправило въ Болгарію своего корреспондента. Онъ посѣтилъ принца Фердинанда, нѣсколькихъ болгарскихъ министровъ, Стамбулова и другихъ выдающихся въ княжествѣ политическихъ дѣятелей. Корреспонденціи *Новаго Времени* начали появляться въ очень интересную эпоху,—сейчасъ же послѣ паденія Стамбулова,—заключали въ себѣ, по моему мнѣнію, безпристрастно и толково изложенныя мнѣнія, которыя выслушаны были корреспондентомъ. Казалось бы, на что лучше? Болгарскія дѣла живо интересуютъ русское общество, и объ этихъ дѣлахъ ему сообщается *свѣжій матеріалъ*. *Гражданинъ* и *Московскія Вѣдомости* выступили, однако, въ совмѣстный патріотическій походъ противъ *Новаго Времени*, забывши, какими еще недавно позорными вличками они осыпали другъ друга. Обѣ газеты напираютъ на то, что дипломатическій шагъ *Новаго Времени* можетъ повести къ серьезнымъ европейскимъ замѣшательствамъ и идетъ въ разрѣзъ съ дипломатическими шагами нашего правительства... Опасность для нашего отечества была настолько велика и близка, что г. Иловайскій, не медля ни минуты, вряхтя, взобрался верхомъ на свою историческую палочку и появился на театрѣ дѣйствія. Напоминая г. Суворину, что онъ, «не сдѣлавшись серьезнымъ

публицистомъ, однако, ловко сумѣлъ рекламировать и распространить свою газету и вообще въ дѣлѣ литературной промышленности обнаружилъ несомнѣнныя способности», г. Иловайскій грозно спрашиваетъ: «Быль ли хотя какою бы то ни было поводъ унижать русское достоинство замскиваніемъ передъ этими врагами и ненавистниками Россіи?» Вотъ и доставляй читателямъ *снѣжій матеріалъ*: за это обвиняютъ ни болѣе, ни менѣе, какъ въ государственной измѣнѣ! Мимоходомъ г. Иловайскій, какъ писатель безукоризненно хорошаго тона, разоблачаетъ псевдонимъ сотрудника *Новаго Времени*, который подписывается *Сигма*...

Встати о г. Сигмѣ. Въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ (*Новое Время*, 17 іюля) онъ сообщаетъ о событіи чрезвычайной важности, о крупномъ шагѣ, освобождающемъ нашу самобытность отъ подчиненія европейскимъ шаблонамъ въ одной области общественной жизни, получившей у насъ особенно широкое развитіе: извѣстный художникъ г. Мигѣшина нарисоваль... *карты въ русскомъ стилѣ*. «Мы всѣ,—пишетъ г. Сигма,—за самими ничтожными исключеніями, играемъ въ карты и настолько присмотрѣлись къ ихъ нѣмецкимъ королямъ, некрасивымъ дамамъ и глупымъ валамъ, что намъ никогда не приходила мысль, могутъ ли существовать какія-нибудь другія карты для игры, наприм., русскія. Англичане издавна сохраняютъ фигуры своихъ картъ, перевитыя репейникомъ и омелой, и тамъ карты вполне національны, какъ и у нѣмцевъ. М. О. Мигѣшину пришло на мысль націонализировать наши карты и онъ обрусилъ ихъ съ замѣчательнымъ искусствомъ и остроуміемъ. Историческихъ фигуръ взять было нельзя, онъ обратился къ мифологіи и древнему быту. Король-трефъ у него водяной съ раковиной въ рукахъ. Его скипетръ—тоже длинная раковина, въ огромной бородѣ—рыбы и раки. Дама-трефъ—задумчивая русалочка среди камышей, съ зелеными глазами. Ее окружаютъ красныя рыбки и лягушки. Валетъ-гусляръ—молодой малый, поющій заунывную пѣсню. Король-бубень—краснорожій, мохнатый лѣшій. Онъ выдерпуть съ корнемъ ель и несетъ ее на плечѣ какъ ружье, къ нему ластится огромный медвѣдь. Его дама—кѣвская вѣдьма на помелѣ, въ малороссійскомъ вышитомъ костюмѣ. Глаза у ней синіе, испуганные, какъ и должны быть у вѣдьмы» и т. д. Я, по несчастію, принадлежу къ ничтожному исключенію и поэтому лишень возможности пользоваться высокимъ художественнымъ наслажденіемъ, играя въ *національныя карты* г. Мигѣшина. (До чего можно доиграться на такой національной ноткѣ!) Но, какъ безпристрастный наблюдатель, не могу не привѣтствовать почина г. Мигѣшина. По сообщенію г. Сигмы, картъ у насъ выработано въ прошломъ году 980,000 дюжинъ игръ. Представьте себѣ, сколько сердець будетъ трепетать отъ патріотическаго восторга и сколько умовъ будетъ развиваться въ національномъ направленіи за винтомъ или трынкою, созерцая, какъ короля дикъ—кощя безсмертнаго, какъ червоннаго вала—сокольника въ шипакѣ! Да, широкія перспективы открываются для подлиннаго русскаго искусства...

Нужно замѣтить, однако, что г. Сигма, такъ обстоятельно сообщающій

о национальных картах г. Миеѣшина, даетъ не совсѣмъ свѣжій матеріалъ: объ этихъ картахъ писали московскія *Новости Для* за мѣсяць раньше. Если ужь газетѣ можно такъ поздно обращаться къ вопросу, имѣющему общественное значеніе, то журналу и подавно вполне дозволительно говорить о литературныхъ фактахъ за нѣсколько мѣсяцевъ. Одинъ изъ такихъ фактовъ—полемика проф. Модестова съ редакціей *Сѣвернаго Вѣстника*.

Эта редакція предложила г. Модестову написать статью о петербургскомъ университетѣ, припала ее, не читая, напечатала начало, но отказалась помѣстить окончаніе, какъ противорѣчащее направленію журнала. Въ апрѣльской книжкѣ, однако, *Сѣверный Вѣстникъ* напечаталъ это окончаніе «не въ качествѣ статьи журнала, а въ качествѣ интереснаго и, притомъ, нуждающагося въ комментаріяхъ документа».

По требованію проф. Модестова третейскій судъ долженъ былъ рѣшить его споръ съ издательницей *Сѣвернаго Вѣстника* г-жею Гуревичъ. Приговоръ суда былъ напечатанъ во многихъ изданіяхъ. Однимъ изъ его пунктовъ было утвержденіе, что «никакая редакція не вправѣ, вопреки прямой волѣ автора, сократить его статью, напримѣръ, отсѣчь ея конецъ». Въ общемъ съ такимъ положеніемъ нельзя, конечно, не согласиться, но мнѣ кажется, что третейскимъ судомъ была упущена изъ виду другая сторона дѣла: редакція, зная твердыя, неоднократно заявленныя убѣжденія извѣстнаго писателя, просить его дать статью по вопросу его компетентности. Авторъ даетъ начало. Оно печатается. Вторая статья оказывается, къ удивленію редакціи, уже *съ новыми убѣжденіями*, не менѣе первыхъ твердыми и ясными. Редакція въ такомъ случаѣ нравственно обязана *не печатать* окончанія статьи.

Разсмотримъ съ этой точки зрѣнія споръ г. Модестова съ редакціей *Сѣвернаго Вѣстника*.

Г. Модестовъ—профессоръ, кажется, заслуженный. О русскихъ университетахъ онъ писалъ и прежде. Компетентность несомнѣнна. Теперь твердыя, научно обоснованныя убѣжденія...

Въ майской книжкѣ *Русской Мысли* 1890 года профессоръ Модестовъ помѣстилъ статью: *Русская наука въ послѣднія двадцать пять лѣтъ*. Вся статья проникнута глубокимъ уваженіемъ и симпатіями автора къ университетскому уставу 1863 года. «Рѣдкій законодательный актъ,—писалъ г. Модестовъ,—былъ разработанъ съ такою тщательностью и съ столь разныхъ точекъ зрѣнія». Естественно, что этотъ уставъ былъ принятъ съ живымъ и единодушнымъ одобреніемъ и былъ одною изъ главныхъ причинъ плодотворнаго научнаго движенія въ русскихъ университетахъ. Другою причиною г. Модестовъ считаетъ посылку въ 1862 и 1863 годахъ за границу многихъ десятковъ молодыхъ людей для подготовки къ профессорской дѣятельности.

Убѣжденія г. Модестова въ предѣлахъ даннаго вопроса были очевидны. Читаемъ знаменитый отнынѣ *документъ*—окончаніе статьи г. Модестова:

«Было время,—пишетъ здѣсь профессоръ Модестовъ,—для устава 1863

года, настало другое, болѣе благопріятное для устава 1884 года. Когда произойдетъ отливъ (условія), создавшихъ этотъ послѣдній, онъ будетъ замѣненъ новымъ уставомъ, который будетъ соответствовать новому теченію какъ въ общей политикѣ, такъ и во взглядахъ на университетскую организацію, всегда стоящихъ въ зависимости отъ общей политики. Вотъ въ это-то время, т.-е. когда переживаемый нами періодъ сдѣляется достояніемъ исторіи, и будетъ сказано все, что нужно, относительно вліянія на ходъ университетской жизни дѣйствующаго теперь устава». Г. Модестовъ спѣшитъ прибавить къ сему мудрымъ размышленіямъ, что *перемѣна устава, можно положительно сказать, не причинила никакого ущерба блестящему состоянію петербургскаго университета*. Читатель виравѣ спросить, того ли это г. Модестова приведены слова, который написалъ восторженную апологію уставу 1863 года? Стоитъ тщательно и многосторонне разрабатывать законы, регулирующие университетскую жизнь, если судьба науки должна находиться въ зависимости отъ случайныхъ и измѣнчивыхъ теченій «общей политики»...

Культь *факта*, поклоненіе *теченіямъ* г. Модестовъ доводитъ до смѣшного: онъ всѣмъ доволенъ, даже тѣмъ, что въ Петербургскомъ университетѣ нѣтъ медицинскаго факультета: «Отсутствіе въ немъ медицинскаго факультета, излишняго при существованіи медицинской академіи въ Петербургѣ, служитъ только къ избавленію университета отъ тѣхъ неудобствъ, которыя причиняетъ медицинскій факультетъ другимъ русскимъ университетамъ. Съ одной стороны, медицинскій факультетъ слишкомъ, такъ сказать, громоздокъ и слишкомъ много занимаетъ мѣста въ университетѣ сравнительно съ другими факультетами, съ другой — нерѣдко вносятъ въ ученую среду по своему больше практическому, чѣмъ теоретическому, характеру атмосферу интересовъ, которыхъ лучше не имѣть университету. Отсутствію медицинскаго факультета Петербургскій университетъ въ значительной степени обязанъ тою высотой товарищескихъ отношеній въ профессорской коллегіи, которой еще нѣтъ въ другихъ нашихъ университетахъ и которая, съ своей стороны, также даетъ ему рѣшительное преимущество предъ всѣми остальными русскими университетами».

Мнѣ припоминаются по этому поводу не менѣе поучительныя слова, обращенныя Алексѣемъ Степановичемъ Молчалинымъ къ Анеисѣ Нилоннѣ Хлѣстовой:

„Вашъ шпигъ—преlestный шпигъ! Не болѣе наперстка!
Я гладилъ все его: какъ шелковая—шерстка!“

Г. Модестовъ особенно компетентенъ въ вопросѣ о роли медицинскаго факультета между прочимъ и потому, что онъ профессорствовалъ, насколько помнится въ новороссійскомъ и петербургскомъ университетахъ, гдѣ нѣтъ медицинскаго факультета.

О. Т. В.

Основной вопросъ прогресса.

(А. Fouillée: «La psychologie des idées-forces». Paris, 1893. 2 v.)

I.

Въ моей статьѣ о теоріи Тарда я показалъ, что онъ видитъ источникъ прогресса въ особой логикѣ чувствованій. Но при этомъ Тардъ не касается вопроса о происхожденіи чувствованій: быть можетъ, ихъ эволюція отражаетъ только космическій процессъ, а усилія самого человѣка—ничто.

Задача эта по-моему, есть основной вопросъ всей задачи о человеческомъ прогрессѣ. Многіе физиологи, а за ними и кое-кто изъ психо-физиологовъ, отрицаютъ значеніе воли въ явленіяхъ жизни. Изъ новыхъ—укажу Richet и Binet: они утверждаютъ, что всѣ явленія психической жизни, особенно тѣ, которыя кажутся намъ «волевыми», т.-е. связанныя съ желаніемъ, хотѣніемъ,—представляютъ лишь *развитіе механическаго рефлекса*, къ которому сознаніе присоединяется какъ *аксессуаръ*, не оказывающій на процессъ никакого вліянія. Такъ какъ сложною системою рефлексовъ можно объяснить до извѣстной степени весьма сложныя дѣйствія человѣка и его умственные процессы, то многіе пришли къ выводу, что въ человеческой жизни (стало быть, и въ исторіи, и въ прогрессѣ) ничего бы не измѣнилось, еслибъ у людей и вовсе не было сознанія процессовъ, происходящихъ въ нихъ, въ ихъ нервахъ и мозгу, т.-е. не было бы того, что мы называемъ ощущеніями, чувствованіями, желаніями, мыслью. Процессы продолжали бы совершаться, попрежнему, въ силу своихъ физическихъ, химическихъ, біологическихъ и вообще механическихъ законовъ. Такъ какъ сознаніе ихъ ничего къ нимъ не прибавляетъ, то его отсутствіе ничего бы у нихъ и не убавило. Вѣдь, оно—только «добавочное освѣщеніе» къ процессу, *lumière surajoutée*.

Еслибъ этотъ взглядъ не опирался на нѣкоторые данныя, почерпнутыхъ изъ серьезныхъ изслѣдованій, онъ могъ бы быть опровергнутъ одною фантастическою картинкой, доводящею его до послѣднихъ выводовъ и показывающею наглядно его полную абсурдность. Въ самомъ дѣлѣ, есть

цѣлая масса дѣятельствъ, которая является совершенною безсмыслицей, если допустить, что *сознание, чувство, ощущение* не играютъ никакой роли. Можно ли, напримѣръ, представить себѣ общество, лишенное этихъ способностей, но въ которомъ, тѣмъ не менѣе, композиторы сочиняютъ оперы и ораторіи, музыканты исполняютъ ихъ передъ массою публики, а публика собирается на эти концерты, и все это происходитъ рефлексорно, безъ малѣйшаго сознанія и ощущенія? Можно ли допустить, что въ такомъ обществѣ художники рисовали бы свои картины и устраивали выставки,—безсознательно и механически воспроизводя природу, подбирая очаровательныя краски, а толпы народа ходили бы на выставки этихъ картинъ, покупали ихъ, вѣшали въ своихъ гостиныхъ? Можно ли допустить, что существовали бы фабрики духовъ, ювелирные магазины, мастерскія изящной мебели и обоевъ, хозяева которыхъ изощрялись бы въ придумываніи утонченныхъ рисунковъ и красокъ? Можно ли вообразить, наконецъ, что публика раскупала бы все это, расплачиваясь иногда и фальшивыми бумажками, и награбленными деньгами: вѣдь, въ этомъ обществѣ слѣдуетъ предположить и существованіе преступленій,—какъ и присутствіе болѣзней, врачей, аптекъ?

Если сознаніе, ощущеніе, чувство *) , только *lumière surgoutée*, не могущее оказывать никакого направляющаго вліянія на нашу дѣятельность, то всѣ эти продукты цивилизаціи возникли *не для нея*, а явились механическимъ результатомъ механическихъ причинъ, т.-е. существовали бы и безъ сознанія. Если же сознаніе, ощущеніе, чувствованія какъ-то повліяли на созданіе этихъ утонченностей, *ради самихъ себя*, ради своего собственнаго самоудовлетворенія,—тогда они ужь не *lumière surgoutée*, а творческіе факторы, самостоятельныя силы, и, признавъ ихъ вліяніе въ изобрѣтеніи духовъ и фиксагуара, странно отказывать имъ въ творествѣ всего остальнаго прогресса, связаннаго съ участіемъ сознанія, ощущеній и мысли!

Но, несмотря на то, что абсурдность этой теоріи очевидна, она имѣетъ множество послѣдователей, и есть поразительные опыты, которые на первый взглядъ совершенно ее доказываютъ.

Есть у насъ талантливый молодой профессоръ Н. Н. Ланге, долго работавшій въ психологической лабораторіи Вундта, а затѣмъ въ физиологической лабораторіи Новороссійскаго университета. Его замѣчательно остроумныя измѣренія волевыхъ процессовъ въ первый моментъ «ставятъ въ тупикъ», какъ говорится. Расскажу о нихъ вкратцѣ. Сущность психометрическихъ опытовъ (вообще) сводится приблизительно къ слѣдующему: вы получаете какое-нибудь ощущеніе и должны отвѣтить на него движеніемъ. При этомъ время, которое проходитъ отъ момента появленія внѣш-

*) Конечно, я говорю только о *сознательныхъ* ощущеніяхъ и чувствованіяхъ, а не о нервныхъ процессахъ, соответствующихъ имъ, которые иногда смѣшиваются съ ощущеніями.

ного возбудителя до вашего движения, измѣряется остроумными приспособленіями, способными уловить даже *одну тысячную часть секунды!*

Для изученія «произвольныхъ» или «волевыхъ» движений опыты усложняются, наприм., тѣмъ, что вы, получивъ ощущеніе, должны не просто произвести движеніе, а *выбрать* его и т. п. Это описаніе приблизительное, схематическое, имѣющее лишь одну цѣль—сдѣлать понятнымъ слѣдующій поразительный результатъ этихъ опытовъ: напримѣръ, вы вполне увѣрены, что выбрали какое-нибудь движеніе сознательно и произвольно, а, между тѣмъ, утонченные измѣряющіе аппараты васъ убѣдятъ, что это—*иллюзія*,—что сперва вы совершили *движеніе*, а ужь потомъ *сознательно выбрали его*. То-есть, выборъ произошелъ *рефлекторно, механически*, вы же этого не замѣтили, потому что сознаніе послѣдовало за нимъ очень быстро, черезъ нѣсколько тысячныхъ секунды. И вотъ почему вы были убѣждены даже, что сознательный выборъ *предшествовалъ* движенію, а не наоборотъ.

Послѣ такихъ опытовъ, кажется, нечего и говорить о какой бы то ни было самостоятельности чловѣческой сознательной мысли и воли въ жизни, исторіи, прогрессѣ. Все, что мы считаемъ своими сознательными, произвольными рѣшеніями, оказывается рефлексами чисто-механическими, совершающимися за нѣсколько тысячныхъ секунды ранѣе нашихъ иллюзорныхъ яво бы рѣшеній!

Однако, несмотря на совершенную точность прекрасныхъ опытовъ почтеннаго русскаго психолога, я считаю возможнымъ,—пользуясь замѣчательною работою А. Фуллѣ,—убѣдить васъ въ противномъ.

Ни эти опыты, ни соображенія нѣкоторыхъ физиологовъ (немного одностороннихъ, благодаря своей специальности) не опровергаютъ автономности чловѣка. Даже больше: они косвенно доказываютъ ее. Но для этого я долженъ, во-первыхъ, познакомить васъ съ доводами Фуллѣ въ пользу того, что движенія рефлекторно-механическія и бессознательныя суть лишь организованный *продуктъ воли*; во-вторыхъ, что самыя ощущенія отчасти также продуктъ воли *). Отсюда явится и рѣшеніе нашей общественной задачи о происхожденіи чувствъ и силъ идей въ прогрессѣ.

II.

«Воля,—говоритъ Фуллѣ,—не есть какая-либо особая специфическая сила, виѣшивающаяся въ наши дѣйствія...» «Она есть стремленіе существа къ наибольшему благосостоянію (*bien-être*), къ сохраненію и расширенію жизни».

Тѣмъ мы ниже спускаемся по лѣстницѣ живыхъ существъ, доходя, на-

*) Что образованію рефлекса предшествуетъ сознательная, произвольная практика, знаетъ каждый, кто учился играть на фортепьяно или видѣлъ, какъ дѣти учатся ходить. Что сознательность предшествуетъ бессознательности, а не наоборотъ, см., напримѣръ, у Maudsley, А. Герцева и мн. другихъ.

конецъ, до амёбъ и простыхъ клѣточекъ,—тѣмъ безслѣднѣе исчезаетъ, конечно. дѣятельность *разсуждающая*, а также и дѣятельность *инстинктивная*, *рефлекторная*. Здѣсь еще нѣтъ и не можетъ быть рефлекторовъ, потому что нѣтъ ни нервной системы, ни механизмовъ, устроенныхъ изъ нея. Нѣтъ и инстинктовъ, потому что они,—какъ покажемъ ниже,—составляются сами изъ сложнаго сочетанія рефлекторовъ.

Что же мы находимъ у низшихъ животныхъ? *Аппетиты*, переходящiе непосредственно въ движенiя, т.-е. у нихъ голодь, жажда, потребность воспроизведенiя сопровождаются сперва безсвязными движенiями, которыя лишь впоследствии, съ накопленiемъ опыта, становятся цѣлесообразными. Низшее животное еще не знаетъ «цѣлей» въ высшемъ, подлинномъ смыслѣ этого слова,—ни средствъ къ ихъ достиженiю. «Всякая клѣточка, которая почувствовала себя неудобно,—говоритъ Фуллеръ,—дѣлаетъ усилiе, чтобы избѣжать этого неудобства. Наоборотъ, всякое состоянiе удобства или удовольствiя побуждаетъ ее остаться въ этомъ состоянiи. *Вотъ настоящее начало воли*, которое, какъ бы оно ни было просто и неопредѣленно, тѣмъ не менѣе, есть уже *воля, чувствующая себя*, а никакъ не движенiе инертнаго привода».

Для такихъ проявленiй воли низшему организму вовсе не нужно имѣть «представленiя» о томъ, что оно страдаетъ въ данную минуту; не нужно и представленiй о томъ, что оно избавится отъ нихъ данными движенiями, нѣтъ, это ужъ высшее знанiе, даваемое опытомъ. «Когда живое существо находится подъ влiянiемъ страданiя, оно дѣлаетъ движенiя во всѣхъ направленiяхъ и реагируетъ энергично. Для этого ему необходимо только *чувствовать*, что сейчасъ *есть* неудобство, страданiе, *препятствiе* его благосостоянiю. Страданiе просто влечетъ за собою *потребность перемѣны*. т.-е. *движенiе*. Эта потребность есть «*воля—измѣнить*», и только, а движенiя тѣла во всѣхъ направленiяхъ суть проявленiя *этой* воли. (Подобное же явленiе представляетъ новорожденный ребенокъ, но его движенiя объясняютъ рефлексами унаслѣдованныхъ механизмовъ. У низшаго же организма не можетъ быть рефлекторовъ). Посмотримъ же, какъ для цѣлей жизни или воли образовывались *рефлекторные механизмы*. Когда простой процессъ движенiй, реагирующихъ на страданiе и удовольствiе, повторялся нѣсколько разъ, то въ результатъ должно явиться уменьшенiе сопротивленiя со стороны молекулъ, т.-е. частицъ органическаго вещества, мозга, нервовъ. Понятно, что движенiе тѣмъ чаще повторялось сознательно, чѣмъ оно оказывалось лучше достигающимъ цѣли. Но чѣмъ чаще оно повторялось, тѣмъ больше проторялась дорожка въ данномъ направленiи. А отсюда произошло вѣтъ что: нервный токъ, встрѣчая въ этомъ проторенномъ направленiи наименьшее сопротивленiе, долженъ былъ и меньше задерживаться въ нервномъ центрѣ, при переходѣ на отводящiй нервъ. А чѣмъ онъ короче тамъ задерживается, тѣмъ короче и время ощущенiя, удовольствiя или страданiя, которыя имѣютъ сѣдалищемъ нервный центръ. Стало быть и хотѣнiе, и желанiе (спутники страданiй и удовольствiй) про-

текают моментально, почти не успевая сознаться. Конечно, и вниманія уже не требуется. Остается не произвольное, моментальное сознание, которое мелькает, как блескъ молніи, и потому не производит замѣтной перемены въ общемъ чувствованіи. Вотъ почему, рассматривая этотъ процессъ извнѣ, мы видимъ, что за какимъ-либо представленіемъ или образомъ, подѣйствовавшимъ на живое существо, немедленно слѣдуетъ движеніе, какъ будто безъ внимательства *различимыхъ* страданій или удовольствій, или *различимаго* акта воли. Кажется, что само представленіе (образъ предмета) стало *безраздѣльно* импульсомъ, толчкомъ въ томъ или другомъ направленіи. Однако, внѣшность тутъ обманываетъ. Вѣдь, и полкъ солдатъ по одному слову дѣлаетъ немедленно движенія. Можно ли его назвать машиной, а его движенія *нервическими*? Нѣтъ, это продуктъ долгой выучки, долгаго сознательнаго приспособленія. Фуллеръ резонно спрашиваетъ: кто видѣлъ гдѣ-нибудь, чтобы механическій рефлексъ, развиваясь постепенно, обратился какимъ-то чудомъ въ сознательный процессъ? Вездѣ сознательный процессъ переходитъ въ рефлексъ.

Остановимся здѣсь на минуту. Мнѣ припоминается другая работа профессора Н. Н. Ланге, изданная въ прошломъ году въ видѣ обширнаго тома, подъ заглавіемъ: *Психологическія изслѣдованія*. Въ ней весьма талантливыми и остроумными измѣреніями онъ доказываетъ, что каждое наше полное ощущеніе (перцепція) проходитъ 3 стадіи: въ первой стадіи мы ощущаемъ только «толчокъ въ сознаніи», не различая еще—слуховой ли онъ, или зрительный, или осязательный. Эта стадія самая короткая: отъ момента появленія раздражителя до реакціи проходитъ всего отъ 152 до 229 тысячныхъ секунды. Во 2-й стадіи, т.-е. когда ощущеніе продолжается дольше, мы уже различаемъ, былъ ли этотъ «толчокъ» зрительный, осязательный или слуховой. Наконецъ, на 3-й мы различаемъ, *какой* цвѣтъ, *какой* звукъ и т. д. Для этихъ высшихъ стадій ощущеніе должно длиться на 30—50 тысячныхъ секунды болѣе, а для зрительныхъ даже до 0,070.

Эти опыты уясняютъ намъ вполне, почему ускоренный процессъ реакціи, обратившійся мало-по-малу въ рефлексъ, почти не ощущается или не сознается нами (или, —какъ выражается Фуллеръ,—мы ощущаемъ его равнодѣйствующую, но не сознаемъ его *составляющихъ* элементовъ). Вѣдь, для отчетливаго ощущенія требуется извѣстное время. Но вообразимъ на мгновеніе, что наша нервная впечатлительность возросла въ 1,000 разъ. Въ такомъ случаѣ, каждую тысячную секунды мы ощущали бы такъ, какъ теперь ощущаемъ секунду, т.-е. *самый быстрый механическій* рефлексъ сознавался бы нами, какъ медленное произвольное разсужденіе. Теперь посмотримъ, *что такое инстинктъ*.

Когда животное, едва лишь почувявъ добычу, бросается за ней, мы говоримъ, что это дѣйствіе инстинктивное.

Или, наприм., видя передъ собою суку, вы моментально откидываетесь въ сторону. Это—инстинктъ. Тутъ тоже, кажется, съ перваго взгляда, что

ваше движеніе, какъ и погоня животнаго за добычей, вызваны *только внѣшнимъ раздраженіемъ*. Но это совершенно не вѣрно: вы должны по опыту знать раньше, что сукъ больно дерется; животное должно заранѣе убѣдиться, что запахъ, который оно услышало, или звукъ, который уловило отъ своей добычи, еще не видя ея, принадлежитъ именно *ей*, и что эта добыча даетъ вкусную и подерѣпляющую пищу (и даже, что эта «добыча быстро бѣгаетъ») и т. д., и т. д. Это такъ называемая «перцепція», когда мы присоединяемъ къ полученному ощущенію рядъ другихъ ощущений, сохранившихся въ насъ отъ принятаго опыта. И не только ощущений, а также и аппетитовъ чувствованій и стремленій къ движеніямъ. Наприм., достаточно вамъ услышать запахъ любимыхъ плодовъ, какъ вамъ представляется и ихъ вкусъ, и ихъ внѣшній видъ, и тотчасъ является желаніе достать ихъ.

И такъ, «инстинктъ есть соединеніе процессовъ аппетитивныхъ съ механическими рефлексамъ»,—говоритъ Фуллеръ. Ощущеніе смѣняется перцепціей, сопровождаемой тѣми же самыми опредѣленными хотѣніями, какими сопровождалась и составившія его ощущенія.

Это происходитъ, благодаря тому закону, по которому воспоминанія представляются какъ *возрожденныя* прежнія ощущенія. А возрожденное ощущеніе сопровождается тѣми же импульсами, которыми оно сопровождалось при первомъ его полученіи (и послѣдующихъ, если они были).

Однимъ словомъ, дѣйствія, служація удовлетворенію аппетитовъ, стали въ инстинктѣ сложнѣе, а въ то же время привычнѣе—стало быть, и *быстрѣе*. Отъ этого только первое волненіе или возбужденіе аппетита остается въ инстинктѣ явно волевымъ. Все остальное совершается механически, но только, *благодаря ассоціаціямъ прежняго опыта*, зарегистрированнымъ въ органахъ.

Какимъ образомъ слагается въ людяхъ иллюзія чистой механичности подобныхъ явленій, видно наглядно изъ слѣдующаго факта: «Если морского ежа,—говоритъ Роменсъ (Romanes),—раздражать одновременно въ двухъ разныхъ точкахъ тѣла, онъ двинется по *равнодѣйствующей* этихъ раздраженій». Фуллеръ замѣчаетъ на это: Да, всякая реакція должна совершаться по *минимъ наименьшаго сопротивленія*. Но забываютъ, что, въ то же время, *линія наименьшаго сопротивленія есть и наиболее пріятная для реакціи*. Чѣмъ больше сопротивленія, тѣмъ больше усилія, страданія, неудобства. Стало быть, существованіе, въ процессахъ животной жизни, чисто-механическихъ законовъ нисколько не исключаетъ волевого и психическаго процесса. То же и съ инстинктомъ: онъ механиченъ, но возбуждается онъ только подъ вліяніемъ аппетитовъ, т.-е. элемента воли.

Поэтому-то, наприм., у человѣка мы видимъ гораздо меньше инстинктовъ, чѣмъ у животныхъ: человѣкъ, вмѣсто дѣйствій, совершаемыхъ подъ вліяніемъ ощущений и перцепцій, начинаетъ обдумывать свои дѣйствія; его мысль можетъ развиваться по чисто-механическимъ законамъ, но эти механическіе законы скрываютъ подъ собою *стремленія* (appétits).

Въ самомъ дѣлѣ, когда мышленіе начинаетъ узнавать вѣдшіе предметы, дѣлаетъ достиженіе ихъ (или уклоненіе отъ нихъ) нашею цѣлью, то это лишь потому, что оно признаетъ ихъ то добромъ, то зломъ. Но, чтобы они были признаны (мышленіемъ) то добрыми, то вредными, необходимо, чтобы сперва они были *чувствуемы*, какъ добрые или злые. То-есть необходимо, чтобы первоначально они *понравились* или вызвали отвращеніе, а *въ силу этого* стали желаемыми или нежелаемыми. Посмотримъ теперь, какъ воля проявляется въ ощущеніяхъ.

III.

Фульье показываетъ, что каждое ощущеніе состоитъ изъ трехъ элементовъ (*térmes*): 1) Самое ощущеніе, т.-е. сознаніе цвѣта, звука и т. п. Оно говоритъ намъ о *внѣшнемъ мѣрѣ* или вообще *объ объектѣ* и служить, конечно, *знанію*. 2-й элементъ, неизбѣжно примѣшивающійся къ каждому ощущенію, есть тѣ удовольствія или неудовольствія (какъ бы смутны они ни были), которыя заставляютъ насъ замѣчать, различать ощущенія. 3-й элементъ составляетъ неизбѣжное послѣдствіе второго: все, доставляющее намъ удовольствіе, мы стремимся удержать, и наоборотъ. Т.-е. третій элементъ есть *реакція*, элементъ *двигательный, волевой*.

Но отсюда ясно, что *въ ощущеніи не все покрывается объектомъ и оно воздѣйствіемъ* на насъ. Два послѣдующихъ элемента исходятъ *изъ насъ*, изъ отношенія предмета къ нашей «волѣ жить», къ нашему самосохраненію, удовольствію, благу или страданію. Но дѣйствительно ли каждое ощущеніе содержитъ элементы страданія, удовольствія и, стало быть, реакціи?

Фульье разсуждаетъ такъ: чтобы мы могли что-нибудь сознать, ощутить, мы должны это «что-то» *различить* отъ чего либо другого или отъ предыдущаго состоянія. Но для того, чтобы мы могли различить, необходимо, чтобы это «что-то» было *не безразлично* для насъ. А для этого должно имѣть какое либо отношеніе къ нашему благосостоянію или страданію.

Теперь мы можемъ снова вернуться къ опытамъ Н. Н. Ланге. Дѣло въ томъ, что произвольными движеніями онъ считалъ въ своихъ опытахъ лишь тѣ, которыя совершались по извѣстному сознательному выбору. Но мы теперь знаемъ, что начало воли, чувствованія, удовольствія и страданія заключаются уже въ простѣйшихъ ощущеніяхъ, направляя соотвѣтственнымъ образомъ самую реакцію или движеніе. Кроме того, наукѣ извѣстно, что наши мышечныя движенія (или реакціи) вызываютъ въ насъ въ свою очередь особыя ощущенія, мышечное чувство или точнѣе—кинестезію. Эти ощущенія собственныхъ реакцій должны подчиняться тому же закону, какой указываетъ Фульье и для обыкновенныхъ ощущеній, т.-е. заключать въ себѣ также чувствованія, удовольствія и неудовольствія, удобства или неудобства. Такимъ образомъ, тотъ выборъ, кажущійся безсознательнымъ и произвольнымъ, который въ опытахъ Н. Н. Ланге предупреждаетъ вы-

борь сознательный, является вовсе не лишенным и воли, и известной степени сознания *)).

IV.

И такъ, воля проявляется въ страданіи и удовольствіи, сопровождающихъ каждое удовольствіе.

Но что же такое страданіе и удовольствіе? Нельзя ли, изучивъ ихъ ближе, точнѣ опредѣлить или понять «волю», реагирующую въ этихъ чувствованіяхъ на внѣшнія воздѣйствія среды?

Объ удовольствіяхъ и страданіяхъ Фуллъе говоритъ подробнѣе во 2-й книгѣ своего сочиненія, посвященной эмоціямъ, т.-е. душевнымъ движеніямъ, вообще чувствованіямъ. Мы уже отчасти видѣли и ранѣе, какъ Фуллъе смотритъ на страданія и удовольствія: посредствомъ ихъ воля, представляющая, въ сущности, стремленіе жить, сохранять и увеличивать жизнь, заставляетъ насъ чувствовать все вредное или неудобное для жизни въ видѣ страданія и все полезное и удобное — въ видѣ удовольствія.

Стремленіе къ перемѣнѣ, къ движенію лежитъ само собою въ мучительности страданія. Наоборотъ, въ пріятности удовольствія само собою лежитъ стремленіе остаться въ этомъ состояніи.

«Жизнь, — поясняетъ Фуллъе во 2-й книгѣ, — есть совокупность силъ, противящихся смерти; поэтому борьба за жизнь совершается въ живыхъ существахъ непрерывно. Удовольствіе есть побѣда жизни, страданіе есть пораженіе, смерть... Всякое страданіе есть *частичная* смерть, совершающаяся въ томъ или другомъ органѣ или отравленіи».

Это опредѣленіе очень соблазнительно своей широтой; однако, при небольшой внимательности легко видѣть, что, несмотря на эту широту, оно упускаетъ изъ вида нѣкоторыя особенныя страданія и удовольствія, наприм., удовольствія вредныя, разрушающія жизнь (алкоголизмъ, морфинизмъ, развратъ и т. п.), а также страданія, причиняемыя лишеніемъ этихъ вредныхъ удовольствій, если человекъ привыкъ къ нимъ.

Вотъ почему необходимо отыскать формулу для удовольствія и страданія, которая, не противорѣча по существу формулъ Фуллъе (въ общемъ справедливой), полнѣе охватывала бы дѣйствительные факты. При этомъ, конечно, искать ее слѣдуетъ только на научной почвѣ.

Въ психо-физиологической литературѣ послѣдняго времени мы имѣемъ нѣсколько объясненій удовольствія и страданія. Наиболѣе вѣскія изъ нихъ

*) Читателя можетъ смутить вопросъ: есть ли *научныя* основанія думать, что низшія животныя чувствуютъ и страдаютъ? Быть можетъ, ихъ реакція, хотя и не рефлексъ, но все же не болѣе, какъ физико-химическія измѣненія подъ вліяніемъ среды? Здѣсь было бы долго отвѣчать на этотъ вопросъ. Я позволяю себѣ указать читателямъ на мою работу *Развитіе чувствованій* (Спб., 1894 г.), въ которой я собралъ и рассмотрѣлъ критически значительный матеріалъ, даваемый наблюденіями биологовъ по этому вопросу.

принадлежать Герберту Спенсеру, Дюмону, Н. Я. Гроту и, наконецъ, въ самое послѣднее время Marshall'ю *).

Всѣ они могутъ быть сведены къ одному началу: къ отношенію между энергіей или силой (запасенной въ нашемъ организмѣ или отдѣльномъ органѣ) и тою работой, которую совершаетъ организмъ или органъ.

Такъ, удовольствіе мы чувствуемъ тогда, когда работа не превышаетъ запаса энергіи, или тогда, когда мы пополняемъ израсходованную энергію. Страданіе, наоборотъ, является тогда, когда работа превышаетъ запасъ энергіи или же когда она меньше накопленной энергіи (Н. Я. Гротъ).

Однако, и это опредѣленіе не охватываетъ всѣхъ явленій удовольствія и страданія. Я уже не буду говорить о такъ называемыхъ физическихъ страданіяхъ, вродѣ боли отъ удара, обжога, раны, но и въ области душевныхъ страданій, какъ страданія отъ разлуки съ близкими или отъ ихъ смерти и т. д., и т. д., — формула запасенной энергіи и ея отношенія къ тратѣ едва ли достаточна. Если мы предположимъ, наприм., что смерть любимаго существа вызываетъ страданіе оттого, что горе, возбуждаемое этою смертію, требуетъ не обычной потери энергіи, то, вѣдь, горе-то это и есть то страданіе, которое нужно объяснить. Потеря энергіи есть уже его слѣдствіе. Если допустимъ, наоборотъ, что горе, какъ доказываетъ физиологія, ослабляетъ и доводитъ до минимума всѣ отправленія организма и мы объяснимъ страданіе не излишнимъ расходомъ энергіи, а, наоборотъ, излишнимъ остаткомъ ея, то опять является непонятнымъ самое горе, самое страданіе, причинившее такой эффектъ. А оно-то и требовало объясненія. Не дастъ ли намъ отвѣта другая теорія (Джемса и Lange), чисто-біологическая и даже, какъ ее называютъ, «вазомоторная»?

У.

Физиологія учитъ насъ, что каждый организмъ представляетъ извѣстное равновѣсіе. Безъ этого онъ началъ бы распадаться, разрушаться.

Это равновѣсіе имѣется не только въ цѣломъ организмѣ, но и во всѣхъ его органахъ, тканяхъ, даже клеточкахъ, такъ что общее равновѣсіе есть система всѣхъ частныхъ, большихъ и маленькихъ, равновѣсій. Поддерживаются они у высшихъ животныхъ особыми нервными центрами и системами, регулирующими притокъ крови, а съ нею и энергіи. Особенно важную роль играетъ такъ называемая сосудо-двигательная система, суживающая и расширяющая кровеносные сосуды, тамъ, гдѣ это нужно, а также центры, замедляющіе и ускоряющіе общее кровообращеніе и дыханіе (сердце и легкія).

Давно уже было замѣчено, а въ послѣднее время подтверждается многими изслѣдованіями (см., наприм., работы И. Тарханова, а также новѣйшіе опыты P. Sallier), что всѣ наши душевныя движенія отражаются на

*) *Physical basis of pleasure and pain*, въ журналѣ *Mind*.

регулирующей нервной системѣ. Это-то и подало мысль датскому ученому Lange и американскому Джемсу, еще въ 1884 и 1885 гг. построить теорію чувствованій на дѣятельности вазомоторной системы. По этой теоріи, не наши чувствованія вызываютъ волненія въ организмѣ, а эти волненія, т.-е. внутренностные процессы, отражаясь въ дѣятельности сосудо-двигательной системы, *сопровождаются* чувствованіями (эмоціями).

Но эта теорія, во-первыхъ, обижаетъ всѣхъ тѣхъ животныхъ, у которыхъ нѣтъ сосудо-двигательной системы, а, между тѣмъ, у нихъ неоспоримо существуютъ, по меньшей мѣрѣ, страданія; во-вторыхъ, она совершенно не объясняетъ, почему, напримѣръ, извѣстіе о смерти любимого существа вдругъ заставляетъ взволноваться мои «внутренности» (хотя бы въ смыслѣ служенія сосудовъ), а впоследствии въ нервныхъ центрахъ получается эмоція печали. Почему, наоборотъ, извѣстіе о смерти врага заставить расширяться мои кровеносные сосуды и уже затѣмъ въ нервныхъ центрахъ получится эмоція радости? Почему, наконецъ, чтеніе въ газетѣ объявленій о смерти десятковъ людей, мнѣ неизвѣстныхъ, не суживаетъ и не расширяетъ моихъ сосудовъ? Натянутость всѣхъ такихъ теорій очевидна.

И вотъ, я прихожу къ слѣдующему выводу: душевныя движенія (чувствованія, эмоціи) дѣйствительно отражаются на дѣятельности нашихъ вазомоторныхъ и регулирующихъ центровъ. Но, вѣдь, эти центры имѣютъ своей функціей сохраненіе органическаго равновѣсія. Стало быть, *не въ нарушеніяхъ ли самого органическаго равновѣсія лежитъ источникъ страданій и высшихъ, и низшихъ существъ? Да. Въ эмоціи, до самыхъ высшихъ, находятъ здѣсь свое объясненіе* *). *Начнемъ съ ненормальныхъ страданій и удовольствій.*

Тотъ, кто начинаетъ пить или курить, на первый разъ не чувствуетъ удовольствія, но, наоборотъ, испытываетъ страданія: жженіе въ горлѣ, головокруженіе, кашель, иногда рвоту, головную боль и т. д. Курить и пить заставляютъ его раздражительность, нежеланіе отстать отъ другихъ, превосмогающія первыя страданія. Но вотъ онъ «привыкъ» курить и пить. Что это значитъ? Благодаря постоянному введенію въ организмъ алкоголя и никотина, старое равновѣсіе организма нарушено (отчего и были страданія), но затѣмъ установилось новое, въ которомъ введеніе въ организмъ алкоголя и никотина сдѣлалось важнымъ элементомъ. Въ желудкѣ приемы алкоголя произвели такія измѣненія, что онъ уже не можетъ работать по-прежнему, если его не возбуждать вновь: работа его окажется пониженной. То же и съ дѣйствіемъ никотина, морфія на нервы, мозгъ. И вотъ почему приемъ этихъ ядовъ даетъ удовольствіе, а лишеніе—страданіе, иногда чисто-адское, хотя, въ то же время, они постепенно разрушаютъ все больше и больше организмъ (его равновѣсіе), требуя для компенсаціи все большихъ и большихъ дозъ яда, чтобы удержать это новое, убійственное равновѣсіе.

*) Эта теорія подробно изложена мною въ статьяхъ: *Что такое прогрессъ?* въ прежнемъ *Русскомъ Богатствѣ* 1885 г., кн. I и II.

Такимъ образомъ, формула Фулье: «страданіе есть смерть, а удовольствіе — жизнь», хотя и вѣрна въ общемъ, но должна пониматься съ большими оговорками: конечно, для пьяницы или морфиниста лишеніе алкоголя или морфія можетъ иногда, какъ говорятъ, причинить даже смерть, а приемъ этихъ ядовъ возвращаетъ ихъ въ жизни, наполняя чувствомъ удовольствія, но тутъ-то и очевидно, что одни чувствованія удовольствія и страданія не могутъ быть взяты показателями, критеріями *нормальной* жизни. Иногда для сохраненія жизни въ нормальномъ состояніи необходимо перетерпѣть временное страданіе (наприм., отвыкнуть отъ алкоголя, морфія, никотина), а не слѣдовать непосредственному чувству, слѣпо идя за нимъ. «Отвычка», какъ и «привычка», есть установленіе новаго равновѣсія. Страданіе будетъ длиться лишь до той поры, пока равновѣсіе не возстановится. Здѣсь мы видимъ, откуда и почему явилась «мораль», въ наиболѣе точномъ смыслѣ этого слова, т.-е. какъ высшій идейный регуляторъ нашего поведенія или, точнѣе, столкновенія, коллизіи двухъ стремленій: удовлетворить частному стремленію воли (или частному нарушенію равновѣсія и соответствующему страданію) и удовлетворить высшему, болѣе общему для всего организма стремленію воли — сохранить нормальное равновѣсіе организма (а, стало быть, и жизнь). Такая борьба или коллизія возможна, однако, и на почвѣ самихъ чувствованій, но въ этой статьѣ я не буду останавливаться на моральныхъ чувствахъ. Это такой обширный предметъ, который требуетъ особой статьи.

Посмотримъ теперь на *страданія и удовольствія интеллектуальныя*, наприм., когда человекъ разочаровывается въ какомъ-нибудь своемъ вѣрованіи или чувствуетъ неудовлетворительность своего міросозерцанія. Одинъ изъ новыхъ нѣмецкихъ философовъ критической школы давно уже развивалъ мысль, что стремленіе къ законченной системѣ міровоззрѣнія есть стремленіе къ устойчивому равновѣсію. И это совершенно совпадаетъ съ моей формулой: наши взгляды, вѣрованія образуютъ уравновѣшенную систему идей, фактовъ, чувствованій. Въ организмѣ этому соответствуетъ, конечно, извѣстная система чисто-механическихъ равновѣсій энергіи, молекулярнаго состоянія мозга и т. п. Вторгается новый фактъ, не вяжущійся съ вашею системой, — равновѣсіе нарушается. Вы чувствуете страданіе и мысль ваша, какъ потревоженная амѣба, бросается во всѣ стороны, употребляетъ огромныя усилія, чтобы возстановить равновѣсіе. Въ удачномъ случаѣ, она или приспособитъ новый фактъ къ прежнему равновѣсію, или опровергнетъ его, или же перестроитъ систему, приведя ее къ измѣненному равновѣсію, и тогда вы почувствуете удовольствіе, облегченіе. Въ худшемъ случаѣ, — слабости мозговой воли или невозможности привести факты въ новое равновѣсіе, — является то, что въ просторѣчи называются *расшатанностью* мысли (въ нашу эпоху явленіе обычное) и человекъ мечется всю жизнь, хватаясь за всякую теорію, лишь бы хотя временно отыскать равновѣсіе, которое безпрестанно исчезаетъ вновь, наполняя сознаніе смутной тоской и пустотой неудовлетворенности.

По этому же типу можно построить всё другія психическія страданія, наприм., отъездъ или смерть любимаго существа: видѣть известное лицо, быть постоянно въ общеніи съ нимъ становится условіемъ психическаго равновѣсія. Этотъ элементъ выпадаетъ и вы страдаете тѣмъ сильнѣе, чѣмъ труднѣе возстановить или создать вновь утраченное равновѣсіе, наприм., замѣной одного любимаго человѣка другимъ. Иногда цѣлые годы чувствуется это неравновѣсіе, пока внутренняя органическая работа не залечитъ раны. Наоборотъ, возвращеніе любимаго существа, возстановляя нарушенную гармонию, причиняетъ глубокую радостную эмоцію.

Надѣюсь, что я могу ограничиться этими поясненіями и сдѣлать общій выводъ объ удовольствіи и страданіи, а затѣмъ и о волѣ, что было главною цѣлью этой главы.

Воля, съ біологической и механической точки зрѣнія, есть стремленіе органической системы къ сохраненію равновѣсія или къ самосохраненію. Оно есть въ каждой клеточкѣ, какъ и въ сложномъ организмѣ. Психически же или субъективно оно является намъ въ чувствѣ страданія и удовольствія и въ радостныхъ или печальныхъ эмоціяхъ и аффектахъ, носящихъ въ самихъ себѣ, т.-е. въ своей мучительности или пріятности, побужденія къ реакціямъ, къ дѣйствию, движенію (мучительное устранить, удалить его или уйти отъ него, вообще—измѣнить свое состояніе; пріятное же удержать, сохранить, повторить).

Эта формула охватываетъ и формулу Фуллеръ: вѣдь, каждое,—хотя бы частичное,—нарушеніе равновѣсія есть частичное разрушеніе жизненности (пожалуй, назовите это «частичной смертью»), а всякое возстановленіе равновѣсія есть частичная побѣда жизни.

Формула, опредѣляющая удовольствіе и страданіе отношеніемъ дѣятельности къ запасу энсргіи (Спенсеръ, Дюмонъ, Гротъ, Marshall), есть также только частный случай удовольствія и страданія, охватываемый и объясняемый «равновѣсіемъ». Въ самомъ дѣлѣ, недостатокъ энергіи, какъ и ея избытокъ, сравнительно съ работой,—суть нарушенія равновѣсія въ какой-либо части тѣла и во время тѣла. И вотъ *почему* это несоотвѣтствіе прихода и расхода причиняетъ страданіе.

Наоборотъ, расходованіе накопленной энергіи на соотвѣтственную работу есть, очевидно, возстановленіе равновѣсія, и вотъ *почему* оно чувствуется какъ удовольствіе.

Что теорія Джемса-Ланге охватывается формулой равновѣсія, читатель уже видѣлъ: внутренностные и вазомоторные процессы являются *послѣдствіемъ* нарушеннаго равновѣсія и стремленія возстановить его. Поэтому, они только «указатели», внѣшніе выразители эмоцій, а не ихъ причины: такъ, термометръ—не причина холода или тепла, а только выразитель ихъ.

Моя формула объясняетъ и систему чувствованій, предложенную Тардомъ. Посмотримъ.

Какъ возникаютъ чувствованія касты, націй, эпохи? Несомнѣнно, что

равновѣсіе организма не то у Петра, какое у Ивана. Рыбо справедливо опредѣляетъ индивидуальность или характеръ лица—равнодѣйствующею всѣхъ его постоянныхъ свойствъ. Съ моей точки зрѣнія можно сказать: *индивидуальность или характеръ лица есть система равновѣсій въ данное время.*

Прибавляю эту фразу («въ данное время») для того, чтобы пояснить, что система равновѣсій можетъ не только колебаться и восстанавливаться временно, но и глубоко измѣняться, отъ чего зависитъ и измѣненіе характера, т.-е. эмоцій, чувствованій. Такъ, наприм., В. Г. Бѣлинскій въ свой петербургскій періодъ иной человекъ, чѣмъ въ періодъ московскій. То, что раньше возбуждало въ немъ негодованіе (наприм., Жоржъ Зандъ), то впоследствии доставляетъ ему удовольствіе. Другой примѣръ—Бьернсонъ. Первую половину своей жизни это—узкій націоналистъ. Послѣ поѣздки въ Италію и особенно въ Парижъ, гдѣ онъ пробылъ три года и многому научился, это—врагъ всего узкаго, бичъ шовинизма и нетерпимости: его идеалъ—«человекъ, а не норвежецъ».

Какъ это случилось?

Измѣнилась система убѣжденій подъ вліяніемъ новыхъ фактовъ и идей. Измѣнилось и общее равновѣсіе всѣхъ системъ. Поэтому самосохраненіе системы стало иное. То, что прежде нарушало равновѣсіе и вызывало тяжелыя эмоціи и аффекты (наприм., тотъ фактъ для Бьернсона, что директоромъ театра въ Христианіи былъ не норвежецъ, а датчанинъ), то теперь проходитъ безслѣдно для равновѣсія; наоборотъ, что прежде радовало, наприм., узкія національныя стремленія, то теперь нарушаетъ душевное и нравственное равновѣсіе, возбуждая негодованіе и сказываясь сотнями брошюръ и пламенныхъ публичныхъ рѣчей *).

Люди извѣстной мѣстности и эпохи, выросшіе при одинаковыхъ условіяхъ, должны имѣть болѣе или менѣе сходныя организациі (системы равновѣсій), а стало быть и эмоціи. Чѣмъ группа лицъ, знающихъ другъ друга и живущихъ вмѣстѣ, меньше, чѣмъ условія ея жизни проще, тѣмъ ея индивидуальности должны быть болѣе похожи другъ на друга и менѣе измѣнчивы. Такова первичная группа дикарей.

Сумма ихъ впечатлѣній ничтожна; перемѣны, испытываемыя ими, почти исключительно ограничиваются голодомъ и насыщеніемъ. Поэтому, въ нихъ должно быть не только сходство организациі, а стало быть и реакціи (т.-е. эмоцій и дѣйствій), и *крайняя ихъ устойчивость, консерватизмъ.* Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ чаще человекъ испытываетъ перемѣны въ своемъ равновѣсіи подъ вліяніемъ сдвигивающихся условій, тѣмъ его вазомоторная система должна быть приспособленнѣе къ нимъ, подвижнѣе, и наоборотъ. Но чѣмъ она подвижнѣе, тѣмъ быстрѣе она восстанавливаетъ нарушенныя

*) Вотъ гдѣ лежала ошибка I. Юзова и отчасти славянофиловъ, видѣвшихъ въ чувствованіяхъ націи *ничто неподвижное*, требующее и особыхъ формъ жизни. Это—преувеличеніе того факта, что система равновѣсій, обуславливающая и систему эмоцій, дѣйствительно, консервативна, но она не неизмѣнна. Наоборотъ.

равновѣсія и устраняетъ тяжелыя эмоціи. Наоборотъ, человѣкъ, непривыкшій къ переменамъ, восстанавливаетъ равновѣсіе, нарушенное новизной, весьма медленно, поэтому его тяжелыя эмоціи продолжительны, глубоки; онѣ успѣваютъ разлиться на большую сумму мозговыхъ центровъ. Вотъ чѣмъ объясняется та ненависть къ новизнѣ (неофобія), которую видятъ въ дикаряхъ Ломброзо.

Какъ сильны и глубоки ихъ эмоціи относительно всего, къ чему они привыкли, видно, наприм., изъ разсказа Гольтмана, въ его *Inquiry into human faculties*: когда путешественникамъ по Америкѣ приходилось покупать у мѣстныхъ дикарей какую-нибудь домашнюю птицу или животное на обѣдъ, то это удавалось сдѣлать лишь съ величайшимъ трудомъ; при этомъ семья дикаря приходила въ страшное отчаяніе, какъ будто умеръ самый дорогой членъ семьи.

Поэтому понятна съ одной стороны ихъ привязанность къ членамъ своей группы, къ обычаямъ, могиламъ отцовъ и проч., понятна ихъ страшная месть и ненависть за каждый вредъ, нанесенный члену группы сосѣднею группой, и, наконецъ, ихъ вражда и презрѣніе къ сосѣднимъ племенамъ. Вѣдь, сосѣднія племена имѣютъ какія-либо особенности, т.-е. производятъ впечатлѣніе «новизны», а оно нарушаетъ равновѣсіе, которое трудно восстановить при слабой подвижности регулирующихъ центровъ.

Это не мѣшаетъ развитію у дикарей, какъ и у жителей глухихъ деревень, крайняго любопытства, весьма эмоціональнаго, т.-е. сопровождающагося сперва страхомъ и бѣгствомъ, потомъ ненавистью и нападеніемъ.

Такъ, въ глухихъ деревняхъ, наприм., сперва пугаются проѣзжаго велосипедиста, а потомъ бѣгутъ за нимъ съ камнями и ругательствами.

Порабощеніе одного племени другимъ расширяетъ предѣлы группы, а въ то же время измѣняетъ и систему равновѣсія благодаря новизнѣ условій и отношеній, новымъ фактамъ и идеямъ. Побѣдитель, ассоціируясь съ представленіемъ могучей силы и страданія, создаетъ въ мозгу систему, возбуждающую страхъ и благоговѣніе. Та ассимиляція путемъ подражанія, о которой говоритъ Тардъ, есть чаще всего стремленіе организма приспособиться къ побѣдителю (такъ какъ его не удалось приспособить къ себѣ). Это приспособленіе есть соотвѣтственное измѣненіе въ себѣ старыхъ системъ равновѣсія.

Кстати замѣчу здѣсь, что приспособленіе (ассимиляція подражаніемъ, Тарда) можетъ быть и прогрессивное и регрессивное: если невѣжда попадаетъ въ среду людей образованныхъ, если варваръ измѣняетъ свое внутреннее равновѣсіе по мѣрѣ римскаго, это—прогрессивное приспособленіе. Но если образованный человѣкъ попадаетъ въ провинцію и начинаетъ съ волками выть по волчьи, чтобы не страдать,—если страна, какъ Россія, отъ соприкосновенія съ татарами «отатаривается»,—это приспособленіе регрессивное.

Расширеніе внѣшнихъ границъ обществъ, паденіе внутреннихъ восточныхъ перегородокъ и большая подвижность населенія, при переходѣ къ

промышленности, увеличивают сумму впечатлѣній, переѣтъ, а потому и развивают подвижность регулирующей системы.

Отсюда—неизбѣжный выводъ, что, такимъ образомъ, ослабляется неофобія, сила, продолжительность и потрясающее дѣйствіе гнетущихъ эмоцій, а также вражды, ненависти, мести; является большая подвижность симпатій и, наконецъ, даже потребность умѣренной новизны и переѣтъ (модь, путешествій, новыхъ книгъ, новыхъ картинъ, новыхъ вѣстей, газетъ, и пр. и пр.). Это обусловливается уже утомленіемъ нервной ткани однообразными впечатлѣніями.

И такъ, мы видѣли, что наши чувствованія, логика которыхъ, по Тарду, лежить въ источникѣ прогресса, а по Фулье—въ источникѣ всѣхъ нашихъ дѣятельностей, идей, ощущеній,—имѣютъ сами источникомъ не внѣшній міръ, а наши индивидуальности, наше «я». Объективно или механически, это «я» есть система равновѣсія, субъективно, это—*наша воля*. Если мы допустимъ, съ детерминистами, что наша система равновѣсія дается намъ—не нами самими, а *только* условіями рожденія, воспитанія и среды, то, и въ такомъ случаѣ, она, эта система, т.-е. наша индивидуальность, образуетъ въ мірѣ *самостоятельный микрокосмъ, сохраняющій себя самъ*, борящійся за свое данное равновѣсіе самъ, противопоставляющій неудобствамъ, давленіямъ и вреднымъ влияніямъ среды, какъ космической, такъ и соціальной, *свое* требованіе, *свое* стремленіе измѣнить ихъ *для себя*, для своего блага, для своихъ специально-человѣческихъ цѣлей. Въ этомъ онъ и успѣваетъ, какъ доказываетъ вся исторія.

Но вотъ въ чемъ еще дѣло: имѣя способность чувствовать недовольство средой, *индивидуумъ имѣетъ способность чувствовать и недовольство собой*, своимъ характеромъ, своей индивидуальностью, а слѣдовательно и своимъ равновѣсіемъ, если они не дадутъ ему такого блага, которое стоитъ на уровнѣ его «идейнаго» представленія объ этомъ благѣ, т.-е. идеала, созданнаго работой мысли, подъ влияніемъ того же недовольства, той же *воли*, того же чувства страданія и удовольствія.

И вотъ гдѣ *въ самомъ индивидуумѣ* лежить способность *измѣнять и себя*, несмотря на то, что первоначально его индивидуальность дана ему не имъ самимъ. Въ этомъ его отличіе отъ всякаго другого механизма. Пока волю считали чѣмъ-то самосущимъ, отдѣльнымъ отъ человѣка и его «я», до тѣхъ поръ казалось невозможнымъ, чтобы эта воля могла измѣнять себя. Но теперь мы видимъ, что воля есть сущность нашего равновѣсія, нашей жизни, это есть просто наше *самосохраненіе жизни*: она не мѣняетъ себя, она неизмѣнна, какъ и сама жизнь, стремится *только* къ самосохраненію (и развитію), но она можетъ измѣнять самую нашу индивидуальность, равновѣсіе, *характеръ самосохраненія*, если они не удовлетворяютъ *идейно-сознанной той же цѣли насосовершенной жизни и развитія*.

Самый механизмъ, какимъ этотъ идеаль, эта «идея-сила» о высшемъ благѣ можетъ вліять на переустройство индивидуума, а, стало быть, и ме-

ханическаго равновѣсія его, я постараюсь уяснить въ заключительной главѣ объ отношеніи механическаго процесса къ психическому или субъективному, а теперь не мѣшааетъ бросить хотя бы бѣглый взглядъ на остальные части соч. Фуллье, чтобы дать читателю болѣе полное представленіе о немъ.

VI.

Въ предъидущемъ изложеніи мы успѣли познакомиться попутно съ главнѣйшими положеніями 1, 2 и 6-й книги соч. Фуллье (всѣхъ книгъ 7, раздѣленныхъ на 2 части).

Взглянемъ теперь на 3-ю книгу. Она говоритъ о вліяніи волевыхъ побужденій (аппетитовъ, эмоцій) на память, т.-е. на самую основу мышленія. Фуллье доказываетъ, что въ работѣ памяти участвуетъ и дѣятельность низшихъ организмовъ, входящихъ, въ видѣ клѣтокъ, въ нашъ организмъ, въ видѣ членовъ общей колоніи.

Каждый знаетъ, какое значеніе для запоминанія и воспроизведенія фактовъ имѣютъ чувствованія. Въ 4 и 5 книгахъ мы видимъ, какъ тѣ же аппетиты вліяютъ на всю умственную работу, на образованіе идей даже наиболѣе отвлеченныхъ, какъ «пространство», «время», «причинность», «субстанція». Даже образованіе предложенія съ подлежащимъ, сказуемымъ и связкой коренится въ стремленіи сдѣлать отношеніе вещей или представленій болѣе яснымъ, удобнымъ. Участіе воли въ образованіи и сохраненіи системъ идей и вѣрованій я показалъ. Но Фуллье указываетъ и другую сторону: точное убѣжденіе нужно организму для дѣйствія, для точнаго рѣшенія—*какъ поступать*. Такимъ образомъ, стремленіе къ цѣльности міровоззрѣнія имѣетъ въ волѣ и другой источникъ: стремленіе къ определенности дѣйствія, конечно, ради блага.

Процессъ образованія общихъ понятій и «идей-силъ» рисуется приблизительно такъ: сперва сознаніе есть смутный сборъ безчисленныхъ ощущеній, а единство заключается исключительно въ глухомъ аппетитѣ—жить, который лежитъ подъ всей этой безсвязной кучей. Но этотъ аппетитъ еще не опредѣлилъ «я», т.-е. не представляется намъ въ оппозиціи и раздѣльности съ внѣшнимъ міромъ; вначалѣ у насъ есть лишь очень темное чувство единства и болѣе ясное чувство множества. Кроме того, мы имѣемъ *чувство желанія* и чувство препятствія (l'opposition) желанію. Затѣмъ, мало-по-малу, устанавливаются центры различныхъ образовъ и сознаніе пріобрѣтаетъ два полюса—*желаемое и не желаемое*, за всѣмъ нежелаемымъ мы помѣщаемъ неизбѣжно какую-то дѣйствующую волю (которая противится намъ), но, конечно, не ту волю, вокругъ которой мы группируемъ все, происходитъ изъ нашего собственнаго желанія. И вотъ, такимъ образомъ, аппетиты и ощущенія распредѣляются правильно по ихъ отношеніямъ, такъ что для нашего сознанія образуются различные центры, изъ которыхъ одинъ мы называемъ, въ концѣ-концовъ «я», а другой—«вы» или «онъ» и т. д.

Но какъ могли зародиться идеи времени и пространства изъ аппетита или желаній? То, чего я *желаю*, обращено несомнѣнно къ *будущему*, къ тому, чего еще нѣтъ, но что можетъ быть. Въ то же время, это предсказываніе есть утвержденіе въ грядущемъ того, что уже было въ прошедшемъ, что уже извѣстно. Первобытный человѣкъ, чувствуя жажду, стремился, напримѣръ, къ тому ручью, изъ котораго онъ пилъ ранѣе. Его отдѣляетъ изъ этого ручья не только разстояніе (пространство), но и время. Вначалѣ пространство и время должны были сливаться для сознанія, т.-е. время должно было казаться формой разстоянія, удаленія. Когда источникъ воды найденъ и жажда удовлетворяется—вотъ *настоящее*. Когда же нѣтъ болѣе стремленія искушать его, это—*прошедшее*. Законъ причинности, очевидно, перенесенъ нами во внѣшній міръ *изъ насъ самихъ*, изъ нашего сознанія о собственномъ желаніи напьемъ: мы знаемъ въ себѣ это стремленіе дѣйствовать, совершать усилія, желать, хотѣть. Здѣсь добавимъ лишь нѣсколько словъ о свободѣ воли.

Въ этой идеѣ лежитъ стремленіе сдѣлать волю наиболѣе независимой отъ условій.

На степень такой независимости вліяетъ сама эта идея (какъ сила): чѣмъ больше мы убѣждены въ свободѣ нашей воли, тѣмъ больше становится и наша способность бороться съ препятствіями. Наоборотъ, вѣра въ свое безсиліе способна сдѣлать насъ пассивными игрушками условій и среды. Это такъ подтверждается ежедневнымъ опытомъ, что не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Идея о свободѣ воли есть настоящая «идея-сила» нашей самодѣятельности.

Послѣднюю 7-ю книгу объ измѣненіяхъ сознанія и воли Фуллье посвящаетъ тому, что уже я развилъ выше: доказательству присутствія рудиментарнаго психическаго начала тамъ, гдѣ хотятъ видѣть абсолютную безсознательность. Всѣ части одушевленнаго существа обладаютъ одновременно съ физическою жизнью, и нѣкоторою долей жизни психической. Предполагаемое безсознательное было маской настоящей чувствительности, которая можетъ быть безсознательна для насъ. Психическое состояніе можетъ существовать, не будучи ясно различаемо нашимъ «я». И оно всегда состояніе сознанія, т.-е. *чувствительности* и *аппетита* (хотѣнія).

Гипотезу автора объ универсальномъ сознаніи я пропущу; а попробую въ заключеніе установить болѣе точно отношеніе психическаго (волевого) процесса, который мы наблюдаемъ *внутри* себя, къ внѣшнему его проявленію—физическому или механическому процессу, наблюдаемому нами *извне*.

З а к л ю ч е н і е .

Обыкновенно мысль людей, не знакомыхъ съ критическою философійю, затрудняетъ слѣдующее: какимъ же образомъ воля или вообще психическое состояніе могутъ дать толчокъ веществу, вѣдь, они—не матеріальны,

они—не физическая сила. Въдь, это значило бы допустить нарушение закона сохранения энергии, т.-е. появление силы, не изъ какой-нибудь прежней, а «изъ ничего», изъ какого-то «желанія». Столл уже сдѣлалъ попытку устранить это механическое противорѣчье на почвѣ самой механики: онъ доказываетъ, что направить движеніе (наприм., вагона на тѣ или другіе рельсы) требуетъ одинаковой затраты энергии, а, между тѣмъ, результаты получаются совершенно различныя. Если воля можетъ вліять на направленіе движенія, то вотъ и объясненіе ея вліянія, безъ допущенія особой, добавочной силы, нарушающей законъ сохранения энергии.

Фуллеръ смотритъ иначе. Его взглядъ я выражу наглядно прекраснымъ сравненіемъ И. Тэна: отношеніе психическаго или волевого процесса къ механическому онъ уподобляетъ двумъ сторонамъ одного и того же часоваго стекла: смотрите съ одной стороны—оно выпуклое, смотрите съ другой—вогнутае. Такъ и въ психическомъ процессѣ: смотримъ мы внутрь себя, это—желаніе, страданіе, удовольствіе, боль, а разсматриваемъ и изслѣдуемъ себя извнѣ, это—обжогъ, порѣзъ, нервный токъ, движеніе мышцы и т. д. *Это—одно и то же явленіе, но только разсматриваемое съ двухъ сторонъ.* Бине и Риче, положимъ, говорятъ, что сознательный процессъ только аксессуаръ: это все равно, что сказать: вогнутая сторона часоваго стекла есть только аксессуаръ выпуклой, или наоборотъ: выпуклая есть аксессуаръ вогнутой.

Ни то, ни другое! Они представляютъ нераздѣльное единство, обѣ стороны *одинаково реальныя*, а разница только въ точкѣ зрѣнія.

Вы дали движеніе стеклу, ударивъ въ его вогнутую сторону; двинулась и его выпуклая сторона. Въ этомъ случаѣ первый импульсъ получился вогнутой стороной. Но вы могли дать толчокъ въ выпуклую сторону, за ней бы двинулась и вогнутая. Совершенно то же и въ мнимо-двойномъ воле-механическомъ процессѣ.

Но я позволяю себѣ идти дальше и присоединяюсь къ знаменитому біологу Гёксли, который еще лѣтъ десять тому назадъ, открывая засѣданія «Бразильской научной ассоціаціи», высказалъ въ своей президентской рѣчи приблизительно слѣдующее: «та сторона жизненнаго процесса, происходящаго во мнѣ, на которую я смотрю изнутри, является мнѣ—какъ сознаніе, ощущеніе, желаніе, чувствованіе. Но это есть *мое единственное истинное, непосредственное* прямое знаніе. Та же сторона процесса жизни, которую я наблюдаю снаружи, какъ механическую, физическую, химическую, біологическую,—есть продуктъ моего *условнаго* знанія, потому что я его получаю черезъ призму органовъ чувствъ. А они, какъ учитъ насъ и физика, и фізіологія, даютъ намъ *не непосредственное познаніе объекта, а только его толчки въ нашъ нервный аппаратъ; затѣмъ наши же нервныя токи, и ужь эти-то токи наше сознаніе* (т.-е. мы же сами) *дѣлаемъ ощущеніями* (звукомъ, цвѣтомъ, вкусомъ и т. д.).

Въдь и физика говоритъ намъ, что внѣ насъ—не свѣтъ, не звукъ, а колебанія эфира или воздуха. Свѣтомъ и звукомъ дѣлаетъ ихъ *наше со-*

знаніе, наше ощущеніе. Каковы они *внѣ меня*, я не знаю и никто не знаетъ. Представленіе о нихъ физики, какъ о вибраціяхъ ээира и воздуха, построено само изъ ощущеній и идей (*nihil est in intellectu, quod non fuerit prius in sensu*), а потому *не тождественно* съ объективной реальностью. Оно только *символически* передаетъ ее, какъ и смущеніе. Понятія и опредѣленія науки точны, безспорны, представляютъ лучшее, *единственное* руководство для практики, но съ критически-философской точки зрѣнія они лишь точныя символическія схемы дѣйствительности, но не сама она *in sich* и *für sich*. Только наше самочувствіе, то, что мы *въ немъ находимъ* (наши стремленія, желанія, страданія, удовольствія, сознаніе), вотъ единственное, что мы, какъ куски міровой ткани, знаемъ о себѣ (и о ней) непосредственно въ самихъ себѣ.

Такимъ образомъ, самый вопросъ о томъ, можетъ ли психическая сторона вліять на физическую, есть продуктъ наивнаго, некритическаго эмпиризма.

Л. Е. Оболенскій.

Очерки провинціальной жизни.

Два года прошло уже послѣ голода, а финансы земствъ не поправляются, какъ это засвидѣтельствовали экстренныя земскія собранія, происходившія весною и въ лѣтніе мѣсяцы. У многихъ земствъ не имѣется денегъ на удовлетвореніе самыхъ необходимѣйшихъ потребностей, на уплату долговъ, на уплату жалованья учителямъ и врачамъ. Всѣ такія земства возбуждаютъ ходатайства о ссудахъ и о разрѣшеніи кредитоваться у частныхъ лицъ. Предсѣдатель губернской управы въ такой богатой губерніи, какъ саратовская, доложилъ собранію, что «земская касса совершенно пуста»; между тѣмъ, предстоитъ неотложныхъ расходовъ на 50 тысячъ рублей. Пуста касса потому, что земской недоимки числится около 2.700,000 рублей. Естественно возникъ вопросъ: изъ какихъ источниковъ покрыть предстоящіе расходы. Большинство указывало на мѣру, о которой неисчислимое уже число разъ ходатайствовали земства,—ходатайствовать о равномерномъ взысканіи казенныхъ и земскихъ платежей. До сихъ поръ всѣ такія ходатайства встрѣчали отрицательный отвѣтъ и земства продолжаютъ получать лишь жалкіе остатки отъ казенныхъ сборовъ, на взысканіи которыхъ сосредоточено все вниманіе органовъ фиска. Между тѣмъ, если бы взысканіе казенныхъ и земскихъ сборовъ было раздѣлено и если бы полиція считала сборъ земскихъ налоговъ дѣломъ не менѣе важнымъ, какъ и сборъ казенныхъ податей, то, несомнѣнно, земскіе финансы находились бы въ лучшемъ, сравнительно съ настоящимъ, положеніи.

Но не въ однихъ только порядкахъ сбора податей лежитъ причина оскуднѣнія земскихъ финансовъ. И это прекрасно понимаютъ земскіе дѣятели, нерѣдко указывающіе на связь между земскимъ безденежемъ и объединеніемъ народа. Такъ и на саратовскомъ собраніи вопросъ этотъ былъ поставленъ и на болѣе общую почву. Дѣло въ томъ, говорилъ гр. Уваровъ, что платежи поступаютъ неаккуратно еще по другой и болѣе важной причинѣ; поступаютъ неаккуратно потому, что платятъ нечѣмъ. Крестьянинъ раззоренъ; въ затруднительномъ положеніи находится и большинство землевладѣльцевъ. Важнѣе всего позаботиться о поднятіи благосостоянія населенія. Но, къ сожалѣнію, здѣсь земство можетъ сдѣлать очень мало.

Серьезный подъемъ экономического благосостоянія населенія можетъ быть достигнутъ исключительно мѣрами государственными. Безъ поднятія экономического благосостоянія народа невозможно желательное движеніе ни въ одной области культурной жизни.

Сегодня изъ одной, завтра изъ другой мѣстности постоянно получаютъ извѣстія, что безденежье земства достигло такихъ размѣровъ, что оно не въ состояніи выполнять даже свои обычные функціи. *Лукояновское* земство, за неимѣніемъ средствъ, прекратило выдачу жалованья народнымъ учительницамъ и учителямъ во время лѣтнихъ мѣсяцевъ. Надо замѣтить, что и въ предшествовавшіе годы жалованье учительницамъ и учителямъ выдавалось крайне не аккуратно, такъ что многимъ учительницамъ приходилось прямо таки жить впроголодь, пока уѣздная земская управа соберется съ силами выдать не доданное за нѣсколько мѣсяцевъ жалованье. Положеніе учительницъ и учителей крайне печально: многимъ приходится пребывать долгами, вынося на своихъ плечахъ тяжелую и крайне унижительную необходимость обращаться къ кредиту торговцевъ и кулаковъ. На *елабужскомъ* экстренномъ земскомъ собраніи выяснилось, какъ пишетъ *Волжскій Вѣстникъ*, что земская касса «совершенно пуста». Собраніе вынуждено было уполномочить управу заложить въ городской банкъ или еще куда-нибудь нѣсколько серій, а если ихъ не хватитъ, то и процентныя даже бумаги, принадлежащія капиталу общественнаго призрѣнія. Конечно, залогъ этотъ обойдется земству дороговько (въ городскомъ банкѣ деньги выдаются за 8 проц.), но другого исхода нѣтъ.

Въ такомъ положеніи находятся многія земства. Между тѣмъ, земство является тѣмъ единственнымъ органомъ, на который *de facto*, а не на бумагѣ только, возложена забота объ удовлетвореніи многочисленныхъ нуждъ мѣстнаго населенія; именно на земство возложена обязанность преслѣдовать культурныя задачи: распространять народное просвѣщеніе, улучшать народное здравіе, поднять народное благосостояніе. Нашъ государственный бюджетъ удѣляетъ изъ своего миллиарда слишкомъ ничтожныя средства на культурныя задачи. Армія, флотъ, проценты по долгамъ, содержаніе администраціи, органовъ фиска, судебныхъ учреждений поглощаютъ почти весь бюджетъ. Поэтому, улучшеніе финансоваго положенія земства равносильно преуспѣянію въ удовлетвореніи насущнѣйшихъ потребностей населенія. А такое улучшеніе, улучшеніе прочное, какъ мы уже сказали, возможно лишь при общемъ поднятіи матеріальнаго благосостоянія народа.

Въ силу скудости своихъ средствъ, земство въ состояніи выполнять возложенныя на него культурныя задачи лишь въ весьма слабой степени. По ограниченности средствъ оно до сихъ поръ не могло поставить народнаго учителя въ положеніе, соответствующее его высокой миссіи. Едва ли можно найти должность болѣе трудную и менѣе благодарную, чѣмъ должность сельскаго учителя. Грязная обстановка школьной и домашней квар-

тиры, чрезвычайная трудность занятий при материальной необеспеченности, отсутствие надежды на лучшее положение в будущем, отсутствие гарантий от голодной смерти в старости или даже в молодых годах, в случае болезни,—вот участь сельского народного учителя.

Святое и великое дело посвятить себя служению народу и быть народным учителем, пишеть из Уфы в *Самарский Вестник* Ант. Печерский. Но всем ли известно, насколько трудна и многосложна жизнь и деятельность народного учителя. Я знаю болѣе 14 бывших народных учителей Уфимскаго уѣзда, побросавших педагогическую деятельность и нынѣ служащих в разныхъ учрежденіяхъ города Уфы. Каждый изъ нихъ получаетъ не менѣе 50 руб. в мѣсяцъ. Всѣ эти господа служили народными учителями не менѣе 6 лѣтъ каждый, а одинъ изъ нихъ 18 лѣтъ. Мнѣ хорошо известно, что всѣ они—народъ дѣльный, трудолюбивый, любилъ свое дѣло и относились къ нему весьма добросовѣстно, такъ что начальству не особенно хотѣлось ихъ отпускать. Причину, в силу которой они бросили свое святое дѣло и занялись канцелярщиной, хорошо можно понять изъ разказа, который мнѣ довелось выслушать отъ одного изъ нихъ, г. В—на, сообщившаго мнѣ слѣдующее:

«Я прослужилъ сельскимъ учителемъ 18 лѣтъ. Дѣло это было мнѣ очень по душѣ. Ради дѣла я мирился со многими тяжелыми условіями жизни сельского учителя. Но вотъ явились дѣти и я долженъ былъ подумать о томъ, что меня ожидаетъ в будущемъ. Вижу, что около меня бѣгаетъ четверо малолѣтнихъ дѣтей, а тамъ лежитъ больная жена. На 20 рублей учительскаго жалованья съ такой семьей жить трудненько, кругомъ недостатка. Здоровье я въ школьныхъ занятіяхъ и въ убійственномъ школьномъ воздухѣ въ 18 лѣтъ достаточно уже пострадалъ. Задаю себѣ вопросъ: что ожидаетъ впереди меня и мою семью, Хорошо, пока я еще въ силахъ, кое-какъ пропитываю семью, а вдругъ силы мнѣ измѣнять, я заболѣю, слягу въ постель, тогда меня, какъ уже негоднаго, выбросятъ за бортъ. Жена съ дѣтьми пойдутъ по міру, а ты валяйся безъ призора, больной и голодный, гдѣ-нибудь въ конурѣ. Вѣдь, народному учителю у насъ, сколько онъ ни служи, не полагается ни пенсія, ни пособій, а скопить что-либо изъ 20 руб. семейному человѣку про черный день немислимо. Поразмысливъ такимъ образомъ, я пришелъ къ заключенію, что надо подумать о семействѣ. Надо оставить это святое дѣло и, пока еще есть кое-какія силы, заняться чѣмъ-нибудь такимъ, чтобы будущность была немного обезпечена. Подалъ прошеніе объ увольненіи меня въ концѣ каникулъ въ отставку, что весьма удивило начальство, и я былъ вытребованъ инспекторомъ для личныхъ объясненій въ г. Уфу. Инспекторъ сначала меня уговаривалъ, но потомъ, согласившись съ моими доводами, пообѣщавшись мнѣ протектировать въ присканіи мѣста. Къ концу каникулъ жена оправилась здоровьемъ и я, получивъ весьма лестный аттестатъ о службѣ, перебрался съ семействомъ въ Уфу, гдѣ безъ всякой протекціи скоро поступилъ на службу въ одно изъ присутственныхъ мѣстъ, съ жалованіемъ

25 руб. въ мѣсяць. Трудновато было мнѣ, человѣку уже не первой молодости, на первыхъ порахъ изучать канцелярскую грамоту и привыкать къ порядкамъ, но, все-таки, я скоро освоился и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ получилъ классную должность, съ правомъ на пенсію».

Кстати,—продолжаетъ г. Печерскій,—скажу нѣсколько словъ объ одномъ народномъ училищѣ, въ которомъ мнѣ недавно пришлось побывать. Училище это находится въ с. Нагаевѣ, въ 12 верстахъ отъ гор. Уфы. Школьное зданіе очень ветхо, грязно и холодно. Съ потолка сыпется земля, а по полу надо ходить осторожно: онъ весь сгнилъ, и, попавъ ногою на гнилое мѣсто, можно его продавить, рискуя сломать себѣ ногу. Учитель—человѣкъ преданный своему дѣлу до фанатизма. Онъ учительствуетъ уже 17 лѣтъ, въ каковой періодъ времени онъ, для пользы дѣла, побывалъ въ 9 школахъ. На мой вопросъ: не думаетъ ли онъ оставить педагогическую дѣятельность, чтобы заняться чѣмъ-нибудь болѣе выгоднымъ для обезпеченія себя и семейства въ будущемъ? Онъ отвѣчалъ пословицей: «Богъ не безъ милости, свѣтъ не безъ добрыхъ людей!» Потерплю. Быть можетъ, на насъ обратятъ вниманіе и намъ будутъ за усердную, безпорочную службу выдавать пенсію, да и нежелательно измѣнять уже разъ намѣченной дѣли». Подобныхъ учителей съ такими христіанскими надеждами не много.

Чтобы поставить дѣло народнаго образованія на должную высоту, заключаетъ г. Печерскій, необходимо назначить учителямъ болѣе приличное вознагражденіе, установить пенсію и дѣтей ихъ обучать въ учебныхъ заведеніяхъ на казенный счетъ. Этимъ только и можно привлечь и удержать дѣльныхъ и трудолюбивыхъ народныхъ учителей, способныхъ довести это важное дѣло до желанныхъ результатовъ. А сколько бѣжить дѣльныхъ учителей въ духовное званіе, на желѣзную дорогу и въ сельско-хозяйственные экономіи!

О томъ же тяжеломъ положеніи носителей свѣта въ народную жизнь говорилъ г. Шестаковъ въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій московскаго комитета грамотности. Докладчикъ началъ свое сообщеніе указаніями на бѣдственное положеніе учителей. На первомъ планѣ, конечно, матеріальная необезпеченность. «Моего жалованья,—пишетъ одинъ учитель,—хватаетъ только на то, чтобы не умереть съ голода и не ходить въ лохмотьяхъ». Эта жалоба составляетъ основной мотивъ, самую суть фабулы во всемъ рядѣ характеризующихъ положеніе учителя случаевъ, рассказанныхъ докладчикомъ на основаніи сообщеній провинціальной прессы и нѣкоторыхъ другихъ данныхъ. Особенно безотрадно положеніе учителя подъ старость и вообще въ случаѣ инвалидности. Послѣ многолѣтняго труда онъ, въ большинствѣ случаевъ больной, измученный, выбрасывается изъ школы прямо на улицу, такъ какъ пенсіи для него не существуетъ, а сдѣлать сбереженія самому нѣтъ никакой возможности. Другое условіе, не менѣе важное по своимъ вреднымъ послѣдствіямъ какъ для учителя, такъ и для самого дѣла, которому онъ служить, составляетъ отсутствіе всякихъ средствъ

къ удовлетворенію потребности учителя въ чтеніи и вообще къ дальнѣйшему пополненію своихъ знаній и самосовершенствованію.

Исключеній изъ этой общей картины не много. Къ числу исключительно счастливыхъ уголковъ для сельскихъ учителей принадлежитъ богатый бердянскій уѣздъ Таврической губерніи. Въ Бердянскомъ уѣздѣ жалованье учителямъ начинается съ 300 р. въ годъ и постепенно увеличивается черезъ каждые три года и доходитъ до 900 р. въ годъ. И такихъ счастливицевъ въ уѣздѣ 171 человекъ!

Несмотря на скудное вознагражденіе народныхъ учителей, несмотря на необеспеченность ихъ въ старости и на случай болѣзни, святость предстоящаго дѣла настолько притягательна для чистой души, что, по общимъ отзывамъ, контингентъ большинства сельскихъ учителей и учительницъ состоитъ изъ преданныхъ дѣлу людей и работа ихъ даетъ болѣе плодотворные результаты сравнительно съ результатами дѣятельности церковно-приходскихъ школъ. Новою и весьма интересною справкой къ дѣлу о сравненіи дѣятельности земской и церковно-приходской школы является недавно изданный земскій отчетъ о народномъ образованіи въ Херсонской губерніи, извлеченіе изъ котораго напечатано въ *Одесскомъ Листкѣ*. Отчетъ свидѣтельствуетъ, что процентъ окончившихъ въ церковныхъ школахъ вдвое ниже числа окончившихъ въ школахъ земскихъ. Причины этого явленія станутъ понятны, если обратитъ вниманіе на педагогическій уровень преподавателей церковныхъ школъ. Изъ 255 лицъ, занимавшихся преподаваніемъ въ церковно-приходскихъ школахъ, было 97 псаломщиковъ и 66 имѣвшихъ званія учителей, т.-е. почти $\frac{2}{3}$ учащихся въ этихъ школахъ не имѣли должной подготовки къ учительскому дѣлу. Изъ остальныхъ же преподавателей церковныхъ школъ было: 7 священниковъ, 44 дьякона, 2—окончившихъ курсъ духовной семинаріи, 19 окончившихъ епархіальное женское училище и лишь 20 имѣвшихъ званіе учителей и учительницъ. Въ школахъ же грамотности научный цензъ преподавателей еще ниже. Кромѣ немногихъ членовъ клира и лицъ съ педагогическою подготовкой, въ нихъ были преподавателями уволенные изъ духовныхъ и учительскихъ семинарій и духовныхъ училищъ, окончившіе министерскія двухъ-и одноклассныя училища и церковно-приходскія школы и даже лица, не получившія школьнаго образованія.

Еще одно обстоятельство даетъ преимущество земскимъ школамъ предъ церковно-приходскими школами. При низкомъ уровнѣ педагогической подготовки большинства преподавателей церковныхъ школъ, лучшими учителями въ этихъ школахъ естественно являются священно-служители. Но эта лучшая часть учителей отвлекается отъ школьныхъ занятій исполненіемъ церковныхъ требъ.

Въ майской книжкѣ *Недѣли* помѣщена интересная статья В. П. Долгорукова, въ которой онъ описываетъ свою поѣздку по различнымъ школамъ. Авторъ даетъ рядъ картинъ различныхъ школъ. Но особенно любо-

пытно у него одно мѣсто, показывающее, къ чему приводитъ одновременное существованіе школъ различныхъ типовъ:

«Въ селѣ двѣ школы, — одна церковно-приходская, другая министерская. Сначала подѣхалъ я къ министерской школѣ. Зданіе прекрасное, изъ роскошнаго сосноваго лѣса, просторное, крытое желѣзомъ, на каменномъ фундаментѣ. Двѣ классныя комнаты пустыютъ. Комната для учителя — сарай. Ученики сидятъ въ продолговатой комнатѣ, которая ихъ вмѣщаетъ не особенно тѣсно. Учительствуетъ учительница. Она сидитъ въ шубѣ и валенкахъ. Дѣти пишутъ только на грифельныхъ доскахъ и на классной, потому что чернила замерзли... Я выхожу въ корридоръ, чтобы надѣть шубу, — иначе нельзя.

«— Пойдемте, — говорю я учительницѣ, — въ вашу комнату, а дѣтей распустите.

«Оказывается, въ комнатѣ учительницы въ рукомышкѣ вода замерзла.

«— Да какъ же вы тутъ, милая моя, живете?

«Это еще ничего, въ шубѣ тепло, — съ улыбкой отвѣчаетъ она, — такъ я и сплю въ ней, а когда вѣтеръ съ востока, такъ я къ кому-нибудь ухожу...

«При школѣ до 80 десятинъ земли...

«Ѣду въ церковно-приходскую. Тѣсная восьми аршинная караулка, — трехъ аршинъ высоты, — вмѣщаетъ въ себѣ человѣкъ 30 мальчиковъ. Какъ они размѣщаются — Господь ихъ вѣдаетъ!

— Помяните, отецъ дьяконъ! Да какого вы бѣса сидите въ этой норѣ! Школьное зданіе на три четверти пустоеть... Вы бы сообща: попечитель (министерской школы) — помещеніе, вы — дрова. Вѣдь, это курамъ на смѣхъ: двѣ школы въ одномъ селѣ, — что, у васъ, городъ что ли?

«— Намъ нельзя, мы должны имѣть церковно-приходскую школу: хоть три ученика, а должны быть на-лицо; не то, вѣдь, такъ отцомъ-дьякономъ и скончасшь свое грѣшное земное житіе».

Такимъ образомъ, одна школа страдаетъ отъ холода, а другая — отъ тѣсноты, и помочь этому они не могутъ.

Скудные средства земства не позволяютъ ему выполнить многое изъ того, что оно считаетъ дѣломъ первостепенной важности. Между усиліями большинства земскихъ дѣятелей и имѣющимися у нихъ средствами существуетъ рѣзкій диссонансъ. Водвореніе всеобщей грамотности, напримѣръ, земство считаетъ дѣломъ вполне назрѣвшимъ и крайне нужнымъ, а между тѣмъ, оно, при самомъ крайнемъ напряженіи своихъ бюджетовъ, имѣетъ школы лишь для одной шестой части дѣтей школьнаго возраста. А надо замѣтить, что народное просвѣщеніе есть именно та область, гдѣ дѣятельность земства еще наиболѣе преуспѣвающая. На эту область земство обратило особенно серьезное вниманіе съ самаго момента своего возникновенія и въ теченіе тридцати лѣтъ неустанно работало для просвѣщенія въ народѣ. Гораздо менѣе могло сдѣлать земство для осуществленія другихъ своихъ культурныхъ задачъ, а всего труднѣе для него было оказать за-

мѣтное воздѣйствіе на поднятіе матеріальнаго благосостоянія населенія. Много усилій потрачено земствомъ на эту задачу; многія изъ выполненныхъ имъ мѣропріятій принесли и продолжаютъ приносить не мало добра населенію, но поднять народное благосостояніе — это задача, превышающая силы земства, при *современномъ его положеніи*. Не малая заслуга земства заключается уже и въ томъ, что оно, своими хозяйственными мѣропріятіями, задерживаетъ до нѣкоторой степени ухудшеніе экономическихъ условій сельскаго населенія.

Такъ понимается дѣло многими земскими собраніями, не разъ заявлявшими, что для существеннаго улучшенія экономическаго положенія народа прежде всего необходимо расширеніе крестьянскаго землевладѣнія. Въ виду этого земскія собранія неоднократно ходатайствовали предъ правительствомъ объ усиленіи дѣятельности крестьянскаго банка и объ организаціи переселеній въ широкихъ размѣрахъ. Въ послѣднюю сессію такое ходатайство снова представлено воронежскимъ губернскимъ земствомъ. Земство это, — какъ сообщаетъ *Самарскій Вѣстникъ*, — ходатайствуетъ передъ правительствомъ объ отводѣ 10,000 десятинъ земли въ Уфимской губерніи или другихъ районахъ для переселенія крестьянъ изъ Задонскаго уѣзда. Въ объясненіи къ своему ходатайству земство находитъ, что удаленіе излишняго населенія при настоящихъ условіяхъ единственно вѣрное средство для поднятія благосостоянія края. Такъ какъ земство обладаетъ достаточно полными свѣдѣніями о платежныхъ силахъ и особенностяхъ различныхъ мѣстностей губерніи, то оно имѣетъ возможность содѣйствовать массовому переселенію въ избранную мѣстность людей однихъ обычаевъ и одинакихъ пріемовъ культуры земли, т.-е. образованію сплошнаго населенія одного типа, что можетъ сразу дать колоніи устойчивость и облегчить приспособленіе къ новой окружающей средѣ. Въ виду этого было бы весьма цѣлесообразно предоставить земству выборъ переселенцевъ и группировку ихъ. Предварительно земцы предлагаютъ отправить въ Уфимскую губернію такъ называемыхъ ходаковъ, изъ числа переселяющихся, причемъ вмѣстѣ съ ними отправятся и интеллигентныя лица, которыя помогутъ крестьянамъ оцѣнить на мѣстѣ условія поселенія.

Много разъ обсуждался въ земскихъ собраніяхъ также вопросъ о доставленіи сельскому населенію дешеваго кредита. Но камнемъ преткновенія для осуществленія этой настоятельной нужды являлось всегда отсутствіе свободныхъ средствъ. Поэтому возникали ходатайства предъ правительствомъ объ организаціи сельскаго кредита. Теперь о томъ же ходатайствуетъ экстренное херсонское губернское земское собраніе. Земство это, — по сообщенію корреспондента *Русскихъ Вѣдомостей*, — привело много данныхъ о томъ, насколько раззорительны для земледѣльца наличныя формы мелкаго кредита, какъ дорого обходятся крестьянамъ услуги ростовщиковъ и скупщиковъ хлѣба. Также крайне тяжелымъ является кредитъ подъ будущую работу, при которомъ труженику достается едва половина той цѣны, какую платятъ во время самого исполненія работъ. Отъ этого

часто бываетъ, что рабочіе бросаютъ нанIMATEлей въ самое горячее время, напося имъ чувствительные убытки. Съ другой стороны, при болѣе аккуратномъ выполненіи договоровъ, обязанность рабочаго является по первому требованію нанIMATEля, лишаетъ заемщика возможности работать у себя въ самое удобное время, причиняя потери ему самому. Средствомъ для выхода изъ подобныхъ ненормальныхъ отношеній представляется организація дешеваго кредита. Земское собраніе разработало этотъ вопросъ пока только принципиально, отложивъ выработку подробностей до того времени, когда правительство разрѣшитъ главныя положенія, и ходатайствуетъ объ устройствѣ дешеваго кредита для крестьянъ и мелкихъ землевладѣльцевъ въ видѣ выдачи ссудъ, *при посредствѣ земскихъ утрежденій*, и о передачѣ въ вѣдѣніе земства капитала сельскихъ промышленныхъ кассъ; кромѣ того, оно проситъ объ оставленіи земству поступающихъ взносовъ въ уплату суммъ, выданныхъ для покупки скота, чтобы могла продолжаться и въ будущемъ подобная помощь, равно какъ и для улучшенія скотоводства, а также о присоединеніи къ тѣмъ же суммамъ остатковъ отъ пожертвованій, сдѣланныхъ въ неурожайные годы. Независимо отъ того предполагаются ссуды на покупку хозяйственныхъ орудій и поддержаніе хозяйствъ послѣ пожара, градобитій, наводненій и т. под. Когда эти ходатайства будутъ удовлетворены, губернская управа составить правила о порядкѣ исполненія означенныхъ предположеній.

Только организаціей кредита для сельскаго населенія послѣднее будетъ изъято отъ эксплуатаціи ростовщиковъ всякаго вида. Изданный же законъ противъ ростовщичества мало достигаетъ своей цѣли. *Одесскій Листокъ* сообщаетъ, что упомянутый законъ породилъ въ Одессѣ совершенно обратныя цѣли закона явленія. Въ настоящее время въ Одессѣ чрезвычайно трудно достать деньги за узаконенные проценты и ростовщики безнаказанно берутъ 24, 36 и болѣе процентовъ. Сверхъ того, ограниченіе въ правѣ взиманія процентовъ только возвысило ростъ, потому что ростовщикъ ищетъ въ процентахъ вознагражденія не только за рискъ, но и за возможность судебного преслѣдованія. Въ то же время нашлись и такіе ростовщики-монополисты, которыхъ угроза наказанія не устрашаетъ; корыстолюбіе ихъ не знаетъ предѣловъ, и они, не стѣсненные конкуренціею, берутъ самые невѣроятные проценты, прибѣгая при этомъ къ весьма остроумнымъ способамъ обхода закона.

Весьма важною подмогой въ крестьянской нуждѣ является выдача *судъ подѣ хлѣбъ*, практикуемая уже нѣсколькими земствами. Во всѣхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ Россіи ежегодно замѣчаются слѣдующія два теченія: осенью, когда для крестьянъ наступаетъ пора взноса всевозможныхъ податей, мѣстные рынки переполняются свѣжимъ крестьянскимъ хлѣбомъ, цѣна на который падаетъ до крайнихъ предѣловъ. Затѣмъ весною, когда запасы собственного хлѣба у крестьянъ истощились и зерно необходимо для яровыхъ посѣвовъ, на тѣхъ же мѣстныхъ рынкахъ является значительный спросъ на всѣ хлѣба и цѣна на нихъ повышается до край-

нихъ предѣловъ. Вслѣдствіе такого періодическаго, неизмѣнно повторяющагося колебанія цѣнъ на хлѣбъ, крестьяне ежегодно теряютъ громадныя суммы денегъ, которыя попадаютъ въ руки скупщиковъ и являются ничѣмъ инымъ, какъ огромнымъ процентомъ за краткосрочную ссуду денегъ подъ залогъ крестьянскаго хлѣба. Въ виду этого, земства озабочены теперь организаціей дешеваго кредита подъ залогъ крестьянскаго хлѣба. Первымъ выступило на этотъ путь крестецкое земство; примѣру его послѣдовали другія и, между прочими, александрійское земство, опубликовавшее недавно отчетъ о результатѣ своихъ дѣйствій. Выдача ссудъ, какъ видно изъ отчета, подробно разработаннаго статистическимъ бюро уѣздной управы, началась въ ноябрѣ и закончилась въ мартѣ. За четыре мѣсяца было выдано 56 т. р. изъ 100-тысячнаго кредита, открытаго Александрійскому уѣзду государственными банкомъ. Ссудой воспользовались крестьяне 42 поселеній въ 19 волостяхъ. Не участвовали въ ссудной операціи волости, расположенныя на окраинахъ уѣзда и наиболѣе удаленныя отъ города Александріи. Кромѣ крестьянъ ссудами въ счетъ той же суммы воспользовались еще нѣсколько мелкихъ землевладѣльцевъ. Преобладали ссуды въ размѣрѣ менѣе 50 р.; до 100 р. было выдано въ однѣ руки сравнительно немного (22%), и, наконецъ, ссужать подъ хлѣбъ свыше 100 р. отдѣльному двору приходилось еще рѣже. Иногда, по словамъ отчета, требовались и совсѣмъ маленькія ссуды въ 5—6 и даже до 4 руб. Ссуды подъ хлѣбъ брались крестьянами въ ноябрѣ, главнымъ образомъ, для найма земли, въ декабрѣ и январѣ—для уплаты повинностей. Наибольшій спросъ на деньги былъ во второй половинѣ декабря и въ началѣ января. Въ эту пору управа, по ея собственнымъ словамъ, не успѣвала даже удовлетворять всѣ требованія со стороны крестьянъ. Можно положительно утверждать,—говорится въ отчетѣ,—что успѣшное поступленіе сборовъ въ теченіе истекшей зимы многимъ обязано ссудной операціи. Управѣ извѣстно не мало случаевъ, что выданная ссуда въ тотъ же день цѣликомъ поступила въ казначейство.

О расширеніи крестьянскаго землевладѣнія обыкновенно ходатайствуютъ земскія собранія. Но вотъ, повидимому, совершенно новый фактъ: это—ходатайство о томъ же самихъ крестьянъ. Въ селѣ Дмитріевкѣ,—сообщаетъ корреспондентъ *Самарской Газеты*,—вотъ уже нѣсколько лѣтъ изыскиваются средства къ обезпеченію землей однообщественниковъ. При реформѣ 19 февраля 1861 года дмитріевцы получили достаточныя надѣлы, но въ настоящее время, вслѣдствіе увеличенія народонаселенія, эти надѣлы сократились до невозможности вести на нихъ хозяйство. Въ моментъ реформы въ Дмитріевкѣ числилось около 400 ревизскихъ душъ. Въ настоящее время наличныхъ душъ 1,700, т.-е. въ четыре раза больше, а, слѣдовательно, размѣръ душевого надѣла уменьшился также въ четыре раза. Обсуждая это дѣло на сходѣ, дмитріевцы пришли къ заключенію, что жить на надѣльной землѣ тѣсно, что при существующемъ земельномъ обезпеченіи общее хозяйство всѣхъ членовъ дмитріевской общины не можетъ

быть удовлетворительно. Исправить этот хозяйственный недугъ при помощи аренды близлежащихъ казенныхъ земель оказалось невозможнымъ. Прежде всего торги на земли производятся въ Самарѣ, при управленіи государственными имуществами. Разстояніе довольно большое. Крестьянамъ приходилось посылать своихъ уполномоченныхъ на торги, но, во избѣжаніе неосторожности со стороны уполномоченныхъ, не давать имъ абсолютныхъ правъ торговаться до предѣльной конкуренціи съ частными арендаторами. Частные арендаторы доводили цѣны до такихъ предѣловъ, которые стояли внѣ компетенціи полномочій крестьянскихъ делегатовъ, и участки одинъ за другимъ арендовались людьми, не имѣющими даже желанія заниматься самостоятельнымъ хозяйствомъ: они отдавали снятыя земли въ аренду нуждающимся крестьянамъ, получая болѣе 50 процентовъ барыша.—И вотъ дмитріевскіе крестьяне порѣшили обратиться къ министру государственныхъ имуществъ съ ходатайствомъ, въ которомъ просили, чтобы близлежащія казенныя земли (7 верстъ отъ Дмитріевки) были отданы въ ихъ пользованіе, какой бы арендною платой онѣ ни были обложены. При этомъ ходатайствѣ былъ приложенъ списокъ наличныхъ душъ, списокъ рабочаго скота, способнаго обработать извѣстное количество земли, и списокъ наличныхъ работниковъ, способныхъ вести хозяйство. Спустя довольно значительное время послѣдовалъ отвѣтъ на это ходатайство. Теперь уѣздный съѣздъ поручилъ мѣстному земскому начальнику провѣрить представленные списки.

Въ настоящее время,—добавляетъ корреспондентъ,—все грамотные крестьяне чутко прислушиваются ко всемъ газетнымъ толкамъ объ обезпеченіи землею крестьянскаго населенія, въ особенности послѣ того, какъ появилось министерство земледѣлія.

Какъ въ степи Сахарѣ путникъ отдыхаетъ на оазисахъ отъ однообразія пустыни, такъ и хроникеръ русской жизни радостно останавливается на рѣдкихъ благоденствующихъ селеніяхъ; радостно останавливается на нихъ тѣмъ болѣе, что благоденствіе населенія почти всегда сопровождается какими-либо полезными учрежденіями со стороны этого населенія. Такъ, изъ деревни Махневой, Верхотурскаго уѣзда, въ *Екатеринбургскую Недѣлю* пишутъ, что махневскій волостной сходъ, возвратившись къ вопросу объ устройствѣ въ деревнѣ Махневой больницы, на которую еще въ 1889 году населеніе Махневской волости ассигновало тысячу рублей единовременно и по сту рублей ежегодно, рѣшилъ добавить къ этой суммѣ еще шестьсотъ рублей изъ процентовъ мірскаго капитала и, сверхъ того, принялъ на себя поставку всего лѣснаго матеріала. Такое постановленіе схода имѣетъ значеніе и для другихъ сосѣднихъ волостей, такъ какъ здѣшній край почти совсѣмъ лишенъ медицинской помощи. Другое постановленіе махневскаго волостного схода касается области народнаго образованія. Волостной сходъ ассигновалъ пятьдесятъ рублей на пополненіе публичной бібліотеки при махневскомъ двуклассномъ училищѣ, открытой въ 1891 г. на средства уѣзднаго земства. Крестьянское ассигнованіе на эту бібліотеку

является уже вторичнымъ: первое, тоже въ количествѣ пятидесяти рублей, было сдѣлано махневскимъ сельскимъ обществомъ три года тому назадъ.

А вотъ въ селѣ Логиново-Хорошковское, Тарскаго округа, образовался мірской капиталъ въ 8,498 р. 27 коп. — и крестьяне порѣшили учредить сельскій банкъ. 22 августа 1893 года логиновскій волостной сходъ слушалъ слѣдующее предложеніе волостного старшины, приводимое *Сибирскимъ Листкомъ* «почти дословно»: Въ настоящее время въ распоряженіи волости имѣется значительная сумма мірскаго капитала въ 8,498 р. 27 коп., хранящаяся почти вся на книжкахъ сберегательной кассы при мѣстномъ казначействѣ. Капиталъ этотъ, кромѣ приращенія самого себя процентами, никакой существенной пользы волости не даетъ, а, между тѣмъ, разумно и цѣлесообразно употребляемый, онъ, не умаляясь въ своемъ объемѣ и даже не переставая приращаться, могъ бы оказать крестьянскому населенію волости значительную помощь въ поддержаніи и улучшеніи экономическаго благосостоянія. Имѣя въ виду, что жизнь крестьянина-хлѣбопашца подвержена массѣ всякаго рода случайностей или такихъ обстоятельствъ, которыя нѣтъ никакой возможности предвидѣть или рассчитать, отчего и экономическая сторона его страдаетъ крайнею неровностью и имѣетъ характеръ какъ бы той же случайности, и разъ человекъ по какому-нибудь несчастному случаю (неурожай хлѣба, падежъ скота, пожаръ и т. п.) раззорился или обѣднѣлъ, онъ долго уже не въ силахъ подняться на прежній уровень своей хозяйственности или домовитости, а рядъ другихъ несчастныхъ случаевъ, которымъ подверженъ каждый крестьянинъ, низводитъ его въ разрядъ батраковъ или доводитъ до нищенства, — нельзя не придти къ заключенію, что у крестьянскаго населенія волости постоянно долженъ быть подъ руками кредитъ, какъ средство, которое можетъ помочь каждому благонадежному крестьянину, поставленному случаями жизни въ затруднительное и тяжелое положеніе, вновь подняться на должную высоту въ хозяйственномъ отношеніи. Имѣя затѣмъ въ виду, что въ нѣкоторыхъ сельскихъ обществахъ въ значительной степени развиты кустарные промыслы, заключающіеся преимущественно въ выдѣлкѣ щепного товара и плетеніи разнаго рода корзинъ, и, наконецъ, принимая во вниманіе то соображеніе, что при постоянномъ, хотя и медленномъ возрастаніи человѣческихъ потребностей и дороговизны средствъ, удовлетворяющихъ оныя, жить исключительно земледѣльческимъ трудомъ крестьянскому населенію волости не представляется возможности и что, въ силу этого, необходимо, пока еще въ видѣ подсобнаго промысла, обратиться къ тѣмъ или инымъ ремесламъ и населенію другихъ сельскихъ обществъ, строящихъ пока свое хозяйственное благосостояніе почти исключительно на земледѣльческомъ трудѣ, необходимо снова придти къ заключенію, что для крестьянскаго населенія волости нуженъ кредитъ, какъ средство, способствующее поддержанію и дальнѣйшему развитію среди населенія кустарныхъ промысловъ. Мірской капиталъ Логиновской волости, обращенный весь или частью на устройство для крестьянскаго населенія кредита, который всего лучше можетъ быть

осуществленъ чрезъ учрежденіе въ волости сельскаго банка, тѣмъ самымъ и удовлетворилъ бы вышесказанную насущную нужду крестьянскаго населенія волости.

Высказавъ, такимъ образомъ, соображенія свои о лучшей и своевременной формѣ утилизаціи имѣющагося въ волости мірскаго капитала, волостной старшина поставилъ сходу на очередь къ обсужденію вопросъ объ учрежденіи въ волости сельскаго банка. Сходъ, всецѣло согласившись съ доводами старшины о необходимости имѣть въ волости сказанное кредитное учрежденіе и принявъ во вниманіе, что, по правиламъ о порядкѣ условіяхъ открытія сельскихъ банковъ, эти послѣдніе учреждаются однимъ или нѣсколькими сельскими обществами, согласно составленныхъ ими въ установленномъ порядкѣ приговоровъ, постановилъ: вопросъ объ учрежденіи сельскаго банка передать на обсужденіе сельскихъ сходовъ волости; въ случаѣ, если сельскія общества возбудятъ предъ кѣмъ слѣдуетъ ходатайство о разрѣшеніи учредить въ волости сельскій банкъ, принять всѣ зависящія мѣры, содѣйствующія образованію этого кредитнаго учрежденія, для чего теперь же разрѣшить обществамъ употребить на образованіе основнаго капитала банка одну треть имѣющагося въ волости мірскаго капитала, т.-е. сумму въ размѣрѣ 2,832 рублѣй.

Восемнадцать сельскихъ обществъ Логиновской волости, по полученіи изъ волостнаго правленія сообщенія объ этомъ опредѣленіи волостнаго схода, немедленно поставили приговоры съ изложеніемъ въ нихъ своего ходатайства передъ правительствомъ о разрѣшеніи учредить въ волости одинъ для всѣхъ обществъ (въ число коихъ включаются и два общества, образовавшіяся недавно изъ російскихъ переселенцевъ) сельскій банкъ съ наименованіемъ его логиновскимъ сельскимъ банкомъ. Свое ходатайство о разрѣшеніи учрежденія сельскаго банка сельскіе сходы мотивировали тѣми же самыми соображеніями о необходимости кредита для крестьянскаго населенія волости, какія были высказаны и волостнымъ старшиной, добавивъ лишь, что при нуждѣ въ кредитѣ крестьянское населеніе волости вынуждено теперь обращаться за ссудами къ мѣстнымъ ростовщикамъ и платить имъ огромные проценты, каковое обстоятельство уже само по себѣ составляетъ условіе, способствующее упадку матеріальнаго благосостоянія крестьянина *). Приговоры сельскихъ сходовъ объ учрежденіи сельскаго банка, вмѣстѣ съ уставомъ банка, составленнымъ примѣнительно къ нормальному уставу сельскихъ банковъ, въ концѣ прошлаго года представлены по принадлежности и, какъ слышно, въ настоящее время находятся на разсмотрѣніи гг. министровъ—внутреннихъ дѣлъ и финансовъ.

Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* печатаются *Письма изъ Новгородскаго уѣзда*, касающіяся народнаго образованія и отношенія къ этому

*) Мѣстные ростовщики, по словамъ газеты, даютъ нуждающимся крестьянамъ деньги въ ссуду, съ условіемъ возврата долга деньгами же, изъ 40—60 проц. годовыхъ; съ условіемъ же возврата долга работою, хлѣбными и другими сельско-хозяйственными продуктами (масло, сало и т. п.)—изъ 100—120 проц. годовыхъ.

образованію самого народа. По словамъ корреспондента, всё крестьяне проникнуты сознаниемъ необходимости для нихъ грамоты. «Въ какой-нибудь деревнѣ, затерявшейся среди лѣса, въ разстояніи 40 верстъ отъ желѣзной дороги и 15—20 отъ села, мнѣ,—говоритъ корреспондентъ,—приходилось слышать, что учить грамотѣ нужно всѣхъ безъ исключенія». Въ виду же того обстоятельства, что народное образованіе далеко не для всѣхъ открыто, замѣчаются со стороны крестьянъ попытки самимъ себѣ помочь. На ряду съ земскою и церковно-приходскою школою нарождается новый типъ—школа вольная. «Отъ поры до времени въ деревни являются люди, ободранные, голодные; эти люди объявляютъ себя грамотными и предлагаютъ учить дѣтей. Но такъ какъ помѣщенія для школъ нѣтъ, то устанавливается такъ, что въ семьѣ, гдѣ есть обучающійся, собираются всѣ ученики и учатся, а учитель получаетъ тамъ пропитаніе; черезъ недѣлю школа перекочевываетъ въ другую семью и т. д. Чаще всего за ребенка платятъ учителю по десяти копѣекъ въ мѣсяць. Нѣкоторые учителя—солдаты, другіе—разный бродячій народъ».

Когда русскій народъ станетъ грамотнымъ и будетъ читать свою исторію, онъ въ сердцѣ своемъ почтитъ память той интеллигенціи, которая прилагала возможныя усилія для удовлетворенія его священнѣйшей потребности въ образованіи. Сообщенія провинціальныхъ газетъ объ этихъ усиліяхъ имѣютъ характеръ непрерывности и мы считаемъ цѣлесообразнымъ дѣлиться съ читателемъ такими сообщеніями.

Въ Ставрополѣ-Самарскомъ,—пишетъ *Самарская Газета*,—нѣсколько лицъ изъ среды мѣстной интеллигенціи открыли книжную лавку съ цѣлью доставить грамотной массѣ лучший матеріалъ для чтенія, вмѣсто глупыхъ *Милордовъ* и *Гуаковъ*, раскупаемыхъ за высокія цѣны у здѣшняго офени. Учредители—люди не богатые и начали дѣло съ скромнымъ капиталомъ. Пока выписаны дешевыя книжки лучшихъ столичныхъ фирмъ и серія книгъ «Посредника». Въ недалекомъ будущемъ книжная лавка намѣрена организовать продажу книгъ въ нѣкоторыхъ частяхъ уѣзда и вытѣснить съ рынковъ лубочную литературу.

Намъ доставленъ отчетъ о состояніи вологодской бесплатной бібліотеки за первый годъ ея существованія. Изъ отчета видно, что бібліотека эта открыта съ цѣлью доставить возможность недостаточному классу пользоваться книгами. Поэтому бібліотека выдаетъ книги бесплатно. Средства бібліотеки составляются изъ ежемѣсячныхъ и единовременныхъ денежныхъ взносовъ и изъ пожертвованій книгами. Лица, дѣлающія ежемѣсячные взносы не менѣе 40 коп., составляютъ изъ себя бібліотечное общество. Къ концу отчетнаго года число членовъ общества достигло 125 человекъ. Количество книгъ возросло до 1,868 томовъ, а число читателей до 527 человекъ. Таблица распредѣленія читателей показываетъ, что главные кліенты бібліотеки суть низшій слой населенія и учащіяся. «Безъ бесплатной бібліотеки,—говорится въ отчетѣ,—читатели эти были бы или вовсе ли-

шены возможности читать, или же довольствовались бы совершенно случайнымъ и неразборчивымъ чтеніемъ».

Изъ той же Вологодской губерніи, изъ города Никольска, пишутъ въ *Русскія Вѣдомости*, что въ настоящемъ году исполнится двадцать лѣтъ со времени открытія здѣсь земской публичной библіотеки-читальни. Обязанная своимъ существованіемъ небольшой группѣ лицъ, библіотека до послѣдняго времени служила предметомъ заботъ земства и была украшеніемъ и гордостью маленькаго городка, едва насчитывающаго 2,000 жителей, въ то время, когда у насъ не рѣдкость встрѣтить города съ 20,000 населенія, не имѣющіе даже частныхъ библіотекъ. Въ настоящее время въ библіотекѣ имѣется до 1,200 названій книгъ; выборъ книгъ до послѣдняго времени дѣлался довольно тщательно. До 1887 г. книгами, журналами и газетами могли пользоваться безплатно рѣшительно всѣ жители какъ города, такъ и уѣзда, а въ 1887 г. для состоятельныхъ городскихъ жителей введена плата отъ 1 р. до 1 р. 50 к. въ годъ. Жители уѣзда по-прежнему могутъ получать книги безплатно, причемъ даже пересылка ихъ туда и обратно производится по земской почтѣ безплатно. Библіотекой съ самаго начала ея завѣдуетъ священникъ І. С. Кубасовъ, которымъ не мало трудовъ и заботъ положено было въ это дѣло. На библіотеку земствомъ ассигнуется ежегодно около 750 р. Въ текущемъ году періодическихъ изданій выписывается библіотекой на сумму 250 р., причемъ получаютъ всѣ толстые журналы, 3 педагогическихъ, 2 историческихъ, 3 иллюстрированныхъ, 3 большія ежедневныя газеты и нѣсколько малыхъ, специальныхъ и дѣтскихъ.

Въ газетѣ *Сѣверный Кавказъ* напечатанъ отчетъ о народныхъ чтеніяхъ въ г. Ставрополѣ-Кавказскомъ за 1893—94 учебный годъ. Изъ отчета видно, что народныя чтенія въ г. Ставрополѣ, открытыя въ январѣ мѣсяцѣ 1892 г. въ домѣ мѣщанской управы, имѣли помѣщеніе очень неудобное по своей малой вѣстимости; поэтому городская управа, сочувственно относясь къ этому народившемуся дѣлу, постаралась устроить въ концѣ того же 1892 г. новое помѣщеніе для народныхъ чтеній въ одной изъ казармъ, а также позаботилась о приобрѣтеніи, кромѣ волшебнаго фонаря, цѣлой серіи картинъ къ фонарю и брошюръ для чтеній. Чтенія происходятъ каждое воскресенье. Входъ на чтенія безплатный. Посѣтителей среднимъ числомъ по 538 человекъ на чтеніе. Главный контингентъ посѣтителей — рабочій классъ: каменщики, столяры, маляры, разные ремесленники, огородники, солдаты и т. п. На многія чтенія собиралось настолько много народу, что, несмотря на зиму, приходилось для очищенія воздуха все время чтеній держать открытыми люкъ, фортки, а иногда и окна.

Въ газетѣ *Каспій* напечатанъ отчетъ о народныхъ чтеніяхъ, устроенныхъ для рабочихъ въ «Черномъ Городкѣ» въ Баку, по инициативѣ служащихъ товарищества бр. Нобель. Чтенія устраивались по воскресеньямъ; всѣхъ чтеній за годъ было 26, въ среднемъ на каждомъ чтеніи было 139 посѣтителей. Газета говорить: «Посѣщаютъ аудиторію, большею частью,

одни и тѣ же лица. Они являются охотно, слушаютъ съ интересомъ и послѣ чтеній ведутъ оживленные сесѣды по поводу прочитаннаго. Были случаи, что нѣкоторые изъ нихъ просили прочитанныя книжки на домъ для прочтенія вновь ими самими или для другихъ членоземей, не присутствовавшихъ почему-либо на томъ или другомъ чтеніи. Вотъ мѣстная полиція, по словамъ газеты, сдѣлала такое наблюденіе: «Въ тѣ праздничные дни, когда обыкновенно не производилось чтеній, замѣчалось гораздо большее скопленіе людей въ черно-городскихъ духанахъ, наблюдалось больше скандаловъ и значительно увеличивался процентъ пьяныхъ въ сравненіи съ воскресными днями, когда устраивались чтенія».

Въ *Южномъ Краѣ* напечатано слѣдующее заявленіе комитета по устройству сельскихъ библиотекъ и народныхъ читаленъ при харьковскомъ обществѣ грамотности:

«Отзывы всѣхъ лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу народнаго образованія, указываютъ на все растущую въ народной массѣ потребность въ чтеніи, на сознательную нужду въ книжкахъ, и уже всѣми признается необходимость дополненія школьнаго обученія домашнимъ чтеніемъ. Харьковское общество грамотности взяло на себя попеченіе объ устройствѣ библиотекъ и читаленъ въ селахъ и деревняхъ Харьковской губерніи, и съ этою цѣлью учрежденъ комитетъ, въ составъ котораго могутъ входить въ качествѣ дѣйствительныхъ членовъ или сотрудниковъ лица, не принадлежащія въ настоящее время къ обществу грамотности.

На обязанности комитета лежить: 1) Собираніе свѣдѣній о нуждахъ школьныхъ библиотекъ, уже существующихъ при начальныхъ училищахъ, а также свѣдѣній о тѣхъ школахъ, гдѣ библиотекъ еще нѣтъ, но желательно ихъ устроить; 2) собираніе свѣдѣній о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ возможно устройство общественныхъ народныхъ читаленъ-библиотекъ, независимо отъ школьныхъ, а также свѣдѣній о лицахъ изъ мѣстнаго населенія, которые могутъ взять на себя устройство библиотекъ-читаленъ и дальнѣйшее ихъ веденіе; 3) сношеніе съ книжными складами и издательскими фирмами для наиболѣе дешеваго приобрѣтенія книгъ для сельскихъ библиотекъ, и 4) содѣйствіе организаціи сельскихъ библиотекъ совѣтами, указаніями, бесплатной или удешевленной доставкой книгъ, по мѣрѣ матеріальныхъ средствъ комитета.

Желая не только способствовать и облегчить открытіе сельскихъ библиотекъ, но и содѣйствовать дальнѣйшему ихъ правильному и успѣшному развитію, комитетъ проситъ завѣдывающихъ сельскими библиотечками сообщать ему свѣдѣнія о ходѣ библиотекъ и ихъ нуждахъ.

Для выполненія сложныхъ обязанностей комитетъ нуждается въ поддержкѣ со стороны мѣстныхъ городскихъ и сельскихъ дѣятелей въ предѣлахъ Харьковской губерніи. Въ виду этого, комитетъ обращается съ просьбой о содѣйствіи къ земскимъ дѣятелямъ, духовенству, сельскимъ учителямъ, вообще ко всѣмъ лицамъ, близко стоящимъ къ селу и сочувствующимъ народному образованію. Въ настоящее время комитетъ озабо-

чень подысканіемъ сотрудниковъ и сборомъ матеріальныхъ средствъ книгами и деньгами. Липа, сочувствующія просвѣдательнымъ задачамъ комитета, за справками и разъясненіями и со всякаго рода предложеніями могутъ обращаться по слѣдующему адресу: въ Харьковъ, Москалевка, въ 1-ю народную бесплатную читальню.

Въ отрядъ студентовъ-медиковъ старшаго курса Московскаго университета, отправившагося въ Тобольскую губернію, съ цѣлью организации и завѣдыванія особыми «врачебно-питательными» пунктами по пути слѣдованія переселенцевъ, возникла, какъ передаютъ *Русскія Вѣдомости*, мысль положить въ селахъ и деревняхъ Тобольской губерніи начало народнымъ бібліотекамъ. Отрядъ обратился за помощью въ московскій комитетъ грамотности, который постановилъ удовлетворить просьбу студентовъ, отпустивъ въ ихъ распоряженіе 20 бібліотечекъ, по 10 руб. каждая. Отрядомъ предложено устроить 19 постоянныхъ бібліотечекъ (по числу врачебно-питательныхъ пунктовъ). Кроме того, предполагается снабжать книгами фельдшерницъ, сопровождающихъ барки съ переселенцами отъ Тюмени до Омска и Сургута.

Энергическая работа интеллигенціи въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, и именно той части интеллигенціи, которая, въ большинствѣ случаевъ, обладаетъ скромными денежными средствами, а часто и совѣмъ скудными, внушила публицисту *Недѣлм*, г. Меньшикову, написать слѣдующія, вполне справедливыя строки:

Когда нужно устроить громадное предпріятіе, дающее громадныя проценты,—банкъ, желѣзную дорогу, каналъ, фабрику, когда нужно сильному обидѣть слабого, когда нужны учрежденія роскоши,—золото бьетъ обильнымъ ключомъ и всегда является во-время; когда же нужны средства на помощь несчастнымъ, на ихъ просвѣщеніе, на возвышенныя цѣли мира — золото лежитъ безъ движенія. Истинно великія и святыя дѣла совершаются чаще всего при помощи мѣди, при помощи тѣхъ скромныхъ копѣчекъ и пятакочковъ, которые жертвуетъ бѣднякъ бѣдняку.

Не такъ давно, продолжаетъ г. Меньшиковъ, петербургскій комитетъ грамотности дѣлалъ воззваніе ко всему русскому обществу о пожертвованіяхъ на народныя читальни (см. ст. *Всероссійская подписка*, № 7 *Недѣлм*). Задумано устроить всего сотню читаленъ, и нужно собрать всего 25,000 рублей. Несмотря на объявленія во всѣхъ газетахъ, несмотря на горячія статьи, сборъ идетъ крайне плохо: до сихъ поръ не собрано далеко еще и половины нужныхъ денегъ. Въ Россіи существуетъ нѣсколько сотъ милліонеровъ и архи-милліонеровъ (есть не меньше десятка владѣющихъ капиталами за сто милліоновъ рублей). Для нихъ вынуть 25,000 рублей все равно, и даже меньше значить, чѣмъ для бѣдняка 25 копѣекъ: у бѣдняка эти 25 копѣекъ часто послѣднія, а у милліонеровъ за одну пачкою въ 25,000 остаются еще тысячи такихъ пачекъ. И, тѣмъ не менѣе, въ спискахъ пожертвованій на читальню совершенно не замѣтно «золота», а все одна простая «мѣдъ»: рубли, гривенники, копѣйки. Просмотрите списки

пожертвованій на читальни хотя бы въ *Недѣль*. Недавно редакція *Недѣль* получила слѣдующее трогательное письмо: «Подъ впечатлѣніемъ прочувствованной статьи *Всероссійская подписка*, воспитанники Тверской духовной семинаріи пожертвовали на народныя читальни 119 рублей по добровольному сбору. Посылая деньги въ редакцію *Недѣль*, просимъ передать въ комитетъ грамотности на заведеніе читальни въ одной изъ наиболѣе нуждающихся мѣстностей Тверского уѣзда, если только это послѣднее условіе можетъ быть уважено. Если посылаемой суммы мало для того, чтобы просить о заведеніи читальни именно въ Тверскомъ уѣздѣ, то учителя и учительницы этого уѣзда назначать тѣ деньги, которыя уже собираются среди нихъ, на пополненіе суммы, нужной для заведенія читальни въ уѣздѣ. Только деньги могутъ быть присланы ими не раньше осени 1894 года. Просимъ комитетъ грамотности дать отвѣтъ по послѣднему вопросу. Воспитанникъ 6-го класса Тверской семинаріи Андрей Ивановъ».

Не знаю, какъ вамъ, читатель, говоритъ г. Меньшиковъ, но мнѣ это письмо кажется чрезвычайно трогательнымъ и замѣчательнымъ. Простые семинаристы, все бѣдняки, поповскіе да дьячковскіе сыновья, которымъ живется очень не сладко на свѣтѣ, а вотъ нашли же «лишній» гривенникъ или рубль у себя и отдали для народа. Надо знать горькую нужду сельскаго духовенства и какъ ему достаются эти «лишніе» гривенники, нужно знать суровыя семинарскія условія, чтобы понять всю цѣну этой жертвы. Собрать 119 рублей въ такой средѣ—не шутка. И замѣтьте, въ то время, какъ эти бѣдняги отпирали свои сундучки и разыскивали между бѣльемъ спрятанные матерями драгоцѣнные гривенники и рублишки, такіе же бѣдняги, учителя и учительницы Тверского уѣзда, отрывали изъ своего крохотнаго жалованья такіе же рублишки «на пополненіе нужной суммы». Во что бы ни стало бѣднякамъ хочется завести читальню въ Тверскомъ уѣздѣ. «Только, — замѣчаетъ авторъ письма, — деньги могутъ быть присланы не раньше осени 1894 года». То-есть, при всемъ желаніи добыть недостающіе 130 рублей и твердою намѣреніемъ ихъ скопить общими силами учителей и учительницъ уѣзда, — скопить эту сумму можно будетъ только въ теченіе полугода, не раньше... Эта настойчивость въ мельчайшихъ сбереженіяхъ маленькихъ, скромныхъ труженниковъ, незнаемыхъ, неизвѣстныхъ, для того, чтобы завести въ своемъ угольѣ огонекъ народнаго просвѣщенія, — эта настойчивость умилительна. Ужь, конечно, ихъ намѣренія искренни и движутся любовью, — иначе чѣмъ же? Что же, въ самомъ дѣлѣ, заставляетъ этихъ бѣдняковъ урѣзать свои и безъ того до крайности укороченныя потребности и отдавать свои мѣдяки народу? Примѣры тѣхъ, кто получаетъ тысячи рублей дохода въ день, а иногда и въ часъ, примѣры неподвижныхъ золотыхъ горъ, отъ которыхъ ни кусочка не откалывается для благого дѣла, должны бы расхолаживать рвеніе бѣдняковъ и, однакоже, не расхолаживаютъ, а какъ бы поощряютъ. И подобно тому, какъ храмы выстроены на мѣдныхъ деньгахъ, какъ школы строятся на тѣ же мѣдяки, — и народныя читальни непременно будутъ построены

«на мѣдные деньги». Что онѣ будутъ построены,— за это ручается духъ жизни, духъ искренней любви къ народу, которымъ согрѣты эти мѣдяки.

Почему золото называютъ «благороднымъ» металломъ? Мѣдь благороднѣе.

Неустанныя домогательства печати, выражающей собою въ извѣстной степени общественное мнѣніе, о расширеніи закона о народныхъ чтеніяхъ, о согласованіи этого закона съ ясно сказавшимися требованіями жизни, повидимому, скоро увѣнчаются успѣхомъ. Петербургскія газеты сообщаютъ, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ возбужденъ вопросъ о распространеніи на уѣздные города и селенія правилъ о народныхъ чтеніяхъ, высочайше утвержденныхъ 24 декабря 1871 г. лишь для однихъ губернскихъ городовъ. Въ настоящее же время, для устройства народныхъ чтеній въ уѣздныхъ городахъ и селахъ, каждый разъ требуется разрѣшеніе губернатора и епархіальнаго начальства. Разрѣшенія же эти получаютъ далеко не всегда.

Какъ единодушно высказывается значительная часть общества и печати за усиленіе просвѣтительной дѣятельности въ народѣ, такъ же единодушно высказываются онѣ за расширеніе женскаго образованія. Какъ извѣстно, на учрежденіе высшихъ школъ для женщинъ собраны уже значительныя суммы. И дѣло это двигается, предразсудки постепенно разсѣваются, сдаются; несомнѣнно, не далеко уже то время, когда и у насъ будетъ признано закономъ, что женщина имѣетъ право на высшее образованіе, но пока совершаются еще такіе факты, о которыхъ рассказываетъ профессоръ Трачевскій на страницахъ *Русской Жизни*. Одесское общество, говоритъ г. Трачевскій, серьезно стремится къ открытію въ своемъ городѣ высшей женской школы. «Городская дума приговорила отпускать значительныя суммы на это благое дѣло. Всѣ слои общества участвовали въ сборѣ пожертвованій, которыя также достигли значительныхъ размѣровъ въ самое короткое время. Эти пожертвованія хранятся и теперь для той же цѣли. Я вправѣ засвидѣтельствовать, что одесское общество руководилось, прежде всего, желаніемъ удержать дома свою женскую молодежь, которая стремилась на высшіе женскіе курсы въ Кіевъ, Москву и Петербургъ. Это стремленіе было такъ сильно, что были переполнены подготовительныя для университета женскіе курсы, которые были открыты мною въ Одессѣ, съ разрѣшенія и при помощи попечителя учебнаго округа, покойнаго Голубцова, который ручался мнѣ за сочувствіе дѣлу со стороны министра народнаго просвѣщенія. Но посланное въ министерство ходатайство о разрѣшеніи открыть въ Одессѣ высшіе женскіе курсы, по примѣру Петербурга, Москвы, Кіева и Казани, внезапно приостановилось: официальнаго отвѣта у меня еще не имѣется... Съ тѣхъ поръ смѣнилось нѣсколько министерствъ. Побуждаемый запросами одесскаго общества, я у каждаго изъ нихъ справлялся. Мнѣ отвѣчали: «повремените». Покинувъ одесскій университетъ и городъ Одессу года три тому назадъ, я не дѣлалъ новыхъ справокъ. Но ясно, что мнѣ и теперь отвѣтили бы тѣми же словами».

Въ тѣсной связи съ высшимъ женскимъ образованіемъ стоитъ вопросъ о дарованіи женщинамъ-врачамъ права практики. Ходатайства объ этомъ, то общія, то частныя, не прекращаются. Въ послѣдней почтѣ мы находимъ сообщеніе *Саратовскаго Листка* о томъ, что саратовская губернская земская управа и санитарно-исполнительная коммиссія признали, что доктора медицины Бернскаго и Женевскаго университетовъ Н. А. Иванова и С. Л. Тривусъ, служа въ губернскомъ земствѣ въ качествѣ временныхъ эпидемическихъ врачей по холерной, тифозной и дифтеритной эпидеміямъ, выказали «столько знанія своего дѣла, энергіи, усердія, практичности и тактичности въ трудныя минуты борьбы съ эпидеміями, такія рѣдкія организаторскія способности и столько горячей любви къ страждущимъ, что заслужили глубокую признательность со стороны населенія». Въ виду этого губернская управа и санитарно-исполнительная коммиссія постановили возбудить установленнымъ порядкомъ ходатайство о предоставленіи г-жамъ Ивановой и Тривусъ за оказанныя услуги саратовскому населенію свободной практики въ Россіи наравнѣ съ прочими русскими врачами.

Среди замѣтно растущей общественной иниціативы почтенное мѣсто принадлежитъ заботамъ общества объ устройствѣ исправительныхъ пріютовъ и колоній для малолѣтнихъ преступниковъ. Учредители пріютовъ и колоній ежегодно издають отчеты о своей дѣятельности. Въ настоящую минуту у насъ находятся подъ руками недавно изданные отчеты владимірскаго и казанскаго обществъ земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ. Владимірское общество образовалось въ 1891 году. Симпатичная идея, положенная въ основаніе общества, быстро нашла себѣ сочувствіе въ мѣстномъ населеніи. Въ годъ своего основанія общество имѣло 253 члена, на третій годъ число его членовъ достигло уже 735 и общество располагало капиталомъ свыше 28 тыс. руб. На другой годъ своего существованія общество открыло, въ 10 верстахъ отъ губернскаго города, исправительную ремесленно-земледѣльческую колонію. Въ прошломъ году въ колоніи было 22 воспитанника. Всѣ воспитанники, за исключеніемъ одного, приговорены судомъ для помѣщенія въ колонію за совершеніе кражи. Огромнѣйшее большинство ихъ до своего поступленія въ колонію занималось нищенствомъ, пастушествомъ или находилось въ ученіи въ разныхъ ремесленныхъ и промышленныхъ заведеніяхъ. Съ начала текущаго года общество на ряду съ малолѣтними преступниками начало принимать въ свою колонію дѣтей, отдаваемыхъ сюда на исправленіе родителями, и безпріютныхъ. При этомъ первыхъ принимается до 60, а вторыхъ до 30 человѣкъ. Всѣ воспитанники составляютъ одну семью, во главѣ которой стоитъ директоръ. Строгій режимъ, постоянный, равномерный для всѣхъ и не однообразный посильный трудъ, систематическое развитіе ума и воспитаніе воли служатъ главными средствами къ достиженію воспитательныхъ цѣлей колоніи. Всѣ работы колоніи (приготовленіе кушанья, печеніе хлѣба, стирка бѣлья, чистка отбросовъ и пр.) исполняются самими воспитанниками, для чего изъ ихъ среды на каждый день назначаются дежурные. Кромѣ заня-

тій полевымъ хозяйствомъ и огородничествомъ, воспитанники обучаются также ремесламъ: кузнечно-слесарному, столярному, сапожному и портновскому.

Изъ отчета казанскаго исправительнаго ремесленнаго приюта видно, что въ прошломъ году въ приютѣ состояло 34 воспитанника. Всѣ прирѣваемые въ приютѣ воспитанники обучаются грамотѣ и ремесламъ. При приютѣ имѣются особыя мастерскія, подъ руководствомъ опытныхъ мастеровъ. Выработанныя въ этихъ мастерскихъ предметы поступаютъ въ продажу, а вырученныя отъ продажи деньги идутъ на содержаніе мастерскихъ и приюта. Въ отчетномъ году мастерскія приюта получили дохода нѣсколько сотенъ рублей. Извѣстный процентъ съ дохода, получаемаго мастерскими, отчисляется въ пользу воспитанниковъ и выдается имъ на руки по окончаніи срока заключенія. Для прирѣваемыхъ имѣется при учрежденіи собственная бібліотека, въ которой, помимо учебниковъ и специальныхъ сочиненій по разнымъ предметамъ, есть также и литературныя произведенія русскихъ авторовъ.

Новая колонія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ имѣетъ возникнуть также въ городѣ Ельцѣ. По этому поводу г. Цвиленевъ прислалъ въ *Русскія Вѣдомости* слѣдующее письмо:

«За послѣднія пять лѣтъ (1889—93 гг.) въ елецкомъ тюремномъ замкѣ перебивало въ заключеніи 66 дѣтей въ возрастѣ до 17 лѣтъ. Эти несчастныя малолѣтніе преступники воспитывались подъ вліяніемъ осторожной среды въ будущихъ сознательныхъ дѣятелей уголовщины. Цифры рецидивистовъ служатъ лучшимъ доказательствомъ этого явленія. Въ упомянутый пятилѣтній періодъ значилось въ заключеніи 50% рецидивистовъ изъ малолѣтнихъ преступниковъ.

«Давно въ мѣстномъ обществѣ высказывались желанія устроить исправительную колонію для малолѣтнихъ. Счастливая роль положить начало этому симпатичному дѣлу выпала на долю елецкаго предводителя дворянства, г. Стаховича. 12 мая была прочитана имъ «лекція» или, вѣрнѣе, рефератъ по этому предмету. Чтеніе закончено было пожеланіемъ устройства исправительной колоніи въ Ельцѣ. Добровольная плата за слушаніе лекціи дала въ пользу колоніи 329 руб. Вслѣдъ за окончаніемъ чтенія началась подписка, и цифра собранной суммы быстро достигла 1,500 р. Въ этотъ же вечеръ было рѣшено собраться на слѣдующій день для выработки устава будущаго общества. 13 мая рассмотрѣнъ былъ проектъ устава, составленнаго г. Вериго по типу уставовъ существующихъ уже исправительныхъ колоній. Уставъ общества и уставъ будущей колоніи представлены на утвержденіе. Приемъ малолѣтнихъ въ колонію не ограничивается однимъ Елецкимъ уѣздомъ, а по мѣрѣ возрастанія средствъ общества можетъ быть расширенъ и на другія мѣстности. Также могутъ быть принимаемы не одни осужденныя дѣти, но и вообще безпріютныя. Предполагается устроить при колоніи земледѣльческое училище. По подпискѣ, продолжающейся безостановочно, собрано около 5,000 р. Для правильной постановки дѣла необхо-

димо не менѣ 15,000 руб. Не имѣя возможности пересылать подписной листъ желающимъ принять участіе въ начинаніи этого полезнаго дѣла, прошу редакцію *Русскихъ вѣдомостей* не отказать въ посредничествѣ по принятію пожертвованій, если таковыя будутъ поступать отъ сочувствующихъ».

Какъ учрежденія пріютовъ и земледѣльческихъ колоній для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ свидѣтельствуютъ о ростѣ въ нашемъ обществѣ гуманности и чувства справедливости, точно также о томъ свидѣтельствуютъ и такіе факты, какъ празднованіе 25-ти лѣтняго юбилея мирового суда въ Саратовѣ. Значеніе этого празднества хорошо выражено въ статьѣ *Саратовскаго Дневника*. «Саратовъ, — говоритъ газета, — одинъ изъ немногихъ городовъ въ Россіи, въ которомъ мировая юстиція не преобразована по реформѣ 12 іюля 1890 г., т.-е. въ которомъ мировые судьи не замѣнены «городскими судьями» а мировые сѣзды — сѣздами земскихъ начальниковъ. Введенный въ 1869 году мировой институтъ настолько привился къ Саратову и приобрѣлъ такую популярность въ его населеніи, что городское управленіе, передъ реформою 1890 года, постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы Саратову, наравнѣ съ немногими большими городами въ Россіи, была оставлена прежняя форма правосудія. Въ 1889 году передъ городскимъ управленіемъ была двадцатилѣтняя практика этого скораго, доступнаго и гуманнаго суда. Протекшія затѣмъ пять лѣтъ еще сильнѣе укрѣпили въ сознаніи города убѣжденіе въ достоинствахъ мирового суда, и празднество, на которое сегодня (1 іюня) собираются представители городского управленія, судебной корпораціи и мѣстнаго общества, является новымъ звеномъ между мировымъ институтомъ и населеніемъ Саратова. Присоединяясь къ общему чувству населенія, наша газета, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаетъ своимъ долгомъ выразить свой привѣтъ дѣятелямъ, имя которыхъ связано съ исторіею саратовскаго мирового суда. Они провели новую реформу правосудія въ жизнь. Это были первые судьи въ Саратовѣ, которые, признавая въ простолюдинѣ равноправнаго гражданина, стали говорить ему «вы», вмѣсто дореформеннаго, унижительнаго «ты». Рядомъ съ устраненіемъ прежней «волокуты» и обычнаго лицепріятія въ судахъ, дѣятели мировой юстиціи явились, такимъ образомъ, носителями гуманныхъ взглядовъ, увидѣвшихъ свѣтъ въ Россіи послѣ уничтоженія крѣпостнаго права и разрушенія связанныхъ съ нимъ учрежденій. Пять пятилѣтій протекло съ тѣхъ поръ, какъ реформа Царя-Освободителя застала нѣкоторыхъ нашихъ саратовскихъ судей въ цвѣтѣ лѣтъ. Теперь, оглянувшись назадъ, они могутъ гордиться, что такое долгое время занимали ответственный постъ въ одномъ изъ наиболѣе гуманныхъ учрежденій пореформенной Россіи; саратовское же населеніе должно съ признательностью оцѣнить ихъ культурный трудъ и пожелать энергіи на дальнѣйшее служеніе полезному дѣлу».

Теперь, въ большей части Россіи, мировые судьи замѣнены земскими начальниками. И если при существованіи мирового суда нашъ народъ нерѣдко нуждался въ совѣтѣ и указаніяхъ адвоката, то тѣмъ болѣе онъ нуждается въ

этомъ теперь, когда значительная часть судебныхъ функций перешла въ руки земскихъ начальниковъ. Печать наша непрестанно подымаетъ этотъ вопросъ. Въ послѣдней почтѣ о немъ говорятъ *Тамбовскія Губернскія Вѣдомости* и *Виленскій Вѣстникъ*. Потребность въ уясненіи всѣхъ дѣйствующихъ въ крестьянскомъ быту законоположеній, съ каждымъ днемъ,—говорятъ *Тамбовскія Вѣдомости*,—дѣлается все настоятельнѣе, потому что юридическая безпомощность темной массы создаетъ изъ нея превосходный матеріалъ для различнаго рода эксплуататоровъ. Мужика начинаютъ обманывать, мужика начинаютъ таскать по судамъ, спрашивать, допрашивать, съ него за что-то взыскиваютъ, его имущество описываютъ за какія-то обязательства—и все это на законномъ основаніи. Если крестьянинъ въ простыхъ вещахъ не можетъ найти себѣ подходящаго совѣтника, то естественно, что въ болѣе сложныхъ вопросахъ онъ совершенно безпомощенъ. Къ какому-нибудь присяжному адвокату нашъ простой мужичекъ идти не охотно, такъ какъ онъ и живеть-то далеко, «ажъ въ самой губерніи», да и «на мужицкіе гроши не дуже-то польстится»... Пора уже подумать объ этомъ ненормальномъ явленіи въ жизни нашей деревни и, такъ или иначе, придти къ ней на помощь. Вопросъ объ юридической помощи крестьянамъ есть одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ сельской жизни. Правительство, въ видахъ этого, предполагало было учредить особыхъ казенныхъ повѣренныхъ по крестьянскимъ дѣламъ, но теперь эта благая мысль почему-то, какъ слышно, оставлена.

Не разъ въ газетахъ сообщалось извѣстіе о томъ,—говоритъ *Виленскій Вѣстникъ*,—что предполагается для крестьянъ создать особую адвокатуру для защиты ихъ интересовъ на судѣ въ гражданскихъ дѣлахъ и въ административныхъ установленіяхъ, но до сихъ поръ на сей счетъ никакого законопроекта не выработано. Надо надѣяться, что муравьевская коммиссія, занимающаяся, въ настоящее время, общимъ пересмотромъ судебныхъ уставовъ, коснется также и возбужденнаго вопроса объ адвокатурѣ для крестьянъ.

Извѣстно,—продолжаетъ газета,—что крестьяне мало пользуются услугами присяжной или вообще патентованной адвокатуры даже въ высшихъ судебныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ, существующихъ въ городахъ, гдѣ есть избытокъ патентованныхъ адвокатовъ. Что же касается мировыхъ судебныхъ установленій и уѣздныхъ крестьянскихъ, или волостныхъ, а также полицейскихъ учрежденій, то здѣсь крестьяне либо вовсе не имѣютъ для защиты своихъ интересовъ юристовъ, либо пользуются услугами кабачныхъ или вообще какихъ-нибудь полуграмотныхъ деревенскихъ адвокатовъ. Сколько они теряютъ черезъ это экономически, никто еще не вычислилъ, но навѣрное можно сказать, что милліоны, на которые можно было бы оплатить цѣлую армію патентованныхъ адвокатовъ. Настоятельная нужда требуетъ созданія спеціальнаго института присяжныхъ адвокатовъ для крестьянъ изъ образованныхъ юристовъ съ окладами отъ казны, причемъ такіе адвокаты должны быть не только въ губернскихъ

и уѣздныхъ городахъ, но также по одному и въ волостяхъ. Подпольная адвокатура тогда и сама собою прекратится, разъ въ каждомъ городѣ, въ каждомъ сельскомъ обществѣ будетъ правительственный адвокатъ, который специально долженъ будетъ вести и защищать въ судахъ и административныхъ учрежденіяхъ дѣла крестьянъ. Правильная защита юридическаго интереса на судѣ и въ административномъ учрежденіи также экономически необходима, какъ необходимо страхование, расходъ на медицину или на школы. Можно утвердительно сказать, что о воцареніи истиннаго правосудія въ странѣ не можетъ быть и рѣчи до тѣхъ поръ, пока юридическіе интересы миллионовъ людей, т.-е. миллионной крестьянской массы, не будутъ какъ слѣдуетъ представлены и защищены.

Вотъ свѣжая бытовая картинка, рассказанная въ газетѣ *Крымъ*, хорошо иллюстрирующая юридическую безпомощность крестьянъ.

Дворъ и улица возлѣ камеры городского судьи въ Феодосіи запружены рабочими въ оборванныхъ чуйкахъ и лаптяхъ.

— Чего вы, здѣсь, братцы, собрались?

— Въ судъ позвали.—И рассказали безхитростно мужикъ общее свое дѣло. А дѣло къ слѣдующемъ. Въ февралѣ сего 1894 года явился къ нимъ въ деревню Могилевской губерніи подрядчикъ и нанялъ ихъ 150 человекъ, по контракту, на земляныя работы въ Феодосійскомъ портѣ, «значить, гору копать», срокомъ на 8 мѣсяцевъ, считая съ 1 марта, по 105 р. человекъ за весь контрактный срокъ. Работать они обязались «отъ солнца до солнца» на хозяйскихъ харчахъ: завтракъ, обѣдъ, ужинъ и чай утромъ и вечеромъ «взамѣнъ квасу»; спать должны въ баракахъ на соломенныхъ подстилкахъ. Вотъ условія контракта. Между тѣмъ, заставили ихъ работать не подневно, а поурочно, и уроки задаютъ такіе, что нѣтъ никакой возможности выполнить. Чаю вовсе не даютъ. «Соломы на подстилку и то не даютъ»—закончили рабочіе свою жалобу.

Но на судѣ торжествуетъ повѣренный нанIMATEЛЯ.

— Иванъ Бругловъ!—вызываетъ судья. Выходитъ мужикъ лѣтъ 30, въ оборванномъ зипунишкѣ, въ истоптанныхъ лаптишкахъ, обросшій, грязный; такъ и вѣетъ отъ него нуждой-горемъ. Записываетъ судья имя, лѣта, званіе, состояніе.

— Вы обвиняетесь въ нарушеніи контракта и въ ослушаніи полиціи; признаете себя виновнымъ?—спросилъ судья.

— Никакъ нѣтъ. Мы, ваше благородіе, задатокъ отработали, а дальше такъ работать несходственно: просимъ начпорта. Потому, что ежели они поурочно работать нудятъ, а урокъ сработать никакъ нельзя; а по другое—квасу, а въ замѣсть того чаю не даютъ, такъ мы работать не хотимъ, потому, значить, контрактъ сломенъ...

— Такъ вы за свою обиду жалуетесь, а на работу нельзя не идти,—прервалъ его судья.

— Мы, ваше благородіе, жаловались и въ порту енералу, и полицей-мейстеру, такъ насъ въ резонть не берутъ, а гонять только на работу...

— Вы должны идти ко мнѣ съ жалобой сюда.

— Да мы вотъ и вашу милость просимъ, помилосердствуйте, прикажите отдать намъ начпорта. Мы задатокъ отработали.

— Это нужно было раньше, а теперь отвѣчайте: пойдете на работу?

— Нѣтъ, не поидемъ, потому несходственно.

— Довольно!—прервалъ судья, садитесь.

Въ результатъ 150 рабочихъ присуждаются къ аресту отъ одного мѣсяца до трехъ недѣль... Сто пятьдесятъ человѣкъ сидятъ, сложа руки... Сидятъ въ такое время, когда работники вездѣ такъ дороги!... Этотъ приговоръ для несчастной, невѣжественной и къ тому же совершенно нищей, по словамъ корреспондента, толпы крестьянъ по-истинѣ ужасенъ. Если бы рабочіе знали къ кому обратиться за совѣтомъ, онъ сказалъ бы имъ, что жалобу слѣдуетъ подать не «енералу въ порту», не полицеймейстеру, а повести дѣло судебнымъ порядкомъ, и тогда были бы въ отвѣтъ не рабочіе, а присужденъ былъ бы ко взысканію наниматель.

Въ заключеніе хроники не можемъ не выразить нашего удовольствія по поводу оставленія г. Анисьинымъ мѣста вятскаго губернатора. Г. Анисьинъ былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ самыхъ энергичныхъ губернаторовъ въ дѣлѣ взысканія податей. «Урожайный періодъ 1886—89 г.,—писалъ въ вольно-экономическое общество податной инспекторъ Вятской губерніи, г. Георгіевскій,—сопровождался весьма крутыми мѣрами взысканія податей, при крайне низкомъ уровнѣ хлѣбныхъ цѣнъ. Взысканіе податей пришлось покрывать осенью *массовою распродажей за безцѣнокъ скота*, въ прямой подрывъ хозяйству». Въ результатъ,—говоритъ г. Георгіевскій,—«крестьянское хозяйство было истощено распродажами хлѣба и скота, вынужденными продажами озимей и необмолоченнаго хлѣба. Достаточно сказать, что за урожайный періодъ число лошадей въ уѣздѣ сократилось съ 80 т., въ 1887 г., до 63 т., въ 1890 г.». По словамъ другого корреспондента той же губерніи, г. Одинцова, при взысканіи повинностей «за безцѣнокъ были распроданы послѣдній скоть, хлѣбъ, строенія, даже озимые посѣвы на полосахъ... Словомъ, было распродано все за безцѣнокъ; даже *были проданы у нѣкоторыхъ верхи избъ*».

Уже два года вятчане ожидали смѣны г. Анисьины, и вотъ наконецъ она состоялась. Всякая перемѣна въ губернской администраціи для нашей удаленной губерніи,—пишетъ вятскій корреспондентъ *Русской Жизни*,—въ губерніи, въ которой совершенно отсутствуетъ независимый помѣщичій элементъ, всегда имѣетъ серьезное и важное значеніе, а уходъ такого энергичнаго администратора, какъ г. Анисьинъ, будетъ особенно чувствителенъ. Семилѣтнее управленіе его губерніей надолго оставитъ послѣ себя память въ крестьянской жизни, для которой установленные имъ сроки и способы взысканія податей имѣли болѣе важное значеніе, чѣмъ въ иной

разъ увеличеніе самыхъ окладовъ податей. Результатомъ этихъ сроковъ и способовъ взысканія было измѣненіе крестьянской хлѣбной торговли и промышленности, въ которыхъ рѣдкій еще въ прежнее время деревенскій скупщикъ и ростовщикъ заняли теперь господствующее положеніе. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что года два тому назадъ, послѣ того, какъ на эти сроки, вслѣдствіе ходатайствъ земствъ и мѣстной контрольной палаты, было обращено вниманіе, администрація сдѣлала нѣкоторую уступку и теперь главный сборъ податей приходится уже не на сентябрь, а на октябрь, ноябрь и декабрь.

И. Иванюковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Новый уставъ государственнаго банка.—Суды мелкимъ промышленникамъ и торговцамъ.—Какое значеніе имѣютъ ссуды чрезъ посредниковъ?—По поводу отчета крестьянскаго банка за 1893 годъ.—Паспортная реформа.—Льготы по образованію при отбываніи воинской повинности.

Реформа государственнаго банка побуждаетъ, прежде всего, припомнить его дѣятельность за истекшее 30-ти-лѣтіе. Поставленный во главѣ учрежденій краткосрочнаго кредита, онъ былъ основанъ для «воспособленія промышленности и торговли». Отсюда слѣдуетъ, что его дѣятельность должна была быть направлена на содѣйствіе полученію кредита не только крупными промышленниками и торговцами, но также средними и мелкими. Главною формою такого содѣйствія служатъ широкіе обороты по учету векселей. А, между тѣмъ, эта операція развивалась очень медленно; за десяти-лѣтіе 1881—90 г. она увеличилась только на 23% сравнительно съ предыдущимъ десятилѣтіемъ. Большимъ препятствіемъ для развитія учетныхъ оборотовъ служили формальности, которыми они были обставлены. Дабы получить кредитъ въ государственномъ банкѣ, нужно имѣть письменную рекомендацію лицъ, извѣстныхъ въ торговомъ мірѣ. Не трудно понять, почему мелкіе торговцы съ большимъ трудомъ добываютъ такую рекомендацію. Учетный комитетъ состоитъ, кромѣ управляющаго и двухъ директоровъ банка, изъ членовъ отъ купечества, избираемыхъ мѣстнымъ купеческимъ обществомъ. Это малочленное собраніе не можетъ обнять всѣ отрасли народнаго хозяйства, не можетъ быть знакомо съ кредитоспособностью всѣхъ лицъ, обращающихся за кредитомъ. Все это дѣлаетъ кредитъ въ банкѣ привилегіей богатыхъ торговыхъ людей. Это доказывается и высокою среднею цѣнностью учитываемыхъ векселей: въ теченіе 30-ти лѣтъ средняя цѣна учетнаго векселя колебалась между 1,078 и 1,735 рублями въ банкѣ и между 1,150 и 2,290 рублями въ его конторахъ и отдѣленіяхъ. Медленно и слишкомъ сдержанно развивая учетную операцію, государственный банкъ отвлекалъ огромные капиталы на спекулятивные обороты, биржевую игру; частнымъ банкамъ и банкирскимъ конторамъ выдавались почти неограниченныя ссуды подъ процентныя бумаги. За десятилѣтіе (1880—89 гг.)

онѣ составили 1,058 милліонновъ рублей, а всѣ такія ссуды не стоятъ въ связи съ промышленностью или торговыми оборотами. Люди, занимающіеся торговлею, не берутъ ссудъ подъ процентныя бумаги, такъ какъ имѣютъ возможность пользоваться вексельнымъ кредитомъ, и по учету векселей взимается низшій процентъ, чѣмъ по ссудамъ; притомъ же, торговый человѣкъ всегда предпочитаетъ продать процентныя бумаги, нежели платить по ссудамъ проценты выше тѣхъ, которые приносятъ бумаги. Такимъ образомъ, выдача ссудъ способствуетъ преимущественно развитію биржевой игры, въ однихъ случаяхъ безплодной, въ другихъ — даже вредной для народнаго хозяйства. Торговцы и промышленники берутъ ссуды подъ товары; но именно этими оборотами государственный банкъ занимался въ весьма скромныхъ размѣрахъ: за 30 лѣтъ (1860—89 гг.) въ ссуду подъ товары было выдано только 200¹/₂ милліонновъ рублей. Ничтожные размѣры этой полезной операціи сами собою говорятъ, что здѣсь не было мѣста для поддержанія сельскаго хозяйства, для краткосрочнаго кредита производителямъ зерна. Въ 1893 году какъ будто стало обнаруживаться стремленіе облегчить выдачу ссудъ подъ хлѣбъ. Это было вызвано паденіемъ цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ и желаніемъ помочь сельскимъ хозяевамъ удержаться съ продажей хлѣба до его вздорожанія. За послѣдніе мѣсяцы прошлаго и первые текущаго года государственный банкъ выдалъ подъ хлѣбъ ссуду около 15 милліонновъ рублей. Однако, успѣшность, съ которою было организовано дѣло, помѣшала этой операціи доставить сельскимъ хозяевамъ выгоды, которыхъ можно было ожидать отъ нея. Очень невыгодною особенностью государственнаго банка служитъ и то, что онъ вполнѣ подчиненъ министерству финансовъ и что его служебная роль относительно финансоваго управленія преобладаетъ надъ его ролью центральнаго кредитнаго учрежденія, самаго крупнаго банка, который долженъ упорядочивать въ странѣ денежное обращеніе. Центральные банки Западной Европы выпускаютъ банковые билеты согласно съ потребностями торговаго оборота. Нашъ государственный банкъ не имѣетъ права выпускать билеты. Кредитные билеты выпускаются министерствомъ финансовъ на покрытіе финансовыхъ потребностей. Государственный банкъ не извлекаетъ выгоды изъ этихъ выпусковъ, а, между тѣмъ, на немъ лежитъ обязанность содѣйствовать упроченію ихъ курса. Конечно, банкъ не въ состояніи сдѣлать это, такъ какъ онъ не имѣетъ самостоятельнаго положенія, и министерство финансовъ можетъ располагать имъ, направлять его дѣятельность по произволу. По идеѣ, онъ долженъ быть главнымъ въ странѣ кредитнымъ учрежденіемъ для цѣлей народнаго хозяйства, въ дѣйствительности же онъ является служебнымъ средствомъ для министерства финансовъ. Указавъ на важнѣйшіе недостатки въ строѣ и дѣятельности нашего государственнаго банка, мы не касаемся многихъ слабыхъ сторонъ, которыя не могутъ быть отнесены къ первостепеннымъ недостаткамъ, хотя также очень тягостны для всѣхъ его кліентовъ: сюда относятся обиліе формальностей, съ которыми связано исполненіе даже простѣйшихъ операцій, его неприспособленность служить кліентамъ для испол-

ненія разныхъ дѣловыхъ порученій и проч. Такимъ образомъ, государственнѣй банкъ представлялъ очень благодарное поле для серьезной и разносторонней реформы.

Первая статья новаго устава банка такъ опредѣляетъ его задачи: «Государственный банкъ имѣетъ цѣлью облегченіе денежныхъ оборотовъ, содѣйствіе, посредствомъ краткосрочнаго кредита, отечественной торговлѣ, промышленности и сельскому хозяйству, а также упроченіе денежной кредитной системы. Высшій размѣръ основного капитала доводится, по новому уставу, до 50 милл. рублей, а запасный — до 5 милліон. Сравнительно съ уставомъ 1860 года, мы находимъ въ первой статьѣ цѣли, которыя были донныѣ неизвѣстны нашему главному кредитному учрежденію: до сихъ поръ на государственнѣй банкъ возлагалась обязанность оживлять торговые обороты; теперь онъ долженъ будетъ служить также интересамъ промышленности и сельскаго хозяйства. Важность этого нововведенія заставляетъ, прежде всего, ознакомиться со статьями устава, которыя имѣютъ въ виду именно эти новыя операціи государственнаго банка.

Сюда относятся статьи 89—107. Согласно съ этими статьями, государственнѣй банкъ открываетъ кредиты и выдаетъ ссуды подѣ соло-векселя, обеспеченныя: а) залогомъ недвижимаго имущества, б) залогомъ сельскохозяйственнаго или фабрично-заводскаго инвентаря (машинъ и орудій производства), в) поручительствомъ и г) другими благонадежными обеспеченіями, по ближайшему указанію министра финансовъ. Эти ссуды и кредиты должны имѣть точно опредѣленное назначеніе. Назначеніе указывается самими заемщикомъ въ заявленіи, которое онъ подаетъ при прошеніи о ссудѣ. Эти ссуды разрѣшаются банкомъ исключительно для того, чтобы снабжать оборотными капиталами и необходимыми инвентаремъ сельско-хозяйственныя предпріятія, ремесленниковъ, кустарей и мелкихъ торговцевъ. Банку предоставляется право открывать кредиты и выдавать ссуды подѣ соло-векселя ремесленниковъ, кустарей и мелкихъ торговцевъ и безъ указанныхъ обеспеченій, но съ тѣмъ, чтобы размѣръ ссуды, выданной отдѣльному заемщику, не превышалъ 300 руб. и чтобы эти ссуды выдавались не иначе, какъ съ разрѣшенія правленій конторы. Ссуды, обеспеченныя инвентаремъ, выдаются только на приобрѣтеніе инвентаря или на возобновленіе существующаго инвентаря и могутъ быть обезпечиваемы какъ существующимъ инвентаремъ, такъ и вновь приобрѣтаемымъ. Въ послѣднемъ случаѣ суммы, которыя по ссудѣ причитаются заемщику, банкъ уплачиваетъ непосредственно поставщикамъ приобрѣтаемаго инвентаря, по надлежащемъ удостовѣреніи, что инвентарь доставленъ на мѣсто и что исполнены прочія условія для обезпеченія ссуды. Статья 94 требуетъ, чтобы на счетъ полученныхъ ссудъ приобрѣтался инвентарь только отечественнаго производства. Отъ этого правила допускаются исключенія, но не иначе, какъ по постановленію совѣта банка, утверждаемому министромъ финансовъ. Относительно же сельско-хозяйственнаго инвентаря министръ финансовъ утверждаетъ поставленіе совѣта банка только по предварительному соглашенію съ министромъ

финансовъ, опредѣляетъ условія выдачи ссудъ промышленнымъ предпріятіямъ съ указаніемъ отраслей промышленности, которыя могутъ пользоваться этими ссудами. Размѣръ ссуды одному промышленному предпріятію не долженъ превышать 500,000 рублей, а отдѣльному мелкому торговцу—600 рублей. Ссуды на приобрѣтеніе инвентаря могутъ выдаваться на сроки не долѣе 3 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы ссуда погашалась постепенно на условіяхъ, которыя опредѣлены при ея выдачѣ и чтобы, при каждой срочной уплатѣ, былъ представленъ новый соло-вексель на сумму, остающуюся въ долгу. Ссуды и кредиты подъ соло-векселя съ обезпеченіемъ, предназначенные для снабженія заемщика оборотнымъ капиталомъ, не должны превышать 75% оборотныхъ средствъ, потребныхъ для веденія предпріятія, хозяйства или промысла, причемъ, при обезпеченіи соло-векселей сельско-хозяйственными имѣніями, эти ссуды, въ совокупности съ ипотечными долгами, не должны превышать 75% оцѣнки сихъ имѣній, а при обезпеченіи фабриками—50% оцѣнки залоговъ. Размѣръ ссуды на приобрѣтеніе и возобновленіе инвентаря не можетъ превышать 50% оцѣнки инвентаря, обезпечивающаго ссуду. Инвентарь и прочее движимое имущество, обезпечивающее соло-векселя, не подвергаются, до уплаты всей выданной подъ сіи векселя ссуды, аресту ни по какимъ другимъ частнымъ или казеннымъ взысканіямъ. Получая ссуду, заемщикъ, независимо отъ соло-векселя, выдаетъ банку особое обязательство въ томъ, что ссуда будетъ употреблена согласно съ назначеніемъ и что онъ не вступитъ по представленнымъ въ обезпеченіе имуществамъ въ такіе договоры и, вообще, не будетъ допускать, въ отношеніи къ нимъ, такихъ дѣйствій, которыя могутъ уменьшить цѣнность или доходность этихъ имуществъ. Въ указанномъ обязательствѣ банку предоставляется право досрочно взыскать долгъ, если это обязательство будетъ въ чемъ-либо нарушено заемщикомъ.

Въ развитіе этихъ положеній уже опубликованы правила выдачи ссудъ на покупку сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ, а также ссудъ фабрикамъ этихъ орудій и машинъ. Согласно съ правилами 6 іюля, желающій воспользоваться ссудой заявляетъ въ мѣстное учрежденіе государственнаго банка о своемъ желаніи приобрѣсти именно такіа-то орудія и машины, по такой-то цѣнѣ, изъ такого-то склада и подъ такое-то изъ указанныхъ уставомъ банка обезпеченій. Къ заявленію приобщаются свѣдѣнія объ имѣніи, которыя требуются правилами о соло-вексельныхъ кредитахъ землевладѣльцамъ. Если предполагается обезпечить ссуду машинами, находящимися въ имѣніи, то должны быть представлены подробныя свѣдѣнія объ этихъ машинахъ. Если арендаторъ желаетъ приобрѣсти, при посредствѣ банка, машины и орудія, то срокъ ссуды не долженъ выходить за предѣлы аренднаго срока. При разрѣшеніи ссуды не только оцѣниваютъ кредитоспособность заемщика и благонадежность представленныхъ имъ обезпеченій, но учетно-ссудный комитетъ обсуждаетъ вопросъ о производительности предположенной затраты, сообразно съ условіями и размѣрами хозяйства въ данномъ имѣніи. Высшій размѣръ ссуды на этотъ предметъ не долженъ

превышать 50% стоимости залоговъ, которыми обеспечиваются ссуды, и не болѣе полной стоимости вновь приобретаемыхъ машинъ или орудій. Учрежденія государственнаго банка имѣютъ право во всякое время подвергать осмотру заложенные ему машины и, въ случаѣ неисправности ихъ содержанія, требовать дополнительнаго обезпеченія или годичнаго погашенія ссуды. Мелкіе собственники и арендаторы, въ составѣ сельскихъ обществъ или образующіе отдѣльныя товарищества, могутъ получать ссуды также подъ обезпеченіе круговою порукою обществъ и товариществъ. Ссуды фабрикантамъ сельско-хозяйственныхъ машинъ могутъ быть выдаваемы на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и ссуды на оборотныя средства фабрично-заводскихъ предпріятій. Если заводчикъ ходатайствуетъ объ обезпеченіи ссуды машинами, изготовленными на заводѣ, то учетно-ссудный комитетъ обсуждаетъ вопросъ о томъ, насколько, по мѣстнымъ условіямъ, представляется обезпеченнымъ сбытъ этихъ машинъ. Въ зависимости отъ этого и опредѣляется размѣръ ссуды. Когда ссуда разрѣшена, то заводчикъ выдаетъ обязательство, что въ складѣ при его заводѣ будетъ находиться то количество машинъ и того рода, какое было принято въ расчетъ при обсужденіи ходатайства ссуды.

Слѣдуетъ также обратить вниманіе на открытіе государственнымъ банкомъ кредита земствамъ и городамъ. Ст. 138, относящаяся до этого предмета, редактирована слѣдующимъ образомъ: «Государственному банку предоставляется, въ предѣлахъ свободныхъ средствъ, за покрытіемъ торгово-промышленныхъ потребностей, открывать земствамъ и городамъ кредиты для снабженія ихъ оборотными средствами, на условіяхъ и въ размѣрѣ, опредѣляемыхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по взаимному соглашенію министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ». Отмѣтимъ, наконецъ, кредитъ чрезъ посредниковъ, которому посвящены статьи 139—146. Государственный банкъ открываетъ кредитъ посредникамъ: а) для выдачи мелкимъ землевладѣльцамъ и арендаторамъ сельско-хозяйственныхъ имѣній, крестьянамъ, кустарямъ и ремесленникамъ ссудъ подъ закладъ предменовъ ихъ производства, а также ссудъ на оборотныя средства и на пріобрѣтеніе инвентаря и б) для выдачи ссудъ подъ находящіеся въ пути или предназначенныя къ перевозкѣ товары. Посредниками для выдачи этихъ ссудъ могутъ быть: а) земскія учрежденія; б) частныя кредитныя установленія: банки, общества взаимнаго кредита, ссудо-сберегательныя товарищества и другія учрежденія мелкаго кредита; посредниками могутъ служить также общества и товарищества на началахъ взаимности и артели, если они дѣйствуютъ на основаніи уставовъ, утвержденныхъ правительствомъ, и изъявляютъ согласіе подчиниться всѣмъ правиламъ контроля за ихъ дѣятельностью по выдачѣ названныхъ ссудъ; в) посредниками могутъ быть также частныя лица, извѣстныя банку, изъ мѣстныхъ, вполне благонадежныхъ жителей. Посредниками по выдачѣ ссудъ подъ товары, находящіеся въ пути или предназначенныя къ перевозкѣ, могутъ служить желѣзныя дороги, а также пароходныя и транспортныя предпріятія. Кредиты

въ суммѣ больше 1,000 рублей открываются частнымъ лицамъ, принимающимъ на себя посредничество, не иначе, какъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія министра финансовъ. Посредники несутъ полную и безусловную отвѣтственность за суммы, отпущенныя имъ изъ банка для выдачи ссудъ. Ссуды чрезъ посредство земствъ могутъ, съ разрѣшенія министра финансовъ, быть выдаваемы подь условіемъ отвѣтственности послѣднихъ только за цѣлость и сохранность закладовъ. Если дѣятельность посредника по выдачѣ ссудъ признается не соответствующею тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ ему было открытъ кредитъ, то послѣдній можетъ быть закрытъ, приче́мъ банкъ назначаетъ срокъ для окончательныхъ расчетовъ съ посредникомъ.

Кто прочтаетъ изложенное на предыдущихъ страницахъ, тотъ замѣтитъ, насколько широки предѣлы кредита, который будетъ открывать преобразованный государственный банкъ. До сихъ поръ все дѣлалось такъ, чтобы были обезпечены кредитомъ крупныя и, частью, средніе торговцы и промышленники. Теперь уставъ говорить о сельскихъ хозяевахъ, — землевладѣльцахъ и арендаторахъ, — ремесленникахъ, кустаряхъ, мелкихъ торговцахъ, крестьянахъ, — словомъ, о промышленныхъ классахъ имперіи въ широкомъ смыслѣ слова. Отнынѣ можно ожидать, что на Русскую землю, какъ изъ рога изобилія, посыплются еще невѣдомыя благодѣянія. Внимательно вчитываясь въ статьи устава, которыя относятся къ этому предмету, мы видимъ, однако, что не нужно проникаться слишкомъ оптимистическимъ настроеніемъ.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе 97 статья, которая опредѣляетъ высшій размѣръ ссуды одному промышленному предпріятію въ 500,000 рублей, а одному мелкому торговцу — въ 600 рублей. Мы отказываемся понять мотивы, которые побудили ограничить кредитъ мелкихъ торговцевъ такою скромною цифрою. Составители новаго устава понимали, что крупное промышленное предпріятіе, имѣя большую кредитоспособность, можетъ обильно черпать капиталы изъ частныхъ банковъ. Отзываясь на запросы крупнаго производства, составители устава не уяснили себѣ потребностей мелкой торговли. Они забыли, что 600 руб. — довольно крупная для мелкаго торговца сумма, при тѣхъ размѣрахъ, которые имѣла торговля 50 лѣтъ назадъ. Въ настоящее же время, когда въ разныхъ отрасляхъ розничной торговли слагаются исполинскія предпріятія, мелкій торговецъ нуждается не въ сотняхъ, а въ тысячахъ рублей, и ограниченіе высшаго размѣра ссуды 600 руб. должно быть признано нецѣлесообразнымъ. Такимъ образомъ, 97 статья содержитъ правило, благоприятствующее развитію именно крупныхъ предпріятій. Казалось бы, что уже достаточно 97 статьи для поощренія отечественнаго крупнаго производства. А, между тѣмъ, мы находимъ въ 94 статьѣ другое весьма значительное, хотя и косвенное поощреніе: на ссуды изъ банка должны быть приобретаемъ инвентарь исключительно отечественнаго производства. Отступленія отъ этого правила допускаются только въ рѣдкихъ случаяхъ и при выполненіи весьма сложныхъ формальностей. Нерѣдко 94 статья будетъ совершенно парализовать выгоды, которыя уставъ хочетъ доставить

выдачею ссудъ на пріобрѣтеніе инвентаря. Если данная машина иностраннаго производства прочнѣе и больше облегчаетъ трудъ, нежели машина отечественнаго производства, то заемщику банка будетъ выгоднѣе воспользоваться, для покупки ея, кредитомъ изъ 8—9% годовыхъ, нежели пріобрѣсти издѣліе туземной фабрикаціи на ссуду изъ банка, которая будетъ стоить только 6%. Вообще, не слѣдуетъ смѣшивать экономическую политику, направленную на доставленіе кредита населенію, съ мѣрами покровительства туземной промышленности, для поддержанія и развитія которой есть цѣлая система разнообразныхъ техническихъ и экономическихъ мѣропріятій. Примѣчаніе къ 90 статьѣ, повидному, облегчаетъ кустарямъ, ремесленникамъ и мелкимъ торговцамъ полученіе ссудъ изъ государственнаго банка. Однако, это облегченіе—только кажущееся. Ссуды подъ соло-векселя, безъ другихъ обезпеченій, могутъ быть выдаваемы этимъ заемщикамъ только съ разрѣшенія правленій конторъ. Это условіе ставитъ личный кредитъ такихъ заемщиковъ въ самые тѣсные предѣлы: члены правленій конторъ, часто не принадлежа къ мѣстнымъ обывателямъ, могутъ въ подробностяхъ быть знакомы съ положеніемъ дѣлъ только очень немногихъ ремесленниковъ и кустарей. Крайняя трудность такъ присмотрѣться къ мелкому промышленному и торговому предпріятію, чтобы судить о его кредитоспособности, и боязнь ответственности будутъ побуждать правленія конторъ пользоваться примѣчаніемъ къ ст. 90 только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Статьи, которыя относятся до кредита чрезъ посредниковъ, даютъ, повидному, основаніе думать, что эта форма кредитованія откроетъ мелкому промышленному люду широкій доступъ къ кредиту. Нѣкоторые виды кредита чрезъ посредниковъ уже существуютъ: таковы, наприм., ссуды, выдаваемые чрезъ посредство желѣзныхъ дорогъ. Привлеченіе же посредниковъ для доставленія кредита мелкимъ производителямъ является нововведеніемъ. Мы считаемъ, однако, преждевременнымъ утвержденіе, что самые мелкіе производители воспользуются этимъ кредитомъ. Банки и общества взаимнаго кредита, въ виду незначительности выгодъ, которыя можетъ доставить посредничество, и большой ответственности, лежащей на посредникахъ, вовсе не будутъ принимать на себя эту роль или будутъ принимать ее только въ единичныхъ случаяхъ. Изъ земствъ охотно стануть на этотъ путь тѣ, которыя (назовемъ московское, пержское) уже довольно давно и по собственной инициативѣ открыли населенію доступъ къ кредиту. Многія же земства, въ виду значительныхъ хлопотъ, связанныхъ съ этимъ дѣломъ, и большой ответственности (мы находимъ, что ответственность за цѣлость и сохранность закладовъ есть полная ответственность, ибо нужно чрезвычайное легкомысліе или большая недобросовѣстность посредника, чтобы закладъ, обезпечивающій ссуду, былъ низко оцѣненъ или не огражденъ отъ порчи или расхищенія), уклонятся отъ посредничества. Остаются ссудосберегательныя товарищества и частныя лица. Напомнимъ, что первыя еще съ первыхъ годовъ своего существованія допускались къ кредиту въ государственномъ банкѣ. По самому характеру этихъ учреждений, ихъ посред-

ничество можетъ выражаться только въ томъ, что они будутъ вносить въ свой капиталъ ссуды, полученныя изъ государственнаго банка, и кредитовать своихъ членовъ изъ этого капитала, какъ и изъ другихъ денежныхъ средствъ. Такъ какъ ссудо-сберегательныя товарищества и ранѣе имѣли доступъ къ этому источнику, то не слѣдуетъ видѣть въ ихъ посредничествѣ что-нибудь новое. Разъ не ново само посредничество этихъ учреждений, то странно было бы ожидать новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ результатовъ. А результаты отмѣчены въ оцѣнкѣ, которую наша литература уже дала дѣятельности ссудо-сберегательныхъ товариществъ: они не достигаютъ цѣли, которая связана съ ихъ существомъ, не обезпечиваютъ пользованія кредитомъ именно для тѣхъ слоевъ населенія, которые наиболѣе нуждаются въ немъ. Мы полагаемъ, что частныя лица могутъ быть наиболѣе полезными посредниками. Въ разныхъ уголкахъ Русской земли есть люди изъ образованнаго класса, проникнутые горячею, беззаветною любовью къ народу, жаждущіе полезной общественной дѣятельности, всегда готовые самоотверженно идти туда, гдѣ нужда особенно велика, гдѣ потребность въ помощи наиболѣе настоятельна. Какъ ни велики препятствія, стоящія въ Россіи на пути къ всякой полезной общественной дѣятельности, глѣтися голода, холеры, народной школы, переселеній развертываютъ передъ нами страницы, которыя истинно-добрыя русскіе люди читаютъ съ отрадой и умиленіемъ, — страницы, которыя выдвигаютъ передъ нами разнообразную и высоко-плодотворную дѣятельность на благо народа. Такихъ людей не мало; такіе люди, ставъ посредниками государственнаго банка, роздали бы полученныя отъ него капиталы именно тѣмъ ремесленникамъ, кустарямъ, и земледѣльцамъ, которые наиболѣе нуждаются. Но, дабы эта соль земли оплодотворила кредитомъ мельчайшихъ и бѣднѣйшихъ русскихъ промышленниковъ въ городѣ и деревнѣ, необходимо, чтобы ея значеніе для общественной жизни было признано правленіями конторъ государственнаго банка. А, вѣдь, есть сотни, тысячи условій, въ силу которыхъ правленія конторъ не признаютъ большинства этихъ дѣятелей подходящими посредниками. Правленія конторъ будутъ относиться ко многимъ недověрчиво, вслѣдствіе ихъ бѣдности, вслѣдствіе того, что они не имѣютъ той обстановки, которую имущественныя средства позволяютъ создать своему владѣльцу и служить для него основаніемъ кредитоспособности. Городской и сельскій учитель, врачъ, только начинающій свою дѣятельность, фельдшеръ, молодые, не занимающіе сколько-нибудь виднаго мѣста технологи и юристы не будутъ внушать правленіямъ конторъ достаточнаго довѣрія. Но въ этой группѣ будутъ и люди съ имущественными средствами, которымъ, однако, не будетъ оказываться достаточнаго довѣрія: относительно однихъ будутъ возникать сомнѣнія потому, что они, своею предъидущею дѣятельностью, обнаруживали, быть можетъ, слишкомъ большую мягкость, уступчивость, безъ разбора раздавали собственныя средства, что они при распредѣленіи ссуды, полученной отъ государственнаго банка, будутъ больше руководствоваться бѣдностью, беспомощностью кустара или ремесленника, нежели по-

ложеи́емъ его промысла; будетъ боязнь, какъ бы невозвращеи́е части ссудъ не дискредитировало дѣла. Относительно другихъ будутъ возникать сомнѣнiя потому, что, быть можетъ, къ этимъ лицамъ не вполнѣ благо-склонна мѣстная администрацiя, быть можетъ, когда-либо раньше былъ хотя мельчайшiй поводъ считать ихъ неблагонамѣренными; какъ извѣстно, такое мнѣнiе о человѣкѣ, если даже оно вызвано вовсе несерьезными обстоятельствоми, сохраняетъ свое влiянiе въ теченiе многихъ лѣтъ. Вообще у насъ мало надежды, чтобы изъ этихъ лучшихъ русскихъ людей большинство было признано, со стороны правленiй конторъ банка, подходящими посредниками. Таковыми будутъ, главнымъ образомъ, землевладѣльцы съ достаточными средствами, состоятельные городскiе обыватели и, только въ рѣдкихъ случаяхъ, люди иного общественнаго положенiя. Конечно, эти люди будутъ вполнѣ благонадежны въ томъ смыслѣ, что конторы банка могутъ быть спокойны за участь ввѣренныхъ имъ капиталовъ. Но часто не будетъ достигаться цѣль—доставленiе кредита именно мельчайшимъ ремесленникамъ. Последнее предполагаетъ не только доброе намѣренiе, но и весьма серьезную работу, подробное изученiе даннаго района (предположимъ, деревни, населенной кустарями, или части города относительно ремесленниковъ, которые населяютъ ее) и выборъ изъ большого числа промышленниковъ именно тѣхъ, которые и наиболѣе нуждаются въ кредитѣ, и, по своей добросовѣстности и рабочему искусству, могутъ быть признаны надежными заемщиками. Можно ожидать выполненiя такой работы только отъ людей, которые вносятъ въ это дѣло не одну аккуратность и дѣловую честность, не одно желанiе и въ этомъ направленiи *немножко* поработать для общества, но большую преданность дѣлу. Вотъ способъ раздачи ссудъ наиболѣе удобный для посредника и, формально, правильный. Посредникъ А знаетъ кустаря X, который работаетъ съ 2—3 членами семьи и держитъ 3—4 работниковъ, знаетъ его дѣловитость, исполнительность, качество товаровъ, которые онъ изготовляетъ, и, слыша о его желанiи взять денегъ займы, даетъ ему въ ссуду часть капитала, полученнаго изъ банка. Остаточную часть капитала посредникъ распредѣляетъ между 2—3 подобными же кустарями. Такой образъ дѣйствiй является наиболѣе подходящимъ для посредника, такъ какъ мастерская кустаря, имѣющая 6—7 работающихъ, уже самымъ фактомъ своего существованiя даетъ ручательство, что заемщикъ исполнитъ свое обязательство безъ всякихъ мѣръ понужденiя. Съ тѣмъ вмѣстѣ, раздача посредниками ссудъ такимъ заемщикамъ формально правильна, соответствуетъ буквѣ устава государственнаго банка, ибо есть основанiе относить такихъ должниковъ къ кустарямъ, по крайней мѣрѣ, въ обширномъ смыслѣ слова. Но, по существу, нельзя сказать, что такой способъ раздачи ссудъ послужитъ къ поддержанiю кустарной промышленности. Наиболѣе многочисленными и типичными заведенiями являются въ кустарныхъ промыслахъ одиночныя или семейныя мастерскiя. Поддержанiе этихъ мастерскихъ и есть синонимъ поддержанiя всего кустарнаго производства. Выдача же ссудъ преимущественно тѣмъ сельскимъ произведе-

лямъ, которые имѣютъ постоянныхъ наемныхъ работниковъ,—значить содѣйствіе образованію въ средѣ кустарей аристократіи, которая напрягаетъ всѣ силы, чтобъ отдалиться отъ собратій по ремеслу и приблизиться къ классу мануфактуристовъ.

И такъ, мы дѣлаемъ выводъ, что теперь еще преждевременно утѣшать себя надеждою, что преобразованный государственный банкъ удовлетворитъ нужду въ кредитѣ именно тамъ, гдѣ она обнаруживается въ наиболѣе острой формѣ. Есть одно, чисто-внѣшнее условіе, которое позволило бы русскому народному хозяйству извлечь существенныя выгоды изъ статей устава, которыя касаются предоставленія кредита мелкимъ торговцамъ и промышленникамъ: отсутствіе возможно большаго числа отдѣленій государственнаго банка. Въ настоящее время государственный банкъ считаетъ за правило, не подлежащее спору, что конторы и отдѣленія должны быть открываемы только въ тѣхъ городахъ, гдѣ значительное развитіе торговли и промышленности общааетъ отдѣленію банка достаточныя обороты и прибыль. Слѣдуя такому правилу, открываютъ конторы государственнаго банка въ такихъ центрахъ, которые не совсѣмъ обездолены въ кредитномъ отношеніи, гдѣ иногда есть уже общественный банкъ или частный, или же тотъ и другой. Въ этихъ центрахъ положеніе даже мельчайшихъ промышленниковъ и торговцевъ не можетъ быть признано самымъ угнетеннымъ. Въ мелкихъ городахъ и селахъ, гдѣ есть только ростовщическій кредитъ, положеніе гораздо хуже. Пусть государственный банкъ открываетъ свои отдѣленія и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ первые годы, и даже довольно долго, нельзя ожидать прибыли. Кромѣ мелкихъ городовъ, весьма подходящими пунктами являются посады и села, служащіе центрами кустарныхъ промысловъ: назовемъ Кимры, Павлово, Великое, Бурмакино, Михайловку, Симеоновку, столь извѣстныя развитіемъ кустарнаго дѣла. Отдѣленія въ мелкихъ городахъ, посадахъ и селахъ могутъ наиболѣе успѣшно развить кредитъ черезъ посредниковъ. Въ большомъ городѣ администрація конторы или отдѣленія исчезаетъ въ массѣ людей того же круга и уже потому стоитъ далеко отъ ремесленника, кустаря и мелкаго торговца. Въ маленькомъ городкѣ, посадѣ, селѣ людей, принадлежащихъ къ *обществу*, не много, соприкосновеніе съ мелкимъ промышленнымъ людомъ можетъ быть болѣе часто, а потому и легче узнать его бытъ, легче опредѣлить степень благонадежности заемщиковъ этого разряда. Въ такихъ пунктахъ и учетно-ссудныя комитеты отдѣленій государственнаго банка могли бы, по своему составу, быть ближе къ мелкой промышленности и торговлѣ, чѣмъ то бываетъ и будетъ впредь въ большихъ городахъ. Настойчиво совѣтуя государственному банку развить дѣятельность въ такихъ скромныхъ центрахъ, мы ставимъ ему на видъ, что полученіе прибыли не должно руководить имъ во всѣхъ его оборотахъ. Возможно, что нѣсколько десятковъ мелкихъ отдѣленій вовсе не принесутъ ему барышей, но открытіе доступа къ кредиту возможно большому числу мелкихъ производителей — дѣло слишкомъ важное, чтобъ уклониться отъ него за недостаточною прибыльностью нѣ-

... (faint text) ...

... (faint text) ...

Старый вопрос о государственном банке так же актуален, как и прежде. Не следует забывать, что в настоящее время в России существует несколько государственных банков, которые в значительной степени удовлетворяют потребности народного хозяйства. Однако, несмотря на это, вопрос о государственном банке остается актуальным. В настоящее время в России существует несколько государственных банков, которые в значительной степени удовлетворяют потребности народного хозяйства. Однако, несмотря на это, вопрос о государственном банке остается актуальным. В настоящее время в России существует несколько государственных банков, которые в значительной степени удовлетворяют потребности народного хозяйства. Однако, несмотря на это, вопрос о государственном банке остается актуальным.

Разъ министерство финансовъ старается создать себѣ такую ненужную поддержку, то оно доказываетъ только неувѣренность въ своихъ силахъ, доказываетъ свои сомнѣнія или относительно того, что платежныя силы государства достаточны и могутъ дать странѣ то, что необходимо для покрытія ея расходовъ, или же сомнѣніе въ томъ, что финансовое управленіе умѣетъ воспользоваться платежными силами населенія и извлечь изъ нихъ то, что внесено въ бюджетъ доходовъ. Мы прочитали въ *Русской Жизни* (1894 г., № 174) предложеніе изъять государственный банкъ изъ вѣдѣнія министерства финансовъ и подчинить министерству земледѣлія. Нельзя согласиться съ этимъ предложеніемъ потому, что кредитъ служить не одному земледѣлію, но и другимъ отраслямъ народной промышленности. Мы считаемъ болѣе цѣлесообразнымъ особое высшее административное установленіе для управленія государственнымъ банкомъ и другими государственными кредитными установленіями. Такое учрежденіе могло бы быть коллегіальнымъ, соответствующимъ министру по предѣламъ власти. Его членами могли бы быть товарищи министровъ финансовъ, земледѣлія, путей сообщенія, съ приобщеніемъ еще нѣкоторыхъ лицъ, представляющихъ главныя вѣтви народного хозяйства.

Перейдемъ отъ государственнаго банка къ другому государственному кредитному учрежденію—крестьянскому банку и остановимся на данныхъ, которыя представляетъ его отчетъ за 1893 годъ. При бѣгломъ взглядѣ, цифры производятъ благопріятное впечатлѣніе: замѣчается оживленіе дѣятельности банка по сравненію съ послѣдними годами. Число разрѣшенныхъ ссудъ, достигнувъ 1,827, превысило цифры за всѣ 10 лѣтъ со времени основанія банка. И сумма ссудъ, составляя 5.175,000 р., превосходитъ обороты банка въ каждомъ изъ 5 предъидущихъ лѣтъ (начиная отъ 1888 г.), когда сумма выданныхъ ссудъ не шла дальше 5.132,000 р. Нѣкоторое оживленіе дѣятельности банка видно и изъ количества купленной земли: въ 1893 году оно было равно 157,298 десятинамъ, тогда какъ въ 1892 году было куплено 148,018 десятинъ. Однако, болѣе внимательное изученіе таблицъ, которыя приведены въ отчетѣ, убѣждаетъ, что дѣятельность банка все болѣе принимаетъ характеръ стѣснительный для массы крестьянства,—характеръ, при которомъ изъ этого учрежденія могутъ извлекать значительныя выгоды только наиболѣе состоятельные слои въ населеніи деревни. Мы уже не разъ имѣли случай говорить о значеніи доплатъ къ ссудамъ крестьянскаго банка. Чѣмъ болѣе велика доплата, тѣмъ тяжеле положеніе заемщика, тѣмъ меньше возможность для бѣднѣйшихъ крестьянъ пользоваться кредитомъ. Въ прошломъ году доплаты къ ссудамъ изъ банка достигли такого размѣра, какого не достигали въ предъидущіе годы, и еще больше наложили на него печать учрежденія, служащаго высшимъ разрядамъ крестьянства. Въ 1884 году общая сумма выданныхъ ссудъ превышала 9½ мил. р., а сумма доплаты не достигала и 1½ мил., т.-е. равнялась 16% ссуды. За 1889 г. на сумму ссудъ около 3.700,000 р. до-

плата составляла до $1\frac{1}{4}$ м., т.-е. равнялись 33% ссудъ, а въ 1893 году, при общей суммѣ ссудъ 5.175,000 р., доплаты были въ 2.711,000 р., т.-е. превышали 50% выданныхъ банкомъ капиталовъ. Предыдущіе годы въ дѣятельности банка обнаруживаютъ такую особенность: тѣмъ болѣе возрастаютъ доплаты заемщиковъ сравнительно со ссудами, тѣмъ болѣе видное мѣсто среди покупателей земли черезъ банкъ являются не сельскія общества, а товарищества и частныя лица, тѣмъ легче расширяютъ свое землевладѣніе не цѣлыя земельныя общины, а небольшія группы крестьянъ или даже отдѣльныя домохозяева. И въ отчетѣ за прошлый годъ мы видимъ, относительно, весьма большое пользованіе крестьянскимъ банкомъ со стороны населенія губерній, въ которыхъ преобладаетъ или даже исключительно существуетъ подворное землевладѣніе. Ссуды банка въ привислянскихъ губерніяхъ составляютъ 1.347,000 р., въ малорусскихъ—622,000 р., югозападныхъ—608,000 р., литовскихъ—286,000 р. Мы получаемъ, такимъ образомъ, до 2 мил. ссудъ на губерніи съ участковымъ землевладѣніемъ. Изъ 420,000 р., выданныхъ банкомъ въ ссуду крестьянамъ бѣлорусскихъ губерній, значительная часть поступила также отдѣльнымъ домохозяевамъ. Сопоставляя въ процентномъ отношеніи ссуды выданныя заемщикамъ всѣхъ трехъ разрядовъ, мы имѣемъ такія цифры: въ 1890 г. сельскія общества получили 23,7% общаго числа ссудъ, а въ 1893 г.—только 12,5; товариществамъ было выдано въ 1890 г.—49,3, а въ 1893 г.—60,1; наконецъ, одиночки занимаютъ почти такое же положеніе, какъ и три года тому назадъ—27% и 27,4. Эти цифры краснорѣчиво доказываютъ, что сельскія общества, какъ пріобрѣтатели земли, все болѣе оттѣсняются на задній планъ. Наконецъ, по существу, самый важный вопросъ относительно дѣятельности крестьянскаго банка тотъ, насколько, при его содѣйствіи, расширяютъ свой земельный надѣлъ наиболѣе нуждающіеся крестьяне. Чѣмъ больше преобладаютъ среди заемщиковъ банка и пріобрѣтателей земли безземельные и малоземельные, тѣмъ лучше исполняетъ банкъ свое назначеніе. Въ отчетѣ за 1893 годъ мы не находимъ утѣшительныхъ данныхъ. Между тремя разрядами покупателей: безземельные и имѣвшіе не болѣе $1\frac{1}{2}$ десятинъ на душу, имѣвшіе отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 десятинъ и имѣвшіе болѣе 3 десятинъ на душу—площадь купленной земли распредѣлилась почти равными долями: первые пріобрѣли 58,419 десятинъ, вторые—53,817 и послѣдніе—45,066. Конечно, можетъ быть споръ о томъ, насколько крестьянскому банку легко или трудно принимать на себя инициативу отысканія заемщиковъ, принадлежащихъ къ бѣднѣйшему крестьянству; можетъ быть споръ и о томъ, насколько надежность на нихъ заемщиковъ уступаетъ надежности должниковъ изъ второго и третьяго разрядовъ. Можно спорить, но остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что наиболѣе нуждающіеся крестьяне пріобрѣли за прошлый годъ неполныхъ 37% площади земли, купленной при содѣйствіи банка. Наша печать уже не одинъ годъ указываетъ на нецѣлесообразность высокихъ доплатъ, и сама практика банка убѣждаетъ, что доплаты вовсе не приводятъ къ результатамъ, которыхъ

отъ нихъ ожидаютъ: онѣ вовсе не гарантируютъ, что заемщики банка будутъ исправными плательщиками. За пятилѣтіе 1887—91 гт. изъ должниковъ банка, которые не внесли платежей, значатся: 91 приобретатель земли, купившіе безъ всякой доплаты, 156 лицъ, приобрѣвшія землю съ доплатой отъ 1 до 10% покупной суммы, и, наконецъ, 145 покупателей, доплатившихъ за землю отъ 10 до 70%.

Отмѣчая вялую и нецѣлесообразную дѣятельность крестьянскаго банка, нельзя пройти молчаніемъ мимо вопроса о нормировкѣ ссудъ. Наибольшій размѣръ ссуды установленъ для всѣхъ мѣстностей въ 125 р. на душу мужского пола при общинномъ землевладѣніи и въ 500 руб. на домохозяина—при подворномъ. Хотя нѣкоторые изслѣдователи крестьянскаго банка и думаютъ (см., наприм., докладъ, читанный г. Пономаревымъ 10 января 1894 года въ вольномъ экономическомъ обществѣ), что установленіе такихъ цифръ поддерживаетъ равномѣрность между крестьянами-общинниками и подворниками, однако, это предположеніе не вѣрно. Средній крестьянскій дворъ имѣетъ 3½ души мужского пола, а потому высшій размѣръ ссуды на дворъ крестьянина-общинника не можетъ превысить 437½ руб., что ставитъ крестьянина-подворника въ болѣе выгодное положеніе. Но главная невыгода, связанная съ нормировками ссудъ, состоитъ въ томъ, что дѣлаются усилія искусственно уравнивать неоднородныя величины, что не примиряется съ самимъ существомъ дѣла. Ссуда въ 400—500 руб. на дворъ позволяетъ крестьянину Минской, Могилевской, Новгородской губерній купить 20—25—30 десятинъ, и такая же ссуда даетъ возможность приобрести въ Курской, Пензенской, Тульской губерніяхъ только 5—4—3 десятины. Въ этомъ не было бы бѣды, если бы доходность земли соотвѣтствовала ея цѣнности. Но такъ какъ послѣдняя искусственно возвышается въ густонаселенныхъ губерніяхъ усиленнымъ запросомъ на землю, то можно установить безспорное положеніе, что заемщики банка въ нечерноземныхъ, рѣдко населенныхъ губерніяхъ поставлены гораздо болѣе благопріятно, нежели покупатели дорогихъ участковъ въ черноземныхъ мѣстностяхъ: первые, платя по 25—30 руб. за десятину, собираютъ средніе урожанъ въ самъ—4½—5, а послѣдніе, при цѣнѣ въ 100—125 руб., не получаютъ ржи больше самъ—6. Вотъ пункты, на которые, въ виду предстоящаго преобразования крестьянскаго банка, должно быть обращено самое серьезное вниманіе.

Нашъ законъ о паспортахъ уже издавна служитъ предметомъ единодушнаго осужденія со стороны печати. Но не только публицисты, и административныя лица и учрежденія не разъ отзывались о нашей паспортной системѣ, какъ отголоскѣ крѣпостнаго права, какъ пережиткѣ, который уцѣлѣлъ отъ старины, но вовсе не соотвѣтствуетъ условіямъ современнаго быта. Закрѣпляя население, препятствуя паспортами выходить изъ тягла, Петръ I своимъ указомъ 1719 года, чтобы «никто никуда безъ проѣзжихъ или прохожихъ писемъ изъ города въ городъ и изъ села въ

село не ѣздилъ и не ходилъ», способствовалъ развитію паспортной системы и укрѣпленію въ нашемъ правительствѣ той мысли, что свободное передвиженіе гражданъ по территоріи связано съ серьезными неудобствами, даже опасностями, что, какъ бы ни были важны мотивы, побуждающіе человѣка оставлять мѣстожительство, нужно обставить передвиженіе значительными, какъ всѣмъ извѣстно, сложными формальностями. Паспортная система повела къ тому, что не одни помѣщичьи крестьяне были не свободны: вся масса населенія, кромѣ привилегированнаго меньшинства, терпѣла значительныя ограниченія въ личной свободѣ, благодаря условіямъ, которыя служили препятствіемъ къ полученію паспорта, и докучливымъ формальностямъ, съ которыми связано его выпрашеніе и возобновленіе.

Въ концѣ 50-хъ годовъ, при подготовительной работѣ, предшествовавшей реформамъ императора Александра II, былъ поставленъ вопросъ о пересмотрѣ паспортной системы и объ измѣненіи ея соотвѣтственно съ потребностями народа. Съ того времени, въ теченіе 35 лѣтъ, было выработано нѣсколько проектовъ паспортной реформы, причѣмъ принимались въ расчетъ также заявленія чиновъ полиціи, какъ свѣдущихъ лицъ въ этомъ дѣлѣ. Въ трудахъ комиссій, работавшихъ надъ этимъ вопросомъ, мы находимъ указанія со стороны полицейскихъ чиновъ, что паспорта не только не облегчаютъ полицейскаго надзора, но даже затрудняютъ дѣятельность полиціи. Долголѣтній опытъ показалъ, что люди, которые, своимъ поведеніемъ, заинтересованы скрываться отъ наблюденія, стараются за пастись паспортами, которые, своею внѣшностью, вполне удовлетворяютъ требованія закона. Такіе паспорта, составленные на чужое или даже вымышленное имя, часто не даютъ повода сомнѣваться въ ихъ подлинности и совершенно замаскировываютъ личность въ глазахъ полиціи. Въ каждомъ большомъ городѣ есть притоны, гдѣ фабрикуются поддѣльные паспорта; извѣстно, что они изготовляются съ большимъ искусствомъ. Открытіе этихъ злоупотребленій крайне трудно до тѣхъ поръ, пока виновный не совершаетъ дѣйствій, которыя вызываютъ подозрѣнія относительно его личности, а потому укрывающійся можетъ спокойно принимать мѣры къ новымъ преступленіямъ. Одинъ изъ высшихъ чиновъ петербургской сыскной полиціи, г. Путилинъ, прямо заявилъ, что паспортъ нерѣдко стѣсняетъ дѣйствія полиціи, или скрываетъ преступника подъ ложнымъ именемъ, или же побуждая предпринимать напрасныя поиски за лицомъ невиннымъ, но навлекающимъ на себя подозрѣніе по неимѣнію законнаго вида.

Въ результатъ 35-ти лѣтнихъ работъ по пересмотру паспортной системы явился законъ 6 іюня 1894 года, который содержитъ облегченія сравнительно съ прежними, но весьма далеки отъ пожеланій, которыя нужно высказать въ интересахъ свободы труда.

«Видъ на жительство, — гласитъ статья 1 новаго закона, — служить удостовѣреніемъ личности, а равно права на отлучку изъ мѣста постоянного жительства въ тѣхъ случаяхъ, когда это право должно быть удосто-

вѣрено». Мѣстомъ постоянного жительства законъ, какъ и донинѣ, считаетъ: 1) для дворянъ, чиновниковъ, купцовъ, почетныхъ гражданъ и разночинцевъ—мѣста, гдѣ человекъ имѣетъ осѣдлость или домашнее обзаведеніе по службѣ, занятіямъ, промысламъ или недвижимому имуществу; 2) для мѣщанъ и ремесленниковъ—городъ, посадъ или мѣстечко, гдѣ они приписаны къ мѣщанскому или ремесленному обществу; 3) для сельскихъ обывателей—сельское общество или волость, къ коимъ они приписаны. Не обязывая никого имѣть видъ на жительство на мѣстѣ постоянного жительства, законъ дѣлаетъ исключенія для мѣстностей, которыя находятся въ состояніи усиленной охраны, а также для рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и мануфактурахъ; во второмъ случаѣ фабричная инспекція, или же мѣстная полиція, можетъ вѣнчать рабочимъ въ обязанность имѣть видъ на жительство. Отлучаясь съ мѣста постоянного жительства, лицо не обязано имѣть видъ, если отлучка продолжается не долѣе 6 мѣсяцевъ и ограничивается или предѣлами того же уѣзда, или сосѣднимъ уѣздомъ и 50-ти верстнымъ разстояніемъ отъ мѣста жительства; лица, нанимающіеся на сельскія работы, могутъ отлучаться въ означенныхъ предѣлахъ на сроки даже долѣе 6 мѣсяцевъ. Для всѣхъ остальныхъ отлучекъ необходимы видъ на жительство, выдаваемые тѣми же учрежденіями, какъ и въ настоящее время. Всѣ видъ на жительство сведены къ слѣдующимъ разрядамъ: 1) безсрочныя паспортныя книжки для неслужащихъ дворянъ, лицъ, уволенныхъ отъ государственной службы, офицерскихъ чиновъ запаса, почетныхъ гражданъ, купцовъ и разночинцевъ. Чиновники, состоящіе на гражданской службѣ, гражданскіе чиновники военного и морского вѣдомствъ, а равно духовенство всѣхъ исповѣданій получаютъ, для удостовѣренія личности, безсрочныя паспортныя книжки. Относительно же отлучекъ этихъ лицъ сохраняютъ силу дѣйствующія нынѣ правила. 2) Видъ на жительство для мѣщанъ, ремесленниковъ и сельскихъ обывателей, раздѣляющіеся на 3 категоріи: а) паспортныя книжки, б) паспорта и в) бесплатныя билеты на отлучку. Паспортныя книжки выдаются членамъ названныхъ сословій на 5 лѣтъ, съ ограниченіемъ для лицъ, на которыхъ числятся недоимки; эти лица могутъ получать книжки только съ согласія обществъ. Паспорта выдаются на 1 годъ, 6 мѣсяцевъ, 3 мѣсяца. Бесплатныя билеты на срокъ до 1 года выдаются лицамъ, не достигшимъ 18 лѣтъ, а также разнымъ категоріямъ лицъ, въ виду ихъ бѣдственнаго положенія. Всѣ видъ на жительство обложены сборомъ въ пользу казны, высшій размѣръ котораго составляетъ 50 копѣекъ одновременно и по 1 рублю въ годъ для безсрочной паспортной книжки; низшій—15-ти копѣечный сборъ—установленъ для 3-хъ мѣсячныхъ паспортовъ.

Законъ 6 іюня вноситъ нѣкоторыя мелкія измѣненія въ нашу паспортную систему, но не колеблетъ ея строя по существу. Къ такимъ новинкамъ мы должны отнести установленіе годичнаго однорублеваго сбора съ лицъ привилегированныхъ сословій, получающихъ безсрочныя паспортныя книжки. Можно согласиться, что этотъ сборъ не будетъ обременителенъ.

Жаль только, что паспортный сборъ сохраненъ и для бѣднѣйшихъ классовъ — крестьянъ и мѣщанъ. Тому, кто ссылаясь бы на незначительность такого сбора, мы скажемъ, что наше крестьянство и мѣщанство очень бѣдно и нельзя называть незначительнымъ даже самый малый сборъ. Мы назвали бы серьезнымъ нововведеніемъ право не имѣть паспорта на мѣстѣ жительства, если бы это право не было вдвинуто въ столь тѣсныя рамки. Припомнимъ объ исключеніяхъ: о городахъ и губерніяхъ, на которые распространяется положеніе объ усиленной охранѣ, о рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и мануфактурахъ; припомнимъ, что въ настоящее время въ небольшихъ городахъ и селеніяхъ не спрашиваютъ паспорта отъ мѣстныхъ жителей, и мы скажемъ, что относительно этого пункта законъ 6 іюня содержитъ мало новаго. Статья 4, опредѣляющая случаи, когда и при отлучкѣ изъ постоянного мѣста жительства не требуется паспорта, производитъ странное впечатлѣніе: дозволяется отлучка безъ паспорта за предѣлами уѣзда не дальше 50 верстъ отъ мѣста постоянного жительства. Столь небольшое число верстъ, какъ высшая норма, устанавливается въ томъ предположеніи, что, вслѣдствіе незначительности разстоянія, могутъ знать данное лицо и въ другомъ уѣздѣ. Такіе предѣлы совершенно искусственны: въ Архангельской, Вологодской, Пермской, Олонекской, Новгородской губерніяхъ, гдѣ уѣзды растянуты на сотни верстъ, жителей окраинъ уѣзда гораздо лучше знаютъ въ сосѣднемъ уѣздѣ, нежели въ своемъ, а потому обыватель Кирилловскаго уѣзда можетъ быть лучше извѣстенъ въ Бѣлозерскомъ, чѣмъ въ Кирилловскомъ, а постоянный обыватель Верхотурскаго уѣзда — лучше въ Екатеринбургскомъ, нежели въ Верхотурскомъ. Новый законъ въ одномъ отношеніи улучшаетъ существующій порядокъ: онъ мягче относится къ безпаспортнымъ. По законодательству, которое измѣняется положеніемъ 6 іюня, считались бѣглецами всѣ тѣ, кто отлучился изъ мѣста постоянного жительства безъ узаконеннаго вида, и даже тѣ, кто оставался въ отлучкѣ долѣе срока, на который былъ выданъ паспортъ, или уходилъ за предѣлы мѣстности, означенной въ видѣ на отлучку. Законъ требовалъ, чтобы полиція задерживала такихъ людей, и опредѣлялъ особое вознагражденіе отъ казны за каждого пойманнаго. Масса населенія, уходящая изъ мѣстъ приписки съ краткосрочными паспортами, испытывала всѣ тяжелыя послѣдствія столь суровыхъ требованій закона. Отношеніе администраціи ко всѣмъ этимъ лицамъ упорядочено 26, 27 и 28 статьями закона 6 іюня. Онѣ постановляютъ, что если будетъ обнаружено лицо, не имѣющее надлежащаго вида или имѣющее просроченный видъ, то, разъ лицо докажетъ свою самоличность, полиція выдаетъ ему свидѣтельство на срокъ не выше 8 мѣсяцевъ. По истеченіи срока свидѣтельства, буде лицо не получитъ надлежащаго вида, полиція выдаетъ ему особое удостовѣреніе, дабы оно отбыло въ теченіе 7 дней на мѣсто постоянного жительства. Если и въ этотъ срокъ лицо не отбыло въ мѣсто постоянного жительства, то оно высылается мѣрами полиціи. Высылка производится соотвѣтственно званію или состоянію высылаемаго, на основаніи особой инструкціи министра вну-

треннихъ дѣлъ. Выскажемъ пожеланіе, чтобы законъ 6 Іюня повелъ къ дальнѣйшимъ преобразованіямъ нашей паспортной системы.

Еще въ 1892 году при министерствѣ народнаго просвѣщенія начала работать особая коммиссія для пересмотра предположеній военнаго министра относительно льготъ, которыя даются теперь по образованію при отбываніи воинской повинности. Занятія этой коммиссіи недавно окончились; въ результатъ обнаружилось, что коммиссія, отстаивая льготы по образованію, приняла не всё предположенія военнаго министерства. Настаивая на льготахъ для лицъ, окончившихъ курсъ училищъ 4 разряда, коммиссія высказала мнѣніе, что эти льготы увеличиваютъ число грамотныхъ, что хотя въ настоящее время число грамотныхъ новобранцевъ не превышаетъ 33%, однако, это число возрастаетъ въ значительной степени благодаря льготамъ, которыя предоставлены при отбываніи воинской повинности лицамъ, прошедшимъ начальную школу. Коммиссія признала нужнымъ сохранить также льготы для лицъ, прошедшихъ училища 3 разряда. Необходимо, по ея мнѣнію, поднять уровень развитія нашего городского населенія, которое льготами 3 разряда поощряется къ посѣщенію уѣздныхъ и городскихъ училищъ, а также низшихъ техническихъ и профессиональныхъ. Коммиссія предложила сохранить особыя льготы для учителей учебныхъ заведеній 3 и 4 разрядовъ. Такъ какъ учителя этихъ заведеній получаютъ скудное содержаніе, то льгота по отбыванію воинской повинности служить какъ бы дополненіемъ къ этому содержанію и увеличиваетъ число лицъ, готовыхъ занимать учительскія должности.

Мы вполне раздѣляемъ всё изложенные мнѣнія и доводы названной коммиссіи. Возможно быстрый ростъ просвѣщенія и, какъ его орудіе, развитіе грамотности имѣютъ для нашего отечества столь большую важность, что нужно высказаться за всё мѣры, ведущія къ этой цѣли: льготы по отбыванію воинской повинности имѣютъ среди этихъ мѣръ далеко не послѣднее значеніе. Но есть одинъ пунктъ, относительно котораго нельзя вполне раздѣлить мнѣніе коммиссіи. Военное министерство высказалось за то, чтобы въ высшія учебныя заведенія имѣли право поступать только лица, уже отбывшія воинскую повинность. Коммиссія приняла часть этого проекта, по которой, при прежней отсрочкѣ (до 22 лѣтъ) службы для окончанія курса въ среднемъ учебномъ заведеніи, лица, кончающія курсъ средняго учебнаго заведенія по достиженіи призывнаго возраста, или тѣ, которыя достигнуть призывнаго возраста въ годъ окончанія курса, не могутъ поступать въ высшія учебныя заведенія до отбытія воинской повинности. Если это предложеніе будетъ принято, то многіе молодые люди будутъ затруднены въ полученіи высшаго образованія. Среди лицъ, оканчивающихъ гимназію, болѣе 20% будутъ въ такомъ положеніи. Поступая въ войска на 3 года по жребію или даже на 1 годъ въ качествѣ вольноопредѣляющихся, эти молодые люди прервутъ занятія и довольно большое число изъ нихъ

не попадетъ въ высшія учебныя заведенія или по недостатку матеріальныхъ средствъ, или потому, что отбываніе воинской повинности вытолкнетъ ихъ изъ колеи и ослабитъ привычку къ занятіямъ. А число русскихъ людей съ высшимъ образованіемъ настолько незначительно, что даже небольшое его уменьшеніе послужитъ къ серьезному ущербу для нашего отечества. Такимъ образомъ, является предпочтительнымъ нынѣшній порядокъ, по которому молодые люди, поступающіе въ высшее учебное заведеніе и уже имѣющіе отсрочку по отбыванію воинской повинности до 22 лѣтъ, получаютъ ее до 27 лѣтъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Общее вниманіе привлекаетъ въ настоящее время къ себѣ война, начатая съ Китаемъ Японіей изъ-за господства надъ Кореей. Война принимаетъ широкіе размѣры и перевѣсъ покуда оказывается на сторонѣ японцевъ. Въ западной печати, какъ и въ нашей, обсуждаются шансы противниковъ: Китай, съ его громаднымъ населеніемъ, можетъ дольше Японіи выносить тягость военныхъ потерь, но энергическія дѣйствія его несравненно болѣе культурнаго врага могутъ быстро сломить военную мощь Небесной имперіи. За этимъ единоборствомъ съ особенно живымъ вниманіемъ слѣдятъ Англія, Россія, Франція и Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Съ точки зрѣнія нашего государственнаго эгоизма, война между Японіей и Китаемъ можетъ принести Россіи выгоду, ослабивши обѣ стороны, а до рѣшительнаго разгрома той или другой стороны европейскія державы не допустить побѣдителя. Корея лежитъ близко отъ нашей границы, обладаетъ нѣсколькими хорошими портами и представляетъ «лакомый кусокъ» для политики захватовъ. Англія уже занимала одно время портъ Гамильтонъ, но отказалась отъ него, а Россія дала обѣщаніе съ своей стороны не занимать корейской территоріи. Теперь оба эти обязательства падаютъ сами собой: въ Корею высадились японцы, заняли ея столицу, захватили въ плѣнъ короля. Если имъ удастся утвердиться на этомъ полуостровѣ, то это будетъ невыгодно въ особенности Россіи, отчасти Англіи. Въ противоположномъ случаѣ, при побѣдѣ Китая, его номинальная до сихъ поръ власть надъ Кореей превратится въ фактическую, что можетъ создать серьезную опасность для нашего Приамурскаго края.

И Китай, и Японія дѣлаютъ для военныхъ цѣлей большіе заказы въ Европѣ и въ Америкѣ. Въ одной изъ берлинскихъ газетъ (*Berlin Tageblatt*) мы прочли циническія разсужденія о пользѣ для нѣмецкой промышленности отъ рѣзни между китайцами и японцами. Газета предвидитъ опасность для живущихъ въ Китаѣ европейцевъ, которыхъ можетъ избить фанатизированная толпа, но и это даетъ поводъ къ расчетливымъ предположеніямъ: конечно, будетъ жаль погибшихъ, но эта гибель создастъ поводъ для коллективнаго вмѣшательства европейскихъ державъ... Съ та-

кою откровенностью не многие говорят столь возмутительныя вещи, и холодный расчет царить въ сужденіяхъ европейской печати по поводу японско-китайской войны, расчетъ или полное равнодушіе. Комментируютъ на разные лады *право* японцевъ потопить китайское транспортное судно, но никакихъ замѣчаній не вызываетъ тотъ фактъ, что потоплено при этомъ полторы тысячи человекъ. Такова война, ея законы, ея вліяніе на чело-вѣческую душу.

Несовмѣстимость военныхъ и культурныхъ цѣлей въ общемъ строе народнои жизни давно уже указана мыслителями; но милитаризмъ такъ глубоко проникъ въ европейскія государства, такъ еще крѣпки причины, породившія злыя чувства между національностями, что близкой побѣды надъ нимъ нельзя ожидать безъ величайшихъ усилій со стороны всѣхъ искреннихъ друзей мира. Требования, которыя выставляются военными авторитетами, рѣшительно противорѣчатъ требованіямъ жизни, основнымъ задачамъ цивилизаціи. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о срокѣ воинской повинности. Для общества, занятаго культурнымъ трудомъ, въ которомъ люди стремятся къ просвѣщенію и благосостоянію и къ обезпеченію этихъ благъ для своихъ дѣтей, слишкомъ дологъ и трехлѣтній срокъ службы, отрывающей чело-вѣка въ цвѣтѣ силъ отъ семьи и отъ производительнаго труда. А французскіе военные авторитеты требуютъ увеличенія этого срока для кавалеристовъ до пяти лѣтъ (см. *L'Echo de l'armée*, 22 juillet 1894) и осыпаютъ бранью, проклятіями и угрозами парламентъ за то, что онъ не соглашается на такое измѣненіе. Современная жизнь полна противорѣчіями, которыя медленно исчезаютъ лишь благодаря росту образованія и справедливости. Въ то время, какъ защитники милитаризма требуютъ новыхъ жертвъ для его усиленія, даже такая богатая страна, какъ Франція, не имѣетъ средствъ для покрытія многихъ изъ насущныхъ потребностей для сотенъ тысячъ и даже милліоновъ людей. Впрочемъ, это зависитъ въ значительной степени и отъ того, что система налоговъ во Франціи далеко не соотвѣтствуетъ здоровымъ требованіямъ финансовой политики. До сихъ поръ всѣ усилія сторонниковъ подоходнаго налога разбиваются объ упорное сопротивленіе большинства палаты депутатовъ. Въ недавнее время этимъ большинствомъ (въ данномъ случаѣ, впрочемъ, весьма незначительнымъ) былъ отвергнутъ законопроектъ Кавеньяка. Защищая свое предложеніе, Кавеньякъ говорилъ, между прочимъ, слѣдующее *). Какимъ образомъ,—спрашиваетъ ораторъ,—распредѣляются теперь налоги во Франціи? Ихъ тяжесть падаетъ ли болѣе на мелкіе доходы отъ труда или на уже накопленныя богатства? Оказывается, что всѣ необходимыя предметы потребленія обложены въ сильной степени, такъ что всего тяжелѣе приходится бѣднымъ и большимъ семьямъ. По вычисленіямъ извѣстныхъ статистиковъ и финансистовъ, средняя парижская семья, состоящая изъ трехъ лицъ и получающая въ годъ 1,800 франковъ, платитъ, въ формѣ преимущественно косвенныхъ нало-

*) Мы излагаемъ по парламентскому отчету въ *Journal des Débats*, 10 juillet.

говъ на необходимые предметы потребленія, 370 франковъ, т.-е. пятую часть своего дохода. То же отношеніе сохраняется и въ провинціи (гдѣ доходъ средней семьи вычисляется вдвое меньше). Прямые налоги, въ особенности поземельный, распределены также весьма несправедливо. Излишекъ долженъ платить болѣе, чѣмъ необходимо, и невѣрное, — говоритъ Кавеньякъ, — что этотъ излишекъ неуловимъ, что его нельзя опредѣлить; всякому понятно, что вовсе не одно и то же брать пятую часть изъ 1,800 франковъ, на которые съ трудомъ можетъ прожить семья, или пятую часть съ дохода въ полмилліона франковъ. Годфруа Кавеньякъ предлагалъ доходъ до четырехъ тысячъ франковъ не подвергать земельному налогу, а затѣмъ ввести нѣкоторую прогрессивность въ обложеніе *).

Кавеньякъ принадлежитъ къ умѣренной республиканской партіи, и тѣмъ серьезнѣе его заслуга передъ демократіей. Клемансо долженъ былъ признать, что проектъ Кавеньяка и его рѣчь въ палатѣ депутатовъ проникнуты идеей справедливости, безъ которой не можетъ существовать общественнаго порядка, достойнаго этого имени.

Кавеньяку возражалъ Жюль Рошъ, также умѣренный республиканецъ. При рукоплесканіяхъ большинства, онъ объявилъ удивительныя вещи: подоходный налогъ, по его мнѣнію, превращаетъ человѣка въ вещь, есть отрицаніе свободы и установленіе инквизиціи. Выходитъ такъ, что брать налогъ съ дома, съ земли, съ капитала и т. п. нисколько не нарушаетъ свободы лица и не превращаетъ его въ вещь передъ представителемъ государственнаго казначейства; если же сложить всѣ статьи дохода даннаго плательщика и взять общій налогъ съ этой суммы, то пропадаетъ свобода, воцаряется инквизиція...

Рукоплесканія большинства французскихъ депутатовъ (лѣваго центра, умѣренной лѣвой и монархистовъ), привѣтствовавшія рѣчь Жюля Роша, свидѣтельствуютъ о томъ, какіе глубокіе корни пустила во французскомъ народѣ буржуазная политика и буржуазная мораль. Правительство, однако, даже правительство Дюлюи, признало несправедливость нынѣшней системы податей и министръ финансовъ Пуанкаре далъ обѣщаніе немедленно приступить къ рассмотрѣнію возможныхъ измѣненій въ этой системѣ. Желая убѣдиться, что въ палатѣ, отвергнувшей законопроектъ Кавеньяка, существуетъ, тѣмъ не менѣе, большинство, желающее финансовыхъ реформъ, Пуанкаре потребовалъ принятія резолюціи Годэ, такъ изложенной: «Палата, стремясь къ организаціи налога на доходъ и выражая довѣріе къ искренности заявленій правительства, приглашаетъ послѣднее какъ можно скорѣе представить на ея рассмотрѣніе изучаемые имъ законопроекты». Это предложеніе было принято большинствомъ 369 голосовъ противъ 80. Что выйдетъ въ дѣйствительности изъ постановленія палаты, увидимъ въ скоромъ времени. При нынѣшнемъ неустойчивомъ большинствѣ едва ли выйдетъ кака-либо крупная реформа.

*) Во Франціи считается 200,000 собственниковъ, земельный доходъ которыхъ превышаетъ 15,000 фр. каждаго.

Въ то время, когда палата депутатовъ Французской республики отвергнула законопроектъ Кавеньяка, англійская нижняя палата приняла бюджетъ, внесенный Гаркуромъ и заключающій въ себѣ важныя реформы какъ разъ въ томъ духѣ, въ какомъ перестало двигаться французское законодательство.

Великобританскій канцлеръ казначейства ввелъ прогрессивное обложеніе наслѣдствъ: при такомъ переходѣ имуществъ, наслѣдства до 100 ф. стерлинговъ налога не платятъ; съ имущества отъ 100 до 500 фунтовъ берется одинъ процентъ; повышаясь, этотъ налогъ доходить до 8% съ имущества, превышающаго миллионъ фунтовъ стерлинговъ. Кромѣ того, Гаркуръ поднялъ норму дохода, на который не падаетъ подоходный налогъ, съ 150 фунтовъ стерлинговъ до 160 фунтовъ. Бюджетъ сводится безъ дефицита и безъ обремененія плательщиковъ. *Русскія Вѣдомости* справедливо замѣтили, что «бюджетъ Гаркура представляетъ примѣръ тѣхъ результатовъ, какіе могутъ быть достигнуты примѣненіемъ здравыхъ началъ финансовой науки».

Въ то время, когда кабинетъ Дюшона провелъ законъ противъ анархистовъ, заключающій въ себѣ стѣсненія печати, ограниченіе компетенціи суда присяжныхъ и косвенное поощреніе доносамъ, въ палату внесенъ законопроектъ, имѣющій цѣлью оградить неприкосновенность частной переписки. Недавно въ Парижѣ было дѣло по обвиненію дворника въ томъ, что онъ распечатывалъ письма, адресованныя жильцамъ. Въ законодательствѣ такіе случаи не были предвидѣны, и судъ, имѣя въ виду, что письма были, все-таки, доставлены адресату, призналъ только *неделикатность* поступка, освободивши дворника отъ наказанія. Печать привѣтствуетъ законопроектъ, принятіе котораго можетъ заполнить прискорбный пробѣлъ въ законодательствѣ. По этому проекту за нарушеніе тайны частной переписки полагается заключеніе въ тюрьму отъ одного до шести мѣсяцевъ и, кромѣ того, штрафъ отъ 100 до 500 франк. Мы отмѣчаемъ этотъ сравнительно мелкій фактъ, какъ показатель того, какъ много еще недостатковъ въ строѣ французской государственной жизни, во французскихъ нравахъ, воспитанныхъ цезаріанскимъ и бюрократическимъ законодательствомъ и управленіемъ. Фактовъ крупныхъ и отрадныхъ въ послѣднее время въ политической жизни Франціи, сравнительно говоря, очень мало, приходится поэтому говорить о мелкихъ, когда они знаменуютъ собою прогрессъ справедливости и общественнаго благоустройства. Къ числу подобныхъ фактовъ слѣдуетъ отнести учрежденіе въ Парижѣ общества, поставившаго своею цѣлью призрѣніе посредствомъ доставленія работы. Общество издаетъ маленькій ежемѣсячный журналъ, носящій то же названіе, какъ и само общество (*Assistance par le travail*). Оно назначило премію въ тысячу франковъ за сочиненіе, въ которомъ будетъ представленъ планъ работъ для возможно большаго числа людей, здоровыхъ, взрослыхъ и подростковъ, въ городахъ и въ деревняхъ. Общество желаетъ приступить къ опытамъ въ этомъ отношеніи, и нельзя

не привѣтствовать этой попытки дать заработокъ, а не милостыню людямъ, лишеннымъ труда безъ всякой вины съ своей стороны, въ силу независящихъ отъ нихъ условій рынка и конкуренціи, т.-е. тѣхъ причинъ, которыя, доводя человѣка до нищеты, страданій и преступленія, составляютъ будто бы *свободу* человѣка, по ученію буржуазныхъ политиковъ и экономистовъ.

При *новомъ курсѣ* оказался застой и въ законодательствѣ Германіи, какъ социальномъ, такъ и финансовомъ. Нѣмецкій народъ,—писала не такъ давно *Freisinnige Zeitung*,—утомленъ налогами. Никогда податная тяжесть не возростала въ Пруссіи и вообще въ Германіи такъ быстро, какъ въ послѣднія пятнадцать лѣтъ. Колоссальныя вооруженія не только задерживаютъ увеличеніе благосостоянія страны, но ведутъ прямо къ упадку ея производительныхъ силъ. Имперскіе косвенные налоги, которые въ 1879 году равнялись 260 милліонамъ марокъ, теперь перешли за семьсотъ милліоновъ. Подоходный налогъ повышенъ на 50% и приноситъ въ настоящее время казнѣ на сорокъ милліоновъ болѣе. Повышены и многія другія подати. А, между тѣмъ, императорское правительство, добившись отъ большинства рейхстага,—консерваторовъ, національ-либераловъ и центра,—разрѣшенія на увеличеніе арміи, требуетъ теперь денегъ на это увеличеніе. Проекты министра финансовъ Микеля отклонены парламентомъ. Графъ Каприви, закрывая сессію, рѣшительно объявилъ, что правительство будетъ настаивать на новыхъ налогахъ; но *Freisinnige Zeitung* и многія другія газеты основательно спрашиваютъ, гдѣ же взять еще денегъ, съ какой отрасли дохода, съ какой категоріи плательщиковъ?

Не предпринимая ничего серьезнаго для улучшенія экономическаго положенія народа, прусское правительство желаетъ, по сообщеніямъ газетъ, провести нѣсколько реакціонныхъ мѣръ, ограниченіе, напримѣръ, права собраній и т. п. Какъ на печальное знаменіе времени, слѣдуетъ указать на то, что эти слухи встрѣчаютъ одобреніе въ національ-либеральной печати, когда-то, во время Ласкера, энергично боровшейся за политическую свободу.

Дѣла идутъ лучше въ средней и южной Германіи, не сдавленной прусскою казармой и канцеляріей. Вторая палата баденскаго ландтага въ іюнѣ нынѣшняго года приняла предложеніе демократической свободомыслящей партіи о введеніи въ ландтагъ прямыхъ и пропорціональныхъ выборовъ. За это предложеніе здѣсь выступило большинство депутатовъ національ-либеральной партіи. Въ настоящее время въ Баденѣ существуетъ всеобщее избирательное право (для выборовъ депутатовъ ландтага), но не прямое: первоначально выбирается извѣстное число лицъ, которыя потомъ выбираютъ депутата. Конечно, первые выборы, въ большинствѣ случаевъ, предрѣшаютъ вторые. Пропорціональность, если она будетъ окончательно принята, исправитъ существенную несправедливость дѣйствующей въ Баденѣ избирательной системы и можетъ послужить для такого же улучшенія имперской всеобщей подачи голосовъ. При подачѣ голосовъ по

округамъ нерѣдко бываетъ, что какая-либо партія, кандидаты которой въ совокупности получили значительное число голосовъ, не получить ни одного депутата, то-есть не будетъ имѣть большинства ни въ одномъ избирательномъ округѣ. Въ прошлые выборы въ рейхстагъ за національ-либераловъ, напримѣръ, было подано въ Баденѣ 80 тысячъ голосовъ и партія не получила, однако, ни одного депутатскаго мѣста. По новому проекту, при подачѣ голосовъ должно быть обозначено не только имя кандидата, но и то, къ какой партіи причисляетъ себя подающій голосъ. Сообразно суммѣ голосовъ, должно опредѣляться и количество депутатскихъ полномочій, выпадающихъ на долю каждой партіи.

Если бы всеобщую подачу голосовъ и систему пропорціональности ввести въ Австро-Венгрію, то составъ ея представительства измѣнился бы почти до неузнаваемости. Но избирательная реформа въ Цислейтаніи сильно затормозилась, а венгерское правительство и поддерживающее его парламентское большинство и вовсе не намѣрены удовлетворить справедливымъ стремленіямъ славянъ и румынъ. Намъ еще разъ приходится указывать на близорукую политику польскихъ вождей, проникнутыхъ клерикально-шляхетскими тенденціями. Желая выгоды только для себя, даже не для всего польскаго населенія Галиціи, а для своей партіи, для упроченія ея властнаго положенія, поляки дружатъ съ мадьярами и не оказываютъ никакого содѣйствія чехамъ въ ихъ благородной борьбѣ за автономію. Въ сожалѣнію, чешское дѣло страдаетъ и отъ раздора въ рядахъ самихъ чеховъ. Господствующая теперь младо-чешская партія не въ силахъ сломить сопротивленія правительства, между прочимъ, и потому, что старо-чехи и богемская аристократія не поддерживаютъ ея усилій. На союзъ съ клерикалами и феодалами младо-чехамъ разсчитывать нечего, да союзъ этотъ былъ бы и вреденъ для чешскаго народа. Еще тогда, когда во главѣ національнаго движенія въ Богеміи стояли старо-чехи, мы неоднократно указывали на опасность ихъ сближенія съ представителями римско-католической церкви въ Богеміи и съ онѣмчившеюся чешскою аристократіей. Но возможно и желательно сближеніе между младо- и старо-чехами, потому что ихъ существенныя цѣли,—по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ ближайшему будущему,—почти одинаковы. Предложенія и попытки въ этомъ направленіи уже дѣлаются въ Богеміи. Въ такомъ смыслѣ произнесъ недавно рѣчь депутатъ Крамаржъ (принадлежащій въ небольшой группѣ *реалистовъ*, которыхъ не безъ основанія можно назвать чешскими оппортунистами). Старо-чешская *Politik*, указывая на разныя въ рядахъ самой младо-чешской партіи, настаиваетъ на опасности нынѣшняго положенія вещей для чешскаго народа и видитъ спасеніе только въ патріотическомъ единеніи чешскихъ партій.

Палата лордовъ въ засѣданіи 1 августа отвергла принятый палатою общинъ билль объ изгнанныхъ ирландскихъ фермерахъ. Билль этотъ имѣлъ въ виду до нѣкоторой степени обезпечить права фермеровъ, которые часто прогоняются крупными собственниками безъ всякаго справедливаго осно-

ванія. Законопроектъ далеко не удовлетворялъ требованіямъ ирландскихъ депутатовъ, но большинство изъ нихъ все же подали голоса за правительственное предложеніе, желая теперь же достигнуть малаго, а не ждать, когда можно будетъ получить все.

Лорды, по предложенію Бальфура, отвергли билль громаднымъ большинствомъ. Ораторъ находилъ, что принятіе билля, какъ обязательной мѣры, вселило бы въ ирландцевъ убѣжденіе, что спеціальныя льготы и награды принадлежатъ тѣмъ, кто нѣкогда возмущался противъ требованій закона и кто довольно прозрачно грозился и впредь дѣйствовать подобнымъ же образомъ. Насильственно принуждая лэндлордовъ водворять обратно фермеровъ, не желавшихъ выполнить свои законныя обязательства, билль, такимъ образомъ, обращаетъ всю силу правительственной власти противъ тѣхъ, кто дѣйствовалъ законно. Кромѣ того, если билль пройдетъ, положеніе новыхъ съемщиковъ сдѣлается невыносимымъ, а, слѣдовательно, принять билль—это значило бы оставить на произволь судьбы людей, которые вѣрили себя британскимъ законамъ.

Многіе другіе лорды энергично поддержали эти соображенія. Билль характеризовался ими, какъ мѣра революціонная, нарушающая *основныя законы нравственности*... Къ противникамъ билля присоединился и вождь либераловъ-унионистовъ, герцогъ девонширскій. Лордъ Салисбюри, начавши съ замѣчанія, что лично онъ и его партія всегда относились съ сочувствіемъ къ попыткамъ облегчить положеніе изгнанныхъ фермеровъ, тѣмъ не менѣе, отвергаетъ билль, какъ нарушающій права землевладѣльцевъ. Обязанность лордовъ,—прибавилъ Салисбюри,—вотировать противъ билля, принятаго общинами, не заботясь о томъ, сократитъ ли этотъ вотумъ или продолжитъ существованіе верхней палаты. Эта обязанность, по мнѣнію оратора, дѣлается еще болѣе очевидной, если припомнить обстоятельства, давшія происхожденіе биллю. Правительству нужны были ирландскіе голоса, чтобы провести бюджетъ, и эти голоса были даны взаменъ билля, составляющаго прямое нарушеніе законности.

Лордъ Розберри отвергнувъ, какъ клевету, заявленіе Салисбюри, будто цѣною билля объ изгнанныхъ фермерахъ правительство купило ирландскіе голоса для принятія бюджета. Министръ-президентъ напомнилъ вождю оппозиціи, что предложеніе либеральнаго кабинета ведетъ свое начало отъ того законодательнаго акта, который былъ проведенъ самимъ лордомъ Салисбюри. Правительство прежде внесенія билля произвело обширное и тщательное изслѣдованіе вопроса. Положеніе многочисленныхъ фермеровъ и ихъ семействъ, несправедливо изгнанныхъ, поистинѣ ужасно. Что же предлагаетъ оппозиція для разрѣшенія этой неотложной задачи? Лордъ Розберри предостерегалъ въ концѣ рѣчи верхнюю палату отъ злоупотребленія сомнительнымъ правомъ *veto* по отношенію къ законопроектамъ, принятымъ нижнею палатой.

Естественно, что образъ дѣйствія палаты лордовъ вызвалъ сильное раздраженіе въ Ирландіи и поведетъ къ усилению той агитаціи противъ

этого обветшалаго учрежденія, которая ведется въ самой Англїи. Британскую аристократію, очевидно, покинуть политическій таеътъ, которымъ она многіе вѣка славилась.

Столкновенія верхней палаты съ нижнею, конечно, не новость, — происходятъ они и въ другихъ странахъ, имѣющихъ представительное устройство съ двумя палатами; но теперешнее столкновеніе лордовъ съ палатою общинъ приняло упорный характеръ и является борьбою противъ существенныхъ требованій великобританской демократіи. Отметимъ кстати, что палата представителей Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ весьма значительнымъ большинствомъ (134 голоса противъ 48) приняла резолюцію, предлагающую избраніе сената прямою и всеобщею подачею голосовъ. Причиною, вызвавшею такую резолюцію, является частый отказъ сената принимать билли, принятые палатою народныхъ представителей (въ послѣднее время сенатъ упорно сопротивлялся таможеннымъ реформамъ, отстаивая покровительственные тарифы). По послѣднимъ извѣстіямъ, угроза, которая заключалась въ постановленіи палаты, подѣйствовала, и сенатъ, въ августовскихъ засѣданіяхъ, принялъ нѣсколько биллей, освобождающихъ важныя статьи привоза отъ таможенныхъ пошлинъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Августъ

1894 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика.—Философія, психологія, эстетика и педагогика.—Исторія, исторія литературы и біографіи.—Путешествія.—Политическая экономія и статистика.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Учебники.—Книги для народнаго чтенія.—Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», июль.—«Русское Богатство», июль.—«Міръ Божій», июль. III. Списокъ книгъ поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюля по 1 августа 1894 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Полное собраніе сочиненій“ И. П. Мятлева. — „Суета мірская“. И. А. Салова. — „Сквозь дымку смѣха“. Изв. Щелова.

Полное собраніе сочиненій И. П. Мятлева. Изданіе иллюстрированное, съ портретомъ автора и статьей А. Амфитеатрова: „Мятлевъ и его поэзія“. 3 тома. М., 1894 г. Цѣна за три тома 1 р. 20 к. — Полное собраніе сочиненій И. П. Мятлева. Изданіе книгопродавца издателя Ф. А. Югансона. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. Иванъ Петровичъ Мятлевъ родился въ 1796 году, умеръ 13 февраля 1844 г. Вслѣдствіе исполнившагося пятидесятилѣтія со дня его смерти, прекратилось право собственности наслѣдниковъ на его произведенія, и мы сразу получили два изданія его сочиненій. Литературная дѣятельность Мятлева относится ко времени безпечальнаго помѣщичьяго житья, благодушнаго дворянскаго остроумія и остроумничанья, барскаго стихотворства ради собственной забавы, отъ нечего дѣлать, на утѣху приятелей и знакомыхъ. Всякій грамотный, а иногда и полуграмотный, помѣщикъ „баловался“ стихами, въ стихотворной формѣ поздравлялъ сосѣда, извѣщалъ его о какомъ-либо радостномъ событіи или, просто, звалъ поиграть въ карты. Нерѣдко поводомъ къ шуточнымъ стихамъ, съ отгѣнкомъ болѣе или менѣе ѣдкой сатиры, служили событія общественной жизни. То было самое стихотворное время на Руси, отъ котораго сохранилось немного, настолько разрозненное, что изъ остатковъ этой старины едва ли возможно составить какой-либо сборникъ. А таковой, будучи сдѣланъ тщательно и толково, могъ бы представить не малый интересъ. И. П. Мятлевъ принадлежалъ къ числу „благополучнѣйшихъ“ россиянь того времени: богатый помѣщикъ, свѣтскій человекъ, образованный, даровитый, блестяще остроумный, добрѣйшей души, чтецъ неподражаемый, Мятлевъ былъ любимцемъ Москвы и Петербурга, баловнемъ тогдашняго общества, которое онъ потѣшалъ своими стихотворными шутками. Капитальнѣйшая изъ нихъ, *Сенсация и замѣчанія юности Курдюковой за границей, данъ л'Этранже*, произвела на

стоящую „сенсацию“, возбудила необыкновенный восторгъ въ тѣхъ кругахъ общества, гдѣ огромное большинство говорило тѣмъ самымъ языкомъ, какимъ написана эта длинная и теперь неудобочитаемая, скучная книга. Барская Москва и еще не совсѣмъ исчиновничившійся Петербургъ того времени просто бредили „Мадамъ де-Курдюковой“. Ею восхищалась и критика, раздѣлявшая мнѣнія общества, подлаживавшаяся подъ вкусы и тонъ того круга, къ которому принадлежалъ Мятлевъ. Только Бѣлинскій оставался при своемъ „особомъ“ мнѣніи и прямо называлъ *Сенсацию* мадамъ Курдюковой „сучною и довольно плоскою“ книгой, да и всѣ-то произведенія Мятлева находилъ неимѣющими „никакого значенія“. Суровый приговоръ великаго критика вызвалъ короткую отповѣдь барина-сочинителя въ видѣ эпиграфа ко второй части *Сенсаций*: „Не ву пле па? Не лизе па!“ Барская публика пришла въ восторгъ отъ такого отвѣта, наперерывъ повторяла его, варьировала кстати и не кстати. Критики, прославлявшіе Мятлева, заговорили печатно языкомъ Курдюковой: „Если были де-сочинитель, де-жанъ деръень, которымъ пришлось вы не по вкусу, такъ развѣ вамъ прилично обращать вниманіе на эту мелочь?“... Составитель предисловія къ московскому изданію *Сочиненій* Мятлева находилъ Бѣлинскаго „не совсѣмъ правымъ въ его суровости къ поэту“... Мы же думаемъ, что совсѣмъ неправъ г. Амфитеатровъ, называя Мятлева „поэтомъ“. Когда Мятлевъ пускался въ „поэзію“ по настоящему, серьезно, изъ этого ровно ничего не выходило, кромѣ прѣпложихъ стиховъ, признанныхъ таковыми и обществомъ, и всею критикой. Никогда Мятлевъ не былъ поэтомъ, и едва ли имѣлъ въ головѣ сатирическія цѣли, когда писалъ *Сенсацию*, *Коммеражу*, *Гроссъ-фатеръ*, *Кадриль*,— словомъ, прославившія его произведенія. Онъ былъ остроумнымъ стихотворцемъ, шутникомъ-баринкомъ своего времени и только для своего времени. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ о произведеніяхъ Мятлева иногда вспоминали, къ семидесятымъ годамъ про нихъ помнили уже только старики, современники автора. Для большой читающей публики его сочиненія существовать перестали и перестали-то, мы полагаемъ, навсегда, какъ безвозвратно вышелъ изъ употребленія языкъ мадамъ Курдюковой. Наша молодежь его уже не слыхивала, и если знаетъ о немъ, то лишь по преданію. *Сенсация* составляютъ два тома (въ изданіи г. Иогансона онѣ занимаютъ 29 печатныхъ листовъ) сплошной смѣси „французскаго съ нижегородскимъ“. Въ малыхъ дозахъ, странички на двѣ, на три, это можетъ показаться забавнымъ, прочесть же эту болтовню цѣликомъ ни у кого не хватитъ терпѣнія,—такъ это однообразно и томительно скучно.

Суета мірская. Очерки и рассказы И. А. Салова. Изданіе О. А. Куманина. Москва, 1894 г. Цѣна 1 рубль. Въ книжкѣ помѣщены: 1) *Николай Суетной*, исторія одного крестьянина, 2) *Лѣсъ*, рассказъ, 3) *Вдѣтъ*, рассказъ. Эти три рассказа—не крупныя, но очень живыя картинки деревенской жизни, какія всегда мастерски пишетъ г. Саловъ, превосходно знающій деревню и ея обывателей, глубоко сочувствующій ихъ радостямъ и печалямъ, умѣющій и въ читатель вызвать добрыя чувства къ деревенскимъ людямъ, которыхъ онъ ничуть не идеализируетъ и даже не прикрашиваетъ. Г. Саловъ охотникъ, охотникъ съ ружьемъ, съ удочкой, съ приволокой; онъ любитъ всякую охоту, но еще болѣе любитъ природу и, повидимому, увлекается охотой не столько ради добычи, сколько ради лѣса, рѣки, озера, ихъ прелести ночью и на зарѣ, при восходѣ

солнца и въ знойный лѣтній день. Онъ такъ описываетъ красоты русскихъ пейзажей, что вызываетъ въ читателѣ настоящее желаніе уйти изъ города и подышать чистымъ, освѣжающимъ голову воздухомъ лѣса, вдали отъ людей, отъ „суеты мірской“, посидѣть у избушки „дѣдушки Дроньча“, укрывшагося въ лѣсной глуши... „Здѣсь благодать какая... рай земной! Воздухъ легкій, цвѣточки распустились, пташки поютъ... Бросай-ка городъ, да уходи въ лѣсъ! Только въ лѣсу никто не обидитъ,— всегда здѣсь хорошо! И лѣтомъ, и зимой!... Большую душу хорошо въ лѣсу лечить!“—такъ говоритъ восьмидесятилѣтній Дроньчъ, испытавшій на себѣ цѣлебное дѣйствіе лѣсной пустыни. И г. Саловъ описываетъ эту „пустыньку“ такъ, что вы ее какъ будто своими глазами видите. Виды такъ же точно, какъ и людей, авторъ изображаетъ поразительно вѣрно. Но ни ландшафты, ни тѣхъ, съ кѣмъ онъ насъ знакомитъ, г. Саловъ не фотографируетъ. Изображенія его живуть, списанныя съ натуры, они правдивы художественно. Фабулы „исторіи одного крестьянина“ и рассказы *Вдѣтъ*, сами по себѣ, незначительны, „рассказъ“ немного юмористиченъ. „Вдѣтъ“ архіерей осматривать свою епархію. Сельскій священникъ сбился съ ногъ, измучился приготовленіями достойно встрѣтить „владыку“, „принять“ его, угостить... Намъ припоминаются сѣтованія нѣкоего „охранителя“ въ одномъ журналѣ по тому поводу, что въ нашей литературѣ лица „духовнаго сана“ изображаются такими, каковы они въ дѣйствительности и въ своей повседневной трудовой и тяжелой жизни. „Охранитель“, по обыкновенію писальщиковъ этой категоріи, усматривать въ правдивыхъ изображеніяхъ священниковъ и дьяконовъ „тенденціи“, „подрывать основъ“. Отъ изображеній г. Салова подобнаго сорта охранители могутъ придти въ ярость. Но едва ли у кого хватить духа заподозрить г. Салова въ тенденціозности, и, на самомъ-то дѣлѣ, его отецъ Герасимъ, прозванный мѣстными шутниками „попадьянъ подмастерье“, не только фигура вполне реальная, цѣликомъ выхваченная изъ жизни, но и много болѣе симпатичная, чѣмъ „молодой попъ (въ повѣсти *Николай Суетной*) съ воротничками, запонкой и цѣпочкой“, „въ рясѣ изъ манчестера, въ голубомъ полукафтани“, въ лаковыхъ штиблетахъ“, — словомъ, „батюшка изъ новыхъ“. Простъ и благодушенъ отецъ Герасимъ, не стяжатель онъ и не притѣснитель, не идеальный „пастырь“, но за то и не выдуманный въ угоду охранителямъ, а добрѣйшей души человекъ небольшого ума, безхитроство дѣлающій свое многотрудное дѣло. Въ „исторіи одного крестьянина“ авторъ даетъ намъ два противоположныхъ типа: Николая Суетного, вѣчно суетящагося, неустанно хлопочащаго о томъ, какъ бы отбиться отъ нужды, и Абрама Петровича, солиднаго и крѣпкаго „молокана“, бывшаго самымъ „последнимъ“, негоднымъ мужичонкой въ крѣпостной зависимости и ставшаго сильнымъ человекомъ, какъ только „объявилась“ воля. При помощи этого Абрама, пытавшагося совратить Николая Суетного въ молоканство, и благодаря удачной женитьбѣ сына, Николай совсѣмъ справился, въ молоканство не пошелъ, зажилъ какъ нельзя лучше. Но вотъ неожиданно налетѣла бѣда — война изъ-за „какого-то болгара“, о существованіи котораго русскій народъ до того времени и не слыживалъ. У Суетного забрали въ военную службу единственнаго сына, Нифатку, отличнѣйшаго работника, оказавшагося никуда негоднымъ солдатомъ. Нифатку муштровали, били, драли и ничего не могли подѣлать. Нифатка не выдержалъ, бѣжалъ, былъ пойманъ и отъ суда и его послѣдствій избавился лишь потому, что былъ признанъ „психиче-

ски большимъ“. Соседшаго съ ума сильнаго работника отправили въ больницу, долго лечили, нашли неизлечимымъ, вернули домой и взыскали съ Суетнаго за леченіе сына 533 рубля. За время отсутствія Нифата хозяйство уже пришло въ значительный упадокъ. Миръ, къ которому Суетной обратился съ просьбой помочь ему въ уплатѣ взысканія, отказался выручить бѣднягу. Онъ кинулся искать денегъ „на сторонѣ“, пропадалъ гдѣ-то цѣлую недѣлю, добылъ требуемую сумму, а, вернувшись, „плакалъ и молился долго, часа два... Затѣмъ снялъ иконы, приложился къ нимъ, обошелъ съ ними избу, дворъ весь, окрестилъ ими всю свою скотину, завязалъ бережно въ узелокъ и отнесъ къ батюшкѣ“... Такъ крестьяне заявляютъ обыкновенно о своемъ переходѣ въ молоканство. Въ тотъ же вечеръ онъ уѣхалъ за сыномъ. Привезенный домой Нифатъ не узналъ ни мать, ни жену, но, войдя въ избу, остановился и испуганно спросилъ: „Батюшка! гдѣ же иконы святыя?... Кому же молиться?“ Суетной записъ, да записъ такъ, какъ не пилъ еще самый послѣдній пьяница ихъ села, пропилъ всѣ оставшіяся въ домѣ деньги и „дошелъ до грѣха“... повѣсилъ. Иного рода деревенская драма разыгралась въ „пустынкѣ“ дѣдушки Дроньча (рассказъ *Льса*). Дроньчъ былъ мужикъ сильный, трудовой, домъ свой держалъ „крѣпко“ и нераздѣльно, хотя имѣлъ уже сыновей женатыхъ и взрослыхъ внуковъ. Всѣ жили въ довольствѣ, богато. Но мало-по-малу власть главы семьи начала тяготить ея членовъ, пошли рѣчи о раздѣлѣ, пошли раздоры и неурядицы, кончившіяся „грѣхомъ“: старшій сынъ Дроньча накинулся на отца съ желѣзными вилами, разсѣкъ ему голову и убилъ бы старика, если бы не спасла его внучка Груня. Дроньчъ ушелъ изъ дому, предоставивши непокорнымъ дѣтямъ дѣлать его имѣніе, года два проходилъ Христовымъ именемъ по богомольямъ, потомъ сладилъ себѣ избушку въ лѣсу и зажилъ одиночкой, прокармливаясь рыбною ловлей, грибами, крошечнымъ огородомъ. Изъ семейныхъ онъ допускалъ къ себѣ только внучку Груню, милую, веселую, смѣлую красавицу. Великою радостью для старика было просвѣтять Груню за деревенскаго молодца Григорья. Они давно любили другъ друга и пришли къ дѣду просить благословенія. Но „грѣхъ“ и въ лѣсѣ пробирается, и въ лѣсу губить людей. Наѣхалъ по сосѣдству богатый баринъ, молодой гусаръ, прельстился Груней, сталъ за нею ухаживать, сманивать ѣхать съ нимъ въ Петербургъ. Молодая голова Груни кружилась отъ соблазновъ красавчика барина, но дѣвушка не сдалась на его ухаживанья: она, все-таки, любила своего жениха по настоящему. Григорій не разобралъ этого, не понялъ и зарѣзалъ Груню... Таковъ голый остовъ лучшаго рассказа въ лежащей передъ нами книжкѣ. Теперь нѣсколько словъ о ея внѣшности, о самомъ изданіи. Оно довольно чистое, печать четкая, бумага хорошая. Но странное впечатлѣніе производятъ включенныя въ книжку объявленія объ изданіяхъ г. Куманина. Разъ всѣ изданія перечислены на обложкѣ, вторично напечатаны въ началѣ книги, въ третій разъ—въ концѣ, а нѣкоторыя и еще въ четвертый разъ. Не много ли это для одного читателя?

Сквозь дымку смѣха. Десять рассказовъ Ивана Щеглова. Изданіе книжнаго магазина журнала „Артистъ“. Москва, 1894 г. Цѣна 1 руб. Судя по заглавію этого сборника, надо полагать, что авторъ хотѣлъ „сквозь дымку смѣха“ показать читателю нѣчто серьезное. На дѣлѣ вышло, что въ книжкѣ нѣтъ ровно ничего, способнаго вызвать не только смѣхъ, а хотя бы мимолетную улыбку. Попытки

автора быть игривымъ, веселымъ и язвить своимъ юморомъ напоминаютъ остроуміе военныхъ писарей и уѣздныхъ канцелярскихъ чиновниковъ. Это уже совсѣмъ не „дымка“, а нѣчто неуклюжее, комья чего-то очень непривлекательнаго, не забавнаго, нерѣдко—прямо непристойнаго. Голословно утверждать что-либо не въ нашихъ правилахъ, и мы просимъ читателя извинить насъ въ томъ, что мы вынуждены въ доказательство сказаннаго привести въ подлинныхъ выраженіяхъ нѣкоторые образцы остроумія г. Щеглова. Въ разсказѣ *Геромуза* авторъ старается язвить писателей, „пользующихся успѣхомъ“ и загребаящихъ крупные гонорары. *Геромуза* есть подлинная (въ разсказѣ) фамилія одного изъ такихъ писателей. Редакторъ одного толстаго журнала спасъ этого господина, когда тотъ, до начала своей литературной карьеры, хотѣлъ топить съ голода и отчаянія. Редакторъ накормилъ, напоилъ изголодавашагося будущаго литератора, одобрилъ разсказъ, оказавшійся въ карманѣ писателя, но не одобрилъ его фамиліи, предложилъ измѣнить ее, подписываться: Еромузинъ или Еромузовъ. „Мнѣ рѣшительно все равно!“—прогѣдилъ сквозь зубы Геромуза. Онъ говорилъ правду: онъ былъ такъ голоденъ, что ему совершенно все равно было какъ называться—Еромузинъ или Музоеринъ...“ За напечатаніемъ перваго произведенія послѣдовалъ романъ, озаглавленный: *Фина въ карманѣ*, который окончательно завоевалъ ему завидное положеніе *нашего высокодаровитаго Леонида Еромузова* (курсивъ въ подлинникѣ). Потомъ счастливый литераторъ началъ писать безъ устали „произведенія ремесленныя и безучастныя, выкинутыя на свѣтъ въ лихорадкѣ разгулявшихся възкихъ инстинктовъ...“ „Но неужели же самъ Еромузовъ не чувствовалъ въ глубинѣ души своей всей безнравственности своего „завиднаго положенія?“—задается вопросомъ г. Щегловъ и затѣмъ разсказываетъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ его герой восчувствовалъ было нѣкоторые укоры совѣсти, чуть не рѣшился утопиться, но расчелъ, что лучше получить большой гонораръ за начатый романъ, и раздумалъ:—„И вмѣсто того,—продолжаетъ г. Щегловъ,—чтобы сбросить вмѣстѣ съ своею облыжною особой тяготившее бремя, Еромузовъ облегчилъ себя совсѣмъ инымъ способомъ, потомъ влѣзъ, не торопясь, въ дрожки, поднялъ воротникъ бекеши и приказалъ извозчику ѣхать какъ можно скорѣе.“—Нечего сказать,—хороша „дымка смѣха!...“ Въ разсказѣ *Барыня и Шекспиръ* такимъ же тономъ г. Щегловъ обличаетъ „барыню“, играющую первыя роли въ „любительскомъ кружкѣ“ и „заигрывающую“ съ начинающими, юными любителями драматическаго искусства. Но верхъ нелѣпости представляетъ собою „маленькая пародія на большія современныя драмы“, озаглавленная: *Рокотыя калоши*. Главныя дѣйствующія лица: „Мужъ“, „жена“, „идеаль“. Мужъ уѣзжаетъ въ Москву на недѣлю и, прощаясь, требуетъ отъ жены клятвы въ томъ, что она „все это время будетъ ему вѣрна“. Мужъ только что вышелъ, какъ жена посылаетъ горничную за „идеаломъ“,—вводныя сцены мы пропускаемъ. Является „идеаль“ въ калошахъ, не успѣлъ снять ихъ въ прихожей и снимаетъ въ гостиной. Жена цѣлуется съ идеаломъ, они играютъ въ четыре руки *Крейцерову Сонату*. Возвращается мужъ. Идеаль „стремительно бросается подъ кушетку и, пользуясь моментомъ, за спиною мужа, на четверенькахъ уползаетъ въ дверь“. Мужъ укоряетъ жену, уличаетъ ее оставленными калошами. „Жена падаетъ, показываетъ мужу *кукиши*... и умираетъ“. „Мужъ мѣшается въ умъ и адски хочется; затѣмъ схватываетъ съ пола *роковыя калоши* и начинаетъ ихъ

съ ожесточеніемъ грызть. Зававѣсь медленно падаетъ". Мы полагаемъ, приведеннаго нами достаточно для того, чтобы читатель оцѣнилъ по достоинству рассказы г. Щеглова, и рѣшительно недоумѣваемъ, для какой публлки издаются подобныя книжки.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ, ЭСТЕТИКА И ПЕДАГОГИКА.

„Вопросы Философіи и Психологіи“. — „Введеніе въ философію“. Паумстена. — „Эстетика, какъ наука о прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ“. А. Смирнова. — „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“. К. Д. Ушинскаго.

Вопросы Философіи и Психологіи, январь, мартъ и май 1894 г. Съ нынѣшняго года журналъ этотъ издается, подъ редакціею профессоровъ Н. Я. Грота и Л. М. Лопатина, московскимъ психологическимъ обществомъ. Бывшій издатель А. А. Абрикосовъ безвозмездно передалъ изданіе обществу. Это повело къ нѣкоторому измѣненію въ порядкѣ веденія дѣла: на помощь двумъ отвѣтственнымъ редакторамъ психологическое общество избрало комитетъ, въ составъ котораго вошли В. П. Преображенскій, С. С. Корсаковъ и В. А. Гольцевъ, какъ спеціалисты по наукамъ философскимъ, биологическимъ и общественнымъ.

Въ первыхъ трехъ книгахъ журнала за нынѣшній годъ помѣщено много очень интересныхъ статей по разнообразнымъ философскимъ вопросамъ и по-прежнему разнообразнаго характера и направленія. Мы принадлежимъ къ противникамъ профессора Козлова, но не можемъ не отмѣтить его интересныхъ статей о французскихъ полупозитивистахъ, по его довольно правильному опредѣленію: Фуллъе, Гюйо, Тарда. Н. Я. Гротъ напечаталъ двѣ статьи: *О значеніи идеи параллелизма въ психологіи* и *О времени*. Авторъ подходит (по крайней мѣрѣ, намѣренъ подойти) къ рѣшенію вопроса о томъ, какою, по его словамъ, научною идеей замѣнить ходячую метафору о параллелизмѣ душевныхъ и физиологическихъ „событій“. Работа Н. Я. Грота далеко еще не окончена и мы отмѣтимъ только фактъ, характеризующій вообще труды философовъ - метафизиковъ: разногласіе проф. Грота съ проф. Козловымъ (послѣдній утверждаетъ, что животныя и маленькія дѣти не знаютъ ни пространства, ни времени).

Поучительны статьи гг. Корсакова (*Къ психологіи микроцефаловъ*), Токарскаго (*Къ вопросу объ ассоціаціяхъ идей*), Умова (*Вопросы познанія въ области физическихъ наукъ*, — рѣчь на съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей, въ Москвѣ), Буцке (*Анализъ условій пространства и времени при ассоціаціяхъ идей*). Поучительна, въ противоположномъ смыслѣ, какъ образецъ того, какъ не слѣдуетъ писать серьезныя статьи, продукція г. Пяковского (рѣчь на VIII съѣздѣ естествоиспытателей и врачей): *Философскіе принципы въ современной физиологіи*. Въ сей рѣчи авторъ высказалъ много пустяковъ, преимущественно, какъ оказалось изъ письма въ редакцію харьковского профессора г. Остроумова, чужого изобрѣтенія. Львиную долю въ сихъ пустякахъ г. Остроумовъ приписываетъ себѣ, называя ихъ, однако, результатомъ своего труда. Мимоходомъ проф. Остроумовъ замѣчаетъ, что статья базельскаго профессора Бунге, сходная по идеямъ съ книгою харьковского мыслителя, появилась позже этой книги. Г. Остроумовъ любезно сообщаетъ, что онъ писалъ ее въ 1887 году, а редакція *Вопросовъ Философіи и Психологіи* замѣчаетъ: „Статья Бунге *Витализмъ и механизмъ* появилась

и упоминается проф. Н. Гротомъ въ его книжкѣ *О духѣ* (Одесса, 1886 г.).

Д-ръ Пясковскій призналъ, что онъ *пользовался мыслями профессора Остроумова, но не всецѣло*. За то, что онъ не упомянулъ о сочиненіи г. Остроумова, авторъ статьи *Философскіе принципы въ современной физиологій* проситъ великодушнаго снисхожденія къ этой *неумышленной ошибкѣ (?)*. Комическій эпизодъ сей кончается: 1) выговоромъ редакціи журнала *Вопросы Философіи и Психологіи* г. Пясковскому за то, что онъ не указываетъ, чьими мыслями пользуется; 2) замѣчаніемъ обѣимъ воюющимъ сторонамъ, что спорить имъ, собственно, не стѣдуетъ, ибо если г. Пясковскій пользовался мыслями г. Остроумова, то сіи послѣднія мысли извѣстны отчасти до рожденія г. Остроумова, отчасти до написанія имъ ученаго разсужденія.

Весьма обстоятельно и разнообразно составлены въ трехъ названныхъ книжкахъ журнала критика и библіографія, русская и иностранная. Много интереснаго читатель найдетъ въ протоколахъ психологическаго общества. Обращаемъ вниманіе на тщательно составляемый г. Колубовскимъ *Философскій Ежегодникъ*, куда входитъ множество указаній и отзывовъ о книгахъ, статьяхъ и замѣткахъ (преимущественно на русскоязычѣ), имѣющихъ отношеніе къ философскимъ знаніямъ. Составленіе этого *Ежегодника* требуетъ огромнаго и непрерывнаго труда и польза его, конечно, будетъ весьма велика. Г. Колубовскій указываетъ и характеризуетъ даже мелкія газетныя замѣтки не только въ столичныхъ, но и во многихъ провинціальныхъ изданіяхъ.

По обыкновенію, много интереснаго помѣщено въ отдѣлѣ *Извѣстія и замѣтки*. Для многочисленныхъ поклонниковъ размышленій и поученій графа Л. Н. Толстого укажемъ, что въ январской книжкѣ *Вопросы Философіи и Психологіи* имъ напечатана небольшая статья (изъ неизданнаго сочиненія) *Къ вопросу о свободѣ воли*.

Введеніе въ философію. Паульсена. Переводъ со второго нѣмецкаго языка. Изд. московскаго психологическаго общества. М., 1894 г. Цѣна 3 руб. Превосходный трудъ Паульсена, давно уже пользующійся почетною извѣстностью въ Германіи, переведенъ, наконецъ, на русскій языкъ (г. Титовскимъ подъ редакціею В. П. Преображенскаго). Мы всегда привѣтствуемъ выдающіяся философскія сочиненія (столь рѣдкія даже за границей), хотя бы и расходились съ авторомъ этихъ сочиненій или въ основныхъ взглядахъ, или въ подробностяхъ. Книга Паульсена написана съ глубокимъ знаніемъ философскихъ системъ, интересна и доступна каждому образованному человѣку. Нѣмецкій философъ выступаетъ сторонникомъ идеалистическаго монизма, которому онъ противопоставляетъ съ одной стороны супранатуралистическій дуализмъ, съ другой—атомистическій материализмъ.

Въ основу идеалистическаго монизма положена всеобщая естественная закономерность явленій,—великое приобрѣтеніе естественныхъ наукъ и философской мысли нашего вѣка. Паульсенъ и другіе сторонники идеалистическаго монизма полагаютъ, что дѣйствительность есть дѣчто большее, чѣмъ движущійся по законамъ механики тѣлесный міръ.

Паульсенъ признаетъ теорію Дарвина великимъ переворотомъ въ біологическихъ воззрѣніяхъ. „Соединеніе геніальнаго дара комбинирования, критической обдуманности и поразительной настойчивости сдѣлало его (Дарвина) способнымъ образовать изъ разсѣянныхъ мыслей и фактовъ теорію или скорѣе принципъ изслѣдованія, плодотворность

котораго, даже въ чужихъ рукахъ, служить наилучшимъ доказательствомъ его значенія“.

Явленія въ области духовно-исторической жизни развиваются подобно тому, какъ развиваются явленія міра физическаго. „Намѣренное дѣланіе, приготовленіе по планамъ играетъ и въ духовно-исторической жизни вовсе не очень большую роль. Тотъ же законъ образованія оказывается господствующимъ какъ въ тѣлесномъ мірѣ, такъ и въ духовномъ; не съ помощью предмыслиаго разсудка, а путемъ самопроизвольнаго развитія изъ зародышевыхъ зачатковъ происходятъ органическія образованія—какъ въ природѣ, такъ и въ исторіи“. Паульсенъ однако придаетъ большое значеніе идеи *цѣли*, какъ она устанавливается подъ влияніемъ новой космологіи и біологіи. „Цѣль,—говоритъ онъ,—владѣетъ жизнью, слѣдовательно и наука жизни какъ индивидуума, такъ и совокупности должна будетъ пользоваться этою категоріей“. „Цѣль, на которую направляется воля, состоитъ не въ максимумѣ чувствъ удовольствія, а въ нормальномъ проявленіи жизненныхъ дѣятельностей, къ которымъ предрасположенъ видъ. У человѣка направленіе коренной дѣятельности опредѣляется въ общемъ содержаніемъ историческаго жизненнаго единства, членомъ котораго вырастаетъ индивидуумъ. Здѣсь происходитъ также то, что съ повышающимся развитіемъ жизни представленій въ сознаніе вступаетъ объективное содержаніе жизни, на которое направляется воля; жизненный типъ становится представляемымъ жизненнымъ идеаломъ. Какая-нибудь объективная форма быта или жизненной дѣятельности,—жизнь воина, изслѣдователя, святаго, супруги и матери, сестры милосердія,—становится въ индивидуальной обработкѣ цѣлью, привлекающею волю. За достиженіемъ этой цѣли слѣдуетъ чувство удовлетворенія; недовольство и внутренній разладъ слѣдуетъ за неудачей“. Содержаніе этики состоитъ въ томъ, чтобы представить въ общихъ чертахъ ту форму человѣческой жизни, тотъ идеалъ, къ которому предрасположена его природа. Высшія этическія требованія могутъ опережать (и многократно въ дѣйствительности опережали) обычную нравственность. Борьба индивидуума (группы, меньшинства) съ обществомъ принимаетъ нерѣдко при этомъ глубокой трагической характеръ.

Сказаннаго достаточно, мы думаемъ, чтобы заинтересовать читателя *Введеніемъ въ философію* Паульсена.

Эстетика, какъ наука о прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ. Университетскія чтенія проф. А. Смирнова. Казань, 1894 г. Цѣна 1 р. 25 к. Первый отдѣлъ чтеній г. Смирнова посвященъ физиологическимъ и психологическимъ основаніямъ и законамъ красоты и ихъ приложенію къ эстетической теоріи музыки. Авторъ—сторонникъ эволюціоннаго міропониманія. Нигдѣ,—говоритъ онъ,—не обнаруживалась такъ ясно пустота и бесплодность метафизическихъ, апріорныхъ построеній, какъ въ сферѣ въ высшей степени сложныхъ и трудныхъ вопросовъ *науки объ изящномъ*. Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что изъ эстетики, изъ теоріи или философіи искусства должно быть устранено идеальное начало. По вѣрному замѣчанію проф. Смирнова, „идеализмъ искусства не имѣетъ опоры въ метафизическомъ идеализмѣ, онъ можетъ быть принятъ безъ всякой онтологической основы“.

„Слѣдуетъ считать,—продолжаетъ авторъ,—твердымъ научнымъ приобретеніемъ новѣйшей психологіи ту истину, что всѣ психическія явленія составляютъ субъективную сторону физиологическихъ процессовъ или функцій нервной системы“. Эстетическое чувство или, пра-

вильяге, эстетическія чувства — занимають среднее мѣсто между тѣлесными чувствами и высшими духовными состояніями.

Объясняя своеобразное вліяніе музыки, г. Смирновъ говоритъ, что понятъ отношеніе музыки къ чувствамъ и волненіямъ лучше всего даетъ возможность теорія Дарвина. Теорія эта заключаетъ еще въ себѣ, однако, много спорнаго и требуетъ дополненій и дальнѣйшихъ изслѣдованій. Музыканты найдутъ для себя полезныя указанія и соображенія въ тѣхъ главахъ труда казанскаго профессора, которыя посвящены музыкѣ и ея своеобразному виду — пѣнію.

Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Константинъ Ушинскаго. Изданіе восьмое. Спб., 1894 г. Цѣна 2 руб. 50 коп. Съ портретомъ автора. Этотъ *опытъ педагогической антропологии* покойнаго Ушинскаго отличается такими выдающимися достоинствами, что его широкое распространеніе и дѣйствующій успѣхъ составляютъ весьма отрадное явленіе. Въ русскомъ обществѣ жива, стало быть, и увеличивается потребность въ серьезныхъ педагогическихъ знаніяхъ, въ свѣтлыхъ и гуманныхъ педагогическихъ идеяхъ.

Восьмое изданіе книги Ушинскаго вышло подъ редакцію гг. Сентъ-Илера и Модзалевскаго. Редакторы значительно сократили сочиненіе нашего знаменитаго педагога. Кое-что во взглядахъ Ушинскаго теперь устарѣло (первый томъ его труда появился въ 1867 г., второй — въ 1869 г.), нѣкоторыя изъ его психологическихъ и философскихъ положеній не выдерживаютъ критики; но педагогъ и каждый образованный человѣкъ получаютъ, прочтя педагогическую антропологию Ушинскаго, много полезнѣйшихъ свѣдѣній, познакомятся съ разумными воспитательными требованіями и средствами.

Для Ушинскаго основное и коренное стремленіе человѣческой души состоитъ въ стремленіи къ дѣятельности. Не отождествляя наслажденія съ счастьемъ, онъ говоритъ, что счастье заключается въ самой непрерывной дѣятельности. „Трудъ свободный, излюбленный, задушевный есть единственное доступное человѣку счастье, и только на этомъ пути душа остается въ своемъ нормальномъ положеніи, не извращаясь и не увлекаясь частностями“. Если бы наши современные педагоги въ средне-учебныхъ заведеніяхъ дали своимъ воспитанникамъ возможность въ достаточной мѣрѣ отвѣдать этого счастья!

Въ приложеніи къ книгѣ напечатана статья Ушинскаго: *Трудъ и его психологическое значеніе*. Эта статья издана и отдѣльною брошюрой *).

ИСТОРИЯ, ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И БІОГРАФІИ.

„Исторія эллинизма“. *И. Г. Дройзена.* — „Griechische Geschichte“, von *Adolf Holm.* — „Кудруна“. *Л. Ю. Шпелевича.* — „Мученики науки“. *Гастона Тисанде.*

Исторія эллинизма. Сочиненіе *И. Г. Дройзена*. Перев. *Э. Циммермана*. Томъ третій. Исторія эпитоновъ. М. 1893 г. — *Griechische Geschichte von Adolf Holm. Vierter Band. Die griechisch-makedonische Zeit, die Zeit der Könige und der Bünde.* Berlin. Calvary, 1894. Намъ уже приходилось говорить о первыхъ двухъ томахъ сочиненія Дройзена. Въ вышедшемъ недавно переводѣ III тома мы

*) *Трудъ въ его психологическомъ и воспитательномъ значеніи.* К. Д. Ушинскаго. Спб., 1894 г. Цѣна 10 коп.

встрѣчаемъ уже знакомыя намъ особенности манеры автора, только здѣсь онѣ сказываются еще рѣзче. И здѣсь онѣ, въ сущности, не даютъ совсѣмъ исторіи эллинизма, а просто излагаетъ внѣшнюю исторію эллинистическихъ государствъ за время 280—220 гг. Въ своемъ стремленіи прослѣдить по возможности всѣ ея колебанія и переходы, онѣ на каждомъ шагу сталкиваются съ крайне скудными источниками, дающими разрозненныя свѣдѣнія относительно самыхъ крупныхъ событій (189, 229); изслѣдователю остается сопоставлять эти свѣдѣнія въ такомъ порядкѣ, чтобы они поясняли, подтверждали, исправляли другъ друга (127), а затѣмъ выводилъ изъ нихъ дальнѣйшія предположенія (115), оправдываемыя, главнымъ образомъ, тѣмъ доводомъ, что только такъ можно объяснить неясное и неполное въ нашихъ источникахъ (136, 236, 292). Въ то же время авторъ признаетъ, что эти его конструкции представляются только въ извѣстной степени вѣроятными (231) и что далеко не исчерпывается область возможныхъ догадокъ (292). Стараясь связать разрозненные факты въ одно стройное цѣлое, Дройзенъ руководится убѣжденіемъ, что дипломатія III в. стояла на высокой степени развитія (126, 300), и что отдѣльныя событія должны быть непременно рассматриваемы въ связи съ общими отношеніями державъ. Въ виду всего этого весьма естественнымъ представляется меланхолическое признаніе автора: „писать эту исторію, трудъ крайне неблагодарный“ (238). И несмотря на это, онѣ до того увлекается созданнымъ имъ же самимъ представленіемъ, что, наприм., разбирая вопросъ о результатахъ такъ называемой хремонидовой войны, которая, по его же словамъ, „представляется крайне смутною какъ по своему почину, такъ и по своей политической связи“ (115), онѣ замѣчаетъ спокойно: „преданія, правда, ничего не говорятъ объ этомъ, но политика той эпохи вполне сознавала, въ чемъ дѣло“ (125).

Исключительное вниманіе автора къ внѣшней исторіи эпохи возбуждаетъ тѣмъ больше сожалѣнія, что въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда онѣ отвлекается отъ своего пристрастія, онѣ высказываетъ очень мѣткія и вѣрные сужденія о характерѣ эпохи. Онѣ признаетъ, что „сохранившіеся отрывки изъ исторіи государствъ даютъ намъ весьма неполную, смутную картину“, но въ то же время настаиваетъ на томъ, что изъ-за мрачныхъ картинъ междоусобій, кроваваго деспотизма, придворной порчи, не слѣдуетъ забывать болѣе свѣтлыя стороны эпохи—блескъ разцвѣтавшихъ городовъ, великолѣпіе художественныхъ произведеній, тысячи новыхъ наслажденій, какими украшалась жизнь и, между прочимъ, болѣе благородныя удовольствія отъ возрастающаго обмѣна эстетической литературы“ (319). Точно также Дройзенъ справедливо замѣчаетъ, что такъ называемые матеріальные интересы „въ эпоху эллинизма стали силою и главною точкою зрѣнія административнаго искусства“ (323), но, несмотря на то, не считаетъ нужнымъ вдаваться въ дальнѣйшія подробности, а ограничивается упоминаніемъ одного факта, да и его касается потому, что „онѣ состоитъ въ связи съ событіями политической исторіи“ (324); а между тѣмъ, по признацію самого же автора, „имѣется на-лицо не мало матеріала для разныхъ выводовъ, которые освѣщаютъ политико-экономическія и матеріальныя отношенія той эпохи“ (235). Далѣе, для автора исторіи эллинизма въ высшей степени важенъ вопросъ, какими путями эллинское вліяніе проникло на востокъ. Дройзенъ вполне справедливо признаетъ ими города, основанные Александромъ и его преемниками въ огромномъ количествѣ до самаго отдаленнаго Востока;

по, и говоря объ этомъ, ограничивается опять-таки всего нѣсколькими страницами (21—24), а за частностями читатель долженъ обратиться къ написанному 50 лѣтъ назадъ приложенію, гдѣ найдетъ и не внесенные въ текстъ интересные выводы о колоніяхъ Александра (371—374) и колоніяхъ его преемниковъ (440—446).

Какъ и въ первыхъ томахъ, сужденія Дройзена въ излюбленной имъ сферѣ, исторіи внѣшней политики, далеко не отличаются безпристрастіемъ: слишкомъ ужъ сильно увлекается онъ греческою Пруссіей—Македоніей и ея гогенцоллернами—антигонидами. Македонія въ его глазахъ—оплотъ Греціи отъ нашествія сѣверныхъ варваровъ (102, 240, 259), даже когда она, опасаясь набѣговъ, сама побуждаетъ иллирійцевъ или дарданцевъ нападать на грековъ (250—258). Каждый изъ ея царей—человѣкъ необыкновенныхъ достоинствъ. Политика Антигона I всегда отличалась свѣтлымъ разумомъ (102), онъ многого добивался, но малаго достигъ (220); это одна изъ политическихъ натуръ, передъ которой преклоняются не только слабые, но и восторженные люди (106); если онъ и велъ съ афинами упорную борьбу, то только для того, чтобы „вполнѣ завладѣть ими, тѣмъ болѣе, что въ связи съ Египтомъ, городъ снова могъ грозить опасностью Македоніи“ (123—124). Немногое извѣстно о личныхъ свойствахъ Антигона II, и это немногое „свидѣтельствуетъ, прежде всего, о его чувствахъ справедливости и долга, о необыкновенномъ нравственномъ достоинствѣ“ (260); онъ, конечно, далеко не такой ловкій политикъ, какъ знаменитый Филиппъ; усложненія не вызывались имъ, а навязывались ему, и онъ съ трудомъ преодолевалъ ихъ (261); несмотря на то, авторъ съ полной увѣренностью утверждаетъ, что всеобъемлющій взоръ Антигона не только вѣрно постигалъ запутанныя западныя дѣла, но принималъ также въ расчетъ и восточныя“ (304).

Съ гораздо меньшимъ интересомъ относится Дройзенъ къ другой сторонѣ разсматриваемой эпохи, — къ тому освободительному движенію, которое охватило греческіе города въ III в. Сначала это вызываетъ въ немъ нѣкоторое недоумѣніе. По поводу автономіи іоническихъ городовъ онъ замѣчаетъ: „Наши свѣдѣнія объ эпохѣ до того скудны и безтолковы, что мы скорѣе готовы признать за увѣще возстановленія городской свсбоды и отнестись къ ней безучастно; однако не станемъ довѣрять такому *предубѣжденію*... мощный разцвѣтъ матеріальныхъ интересовъ, всеобщее благосостояніе, стремленіе къ болѣе рациональному развитію, все это всегда создавало такое положеніе, при которомъ развѣ случайныя внѣшнія обстоятельства, и то лишь ненадолго, удерживаютъ отъ требованія политической независимости... всюду въ греческой жизни новый своеобразный духъ находился уже въ полномъ своемъ развитіи“ (167). Въ образованной средѣ всюду проявлялось стремленіе къ конституціи, къ самостоятельности, къ разумному существованію. Подъемъ ахейскаго союза, реформаторскія попытки Агиса и благороднаго Клеомена, новое республиканское правленіе въ Киренѣ, демократія въ Эпирѣ, затѣмъ творческая энергія Филопемена, наконецъ, учрежденіе республики въ Македоніи и идеи движенія гракховъ въ Римѣ—вотъ наиболѣе выдающіеся моменты въ развитіи достопамятнаго вѣка“ (169). „Это движеніе съ поразительною быстротою разорвало ту сѣть, какою македонская политика съ давнихъ поръ уже опутала большую часть Греціи“ (171). Извѣстно затѣмъ, какъ изъ высшихъ слоевъ волненіе передалось въ низшіе, гдѣ получило сильную соціалистическую окраску, и какъ

стоявшие до того во главѣ движенія „правящіе классы“ испугались „краснаго призрака“ и кинулись снова въ объятія Македоніи.

Совсѣмъ иное отношеніе къ этимъ главнымъ факторамъ политической исторіи эпохи, монархіи и республикѣ, находимъ мы у Гольма въ четвертомъ и послѣднемъ томѣ его *Греческой исторіи*. Это замѣтно уже на его оцѣнкѣ пробѣловъ во внѣшней исторіи: всеобщая исторія, по его мнѣнію, теряетъ немного, если остаются неясными столкновенія государей, такъ какъ даже для далекихъ современниковъ было безразлично, кто тутъ побѣждалъ, за то Гольмъ очень сожалѣетъ объ отсутствіи болѣе точныхъ свѣдѣній по исторіи греческихъ республикъ въ III в. (236). Сохранившихся фактовъ оказывается достаточно, чтобы выставить вѣскія возраженія противъ поспѣшныхъ обобщеній Дройзена касательно умственного и нравственнаго состоянія Греціи въ концѣ IV в. (75—76); при ближайшемъ разсмотрѣніи обобщенія эти оказываются просто выраженіемъ личнаго настроенія автора, лишеннымъ реальной подкладки. Интересны далѣ замѣчанія о томъ, насколько можно считать вѣрными заключенія о нравственномъ состояніи тогдашнихъ Аѳинъ, выведенныя изъ разсмотрѣнія отрывковъ новой комедіи и сопоставленіе послѣдней съ произведеніями англійскихъ комиковъ эпохи реставраціи (192—3, 202—204); съ фактами въ рукахъ авторъ доказываетъ здѣсь несправедливость строгихъ приговоровъ Дройзена, а за нимъ и Момзена. Для объясненія того, какъ могли такъ грубо ошибаться первоклассные изслѣдователи, авторъ указываетъ на преувеличеніе несомнѣнныхъ ошибокъ аѳинянъ, на пристрастіе этихъ ученыхъ къ монархамъ и антипатію къ республикѣ и, наконецъ, на невѣрную оцѣнку аѳинянъ IV в. (205—206). Такъ же неосновательны, по мнѣнію автора, и сужденія о прогрессивной порчѣ характера аѳинянъ во II в. (634—635). Считаая „городскую свободу и послѣ Александра неизсякаемымъ факторомъ благосостоянія народовъ древности“ (128), авторъ заботливо слѣдитъ за положеніемъ городовъ Сиріи (145, 164—165) и Малой Азіи (147—149) и особенно за отношеніемъ ихъ къ монархіямъ, въ составъ которыхъ они входятъ; послѣднее онъ формулируетъ такъ: старые греческіе города юридически автономны и „свободны отъ постоя“; города, основанные царями, стремятся къ тому же и автономіи достигаютъ полнѣе, чѣмъ вывода гарнизоновъ (74); но, конечно, фактическое положеніе не всегда соотвѣтствовало юридическому и въ старыхъ городахъ (149). Особенный интересъ выказываетъ Гольмъ къ освободительнымъ стремленіямъ грековъ метрополии (242—248). Началомъ этого движенія онъ считаетъ Хремонидову войну, въ которой, вопреки Дройзену, видитъ почтенную попытку Аѳинъ разорвать сѣть, накинутую на Грецію Антигономъ (252—253). За неудачей Аѳинъ послѣдовало освобожденіе Мегалополя, а затѣмъ Сикіона и новое усиленіе ахейскаго союза (279—281). Авторъ соглашается съ замѣчаніемъ Дюбуа, что исторія союзовъ показываетъ, насколько сблизились другъ съ другомъ греки со времени Александра (336). Онъ указываетъ прогрессъ въ ихъ политическомъ развитіи: въ V в. въ Греціи было только два значительныхъ государства, Спарта и Аѳины, къ которымъ въ IV в. присоединились Эпидоры; въ III в. Эпидоры упали, за то поднялись и образовали союзы государства, прежде отстававшіе въ развитіи; безъ этого греческая исторія была бы не полна (337). Новая ступень соотвѣтствовала первоначальнымъ задаткамъ народа: эти четыре державы только представители старыхъ племенъ—дорянъ, іонянъ, ахейянъ и этонянъ. Такимъ образомъ,

развитіе III в.—естественное продолженіе исторіи V и IV ст.; разница только въ томъ, что крупныя общины, прежде не охотно подчинявшіяся Аэинамъ и Спартѣ, въ III в. сплотились въ союзы (338—339). Роли державъ авторъ тутъ распредѣляетъ такъ: Аэины остаются центромъ духовнаго образованія и стремленія къ политической свободѣ, Спарта истоощаетъ вполнѣ свою силу, этоняне составляютъ ядро союза мало образованныхъ грековъ Запада, ахеяне сосредоточиваютъ остатки ахейскаго населенія Пелопонеса (348). Значеніе македонскихъ царей для Греціи Гольмъ опредѣляетъ иначе, чѣмъ Дройзенъ: Филиппъ повредилъ ей, но отчасти по винѣ Демосеена и его партіи; Александръ принесъ Грекамъ гораздо больше пользы, чѣмъ вреда; но преемники его могли только вредить, вмѣшиваясь въ ихъ дѣла и ничѣмъ ихъ за то не вознаграждая; противъ этого вмѣшательства и возставали греки въ періодъ 280—220 г. (339—340). По вопросу о значеніи діадоховъ вообще мы находимъ у Гольма замѣчаніе такого рода: греческимъ городамъ царь нуженъ былъ только для поддержанія между ними мира, но для этого необходима была единая монархія подъ управленіемъ Александра или ему подобнаго преемника (176); самымъ настоящимъ могъ бы быть младшій изъ Діадоховъ, Селевкъ, бывшій моложе самого Александра; одинъ только онъ сьумѣлъ бы оцѣнить по достоинству цивилизаторскую мысль Александра и сдѣлаться настоящимъ его ученикомъ (167); но онъ никогда не былъ властителемъ всей монархіи, а подѣлившіе ее діадохи и ихъ преемники только губили грековъ своими непрерывными столкновениями, съ ихъ точки зрѣнія вполнѣ естественными; монархическое начало, выразилось въ нихъ почти только тѣневыми сторонами. Вообще, по мнѣнію автора, діадохи заслуживаютъ признательности, лишь поскольку они содѣйствовали распространенію образованія; особенно крупны въ этомъ отношеніи заслуги селевкидовъ, поощрившихъ развитіе греческихъ городовъ, центровъ свободы и просвѣщенія; менѣе важны заботы птоломеевъ о развитіи наукъ; всего менѣе сдѣлали въ этомъ отношеніи антигониды. Во всякомъ случаѣ, несмотря на заботы діадоховъ о развитіи греческаго образованія въ Азіи и Египтѣ, не можетъ быть, на взглядъ Гольма, и рѣчи о томъ, что они были источникомъ блага для грековъ метрополіи (113). Задачу, не разрѣшенную ими, принялъ на себя потомъ Римъ, исполнявшій ее въ болѣе крупныхъ размѣрахъ (177).

Въ вопросѣ объ отношеніи Рима къ грекамъ Гольмъ тоже значительно расходится съ предшественниками; онъ не считаетъ грековъ 200 г. развращеннымъ народомъ, а римлянъ хитрецами; вмѣшательство Рима было сначала, полезно для грековъ и прямо вызывалось ими, такъ какъ имъ нужны были посредники въ ихъ не рѣдкихъ распряхъ и самымъ подходящимъ представлялся римскій сенатъ, со времени Пирра внушавшій имъ большое уваженіе. Впослѣдствіи, конечно, отношеніе измѣнилось, и то, что около 200 г. представлялось настоящимъ благодѣяніемъ для Греціи, стало казаться черезъ столѣтіе тяжелою необходимостью. Владычество Рима создано было главнымъ образомъ тѣмъ притягательнымъ вліяніемъ, какое оказывало на соудей государство, не стремившееся подобно діадохамъ, къ прямому подчиненію ихъ, а напротивъ оставлявшее почти въ прежнемъ видѣ порядки въ протежируемыхъ государствахъ. Отъ этого такъ и стремились къ союзу съ Римомъ государства, цѣнившія блага Рима (446—448—451). Въ частности Гольмъ не считаетъ комедіей провозглашеніе свободы на истміяхъ 196 г. (444), оправдываетъ его отношеніе къ Филиппу (479-

480) и политику относительно Эвмена и Родоса (486—7, 508—513—4), объясняя неблагоприятные отзывы новых историковъ ихъ предубѣжденіемъ противъ Рима (496). Неясность приговоровъ римлянъ въ спорахъ грековъ авторъ объясняетъ не коварною политикою, а невозможностью для стороннихъ людей разобраться въ уловкахъ діалектики тяжущихся (518). Значеніе катастрофы 146 г., вызванной гораздо болѣе слабостями, чѣмъ коварствомъ людскимъ, состояло въ томъ, что она доказала грекамъ невозможность отдѣлаться отъ ими же вызваннаго вмѣшательства Рима и заставила ихъ признать его необходимость (519—520). Причину разрушенія Коринѳа служила, по мнѣнію Гольма, не столько зависть римскихъ капиталистовъ, какъ это думаетъ Момзенъ, сколько важность Акрокоринѳа и желаніе дать грекамъ спасительный урокъ; идеальная Греція отъ этого не проиграла ничего (524—525—541). Разсматривая положеніе грековъ подъ владычествомъ Рима, авторъ опять-таки сильно расходится съ Момзеномъ и Марквардтомъ, полемикъ съ которыми отводитъ рядъ интересныхъ экскурсовъ (542—551, 768—773). Здѣсь онъ доказываетъ, что Греція въ 146 г. вовсе не была обращена въ провинцію, измѣнилось положеніе только нѣсколькихъ общинъ, прочія сохранили съ Римомъ прежнія отношенія, а затѣмъ подвергаетъ остроумной критикѣ Момзеновскую классификацію отношеній подданства, объясняя недостатки ея стремленіемъ втиснуть непремѣнно въ нормы римскаго права отношенія стоящія совсѣмъ въ сторонѣ отъ него (770—771). Между тѣмъ, Марквардтъ, съ точки зрѣнія современнаго государства, увѣряетъ, что Римъ отлично могъ бы отмѣнить въ Сиріи автономію городовъ, смѣстить владѣтелей и ввести управленіе чрезъ посредство не существовавшей еще тогда бюрократіи (555, 556, 767).

Экскурсы автора приводятъ насъ въ вопросу о томъ, какъ распредѣлять онъ по рубрикамъ излагаемый матеріалъ. Здѣсь обнаруживается довольно странное явленіе: въ примѣчанія отнесены не только мелкія указанія и полемика, но и рядъ общихъ замѣчаній, существенно дополняющихъ и объясняющихъ изложеніе въ текстѣ, на которомъ, однако, почти совсѣмъ незамѣтно вліянія выраженныхъ тутъ общихъ воззрѣній автора и который ограничивается однимъ только, правда прекраснымъ, разговоромъ. Мало отражаются также на изложеніи указанныя авторомъ во введеніи дѣленія эпохи 323—30 гг., равно какъ заключительныя замѣчанія о ходѣ развитія литературнаго и политическаго. Съ другой стороны, вѣроятно, увлеченіе автора его повѣствовательнымъ талантомъ и горячо восхваляемою книгой Т. Ренака объясняетъ слишкомъ крупныя размѣры, какіе получилъ разговоръ о войнахъ Митридата (678—730). Далѣе, нельзя не отмѣтить пристрастія автора къ нумизматикѣ, подъ вліяніемъ котораго онъ наполняетъ цѣлыя страницы краткими описаніями монетъ, не указывая на извлекаемые отсюда историческіе выводы, такъ что эти страницы должны представляться читателю чистымъ балластомъ.

Изложеніе внѣшней исторіи вообще у автора сокращено, сравнительно съ Дройзеномъ, довольно значительно, и въ этомъ его несомнѣнная заслуга; можно только пожалѣть о томъ, что авторъ, увлекаясь полемикой съ отзывами Дройзена о діадохахъ и эпитгонахъ, считаетъ нужнымъ давать, наприм., на стр. 488, 528, 538, полные списки даже позднѣйшихъ царей съ аттестацией каждаго изъ нихъ. Очень также жаль, что авторъ только въ одной III главѣ даетъ сводную характеристику главныхъ личностей эпохи діадочовъ и не пользуется

этимъ приѣмомъ для послѣдующихъ эпохъ. Нельзя не упрекнуть также автора и за излишнее пристрастіе къ аналогіямъ съ новой исторіей, причемъ нерѣдко дѣлаются сравненія очень натянутыя и во всякомъ случаѣ мало разъясняющія дѣло; нельзя же въ самомъ дѣлѣ сравнивать серьезно діадоховъ съ мервингами (88), сотрапіи Селевка съ департаментами Франціи (142), Агаеокла съ Цезаремъ Борджіа (219), Пирра съ Максимилианомъ (265). Гораздо удачнѣе, нужно замѣтить, выходятъ у автора сравненія, взятые изъ древней исторіи, наприм., Пирра и Александра В. (247), атталидовъ и мермадовъ (358, 378). Но чтò, на нашъ взглядъ, составляетъ главный недостатокъ труда Гольма, это—полное невниманіе къ матеріальнымъ интересамъ эпохи, которымъ даже Дройзенъ, при всемъ его увлеченіи исторіей политической, удѣлилъ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній; пробѣлъ этотъ представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что авторъ, рядомъ съ сжатымъ изложеніемъ исторіи внѣшней, выдвинулъ въ своей книгѣ на подобающее ей мѣсто исторію культуры, столь тѣсно связанную съ развитіемъ матеріальнаго благосостоянія. Единственное объясненіе этой странности, это—неясность теоретическихъ взглядовъ автора, сказавшаяся, между прочимъ, и на странныхъ замѣчаніяхъ о вліяніи апофеоза на разложеніе язычества (763—781) или о вольныхъ городахъ средневѣковья: „съ внѣшней стороны они—продуктъ германскаго быта, но съ внутренней—выраженіе античнаго духа, возставшаго противъ преобладанія сельскаго населенія и его повелителей“ (782).

Въ концѣ-концовъ, несмотря на всѣ высказанныя выше возраженія, мы не можемъ не признать трудъ Гольма за выдающееся явленіе и прекрасное пособіе для ознакомленія съ изображаемою имъ знаменательною эпохой въ исторіи Греціи.

Кудруна. Историко-литературный этюдъ Л. Ю. Шепелевича. Харьковъ, 1894 г. *Кудруна*—одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ памятниковъ средневѣковой германской литературы и по своимъ выдающимся поэтическимъ достоинствомъ, и по своимъ литературнымъ судьбамъ. Это произведеніе представляетъ любопытную литературную форму—переходный типъ отъ народной поэзіи къ поэзіи искусственной: въ основу его легли народныя саги, но сведены онѣ по одному плану и переработаны на почвѣ искусственной, рыцарской поэзіи, причемъ произошла своеобразная контаминація нѣсколькихъ сагъ. Выясненіе процесса созданія *Кудруны*, опредѣленіе мѣста и времени ея сложенія, отношеніе между народными источниками и индивидуальной творческой работой при сложеніи поэмы, ея отношенія къ исторіи и мнѣю—вотъ болѣе трудные вопросы литературной исторіи этого памятника. Германская наука дала на нихъ рядъ противурѣчивыхъ отвѣтовъ. Давно уже чувствовалась потребность критически разобраться въ нихъ, опредѣлить ихъ научную цѣну и выдѣлить несомнѣнные результаты: кромѣ спеціальнаго интереса это можетъ имѣть и общее методологическое значеніе, такъ какъ близкіе по общему характеру къ *Кудрунѣ* памятники попадаются и въ другихъ европейскихъ литературахъ. Попытки акад. Веселовскаго и г. Кирпичникова въ этомъ направленіи нѣсколько устарѣли; съ тѣхъ поръ нѣмецкая наука успѣла сказать много новаго. Трудъ г. Шепелевича подводитъ итоги разработки до самаго послѣдняго времени.

Г. Шепелевичъ не только излагаетъ, но и оцѣниваетъ мнѣнія германскихъ ученыхъ, отдѣляя пшеницу отъ плевелъ. Хорошее знакомство съ средневѣковою литературой и методологическая осторожность

позволили ему занять независимое положеніе отъ германской науки, стать *надъ ней*; ему, какъ славянскому ученому, легко было отбросить все то, что было вызвано патриотизмомъ, даже шовинизмомъ и не-научными счѣтами ученыхъ школъ; болѣе широкой кругозоръ, захватывающій не только германскія, но и романскія и славянскія произведенія, привелъ къ большому безпристрастію и большей осторожности.

Г. Шепелевичъ даетъ въ первой главѣ подробныя свѣдѣнія о рукописи и изданіяхъ поэмы и краткій обзоръ содержанія поэмы. Вторая глава посвящена самому залутанному вопросу—о родинѣ поэмы: сѣверное происхожденіе саги о Гильдѣ-Кудрунѣ несомнѣнно; сложеніе поэмы въ Баваріи является только вѣроятнымъ,—болѣе опредѣленнаго отвѣта трудно и выжать изъ наличныхъ свѣдѣтельствъ. Наиболѣе интересна третья глава: сказанія о Гильдѣ-Кудрунѣ. Сопоставляя народныя и книжныя отраженія сагъ и тщательно анализируя поэму, г. Шепелевичъ приходитъ къ опредѣленнымъ и хорошо обоснованнымъ результатамъ: сага о Кудрунѣ является дальнѣйшею ступенью саги о Гильдѣ и въ поэмѣ сливается съ сагой о Гервигѣ. Указавъ въ слѣдующей главѣ историческіе и мѣологическіе-элементы поэмы, въ пятой главѣ г. Шепелевичъ переходитъ къ вопросу о происхожденіи, составѣ и критикѣ поэмы: ея результаты намѣчаются самымъ ходомъ изслѣдованія и отчасти указаны нами выше. Послѣдняя глава посвящена выясненію художественнаго и историко-культурнаго значенія *Кудруны*. Таково содержаніе пѣнной работы г. Шепелевича, являющейся пѣннымъ подспорьемъ для ознакомленія съ *Кудруной*. Не можемъ не отмѣтить въ заключеніе, что въ предисловіи авторъ обѣщаетъ дать въ скоромъ времени переводъ поэмы: это тѣмъ болѣе важно, что въ лицѣ г. Шепелевича мы имѣемъ не только хорошаго изслѣдователя, но и хорошаго переводчика: это доказываютъ, напримѣръ, его переводы повѣстей Сервантеса.

Мученики науки. Гастона Тисандье. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Цѣна 1 руб. 25 коп. Книга Тисандье выходитъ въ русскомъ переводѣ уже четвертымъ изданіемъ. Это—рѣдкій успѣхъ, и ему нельзя не порадоваться, потому что переведенное подъ редакцію Ф. Ф. Павленкова сочиненіе французскаго ученаго отличается большими достоинствами. Оно проникнуто уваженіемъ и любовью къ знанію, оно воспитываетъ гуманное чувство,—добрый знакъ, что такая книга получаетъ широкое распространеніе въ русскомъ обществѣ. Она украшена 34 гравюрами и 24 портретами въ текстѣ.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

„Волга и волгари“. А. П. Субботина.—„За морскимъ горизонтомъ“. В. Фаусека.

Волга и волгари. Путевые очерки А. П. Субботина. Томъ I. Верхняя Волга. Изданіе редакціи „Сѣвернаго Вѣстника“. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. Авторъ начинаетъ свою книжку весьма справедливымъ по нашему мнѣнію, укоромъ состоятельнымъ россиянамъ въ томъ, что они охотно ѣздятъ въ чужіе края, за границу, и, по большей части, понятія не имѣютъ о своемъ отечествѣ, о „своихъ“ краяхъ, даже настолько доступныхъ для путешествія, какъ Приволжье, на всемъ протяженіи „великой русской рѣки“ отъ Твери до Каспійскаго моря. Г. Субботинъ совершенно правъ, говоря, что это одно изъ самыхъ пріятныхъ, полезныхъ, удобныхъ во всѣхъ отношеніяхъ и недорогихъ путешествій,

которыя можетъ предпринять человекъ съ очень небольшими средствами. Относительно Рейна, „съ его театральными пейзажами“, по выраженію г. Субботина, мы позволимъ себѣ остаться „при особомъ мнѣніи“: можно Волгу не „прогнѣвать“ на Рейнъ, а прокатившись по Волгѣ, не дурно полюбоваться и Рейномъ... По части „путеводителей“ по Волгѣ дѣло у насъ обстоитъ, на самомъ дѣлѣ, довольно плохо, и къ имѣющимся налицо книга г. Субботина можетъ служить полезнымъ дополненіемъ для желающихъ проѣхать по Волгѣ. Въ первомъ, имѣющемся у насъ въ рукахъ, томѣ авторъ подробно описываетъ города и значительныя села по теченію рѣки въ губерніяхъ Тверской, Ярославской и Костромской. Дальнѣйшее описаніе пути составить, вѣроятно, послѣдующіе выпуски. Авторъ подробно передаетъ впечатлѣнія, которыя производила на него та или другая мѣстность, говоритъ о внѣшнемъ видѣ городовъ и сель, касается ихъ внутренней жизни, обстоятельно описываетъ достопримѣчательности, наиболѣе выдающіяся фабрики съ ихъ бытомъ, мѣстные промыслы и обычные заработки прибрежныхъ жителей. Интересную часть *Путевыхъ очерковъ* составляетъ перечисленіе выдающихся „волгарей“, уроженцевъ описываемыхъ мѣстностей и заявившихъ себя полезною дѣятельностью обывателей. Вообще, книга даетъ много любопытныхъ и дѣльныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для путешественника, но ее нѣсколько портитъ, — на нашъ взглядъ, по крайней мѣрѣ, — желаніе автора придать „живость“ своему произведенію „легкимъ“, шутливымъ тономъ, который не особенно удается г. Субботину.

За морскимъ горизонтомъ. Очерки плаванія по Средиземному морю, изъ юношескихъ воспоминаній Вячеслава Фаусека. Изданіе М. М. Ледерле. Спб., 1894 г. Цѣна 40 коп. Авторъ рассказываетъ про свое „пробное“ плаваніе ученикомъ на греческомъ торговомъ пароходѣ изъ Одессы черезъ Константинополь до Марселя и обратно въ Севастополь. Въ качествѣ простаго матроса, авторъ близко познакомился со всѣми трудностями и опасностями плаванія, съ бытомъ судовой команды въ морѣ и на сушѣ, во время стоянокъ въ заграничныхъ портахъ. Г. Фаусекъ въ довольно яркихъ картинахъ передаетъ все то, что довелось ему увидать „за морскимъ горизонтомъ“, непреодолимо манящимъ его юношей въ невѣдомую даль. „О, какъ ты обманулъ меня, серебряный горизонтъ! — пишетъ авторъ, вспоминая видѣнное. — Ты показалъ мнѣ чудное, безпредѣльное голубое море, залитое свѣтомъ сказочнаго солнца, ты показалъ мнѣ его и въ злобѣ, задернутое черными тучами, страшное и прекрасное... Хорошо твое море, но отъ него вѣетъ смертью. Ты показалъ мнѣ невѣдомыя страны и ихъ огромные города... Хороши твои города, но отъ нихъ вѣетъ развратомъ! Ты показалъ мнѣ и людей, мужественныхъ и сильныхъ, какихъ я не видалъ на землѣ, но отъ нихъ вѣетъ несчастьемъ: они въ морѣ потому, что нѣтъ мѣста на землѣ“... Прелесть моря и ужасъ бури на немъ, тяжесть службы и безобразія отдыха и развлеченій на берегу, тоскливость плаванія, фигуры товарищей и начальниковъ, тревоги и скука, — все это изображено авторомъ настолько правдиво и просто, что, читая его „воспоминанія“, самъ почти переживаешь все испытанное и пережитое образованнымъ юношей, увлекшимся прелестями „серебрянаго горизонта“ и закабалившимъ себя на службу въ совсѣмъ неподходящей для него средѣ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

„La coopération“, par Louis Bertrand. — „La Grève générale et les grèves partielles“, par Conteyrouzac. — „Сводъ статистическихъ матеріаловъ, касающихся экономическаго положенія сельскаго населенія Европейской Россіи“. — „Сибирь и великая сибирская дорога“. — „Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности въ Россіи“. — „Статистическій сборникъ свѣдѣній по земельному кредиту въ Россіи“. — „Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи“. — „Очеркъ крестьянскаго хозяйства въ Сибирѣ“. А. А. Клаубмана. — „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Чердынскому уѣзду, Пермской губ.“. — „Очеркъ сельскаго хозяйства въ Приморской области“. Н. А. Крукова.

La coopération, par Louis Bertrand. Bibliothèque Belge des connaissances modernes. Bruxelles. 1894. Книга, заглавіе которой мы выписали, не имѣетъ вовсе теоретическаго характера. Авторъ ея, Луи Бертранъ, редакторъ газеты *Le Peuple* и составитель многихъ брошюръ по разнымъ экономическимъ вопросамъ, стоитъ во главѣ бельгійскаго рабочаго движенія, съ которымъ преимущественно онъ и старается познакомить своихъ читателей. Большой сторонникъ кооперативнаго движенія, онъ описываетъ въ своей книгѣ главные виды бельгійскихъ кооперацій, рассказываетъ ихъ исторію и даетъ намъ картину ихъ юридическаго и финансоваго положенія. Подъ кооперацией г. Бертранъ понимаетъ такую форму союзовъ, которые имѣютъ цѣлью доставлять своимъ членамъ по номинальной стоимости всевозможные продукты первой необходимости или иные, устрояя, такимъ образомъ, всякихъ посредниковъ, существующихъ между производителемъ продуктовъ, съ одной стороны, и потребителемъ—съ другой“. Смотра по цѣлямъ и по характеру дѣятельности этихъ кооперацій, онѣ представляютъ много разновидностей: общества потребления, производства, кредита, торговли, постройки зданій, покупки инструментовъ и матеріаловъ, взаимнаго страхованія и земледѣлія. Но всѣ эти разновидности, которыя Бертранъ разсматриваетъ съ величайшимъ вниманіемъ, посвящая каждой отдѣльную главу, по своей ставкѣ своей дѣятельности сводятся къ двумъ слѣдующимъ типамъ: или такія общества продаютъ покупаемые или производимые ими товары по обыкновенной рыночной цѣнѣ, распредѣляя затѣмъ въ определенные сроки между своими членами полученныя барыши, или, напротивъ, при самомъ возникновеніи подобныхъ обществъ устанавливается опредѣленный % на затраченный капиталъ и цѣны товаровъ рассчитываются сообразно ихъ дѣйствительной стоимости, расходамъ по содержанию кооперацій и этому воплію опредѣленному барышу его членовъ. Въ Бельгіи, какъ оказывается, распространилась преимущественно первая система (называемая рочдальской), тогда какъ въ Англии, наприм., существуетъ не мало потребительныхъ обществъ, практикующихъ болѣе выгодную для публики и менѣе доходную для самой коопераціи вторую систему.

Изъ самаго опредѣленія понятія коопераціи, какъ его дѣлаетъ Луи Бертранъ, уже видно, что одна изъ первыхъ задачъ такихъ обществъ состоитъ въ устраненіи всякихъ подрядчиковъ, посредниковъ и торговцевъ. Насколько великъ такой классъ людей, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ бельгійскаго статистическаго ежегодника: на 2.760,244 зарегистрированныхъ лица опредѣленной профессіи 244,247 оказываются принадлежащими такъ или иначе къ классу торговцевъ,—иными словами, 10% населенія занимается торговымъ посредничествомъ и, слѣдовательно, живетъ за счетъ потребителей или производителей

говаровъ. Результатомъ столь распространеннаго при современныхъ промышленныхъ условіяхъ класса посредниковъ оказывается, прежде всего, увеличеніе всѣхъ рыночныхъ цѣнъ, — увеличеніе, дѣлающее иногда данный товаръ на мѣстахъ сбыта въ три или четыре раза болѣе дорогимъ, чѣмъ на мѣстахъ добыванія или производства, причемъ стоимость перевозки играетъ здѣсь часто далеко не главную роль (особенно крупную разницу въ цѣнахъ даютъ фрукты, чай, рись, рыбій жиръ, аптекарскіе товары и проч.). Столь распространенная нынѣ и столь беззастѣнчивая подчасъ фальсификація имѣетъ своимъ источникомъ ту же причину: существованіе паразитнаго класса торговцевъ, изыскивающихъ себѣ различные источники дохода.

Коопераціи выгодны, прежде всего, членамъ рабочимъ, а затѣмъ и всѣмъ потребителямъ, всему народу. Въ Англіи члены коопераціи получаютъ въ годъ 100 фр. и больше дохода, что равняется мѣсячной заработной платѣ. Нельзя игнорировать также образовательное и воспитательное значеніе коопераціи: онѣ даютъ рабочимъ практическое знакомство съ условіями промышленности и торговли, онѣ дисциплинируютъ и объединяютъ рабочую массу. Образовательное значеніе коопераціи увеличивается обыкновенно тѣми публичными лекціями и библиотеками, которыя становятся возможными только при соединеніи рабочихъ въ союзы; кромѣ библиотекъ, коопераціи заводятъ часто кассы взаимопомощи, устраиваютъ свои аптеки и нанимаютъ врачей, оказывающихъ безвозмездную, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, медицинскую помощь больнымъ членамъ коопераціи. Для всѣхъ потребителей вообще, вовсе не входящихъ въ подобные союзы, онѣ выгодны, тѣмъ не менѣе, такъ какъ приводятъ обыкновенно къ общему удешевленію нѣкоторыхъ товаровъ, а иногда и къ улучшенію ихъ качества. Конкуренція коопераціи оказывается на рынкахъ болѣе благотворной, чѣмъ конкуренція отдѣльных частныхъ предпринимателей.

Въ противность всѣмъ странамъ Европы, гдѣ первыя коопераціи явились въ формѣ потребительныхъ обществъ, въ Бельгіи стали возникать сначала ассоціаціи производительныя. Это произошло въ концѣ 40-хъ гг., подъ вліяніемъ французскихъ социалистическихъ идей, въ подражаніе „національнымъ мастерскимъ“ и организаціи труда Луи Блана. Всѣ эти общества, кромѣ одной ассоціаціи рабочихъ типографовъ, съ теченіемъ времени исчезли безъ слѣда, но и та единственная ассоціація, которая сохранилась отъ 40-хъ гг. до настоящаго времени, совершенно измѣнила свой прежній характеръ, сдѣлавшись, въ концѣ-концовъ, союзомъ хозяевъ, мелкихъ предпринимателей. Въ періодъ 1864—1874 годовъ, подъ вліяніемъ агитаціи членовъ интернаціонала, коопераціи начинаютъ возникать въ Бельгіи снова и даже въ большемъ количествѣ. На нихъ возлагаются многими чрезмѣрныя надежды, отъ нихъ ждутъ рѣшенія всей социальной проблемы, но не проходитъ и нѣскольکو лѣтъ, какъ всѣ эти наскоро организованныя и далеко не практическія ассоціаціи лопаются одна за другой, оставляя послѣ себя громадныя долги и поселяя разочарованіе въ рабочемъ классѣ. Съ 1885 г. начинается третій и самый плодотворный періодъ въ дѣлѣ развитія бельгійскихъ коопераціи. Главнымъ образомъ, благодаря пропагандѣ только что возникающей рабочей партіи, отчасти подъ вліяніемъ удачныхъ попытокъ устройства потребительныхъ товариществъ среди нѣкоторыхъ мелкихъ чиновниковъ, рабочія коопераціи распространяются съ особенною силой, принимая при этомъ нѣсколько новый, отличный отъ прежнихъ опытовъ и по своему су-

шеству болѣе справедливый характеръ. Въ то время, какъ въ старыхъ коопераціяхъ требовались непременно равные денежные взносы всѣхъ членовъ, что затрудняло финансовый успѣхъ этихъ предприятий, или, при неравенствѣ денежныхъ пожертвованій, доходы распределялись сообразно размѣру отдѣльныхъ взносовъ, теперь было признано справедливымъ положить въ основаніе всѣхъ расчетовъ совершенно новый принципъ, принципъ потребления. Доходы коопераціи стали распределяться между ихъ членами-потребителями, сообразно участию каждаго въ приобрѣтеніи товаровъ. Благодаря этому, наприм., семейные члены кооперативныхъ булочныхъ или хлѣбопекаренъ получаютъ всегда болѣе доходъ вслѣдствіе большаго своего потребления. Вниманіе устроителей коопераціи было обращено также и на то, чтобы вслѣдствіе облегченія поступленія въ такія общества бѣднѣйшей части населенія. Въ большинствѣ бельгійскихъ коопераціи достаточно бываетъ выразить свое желаніе, иногда заплатить 30 сент., за заборную книжечку, чтобы сдѣлаться тотчасъ же членомъ потребительнаго товарищества. Необходимо, правда, подписаться еще на акцію въ 10 франк., но сумма эта не выплачивается новымъ членомъ, а получается посредствомъ вычета изъ его ежегодныхъ доходовъ. Англійскія коопераціи требуютъ еще отъ своихъ членовъ постоянныхъ ежемѣсячныхъ взносовъ. Это позволяетъ имъ составлять крупныя капиталы и дѣлать особенно широкіе обороты. Въ концѣ-концовъ, англійскія коопераціи даютъ большіе доходы и оказываются очень могущественными. Бельгійскія коопераціи, не требующія постоянныхъ взносовъ, каждыя 6 мѣсяцевъ распределяющія доходы между своими членами, значительно уступаютъ англійскимъ размѣрами своихъ оборотовъ, но зато онѣ не имѣютъ довольно рѣзко выраженнаго капиталистическаго характера этихъ послѣднихъ и приносятъ большую непосредственную пользу рабочему населенію, дѣлая доступъ къ себѣ свободнымъ и самымъ бѣднымъ, не имѣющимъ сбереженій, рабочимъ.

Бельгійскій законъ, санкционирующій полную свободу союзовъ, относится, однако же, неодинаково къ ассоціаціямъ капиталовъ (анонимныя общества) и къ ассоціаціямъ труда (къ каковымъ причисляются и коопераціи). Онъ покровительствуетъ первымъ и дѣлаетъ затрудненія вторымъ, возлагая, наприм., на ихъ членовъ отвѣтственность неограниченную и полную всѣмъ ихъ имуществомъ, тогда какъ въ ассоціаціяхъ перваго рода отвѣтственность членовъ ограничивается только ихъ акціями или паями. Кромѣ того, ассоціаціи труда, въ отличіе отъ анонимныхъ обществъ, не имѣютъ права объединяться, между тѣмъ какъ примѣръ англійскихъ коопераціи показываетъ, что онѣ получаютъ особенную силу только входя въ большіе союзы, федераціи *). Въ обходъ закону бельгійскія коопераціи пытались объединиться въ анонимныя общества, но эта попытка не имѣла успѣха.

До сихъ поръ мы говорили только о потребительныхъ обществахъ,

*) Манчестерскій союзъ коопераціи былъ основанъ въ 1864 г. Въ годъ своего возникновенія онъ имѣлъ уже дѣлъ на 1 милліонъ фр. Къ 1888 году сумма его ежегодныхъ оборотовъ возросла до 155 милл. фр., а за весь этотъ промежутокъ времени союзъ получилъ 19 милл. фран. барыша. Къ концу 1882 г. манчестерская федерація объединила 863 кооперативныхъ общества или всего 635 тыс. членовъ. Она имѣла свои магазины, свои фабрики, свою поземельную собственность (на 3¹/₂ милл. фр.), свои зданія, свои пароходы и давала занятія нѣсколькимъ тысячамъ рабочихъ. Подобныя же цифры Бертранъ приводитъ и относительно кооперативной федераціи въ Глазгоу.

которымъ нашъ авторъ удѣляетъ свое наибольшее вниманіе; общества производительныя, наоборотъ, менѣе распространенныя въ Бельгіи, пользуются и меньшимъ его сочувствіемъ. „Коопераціи производства, — говоритъ онъ, — не составляютъ нашего идеала. Мы не вѣримъ, прежде всего, въ ихъ широкое, всеобъемлющее развитіе. Если производительныя коопераціи возможны въ мелкой и даже средней промышленности, онѣ не такъ приложимы при крупномъ производствѣ, которое требуетъ особенно большихъ капиталовъ. Мы думаемъ, что въ дѣлѣ организаціи труда будущее готовить намъ нѣчто иное, нежели производительныя ассоціаціи. Есть основаніе бояться, что эта форма производства поведетъ за собой злоупотребленія и несправедливости особаго рода. Можно бояться также соперничества группъ, ремесля, отдѣльныхъ отраслей промышленности. Конкуренція, столь гибельная въ настоящее время, будетъ и среди кооперацій... Лучшею формой производства оказывается та, которая будетъ организована общественною властью“ (стр. 56—57). Самыя сильныя изъ бельгійскихъ производительныхъ ассоціацій не имѣютъ независимаго существованія, онѣ всегда тѣсно связаны съ потребительными союзами, являясь ихъ необходимымъ естественнымъ дополненіемъ (какъ, наприм., знаменитая кооперативная булочная въ Брюсселѣ). Члены потребительнаго товарищества являются здѣсь, въ то же время, и производителями, но это оказывается возможнымъ только въ тѣхъ производствахъ, которые имѣютъ ремесленный мелкій характеръ. Кромѣ такой тѣсной связи съ потребительными товариществами, производительныя коопераціи, по мнѣнію Бертрана, должны быть еще непосредственно соединены съ рабочими синдикатами, дабы играть открыто роль „обществъ сопротивленія“.

Что касается другихъ формъ кооперацій, то въ Бельгіи онѣ развиты меньше, чѣмъ въ остальныхъ странахъ. Коопераціи страхованія возможны только въ странахъ съ высокою заработною платой, какъ, наприм., въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ. Бельгійскіе рабочіе, довольствующіеся самымъ скромнымъ вознагражденіемъ, въ большинствѣ случаевъ, оказываются не въ силахъ платитъ страховые полисы. Общества взаимнаго кредита, распространенныя всего больше въ Германіи, которая является ихъ родиной, существуютъ также и въ Бельгіи, но собственно рабочимъ они приносятъ мало пользы. Ими пользуются преимущественно, какъ это видно изъ отчетовъ подобныхъ банковъ въ Льежѣ и Вервѣе, торговцы, чиновники, учителя, прислуга, ремесленники и мелкіе предприниматели (такъ, наприм., въ Льежѣ на 295 торговцевъ и 240 чиновниковъ приходится только 23 поденщика). Всего такіе банки имѣютъ около 10 тыс. членовъ и около 2 милл. капитала, что даетъ приблизительно 200 фр. на каждого члена. Но дѣятельность обществъ взаимнаго кредита, въ сущности, довольно бесплодна. Большой капиталъ убиваетъ мелкій, точно такъ же какъ крупная торговля и крупная промышленность — мелкую.

Сельско-хозяйственныя ассоціаціи, распространившіяся во Франціи послѣ закона о синдикатахъ 1884 г., очень распространены издавна въ Швейцаріи и Италіи (въ формѣ молочныхъ, сыроварень и проч.), въ Бельгіи почти совершенно отсутствуютъ. Ихъ насчитывается только 12, но и тѣ не имѣютъ большого количества членовъ и постояннаго прочнаго существованія. То же самое надо сказать и относительно строительныхъ кооперативныхъ предпріятій. Послѣдній видъ кооперацій — такъ называемая *éconômats*, это особый видъ потребительныхъ обществъ, устраиваемыхъ хозяевами для рабочихъ. Бертранъ кон-

стативируетъ ихъ полную неудачу въ Бельгiи. Вина въ этомъ падаетъ на хозяевъ, которые стремились обыкновенно сдѣлать ёсопоматъ обязательными, т.-е. принудить рабочихъ брать товары только у нихъ. Дѣло не обходилось при этомъ безъ крупныхъ злоупотребленiй. Кромѣ того, хозяева не допускали рабочихъ къ участию въ управленiи этими обществами, предпочитая распоряжаться всѣмъ деспотически и безконтрольно.

Какъ уже сказано выше, нашъ авторъ является безусловно сторонникомъ коопераций. „Если ничто не будетъ противиться, — говоритъ онъ (стр. 50), — свободному развитiю кооперативнаго движенiя, отъ него можно ожидать въ будущемъ много добра“. Неообыкновенное развитiе коопераций въ послѣднiя 15—20 лѣтъ позволяетъ надѣяться Бертрану, что черезъ какую-либо четверть столѣтiя половина торговли будетъ сосредоточена въ рукахъ кооперативныхъ ассоциаций. „Не можетъ быть никакого сомнѣнiя, — читаемъ на стр. 152, — что потребительныя товарищества, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, призваны замѣнить оптовую и мелкую торговлю, какъ она существуетъ въ настоящее время. Нельзя допустить въ самомъ дѣлѣ, чтобы люди продолжали позволять эксплуатировать себя посредниками, когда можно устроить это дѣло иначе. Это все равно, какъ если бы теперь продолжать путешествовать въ дилижансѣ, вмѣсто того, чтобы брать курьерскiй поѣздъ, при томъ условiи, что курьерскiй поѣздъ стоитъ дешевле, чѣмъ путешествiе въ повозкѣ“. Каковы же будутъ послѣдствiя этого широкаго развитiя коопераций? Прежде всего, увеличится, разумѣется, покупательная сила ихъ членовъ, а такъ какъ членами ихъ предполагается будто бы чуть ли не большая часть ихъ потребителей, промышленность тогда получитъ новый и сильный толчокъ къ своему развитiю. Въ то же время, уничтоженiе торговаго посредничества, т.-е. профессii, занимающей громадное количество рабочихъ рукъ, увеличитъ приливъ рабочихъ въ производительныхъ отрасляхъ промышленности и сдѣлаетъ возможнымъ ея дальнѣйшее развитiе. Союзы коопераций, съ своей стороны, вмѣсто того, чтобы приобретать извѣстные продукты, будутъ производить ихъ сами. Но это обстоятельство нѣкоторыми экономистами (наприм., Жидомъ во Францiи, Голюкомъ въ Англiи и друг.) возлагаются большiя надежды. Такимъ путемъ, думаютъ эти писатели, наемный трудъ уступитъ свое мѣсто труду ассоциированному и эволюцiя современной капиталистической формы совершится естественно, мирно, безъ всякихъ потрясенiй. Нашъ авторъ этого не думаетъ; онъ не вѣритъ, чтобы рабочiя кооперации могли когда-нибудь овладѣть крупными желѣзно-дорожными компаниями, компаниями, страховыми и банковыми учрежденiями. Вмѣстѣ съ усиленiемъ коопераций, будетъ усиливаться значенiе акционерныхъ компаний, будетъ увеличиваться роль капитала, покуда, наконецъ, два одиноко организованные, но въ силу разныхъ причинъ не одинаково сильные враги не столкнутся одинъ съ другимъ. Тогда побѣдитъ тотъ, кто окажется сильнѣе, а сильнѣе окажется непременно народная масса, въ рукахъ которой къ тому времени сосредоточится вся политическая власть. Кооперации сыграютъ подготовительную, воспитательную и организаторскую роль, но рѣшающимъ факторомъ будутъ уже не онѣ.

Приведенные выше факты и выдержки изъ книги Бертрана достаточно выясняютъ ея характеръ. По преимуществу чисто-фактическая, снабженная обширнымъ статистическимъ матеріаломъ и любопытною библиографiей (впрочемъ, недостаточно полной для Англiи и Германiи),

книга эта займетъ, разумѣется, почетное мѣсто въ библиотекѣ всякаго, кто только интересуется экономическими вопросами. Нѣкоторые внѣшніе дефекты изложенія, нѣкоторая пространность въ разъясненіи того, что иногда всеѣмъ хорошо извѣстно, вполнѣ выкупаются симпатичнымъ характеромъ руководящихъ взглядовъ Бертрана, всегда горячо отстаивающаго въ своей книгѣ народныя интересы, а въ дѣйствительной жизни всецѣло преданнаго служенію рабочему классу своей страны.

La Grève générale et les grèves partielles, par Contensouzas. Paris, 1894. Вопросъ о всеобщей стачкѣ былъ поднятъ французскими делегатами на цюрихскомъ конгрессѣ, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе оппозиціи нѣмцевъ, былъ оставленъ безъ разрѣшенія или, вѣрнѣе, отложенъ до слѣдующаго лондонскаго конгресса. Тотъ же самый вопросъ поднятъ былъ и на французскомъ національномъ съѣздѣ рабочихъ, происходившемъ въ Парижѣ въ іюль мѣсяцѣ прошлаго года. И на этотъ разъ никакого общаго рѣшенія не воспослѣдовало, несмотря на то, что большая часть присутствовавшихъ высказала свое полное сочувствіе самой идеѣ всеобщей стачки. Вопросъ не могъ быть поставленъ на голоса въ виду заявленія извѣстной части делегатовъ, что имъ не дано для этого специальныхъ полномочій ихъ избирателями. Участники съѣзда не желали, однако, оставить это дѣло безъ всякаго движенія и потому рѣшено было избрать постоянную комиссію или бюро, задачей котораго должна быть пропаганда идеи всеобщей стачки и подготовка условій для ея осуществленія. Средствомъ для пропаганды долженъ служить специальный рабочій журналъ *Grève générale* *).

Первымъ дѣломъ учрежденнаго такимъ образомъ бюро былъ массовый опросъ рабочихъ съ цѣлью опредѣлить, въ какой степени среди французскаго рабочаго населенія распространено сочувствіе всеобщей стачкѣ. Результатъ оказался довольно сомнительнымъ; въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности большинство высказалось въ благопріятнымъ смыслѣ, въ другихъ—отвѣтъ былъ отрицательный, въ общемъ, кажется, сами инициаторы опроса разочаровались: идея всеобщей стачки внѣ Парижа еще не имѣетъ, повидимому, большого распространенія. Въ самомъ Парижѣ даже, гдѣ лучшая организація рабочихъ позволяетъ имъ строить болѣе широкіе планы, даже здѣсь, какъ оказывается, есть не мало завязтыхъ враговъ всеобщей забастовки.

Проявленіемъ этой враждебности является, между прочимъ, только что вышедшая книжка нѣкоего Контензуака: *La Grève générale et les grèves partielles*. Собственно говоря, этотъ злобный памфлетъ противъ нѣкоторыхъ рабочихъ депутатовъ, плодъ узавлеченнаго самолюбія или неудовлетвореннаго тщеславія, не заслуживалъ бы большого вниманія, еслибъ онъ не исходилъ прямо изъ среды рабочихъ (авторъ его—бывшій секретарь синдиката omnibusныхъ служащихъ) и еслибъ онъ не выражалъ собою взглядовъ, господствующихъ въ извѣстной части парижскаго рабочаго населенія. Г. Контензуакъ не вѣритъ въ успѣхъ всеобщей стачки, исходя изъ того положенія, что каждая стачка вообще, за немногими исключеніями, невыгодна для рабочихъ. Разсказавши исторію нѣсколькихъ, случайно взятыхъ стачекъ, нашъ авторъ замѣчаетъ: „Я рѣшилъ противиться всеобщей стачкѣ, которая мнѣ представляется чистѣйшею утопій; что же касается частичныхъ стачекъ,

*) Выходить съ января 1894 г

я ихъ признаю въ принципѣ, *констатуруя*, однако, что въ 99 случаяхъ изъ ста онѣ невыгодны рабочимъ“. Пасколько такое утвержденіе ложно, мы уже знаемъ: 60 стачекъ на 100 бываютъ успѣшны. А вмѣстѣ съ этимъ ни на чемъ не основаннымъ утвержденіемъ падаетъ главное основаніе пессимистическаго отношенія автора и къ стачкѣ всеобщей. Конечно, нельзя отрицать, что указаніе Контензуака на недостатокъ истинно *братскихъ международныхъ чувствъ* у рабочихъ (по нашему мнѣнію, вѣрнѣе было бы указать на отсутствіе прочной международной организаціи) имѣеть свою силу. Всеобщая стачка во Франціи въ настоящее время была бы, вѣроятно, въ самомъ началѣ задавлена необыкновеннымъ наплывомъ рабочихъ рукъ изъ-за границы (особенно изъ Италіи и изъ Бельгіи). Возможно также, что дѣло не дошло бы даже до этого. Сами партизаны всеобщей стачки (какъ, наприм., редакторъ газеты *Parte ouvrier*, Аллеманъ) не рассчитываютъ привлечь къ участию въ ней болѣе 1 милліона рабочихъ, а что значить подобная совершенно частичная забастовка въ виду наличности во Франціи 20 милл. человекъ, живущихъ на одну заработную плату!...

Всеобщая стачка—пока несомнѣнно утопія, въ этомъ можетъ быть увѣренъ всякій, сколько-нибудь знакомый съ французскимъ рабочимъ движеніемъ; но стоить оглянуться немного назадъ, чтобы убѣдиться, какихъ, съ точки зрѣнія прошлаго, утопическихъ результатовъ достигло уже въ наше время рабочее движеніе и какъ ошибочно поэтому считать вообще невыполнимымъ то, что не можетъ быть выполнено въ настоящій моментъ.

Сводъ статистическихъ матеріаловъ, касающихся экономическаго положенія сельскаго населенія Европейской Россіи. Настоящее изданіе канцеляріи комитета министровъ предпринято съ цѣлью приблизительнаго опредѣленія мѣстностей, откуда возможно переселеніе части крестьянъ безъ ущерба для земледѣльской промышленности, рѣшеніе какового вопроса имѣеть важное значеніе, въ виду предполагаемаго заселенія района строящейся сибирской желѣзной дороги выходцами изъ Европейской Россіи. Такъ какъ дѣлопроизводство по комитету сибирской желѣзной дороги, въ вѣдѣніи котораго находится также вышеупомянутое предпріятіе заселенія района дороги, сосредоточено въ канцеляріи комитета министровъ, то весьма естественно, если послѣдняя, въ видахъ выясненія дѣла, предпринимаетъ рядъ работъ, къ числу которыхъ относится и работа, о которой у насъ идетъ рѣчь. Для разрѣшенія поставленнаго вопроса о сельско-хозяйственной, такъ сказать, населенности различныхъ областей Россіи необходимо имѣть свѣдѣнія о количествѣ сельскаго населенія, площади обрабатываемой земли и нормальномъ участкѣ, который можетъ быть обработанъ однимъ рабочимъ. Свѣдѣнія о населеніи и площади запашки имѣются въ соответствующихъ изданіяхъ центрального статистическаго комитета. Что же касается величины нормальнаго рабочаго участка, таковую нужно получить при помощи вычисленій, построенныхъ на болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеніяхъ. Въ нашемъ случаѣ величина площади запашки, съ какою можетъ справиться одинъ работникъ, опредѣлена раздѣленіемъ числа дней, въ теченіе которыхъ производится уборка хлѣбовъ (уменьшая его на $\frac{1}{3}$), на количество мужскихъ дней (опредѣленныхъ тоже приблизительно), потребныхъ для уборки одной десятины. Предпринимая большую работу, канцелярія комитета министровъ совершенно естественно не ограничилась свѣдѣніями, строго необходимыми для разрѣшенія главнаго вопроса, а сочла полезнымъ

дать сводку по возможности всего цифроваго матеріала, относящагося къ сельско-хозяйственному положенію различныхъ районовъ. Поэтому, въ разсматриваемомъ изданіи таблицы (погубернскія и поуѣздныя) заключаются свѣдѣнія о населеніи, о распредѣленіи землевладѣнія по разрядамъ владѣній, по угодьямъ, распредѣленіе пахотной земли по посѣвамъ различныхъ хлѣбовъ, крестьянскаго населенія по количеству приходящейся на душу земли, объ урожайности хлѣбовъ, цѣнахъ хлѣбовъ, цѣнахъ земли, заработной платѣ сельско-хозяйственнымъ рабочимъ, о количествѣ рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ и заводахъ, о платежахъ крестьянъ и недоимкахъ и т. п. Кромѣ абсолютныхъ цифръ, имѣется много вычисленныхъ, въ томъ числѣ, среднихъ чиселъ и процентныхъ отношеній. Данныя земской статистики въ поуѣздной сводкѣ сгруппированы въ особыя таблицы съ 89 графами. Такимъ образомъ, разсматриваемое изданіе даетъ намъ сводку разнообразнаго и богатаго матеріала, заключающагося въ многочисленныхъ изданіяхъ центрального статистическаго комитета, департамента земледѣлія, земства и др. Свѣдѣнія, сгруппированныя въ разсматриваемомъ трудѣ, конечно, отличаются не одинаковою точностью, и отвѣтственность за степень этой точности лежитъ не на сводной работѣ; отъ послѣдней можно требовать только одного — не обращаться къ сомнительнымъ источникамъ или, по крайней мѣрѣ, точно обозначать послѣдній, и, къ сожалѣнію, въ нашемъ случаѣ это правило не всегда соблюдалось. Такъ, въ таблицахъ VII и VIII приведены данныя о заработной платѣ по матеріаламъ, полученнымъ отъ хозяевъ департаментомъ земледѣлія и сельско-хозяйственной промышленности, причемъ въ таблицѣ VII, относящейся къ поденной платѣ (кстати сказать, объ этомъ нужно догадываться), въ соответствующихъ графахъ точно указано, что приводимыя цифры суть среднія за 1883—1887 и 1888—1892 гг.; въ таблицѣ же VIII, заключающей данныя о платѣ годовымъ и срокомъ рабочимъ и за уборку десятины хлѣба, не имѣется такого точнаго приуроченія цифръ къ определенному періоду, а въ общемъ заголовкѣ таблицы значится, что свѣдѣнія относятся къ 1881—1891 гг. и получены департаментомъ земледѣлія отъ хозяевъ. Теперь спрашивается, суть ли эти свѣдѣнія за указанный періодъ и почему не произведено расчлененіе данныхъ на два періода, какъ это сдѣлано для поденной платы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ врядъ ли можетъ дать составитель таблицы VIII. Дѣло въ томъ, что соответствующія данныя взяты изъ труда г. Короленка *Вольнонаемный трудъ*, который хотя и вошелъ въ число изданій департамента земледѣлія (*Сельско-хозяйственные и статистическія свѣдѣнія по матеріаламъ, полученнымъ отъ хозяевъ*, в. V), но редакція котораго не лежала на департаментѣ. Это обстоятельство рѣзко отразилось на всемъ трудѣ, къ невыгодѣ, конечно, послѣдняго. Ограничиваясь частью этого труда, имѣющаго отношеніе къ нашему вопросу, скажемъ, что, благодаря отсутствію опытной редакціи въ трудѣ г. Короленка, между прочимъ, появились таблицы, называющіяся *Таблицы платы годовымъ (и срокомъ) рабочимъ и стоимости ихъ продовольствія за 10-тилѣтіе 1881—1891 гг.* На самомъ дѣлѣ, такія таблицы не могли быть составлены, потому что свѣдѣнія о платѣ годовымъ и срокомъ рабочимъ не собираются ежегодно. Насколько извѣстно, вопросъ объ этихъ платахъ былъ поставленъ хозяевамъ въ началѣ 80-хъ гг. Былъ ли этотъ вопросъ повторенъ впоследствии или приведенныя у г. Короленка цифры относятся къ вышеуказанному моменту, намъ неизвѣстно. Но если бы разсматриваемыя свѣдѣнія были

собраны два раза, то очевидно, что и въ разработкѣ они должны быть приурочены къ соотвѣтствующимъ моментамъ, и, во всякомъ случаѣ, надлежало указать, за какое количество лѣтъ выведена средняя цифра. Въ данномъ случаѣ не сдѣлано ничего подобнаго и очень можетъ быть, что таблица платъ за десятилѣтіе 1881—1891 гг. и на самомъ дѣлѣ есть таблица рабочей платы въ одинъ изъ начальныхъ годовъ названнаго десятилѣтія. Желательно, чтобы это обстоятельство было разъяснено компетентными лицами, и очень жаль, что такое разъясненіе не сдѣлано въ разсматриваемомъ изданіи.

Указанный промахъ въ канцеляріи комитета министровъ, конечно, не имѣетъ большого значенія и выпущенный ею объемистый томъ, заключающій, кромѣ таблицъ, текстъ съ краткими итогами изслѣдованія, долженъ быть признанъ весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу экономическую литературу. Трудъ этотъ составленъ г. Батушковымъ, при содѣйствіи гг. Ренненкампа и Никитина.

Сибирь и великая сибирская дорога. Изд. департамента торговли и мануфактуръ министерства финансовъ. Спб., 1893 г. Это изданіе, вышедшее одновременно на русскомъ и англійскомъ языкахъ, предназначалось для всемірной выставки въ Чикаго; представляя собой томъ около 20 печатныхъ листовъ, оно заключаетъ въ себѣ данныя по исторіи и географіи Сибири, о состояніи ея промышленности и торговли, описаніе сибирскихъ путей сообщенія, а также исторію и современное состояніе вопроса о сооруженіи новаго сибирскаго желѣзнаго пути. Хотя разсматриваемое изданіе, состоящее, главнымъ образомъ, изъ компилятивныхъ статей, и не представляетъ собой крупнаго вклада въ наше отечествовѣдѣніе, тѣмъ не менѣе, оно не лишено интереса, какъ сжатый очеркъ Сибири; предназначенный для ознакомленія иностранцевъ съ малоизвѣстной страной, онъ имѣетъ значеніе и для русскаго читателя. Намъ казалось бы только совершенно необходимымъ въ подобномъ сборникѣ отбросить источники и матеріалы, послужившіе для его составленія, но этого мы не находимъ здѣсь; странно также, что въ изданіи, посвященномъ Сибири, почти отсутствуютъ свѣдѣнія о новѣйшемъ переселенческомъ движеніи въ нее. Было бы тоже значительно удобнѣе для пользованія сборникомъ, если бы за разсмотрѣніемъ отдѣльныхъ районовъ, на которые разбита Сибирь, былъ данъ ихъ сводный очеркъ, а то теперь, напримѣръ, для отысканія общей цифры жителей въ Сибири надо суммировать данныя, разбросанныя на стр. 38, 50, 58, 71, 77, 83, 90 и 99; то же слѣдуетъ замѣтить о размѣрахъ добычи серебра, желѣза, каменнаго угля и пр.

Подъ именемъ Сибири разсматриваемое изданіе разумѣетъ всѣ азіатскія владѣнія Россіи, кромѣ Закавказья, Закаспійской области и Туркестанскаго генераль-губернаторства. Въ такомъ составѣ площадь Сибири превышаетъ въ $2\frac{1}{2}$ раза пространство Европейской Россіи, достигая 250,000 кв. миль; численность же населенія едва достигаетъ $6\frac{1}{2}$ милл. душъ, считая въ томъ числѣ и 1.860,000 душъ киргизской окраины.

Какъ ни мало въ сборникѣ данныхъ о состояніи переселенческаго движенія въ Сибирь за послѣднее время, тѣмъ не менѣе, представляются чрезвычайно интересными и тѣ немногія указанія, какія имѣются въ этомъ официальномъ изданіи объ отношеніи правительства къ переселеніямъ. Такъ, на стр. 23, за переселенческимъ движеніемъ признается важное государственное значеніе и говорится, что „правительство рѣшило придти на помощь народному движенію, урегулировавъ

его рядомъ обдуманнхъ мѣръ“. Въ Европейской Россіи за послѣднее время „контигентъ малоземельныхъ крестьянъ давно уже обращаетъ на себя вниманіе правительства“ и въ силу этого оно признало полезнымъ заселять пустующія плодородныя мѣста, давая, такимъ образомъ, „правильное примѣненіе силамъ малоземельныхъ крестьянъ“ (стр. 304). Но, съ другой стороны, на слѣдующей же страницѣ правительству предлагается, — въ виду культурныхъ цѣлей, конечно, — „содѣйствовать дарованіемъ нѣкоторыхъ льготъ по приобретенію казенныхъ земель русскимъ дворянамъ и вообще лицамъ, находящимся на правительственной службѣ, какъ болѣе образованнымъ и культурнымъ элементамъ, могущихъ принести съ собою цивилизующее вліяніе“. Такая надежда представляется тѣмъ болѣе неожиданной, что на стр. 102 того же изданія отмѣчено и для Сибири обычное явленіе для русскихъ частныхъ землевладѣльцевъ: сибирскіе „частныя владѣльцы нигдѣ не завели правильнаго хозяйства, а частью эксплуатируютъ свои имѣнія путемъ сдачи земли въ аренду крестьянамъ, частью же совершенно забросили ихъ, не извлекая изъ нихъ никакого дохода“. Въ послѣднее время даже послѣдовало высочайшее повелѣніе о прекращеніи продажи казенныхъ земель Западной Сибири.

Изъ разсмотрѣнія разнообразныхъ приемовъ сибирскаго земледѣлія и его размѣровъ, изъ обзора промышленной и торговой дѣятельности сибирскаго населенія становится особенно очевиднымъ, что обрабатывающая промышленность Сибири еще въ зачаточномъ состояніи и что даже ея естественныя богатства едва тронуты. Едва ли не наиболѣе свѣжія, еще не опубликованныя свѣдѣнія даетъ глава сборника, трактующая о минеральныхъ богатствахъ и горнозаводской промышленности; въ ней сообщаются данныя не только о Сибири, но и о всей Россіи. Отсылая интересующихся вопросомъ къ разсматриваемому изданію, отмѣтимъ здѣсь лишь добычу золота и соли.

Ежегодная добыча золота во всей Россіи въ десятилѣтіе 1882—1891 годовъ между 2,016 и 2,404 пудами, на сумму 22—26 милліоновъ руб. Изъ этого количества на Сибирь приходится болѣе $\frac{7}{10}$ ($70\frac{1}{2}\%$), и, главнымъ образомъ, на Восточную Сибирь ($63\frac{1}{2}\%$), съ особенно богатыми золотоносными россыпями. Въ 1891 году добычей золота были заняты въ Сибири до 37,000 рабочихъ. Общая добыча соли въ Сибири едва простирается до 2—3 милл. пудовъ въ годъ, что далеко не достаточно для мѣстнаго населенія, располагающаго, какъ извѣстно, весьма значительнымъ количествомъ скота. Цѣлыя громадныя области Сибири (Семирѣчье, Акмолинская, Приморская, Амурская и пр.) почти вовсе не имѣютъ соли мѣстной добычи и нерѣдко бываютъ поставлены въ крайнее затрудненіе, благодаря этому. Для предупрежденія истекающихъ отсюда крупныхъ неудобствъ правительство издавна заботится о снабженіи солью населенія Восточной Сибири и Приамурскаго края по умѣреннымъ цѣнамъ, что обходится казнѣ ежегодно около 100,000 руб.

Великая сибирская дорога, прорѣзывая Сибирь непрерывнымъ рельсовымъ путемъ отъ Челябинска до Владивостока, будетъ въ 7,112 верстѣ длиной и должна быть окончена къ 1905 году. Перевѣздъ по этому пути изъ Европы до Шанхая будетъ совершаться въ 18—20 дней, тогда какъ теперь по канадской дорогѣ надо ѣхать 35, а черезъ Суэцъ даже 45 дней. Общая стоимость этого громаднаго пути высчитана въ 350 милліоновъ рублей, что составитъ слишкомъ 49 тыс. руб. на версту. Кромѣ того, для различныхъ вспомогательныхъ предпріятій предполо-

жено затратить еще до 14 милл. руб. Нѣсколько послѣднихъ страницъ разсматриваемаго изданія посвящены уясненію значенія *великой сибирской желѣзной дороги*; но эта часть сборника крайне слабо обобнована, и сами составители ея думаютъ, что этотъ громадный путь „долго еще не будетъ выгоднымъ въ узко-коммерческомъ значеніи этого слова“ и что вообще выгоды этого предпріятія не поддаются арифметическому учету. Тѣмъ не менѣе, составители надѣются, что „сооружаемая дорога дастъ громадный толчокъ всему экономическому развитію края“ и проч. Какое именно направленіе надѣются придать этому развитію, можно догадываться изъ вышеприведенныхъ цитатъ (стр. 304 и 305 сборника).

Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности въ Россіи. Томъ II. Настоящее изданіе заключаетъ въ себѣ отчеты лицъ, командированныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ въ различныя мѣстности для выясненія нуждъ кустарнаго производства, въ виду возложеннаго въ 1888 г. на названное министерство „завѣдыванія тѣми изъ кустарныхъ промысловъ, которые составляютъ подспорье для сельскаго населенія, занимающагося земледѣліемъ“. Нѣкоторые изъ этихъ отчетовъ, несмотря на многообъщающія заглавія, вродѣ: *Кустарные промыслы въ Олонецкой губ. и выполненіе кустарями заказовъ или Гончарство въ Смоленской и Вятской губ. и Производство сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ въ Симбирской губ.* состоятъ всего изъ 5—6 страничекъ; другіе представляютъ болѣе или менѣе длинныя статьи. Наибольшій интересъ имѣютъ статьи: г-жи Давыдовой *Кустарная промышленность въ Средней Азій*, какъ заключающая кое-какія свѣдѣнія о малоизвѣстной намъ области; г. Хатисова: *Кустарные промыслы Закавказскаго края*, составляющая сводъ напечатанныхъ по этому предмету матеріаловъ, съ присоединеніемъ мѣстныхъ наблюденій автора; *Школы и музеи въ Германіи, Австріи, Швейцаріи и Франціи, имѣющіе цѣлью развитіе кустарной промышленности*, г. Морозова, лично знакомившагося за границей съ предметомъ. Большая статья г. Шевлягина: *Кожевенное производство въ Нижегородской, Черниговской, Полтавской, Харьковской и Курской губ.* посвящена преимущественно технической сторонѣ промысла. Большимъ недостаткомъ многихъ статей разсматриваемаго изданія является отсутствіе указаній на источники приводимыхъ въ нихъ, въ особенности цифровыхъ, свѣдѣній, которыя, къ тому же, весьма часто отличаются довольно поверхностнымъ характеромъ.

Статистическій сборникъ свѣдѣній по земельному кредиту въ Россіи. Т. III, в. I.—Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи. 1893 г. в. III. Названнаго изданія комитета съѣздовъ представителей учреждений русскаго земельного кредита, составленнаго подъ редакціей А. К. Голубева, заключаютъ свѣдѣнія о состояніи долгосрочнаго кредита въ Европейской Россіи за 1892 и 1893 г. Изъ приведенныхъ въ изданіяхъ таблицъ, поясняемыхъ діаграммами и картограммами и предшествуемыхъ краткимъ текстомъ, видно, что въ 1893 году изъ 114 милл. десятинъ частно-владѣльческой земли въ залогѣ состояло 46 милл. дес. или до 41% всей земли, съ первоначальною суммой долга 1,160 милл. руб. и остаткомъ непогашенныхъ долговъ 1,081 милл. руб. Городской недвижимости состояло въ залогѣ 44 тыс. имуществъ по 270 городамъ, съ суммою первоначальнаго долга въ 752 милл. руб., уменьшилось въ 1873 г. до 565 милл. руб. Такимъ образомъ, можно сказать, что погашеніе долговъ, лежащихъ на городской недвижимости,

совершается въ $3\frac{1}{2}$ раза быстрѣе, нежели погашеніе долга, обременяющаго сельскую недвижимость. Въ общемъ, въ русскихъ черноземныхъ губерніяхъ количество заложеной частно-владѣльческой земли значительно больше, нежели въ нечерноземныхъ. Исключеніе составляютъ бѣлорусскія губерніи съ большимъ количествомъ заложеной земли. На одномъ уровнѣ съ черноземными стоятъ польскія и литовскія, а двѣ прибалтійскія занимаютъ въ указанномъ отношеніи первое мѣсто, заключаая всего 10—15% земли (въ томъ числѣ и крестьянская), свободная отъ залога. Всего меньше заложено частно-владѣльческой земли (меньше 10%) въ сѣверныхъ губерніяхъ и въ Закавказьи. Задолженность частно-владѣльческой земли растетъ весьма быстро. Въ 1859 г. на помѣщичьихъ земляхъ, кромѣ польскихъ и прибалтійскихъ губерній, числился долгъ въ 425 милл. руб., впоследствии погашенный путемъ выкупной операціи. Съ 1864 года (возникновеніе херсонскаго земскаго банка) частно-владѣльческая земля начала опять обременяться долгами, составившими въ 1892 г. 911 милл. руб. Такимъ образомъ, въ теченіе 28 л. помѣщичья собственность накопила на себѣ слишкомъ вдвое большій долгъ, чѣмъ тотъ, отъ котораго она была освобождена, благодаря крестьянской реформѣ. Въ первое пятилѣтіе разсматриваемаго періода, когда учрежденіе земельныхъ банковъ только что начиналось, частно-владѣльческія земли накапливали на себѣ долги въ размѣрѣ 5—6 милл. руб. въ годъ; во второе и третье пятилѣтія, когда было учреждено наибольшее число банковъ, среднее ежегодное приращеніе долга измѣнялось цифрою 35 милл. руб.; въ слѣдующее пятилѣтіе (1880—1884 гг.) эта цифра уменьшилась почти на половину, съ тѣмъ, чтобы съ открытіемъ въ 1886 г. дѣятельности дворянскаго банка подняться въ первое пятилѣтіе до 56 милл. руб. въ годъ, а въ слѣдующее трехлѣтіе — до 57 милл. руб. въ годъ. Закладные листы и облигаціи, выпущенныя учрежденіями, выдающими долгосрочныя ссуды на сумму 1,387 милл. рублей кредитныхъ и 92 милл. рублей металлическихъ, приносятъ процентъ: бумаги въ металлической валютѣ отъ 4 до 5% (92,6% общей суммы бумагъ 4,5%), въ кредитной валютѣ отъ 4,5 до 6%, въ томъ числѣ 5% приносятъ бумаги на сумму 86,1% общей ихъ цѣнности и 5,5%—бумаги на сумму 11% общей цѣнности ипотечныхъ бумагъ въ кредитной валютѣ.

Очеркъ крестьянскаго хозяйства въ Сибири. А. А. Кауфмана. Томскъ, 1894 г. Эта брошюра представляетъ собою перепечатку (съ нѣкоторыми измѣненіями) одной изъ главъ сборника *О Сибири и великой сибирской дорогѣ*, изданнаго министерствомъ финансовъ для чикагской выставки. Какъ и большинство главъ этого сборника, лежащая передъ нами брошюра не представляетъ собой самостоятельнаго изслѣдованія, а является лишь компиляціей обширныхъ матеріаловъ, добытыхъ путемъ новѣйшихъ изслѣдованій Сибири. Тѣмъ не менѣе, эта книжка даетъ довольно ясное понятіе о хозяйствѣ сибирскаго крестьянина, такъ какъ составлена на основаніи лучшихъ источниковъ и, притомъ, авторомъ, знакомымъ съ сибирскою жизнью не только изъ книгъ, но лично потрудившимся надъ мѣстнымъ изученіемъ Западной Сибири и написавшимъ нѣсколько томовъ, трактующихъ о хозяйствѣ западно-сибирскаго крестьянина.

На громадныхъ пространствахъ Сибири можно встрѣтить самыя разнообразныя типы земледѣльческаго хозяйства и полеводства, тѣмъ не менѣе, конечно, земледѣліе здѣсь, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, имѣетъ въ виду эксплуатацію естественной производительности

земли, безъ удобренія ея, по залежно-паровой системѣ. При этой системѣ земля годъ или два засѣвается, затѣмъ годъ лежитъ подъ паромъ и снова поступаетъ подъ посѣвъ; такого рода чередованія посѣва и пара происходятъ до тѣхъ поръ, пока получается сносный урожай, а затѣмъ земля поступаетъ подъ залежь и отдыхаетъ до восстановленія ея урожайности; тогда на ней снова начинаютъ практиковаться посѣвы по залежно-паровой системѣ. Разновидности этой системы крайне разнообразны; въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири можно наблюдать переходъ отъ нея къ хозяйству съ удобреніемъ, а въ нѣкоторыхъ частяхъ Тобольской губерніи совершился уже окончательный переходъ къ обычному русскому трехполью—съ рожью въ озимомъ полѣ, съ овсомъ и ячменемъ въ яровомъ и зеленымъ паромъ. Даже подъ 60-мъ градусомъ сѣверной широты (при сильномъ удобреніи) земледѣліе даетъ хорошіе результаты, но здѣсь уже возможно лишь двухполье, съ посѣвомъ ржи на лучшихъ земляхъ и ячменя—на остальныхъ.

Характерною чертой сибирскаго земледѣлія, влекущую за собой сама мя тяжелыя послѣдствія для крестьянина, является крайняя измѣнчивость урожаявъ. Впрочемъ, въ мѣстностяхъ съ прочно установившимся удобреніемъ земли колебанія урожаявъ не такъ велики. Наиболее распространенными причинами неурожаявъ бывають здѣсь весенніе заморозки и ранніе осенніе инеи; первые повреждаютъ хлѣбъ при всходахъ, вторые—во время налива зерна. Въ степныхъ мѣстностяхъ къ этимъ причинамъ недорода присоединяются еще засухи и кобылка. Наряду съ измѣнчивостью урожаявъ наблюдается и громадное колебаніе цѣны на хлѣбъ: при средней цѣнѣ пуда ржи въ 20—25 коп., за послѣднія 20 лѣтъ наблюдались цѣны отъ 8 коп. до 2 руб. (въ 1892 г.).

Въ рассматриваемой брошюрѣ очень мало отведено мѣста хозяйству восточной и юго-западной сибирскихъ окраинъ, а, между тѣмъ, какъ извѣстно, земледѣліе носитъ тамъ чрезвычайно разнообразный характеръ и заслуживало бы внимательнаго ознакомленія съ нимъ. Въ Семипалатинской и Семирѣченской областяхъ земледѣльческое хозяйство возможно лишь при условіи искусственнаго орошенія полей. При этомъ условіи въ Семирѣчьи собирается два урожая въ годъ: озимая пшеница и ячмень посѣваются, благодаря теплomu климату, къ концу мая, а на ихъ мѣсто сѣютъ другіе хлѣба (просо, морковь, макъ, чечевицу), посѣваяшіе къ осени. Въ обѣихъ областяхъ съ поливныхъ земель получаютъ очень крупныя урожаи, а неурожаявъ никогда не бываетъ. Интересно отмѣтить, что въ Амурской области земледѣліе русскихъ поселенцевъ рѣзко отличается отъ хозяйства манчжуръ и корейцевъ: тогда какъ у послѣднихъ запашки невелики и отличаются тщательностью обработки, русскіе ведутъ хищническое хозяйство, засѣвая хлѣба изъ года въ годъ безъ удобренія и не давая землѣ отдыха въ теченіе 7—8, а иногда и 15 лѣтъ.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Чердынскому уѣзду, Пермской губерніи. Не многія, вѣроятно, изъ лицъ, даже специально интересующихся такъ называемою земскою статистикою, знакомы съ изданіемъ, выставленнымъ въ заголовкѣ настоящей рецензіи,—по крайней мѣрѣ, составителямъ обоихъ томовъ *Итоговъ экономическаго изслѣдованія Россіи по данной земскою статистикѣ* эта книга осталась неизвѣстной. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые уѣздныя земства, найдя полезнымъ произвести болѣе или менѣе обстоятельное изслѣдованіе подлежащей ихъ вѣдѣній области, не принимаютъ никакихъ мѣръ для того, чтобы если не распространить, то хотя бы сдѣлать извѣстнымъ

ученому міру существованіе новаго экономическаго труда. Къ числу такихъ земствъ принадлежитъ чердынское. Произведенное, согласно его постановленію, изслѣдованіе уѣзда закончено въ 1886 г., а сводка собраннаго матеріала издана въ 1890 г. Изслѣдованіе производилось гг. Калашниковымъ и Торгудомъ путемъ подворнаго опроса крестьянскаго населенія, и собранный матеріалъ сведенъ въ обычныя для земско-статистическихъ изданій поселенныя таблицы, заключающія въ данномъ случаѣ 179 графъ. Въ поселенныхъ таблицахъ имѣются, между прочимъ, данныя о заработкѣ отъ главнѣйшихъ промысловъ, о числѣ хозяевъ, покупающихъ и продающихъ хлѣбъ, и о размѣрахъ соотвѣствующихъ операцій, о распредѣленіи безземельныхъ хозяевъ на разряды (бобыли, отставные солдаты и т. п.) и нѣкоторыя другія свѣдѣнія, рѣдко встрѣчающіяся въ остальныхъ аналогичныхъ изданіяхъ. Сверхъ поселенныхъ таблицъ, въ разсматриваемомъ *Сборникѣ* имѣются поволостныя таблицы данныхъ относительно количества погибшаго за послѣдніе 3 года скота: отъ болѣзни, безкормицы, хищныхъ звѣрей, утонувшаго, завязшаго въ грязи и т. п. Таблицамъ предшествуетъ краткій текстъ, заключающій главнѣйшіе итоги изслѣдованія. Наибольшею краткостью отличается описаніе общинныхъ распорядковъ, заключающее всего 2½ страницы; сравнительно подробно описаны промыслы населенія: извозный, лесорубочный, рыболовство, охота, барже-строеніе. Въ заключеніе не можемъ не выразить пожеланія, чтобы впредь всякое специальное изслѣдованіе земства не предназначалось въ добычу архивной пыли; чтобы земства не отказывались, по крайней мѣрѣ, отъ высылки такихъ изданій хотя бы въ редакціи журналовъ и главнѣйшихъ газетъ, каковымъ способомъ интересующіяся дѣломъ лица имѣли бы возможность получить свѣдѣнія о существованіи извѣстнаго труда и принимали бы тѣ или другія мѣры для его приобрѣтенія.

Очеркъ сельскаго хозяйства въ Приморской области. Н. А. Крюкова. Такъ называемая земская статистика избаловала насъ въ отношеніи точности приемовъ предпринимаемыхъ мѣстныхъ изслѣдованій и наши требованія отъ такихъ изслѣдованій за послѣднее пятнадцатилѣтіе значительно повысились. Впрочемъ, мы не намѣрены предъявлять подобныя требованія ко всякому труду, трактующему о предметѣ, имѣющемъ мѣстный характеръ, какъ не предъявляемъ его и къ вышеназванному труду г. Крюкова. Несмотря на то, что хозяйство, ведомое 7,700 дворами Приморской области, безъ большого затрудненія могло бы быть изслѣдовано путемъ подворной переписи, мы готовы признать извѣстное значеніе, какъ перваго луча свѣта на совершенно неизвѣстную восточную окраину Сибири, и за разсматриваемую книгу, не взирая на то, что объясненіе автора относительно метода его изслѣдованія, — „личный обзоръ и изученіе дѣла на мѣстахъ“, — не представляется достаточно определеннымъ и что статистическія данныя, приводимыя въ разсматриваемомъ трудѣ, собирались черезъ волостныя правленія. Но мы не можемъ не удивиться смѣлости нѣкоторыхъ „заключеній“ автора, не стоящихъ ни въ какой связи съ тѣмъ, что имъ описывалось. Дѣйствительно, „Уссурийскій край, — по словамъ автора, подтверждаемымъ собранными имъ данными, — по своимъ климатическимъ особенностямъ, не есть хлѣбная страна; производство зерновыхъ хлѣбовъ встрѣчаетъ здѣсь такія неблагоприятныя вліянія, что культура ихъ можетъ быть только второстепенною отраслью хозяйства“ (стр. 154). „Громадные и непредвидѣнные разливы рѣкъ, случающіяся въ неопредѣленные промежутки времени, могутъ совершенно истребить всякую культуру: насе-

леніе края въ этомъ отношеніи всегда находится подь дамьковымъ мечемъ. Поэтому, чтобъ избавить хозяйство отъ такихъ всеистребляющихъ инундацій, придется рано или поздно регулировать рѣки земляными валами, каналами и тому подобными сооружениями, дорогами и трудными“ (стр. 157). Несмотря на это, русское населеніе этого молодого края засѣваетъ до 4 — 4,5 десятины земли на работника, собираетъ съ десятины 50 — 60 и больше пудовъ главнѣйшихъ хлѣбовъ, держитъ, въ среднемъ, на дворъ отъ 3 до 7 лошадей и отъ 6 до 8 штукъ рогатаго скота. Населеніе края весьма зажиточно; у многихъ крестьянъ имѣются запасы денегъ по нѣскольکو тысячъ рублей. Отсюда уже естественно заключить, что населеніе Приморской области ведетъ свои дѣла соотвѣтственно окружающимъ его условіямъ, и если оно ведетъ, наприм., экстензивное хозяйство, то, при рѣдкости населенія края и въ виду вышеописанныхъ климатическихъ условій, такая система хозяйства должна быть признана весьма цѣлесообразною. Затрата же на хозяйство большихъ средствъ и труда, результаты которыхъ въ одинъ прекрасный день могутъ быть „совершенно истреблены“ неудержимыми разливами рѣкъ, до регулированія послѣднихъ земляными валами, каналами и т. п., было бы весьма не рациональнымъ шагомъ. Къ величайшему же нашему удивленію, экстензивное хозяйство русскаго населенія Приморской области авторъ приписываетъ... общинѣ. „Отдача земли въ пользованіе деревенскихъ общинъ ведетъ къ разоренію этой земли“; „при общинномъ пользованіи землей нельзя рассчитывать ни на какой сельско-хозяйственный прогрессъ“ (стр. 157). Такой ходъ мыслей автора, приведшій его къ заключеніямъ, не имѣющимъ, повторяемъ, никакой связи съ приводимыми имъ фактами (при общинномъ владѣніи здѣсь займа каждымъ хозяиномъ земли подь посѣвъ и пользованіе ею совершенно свободны), неприятно поражаетъ во всякомъ серьезномъ трудѣ, тѣмъ болѣе въ официальномъ изданіи, которое, казалось бы, должно воздерживать автора отъ всякаго выраженія въ „заключеніяхъ“ субъективныхъ мнѣній и побуждать его ограничиваться непосредственными выводами изъ фактовъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Современные вопросы научнаго земледѣлія“. Р. Слезкина. — „Практическіе совѣты по огородничеству“. Е. Аверкиевой. — „Куриное яйцо“. С. Т. Нейштубе. — „Какъ Архипъ разбогатѣлъ“. В. Шимановскаго. — „Виноградарство и винодѣліе въ Черноморскомъ округѣ“. Я. Ф. Гейдука. — „Пчелиный воскъ“. Ив. Каблукова и Ив. Антушевскаго. — „Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи“. Н. Кулатина.

Современные вопросы научнаго земледѣлія. Сборникъ статей Петра Р. Слезкина. Изд. Васильева. М., 1894 г. Цѣна 1 р. Шесте статей, составляющихъ это изданіе, печатались прежде въ журналѣ *Сельское хозяйство и мѣсоводство*. Наибольшій общій интересъ имѣетъ вторая статья—о дѣятельности опытныхъ полей и станцій; здѣсь сообщены интересныя свѣдѣнія объ опытномъ полѣ Рудольфа Сакка, извѣстнаго машиностроителя. Авторъ очень строго относится къ болѣшинству существующихъ опытныхъ полей, усматривая въ нихъ „напѣвленіе никому ненужныхъ и малонадежныхъ опытовъ культуры подь гарниромъ изъ цифръ, данныхъ химическими анализами“ (стр. 68). Въ виду замѣчаемаго въ нѣкоторыхъ русскихъ земствахъ увлеченія по-

спѣшнымъ устройствомъ опытныхъ полей, мы считаемъ полезнымъ напоминанія автора (стр. 74) о томъ, какъ часто результаты опытовъ имѣютъ нѣкоторое руководящее значеніе только для узко мѣстныхъ условій погоды и почвы. По отношенію къ опытамъ, устраиваемымъ одновременно во многихъ хозяйствахъ, авторъ, повидимому, впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе: на стр. 69 проглядываетъ сочувствіе къ такимъ опытамъ, а на стр. 80 авторъ считаетъ „несомнѣнною непрямѣиность суммарнаго метода для рѣшенія вопросовъ по удобренію“. Первая и наибольшая по размѣру статья книжки г. Слезкина посвящена почвеннымъ бактеріямъ. Одно изъ сдѣланныхъ въ этой статьѣ указаній (стр. 48) о связываніи свободнаго азота водорослями „подъ прямымъ воздѣйствіемъ хлорофилла“ теперь едва ли можетъ считаться вѣрнымъ: оно, повидимому, опровергается недавними опытами г. Коссовича. Третья и четвертая статьи говорятъ объ удобреніи, пятая о гумусѣ, послѣдняя о бонитировкѣ почвы растеніями. Книга написана живо, но ждетъ читателя съ общою естественно-научною подготовкой. Для этого читателя не лишними были бы и литературныя указанія.

Практическіе совѣты по огородничеству. XXII. Сѣмяноводство. Екатерины Аверкіевой. Изд. Тихомирова. М., 1894 г. Цѣна 15 к. Это одна изъ многочисленныхъ брошюръ, написанныхъ плодовитою писательницей для серіи популярныхъ сельско-хозяйственныхъ изданій г. Тихомирова. Брошюра заслуживаетъ вниманія въ виду важности предмета: извѣстно, въ какой зависимости находится русское огородничество отъ немногихъ сѣменныхъ магазиновъ, разсылающихъ свой товаръ въ самыя отдаленныя мѣстности. Выращиваніе сѣмянъ въ собственномъ хозяйствѣ освобождаетъ огородниковъ отъ такого подчиненія магазинамъ и при надлежащемъ вниманіи къ дѣлу можетъ явиться серьезнымъ толчкомъ для дальнѣйшихъ успѣховъ нашего огородничества. Въ брошюрѣ даны краткія указанія о выгонѣ сѣмянъ лишь для 24 огородныхъ растеній, но и этихъ указаній (относящихся преимущественно къ однолѣтнимъ овощамъ) достаточно для первоначальнаго знакомства съ дѣломъ; въ заключеніе сказано нѣсколько словъ о скрещиваніи сортовъ. Поясненіемъ къ тексту служатъ 40 рисунковъ.

Куриное яйцо. С. Т. Нейштубе. Изд. Тихомирова. М., 1894 г. Цѣна 15 коп. Въ этой брошюрѣ разсматриваются продовольственное значеніе яицъ, яичный промыселъ за границей, вывозъ яицъ и птицы изъ Россіи, отношеніе заграничныхъ рынковъ къ русскимъ яйцамъ, положеніе внутренняго рынка въ Россіи, способы упаковки, перевозки и храненія яицъ. Приведенный нами перечень содержанія показываетъ уже, что авторъ имѣлъ въ виду цѣли денежнаго хозяйства, но различныя мѣста брошюры (преимущественно пятая глава) заслуживаютъ вниманія и съ точки зрѣнія натурального птицеводства, поддержка котораго особенно желательна въ интересахъ самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства. Лица, интересующіяся яичною торговлей, найдутъ въ книжкѣ г. Нейштубе много полезныхъ справочныхъ указаній.

Какъ Архипъ разбогатѣлъ. Разсказъ объ уходѣ за садомъ. Всеволода Шимановскаго. Изд. Тихомирова. М., 1894 г. Цѣна 10 к. Это просто и сжато написанный разсказъ о расчисткѣ запущеннаго сада, объ осеннихъ, зимнихъ, весеннихъ, лѣтнихъ садовыхъ работахъ, о нѣкоторыхъ болѣзняхъ и поврежденіяхъ деревьевъ и о храненіи плодовъ. Брошюра очень мала, но пригодна, какъ самое первоначальное чтеніе по плодоводству. Жаль, что цѣна не сообразована съ объемомъ; 3 года тому назадъ та же фирма издала брошюру того же автора

(подъ заглавіемъ *Сады крестьянина*), относительно болѣе доступную по цѣнѣ: текстъ въ полтора раза болѣе и таблица рисунковъ оплачивались 12 копѣйками. Пора понять нашимъ издательскимъ фирмамъ, что собственная выгода книгоиздательства тѣсно связана съ общедоступностью цѣны для тѣхъ изданій, которымъ назначается широкое распространеніе.

Виноградарство и винодѣліе въ Черноморскомъ округѣ. (Докладъ кубанскому экономическому обществу). Я. Ф. Гейдука. Г. Екаторинодаръ, 1893 г. Винодѣліе въ Черноморскомъ округѣ въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ началось сравнительно недавно, съ конца семидесятыхъ годовъ, но и за это короткое время оно настолько развилось и окрѣпло, что представляетъ уже весьма важную отрасль сельскаго хозяйства. Виноградники расположены, главнымъ образомъ, около Новороссійска. Здѣсь имѣются крупныя винодѣльческія фирмы, славящіяся своими превосходными винами, которыя, послѣ 3-хъ лѣтней выдержки въ погребахъ, продаются почти исключительно въ столицы по цѣнѣ отъ 12 до 25 руб. за ведро. Наиболѣе извѣстны марки: Абрау (Уд. вѣд.), Мысхако (Пенчула), Шесхерисъ (Осиповскаго), Туишко (бар. Штенгеля) и Ханъ-Чокракъ (генерала Пиленка). Вино мелкихъ хозяйствъ, за неимѣніемъ хорошихъ погребовъ и достаточнаго оборотнаго капитала, переходитъ въ руки скупщиковъ безъ надлежащей выдержки и ими уже раздѣляется и приспособляется ко вкусу мѣстныхъ потребителей. Цѣна этихъ винъ 5—8 руб. за ведро. На нихъ часто наклеиваются поддѣльные ярлыки крупныхъ фирмъ. Однимъ словомъ, въ Черноморскомъ округѣ происходитъ то же самое, что и въ другихъ винодѣльческихъ мѣстностяхъ Россіи: всякаго рода поддѣлка и самый грубый обманъ. Какихъ-какихъ только нѣтъ теперь на русскихъ рынкахъ отечественныхъ винъ—и крымскія, и кавказскія, и бессарабскія, и донскія, и кубанскія, и закаспійскія,—а хорошаго вина негдѣ взять. Все это поддѣлано, выдѣлано, подслащено, подкрашено, наспиртовано и т. п.

Авторъ разсматриваемой брошюры рисуетъ общую картину положенія винодѣлія въ Черноморскомъ округѣ и указываетъ, какія именно условія благоприятствуютъ здѣсь его процвѣтанію и что нужно сдѣлать, чтобъ оно могло и далѣе развиваться. По его мнѣнію, здѣсь возможны лишь лучшія культуры и высшіе сорта. Новороссійскія вина по своимъ высокимъ качествамъ вполне пригодны и для заграничнаго вывоза. Они отличаются своею крѣпостью и отличнымъ ароматомъ, но цвѣтъ красныхъ винъ недостаточно густъ, благодаря особеннымъ свойствамъ почвы виноградниковъ.

Брошюра написана интересно и съ знаніемъ дѣла. Мѣстами авторъ касается нѣкоторыхъ научныхъ вопросовъ относительно химіи вина, и здѣсь его разсужденія не обнаруживаютъ серьезнаго знакомства съ предметомъ (стр. 22, 23). Нѣсколько странными кажутся соображенія автора о знатокѣ вина (стр. 28), который пробуетъ, оцѣниваетъ, изрекаетъ приговоры. „Такой знатокъ,— по мнѣнію автора,— долженъ стоять на высотѣ гражданской доблести“ и быть „изъ высшаго дворянства“, такъ какъ въ его средѣ, будто бы, скорѣе сыщется знатокъ вина (?).

Пчелиный воскъ. Руководство къ качественному и количественному анализу пчелинаго воска и его подмѣсей. Ив. Каблукова и Ип. Антушевича. Изданіе редакціи журнала „Фармацевтъ“. 1893 г. Цѣна 1 руб. Въ виду широко развитой фальсификаціи воска,

желательно имѣть вѣрные и удобовыполнимые методы для опредѣленія количества и качества заключающихся въ немъ примѣсей. Предлагаемое авторами руководство содержитъ въ себѣ описаніе всѣхъ почти извѣстныхъ работъ по изслѣдованію воска. Рекомендуемые ими аналитическіе приемы были проверены въ лабораторіи и изъ нихъ отмѣчены наиболѣе точные и удобопримѣнимые.

Кромѣ того, книжка содержитъ химическій составъ воска, его бѣленіе и описаніе веществъ, которыя умышленно подмѣшиваются къ пчелиному воску.

Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи. Составилъ Н. Кулагинъ, приватъ-доцентъ Московскаго университета. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Первое изданіе одобрено ученымъ комитетомъ министерства государственныхъ имуществъ. Спб., 1894 г. Ц. 50 коп. Авторъ означенной брошюры задалъ цѣлью „дать по возможности дешевое, болѣе или менѣе общедоступное краткое описаніе главнѣйшихъ насѣкомыхъ, вредныхъ для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи“. Послѣ описанія строенія тѣла насѣкомыхъ, авторъ излагаетъ естественную исторію отдѣльныхъ представителей вредныхъ насѣкомыхъ, причемъ пользуется статьями русскихъ энтомологовъ І. А. Парчинскаго, И. Я. Шевырева, Н. А. Холодковскаго, Ѳ. П. Кепшена, К. Линдемана и друг., помѣщенными въ различныхъ русскихъ періодическихъ изданіяхъ. При изложеніи естественной исторіи каждаго изъ отдѣльныхъ представителей, авторъ приводитъ также мѣры борьбы противъ него, предложенныя тѣмъ или другимъ ученымъ. Вся книга снабжена хорошими рисунками, что позволяетъ пользоваться ею для опредѣленія тѣхъ насѣкомыхъ, описаніе которыхъ помѣщено въ ней. Написана она очень популярно.

МЕДИЦИНА.

„Изслѣдованіе гигиенической обстановки народныхъ школъ Кременчугскаго уѣзда“. А. А. Новицкаго.

Изслѣдованіе гигиенической обстановки народныхъ школъ Кременчугскаго уѣзда. А. А. Новицкаго. Спб., 1893 г. Изслѣдуя школы Кременчугскаго уѣзда въ гигиеническомъ отношеніи, авторъ пришелъ къ весьма неутѣшительнымъ выводамъ: школы строятся, гдѣ попало, безъ всякихъ соображеній относительно удобства и безопасности для здоровья выбраннаго мѣста; выстроены онѣ плохо, черезъ потолокъ въ нѣкоторыхъ льетъ вода, нѣкоторыя холодны до такой степени, что ученики занимаются безъ шубъ не могутъ; полы моются по 3 раза въ годъ, а въ иныхъ и того нѣтъ, такъ какъ полы глинобитные. Что касается самыхъ элементарныхъ требованій гигиены, то они игнорируются совершенно: о вентиляціи нѣтъ и помина въ большинствѣ школъ, кубическое содержаніе воздуха недостаточно, освѣщеніе неправильно и скудно, школьная мебель неудовлетворительна по количеству и по качеству... Конечно, все, что докладываетъ авторъ, неутѣшительно; мечтать объ идеальной устроенной и содержимой въ гигиеническомъ отношеніи школѣ можно, но другое дѣло осуществить эти идеалы въ дѣйствительности. Правда, часть вопіющихъ недостатковъ школы, указанныхъ авторомъ, можетъ быть устранена безъ особенныхъ затратъ со стороны земства и сельскихъ обществъ, другая

же, значительно большая, требуетъ уже болѣе или менѣе ощутительныхъ затратъ. Въ дѣйствительности приходится считаться съ гораздо большимъ зломъ: наприм., малочисленностью школъ вообще... Что лучше: одна ли идеально устроенная школа, или десятокъ мазанокъ съ глинобитными полами? Вопросъ существенный, мудреный и рѣшить его такъ просто, какъ рѣшаетъ авторъ на 49 стр., во всякомъ случаѣ, нельзя. Что касается внѣшней, такъ сказать, стороны труда, то нельзя не указать на нѣкоторые весьма серьезные недостатки: на стр. 5—ссылка на таблицу, которой нѣтъ; изложеніе мѣстами очень темное: „быть можетъ, въ будущемъ дополненія и къ настоящей моей работѣ, я буду имѣть возможность произвести изслѣдованіе“ и т. д. Изъ описанія постройки мазанокъ выходитъ, какъ будто бы строится сначала крыша, а затѣмъ стѣны. Опечатокъ не мало. Конечно, все это не существенно, но выражаться понятно и грамотно, во всякомъ случаѣ, никому не мѣшаетъ.

УЧЕБНИКИ.

„Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ“. А. П. Флерова.—„Грамматика древняго церковно-славянскаго языка“. *Его же.*—„Брошюра о преподаваніи русскаго языка съ церковно-славянскимъ и письменныя работы въ младшихъ классахъ учебныхъ заведеній“. Н. Глацкинова.—„Наша старина“. Л. М. Шаргал.—„Записки о гальской войнѣ“. Гая Юлія Цезаря.—„Книга упражненій по греческой этимологіи“. Я. Мора.

Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ.—Грамматика древняго церковно-славянскаго языка. Составилъ А. П. Флеровъ, преподаватель Ришельевской гимназіи. Одесса, 1894 г. Цѣна 60 коп. + 50 коп. Изъ двухъ учебниковъ по древнему церковно-славянскому языку, составленныхъ г. Флеровымъ, второй представляетъ изъ себя сокращеніе перваго, такъ какъ въ немъ „выпущено почти все, что относится къ русскому языку“ (предисл., стр. VI). Впрочемъ, это „все“ въ первомъ учебникѣ умѣщается въ шести лишнихъ параграфахъ, и нѣтъ никакой необходимости говорить о томъ или другомъ учебникѣ отдѣльно. Самыя задачи, которыя ставитъ себѣ составитель, соотвѣтственно одинаковы въ обоихъ учебникахъ, потому что цѣль второго изъ нихъ „научно изложить грамматику древняго церковно-славянскаго языка въ формѣ точной, краткой и ясной примѣнительно къ потребностямъ средне-учебнаго заведенія“ г. Флеровъ въ первомъ измѣняетъ прибавленіемъ выраженія: „сравнительно съ русскимъ“ (предисл., стр. V).

Что же такое значить слово „научно“ въ только что изложенной задачѣ г. Флерова? „Въ нашемъ учебникѣ,—отвѣчаетъ на это г. Флеровъ,—научный элементъ выразился въ томъ, что явленія языка не просто сообщаются, но и выясняются при посредствѣ анализа ихъ, сопоставленія, раскрытія ихъ взаимодействія, наконецъ, въ самомъ способѣ изложенія и расположенія матеріала“ (предисл., стр. V). Не думаемъ, чтобы такая научность была новостью, и можно назвать нѣсколько учебниковъ по той же грамматикѣ древняго церковно-славянскаго языка, въ которыхъ „научному элементу“ отведено достаточно мѣста. Намъ кажется, такимъ образомъ, что особенностью разбираемыхъ грамматикъ составляетъ вовсе не небывалая научность ихъ, а просто приноровленность ихъ къ „Новымъ учебнымъ планамъ для мужскихъ

гимназій“, утвержденнымъ 20 іюля 1894 г. Скажемъ больше: не руководясь составитель желаніемъ приноровить свои учебники къ „Новымъ планамъ“, ему не зачѣмъ было бы издавать свою грамматику въ двухъ видахъ. Не даромъ онъ самъ распространяется, между прочимъ, въ предисловіи о „Новыхъ планахъ“, причѣмъ заключаетъ: „Наша книга, служа для IV класса мужскихъ гимназій *учебникомъ грамматики древняго церковно-славянскаго языка*, для старшихъ классовъ является *пособіемъ при практическомъ ознакомленіи съ исторіей этимологическихъ формъ русскаго языка*“ (предисл., стр. VIII); не даромъ же текстъ учебника грамматики древн. церк.-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ *напечатанъ тремя шрифтами*: 1) *крупнымъ* шрифтомъ набрано то, что относится къ др. ц.-славянскому языку и должно быть пройдено въ IV классѣ гимназій; 2) *сжатымъ* напечатано то, что выясняетъ исторію образованія формъ русскаго языка и должно практически усвоиваться въ старшихъ классахъ гимназій при изученіи образцовъ русской словесности, древней и новой, устной и книжной; 3) *мелкимъ* шрифтомъ напечатано менѣе важное, а именно: примѣчанія и выноски“ (предисл., стр. XI). Ясно, что изданіе со стороны г. Флерова отдѣльнаго учебника, въ которомъ „выпущено почти все, что относится къ русскому языку“, вызвано заботами его объ интересахъ учениковъ IV класса, а эти заботы могутъ, конечно, оказаться выгодными для составителя.

Переходимъ къ достоинствамъ и недостаткамъ разбираемыхъ грамматикъ. Въ этихъ грамматикахъ, несомнѣнно, встрѣчается кое-что такое, чего нѣтъ въ другихъ грамматикахъ, но все это можетъ быть интересно только для старшихъ классовъ и является тяжелымъ и ненужнымъ обремененіемъ учениковъ IV класса, слишкомъ еще юныхъ для того, чтобы погрузиться во всю бездну премудрости др. ц.-славянской грамматики, и слишкомъ занятыхъ, чтобы на изученіе др. ц.-славянскаго языка тратить количество времени, соотвѣтствующее требованіямъ г. Флерова. Такое замѣчаніе должно относиться къ „ученію о звукахъ“ или фонетикѣ; но если, однако, этотъ отдѣлъ разработать у г. Флерова слишкомъ подробно и обстоятельно, то въ его „ученіи о словообразованіи“ нельзя не замѣтить существенныхъ пробѣловъ, и, во всякомъ случаѣ, ученики узнаютъ очень мало изъ этого „ученія“ относительно разнообразныхъ суффиксовъ. Отрывки изъ *Зографскаго евангелія* можно было бы считать полезнымъ прибавленіемъ къ Остромирову евангелію, если бы въ IV классѣ, для котораго, повидимому, предназначаютъ ихъ составитель, достало времени на ознакомленіе съ ними. Что касается „научной связи съ грамматикой русскаго языка“, то, соглашаясь съ г. Флеровымъ, что „такая связь важна“ (предисл., стр. VI), и находя многія его указанія относительно русскаго языка полезными, мы, все-таки, не можемъ не сказать здѣсь, что едва ли при прохожденіи грамматики др. ц.-славянскаго языка какой-нибудь мало-мальски опытный и дѣльный учитель обходится безъ постоянныхъ сопоставленій съ русскимъ. Наконецъ, языкъ разбираемыхъ грамматикъ не вездѣ отличается выразительностью, и мы, напримѣръ, не понимаемъ, что значить слово „отвлеченность“ въ примѣчаніи къ § 22, гдѣ читаемъ: „Параллельныя формы др. ц.-славянскаго и русскаго языка употребляются въ современной литературной рѣчи съ различіемъ отгѣнковъ основнаго значенія, причѣмъ др. ц.-славянскія формы придаютъ слову большую частью важность и отвлеченность (?): *глава — голова, млечный (путь) — молочный, насажденный — насаженный, граждаинъ — горожанинъ, единый — одинъ, мочуць — мочуць*“ (стр. 17)

Все сказанное заставляет прийти къ заключенію, что грамматика г. Флерова может пригодиться только для старших классов и, притомъ, мужскихъ среднеучебныхъ заведеній, что, впрочемъ, признаеть въ предисловіи и самъ составитель, гдѣ, говоря о задачѣ своего учебника, къ словамъ „среднеучебнаго заведенія“ присоединяетъ въ скобкахъ: „преимущественно мужской гимназіи“ (предисл., стр. V). Во всякомъ случаѣ, греческій языкъ, встрѣчающійся въ грамматикѣ г. Флерова въ довольно значительныхъ размѣрахъ, конечно, пойдѣтъ ей попать и въ женскія учебныя заведенія.

Брошюра о преподаваніи русскаго языка съ церковно-славянскимъ и письменныя работы въ младшихъ классахъ учебныхъ заведеній. Курсъ пригготовительный. Николая Гіацинтова. Рязань, 1892 г. Цѣна 20 коп. Брошюра г. Гіацинтова о преподаваніи русскаго языка своею оригинальностью и своеобразіемъ очень походитъ на *Синтаксисъ* того же автора, о которомъ въ свое время въ *Русской Мысли* („Библ. отд.“ 1893 г., кн. II) былъ данъ отзывъ. Въ этой брошюрѣ, какъ и въ названномъ *Синтаксисѣ*, нѣтъ недостатка ни въ безграмотности, ни въ курьезахъ. Толкуя объ общезвѣстныхъ приемахъ въ дѣлѣ преподаванія русскаго языка, г. Гіацинтовъ умѣетъ такъ выразиться, что сразу очень мудро догадаться, о чемъ именно ведется рѣчь. Въ самомъ дѣлѣ, легко ли понять слѣдующее, напримѣръ, мѣсто въ разбираемой брошюрѣ: „чтобы извѣстное явленіе или правило русскаго языка сдѣлалось дѣйствительнымъ и сознательнымъ пріобрѣтеніемъ учениковъ, думаю, что *одною наблюденія надъ нимъ* (?) недостаточно, при этомъ необходимо, чтобы каждое наблюденіе формулировалось въ то или другое правило грамматическое“? (стр. 7). Когда авторъ разбираемой брошюры вѣдетъ въ изложеніе подробностей преподаванія русскаго языка, выходитъ что-то совсѣмъ ужъ диковинное. Такъ, занятія славянскимъ языкомъ должны происходить, по мнѣнію г. Гіацинтова, слѣдующимъ образомъ: „Для сирова, въ классѣ, слѣдуетъ поднимать двухъ учениковъ: одного изъ нихъ заставляютъ читать по-славянски; затѣмъ, по прочтеніи нѣсколькихъ стиховъ, другой, слѣдившій за чтеніемъ, начинаетъ переводить на русскій языкъ. Затѣмъ переводившій на русскій языкъ прочитанное по-славянски читаетъ самъ по-славянски (?), первый слушаетъ и въ свою очередь начинаетъ переводить. Это должно дѣлаться частью для того, чтобъ одного и того же ученика испытать въ славянскомъ и русскомъ чтеніи въ одно и то же (то же) время, частью служить подготовительнымъ и облегчительнымъ средствомъ къ изученію этимологіи славянскаго языка“ (стр. 11 и 12). Тутъ, конечно, все странно и непонятно, но любопытнѣе всего упомянаніе въ послѣдней фразѣ о русскомъ чтеніи, о которомъ раньше не говорится ни слова.

Брошюра г. Гіацинтова очень незначительна по размѣрамъ и очень неудачна по содержанію, такъ что о ней рѣшительно не стоить распространяться дальше; достаточно прибавить, что, сверхъ всего, она отличается и опечатками, образцомъ которыхъ можетъ послужить слѣдующее предложеніе: „Дѣло за славянскій языкъ въ началѣ года (первыя двѣ-три недѣли) должно ограничиться чтеніемъ и переводомъ на русскій языкъ избранныхъ главъ изъ евангелія или другой книги“ (стр. 11).

Наша старина. IV. Цвѣтникъ Іудей. Первый сборникъ разсказовъ, басенъ, легендъ, притчей, пословицъ и пр. изъ талмуда и мишраша. Л. М. Шахрая. Одесса, 1894 г. Цѣна 15 к. Не совсѣмъ

понятно, почему г. Шахраю вздумалось дать своему сборнику такое многозначительное заглавіе. По громкому имени *Цѣтники Іудей*, составляющему это заглавіе, читатель вправѣ ожидать чего-нибудь дѣйствительно особенно характернаго и замѣчательнаго. Но ни того, ни другого въ разбираемой книжкѣ онъ не найдетъ. Ни рассказы, ни басни, ни легенды, выбранныя составителемъ изъ талмуда и мидраша и передѣланныя имъ для назиданія еврейскаго юношества, не представляютъ изъ себя ровно ничего, могущаго возбудить въ этомъ юношествѣ интересъ къ изученію своей старины, чего такъ добивается г. Шахрай, издавая свои выпуски. Что касается изреченій, поговорокъ и пословицъ, помѣщенныхъ въ концѣ книжки, то не думаемъ, чтобы юные читатели добровольно сдѣлали изъ нихъ какое бы то ни было употребленіе. Въ заключеніе, не можемъ не повторить уже высказаннаго нами по поводу одного изъ прежнихъ выпусковъ г. Шахрая замѣчанія: цѣль составителя при помощи популярныхъ брошюръ познакомить еврейское юношество съ родною его стариной—весьма благая, но требуетъ большого чутья и даже художественнаго дарованія.

Записки о гальской войнѣ. Гая Юлія Цезаря. Переводъ съ латинскаго В. В. Рудакова. Изданіе М. М. Ледерле и К° „Моя библіотека“. Спб., 1894 г. Ц. 60 к. Въ концѣ біографіи Юлія Цезаря, которую г. Рудаковъ предпосылаетъ своему переводу, онъ говоритъ, что „правдивость и подробность описаній доголѣ неизвѣстныхъ странъ и обычаевъ въ *Запискахъ о гальской войнѣ* дѣлаетъ эту книгу настольной и для современнаго историка“. Слѣдуетъ ли, однако, видѣть въ этихъ словахъ указаніе на назначеніе перевода г. Рудакова? Конечно, можно, пожалуй, допустить, что современный историкъ временами можетъ справляться съ русскимъ переводомъ, но ему, все-таки, мудрено обойтись безъ подлинника. Такимъ образомъ, правильнѣе заключить, что разсматриваемая книга рассчитана просто на средняго читателя. Въ этомъ же убѣждаетъ какъ изданіе ея Ледерле, подъ названіемъ *Моя библіотека*, въ которой на ряду съ *Записками о гальской войнѣ* можно найти книжки самаго разнообразнаго содержанія, такъ и означенная выше біографія Юлія Цезаря, которая для историка является слишкомъ краткой, а для обыкновеннаго читателя можетъ послужить недурнымъ введеніемъ въ чтеніе *Записокъ о гальской войнѣ*. Наконецъ, и примѣчанія къ переводу, помѣщающіяся на послѣднихъ 10 страницахъ книги, въ большинствѣ случаевъ, отличаются общедоступностью и не имѣютъ въ виду спеціалиста. Даже планъ римскаго лагеря, находящійся среди примѣчаній, кромѣ латинскихъ названій различныхъ частей этого лагеря, снабженъ довольно подробными русскими разъясненіями, и въ нихъ легко разобраться всякому, кто пожелаетъ. Сказанное заставляеть сдѣлать выводъ, что вышеприведенное замѣчаніе г. Рудакова относительно современнаго историка заключаетъ въ себѣ желаніе кратко охарактеризовать *Записки о гальской войнѣ*, какъ книгу, которая много можетъ показаться интересной.

Что касается самаго перевода, то онъ сдѣланъ довольно хорошо. Въ немъ нельзя найти вольныхъ или смѣлыхъ отступленій отъ подлинника, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, русская рѣчь здѣсь не страдаетъ отъ слишкомъ большой близости къ латинскому тексту. Правда, кое-гдѣ встрѣчаются небольшія шероховатости въ стилѣ, однако, во всякомъ случаѣ переводъ читается легко, и стоитъ заинтересоваться „гальской войной“, чтобы прочитать записки о ней Юлія Цезаря по книгѣ г. Рудакова до конца.

Книга упражненій по греческой этимологіи. Составилъ Я. Моръ. Спб., 1893 г. Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Моръ указываетъ на необходимость уже съ самаго начала давать ученикамъ для упражненія въ греческой этимологіи не только отдѣльныя фразы, но и связныя статьи; руководясь этимъ, онъ въ своемъ учебникѣ распредѣлялъ матеріалъ такъ, что въ первой части книги, заключающей въ себѣ упражненія по греческой этимологіи до глаголовъ на—*τι*, сперва даются въ большомъ числѣ и греческія, и русскія фразы, а вслѣдъ за ними, уже въ концѣ каждаго отдѣла, связныя греческія статьи, для повторенія пройденнаго. Во второй же части книги, заключающей въ себѣ глагоры на *τι* и неправильные глаголы, связныхъ статей авторъ не помѣстилъ, считая ихъ излишними, потому что ученики, приступающіе къ этому отдѣлу этимологіи, уже начинаютъ читать Ксенофонта. Къ книгѣ приложенъ вокабулярій для первыхъ 35 статей и алфавитный греческо-русскій и русско-греческій словарикъ. Фразы составлены недурно, — довольно примѣнительны и даже имѣютъ нѣкоторое содержаніе; что же касается статей, по крайней мѣрѣ, первоначальныхъ, то это, по нашему мнѣнію, вещь совершенно бесполезная: это не статьи, а наборъ фразъ же, только на одну и ту же тему. Впрочемъ, мы этого въ вину автору и не ставимъ, потому что сомнѣваемся, возможно ли вообще составить мало-мальски сносную статью для учениковъ, знающихъ во время изученія склоненій только настоящее время глагола. Къ тому же г. Моръ даетъ статьи преимущественно историческаго содержанія; можно судить по этому, каковъ выходитъ рассказъ о прошедшихъ событіяхъ, передаваемый настоящимъ временемъ глагола. Мы должны указать и еще на одинъ недостатокъ книги г. Мора: это греческій языкъ его фразъ и статей; нрѣдко попадаютъ тутъ слова неклассическія, какихъ ученикъ почти не встрѣтитъ у авторовъ во все время прохожденія гимназическаго курса, наприм., рѣдкое слово *protagores* (стр. 76); много есть также формъ, неупотребительныхъ въ аттическомъ діалектѣ, наприм., *prosegorouse* (стр. 80), *phoneusasthai phoneusesthe* (стр. 87), *lupēthēsēi* (стр. 88); попадаютъ также конструкціи позднѣйшія или даже совсѣмъ почти неправильныя, наприм., гл. *chraō* съ *inf. fut.* (№ 102, фр. 24), гл. *pisteuō* съ *hoi* (№ 69, фр. 4). Мы замѣтили также одну грубую опечатку, не указанную авторомъ въ перечнѣ погрѣшностей: *thēisthe* съ подписною іотой (№ 102, фр. 9).

КНИГИ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

Изданія с.-петербургскаго комитета грамотности и книжнаго склада А. Муриновой.

Изданія с.-петербургскаго комитета грамотности: Маминъ-Сибирякъ. Зимовье на Студеной. Ц. 3 к.—Между матросами. Разск. К. Станюковича. Ц. 5 к.—Двѣ елки. Разск. Его же. Ц. 3 к.—Ночь подъ свѣтлый праздникъ. Старый звонарь. Два разсказа В. Г. Короленка. Ц. 3.—Изданія книжнаго склада А. Муриновой: Летныя. Разск. Д. Мамина-Сибиряка. Ц. 6 к.—Вѣтринскій. Жизнь и стихотворенія Никитина. Ц. 5 к.—Его же. Тарасъ Гр. Шавченко, украинскій поэтъ. Ц. 8 к.—Его же. Жизнь и пѣсни А. Кольцова. Ц. 7 к.—Е. Волкова. Бояринъ Артамонъ Матвѣевъ и его время. Историч. очеркъ. Ц. 12 к. Какъ извѣстно, с.-петербургскій комитетъ грамотности занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ или, вѣрнѣе, первое мѣсто среди другихъ такихъ же обществъ, ставящихъ своею цѣлью содѣй-

ствіе народному образованію. Основанный въ томъ самомъ году, когда совершилась великая реформа 19 февраля, с.-петербургскій комитетъ грамотности уже слишкомъ три десятилѣтія работаетъ по мѣрѣ силъ надъ осуществленіемъ своихъ задачъ, постоянно развивая свою дѣятельность, насколько лишь позволяютъ ему эти узкія рамки нашей дѣятельности. Правда, въ различные періоды своего существованія с.-петербургскій комитетъ грамотности работалъ не съ одинаковою энергіей, но за послѣднія 4—5 лѣтъ, отражая настроеніе лучшей части нашего общества, онъ сдѣлалъ значительный шагъ впередъ, несмотря даже на внутренніе, крайне прискорбные раздоры и на частую смѣну председателей, о чемъ рассказываетъ отчетъ комитета за 1893 годъ. Къ 1 января 1894 г. комитетъ насчитывалъ въ своемъ составѣ 644 члена. За 1893 годъ число членовъ увеличилось болѣе чѣмъ на 5% (съ 388 до 644), а въ текущемъ году оно стало еще значительнѣе. При этомъ дѣятельность комитета расширилась новыми начинаніями, несомнѣнно заслуживающими нашего вниманія и сочувствія со стороны общества. Такъ, напримѣръ,—какъ уже извѣстно читателямъ *Русской Мысли*,—открытъ сборъ пожертвованій на устройство, при содѣйствіи земствъ, 100 безплатныхъ народныхъ читаленъ, стоимостью не менѣе 250 р. каждая; завязаны сношенія съ заграничными обществами, работающими въ той же области; наконецъ, учреждена коммиссія по собиранію и обработкѣ свѣдѣній о народномъ образованіи. Эта коммиссія, предложенная членами комитета В. Девелемъ и др. еще въ 1891 г., лишь теперь получила свое осуществленіе и, благодаря участію въ ней такого опытнаго работника, какъ В. И. Покровскій (бывшій тверской статистикъ), отъ нея можно ожидать серьезныхъ и плодотворныхъ результатовъ. Продолжалась и дѣятельная безплатная разсылка книгъ. Еще въ 1887 г. было разослано всего 13,451 экз., въ 1888 г. уже 33,500, въ 1889 г.—40,794, въ 1890 г.—50,283, въ 1892 г.—64,429, въ 1893 г.—51,150 *); продолжалась и дѣятельность комитета по изданію народныхъ книгъ. Издательская коммиссія новаго состава весьма разумно, прежде всего, обратила свое вниманіе на столь часто раздающіяся жалобы относительно изданій комитета и слабое ихъ распространеніе. Собравъ свѣдѣнія, новая коммиссія пришла къ заключенію, что „удешевленіе стоимости изданій комитета вполнѣ возможно въ очень значительныхъ предѣлахъ“; по ея расчетамъ, изданія эти могутъ быть удешевлены приблизительно на 30%, безъ ухудшенія ихъ внутренннихъ и внѣшнихъ качествъ и принимая въ расчетъ авторскій гонораль, какъ общее правило. Новыя изданія комитета показываютъ, что въ значительной мѣрѣ эта цѣль достигнута новою издательскою коммиссіей. Какъ извѣстно, дешевизна лубочныхъ изданій не столько дѣйствительная, сколько фиктивная, и всякій желающій можетъ издать „листовку“ (книжку въ 36 стр.), очень прилично напечатанную, на порядочной, гладкой бумагѣ, въ количествѣ 10,000 экземпляровъ, *не дороже* 125 рублей; такіе расходы на изданіе понесетъ издатель болѣе или менѣе неопытный, обыкновенно же они значительно выше указаннаго. Въ виду того, что издательство народныхъ книгъ понемногу распространяется, считаемъ не лишнимъ привести кое-какія цифровыя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ. Стоимость набора опредѣляется въ типографіяхъ числомъ буквъ въ печатномъ листѣ; наборщикъ получаетъ въ

*) Уменьшеніе объясняется тѣмъ, что больше было разослано книгъ „толстыхъ“, и цѣна книги въ среднемъ увеличилась.

столицѣ отъ 15 до 17 копѣекъ за каждую тысячу буквъ, типографъ ставить закашику наборъ на 50—60% дороже, принимая въ расчетъ расходы по содержанію типографіи. По этому расчету, наборъ листа въ 25 тысячъ буквъ стоитъ около 5 р. 50 к.—6 р. 55 к., къ этому прибавляется плата за типографскую корректуру (1 р. съ листа), а иногда и за верстку. Въ результатъ, наборъ, верстка и типографская корректура 1 печатнаго листа въ 25 т. буквъ стоитъ не дороже 8 р. 50 к. Плата за печать взимается по 1 р. 50 к.—2 р. 50 к. за каждую 1,000 оттисковъ (съ рисунками дороже), бумага для лубочныхъ изданій стоитъ около 3 р. 50 к.—4 р. за двойную стопу. Такимъ образомъ, не считая авторскаго гонорара, весьма опрятное изданіе, съ обложкой, брошюровкой и пр., будетъ стоить никакъ не больше 125 р., а съ авторскимъ гонораромъ 175 р., т.-е. каждая книжка будетъ стоить *меньше 2 копѣекъ*. При большемъ количествѣ экземпляровъ стоимость каждой книжки сильно уменьшается; рисунки же поднимаютъ цѣну, такъ какъ каждый квадратный дюймъ цинковаго клише (цинкографія) стоитъ 18—20 к. Мы сказали, что такая стоимость книжки наибольшая, но всякій, кто мало-мальски знакомъ съ типографскими тонкостями, тотъ знаетъ, что можно издавать листовки гораздо дешевле. Лубочники же прибѣгаютъ съ этою цѣлью къ различнымъ фокусамъ, наприм., берутъ крупный шрифтъ, дѣлаютъ въ листѣ 36, а не 32 страницы, складывая его особымъ образомъ, пуская большія поля и тѣмъ уменьшая текстъ книги (наборъ составляетъ весьма большой % расхода), не брошюруютъ изданій, не платятъ или почти не платятъ авторскаго гонорара, берутъ плохую бумагу и т. п. Въ результатъ получается, что *сотня* лубочныхъ листовокъ можетъ обойтись иному издателю не дороже 50—60 к., а продавая по 90 к. сотню, онъ получаетъ хорошій барышъ, если имѣетъ пути для распространенія своего товара *) (въ розничную продажу листовки идутъ отъ 1 р. 50 к. до 3 р. сотня). При употребленіи скоропечатной машины, цѣна на сотню листовокъ можетъ быть понижена далеко за 60 к. Врядъ ли можно сомнѣваться, что еслибъ условія издательскаго дѣла были лучше извѣстны въ нашемъ обществѣ, то въ настоящее время, когда спросъ на дешевыя книжки весьма значительный и съ каждымъ годомъ возрастаетъ, число издателей народныхъ книгъ было бы гораздо больше. А это несомнѣнно привело бы къ тому, что цѣна на книги понизилась бы и обращеніе ихъ ускорилося. Издательство народныхъ книгъ, какъ и ихъ распространеніе должно быть дѣломъ самого общества, а не только лубочниковъ. Чтобы издавать народныя книжки, не нужно быть капиталистомъ. Гораздо труднѣе выбирать матеріалъ для изданій, чѣмъ издавать то, что выбрано.

Новыя изданія с.-петербургскаго комитета грамотности напечатаны на хорошей бумагѣ (которая, впрочемъ, хуже той, чѣмъ у предыдущихъ изданій). Каждая книжка снабжена 2—3 рисунками. Къ сожалѣнію, качество рисунковъ заставляеть желать очень и очень многого; нѣкоторыя уступаютъ даже лубочнымъ. Форматъ изданій увеличенъ, какъ ужь давно настаивала А. М. Калмыкова, бывшая предсѣдательница издательской комиссіи. Комиссія разумно поступила, придавъ изданіямъ форматъ обыкновенной книги. Форматъ играетъ на рынкѣ гораздо боль-

*) Нерѣдко издатель, не зная, какъ распространить свои изданія, отдаетъ ихъ прямо на складъ въ какіе-либо книжные склады, спеціально торгующіе ими, напримъ Муринову, Коусову (въ Москвѣ), Калмыковой (въ С.-Петербургѣ), Антиловой (въ Костромѣ).

шую роль, тѣмъ это кажется съ перваго взгляда, такъ какъ обыкновенный читатель не принимаетъ въ расчетъ число буквъ въ листѣ, а смотритъ лишь на объемъ книги. „Увеличивъ форматъ книжекъ,—читаемъ въ отчетѣ (стр. 24),—комиссія получила возможность сдѣлать экономію, во-первыхъ, на бумагѣ, во-вторыхъ, на типографскихъ расходахъ; кромѣ того, нѣсколько больший форматъ представляетъ болѣе удобства для иллюстрацій“. Хорошо сдѣлала комиссія, убравъ съ обложки комитетскихъ изданій слащавую виньетку, красовавшуюся тамъ уже много лѣтъ: опытъ показываетъ, что одна и та же виньетка мѣшаетъ читателямъ изъ народа различать разные книги. Четыре вновь вышедшихъ изданія комитета всѣ принадлежатъ къ отдѣлу беллетристики; что касается книгъ научно-популярныхъ, надъ созданиемъ которыхъ и должна особенно прилежно поработать интеллигенція, то это дѣло будущей дѣятельности комиссіи *). Выборъ первыхъ изданій новой комиссіи довольно удаченъ, а нѣкоторыя изданія (*Между матросами* К. Станюковича и *Зимовье на Студеной* (г. Мамина-Сибиряка) выбраны превосходно. *Зимовье на Студеной*, рассказъ, первоначально напечатанный въ *Мирѣ Божіемъ* (№ 1 за 1892 г.) и награжденный медалью, даетъ весьма художественную картину холоднаго сѣвера. Елеска, бобыль, не имѣющій ни семьи, ни рода, живетъ одинъ въ пустынѣ, за 100 верстъ отъ какого-либо жилья, со своею собакой, которая дѣлитъ его радости и печали. Несложная жизнь темнаго человѣка вдали отъ отечества, его дружба съ животнымъ, жалкая жизнь и жалкая смерть нарисованы г. Маминымъ превосходно и тонко-художественно. Рассказъ К. М. Станюковича, носящій въ сборникѣ его рассказовъ другое названіе, принадлежитъ къ числу тѣхъ очень немногихъ рассказовъ, гдѣ жизнь военнаго человѣка не идеализирована и не покрыта мишурными блесками късаснаго патриотизма. Это уже третій рассказъ талантливаго писателя, появляющійся въ народномъ изданіи (первые два: *Смерть на кораблѣ*, изд. В. И., и *Человѣкъ за бортомъ*, изд. „Посредника“). Гораздо слабѣе и по замыслу, и по исполненію рассказъ *Дѣтѣ елки*, но и они, въ особенности второй, заставляютъ читателя задуматься лишній разъ надъ жизнью бѣднаго обдѣленнаго люда. О рассказахъ В. Г. Короленка *Въ ночь на светлый праздникъ* и *Старый звонарь* говорить не приходится, такъ какъ они хорошо извѣстны. Это двѣ прекрасныхъ картинки, въ особенности первая. Но въ народномъ изданіи онѣ уже не новинка: въ 1892 году онѣ вошли въ сборнички, изданные В. И. Отдавая должное таланту почтеннаго автора, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ въ данномъ случаѣ одобрить выбора издательской комиссіи. Ея задача—давать новое, обогащать народную бібліотеку, а не повторять то, что уже имѣется въ другихъ народныхъ изданіяхъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ дешевизну новыхъ изданій комитета: печатный листъ идетъ въ продажу, вмѣстѣ съ рисунками, по 1½ коп.

Что касается изданій книжнаго склада А. Муриновой, то всѣ они заслуживаютъ вниманія, хотя и не въ одинаковой степени. Книжный складъ этотъ, какъ извѣстно, работаетъ уже три года, и за это время издалъ 11 книжекъ, изъ которыхъ особенно цѣнны въ дешевомъ изданіи *Деревенскій король*, *Горѣ старая Кабана* и *Авраамъ Златовратскаго* и *Дѣти подземелья* В. Короленка, не считая книжки ветеринара москов. городской управы В. Гурина (*Стельная корова, какъ ходить за ней*

* Изданіемъ книжки А. Н. Рубакина: *Рассказы о дѣлахъ въ царствѣ животныхъ* завідувала издательская комиссія прежняго состава.

и какъ помогать при теленіи). Изъ новыхъ изданій книжнаго склада отмѣтимъ, прежде всего, прекрасный разсказъ Д. Мамина *Летние* (первоначально напечатанный въ *Наблюдателѣ*). Разсказъ рисуетъ картинку жизни сибирскихъ бѣглыхъ. Намъ приходилось читать этотъ разсказъ деревенскимъ слушателямъ. И бабы, и даже мужики плакали, слушая печальную повѣсть о судьбѣ Ивана несчастной жизни. Слушателямъ было лишь непонятно, почему бѣднота за одинъ свой грѣхъ три наказанія понесъ, хотя остался въ душѣ человѣкомъ хорошимъ, — и въ острогѣ сидѣлъ, и любимаго человѣка на вѣкъ лишился, и живьемъ былъ сожженъ за чужую вину... „Гдѣ же тутъ справедливость-то? — спрашивали слушатели и, подумавъ, прибавляли: — а, вѣдь, этакъ-то не однаъ бываетъ“. Изъ біографій Никитина, Кольцова и Шевченко лучше другихъ первая, слабѣе другихъ — вторая. Авторъ совершенно неумѣло обрисовалъ личность Кольцова, не подчеркнул то, что долженъ бы былъ подчеркнуть, — отношеніе Кольцова къ семьѣ, исторію его первой любви, развязка которой была не больше, какъ простымъ выводомъ изъ всего крѣпостного строя; авторъ лучше бы сдѣлалъ, если бы подробнѣе описалъ біографію Кольцова, вмѣсто того, чтобы сбивать ее въ одну кучу и наполнять книжку, главнымъ образомъ, стихами поэта: до сего времени порядочной біографіи Кольцова нѣтъ ни одной, а собранія его сочиненій изданы десятками. Біографія Шевченка написана лучше, но, какъ извѣстно, народъ еще долго не будетъ знать несчастной судьбы своего поэта. Особеннаго же вниманія заслуживаетъ прекрасный историческій очеркъ Е. Волковой: *Бояринъ Матвѣевъ*. Этотъ очеркъ даетъ біографію Матвѣева въ связи съ описаніемъ быта и строя московской Руси. Составленъ онъ очень толково, читается съ интересомъ и вообще мы особенно рекомендуемъ его нашимъ читателямъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ еще замѣтить, что изданія книжнаго склада А. Муриновой нѣсколько дороги: за 94 страницы лубочной листовки 7 к., — это выходитъ дороже изданій с.-петербургскаго комитета грамотности.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Каталогъ бібліотеки Императорскаго человѣколюбиваго общества“. — „Настольный энциклопедическій словарь“. Изд. тов. А. Гранатъ и К°.

Каталогъ бібліотеки Императорскаго человѣколюбиваго общества. Спб., 1894 г. Этотъ каталогъ, составленный, если мы не ошибаемся, г. Ловягинимъ, является очень полезнымъ пособіемъ для лицъ, интересующихся вопросомъ благотворительности и призрѣнія. Бібліотека Императорскаго человѣколюбиваго общества довольно обширна и заключаетъ въ себѣ много рѣдкихъ сочиненій, отчетовъ русскихъ и заграничныхъ благотворительныхъ учреждений и т. п. Намъ неизвѣстно, находится ли каталогъ въ продажѣ и доступна ли бібліотека частнымъ лицамъ.

Настольный энциклопедическій словарь. Томъ VI (выпускъ 71—84). Изданіе товарищества А. Гранатъ и К°, бывшее А. Гарбель и К°. Москва, 1894 г. Изданіе *Настольнаго Энциклопедическаго Словаря* быстро подвигается впередъ; въ лежащемъ передъ нами шестомъ томѣ на 600 слишкомъ страницахъ въ двѣ колонки очень убогой печати объяснено значеніе 3,592 словъ, начиная названіемъ гор. Муромъ и кончая фамиліей К. П. Побѣдоносцева. Въ текстѣ ис

имѣно 72 рисунка и 50 портретовъ, въ приложеніяхъ—двадцать четыре таблицы рисунковъ и карта Палестины. Изъ таблицъ заслуживаютъ вниманія четыре, на которыхъ тщательно воспроизведены „письмена“ различныхъ временъ и народовъ, съ объясненіемъ произношенія буквъ. Тутъ имѣются алфавиты: клинообразный персидскій, японскій Катакана, индійскій Деванагири, арабскій Несхи, еврейскій, армянскій, руническій, Кирилловскій уставный, Кирилловскій полууставный и, въ заключеніе, таблица развитія европейскихъ алфавитовъ, начиная съ египетскихъ іероглифовъ. Статья *Письмена* даетъ ясное понятіе о томъ, какъ развивалось и переходило отъ однихъ народовъ къ другимъ искусство знаками изображать мысли. Слѣдуетъ отмѣтить таблицу, изображающую планетную систему, и статью *Планеты*. Въ біографіяхъ писателей, ученыхъ *Энциклопедическій Словарь* перечисляетъ ихъ труды и, въ большинствѣ случаевъ, даетъ общую ихъ характеристику и критическую оцѣнку; когда рѣчь идетъ о философахъ, то вкратцѣ и общепонятно излагаются главныя основанія философскаго ученія. Статьи по естествознанію и географіи даютъ все то, что мы вправѣ требовать отъ „настойной“ справочной книги. Наибольшею полнотою отличаются объясненія словъ, имѣющихъ отношеніе къ политической экономіи и народному хозяйству. Съ перемѣною издательской фирмы *Словарь* сталъ выходить подъ новою редакціей, которую выпущены въ свѣтъ томы IV, V и VI. Въ этихъ трехъ томахъ дано объясненіе 16,621 словъ; общее же число словъ во всѣхъ шести томахъ превышаетъ 62½ тысячи. Изъ этого ясно, какой громадный справочный матеріалъ заключаетъ въ себѣ это сравнительно недорогое и размѣрами своими удобное изданіе.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, іюль.—„Русское Богатство“, іюль.—„Міръ Божій“, іюль.

Вѣстникъ Европы, іюль. Въ библиографическомъ отдѣлѣ майской книжки нашего журнала мы говорили о полемикѣ между г. В. Соловьевымъ и г. Тихомировымъ по вопросу о вѣротерпимости. Полемика эта заканчивается въ іюльской книгѣ *Вѣстника Европы* статьей г. Соловьева, озаглавленной *Конецъ спора*.

Извѣстное требованіе справедливости: *не дѣлай другимъ, чего себѣ не желаешь*, г. Тихомировъ считалъ сначала злонамѣренною и недѣлою выдумкой г. Соловьева, основанною на передѣлкѣ евангельскаго текста. На это г. Соловьевъ отвѣчалъ, что означенная формула древнѣе еще евангелія, ибо ее высказалъ, между прочимъ, знаменитый учитель Гиллель. Теперь г. Тихомировъ, публицистъ *Русскаго Обзорнія*, открылъ или, какъ онъ говоритъ, „вспомнилъ“, что эта формула, которую онъ столь рѣшительно опровергалъ, находится въ постановленіи апостольскаго собора въ Іерусалимѣ: „Ибо угодно Духу Святому и намъ не возлагать на васъ тяжкаго бремени болѣе кромѣ сего необходимаго: воздерживаться отъ идоложертвеннаго, и крови, и удавленныя, и блуда, и не дѣлать другимъ, чего себѣ не хотите“ (Дѣян. ап. XV, 28, 29 по русск. *Нов. Зап.* петерб., изд. 1879 г.). Г. Тихомировъ думаетъ, что на его прежнее обвиненіе г. Соловьева въ изобрѣтеніи формулы справедливости и передѣлкѣ священнаго текста послѣдній долженъ былъ, вмѣсто того, чтобы сослаться на „премудрыхъ раввиновъ“, прямо указать ему это, „запамятованное“ имъ, апостольское постановленіе, а

такъ какъ г. Соловьевъ этого не сдѣлалъ, то тѣмъ самымъ доказалъ, что помянутаго постановленія не зналъ и, слѣдовательно, недостаточно знакомъ съ священнымъ писаніемъ". Все это было бы прекрасно, — говоритъ г. Соловьевъ, — но, къ несчастію для г. Тихомирова, мое крайнее незнакомство съ св. писаніемъ побуждаетъ меня читать его въ подлинникъ, и вотъ, какъ нарочно, великое отысканіе нашего публициста отнюдь не подтверждается греческимъ текстомъ дѣяній ап. предписанія: „не дѣлайте другимъ, чего себѣ не хотите“ тамъ вовсе нѣтъ.

Если г. Тихомировъ сдался (можетъ быть, только на время) въ спорѣ по вопросу о вѣротерпимости, то другой оппонентъ г. Соловьева, г. Розановъ, публицистъ *Русскаго Вѣстника*, продолжаетъ упорствовать. Но съ нимъ полемика безнадежна, такъ какъ онъ прямо заявляетъ, что по самой своей природѣ противоположенъ г. Соловьеву: природа г. Розанова — „нетерпимость“, „непониманіе законовъ умирающаго“ (?), „отвращеніе къ нему до неспособности переносить его видъ“. Чтобы показать степень своей нетерпимости, г. Розановъ употребляетъ по отношенію къ г. Соловьеву слѣдующія выраженія: „танцоръ изъ кордебалета“, „таперъ на разбитыхъ клавишахъ“, „блудница, безстыдно потрясающая богословіемъ“, „татъ, прокравшійся въ церковь“. При этомъ публицистъ *Русскаго Вѣстника* обладаетъ такою ясностью мысли и выраженія, что понять его труднѣе, чѣмъ глубокомысленныя изреченія Ивана Яковлевича Корейши. Вотъ, наприм., какъ онъ рисуетъ свои чаянія будущаго: „Есть представленіе о народѣ нашемъ, какъ исключительно мягкомъ, терпимомъ, неспособномъ и, въ видахъ навязанной ему репутаціи, уже какъ будто и безправномъ къ самозащитѣ... Такъ понимаетъ его, этого требуетъ отъ него и г. В. Соловьевъ и иные съ нимъ единомышленныя. Имъ бы эта терпимость нужна, по крайней мѣрѣ, на время. Они не замѣтили въ немъ иныхъ, суровыхъ и строгихъ чертъ; а, между тѣмъ, именно онъ въ немъ главное. Ихъ обманулъ *двузвѣтковой карнавалъ нашей исторіи*; насталъ его послѣдній день и они требуютъ *веселья нестерпимаго*, огня, вина, наконецъ, блуда и, если возможно, *въ несъезжанныхъ формахъ*. Имъ кажется, „возможно“... Еще день не кончился, ихъ день... послѣдній день и вотъ что въ безмѣрномъ упоеніи они не хотятъ сознать, не чувствуютъ. Между тѣмъ, въ запертой и еще пустой церкви все измѣняется, свѣтлыя ризы замѣняются черными, на мѣсто одѣжекъ книгъ приготавливаются другія, главныя. Еще все молчитъ, неситесь въ веселіи своемъ по улицамъ, дождайте послѣдній блинъ и если нужно засыпайте. Но народъ, ударить протяжный колоколь, и онъ необозримыми толпами потянется къ храму, гдѣ все другое, и онъ самъ въ немъ другой... Новая эпоха, новая эра нашей исторіи, о если бы скорѣе она наступила, если бы, наконецъ, сгинула съ глазъ эта улица, эти маски, вино, красавицы, и все, все, за что цѣпляются только немногія мертвыя руки, нѣсколько несытыхъ еще желудковъ, неутомленныхъ позывовъ“.

Очевидно, что г. редакторъ *Русскаго Вѣстника*, напечатавъ статью г. Розанова, не считаетъ ее бредомъ сумасшедшаго.

Еще не такъ давно историческій процессъ объясняли, главнымъ образомъ, развитіемъ идей. Въ послѣднее время этой односторонности чаще и чаще противопоставляется другая односторонность, объясняющая почти весь ходъ историческихъ явленій исключительно экономическими условіями. Этому важному и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніи вопросу посвящена статья проф. Карѣева *Экономическій материализмъ въ исторіи*. Въ спорѣ историческаго идеализма и

историческаго матеріализма г. Карѣвъ занялъ положеніе дружественнаго нейтралитета. Идеалистическое объясненіе исторіи,—говоритъ авторъ статьи,—имѣющее свои глубокія основанія въ прошломъ науки и въ самой жизни, ея изучаемой, страдаетъ, тѣмъ не менѣе, односторонностью и въ этомъ смыслѣ возникновеніе матеріалистическаго міросозерцанія было шагомъ впередъ на пути выясненія сущности историческаго процесса. Но если и развитіе науки, и сама историческая жизнь дали извѣстныя и, притомъ, очень прочныя основанія для новой точки зрѣнія, то поскольку послѣдняя дѣлается исключительною—она тоже представляется одностороннею, а потому и не имѣющею права на то, чтобы совершенно вытѣснить прежнюю точку зрѣнія. Историкъ, т.-е. представитель науки, стремящійся къ всестороннему пониманію культурной и соціальной жизни человѣчества, какою она дается въ историческомъ опытѣ,—въ спорѣ между идеализмомъ и матеріализмомъ,—долженъ именно занять нейтральное положеніе: и психологическое, и экономическое направленіе исторіи для него одинаковы вѣрны, поскольку они, имѣя каждое свои научныя основанія, дополняютъ другъ друга,—и одинаково же невѣрны, разъ одно стремится совершенно устранить другое. Эта мысль рано или поздно, какъ справедливо думаетъ г. Карѣвъ, должна сдѣлаться общимъ достояніемъ. Односторонность примиряется въ общемъ имъ обоимъ высшемъ синтезѣ.

Рѣчь министра юстиціи, вызвавшая продолжительныя толки въ ежедневной прессѣ, обратила на себя вниманіе также и ежемѣсячныхъ журналовъ. Во внутреннемъ обзорѣніи разсматриваемаго журнала подвергнуты обсужденію пока только нѣкоторыя, особенно важныя вопросы изъ числа возбужденныхъ рѣчью министра. Какъ извѣстно, Н. В. Муравьевъ въ началѣ своей рѣчи перечислилъ тѣ основныя начала судоустройства и судопроизводства, о которыхъ, по словамъ министра, почти нѣтъ спора между противниками и сторонниками реформы. Въ числѣ этихъ началъ была указана, между прочимъ, и гласность процесса. Это начало,—говорилъ министр,—„видоизмѣняли и ограничивали, но не поколебали и не уничтожили послѣдующія новеллы“. Приводя относящіяся къ этому вопросу мѣста рѣчи Н. В. Муравьева, авторъ обзорѣнія говоритъ: „Намъ кажется, что гласность, провозглашенная судебными уставами, не только „видоизмѣнена и ограничена“, но и прямо „поколеблена“ закономъ 1887 г.; а такъ какъ этотъ законъ былъ встрѣченъ въ свое время сочувствіемъ „противниковъ судебной реформы“, то едва ли можно утверждать, что по вопросу о гласности „принципальнаго“ разногласія у насъ не существуетъ. Принципъ гласности остается неприкосновеннымъ и непоколебленнымъ лишь до тѣхъ пока, пока устраненіе ея возможно только въ случаяхъ, закономъ предусмотрѣннымъ, и только по опредѣленію суда. Тамъ же, гдѣ закрытіе дверей засѣданія зависитъ отъ судебной администраціи, ничѣмъ въ этомъ отношеніи не стѣсненной, т.-е. дѣйствующей по усмотрѣнію, гласность является только фактомъ, могущимъ быть или не быть, но не правомъ, установленнымъ и обезпеченнымъ. Нужно надѣяться, что пересмотръ судебныхъ уставовъ приведетъ къ отмѣнѣ закона 1887 г.; если общество, какъ сказано въ рѣчи г. министра юстиціи, „должно знать, что дѣлается въ судѣ и какъ творится правосудіе, то всякое произвольное ограниченіе этого знанія отпадаетъ само собою...“

Въ той же книжкѣ журнала напечатана интересная по заглавію

статья г. Шенрока: *Н. В. Гоголь. Пять летъ жизни за границей, 1836—1841 г.* Получивъ журналъ, мы прежде всего бросились на чтеніе этой статьи и были совершенно разочарованы. Статья не содержитъ въ себѣ ни новыхъ фактовъ, ни мыслей, на которыхъ стоило бы остановиться.

Русское Богатство, июль. Современное критическое положеніе земледѣльческаго промысла въ Россіи порождаетъ одинъ проектъ за другимъ для исцѣленія недуговъ. Можно сказать, что проекты возникаютъ какъ грибы послѣ лѣтняго дождя. На одномъ изъ такихъ проектовъ подробно останавливается г. Южаковъ во „Внутреннемъ обозрѣніи“ журнала. Во всѣхъ газетахъ, — говоритъ авторъ, — напечатано было извѣстіе, что однимъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію сельско-хозяйственнаго совѣта министерства земледѣлія, будетъ выясненіе мѣръ, могущихъ способствовать переходу нашихъ хозяйствъ отъ хлѣбопашества къ возможно большому производству продуктовъ животноводства. Изъ собранныхъ данныхъ видно, что спросъ на продукты животноводства постоянно идетъ впереди предложенія, благодаря совершающемуся увеличенію недостатковъ жилищныхъ классовъ. Каковы же будутъ экономическія послѣдствія, если такой проектъ осуществится? Отвѣчая на этотъ вопросъ, г. Южаковъ, прежде всего, приводитъ слѣдующую историческую справку: „Одинъ путешественникъ, посѣтившій Горную Шотландію около половины прошлаго столѣтія, описываетъ довольство и благосостояніе шотландскихъ крестьянъ, арендовавшихъ землю у помѣщиковъ и собиравшихъ обильныя жатвы со своихъ горныхъ нивъ. Къ концу прошлаго столѣтія, но особенно въ началѣ настоящаго, среди шотландскихъ помѣщиковъ начало распространяться мнѣніе, что скотоводство выгоднѣе земледѣлія. Мясо требовалось въ Англію, дѣны на него стояли высокія, шотландскіе лэндлорды начали сначала осторожно, а затѣмъ все рѣшительнѣе переходить къ скотоводству. Былыя пашни залужались и сѣно замѣняло собою рожь и пшеницу. Сѣно съѣдали быки и бараны; ихъ мясо вывозилось въ Англію, гдѣ и съѣдалось англичанами, а мѣстнымъ жителямъ стало не хватать пищи. Для покупки хлѣба не хватало средствъ, потому что развитіе скотоводства сильно сокращало заработки. Какъ быстро шелъ этотъ процессъ, видно изъ того, что только за періодъ 1831—1855 годовъ было превращено въ луга болѣе полутора милліоновъ акровъ прежней пашни. То былъ послѣдній заключительный періодъ этого движенія, — болѣе значительный, болѣе жестокой не имѣлъ статистики. Естественныя послѣдствія не замедлили сказаться. Крестьянское населеніе быстро разорялось и нищало, бѣжало за океанъ, вымирало. Несмотря на уменьшеніе населенія, Горная Шотландія, никогда не знавшая раньше нужды, стала испытывать настоящія голодовки, когда (какъ 1836 г.) люди умирали съ голода десятками тысячъ. „Какъ и въ Ирландіи, — замѣчаетъ Альфредъ Уоллесъ, — вокругъ разстилаются обширныя площади земли, годныя для культуры, но человѣкъ принужденъ нищенствовать у морскихъ береговъ и въ городкахъ, уступая мѣсто баранамъ и быкамъ“. Англійское правительство сочло необходимымъ вмѣшаться въ дѣло, и знаменитый крофтеръ-билль 1886 года остановилъ этотъ пагубный для населенія процессъ замѣны земледѣлія скотоводствомъ. По крайней мѣрѣ, то количество пашень, которое засталъ крофтеръ-билль, уже больше не уменьшится и сѣно не будетъ замѣнять хлѣбъ, недостающій населе-

нію. Шотландское населеніе этимъ не довольствуется и требуетъ обязательнаго возвращенія подъ земледѣліе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части прежней пашни, залуженной для расширенія скотоводства.

По приблизительному вычисленію, у насъ около двухъ третей владѣльческой пашни сдается въ аренду крестьянамъ и только одна треть эксплуатируется непосредственно земледѣльческимъ хозяйствомъ. Крестьянское населеніе, не обезпеченное продовольствіемъ на собственныхъ надѣлахъ, кое-какъ находитъ это обезпеченіе и удовлетвореніе прочихъ потребностей арендою помѣстныхъ земель и работою на владѣльческихъ пашняхъ. Экономическія условія сложились такъ, что въ настоящее время очень неустойчивое и очень неудовлетворительное экономическое равновѣсіе громаднаго большинства населенія опирается исключительно на эти два экономическія агента, на аренду помѣстныхъ земель и на заработки на владѣльческихъ земляхъ. Извѣстно громадное значеніе отхожихъ земледѣльческихъ промысловъ, а эти промыслы имѣютъ, конечно несравненно меньше значенія, чѣмъ мѣстные заработки и аренда. Залуженіе земледѣльческихъ пашень,—говоритъ авторъ обзорѣнія,—неминуемо лишило бы населеніе арендной площади и почти вовсе уничтожило бы и мѣстные, и отхожіе земледѣльческіе заработки. Крестьянское хозяйство, переживающее въ настоящее время весьма критическое положеніе, благодаря паденію зимнихъ заработковъ (извозныхъ, кустарныхъ и домашнихъ), лишилось бы и лѣтнихъ заработковъ, предоставленное существовать единственно своими надѣлами, не всегда оправдывающими даже возложенныя на нихъ государственныя платежи и повинности. Послѣдствія такой эволюціи ясны сами собою,—Ирландія и Шотландія намъ до боли отчетливо показали ихъ. Кажется, этихъ историческихъ экспериментовъ вполне достаточно, чтобы отказаться отъ новыхъ въ томъ же направленіи и родѣ.

Міръ Божій, июль. Г-жа Лучицкая напечатала въ настоящей книгѣ журнала обстоятельную статью о значеніи норвежскаго писателя Бьерстьерне-Бьернсона. Дѣятельность Бьернсона крайне разнообразна,—онъ беллетристъ, драматургъ, публицистъ, ораторъ. Испробовавъ свои силы во всѣхъ отрасляхъ литературы, онъ всюду пожалъ обильныя лавры и занялъ первенствующее положеніе. По своей натурѣ и по ходу своихъ мыслей, Бьернсонъ на половину народный трибунъ, на половину проповѣдникъ. Вся его дѣятельность, всѣ произведенія проникнуты идеями и чувствами правды, добра, любви. И, какъ справедливо замѣчаетъ г-жа Лучицкая, Бьернсонъ счумьвлъ свести эти идеи и чувства на землю и воплотить ихъ въ чудные поэтическіе образы, которые краснорѣчиво говорятъ уму и сердцу читателя и увлекаютъ его за собою. Его мощный призывъ къ труду, къ плодотворной работѣ пробудилъ новыя желанія и стремленія не въ одномъ молодомъ существѣ и не одного человѣка натолкнулъ на плодотворную дѣятельность. Не даромъ Швейцеръ называетъ его великимъ вождемъ въ борьбѣ идей. Чтеніе такого писателя производитъ сильное впечатлѣніе на молодые умы, будить въ нихъ самыя лучшія чувства, спящія въ глубинѣ души, возбуждаетъ желаніе работать на пользу родного народа, на пользу человѣчества, жить альтруистическою жизнью. Оно возвышаетъ читателя надъ будничною средой, ставитъ передъ нимъ идеалы добра, красоты и труда. Примѣняя къ Бьернсону слова, сказанныя имъ о великомъ его предшественникѣ

Вергеландъ, Брандесъ называетъ и его великимъ сѣятелемъ Норвегii. „Страна эта, какъ извѣстно, страна каменистая, суровая, неплодородная. Сѣмя часто упадаетъ на камень и уносится вѣтромъ; но, тѣмъ не менѣе, Бьерсонъ безъ устали продолжаетъ сѣять. И многія изъ разбросанныхъ имъ сѣмянъ уже взошли, иныя изъ посеянныхъ имъ деревьевъ дали уже цвѣтъ, а что касается плодовъ, то онъ во время работы думаетъ не объ одномъ только современномъ ему поколѣнii“.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур- нала „Русская Мысль“ съ 1 іюля по 1 августа 1894 г.

- Празднованіе Императорскимъ Казанскимъ университетомъ столѣтней годовщины дня рожденія Н. И. Лобачевского. 1793—1893. Казань, 1894 г.
- Зальвскій, С. И.** Къ вопросу о нормированія пищевого довольствія для присковыхъ рабочихъ. Томскъ, 1894 г.
- Платонова, Надежда.** „Риторика“ Аристотеля. Пер. съ греческаго. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Онацкій, Д. Г.** Учебникъ географіи Россійской имперіи. Кіевъ, 1894 г. Цѣна безъ карты Европ. Россіи 60 к., съ картой 75 к.
- Брамсонъ, К. Л.** Вредныя насѣкомыя и мѣры для борьбы съ ними. (Практическая энтомологія). Изд. 2-е. Ч. I. Екатеринбургъ, 1894 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Цело Іуни. Београд, 1894 г.
- Медицинскій отчетъ по александровской больницѣ въ Москвѣ за 1893 г. Москва, 1894 г.
- Корню, А.** Взаимное соотношеніе явленій статическаго и динамическаго электричества и опредѣленіе электрическихъ единицъ. Пер. съ французскаго И. Пламеневскаго. Къ столѣтію открытія гальваническаго тока. 1794—1894. Тифлисъ, 1894 г. Ц. 30 к.
- Чистяковъ, М. А.,** д-ръ. Кондиломатозный періодъ сифилиса. Продолжительность его теченія и заразительность позднихъ проявленій. Слб., 1894 г.
- Настоящій энциклопедическій словарь. Вып. 84—86. Съ 44 выпуска издается т-ствомъ А. Гранатъ и К^о. М., 1894 г. Цѣна отдѣльнаго выпуска на лучшей бумагѣ 40 к.
- Волкова, А. И.** Призрѣніе покнутыхъ дѣтей. М., 1894 г. Ц. 30 к.
- Спиридоновъ, А.** Географія Россійской имперіи для народныхъ и дру-
- гихъ элементарныхъ училищъ. Съ приложеніемъ картъ Европейской и Азіатской Россіи. Слб., 1894 г. Ц. 28 к.
- Андерсенъ.** Собраніе сочиненій. Въ 4 томахъ. Пер. съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Т. II. Полное собраніе сказокъ, рассказовъ и повѣстей. В. VII. Слб., 1894 г.
- Буринскій, В.,** д-ръ. Научныя развлеченія. Сост. по Гуду, Тиссандье, Леконтю и др. („Полезная Библіотека“). Изд. П. П. Сойкина. Слб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Битнеръ, В.** Первые обитатели Москвы. Рассказъ изъ временъ съдой старины. Съ 18 рис. („Полезная Библіотека“). Изд. П. П. Сойкина. Слб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Песковъ, Ѳ.** Рыболовъ - любитель. (Жизнь, ловля и разведеніе прѣсноводныхъ рыбъ). Общедоступное практическое руководство. Съ 69 рис. („Полезная Библіотека“). Изд. П. П. Сойкина. Слб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Парвиль, Г.** Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ. Пер. подъ редакціей и съ предисловіемъ профессора С.-Петербургскаго университета С. П. Фонъ-Глазенапа. Съ 20 рис. и чертежами. („Полезная Библіотека“). Изд. П. П. Сойкина. Слб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Фигье, Л.** Подъ водою. (Исторія вододлазнаго дѣла и подводнаго плаванія). Пер. подъ редакціей и съ дополненіями Гр. Ф-га. Съ 23 рис. („Полезная Библіотека“). Изд. П. П. Сойкина. Слб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Диллэй, Ф.** Самоучитель фотографіи. Теорія и практика фотографическаго искусства. Пер. подъ редакціей и съ дополненіями В. Буринскаго. Съ 35 рис. („Полезная Библіотека“). Изд. П. П. Сойкина. Слб., 1894 г. Ц. 50 к.

- Ловягинъ, А. Е.** Каталогъ библиотеки Императорскаго человеколюбиваго общества. Спб., 1894 г.
- Якимовъ, А. Н.** Практическое руководство для судебных приставовъ, исполняющихъ ихъ обязанности чиновъ полиціи и взыскателей. Ц. 1 р. 50 к. Дополненіе къ практическому руководству. Ц. 50 к. Уфа, 1894 г.
- Библиотека. Книга III.** Пловдивъ, 1894 г. Рассказы изъ русской исторіи. Спб., 1894 г. Ц. 15 к.
- Зелинскій, В.** Критическій комментарий къ сочиненіямъ Ф. М. Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. Ч. III. „Идиотъ“. — „Бсы“. — „Подростокъ“. — „Рѣчь Ф. М. Достоевскаго объ А. С. Пушкинѣ“. Изд. второе. Москва, 1894 г. Ц. 1 р.
- Селивановскій, И.** Сельско-хозяйственные рассказы. Вятка, 1894 г.
- Отчетъ дирекціи херсонской общественной библиотеки за 1893 г.** Херсонъ, 1894 г.
- Состояніе чистопольскаго обществ. управленія. Отчетъ городской управы. Чистополь, 1894 г.**
- Общій отчетъ елисаветградской уѣздой земской управы за 1893 г.** Елисаветградъ, 1894 г.
- Головкинскій, Н.** Путеводитель по Крыму. Съ 7 картами и 9 рисунками. Изд. шестое В. А. Иванова. Симферополь, 1894 г. Ц. 2 р.
- Гильти, К.** Счастье. Популярныя очерки по нравственной философіи. Перев. съ 4 нѣмецкаго изданія и предисловіе Александра Острогорскаго. 2-е исправленное изданіе. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Тисандье, Гастонъ.** Мученики науки. Съ 34 гравюрами и 24 портретами въ текстѣ. Пер. съ французскаго подъ редакціей Ф. Павленкова. 4-е изд. Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Цѣна 1 р. 25 к.
- Шеллеръ, А. К. (А. Михайловъ).** Полное собраніе сочиненій. Т. IV. Спб., 1894 г.
- Welschinger, Henri.** Aventures de guerre et d'amour du baron de Cormatin. 1794—1812. Paris, 1894.
- Обзоръ народнаго образованія въ Казанскомъ уѣздѣ за 1892—1893 учебный годъ.** Казань, 1894 г.
- Магометъ. Историческій рассказъ.** Изд. харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. Харьковъ, 1894 г.
- В., С. Корка хлѣба.** Съ французскаго. — Рождественская ночь. Рассказъ по Братъ-Гарту. Изд. М. Круковскаго. Спб., 1894 г.
- Ванъ-Дейкъ.** Нашелъ гдѣ не искалъ. Рассказъ. Пер. съ англійскаго. Изд. М. Круковскаго. Спб., 1894 г.
- Корневъ, А. Г. (Ковнеръ).** Около золотого тельца. Повѣсть. Второе исправленное и дополненное изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
- Лидовъ, А. П.,** профессоръ харьковскаго технологическаго института. Руководство къ химическому изслѣдованію жировъ и восковъ. Съ 38 рисунками въ текстѣ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 8 руб.
- Dedekind, Richard.** Непрерывность и иррациональныя числа. Съ нѣмецкаго пер. С. Шатуновскій. Одесса, 1894 г.
- Финансы кручайшихъ русскихъ городовъ.** Москва, 1894 г.
- Рубинштейнъ, С. Ф.** Хронологическій указатель указовъ и правительственныхъ распоряженій по губерніямъ Западной Россіи, Бѣлороссіи и Малороссіи за 240 лѣтъ, съ 1652 по 1892 г. Изданіе неофициальное. Вильна, 1894 г. Ц. 5 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I КНИГА.

	<i>Стр.</i>
Великитригика: „Полное собраніе сочиненій“ И. П. Матвѣева. — „Суета мірская“. И. А. Салова. — „Сквозь дымку смѣха“. Ив. Щелова.	883
Философія, психологія, эстетика и педагогика: „Вопросы Философіи и Психологіи“. — „Введеніе въ философію“. Паульсена. — „Эстетика, какъ наука о прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ“. А. Смирнова. — „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“. Е. Д. Ушинскаго	388
Исторія, исторія литературы и биографія: „Исторія эллинизма“. I. Г. Дройзена. — „Griechische Geschichte, von Adolf Holt“. — „Кудрува“. Л. Ю. Шенелевича. — „Мученики науки“. Гастона Тиссандье	391
Путешествія: „Волга и волгаря“. А. П. Субботина. — „За морскимъ горизонтомъ“. В. Фаусека	898
Политическая экономія и статистика: „La cooperation“, par Louis Bertrand. — „La Grève général et les grèves partielles“, par Conlensouzas. — „Сводъ статистическихъ матеріаловъ, касающихся экономическаго положенія сельскаго населенія Европейской Россіи“. — „Сибирь и великая сибирская дорога“. — „Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности въ Россіи“. — „Статистическій сборникъ свѣдѣній по земельному кредиту въ Россіи“. — „Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи“. — „Очеркъ крестьянскаго хозяйства въ Сибири“. А. А. Кауфмана. — „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Чердынскому уѣзду, Пермской губ.“. — „Очеркъ сельскаго хозяйства въ Приморской области“. Н. А. Броккова.	400
Сельское хозяйство: „Современные вопросы научнаго земледѣлія“. Р. Слезкина. — „Практическіе совѣты по огородничеству“. Е. Аверкиевой. — „Куриное яйцо“. С. Т. Нейштубе. — „Какъ Архипъ разбогатѣлъ“. Вс. Шмановскаго. — „Виноградарство и винодѣліе въ Черноморскомъ округѣ“. Я. Ф. Гейдука. — „Пчелиный воскъ“. Ив. Каблукова и Ил. Антушевича. — „Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ срезвѣй и сѣверной Россіи“. Н. Булатина	414

Медицина: „Исследование гигиенической обстановки народных школъ Кременчугскаго уѣзда“. *А. А. Новицкаго* 417

Учебники: „Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ“. *А. П. Флерова*.—„Грамматика древняго церковно-славянскаго языка“. *Его же*. — „Брошюра о преподаваніи русскаго языка съ церковно-славянскимъ и письменнымъ работы въ младшихъ классахъ учебныхъ заведеній“. *Н. Гіацимтоса*.—„Наша старина“. *Л. М. Шахрал*.—„Записки о гальской войнѣ“. *Гая Юлія Цезаря*.—„Книга упражненій по греческой этимологіи“. *Я. Мора* . . 418

Книги для народнаго чтенія: Изданія с.-петербургскаго комитета грамотности и книжнаго склада *А. Муриновой*. 422

Справочныя книги: „Каталогъ бібліотеки Императорскаго человеколюбиваго общества“. — „Настольный энциклопедическій словарь“. *Изд. товарищ. А. Гранатъ и К^о*. 426

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, *юль*. — „Русское Богатство“, *юль*. — „Міръ Божій“, *юль* 427

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюля по 1 августа 1894 г.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

книжного магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова,
комиссіонера общества любителей русской словесности.

(Москва, уголъ Леонтьевского пер. и Большой Никитской, д. № 2 — 24).

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

- Сенкевичъ, Генрикъ.** Повѣсти и рассказы. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. руб. 80 коп.
- Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.
- Путевые очерки. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
- Бурже, Поль.** Космополисъ. Романъ. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.
- Додэ, Альфонсъ.** Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена). Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- Юнбша, Клеменсъ.** Сивифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.
- Де-Мопассанъ, Гюи.** Наше сердце. романъ. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб.
- Эртель, А. И.** Гарденини, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.
- Въ пользу воскресныхъ школъ.** Сборникъ. Цѣна 1 р.
- Послѣ Пушкина.** Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціей журнала „Русская Мысль“. Цѣна 2 руб., съ пересыл. 2 р. 50 к. Подписчики на журналъ „Русская Мысль“ за пересылку не платятъ.
- Михайловскій, Н. К.** Щедринъ. (Критическій опытъ). Цѣна 1 руб.
- Короленко, Владиміръ.** Очерки и рассказы. (Шестое изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.
- Очерки и рассказы. Книга вторая. Цѣна 1 р. 50 коп. съ пересылкою.
- Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. (Третье изданіе). Цѣна 75 коп. съ пересылкою.

Д-ръ Алексѣевъ, П. С. О пьянствѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: „Для чего люди одурманиваются?“ Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). Нашихъ волей агонія. Романъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Подписчики на „Русскую Мысль“ за пересылку не платятъ.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированные чтенія по культурной исторіи. Выпускъ 1-й: Египетскіе боги. Одобрено ученнымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для учебническихъ старшаго возраста библиотекъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Цѣна 50 коп.

Мачтетъ, Григорій. Силуэты. (Новые повѣсти и рассказы). Томъ второй. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Вогословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к. Подписчики на „Русскую Мысль“ за пересылку не платятъ.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 20 коп.

— Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Народныя изданія редакціи жур- нала „Русская Мысль“.

Что такое водяти и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.

Сенкевичъ, Генрикъ. Янко мурзыванъ. Цѣна 1 коп.

Рассказъ про смутное время на Руси. Цѣна 1 1/2 коп.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Счастье Ивана Непомнящаго. Цѣна 5 коп.

Короленко, В. Г. Убивецъ. Цѣна 1 1/2 коп.

Альгрень. Деньги. Романъ. Пер. со шведскаго. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.

Бенциуль, Альбертъ. Къ вопросу о школьных скамьяхъ. Оффиц. докладъ, съ 22 рис. Пер. А. Федорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.

Боборыкинъ, П. Д. Трудъ. Разсказъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.

Блокъ, Морисъ. Матери великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Дементевой, съ 83 рис. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.

Брайсъ, Джемсъ. Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.

Буассе, Гастонъ. Римская религія отъ Августа до Августина. Перев. М. Корсака. Ц. 5 р. М., 1878 г.

— Цидеронъ и его друзья. Пер. М. Корсака. Ц. 2 р. М., 1880 г.

— Паденіе атичества. Пер. подъ ред. и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р. М., 1892 г.

Бэръ, Адольфъ. Исторія всемірной торговли. Пер. Э. Циммермана. М. 1876 г., 3 части, цѣна за вѣкъ 7 руб. 50 к.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. 1. Переводъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 3. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 92. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 7. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 94. Т. 8. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1888 г. Т. 11. Пер. Андреева. Ц. 5 руб. 50 коп. М. 1889 г. Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер. Циммермана. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 2-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.

Вегетарианская кухня. Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ, хлѣбовъ и напитковъ для безубойнаго питанія, съ вступительною статьей о значеніи вегетарианства. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 70 к.

Вегеле, Францъ. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселскаго. Ц. 3 р. М., 1881 г.

Зейсъ, Германъ. Вѣданный бытъ народовъ съ древѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я и часть 2-я. Москва, 1879 г. По 4 р. за каждую часть.

Викторовъ, П. Ученіе о личности,

какъ нервно-психическомъ организмѣ, вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.

Гаймъ, Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. Ц. 5 р. и Т. II. Ц. 5 р. М., 1888 г.

— Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.

Гартманъ, Эдуардъ. Сущность мирового процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М. 1875 г.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. 1. Пер. А. Пилина и А. Плещеева. Ц. 2 руб. М., 1872 г.

Гиббонъ, Эдуардъ. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г.; часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г. Часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.

Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсака. Ц. 4 р. М., 1881 г.

Гарейсъ, Карлъ. Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вѣсельнаго и морского права. Съ четвертаго, вновь переработаннаго и значительно измененнаго нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржодковскій, товар. предсѣд. московскаго коммерческаго суда, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Пересова. Выпускъ первый. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.

Гаринъ, Н. Дѣтство Тѣмъ. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.

Гнейстъ, Рудольфъ. Исторія государствамъ, учрежд. въ Англіи. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.

Громека, М. С. о Л. Н. Толстомъ. Критическій вступъ во второе издание романа „Анна Каренина“. Изд. второе, дополненное двумя главами, впервые появившимися въ печати. Москва, 1894 г. Ц. 80 к.

Гротъ, Н. Я. Основные моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.

Горнъ, Винкель. Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М. 1894 г.

Грегуаръ, Л. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучицкаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 98 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 94 г.

Гринъ, Джонъ. Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М. 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М. 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М. 92. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 92 г.

Гюббаръ, Гюставъ. История современнаго литературнаго въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Дощельмайера. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Дройзенъ, И. Г. История административнаго. Пер. М. Шелгунова. Т. I, ч. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, ч. 3 руб. М., 1898 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1898 г.

Доброе дѣло. Сборникъ повѣстей и рассказовъ К. Баранцевича, А. Вариковой, Н. Гарина, П. Засодимского, В. Короленки, Н. Лескова, Д. Маммина-Сибиряка, Н. Минского, И. Потапенка, Н. Рубакина, А. Стерни, С. Филиппова. Москва, 1894 г. Ц. 90 к.

Де-Мопассанъ, Гюи. Монтъ-Ориоль. Москва, 1894 г. Ц. 70 коп.

Забѣликъ, И. Кузнецовъ и древній Сѣверскій ставъ. М., 1878 г. Ц. 2 р.

Зиберъ, Н. И. Очерки первоначальной экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1888 г.

Игерингъ, Рудольфъ. Борба за право. Пер. Волкова. Ц. 75 к. М., 1874 г.

Ингрэмъ, Джонъ. История политической экономіи. Пер. под редакціей Янжула. Ц. 1 р. 50 к. М. 1891 г.

Каррьеръ, Морицъ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалъ человѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ч. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ч. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ч. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ч. 4 р. Москва, 1874 г.

Квикъ. Реформаторы воспитанія. Перев. и передѣлка В. Перцовой. Москва, 1898 г. Ц. 2 р.

Корсакъ, Марія. Первоначальные уроки русской грамматики. Ц. 60 коп. М., 1878 г.

Кингсфордъ, Анна, докт. мед. Научныя основанія вегетарианства. Пер. съ англ. Москва, 1898 г. Ц. 80 коп.

Колombo, маркиза. Красавица. Рассказъ. Перев. съ итальян. Москва, 1894 г. Ц. 35 коп.

Короленко, В. Г. Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 85 к.

Куглеръ, Францъ. Руководство къ исторіи искусства, обработан. Любке. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунками въ текстѣ, ч. 5 р. М. 1869 г.; т. II, ч. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.

— Руководство къ исторіи живописи со времени Константина Великаго. Перев. И. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.

Куно - Фишеръ. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Расадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.

Курциусъ, Эрнстъ. Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1888 г. Т. III, пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1880 г.

Лавель, Эмиль. Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.

Материалы для биографіи Добролюбова, собран. въ 1861—1862 гг. Т. I. Ц. 2 р. М., 1890 г.

Лампрехтъ, Карлъ. История германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (части I и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.

Леббокъ, Дж. Красота природы и чудеса міра. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 полт. Ц. 1 р. 50 к. М., 1898 г.

Луговой, А. Добей его! (Poilice venzo). Параллели. Москва, 1898 г. Ц. 50 к.

Левитовъ Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 84.

Лессингъ, Г. Е. Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Расадина. Ц. 3 р. М., 1888 г.

Лотце, Германъ. Микроковъ (мысли о естественной и бытовомъ исторіи человѣка, опытъ антропологии). Пер. Е. Корша. Часть I. Ц. 2 р. М. 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М. 67 г.

Любке, Вильгельмъ. История пластики съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Чаева, съ 281 рис. въ текстѣ. Ц. 6 р. М. 1870 г.

Магаффи, Дж. История классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (повѣя). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1888 г.

Мазуринъ, К., и Высоцкий, В. Формулы по ариметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. Москва, 1887 г. Ц. 50 к.

Макарова, С. Отголоски стариннаго. Историческіе рассказы для дѣтей. Москва, 1894 г. Ц. въ папка 1 р., въ колѣноровомъ переплетѣ 1 р. 30 к.

Мартъ, Констанъ. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсакъ. Ц. 2 р. М. 1879 г.

Мауреръ, Людвигъ. Введеніе въ исторію общинаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корша. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.

Милюковъ, П. Н. Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Ц. 8 р. 50 к.

— Спорные вопросы фискальной исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Момсенъ, Э. Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, ч. 6 р. М., 1887 г. Т. II и III, ч. 7 р. М., 1887 г. Т. V, ч. 3 р. 50 к. М., 1885 г.

- Морлей, Джонъ.** Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 коп. М., 1881 г.
- Дядро и энциклопедисти. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1882 г.
- Немировичъ-Данченко, Вас. И.** На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1898 г. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.
- Большое сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.
- Нефедовъ, Ф. Д.** Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М. 94 г.
- Николаевъ, П.** Активный прогрессъ и экономическій материализмъ. Соціологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.
- Наединъ.** Сборникъ переводныхъ повѣстей, рассказовъ и стихотвореній Матильды Серрао, Альфонса Додэ, Бьернсонъ - Бьернстерна, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана, Уйда, Поля Маргеритъ, Франсуа Коппа, Пьера Лоти, Жана Ришпена, Поля Бурже. Москва, 1894 г. Ц. 70 коп.
- Ольденбергъ, Германъ.** Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.
- Острогорскій, Викторъ.** Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.
- Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихся и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Изъ міра великихъ преданій. Рассказы для юношества. Изд. 5-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р.
- Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской лѣсны А. В. Кольцовъ. Москва, 1898 г. Ц. 50 к.
- Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Оржешко, Элиза.** Деварка. Повѣсть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.
- Парксъ, Генрихъ.** 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.
- Паульсенъ, Фр.** Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. Изд. редакціи журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“. М. 1894 г. Ц. 3 р.
- Пешель, Оскаръ.** Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1886 г.
- Покровскій, Е. А.** Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.
- Покровскій, Е. А., д-ръ.** Площадка для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.
- Русскія дѣтскія подвижныя игры. Москва, 1892 г. Ц. 75 к.
- Полонскій, Я. П.** На закатѣ. Стихотворенія. М., 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Рембольдтъ, д-ръ.** Школьная гигиена. Пер. съ нѣмецкаго д-ра И. М. Рахманнинова. Москва, 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Рибо, Т.** Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Бобормяна. М., 1881 г. Ц. 2 р.
- Риль, А.** Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 руб. М., 1888 г.
- Саади-Ширази.** Гулистанъ, „Дѣтныя розы“. Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.
- Соважо, Давидъ.** Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. Ц. 2 р. М., 1891 г.
- Столповская, Анна.** Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.
- Сиповскій, В. Д.** Сократъ и его время. Историческій очеркъ. П. Короленко, В. Г. Тѣнн. (Фантазія). Москва, 1894 г. Ц. 85 коп.
- Станюковичъ, Безшабашный.** (Изъ современныхъ нравовъ). Рассказъ. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.
- Страбонъ.** Географія (въ 17 кн. въ 1 томѣ). Пер. съ греч. Э. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г.
- Стернъ, А. В.** Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.
- Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Повѣсть. Москва, 1898 г. Ц. 80 коп.
- Суриковъ, И. З.** Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
- Тѣнь, Г. Титъ Ливій,** критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щелкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.
- Тикноръ.** Исторія испанской литературы. Пер. Н. И. Стороженко. Т. I. Ц. 3 р. М. 83 г. Т. II. Ц. 3 р. М. 86 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М. 91.
- Тихомировъ, Д. И.** Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособие для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. Москва, 1889 г. Ц. 20 к.
- Алфуба правописанія. Ч. I. Сборникъ для дѣтской примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орфографическаго указателя. Семнадцатое изданіе. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для дѣтской примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковь препинанія. Девятое изданіе. Ц. 40 в. М., 1892 г.
- Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. Москва, 1892 г. Ц. 1 р.

- Тихомировъ, Д. И.** Азбука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. Москва, 1892 г. Ц. 6 к.
- Какъ жить по слову Божию? Русскій сборникъ статей и нареченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завета. Москва, 1892 г. Ц. 5 к.
- Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и арифметикѣ. Изд. 2-е. Москва, 1893 г. Ц. 30 к.
- Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихся по букварю. Изд. 12-е. Москва, 1893 г. Ц. 40 к.
- Изъ исторіи родной земли. Очерки и рассказы для школы и народа. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. Москва, 1893 г.
- Чему и какъ учить на урокахъ родного языка въ начальной школѣ. Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому наложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей подготовительной и народной школы. Изд. 3-е. Москва, 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двухклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. Москва, 1894 г.
- Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двухклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.
- Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. Москва, 1894 г. Ц. 15 к.
- Тихомировъ, Д., и Зенгбушъ, И.** Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. Москва, 1894 г. Ц. 30 к.
- Народныя русскія сказки и загадки. Собрани сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. Москва, 1892 г. Ц. въ накѣ 1 р.
- Сказка про люсу да про волка. Москва, 1892 г. Ц. 25 к.
- Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е.** Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.
- Токвилль, Алексисъ.** Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. Москва, 1893 г.
- Тренделенбургъ, Адольфъ.** Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, ц. 2 р.; ч. II, ц. 2 р. М., 1868 г.
- Тьюкъ, Жекъ:** Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Витторова. Москва, 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Уильямсъ, Х.** Этника пицци или нравственные основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статьей Л. Н. Толстого „Первая ступень“. Москва, 1893 г. Ц. 2 руб.
- Файфъ, Ч. А.** Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.
- Фарраръ, Ф. В.** Жизнь Иисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ф. М. Матвѣева. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Въ 2-хъ частяхъ. Москва, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.
- Дѣтское Чтеніе. XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голяковский. Спб., 1894 г.
- Финлей, Георгъ.** Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. Софьи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.
- Фиске, Джонъ.** Открытіе Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 92. Т. II. Ц. 2 р. М., 93 г.
- Фойгтъ, Георгъ.** Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Разсадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 84 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 85 г.
- Фонвизинъ, С.** Конецъ дневника. Рассказъ. 1894 г. Ц. 30 к.
- Фрикентъ.** Римскіе катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.
- Фрикентъ, А.** Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г.
- Фриманъ, Эдуардъ.** Историческая географія Европы. Пер. подъ редакц. профес. И. К. Лучицкаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 92 г.
- Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М. 1893 г.
- Фуллеръ, Альфонсъ.** Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.
- Чеховъ, Ант. П.** Жена. Рассказъ. Москва, 1894 г. Ц. 25 к.
- Именныи. Рассказъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.
- Палата № 6. Рассказъ. Москва, 1893 г. Ц. 35 коп.

Шаховъ, А. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекціи по исторіи французской литературы, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Гёте и его время. Лекціи по исторіи нѣмецкой литературы XVIII вѣка. Сиб., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.
Шекспиръ. Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 р.; ц. 9 ч. 2 р. М., 1862 г.
Шмидтъ, Карлъ. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической смя-

зи съ культурною жизнью народовъ. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 руб. М., 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1890 г.; т. IV, двѣ части, цѣна имъ 7 р. М. 1891 г.
Шольцъ, Фридрихъ. Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Л. Свенцовича. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Ш., Л. Невольное зло. Рассказъ. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.
Щепкина, А. В. Родныя мѣста. Читаніе для дѣтей. Изд. 2-е. Москва, 1882 г. Ц. 1 р.
Эртель, А. И. Двѣ пары. Повесть. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ
Н. ФЕНУ И К^о

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ КНИГИ:

- Александровъ, А.** Что можно дѣлать съ виноградными сусликомъ и виномъ, чего нельзя. 1894 г. Ц. 80 к.
- Баженовъ, Н.** Учебникъ русской исторіи. Изданіе 4-е. 1894 г. Ц. 50 к.
- Вичера-Стоу, Гарриетъ.** Жизнь дяди Тома или жизнь среди рабовъ. Изд. 2-е. Съ 46 картинками. 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Вурже, Поль.** Мучительная загадка. Съ иллюстраціями. 1894 г. Ц. 80 к.
- Визинковъ, Ш. П.** Петергофъ. Фотографіи. 1894 г. Ц. 5 р.
- Головинскій, Н.** (быв. Соколовской). Путеводитель по Крыму. Изданіе 6-е. Съ 7 картинъ и 9 рисунками. 1894 г. Ц. 2 р.
- Гротъ, Н. Я.** Основные моменты въ развитіи новой философіи. 1894 г. Ц. 60 к.
- Гудлеръ, Сара.** Дѣти. Рассказы не для дѣтей („Моя бібліотека“). 1894 г. Ц. 40 к.
- Данте-Алигieri.** Обновленная жизнь. Переводъ стихами съ итальянскаго. 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Евсеевъ, Н. Е.** Обученіе искусству письма съ гигиенической точки зрѣнія. Съ 11 рисунками. 1894 г. Ц. 25 к.
- Жадовская, Ю. В.** Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ томахъ. 1894 г. Ц. 6 р.
- Жаколю, Луи.** Грабители морей. Съ 70 рисунками. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Воль, Фрицъ.** Лурдъ. Романъ. 1894 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Изаксъ, Іоаннъ.** Добро и зло въ исторіи рода человѣческаго по свидѣтельству св. Писанія. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Изаксъ, Іоаннъ.** О значеніе храма и обряда въ области вѣры и религіи Христовой. 1894 г. Ц. 50 к.
- Изаксъ, Іоаннъ.** Страданія Господа Нашего Иисуса Христа отъ Геесиманія до Голгоемъ. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Истинная любовь.** Вмѣ (Посвящается ба-ришнямъ). 1894 г. Ц. 80 к.
- Карповъ, И. И.** Руководство къ изученію практической фотографіи для начинающихъ и любителей. Изд. 5-е. Съ рисунками въ текстѣ. 1894 г. Ц. 2 р.
- Маракутъ, В. Н.** Сельскій огорождъ, пло-довый и ягодный садъ. 1894 г. Ц. 80 к.
- Мяткевъ.** Полное собраніе сочиненій. 3 т. Изданіе иллюстрированное. 1894 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Мюссе, Альфредъ.** Сынъ Титана. Историческій романъ. 1894 г. Ц. 50 к.
- Натвва-Саастри.** Палъ принцессомъ. Романъ изъ индійскихъ нравовъ. 1894 г. Ц. 50 коп.
- Науковичъ, с. Іоаннъ.** Забѣтыя три дни („Приходская бібліотека“). Историческая повѣсть для народа. 1894 г. Ц. 20 коп.
- Науковичъ, с. Іоаннъ.** Сироти („Приходская бібліотека“). Историческая повѣсть для народа. 1894 г. Ц. 20 к.
- Науковъ, Я.** Краткій учебникъ анатоміи и физиологіи человѣка. Съ 78 рисунками. Изд. 2-е. 1894 г. Ц. 85 к.
- Николаевъ, Ю.** Тургеневъ. Критическій этюдъ. 1894 г. Ц. 1 р.
- Некрасовичъ-Дактеко, Вас.** Воскресшія бы-ли. (Очерки, рассказы, міражи). 1894 г. Ц. 1 р.
- Никитина, С. А.** Кройка и шитье необходи-маго бѣлья и платья. Съ атласомъ изъ 4 листовъ чертежей. 1894 г. Ц. 60 к.
- Ожеговъ, А.** Народная поэзія. Былинъ. Пѣсенъ. Духовные стихи. Съ введеніемъ и объяснительнымъ словаремъ. 1894 г. Ц. 80 коп.
- Поддубскій, Н.** Русская земля. (Природа страны, населеніе и его промыслы). Сборникъ для народнаго чтенія. Сѣвер-ный край. 1894 г. Ц. 80 к.
- Положеніе о видахъ на жителство съ оглавленіемъ и азбучнымъ указателемъ.** 1895 г. Ц. 20 к.
- Редъ, Ф.** Вопрсы жизни. Романъ. 1894 г. Ц. 80 к.
- Субботскій, А.** Волга и волгаря. Путевые очерки. Т. I. Верхія Волга. 1894 г. Ц. 1 руб.
- Телъ, Ипполитъ.** Вальвахъ. Этюдъ. „Евро-пейская бібліотека“, № 5. 1894 г. Ц. 30 к.

Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ—съ нало-женнымъ платежомъ.

Вышла июльская (№ 39) книжка журнала

„АРТИСТЪ“

Содержание: *Объ искусство и любители*—рѣчь Н. Н. Ге. *Рѣшеніе*, пов. Л. Ф. Нелидовой. *Комедіи Гоцола въ отзвукъ критики и на сценѣ*, ст. В. И. Шенрока. *Одичъ*, ром. И. Н. Поталенно. *Традиціи и свобода въ искусство*, гл.

изъ „Исторіи живописи XIX в.“ Р. Мутера. *У моря*, пов. Г. Мачета. *Автобиографія и письма А. С. Даргомыжскаго. Французскій театръ за послѣднія двадцать лѣтъ*, ст. И. И. Изъ актерскихъ скитаній, разск. Н. Бекларевича. „*Крейслеріана*“, *Гобмана*, пер. А. Страхова. *Эженъ Сю*, Э. Легуве. *Стихотвореніе*, Е. Г.—скаго. *Молодой де-Гри* изъ оп. Пуччини. „*Манюль Леско*“. *Литературное обозрѣніе*. *Замѣтки читателя*. И. И. Иванова. *Биографія. Современное обозрѣніе. Хроника. Алф. списокъ драм. сочиненій*, дозволен. къ представленію въ юнь 1894 г. *Невидимка*, ком. въ 3 д. Кальдерона. Три фототипы: „*Я приговоръ твой жду*“, карт. М. Шенникъ, фот. Шерера и Набокова. „*Маякъ*“—рис. каранда. О. А. Лагоды-Шимкиной—фот. тип. И. Н. Кушнерова и К^о, и А. П. Круткова—фот. К. Фишера.

Вышелъ № 39 (юль) журн. „ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА“. Содержание: *Разбитыя иллюзи*, др. въ 5 д. Н. В. Назанцева. *Молнія ударила*, карт. въ 1 д. М. Шимкивичъ. *Золотые проказники*, фарсъ въ 1 д. В. И. Бябина. *Чѣя это шляпка, сударыня?* карт. въ 1 д. И. И. Мясническаго. *На подмосткахъ*, ст. Альбера Ламбера, пер. съ франц. Н. Э. (Прод.). *Хроника и корреспонденціи. Алф. списокъ драм. сочиненій*, дозволен. къ представленію въ май 1894 г. *Справочный отдѣлъ.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ.

	Безъ дост.	Съ перес.	За границу.
На журн. „Артистъ“	10 р.	12 р.	14 р.
На журн. „Театр. Библиотека“	7 р.	8 р.	8 р.
На оба журнала вмѣстѣ	13 р.	16 р.	18 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗРОЧКА: при подпискѣ на одинъ журналъ—2 руб. и затѣмъ ежемѣсячно до полной уплаты всей подписной суммы, а при подпискѣ на оба по 1 руб. журнала вмѣстѣ 3 руб. и затѣмъ ежемѣсячно по 2 р. до полной уплаты всей подписной суммы.

Отдѣльные №№ „Артиста“ по 2 р., „Театр. Библиотеки“ по 1 р. съ перес. Редакція и гл. контора журн. „Артистъ“—у Арбатскихъ вор., д. Шимдтъ. Отдѣленіе конторы и книжн. магаз. журн. „Артистъ“ и редакція и контора журн. „Театральная Библиотека“—Страстной бульв., д. Адельгеймъ.

10 ЮЛЯ ВЫШЕЛЪ № 7 ЖУРНАЛА

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

СОДЕРЖАНИЕ: 1) „*Gaudeamus igitur*“. Разсказъ. *Евгенія Чурикова*. 2) „*Очерки народнаго юридическаго быта Алтайскаго горнаго округа*“. С. Л. *Чудовскаго*. 3) „*Друзья*“. Романъ. А. С. *Шабельской*. 4) „*Проповѣдникъ релігіозной терпимости въ XVI вѣкѣ*“. Очеркъ общественныхъ и литературныхъ нравовъ въ XIV в.“ И. В. *Лучинскаго*. 5) „*Черты изъ жизни Пепко*“. Очерки. Д. *Мамина-Сибиряка*. 6) „*Современная женщина и ея положеніе въ Западной Европѣ и въ Америкѣ*“. В. Ф. *Брандта*. 7) „*Веселый паренъ*“, пер. съ норв. В. *Мосоловой*. Крестьянская повѣсть. *Бьернтерне-Бьернсона*. 8) „*Стансы, написанные по случаю оставленія Англіи*“. Изъ Байрона. Д. *Михайловскаго*. 9) „*Задачи экономической политики въ области сельско-хозяйственнаго производства*“. А. *Блѣвскаго*. 10) „*Заповѣданія свѣдѣнія и письма о голодѣ 1891—92 гг.*“. I. Изъ Казанской губерніи. Н. *Рубакина*. II. „*Отрывокъ изъ путевыхъ впечатлѣній добровольца*“. М. *Извова*. III. „*Помощь петербургскаго комитета грамотности ученикамъ народныхъ школъ*“. И. Г. 11) Новая книга. 12) „*Литература и жизнь*“. Н. К. *Михайловскаго*. 13) Хроника заграничной жизни. В. Т. 14) Хроника внутренней жизни. С. Н. *Южакова*. 15) „*Къ вопросу о нуждахъ народнои промышленности*“. С. Н. *Кривенко*. 16) Письмо въ редакцію. А. А. *Кауфмана*. 17) Объявленія.

Продолжается приемъ подписки на 1894 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и пересылкой 9 руб.,

безъ доставки 8 руб., за границу 12 руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Бассейная, № 10.

Издательницы: Н. Михайловская, О. Н. Попова.

Редакторы: П. Быковъ, С. Поповъ.

1-го АВГУСТА ВЫШЛА И РАЗДАЕТСЯ VIII-я КНИЖКА ЖУРНАЛА

„СЪВЕРНЫЙ ВЪСТНИКЪ“

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. I. „Планы моря“. О. Петерсона.—II. „Связка писемъ А. И. Герцена 1838—1840 гт.“. Е. Некрасовой.—III. „У Макарья“. Стихотвореніе В. Уманова-Катлуновскаго.—IV. „Современная Ниобія“. Романъ Иоанаса Ли. Переводъ съ латскаго Фирсова.—V. „Жоржъ Зандъ“. Глава изъ исторіи новаго французскаго романа. Очеркъ I. П. Вейберна.—VI. „Негодование“. Стихотвореніе. Ф. Солонуба.—VII. „На равныхъ дорогахъ“. (Романъ въ 3-хъ частяхъ). Часть третья. Гл. I—III. Вас. Немировича-Данченко.—VIII. „Старый садъ“. Изъ посмертныхъ стихотвореній П. Свободина.—IX. „Мечеть великаго калифа“. Изъ путевого альбома русскаго туриста. Б. Корженевскаго.—X. „Надъ угрюмой далью глѣса“. Стихотвореніе Н. Соколова.—XI. „Семейство Полавецкихъ“. Романъ. Часть вторая. Генрича Семеновича. (Переводъ съ польскаго. М. Кривошеина).—XII. „Записки А. О. Смирновой“. (Изъ записныхъ книжекъ 1826—1845 гт.). Письмо о заграничномъ путешествіи Гоголя.—Пушкинъ въ роли управляющаго.—Пушкинъ о Бейлѣ, Наполеонѣ и французскаго буржуазіи.—Разговоръ о музыкѣ и воспоминанія Н. Смирнова.—XIII. „Женитьба Кабуца“. Рассказъ Г. Омдена.—Переводъ съ нѣмецкаго Э. Р.—XIV. ВНѢШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НАРОДА. Народныя библиотеки и музеи, народныя чтенія, дѣятельность общества по народному образованію въ Россіи и въ другихъ странахъ. Ф. Ч.—XV. „Гомочья“. Повесть В. Дмитриевой.—ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ. I. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ. Отвѣтъ „Русскому Обзорнію“ и „Московскимъ Вѣдомостямъ“.—Почему „Съверный Вѣстникъ“ примыкаетъ къ либеральному лагерю? и почему нѣкоторые либеральные органы ведутъ противъ него полемику.—„Новороссійскій Телеграфъ“ о современныхъ журналистахъ.—Г-жа Жалиховская о Казимірѣ великомъ.—„Прибалтійскій Листокъ“ и „Московскія Вѣдомости“ объ эстонскихъ правдствцахъ въ Юрьевѣ.—Человѣкъ ищетъ гдѣ лучше. Л. Прозорова.—II. ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ. „Общественная борьба противъ вудизъ и безработицы въ Соединенныхъ Штатахъ“. В. Макъ-Гаганъ.—III. ПИСЬМО ИЗЪ АНТВЕРПЕНА. Международны конгрессъ журналистовъ. Н. Э—съ.—IV. „Легкое разрѣшеніе трудныхъ задачъ“. М. Петрова.—V. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ. А) „Критика“. А. И. Смирновъ. Эстетика, какъ наука о прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ.—В. Шербилье. Искусство и природа.—William Knight. The Philosophy of the Beautiful.—Esther Wood. Dautе Rossetti, and the pre-raphaelite movement.—Б) „Библиографія“. I. Литература. II. Общественныя науки. III. Естественныя и медицинскія. IV. Педагогія и дѣтскія книги. VI. ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ. Анархизмъ передъ судомъ науки.—Е. А. Варатынскій.—Гр. Л. Толстой о Гюи-де-Мопассанѣ.—Сенсационный романъ.—VII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Льготы по образованію при отбываніи воинской повинности.—Законъ о ссудахъ дворянскаго банка на покупку имѣній въ Западномъ краѣ.—Преобразование государственнаго банка.—Обложене акціономъ виноградныхъ винь.—Еще о литературной конвенціи.—VIII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. Бесѣды болгарскихъ дѣятелей съ корреспондентомъ русской газеты.—„Греческій прожектъ“.—Законъ объ анархистахъ и закрытіе сессіи французскихъ палатъ.—Рабочіе союзы и анти-Пулльмонскій стройкъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Л. Полонскою.—IX. КНИГИ, поступившія въ редакцію для отзыва.—X. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Условія подписки на 1894 г.	По полугодіямъ.		По четвертямъ года.			
	Январь.	Іюль.	Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Окт.
Безъ доставки въ Спб. На годъ.	12 р.—к.	6 р.—к.	3 р.—к.	3 р.—к.	3 р.—к.	3 р.—к.
въ конторѣ журнала .	12 „ 50 „	6 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „
Съ доставкой въ Спб. .	12 „ 50 „	6 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „
Съ перес. въ Имперіи... .	13 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	4 „ 50 „	4 „ 50 „	4 „ 50 „
За границей	15 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „

Подписка на всѣ означенные сроки. Разрѣшена платежей. Служащіе могутъ вносить помесячно за ругачъ. казначевъ.

Подписка принимается: въ главн. конторѣ, Спб., Троицкая, № 9, и въ москвск. отдѣлѣ, Тверская, домъ Сазикова, въ Спб., въ книжн. маг. Фену, въ Москвѣ, въ конт. Н. Печковской, во всѣхъ кн. маг. Карбасникова, „Нов. Временя и др.

Съ 1-го декабря 1893 года открыто отдѣленіе редакціи и конторы „Сѣв. Вѣстн.“ въ г. Москвѣ, по Тверской, д. Сазикова.

Издательница Л. Я. Гуревичъ.

Редакторъ М. Н. Альбовъ.

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской ул., д. № 2 — 24) принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книжкахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Расчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, прикладываемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лота вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы между собой или вброшюровываться въ журналъ.

4) Объявленія помѣщаются въ журналъ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг., цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 гг. за 1 экз. по 6 руб., 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные годы вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

**UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
BERKELEY**

**Return to desk from which borrowed.
This book is DUE on the last date stamped below.**

24 Oct '52 VW
MAR 2 1953 LU
LIBRARY USE MAR 31 '86

SEP 24 2002

LD 21-95m-11, '50 (2877s16) 476